

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СЕДЬМЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Катковъ и К^о).

1866.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 26 дня 1866 года.

Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.^(*)

Г Л А В А XII.

Присоединеніе южно-русскихъ княжествъ къ Литвѣ. — Ольгердъ, в. к. Литовскій. — Литовскіе мученики. — В. к. Симеонъ. — Подвигъ св. Феогноста въ Ордѣ. — Начало дѣятельности св. Алексія. — Кончина св. Феогноста и великаго князя Симеона Гордаго. — В. к. Іоаннъ Іоанновичъ. — Св. Алексій, митрополитъ всея Руси. — Юность и первые подвиги преп. Сергія Радонежскаго. — Исцѣленіе Тайдулы. — В. к. Димитрій Суздальскій. — Основаніе монастырей св. Алексіемъ. — Юный Димитрій Іоанновичъ на великомъ княженіи. — Конецъ борьбы между Москвою и Тверью. — Преставленіе св. Алексія. — Памятники пастырской его дѣятельности. — Куликовская битва. — Кончина Донскаго. — Сынъ его в. к. Василій Димитріевичъ. — Явленіе Богоматери преп. Сергію. — Преставленіе преп. Сергія.

Въ первой половинѣ XIII вѣка окончательно рушились княженія Русскія въ Галицкой и Волынской земляхъ. Послѣдній князь Галицкій, Георгій Юрьевичъ, умеръ бездѣтнымъ, и ханъ Золотой орды, считая себя верховнымъ властителемъ земель русскихъ, прислалъ въ Галицію своихъ намѣстниковъ; но жители убили ихъ и поддались сначала Болеславу, зятю Гедимина, а потомъ, когда онъ вздумалъ обращать ихъ изъ пра-

(*) См. предшествующія книжки.

вославія въ папизмъ, присягнули на вѣрность свояку его Казиміру, который, сдѣлавшись королемъ Галицкимъ, заключилъ мирный договоръ съ Литвою и уступилъ часть новыхъ своихъ владѣній сыновьямъ Гедимина. Такъ уничтожилось знаменитое княжество или королевство Данила Романовича и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ св. Владиміра, было раздѣлено между иноплеменниками.

Около того же времени скончался Гедиминъ; въ Вильнѣ, новой столицѣ Литовской, было уже много христіанъ православныхъ, а папизмъ еще не проникалъ туда. Почти всѣ сыновья Гедимина были крещены въ православной вѣрѣ. Одинъ только Ольгердъ, съ 1341 до 1377 великій князь Литовскій, долго и упорно оставался язычникомъ (*).

Ольгердъ, второй сынъ Гедимина, превосходилъ братьевъ умомъ и славолубіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ,

(а) Сыновья Гедимина почти всѣ были христіанами: Коріать-Михаилъ построилъ храмъ св. Николая близъ Новаградка; Наримундъ въ крещеніи назывался Глѣбомъ; Любартъ-Димитрій (можетъ быть Владиміръ), князь Волынской, былъ всегда ревностнымъ сыномъ православной Церкви; Явнугъ-Іоаннъ въ 1345 году крестился въ Москвѣ; Кейстутъ, кажется, умеръ язычникомъ. Самъ Ольгердъ-Александръ еще при жизни отца крещенъ въ православіе, и оставался христіаниномъ по расчетамъ житейскимъ, чтобы получить Витебское княжество съ рукою княжны Маріи Витебской. По смерти ея онъ снова сдѣлался язычникомъ и гонителемъ христіанъ.

былъ занятъ единственно мыслию о распространеніи своихъ владѣній, не чтилъ святости договоровъ и былъ всегда готовъ на войну съ сосѣдями, если только она казалась ему выгодною.

Духовникъ первой супруги его, священникъ Несторъ, успѣлъ обратить къ христіанству нѣсколькихъ Литовцевъ и въ томъ числѣ двухъ родныхъ братьевъ — любимцевъ Ольгерда. Кумецъ и Нежило (въ крещеніи Іоаннъ и'Антоній) перестали являться въ храмъ Перкуна для принесенія жертвъ Зничу (огню) ^(б) и соблюдали постъ въ извѣстные дни. Это открыло ихъ вѣру жрецамъ. Ольгердъ, по настоянію жрецовъ, приказалъ бросить въ темницу обоихъ братьевъ. Тамъ провели они цѣлый годъ, томимые голодомъ и сыростью темницы, но оставались тверды въ вѣрѣ. На другой годъ старшій братъ Іоаннъ ослабѣлъ и объявилъ жрецамъ Знича, что отрекается отъ христіанства. Тогда Ольгердъ освободилъ обоихъ братьевъ. Но Антоній не переставалъ быть твердымъ христіаниномъ, и даже братъ его Кумецъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, открыто объявилъ князю, что онъ не хочетъ измѣнить святой вѣрѣ и остается христіаниномъ. Свирѣпый язычникъ рѣшился отдать Іоанна и Антонія въ распоряженіе жрецовъ. Послѣ безчисленныхъ звѣрскихъ истязаній, Антоній, 14 апрѣля 1347 года, былъ повѣшенъ на дубѣ. Іоанна мучили долѣе, потому что

(б) Храмъ Перкуна стоялъ въ дубовой рошѣ, тамъ гдѣ теперь Виленскій кафедральный костелъ.

надѣялись снова отвлечь его отъ христіанства; наконецъ, 24 апрѣля, жрецы повѣсили его на томъ же дубѣ.

Родственникъ мучениковъ Круглецъ, также придворный Ольгерда, умный и прекрасный юноша, пораженный твердостію страдальцевъ, принялъ крещеніе съ именемъ Евстафія и признался въ томъ самому Ольгерду, отказавшись ѣсть мясо въ Рождественскій постъ. Пришедши въ ярость, Ольгердъ принялся мучить Евстафія, велѣлъ лить ему въ ротъ холодную воду при жестокомъ морозѣ, ломать ноги желѣзными прутьями и содрать кожу съ головы вмѣстѣ съ волосами. Мученикъ терпѣлъ и еще утѣшалъ христіанъ, свидѣтелей его подвига, надеждою на блаженную вѣчность. Наконецъ св. страдалецъ былъ повѣшенъ, 13 декабря, на томъ самомъ дубѣ, который освященъ мученическою смертію Іоанна и Антонія (*).

«Кровь мучениковъ — сѣмя христіанства», по выраженію одного изъ древнихъ писателей цер-

(в) Мощи мучениковъ Литовскихъ были погребены у церкви св. Николая въ Вильнѣ. Въ 1364 году св. Митрополитъ Алексій, по сношеніи съ Цареградскимъ патріархомъ Филоеемъ, включилъ Литовскихъ мучениковъ въ число святыхъ, и установилъ правдновать память ихъ 14 Апрѣля. Мощи мучениковъ въ 1826 году были свидѣтельствованы, по распоряженію св. Синода, въ Виленскомъ Святодуховомъ монастырѣ, куда онѣ были укрыты отъ насилій Уніи и Папизма. Нынѣ онѣ почиваютъ открыто въ церкви, посвященной имъ въ 1851 году, и устроенной въ склепѣ подъ алтаремъ соборнаго храма Святодуховской обители.

ковныхъ (г). Примѣръ страданій мучениковъ литовскихъ привлекъ многихъ язычниковъ къ истинной вѣрѣ.

Между тѣмъ какъ эти событія происходили въ Литвѣ, престолъ великаго княженія, по кончинѣ Іоанна Даниловича Калиты, былъ занятъ старшимъ сыномъ Симеономъ, съ утвержденія хана Узбека. Новый великій князь, при самомъ вступленіи на престолъ, показалъ опытъ твердости въ сношеніяхъ съ Новгородцами, которые отказались отъ уплаты ордынской дани, говоря, что Новгородъ самъ избираетъ князей и не терпитъ насилія. Симеонъ ополчился противъ Новгорода со всѣми удѣльными князьями, принудилъ своевольныхъ гражданъ просить мира, выискалъ съ нихъ дань и самъ обязался грамотою наблюдать древніе уставы Великаго Новгорода.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ Θεогностомъ, Симеонъ долженъ былъ отправиться въ орду, на поклонъ къ новому хану, Джанибеку, сыну и преемнику Узбека. Съ честію и милостію отпустивъ великаго князя, ханъ удержалъ митрополита. Фанатики исламизма настоятельно требовали, чтобы митрополитъ платилъ дань за себя и духовенство. Θεогностъ ссымался на ханскіе ярлыки, освобождающіе Церковь отъ податей, но магометане, не желая нарушать уставы монгольскаго правительства, хотѣли довести первосвященителя до того, чтобы онъ самъ отказался отъ преж-

(г) Это выраженіе принадлежитъ Тертуліану.

нихъ правъ. Съ этою мыслию они томили митрополита и подвергали его разнымъ пзтязаніямъ; но блаж. Феогностъ терпѣлъ и не соглашался сдѣлаться предателемъ Церкви. Наконецъ, онъ роздалъ татарскимъ вельможамъ богатые дары (до 600 тогдашнихъ рублей) и возвратился въ отечество съ прежними правами (а).

Видя усиленіе литовскихъ князей, Симеонъ старался не только уклоняться отъ всякаго разрыва съ ними, но и привязывать ихъ къ себѣ родственными союзами (б). Въ то же время сынъ Ольгерда, Андрей, крещенный въ православной вѣрѣ, княжилъ во Псковѣ, по избранію тамошнихъ гражданъ.

(а) Такой подвигъ блаж. Феогноста заслужилъ признательность Церкви. Въ Прологѣ, подь 14 Марта, помѣщено «страданіе митрополита Феогноста.»

(б) Такъ за Любарта-Волынскаго была выдана Ростовская княжна, родная племянница Симеона, а за вдовца-язычника Ольгерда княжна Юліанія, дочь Александра Михайловича Тверскаго. Этотъ послѣдній бракъ былъ разрѣшенъ св. Феогностомъ въ надеждѣ, что Ольгердъ рано или поздно возвратится къ христіанству, и съ условіемъ, чтобы дѣти его воспитывались въ истинной вѣрѣ. Самъ Симеонъ былъ женатъ на дочери Гедимина, названной въ крещеніи Анастасією. Исповѣдуя православную вѣру и принявъ русскій языкъ, Литовскіе князья роднились съ князьями русскими. Русскія княжны приносили съ собою въ Литву усердіе къ православію, строили церкви, воспитывали дѣтей въ истинномъ благочестіи; княжны Литовскія, выходя въ замужество за князей Русскихъ, сближали свое прежнее отечество съ новымъ. Языкъ Русскій былъ господствующимъ языкомъ Литвы; на немъ писались законы и производились сношенія съ иностранными государями. (Западно-Русскій мѣсяцесловъ 1866 г. стр. 62 и 63.)

Св. митрополитъ Теогность неутомимо трудился, обозрѣвая сѣверныя и южныя области обширной своей паствы. Ослабленный старостию и трудами, онъ чувствовалъ нужду въ помощникѣ, который могъ бы замѣнять его собою, при частыхъ отсутствіяхъ святителя изъ Москвы. Вѣроятно не безъ особенной воли Божіей, онъ избралъ въ это званіе будущаго своего преемника, великаго по духу вѣры Алексія.

Еще при княженіи св. князя Данила Александровича переселился въ Москву изъ Чернигова, раззореннаго тогда Татарами, знатный бояринъ Θεодоръ Бяконтъ. Здѣсь, подъ защитою кроткаго и благочестиваго князя, онъ нашелъ спокойную жизнь и оставилъ по себѣ многочисленное потомство (*). Старшій сынъ его Елевѣерій, родившійся въ 1300 году (3), былъ принятъ отъ купели сыномъ князя Данила, отрокомъ Іоанномъ. Обучившись грамотѣ, Елевѣерій узналъ, на 13-мъ году жизни, объ ожидающемъ его вы-

(ж) По лѣтописи, внукъ Бяконта Даниль Θεофановичъ былъ однимъ изъ старшихъ и лучшихъ бояръ Московскихъ; умный, храбрый, онъ вѣрно служилъ великому князю въ Руси и въ Ордѣ. Онъ погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ, близъ могилы св. Митрополита Алексія. Отъ младшихъ сыновей его произошли дворянскіе роды Плещеевыхъ, Игнатъевыхъ, Жеребцовыхъ и Θεоминыхъ (послѣдніе долго прозывались митрополитичьими). Бяконтъ и супруга его погребены въ Богоявленскомъ монастырѣ, когда старшій сынъ ихъ подвизался уже тамъ въ иночествѣ.

(з) По житію св. Алексія, писанному Пахоміемъ, онъ былъ старше великаго князя Симеона 17-ю годами, а Симеонъ родился въ 1317 году.

сокомъ назначеніи: однажды! раскинулъ онъ сѣти на птичекъ и, долго стороживъ ихъ, отъ утомленія задремалъ. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: «Алексій! къ чему такой трудъ твой? тебѣ надобно быть ловцомъ людей». Эти слова глубоко запали въ душу отрока; онъ сталъ молчаливъ, покинулъ игры дѣтскія, искалъ уединенія, проводилъ время въ молитвѣ и чтеніи книгъ и изнурялъ себя постомъ.

На 15-мъ году онъ рѣшился посвятить себя иноческой жизни, и въ 1320 году постриженъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ съ именемъ Алексія, которое слышалъ онъ въ сонномъ видѣніи, за семь лѣтъ предъ тѣмъ. Наставникомъ и руководителемъ юнаго инока былъ старецъ Геронтій, опытный въ духовной жизни. Прошло болѣе 20 лѣтъ въ иноческихъ подвигахъ Алексія. Блаж. Митрополитъ Θεогностъ любилъ Геронтія и ученика его, часто призывалъ ихъ къ себѣ для бесѣды, и повелѣлъ Алексію жить на святительскомъ дворѣ и завѣдывать церковными судебными дѣлами. Алексій провелъ 12 лѣтъ въ этой должности, съ званіемъ намѣстника митрополичьяго. Въ концѣ 1352 года блаж. первосвятитель, уже дряхлый и слабый, рукоположилъ намѣстника своего въ санъ епископа Владимірскаго и, на совѣтъ съ великимъ княземъ Симеономъ, назначилъ Алексія своимъ преемникомъ. Объ этомъ избраніи тогда же послали грамоту въ Константинополь.

Въ то время свирѣпствовала въ Москвѣ и во

многихъ областяхъ Русской земли страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ Черной смерти. Она началась въ Китаѣ, гдѣ истребила до 13 милліоновъ народа, обошла всю сѣверную и среднюю Азію, большую часть Европы и изъ Скандинавіи перешла во Псковъ, гдѣ свирѣпствовала съ такою силой, что едва одна треть жителей осталась въ живыхъ. Псковитяне призвали къ себѣ изъ Новгорода блаж. архіепископа Василія; какъ добрый пастырь, онъ спѣшилъ утѣшить ихъ, презирая опасность, и молился вмѣстѣ съ ними, обходя городъ крестнымъ ходомъ, съ чудотворными иконами и св. мощами. На возвратномъ пути блаж. Святитель скончался, безъ сомнѣнія, зараженный язвою (*). Скоро язва посѣтила Новгородъ, Кіевъ и почти всѣ города Русскіе; въ Москвѣ въ короткое время скончались блаж. митрополитъ Θεогность (†) и великій князь Симеонъ съ двумя сыновьями.

(и) Блаж. архіепископъ Василій (въ мірѣ священникъ Григорій Калѣка) святительствовалъ въ Новгородѣ 23 года, украсилъ Софійскій храмъ новымъ иконостасомъ, стѣннымъ писаніемъ и мѣдными позолочеными вратами; послѣ пожара возстановилъ мостъ на Волховѣ и заложилъ каменную стѣну на Торговой сторонѣ. Онъ получилъ отъ патріарха Цареградскаго знаменитый бѣлый клобукъ, хранящійся въ Софійской ризницѣ. Скончался на берегу р. Шелони, 3 Цюля 1352 года, и погребенъ въ Софійскомъ Соборѣ. Новгородцы мѣстно празднуютъ память его 10 Февраля.

(†) Св. Θεогность преставился 11 Марта 1353 года и погребенъ въ Успенскомъ Соборѣ. Въ 1471 году мощи его обрѣтены нетлѣнными, но почиваютъ подъ спудомъ, въ ногахъ у раки святителя Петра.

Симеонъ скончался 36 лѣтъ отъ рожденія. Достигнувъ великокняжескаго сана въ бодрой юности, хитрый, благоразумный, твердый, онъ умѣлъ угождать ханамъ и даже выпрашивать у нихъ облегченіе дани для удѣловъ раззоренныхъ, умѣлъ ладить съ Литвою, и держать въ страхѣ Новгородъ. Русскими князьями онъ повелѣвалъ строго, не допуская ихъ до междуособій и заслужилъ отъ нихъ прозваніе «Гордаго». Въ завѣщаніи своемъ онъ обращается къ братьямъ съ такими словами: «худыхъ людей не слушайте, а если кто станетъ ссорить васъ, слушайтесь отца нашего владыки Алексія». Онъ справедливо именовалъ себя «великимъ княземъ всея Руси», какъ то вырѣзано на его печати.

Преемникомъ Симеона былъ родной братъ его Іоаннъ Іоанновичъ, тихій, миролюбивый и слабый. Хотя Новгородцы желали имѣть великимъ княземъ умнаго Константина Суздальскаго, но Джанибекъ утвердилъ на великомъ княженіи Іоанна Московскаго.

Преемнику Феогноста предстояла борьба съ разными неприятностями. Болгарскій (Терновскій) патріархъ, еще при жизни Феогноста, посвятилъ Феодорита въ митрополита для Русской митрополіи. Но Константинопольскій соборъ, хотя призналъ поступокъ Болгарскаго патріарха незаконнымъ и, отвергнувъ Феодорита, рукоположилъ Владимірскаго епископа Алексія въ митрополиты всея Руси (въ 1354 году); однако, уступая требованію Ольгерда, который не хотѣлъ, чтобы

христиане, живущіе въ Литвѣ, зависѣли отъ Митрополита, избраннаго въ Москвѣ, патриархъ рѣшился поставить для Литвы другаго митрополита, какого-то Романа. Это произвело тревогу въ Русской землѣ, тѣмъ болѣе что Романъ сталъ оказывать притязаніе и на Тверскую епархію. Чтобы положить конецъ смутамъ, святитель Алексій долженъ былъ снова отправиться въ Царь-градъ, гдѣ патриархъ подтвердилъ Роману, чтобы онъ управлялъ только Литвою и Волинью, а Алексію предоставилъ быть митрополитомъ Кіева и всея Руси (*).

Съ восторгомъ приняла Москва своего перво-святителя, который сталъ прилагать труды къ трудамъ, какъ истинный пастырь стада Христова (*). А во время путешествія святителя возсіалъ въ Русской землѣ великій свѣтильникъ благодати, скрывавшійся дотолѣ въ тѣни дремучаго лѣса.

Въ Ростовской области жилъ благочестивый бояринъ Кириллъ съ женою своею Марією. У нихъ было три сына: Стефанъ, Петръ и Варфоломей. Еще до рожденія послѣдняго (въ 1314 году) Промыслъ Божій указалъ, что онъ будетъ

(к) На обратномъ пути, страшная буря застигла святителя на морѣ. Онъ молился усердно и далъ обѣтъ соорудить храмъ во имя того угодника Божія, которому будутъ праздновать въ день высадки пловцевъ на берегъ. Господь услышалъ молитву праведника и корабль присталъ къ берегу 16 Августа, когда Церковь празднуетъ Нерукотворенному образу Спасителя.

(л) Къ этому времени относится посланіе св. Алексія къ христианамъ, живущимъ на Дону; оно помѣщено въ истор. акт. I. № 3.

избраннымъ сосудомъ благодати. Однажды, когда Марія слушала литургію, младенецъ закричалъ во чревѣ ея три раза — предъ чтеніемъ Евангелія, въ началѣ Херувимской пѣсни и при возгласѣ: Святая Святымъ. Послѣ этого необыкновеннаго приключенія, Марія во все остальное время беременности не употребляла ни мяса, ни молока, ни рыбы, ни вина, а питалась только хлѣбомъ и водою и молилась Богу. Новорожденный младенецъ былъ названъ Вареоломеемъ и въ немъ открылась дивная особенность: въ среду и пятокъ онъ не бралъ сосцовъ матернихъ.

На 7-мъ году отдали Вареоломея учиться грамотѣ; онъ учился съ усердіемъ, но тупо, и грамота не давалась ему, къ глубокому огорченію добраго дитяти. Однажды Вареоломей увидѣлъ близь дома родительскаго, подъ дубомъ, старца черноризца, стоявшаго на молитвѣ. Отрокъ подошелъ и дождался конца молитвы. «Что тебѣ надобно, чадо?» спросилъ старецъ.—Учусь грамотѣ, отвѣчалъ отрокъ, но не успѣваю; помолись за меня Богу, отче, чтобы я могъ выучиться грамотѣ. Старецъ помолился и далъ ему часть просфоры въ знаменіе благодати Божіей, сказавъ при томъ, что отроку надлежитъ содѣлаться обителю св. Троицы и привести многихъ къ разумѣнію воли Божіей.

Получивъ неожиданный и совершенный успѣхъ въ ученіи, благодатный отрокъ чуждался дѣтскихъ игръ, смѣха и праздности, прилѣпился къ

церковному богослуженію, читалъ священныя книги и наблюдалъ строгое воздержаніе: въ среды и пятки не вкушалъ ничего, а въ прочіе дни питался хлѣбомъ и водою.

Все это происходило въ окрестностяхъ Ростова. Тамъ воспламенялись только первыя искры того великаго свѣтильника благодати, которому надлежало просіять въ мрачной пустынѣ и оттуда свѣтитъ престольному граду и всѣмъ предѣламъ земли Русской.

Притѣсненія московскихъ правителей (*) въ Ростовѣ принудили Кирилла переселиться съ семействомъ въ одну изъ областей великаго княженія—въ Радонежъ, который отданъ былъ Іоанномъ Калитою въ удѣлъ меньшому сыну его Андрею. Тамъ переселенцамъ обѣщались разныя льготы, а Кириллъ, нѣкогда богатый, по разнымъ несчастіямъ оскудѣлъ. Старшіе сыновья Кирилла уже вступили въ бракъ, а младшій, Вареоломей, желалъ сдѣлаться инокомъ. Но повинуюсь волѣ родителей, онъ оставался при нихъ и служилъ имъ до того времени, когда они сами вступили въ монастырь и, недолго поживъ въ монашествѣ,

(*) Великій князь Іоаннъ Давидовичъ, купивъ удѣлы Бѣлозерскаго и Угличскаго князей (какъ видно изъ завѣщанія Дмитрія Донскаго), составлявшіе прежде одно цѣлое съ Ростовскимъ княжествомъ, наложилъ державную руку и на остальной удѣлъ Ростовскій. О дѣйствіяхъ московскихъ бояръ въ Ростовѣ упомянуто выше. Мѣсто, куда переселился Кириллъ, городъ Радонежъ — нынѣ село Городецъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ.

отошли къ Богу (*). Тогда, отдавъ послѣдній долгъ родителямъ и предоставивъ имѣніе ихъ брату Петру, Варѳоломей пошелъ искать себѣ мѣста для пустынно-жительства, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Стефаномъ (°).

Они долго ходили по лѣсамъ, пока полюблилось имъ мѣсто въ густой дубравѣ, въ 10 верстахъ отъ Радонежа и отъ Хотькова, удаленное не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ. Оно возвышалось небольшимъ холмомъ надъ окрестностью, почему и прозывалось «Маковицею», или Маковкою. Здѣсь пустынники поставили себѣ келью, а потомъ небольшую церковь, которая была освящена въ честь пресв. Троицы (и), по благословенію св. митрополита Θεогноста. Вскорѣ послѣ того Стефанъ переселился въ Московскій Богоявленскій монастырь, а Варѳоломей принялъ постриженіе отъ нѣкоего игумена Митрофана на 24 году жизни, въ 1337 году 7 октября, на память св. мучениковъ Сергія

(и) Блаж. Кирилъ и Марія погребены въ Хотьковѣ монастырѣ, тогда мужескомъ, а нынѣ дѣвичьемъ.

(°) Стефанъ жилъ недолго въ супружествѣ, и имѣлъ двухъ сыновей: Климента и Іоанна, и овдовѣвъ, постригся въ Хотьковѣ монастырѣ. Послѣ того онъ жилъ въ пустынѣ съ младшимъ братомъ, и наконецъ былъ игуменомъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и духовникомъ Вел. князя Симеона.

(и) Когда деревянный храмъ былъ срубленъ, младшій братъ спросилъ старшаго: «во чье имя будетъ храмъ? Старшій, напомнивъ Варѳоломею о словахъ дивнаго старца, сказалъ, что храмъ слѣдуетъ освятить въ честь св. Троицы. Тогда младшій признался, что и онъ имѣлъ ту же мысль. (Русс. святые. Сентябрь, стр. 157).

и Вакха, причемъ, по обычаю того времени, наречено ему имя Сергій.

Юный инокъ остался въ глухомъ лѣсу, безъ предшественника и безъ сверстника, безъ наставника и безъ помощника, съ единымъ Богомъ вездѣсущимъ и всегда готовымъ на помощь призывающимъ Его. Много искушеній предлежало пустынноику: голодъ, жажда, морозъ, страхъ звѣрей, уныніе и смущеніе души, тягость и волненіе плоти. И невидимые враги старались преслѣдовать отшельника; во время ночной молитвы ему представлялись ужасающія видѣнія и слышался вопль: «бѣги отсюда, и не надѣйся здѣсь жить!» Мужественный подвижникъ прогонялъ пустынные страхи и мечтанія крѣпкою смиренною молитвою; онъ обуздывалъ плоть постомъ, трудами и бдѣніемъ. Иногда стаи голодныхъ волковъ рыскали около кельи съ ужаснымъ воемъ; иногда приходили и медвѣди. Однажды Сергій увидѣлъ передъ своею хижиною медвѣдя и, примѣчая, что онъ голоденъ, сжалился надъ нимъ, вынесъ кусокъ хлѣба и предложилъ ему пустынный обѣдъ на пиѣ. Звѣрь полюбилъ страннопріимство пустынноику и часто приходилъ за угощеніемъ. А пустынноику привыкъ миловать звѣря, дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ, а иногда отдавалъ ему послѣдній кусокъ, самъ оставаясь безъ пищи.

Около двухъ лѣтъ пробылъ преп. Сергій въ совершенномъ одиночествѣ; потомъ стали приходять къ нему люди, ищущіе спасенія и просили позволенія жить подлѣ него. Онъ выстав-

лялъ имъ трудности пустынной жизни, но они общались терпѣть все съ помощію Божіею. Такъ собралось къ Сергію до 12 братій ^(р), построены кельи, и обитель обнесена тѣсною оградою.

Но для совершенія литургія не было священника, а для управленія новою обителью не было игумена. По глубокому смиренію, преп. Сергій не хотѣлъ принять ни игуменскаго, ни пресвитерскаго сана. Онъ управлялъ только посредствомъ примѣра своей жизни: онъ былъ первый тѣмъ, что былъ всѣмъ слуга. Онъ строилъ кельи, рубилъ дрова, молоть жерновомъ рожь, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, носилъ воду на гору въ водоносахъ и ставилъ у кельи cadaго. Но братія чувствовали нужду въ игуменѣ — наставникѣ и неотступно умоляли Сергія принять на себя настоятельство. Смиренный отшельникъ долго не соглашался; наконецъ братолюбіе одержало побѣду. «Желаю — сказалъ преп. Сергій — лучше повиноваться, нежели начальствовать; но страшусь суда Божія и предаю себя въ волю Господню». Взявъ съ собою двухъ старцевъ, онъ отправился въ Переславль-Залѣсскій къ Аѳанасію епископу Волынскому, которому св. митро-

(р) Первыми сподвижниками преп. Сергія въ отшельнической жизни были: Василій Сухой, пришедшій съ береговъ Сѣверной Двины; Іаковъ — усердный труженикъ; Онисимъ — престарѣлый діаконъ, служившій привратникомъ; Исаакъ — наложившій на себя обѣтъ молчанія, и Симонъ еkkлeсiархъ. Число пустынниковъ долго ограничивалось 12-тью; первый, поступившій сверхъ этого числа, былъ Смоленскій архимандритъ Симонъ, промѣнявшій власть на званіе послушника Сергіева.

полить Алексій поручилъ дѣла митрополии, на время отсутствія своего въ Царьградъ. Сергій просилъ епископа назначить игумена для новой обители. «Я слышалъ о тебѣ, сказалъ святитель; тебя избралъ Господь; ты будешь игуменомъ въ обители св. Троицы». Такъ преп. Сергій противъ желанія принялъ посвященіе въ санъ пресвитера и игумена. Это было въ 1354 году.

Возвратившись изъ Царьграда, святитель Алексій узналъ пустынножителя Сергія и съ того времени святая любовь соединяла двухъ угодниковъ Божіихъ. Въ 1357 году совершился великій подвигъ святителя въ Ордѣ, гдѣ супруга хана Джанибека, Тайдула, лежала больная и слѣпая уже три года. Ханъ писалъ къ великому князю Іоанну: «Мы слышали, что есть у васъ служитель Божій Алексій, котораго Богъ слушаетъ, когда онъ о чемъ попроситъ. Отпустите его къ намъ; если его молитвами исцѣлѣетъ моя царица, то дарую вамъ миръ; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю». Смутился смиренный святитель: любовь къ родинѣ и усердіе къ святой Церкви не дозволяли ему отказать отъ исполненія воли грознаго хана. «Прошеніе и дѣло превышаютъ мѣру силъ моихъ, говорилъ онъ князю, но я вѣрую Тому, Который даровалъ прозрѣніе слѣпому: Онъ не презритъ моленія вѣры». Собираясь въ путь, святитель совершилъ молебствіе въ соборномъ храмѣ, предъ чудотворною иконою Богоматери и при ракъ святителя Петра. Вдругъ во время молебна предъ

глазами всѣхъ сама собою зажглась свѣча при гробѣ чудотворца. Съ остаткомъ этой свѣчи и освященною водою отправился святитель въ Золотую Орду, былъ принятъ тамъ съ честію, отслужилъ надъ болящею молебствіе съ чудною свѣчею, окропилъ ее св. водою, и Тайдула стала видѣть (°). Въ томъ же году св. Алексій долженъ былъ снова по просьбѣ князей отправиться въ Орду, гдѣ, по смерти Джанибека, воцарился свирѣпый Бердибекъ, и требовалъ къ себѣ князей русскихъ.

Такъ св. Алексій умѣлъ снискать милость Хана, хотя свободно обличалъ магометанство, и получилъ ханскій ярлыкъ съ подтвержденіемъ правъ духовенства.

Торжественно встрѣчали на родинѣ ходатая за землю Русскую. Въ Нижнемъ-Новгородѣ встрѣтили его князья Суздальскіе. Въ Москвѣ великій князь съ юнымъ сыномъ Димитріемъ, духовенство и народъ вышли встрѣчать первосвященителя за городъ. «Владыко! чѣмъ заплатимъ тебѣ за труды твои? Ты даришь насъ жизнию мирною», говорилъ св. Алексію осмилѣтній отрокъ Димитрій, наслѣдникъ Московскаго престола.

Спустя два года по возвращеніи святителя изъ орды (1359 г.), скончался великій князь Ю-

(с) Перстень съ изображеніемъ дракона, подаренный ханомъ Джанибекомъ св. Алексію, въ память исцѣленія Тайдулы, сохраняется въ Московской Патріаршей (Синодальной) ризницѣ.

аннъ, сынъ Юанна Калиты. Въ краткое время его правленія, удѣльные князья съ одной стороны, а съ другой Ольгердъ Литовскій, нерѣдко нарушали спокойствіе Русской земли; было замѣтно ослабленіе власти въ рукахъ великаго князя, за мягкосердечіе прозваннаго Кроткимъ.

Смерть его подала поводъ къ притязаніямъ Суздальскихъ князей, и старшій изъ нихъ Дмитрій Константиновичъ былъ утвержденъ новымъ ханомъ Наврузомъ въ достоинствѣ великаго князя. Новгородъ, не любя и боясь самовластія богатыхъ князей московскихъ, охотно принялъ къ себѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, а Дмитрій согласился на всѣ условія, предложенныя вѣчемъ вольнаго города. Онъ желалъ перенести во Владиміръ, какъ въ древнюю столицу великокняжескую, и престолъ митрополіи; но святитель Алексій, благословивъ Суздальскаго князя на великое княженіе въ каѳедральномъ соборѣ Владимірскомъ, не захотѣлъ разстаться съ Москвою, по любви къ юному Дмитрію, о которомъ онъ заботился какъ отецъ о родномъ сынѣ, и по вниманію къ волѣ Божіей, изреченной устами святителя и чудотворца Петра.

Не смотря на заботы управленія обширнымъ Московскимъ княжествомъ, которыя легли на рамена св. Алексія, по малолѣтству князя, онъ неусыпно продолжалъ свою пастырскую дѣятельность и занимался строеніемъ иноческихъ обителей. Въ 1361 году, онъ основалъ женскую общежительную обитель во имя заступника своего,

преп. Алексія челоуѣка Божія; тамъ первою игуменьею была благочестивая старица Іуліанія, а послѣ родная сестра св. Алексія старица Юлія (†); въ томъ же году основанъ имъ обѣтнѣй монастырь на берегу р. Яузы во имя нерукотвореннаго образа Спасителя (†). На слѣдующій годъ основанъ святителемъ Владыченъ монастырь, близъ Серпухова, гдѣ первымъ игуменомъ былъ ученикъ его Варлаамъ (*). Въ 1365 году св. Алексій основалъ въ самомъ кремлѣ Московскомъ

(†) Алексѣевскій дѣвичій монастырь бытъ основанъ св. Алексѣемъ у берега р. Москвы и урочища Стоженки. Въ XVI вѣкѣ онъ перенесенъ внутрь города къ Пречистенскимъ воротамъ, а при Императорѣ Николаѣ I, когда занимаемое имъ мѣсто было назначено для построения храма Христа Спасителя, въ Красное село, близъ Сокольничьяго поля. На мѣстѣ, гдѣ онъ былъ первоначально основанъ, возникъ новый дѣвичій монастырь—Зачатейскій. Въ одномъ изъ храмовъ этого монастыря находятся гробницы двухъ сестеръ св. Алексія, игуменьи Юліи и инокини Евпраксія. — О первой игуменьѣ Алексѣевской скавано въ лѣтописи: «Ульяна отъ града Ярославля, дщерь нѣкоего родителя богата и славна, сама же зѣло богобоязлива, игуменья бывши 90 черницамъ и общему житью начальница».

(у) Этотъ монастырь получилъ названіе Андроникова по имени перваго своего игумена, о которомъ будетъ упомянуто въ слѣдующей главѣ. Обѣтъ св. Алексія послужившій поводомъ къ основанію этой обители, описанъ выше въ примѣчаніи подь буквою к.

(ф) Владыченъ Серпуховской монастырь, въ полуверстѣ отъ Серпухова, на берегу р. Нары, въ 1806 году обращенъ въ женскій монастырь. На паперти соборной его церкви погребенъ блаж. игумень Варлаамъ, бывшій келейникъ св. Алексія, скончавшійся 5 Мая 1375 года и мѣстно чтимый за благочестивую жизнь.

монастырь въ честь чуда Архангела Михаила, на мѣстѣ подаренномъ царицею Тайдулою. Это былъ благодарный памятникъ чудесному исцѣленію царицы, совершившемуся 6 сентября. Святитель весьма щедро украсилъ построенный имъ каменный храмъ Архангела, обезпечилъ содержаніе обители и учредилъ полное общежитіе (*). Онъ любилъ эту обитель и въ ней подвизался по временамъ въ постѣ и молитвахъ; ей отказалъ по духовному завѣщанію нѣсколько селеній (†). Св. Алексій возстановилъ изъ развалинъ два древнихъ монастыря: Благовѣщенскій близъ Нижняго-Новгорода, и Константино-Елевинскій во Владимірѣ.

Въ это время Золотая Орда волновалась смутами; въ 1362 году явилось вдругъ два хана.

(*) Преп. Іосифъ Волоколамскій пишетъ: «въ Чудовомъ монастырѣ блаж. митрополитъ Алексій посадилъ честныхъ станицъ, испросивъ однихъ у великаго аввы Сергія, а другихъ взявъ изъ иныхъ обителей, и старцы тѣ жили иночески, жизнью духовною; приходили къ нимъ многіе и пользу получали».

(†) Духовное завѣщаніе св. Алексія обнаруживаетъ великое его смиреніе и любовь къ основанному имъ монастырю. Оно начинается словами: «Се азъ смиренный грѣшный рабъ Божій Алексій». Великій Святитель Божій именуетъ себя грѣшникомъ, неупомягая и о санѣ митрополита. Чудовской обители онъ оставилъ 12 селъ (въ томъ числѣ Жилинское, Черкивово и Раменное). «А всѣ тѣ села — сказано въ завѣщаніи — даю съ серебромъ и съ половники и съ третники и съ животиною. А что моя въ селѣхъ челядь, на нихъ серебрецо. Не похотятъ служить, кто куды, тѣмъ воля, отдавъ серебрецо. А монастырь Михаила чуда приказываю тебѣ своему сыну, великому князя Дмитрію Ивановичу».

Одинъ изъ нихъ, Мурудъ или Мюридъ, призналъ малолѣтнаго Димитрія Московскаго великимъ княземъ и главою князей русскихъ. Димитрій Суздальскій удалился изъ Владиміра въ свой удѣлъ, а святитель съ радостію благословилъ своего питомца на великое княженіе чудотворною Владимірскою иконою Богоматери.

Такъ слабая рука 12-ти лѣтняго отрока взяла кормило государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ и возмущаемаго внутреннимъ междоусобіемъ. Калита и Симеонъ гордый положили въ Москвѣ начало великаго и спасительнаго дѣла—единодержавія; слабость Іоанна Кроткаго и неспособность Димитрія Суздальскаго приостановили успѣхи этого дѣла и дали удѣльнымъ князьямъ надежду на независимость отъ престола великокняжескаго. Требовалось много твердости и ума, чтобы поддержать то, что начинало клониться къ паденію. Но по счастію Провидѣніе даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ. Св. Алексій былъ душою совѣтовъ и дѣлъ юнаго князя Московскаго; непрерывными заботами святителя росла и крѣпла власть великокняжеская.

Между тѣмъ какъ св. Алексій трудился въ управленіи церковью и государствомъ, преп. Сергій Радонежскій продолжалъ свои иноческіе подвиги въ пустынѣ, служившіе примѣромъ благочестія для его братіи и для всѣхъ приходившихъ къ нему.

Первымъ подвигомъ преп. Сергія былъ под-

вигъ воздержанія. Мы видѣли выше опыты его постничества во младенчествѣ и отрочествѣ. Сдѣлавшись инокомъ, онъ часто по нѣскольку дней пребывалъ безъ пищи. Въ житіи его изображается одинъ поучительный случай постническаго труда. Проведши три дня безъ пищи, Сергій приходитъ къ старцу Даніилу и говоритъ ему: «я слышалъ, что ты хочешь сдѣлать сѣни у себя предъ кельею; я сдѣлаю тебѣ сѣни, а ты дашь мнѣ хлѣба за трудъ». Даніиль сказалъ, что у него есть хлѣбъ, но гнилой. Сергій отвѣчалъ, что для него хорошъ и гнилой хлѣбъ, построилъ старцу сѣни и получилъ общанное воздаяніе за трудъ. Сотворивъ молитву, онъ растворилъ гнилой хлѣбъ съ водою, и утоливъ голодь, воздалъ Богу благодареніе.

Другой подвигъ богоноснаго пустынника состоялъ въ смиреніи и нестяжательности. Даже тогда, когда имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ землѣ Русской, но и на востокѣ, преп. Сергій оставался неизмѣнно вѣренъ заповѣди Евангельской о смиреніи и нищетѣ. Онъ носилъ одежду изъ толстаго и грубаго сукна и притомъ самую ветхую, съ множествомъ заплатъ, сдѣланныхъ собственными его руками. Однажды не случилось въ монастырѣ хорошаго сукна для одежды и никто изъ братій не хотѣлъ употребить единственную оставшуюся половинку дурнаго сукна. Смиранный игумень взялъ это сукно себѣ, сшилъ изъ него рясу и не снималъ ее до тѣхъ поръ, пока она не распалась отъ гнило-

сти. Приходившіе въ обитель не признавали преподобнаго по внѣшнему виду за игумена, но думали видѣть въ немъ одного изъ монастырскихъ работниковъ. Такъ было съ однимъ поселяниномъ, который издалека пришелъ, чтобы видѣть знаменитаго первоначальника Троицкой обители. Онъ увидѣлъ Сергія въ огородѣ, копавшимъ землю въ потѣ лица и одѣтымъ въ разодранное рубище. Вскорѣ прибытіе въ обитель одного князя, который повергся на землю предъ Сергіемъ, вразумило поселявина, и онъ сдѣлался ученикомъ учителя смиренія. До нашего времени сохранились памятники нестяжательности Сергіевой въ его одеждѣ, келейныхъ и богослужебныхъ вещахъ (4); онѣ свидѣтельствуютъ, что богоносный отшельникъ былъ чуждъ привязанности къ внѣшнимъ удобствамъ, предпочитая всему сокровище духовное.

При умноженіи числа братіи преп. игумень постановилъ правило, чтобы послѣ повечерія иноки не ходили изъ кельи въ келью и не бѣсѣдовали другъ съ другомъ, а занимались молитвою и рукодѣльемъ, каждый въ своемъ мѣстѣ. Наблюдая за исполненіемъ этого правила, онъ самъ, по совершеніи своей келейной моли-

(4) Въ Лаврѣ сохранились: ветхая крашенинная фелонь преп. Сергія съ епитрахилью и поручами, деревянные потиръ и дискось, аналавъ отъ схимы, игуменскій посохъ простаго дерева, кожанья сандалинъ, бывшія 30 лѣтъ на ногахъ чудотворца во гробѣ, ножъ съ ветхимъ влагалищемъ и ложка деревянная.

вы, въ глубокую ночь обходилъ всѣ кельи братіи. Если находилъ кого въ молитвѣ, за книгою, или за рукодѣльемъ, радовался и благодарилъ Бога о немъ. Если же слышалъ празднословиящихъ, ударялъ въ дверь или въ окно и удалялся. А на утро, призвавъ ихъ къ себѣ, старался привести къ смиренному сознанию грѣха; непризнательныхъ онъ обличалъ и подвергалъ эпитиміи. Другимъ правиломъ преп. Сергія запрещалось братіи, въ случаѣ недостатка пищи и другихъ потребностей, ходить по деревнямъ и селамъ за подаяньемъ: пустынники должны были съ терпѣніемъ просить и ожидать милости отъ Бога. Трудное правило для обители, которая находилась въ такомъ дремучемъ лѣсу, что къ ней едва можно было пробраться по узкой, едва замѣтной тропинкѣ ^(ш)! Но Сергій вѣровалъ, и сбывалось по вѣрѣ его; уповалъ, и упованіе не посрамляло его. По молитвѣ блаж. игумена, Самъ Богъ, чрезъ неизвѣстныхъ христіанцевъ, посылалъ хлѣбъ во время скудости. «Видите ли, братія—говорилъ Сергій ученикамъ своимъ—Господь не оставляетъ рабовъ своихъ. Будемъ подвизаться, не ослабѣвая».

(ш) Богѣ 15 лѣтъ къ пустынѣ преп. Сергія вела только тропинка по лѣсамъ. При великомъ князѣ Іоаннѣ II (около 1355 года) стали въ окрестностяхъ селиться земледѣльцы, и уже позднѣе, по словамъ блаж. Епифанія, «исказиша пустыню и не пощадиша и составиша селы и дворы многи». Тогда проложили мимо обители большую дорогу изъ Москвы въ сѣверные города. Однако и по преставленіи преп. Сергія лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ еще ловили бобровъ (Акты арх. Эксп. I, 16.)

Случалось, что недоставало вина для совершенія литургій, өмїама для кажденія и воска для свѣчь; тогда зажигали лучину, и при такомъ освѣщеніи совершали утреннюю и вечернюю службу. Даже самыя книги писались въ обители не на хартіяхъ, а на берестѣ (ш).

Такъ при началѣ своемъ, великая Лавра Сергіева была пустыня безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная и безпомощная! Но основатель ея и сподвижники его твердо уповали на Бога спасающаго; упованіе ихъ оправдалось въ теченіи многихъ вѣковъ, и нынѣ оправдывается въ нашемъ скудномъ вѣроу вѣкѣ. Современный намъ великій святи-тель въ одномъ изъ словъ своихъ говоритъ: «Желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лавроу. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горять тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вдохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преп. Сергія, который орошенъ дождемъ

(ш) Преп. Іосифъ Волоколамскій въ духовн. грамотѣ, гл. 15.

слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынь, преп. Никонъ спѣшно растеть и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преп. Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ преп. Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь, только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище; оно непохитимо и неистоцимо; изъ него безъ ущерба его можно заимствовать благопотребное, напимѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.»

Иногда братія жаловались на недостатокъ воды и говорили игумену: для чего на такомъ мѣстѣ создалъ обитель? Сергій отвѣчалъ: «я хотѣлъ одинъ безмолствовать здѣсь; но Богу угодно было устроить обитель. Онъ не презритъ васъ, работающихъ ему въ молитвѣ день и ночь, и подастъ вамъ все нужное.» По молитвѣ преп. Сергія оказался источникъ и потекла вода тамъ, гдѣ ея не было (*). И въ другихъ случаяхъ вѣра чу-

(*) Чудеснымъ источникомъ Сергія считается колодезь подъ горою, близъ приходской Пятницкой церкви.

дотворца являлась чудодѣйственнойю: Великій Сергій молитвою воскресилъ отрока, который былъ принесенъ къ нему едва живымъ и умеръ на глазахъ его, и исцѣлилъ бѣсноватаго.

Слава о духовныхъ подвигахъ Сергія и о дарованной ему отъ Бога благодати распространилась не только въ Русской землѣ, но и въ странахъ отдаленныхъ. Къ богоносному пустынику пришли посланные отъ патріарха Цареградскаго Филофея и принесли ему крестъ ^(*), парамандъ, схиму и посланіе патріарха. «Не къ другому ли кому вы посланы?» спросилъ ихъ смиренный Сергій, а самъ поспѣшилъ къ святителю Алексію и донесъ ему о случившемся. По прочтеніи посланія, въ которомъ патріархъ совѣтовалъ составить общее житіе въ обители, митрополитъ и съ своей стороны подтвердилъ совѣтъ патріарха.

Съ того времени въ обители Троицкой учреждено совершенное общежитіе ^(*) и запрещено инокамъ что бы то ни было называть своимъ, потому что всякая собственность въ монастырѣ

(*) Крестъ, присланный патріархомъ Филоеємъ, сохраняется въ ризницѣ Лавры: онъ вырѣзанъ изъ кипариснаго дерева, обложенъ золотомъ и украшенъ драгоценными камнями.

(б) Преемникъ Филофея, патріархъ Ниль, около 1382 года, прислалъ также посланіе къ преподобному Сергію: онъ называлъ привычный образъ жизни русскихъ монаховъ того времени жизнію мірскою, зависящею отъ дикости и необразованности, а общежитіе, учрежденное Сергіемъ,—дѣломъ высокой духовной мудрости. Это посланіе напечатано въ «Правосл. Собесѣд. 1860 г. I, стр. 459—461».

должна быть общею для всѣхъ. Такъ довершилось благоустройство обители, причеиъ стало возрастать число братіи и начало водворяться въ ней всякое обиліе. Но, чтобы избытокъ не повлекъ за собою нерадѣнія и пороковъ, мудрый основатель обители ввелъ въ ней страннопріимство, питаніе нищихъ и подаваніе просящимъ (*). Объ этомъ учрежденіи онъ сказалъ ученикамъ своимъ: «если сохраните заповѣдь мою безъ роптанія, то и по кончинѣ моей обитель распространится и многіе годы стоять будетъ, благодатию Христовою» (°).

Казалось, что послѣ того монастырь Сергіевъ уже безопасенъ отъ превратностей, но внезапно поднялась буря, которая едва не лишила обители блаженнаго ея основателя и хранителя. Въ одинъ субботній день св. Сергій стоялъ въ алтарѣ, совершая самъ вечернюю службу. Братъ его Стефанъ, который опять пришелъ въ обитель, стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. «Кто тебѣ далъ эту книгу?» спросилъ Стефанъ канонарха. Игумень, отвѣчалъ тотъ. «Кто здѣсь игумень? съ гнѣвомъ сказалъ Стефанъ: не я ли первый основалъ это мѣсто»? И прибавилъ къ тому другія жесткія слова. Сергій слышалъ все это въ

(*) Дыннѣ въ Лаврѣ Сергіевой многіе сотни бѣдныхъ богомольцевъ ежедневно пользуются трапезою отъ монастыря. Сверхъ того при обители находятся: богадѣльни, пріютъ для странниковъ, больница для приходящихъ больныхъ и школы для сиротъ.

(°) Симонъ Азаринъ въ предисловіи къ новымъ чудесамъ преп. Сергія.

алтарѣ. Ему понятно было, что здѣсь излилось тайное негодованіе многихъ на новый порядокъ обители (°). По окончаніи вечерни онъ не пошелъ и въ келлію, а удалился изъ обители на мѣсто называемое Киржачь, гдѣ вскорѣ собралось къ нему не мало братіи и основанъ монастырь. Лучшіе старцы Троицкой обители умоляли святителя Алексія возвратить имъ игумена. Немедленно святитель послалъ къ Сергію двухъ архимандритовъ, убѣждая его возвратиться на первоначальное мѣсто подвига. Узнавъ волю архипастыря, смиренный угодникъ Божій отвѣчалъ посланнымъ: «скажите господину моему митрополиту, что все изшедшее изъ устъ его принимаю какъ изъ устъ Христовыхъ.» Онъ возвратился въ Троицкую обитель, гдѣ ученики, радуясь возвращенію любимаго наставника, цѣловали руки его, ноги и одежду.

Въ это время святитель Алексій былъ обремененъ заботами о водвореніи мира и утвержденіи единодержавія въ землѣ Русской. Еще прежде, вскорѣ послѣ того какъ Димитрій Суздальскій безъ борьбы уступилъ престолъ великаго княженія юному Димитрію Московскому, послѣдній долженъ былъ помочь первому въ полученіи Нижегородскаго удѣла, неправильно захваченнаго бра-

(ю) Монахи того времени не любили общежитія. Даже и позднѣе пастырямъ церкви не легко было заводить общины въ монастыряхъ. Изъ обители Сергіевой тайно удалились многіе недовольные общежитіемъ; другіе болѣе упорные, изгнаны св. Алексіемъ.

томъ его Борисомъ Константиновичемъ по смерти другаго брата Андрея. Первосвятитель послалъ въ Нижній-Новгородъ преп. Сергія объявить Борису, чтобы шелъ судиться съ братомъ къ великому князю; но князь отвѣчалъ, что повинуются только велѣніямъ хана. Тогда Сергій, согласно съ волею митрополита, затворилъ всѣ храмы въ Нижнемъ-Новгородѣ, а великій князь двинулъ войска свои; Суздальскіе князья раздѣлились между собою мирно (*).

Подкрѣпляемый мудрыми совѣтами великаго святителя, юный Димитрій Іоанновичъ усмирилъ своеволіе Новгородцевъ и выдержалъ нѣсколько нападеній Ольгерда Литовскаго, который, побѣдивъ нѣмецкихъ рыцарей, скучалъ миромъ и искалъ случая къ войнѣ, не смотря на преклонную свою старость. Онъ усердно помогалъ брату второй жены своей, Тверскому князю Михаилу Александровичу, и кровавая брань между Москвою и Тверью продолжалась съ ожесточеніемъ. Михаилъ Тверской успѣлъ достать себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе и возвратился оттуда съ ханскимъ посломъ. Но время безпрекословнаго повиновенія волѣ ханской уже миновалось. Тщетно посолъ звалъ Димитрія во Владиміръ выслушать грамоту хана (°); онъ отвѣчалъ: «къ

(я) Привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича Суздальскаго, великій князь въ 1367 году женился на дочери его, благочестивой княжнѣ Евдокіи. Свадьбу праздновали въ Коломнѣ, со всѣми пышными обрядами того времени.

(°) Въ это время Мамай успѣлъ соединить двѣ орды: Зочастъ II.

ярлыку не ѣду, Михаила во Владимірѣ не пущу, а тебѣ послу даю путь свободный». Дѣйствительно Михаилъ не только не могъ занять столицы великаго княженія, но гонимый московскими отрядами, едва успѣлъ пробраться къ зятю своему Ольгерду въ Вильно. Совѣтники великаго князя убѣдили его и св. Алексія призвать Тверскаго князя для примиренія въ Москву, но здѣсь споры князей еще болѣе усилились, и князь Тверской былъ на нѣсколько времени задержанъ въ Москвѣ (v). Это несчастное происшествіе еще болѣе разожгло закоренѣлую вражду, и великій князь долженъ былъ пять лѣтъ бороться съ Михаиломъ Тверскимъ и наконецъ усмирить его, ополчившись почти со всѣми удѣльными князьями и осадивъ Тверь. Тогда, наконецъ, заключенъ былъ мирный договоръ между Москвою и Тверью (°).

Около того же времени Димитрій успѣлъ смирить и Литву, гдѣ въ 1377 году умеръ посѣдѣлый въ коварствѣ старецъ Ольгердъ (°).

лотую или Сарайскую и свою Волжскую; онъ объявилъ ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ съ титуломъ Темника.

(v) Михаилъ Тверской жаловался патриарху на св. Алексія и на стараніе его усилить могущество Москвы.

(a) Въ этомъ договорѣ князь Тверской далъ клятву за себя и за своихъ наслѣдниковъ признавать великаго князя Московскаго «старшимъ» себѣ братомъ, не искать и не принимать отъ хана ни Владимірской отчины, ни Великаго Новгорода, а великій князь обѣщалъ не вступаться въ удѣлъ князя Михаила и не отнимать у него Тверской отчины.

(б) Передъ смертію Ольгерда сбылась надежда святителя Θεогноста (смотри выше примѣч. e): по убѣжденію второй

Земля русская наслаждалась спокойствіемъ и всѣ удѣльные князья повиновались великому князю, не какъ старшему между равными, но какъ государю; одинъ только смѣлый Олегъ, князь Рязанскій, оставался тайнымъ врагомъ Москвы и ждалъ случая, чтобы удовлетворить своему честолюбію.

Примиреніе великаго князя съ Михаиломъ Тверскимъ было послѣднимъ государственнымъ дѣломъ великаго святителя Алексія. Послѣдніе годы его были омрачены скорбію о безпорядкахъ, которые современники называли «церковною смутою». Король Польскій Казиміръ и князь огнепоклонниковъ Ольгердъ сильно злобились на митрополита за попеченіе его о Московскомъ великомъ княжествѣ. Они требовали отъ патріарха Филоея особаго митрополита для западныхъ епархій. Патріархъ былъ вынужденъ уступить волѣ властителей иновѣрныхъ (*) и посвятилъ

супруги своей и Печерскаго архимандрита Давида, Ольгердъ не только возвратился къ православной вѣрѣ, но и принялъ схиму съ именемъ Алексія. Онъ погребенъ въ соборномъ храмѣ Богородицы въ Вильнѣ, построенномъ имъ (еще до отступничества) и освященномъ въ 1348 году св. Алексіемъ, тогда еще намѣстникомъ митрополита Θεогноста. Въ недавнее время великій подвижникъ Русской народности Графъ М. Н. Муравьевъ приступилъ къ возобновленію этого древняго святилища, преданнаго поруганію и запустѣнію папистами. Есть надежда, что древній Пречистенскій храмъ воскреснетъ изъ своихъ развалинъ, вмѣстѣ съ обновленною русскою живнію въ Русской Литвѣ (Русская Вильна, стр. 22, 35 и 36).

(в) Казиміръ угрожалъ, что, въ случаѣ отказа патріарха,

въ санъ митрополита Галицкаго епископа Антонія, а по смерти его—Кипріяна, родомъ Серба, и притомъ съ тѣмъ, чтобы, по смерти св. Алексія, онъ остался митрополитомъ всея Руси. Великій князь Московскій выразилъ сильное неудовольствіе за назначеніе Кипріяна безъ его согласія, при жизни св. Алексія.

При такихъ обстоятельствахъ маститый первосвятитель, чувствуя приближеніе своей кончины, захотѣлъ, подобно предшественнику своему блаж. Феогносту, избрать себѣ при жизни достойнаго преемника. Онъ призвалъ къ себѣ преп. игумена Сергія и приказалъ принести для него золотой крестъ. «Прости меня, Владыко, сказалъ съ поклономъ Сергій, я отъ юности не носилъ злата, тѣмъ болѣе въ старости желаю пребывать въ нищетѣ». Тогда святитель объявилъ богоносному пустыннику, что онъ, чувствуя немощь старческую, намѣренъ посвятить Сергія въ санъ епископа и назначить его своимъ преемникомъ. Не только съ глубокимъ смиреніемъ, но даже съ живою скорбію, отрекся любитель пустыни отъ высокаго назначенія. Долго и настойчиво старался святитель убѣдить Сергія, но смиренный тру-

онъ заставитъ подвластныхъ ему русскихъ людей принять римскую вѣру и подчиниться папѣ. Патріархъ писалъ къ св. Алексію: «что мы должны были дѣлать въ такомъ положеніи? Тебя призываемъ въ судьи; что ты самъ скажешь? Другое дѣло, еслибы государь земли былъ православный. Посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось, какъ писалъ король?» (Русс. Св. февраль, стр. 110).

женникъ сказалъ ему рѣшительно: «Владыко свя-
тый! если не хочешь прогнать нищету мою отъ
твоей святыни, не говори о такомъ тяжкомъ
бремени моему недостоинству». Уразумѣвъ, что
дальнѣйшія настоянія заставляютъ Сергія удалиться
въ безвѣстную пустыню, прозорливый свя-
тель отпустилъ его обратно въ монастырь.

Кто можетъ изъяснить это священное со-
стояніе двухъ праведниковъ! По человѣческимъ со-
ображеніямъ богомудрый Сергій не хотѣлъ про-
тивиться волѣ патріарха, назначившаго митропо-
литомъ Кипріана, отягчить тѣмъ свою совѣсть и
обречь себя на продолжительныя тревоженія.
Сверхъ того, по внушенію Духа Божія, онъ могъ
ясно вѣдать свое назначеніе, помня слово апо-
стола: *каждому дается особенное явленіе духа на
пользу* (1. Коринѳ. XII, 7). «Великій отецъ нашъ
Сергій, какъ бы въ нѣкоторое вознагражденіе
православной Церкви за то, что не отдалъ ей въ
епископство самаго себя, въ обилии возвращаетъ
подъ сѣнію своею сыновъ послушанія и разума
духовнаго, которыхъ потомъ избраніе церковное
призываетъ къ епископству» (*).

(г) Отвѣтъ Высокопреосвящ. Филарета, митрополита Мос-
ковскаго на рѣчь, произнесенную архимандритомъ Леонидомъ,
при нареченіи его въ санъ епископа Дмитровскаго, викарія
Московскаго.

Изъ обители преп. Сергія вышло 79 архипастырей, а имен-
но: митрополитовъ всея Россіи 3, митрополитовъ епархіаль-
ныхъ 11, архіепископовъ 31, епископовъ 32 и, сверхъ того, 2
архипастыря занимаютъ святительскія каѳедры внѣ предѣ-
ловъ Россіи на востокѣ. Изъ числа этихъ святителей нѣко-
торые были настоятелями, другіе — намѣстниками Лавры;

Между тѣмъ великій князь готовилъ въ преемника престарѣлому святителю своего любимца Михаила (Митяя). Кромѣ осанистой наружности, этотъ Михаилъ отличался обширными познаніями въ дѣлахъ гражданскихъ; много читалъ онъ книгъ и имѣлъ крѣпкую память; бесѣда его была разнообразна и любопытна. Почему великій князь взялъ Митяя изъ Коломны, гдѣ былъ онъ священникомъ, сдѣлалъ его своимъ печатникомъ; потомъ, согласно съ своими видами, убѣдилъ его постричься въ монашество и въ тотъ же день, какъ онъ постригся, сдѣлалъ его архимандритомъ въ своемъ Спаскомъ монастырѣ (4). Димитрій усиленно просилъ св. Алексія, чтобы онъ благословилъ Михаила быть преемникомъ митрополіи, но святитель отвѣчалъ ему: «Михаилъ еще молодъ въ иночествѣ. Я не могу благословить его. Пусть будетъ митрополитомъ тотъ, кого изволитъ Богъ и Пресвятая Богородица, и изберетъ патріархъ съ соборомъ».

Предавая престолъ митрополіи и вѣрное свое стадо въ волю Божию, св. митрополитъ и чудо-

остальные получили воспитаніе въ Лаврской Семинаріи (1742—1814 г.) и въ Московской Духовной Академіи, находящейся въ обители преп. Сергія съ 1814 года.

(4) Это тотъ самый Спасскій монастырь, который основанъ въ Кремлѣ Іоанномъ Калитою. Позднѣе, при Іоаннѣ III, онъ перенесенъ на Крутицы—высокое мѣсто на берегу р. Москвы, и по новому мѣсту названъ Новоспасскимъ, а древняя церковь его обращена изъ монастырской въ дворцовую. Теперь Новоспасскій монастырь состоитъ первымъ въ числѣ ставропигіальныхъ первокласныхъ.

творецъ Алексій предалъ и духъ свой Богу, 12 февраля 1378 года, 78 лѣтъ отъ рожденія, пробывъ на кафедрѣ всероссійской митрополіи 24 года. Смиренный первосвятитель повелѣлъ положить тѣло свое внѣ церкви; но благодарный питомецъ его Димитрій, съ совѣта епископовъ, рѣшился отступить отъ его завѣщанія, и храненіе священныхъ останковъ предоставилъ той самой обители, которую почившій святитель ввѣрилъ попечительности великаго князя (*).

Драгоценными памятниками его ученія служить Евангеліе, писанное собственною рукою святителя, окружное посланіе къ паствѣ и посланіе къ нижегородскимъ христіанамъ.

Евангеліе святителя Алексія писано имъ въ 1355 году, когда онъ былъ въ Константинополѣ и, слѣдовательно, могъ имѣть въ рукахъ лучшіе списки подлинника. Евангельскій текстъ у св. Алексія, во многомъ несходный съ прежними

(*) Мощи св. митрополита Алексія были погребены въ построенной имъ Архангельской церкви Чудова морастыря, въ правомъ предѣлтаріи. Нетлѣніе мощей и даже одежда на нихъ, открылось 20 мая 1431 года, при копаніи ровъ для основанія новаго храма на мѣстѣ стараго, котораго своды обрушились отъ ветхости. Съ того времени стали чтить память великаго святителя; мощи прославлены многими чудесами и исцѣленіями. По сооруженіи въ 1686 году теплой церкви во имя св. Алексія, цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи перенесли на рукахъ своихъ мощи чудотворца въ новый храмъ, гдѣ почиваютъ онѣ и донынѣ въ серебряной ракѣ, устроенной послѣ похищенія старинной раки врагами въ 1812 году. Близъ ея сохраняются святительскія облаченія и пастырскій жезлъ великаго угодника Божія.

славянскими списками, заключаетъ не только исправленіе ошибокъ, сдѣланныхъ писцами, но совершенно новый переводъ съ подлинника (*) и отличается буквальною близостью къ греческому тексту. «Сей подвигъ, по словамъ современнаго намъ архипастыря (†), важенъ, между прочимъ, потому, что чрезъ него святитель, Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличилъ неправое мнѣніе людей явившихся послѣ него, которые даже донинѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ, непозволительно и противно православію: онъ повѣрялъ и исправлялъ; и потому, очевидно не такъ рассуждалъ, какъ новые ревнители не очень старой старины, а точно такъ же, какъ и древле и нынѣ рассуждаетъ православная Церковь».

Въ окружномъ посланіи святитель совѣтуетъ христіанамъ: «приходите къ отцу духовному съ покаяніемъ и слезами; отвергните всѣ дѣла злыя и не возвращайтесь къ нимъ. Истинное покаяніе въ томъ, чтобы возненавидѣть свои прежніе грѣхи. Оставивъ всѣ дѣла свои, безъ лѣности собирайтесь на церковную молитву. Не говорите:

(ж) Св. Алексій, какъ видно изъ поправокъ въ переводѣ Евангелія и изъ греческой подписи его (описаніе Румянц. музея стр. 48), хорошо зналъ по гречески. Онъ могъ научиться этому языку, когда жилъ и служилъ при митрополитѣ—грекѣ.

(з) Высокопреосв. митрополитъ Филаретъ, въ словѣ на день обрѣтенія мощей св. Алексія.

отпоемъ себѣ дома. Какъ храмина безъ огня отъ одного дыма не можетъ нагрѣться: такъ и молитва домашняя безъ церковной. Церковь именуется земнымъ небомъ. Въ ней закалается Агнецъ, Сынъ и Слово Божіе, для очищенія грѣховъ всего міра; въ ней проповѣдуется евангеліе царствія Божія и писанія св. апостоловъ; въ ней престолъ славы Божіей, невидимо осѣняемый херувимами; въ ней руками священническими прие́млется тѣло и кровь Божественная и преподаются вѣрнымъ во спасеніе и очищеніе души и тѣла. Имѣйте знаменіе Христово въ душахъ вашихъ. Знакъ же для овецъ стада Божія есть приобщеніе тѣла и крови Христовой. Вы, дѣти, какъ овцы словеснаго стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновивъ на себѣ сего знаменія; причащайтесь тѣла и крови Христовой».

Въ посланіи къ нижегородской паствѣ святитель поучаетъ страху Божію и сильно возстаетъ противъ пьянства. «Корень зла, говоритъ онъ, поднимающій всякія беззаконія—пьянство. Оно губитъ душу, помрачаетъ зрѣлище очей, обезсвиваетъ тѣло, сокращаетъ жизнь, потушаетъ въ человѣкѣ страхъ Божій, удаляетъ его отъ Бога и доводитъ до нищеты душевной и тѣлесной (*)».

Ублажая память великаго святителя, истиннаго отца Церкви и государства, святая Церковь взы-

(*) Первое изъ этихъ посланій напечатано въ прибавл. къ Твор. Отцевъ 1849 года, а послѣднее издано К. И. Невоструевымъ въ 1-й книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за 1861 годъ.

Мамай приготовился къ страшному нашествію на Русскую землю. Кромѣ несмѣтныхъ полчищъ Монгольскихъ, онъ велъ съ собою наемныя войска и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ ^(н), который условился дѣйствовать съ нимъ заодно. Къ нимъ присталъ внутренній измѣнникъ, Олегъ Рязанскій, въ надеждѣ распространить свои владѣнія при уничтоженіи Московской державы.

Великій князь съ своей стороны изготавился къ оборонѣ; съ нимъ соединились всѣ князья удѣльные съ своими дружинами. Составилось ополченіе, какого не видала земля Русская, даже въ самыя счастливыя времена своей цѣлости и независимости: болѣе 150,000 всадниковъ и пѣшихъ, стояло подъ Москвою, на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ Димитрій обозрѣвалъ войско. Признавая въ богосномъ игуменѣ Троицкомъ силу вѣры и даръ пророчества, достойный воспитанникъ св. Алексія пришелъ къ преп. Сергію и спрашивалъ его: идти ли ему противъ сильнаго и грознаго врага? Преподобный, совершивъ молитву, благословилъ великаго князя и сказалъ ему: «тебѣ, государь, должно попечись о врученномъ тебѣ христороименитомъ стадѣ; Богъ правды даруетъ тебѣ

(н) Ягайло или Ягелло, сынъ Ольгерда отъ Іуліаніи Тверской, крещенный въ православіи съ именемъ Іакова, перешелъ въ Римскую вѣру, чтобы жениться на королевнѣ Ядвига и съ нею получить престолъ польскій. При этомъ онъ поклялся польскимъ бискупамъ ввести папизмъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ и сдѣлался изувѣрнымъ гонителемъ православія.

побѣду и сохранить тебя для вѣчной славы, а многимъ изъ сподвижниковъ твоихъ готовы вѣнцы мученическіе». Онъ отпустилъ съ Димитріемъ двухъ своихъ иноковъ Александра Пересвѣта и Андрея Ослябю, которые были облечены въ схиму и горѣли желаніемъ пролить кровь свою за вѣру христіанскую.

Выступивъ противъ враговъ, великій князь отважно перешелъ Донъ, чтобы предупредить соединеніе Мамай съ Ягайломъ; здѣсь получилъ онъ отъ преп. Сергія просфору и посланіе, въ которомъ было писано: «иди, иди смѣло, князь, надѣйся на помощь Божию». Эти слова одушевили мужествомъ Димитрія и все войско русское. На берегахъ р. Непрядвы, на обширномъ полѣ Куликовомъ, произошла знаменитая кровопролитная битва, 8 сентября 1380 г. Мамай, не успѣвъ соединиться съ Ягайломъ (°), былъ разбитъ и обратился въ бѣгство. Преп. Сергій, во время битвы, стоя съ учениками своими на молитвѣ, говорилъ объ успѣшномъ ходѣ сраженія и о рѣшительной побѣдѣ надъ врагами; онъ даже наименовалъ павшихъ на полѣ брани и принесъ за нихъ молитву. Въ числѣ ихъ были оба инока, посланные Сергіемъ на войну. Одинъ изъ нихъ, Пересвѣтъ, мужественно вступилъ въ бой съ татарскимъ великаномъ и богатыремъ, Темиръ-

(°) Въ день Куликовской битвы Ягайло былъ не болѣе какъ въ 40 верстахъ отъ Мамай; узнавъ о пораженіи своего союзника, онъ поспѣшно обратился въ бѣгство.

Мурзою: они ударили другъ друга копьями и оба пали мертвыми съ коней (и).

Великій князь, возвратясь съ побѣдою, благодарилъ богомудраго Сергія за совѣты и молитву и съ восторгомъ восхвалялъ милость Божию. Вся Русская земля ликовала, въ первый разъ послѣ порабощенія одержавъ побѣду надъ невѣрными. Благодарные современники единогласно прозвали Димитрія *Донскимъ*, двоюроднаго брата его, Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича, одного изъ главныхъ виновниковъ счастливой побѣды, *храбрымъ*, а самую битву *Мамаевымъ побоищемъ*. Эта достославная битва еще не освободила Русской земли отъ постыднаго ига, даже не прекратила варварскихъ нашествій (р), но доказала воз-

(и) Пересвѣтъ былъ прежде бояриномъ Брянскимъ. Послѣ Мамаева побоища, тѣла иноковъ-витаевъ перевезены въ Москву и погребены на Старомъ Симоновѣ, гдѣ теперь приходская церковь Рождества Богородицы, близъ Симонова монастыря. Карамзинъ (ист. Т. V прим. 82) говоритъ: «разбирая колокольню сей церкви, въ царствованіе Екатерины II, нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Ослябя и Пересвѣта; нынѣ она стоитъ въ транзѣ; а камень закладенъ въ стѣнѣ.» Въ рукописныхъ свѣтцахъ сказано: «Преподобномученицы здѣ на Симоновѣ положены у церкви Рождества Богородицы, ученицы Сергіевы во иноцѣхъ Адрианъ (Андрей Ослябя), во иноцѣхъ Александръ (Пересвѣтъ), что были посланы отъ чудотворца Сергія на безбожнаго Мамаю».

(р) Спустя два года послѣ Мамаева побоища, Тохтамышъ, побѣдитель Мамаю, вторгнулся въ предѣлы Россіи и раззорилъ Москву. Димитрій, не успѣвъ собрать сильнаго войска, долженъ былъ удалиться съ семействомъ своимъ въ Кострому.

рожденіе силъ Руси и явилась зарею ея свободы и независимости.

Молитвенное участіе въ пораженіи Мамаю не было послѣднимъ опытомъ любви къ отечеству въ жизни дивнаго пустынника. Въ 1385 году, преп. Сергій ходилъ въ Рязань, чтобы примирить великаго князя съ коварнымъ Олегомъ. Богомудрый игумень умѣлъ смягчить сердце вѣроломнаго князя и онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній союзъ, скрѣпленный потомъ и родственною связью (°).

Любовь и вѣра Донскаго героя къ основателю Лавры Троицкой была такъ велика, что онъ имѣлъ преп. Сергія воспріемникомъ дѣтей своихъ отъ святой купели и свидѣтелемъ при своемъ духовномъ завѣщаніи (°).

Великій князь Димитрій Донскій скончался въ 1389 году, послѣ краткой болѣзни, едва достиг-

(с) Въ 1387 году сынъ Олега, Феодоръ женился на княжнѣ Московской Софѣ Дмитріевнѣ. Предъ концемъ жизни своей, Олегъ, мучимый раскаяніемъ, принялъ иночество и схиму въ основанномъ имъ Солотчинскомъ монастырѣ, въ 18 верстахъ отъ Рязани. Онъ жилъ тамъ строгимъ подвижникомъ, носилъ власяницу, а подъ нею ту самую стальную кольчугу, которую не хотѣлъ надѣть на себя для защиты отечества противъ Мамаю. Также и благочестивая супруга его Евфросинія окончила жизнь инокинею. Общая гробница князя и княгини находится въ соборной церкви Солотчина монастыря. Многіе жители г. Рязани и сосѣднихъ уѣздовъ приходятъ на поклоненіе и служатъ панихиды, надѣвая на себя кольчугу Олега (Странникъ. 1862 г. № 9, стр. 390 и 398).

(т) Въ духовномъ завѣщаніи Донскаго, прекрасномъ по чувству христіанскому и по значенію политическому, нельзя не ощущать вѣянія духа Сергіева.

нубъ сороколѣтняго возраста. По словамъ лѣтописца, невозможно описать скорби народной о смерти любимаго государя, котораго современники называли «орломъ высокопарнымъ». Долго неумолкали стенанія и вопли. Кроткій и незлобивый какъ младенецъ, но твердый въ дѣлахъ правленія, мужественный въ битвахъ, смиренный въ счастіи, терпѣливый въ бѣдствіяхъ, чистый и цѣломудренный, добрый отецъ семейства, Димитрій былъ достойнымъ питомцемъ великаго святителя Алексія; онъ ежедневно ходилъ въ церковь, часто приступалъ къ св. Тайнамъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ, но не пожелалъ, по примѣру предковъ, принять передъ смертію иноческаго постриженія (?). Престолъ великаго княженія наслѣдовалъ старшій сынъ его, 17-лѣтній Василій, и съ того времени уже никто не смѣлъ оспаривать великокняжескаго достоинства у владѣтелей Московскихъ.

Между тѣмъ богоносный Сергій, подвизаясь въ пустынѣ своей, возрасталъ духомъ и восходилъ отъ силы въ силу. Мы не можемъ описать здѣсь безчисленныхъ знаменій, въ которыхъ разнообразно являлась дарованная Сергію благодать Господня. Но не должны умолчать объ одномъ чудесномъ видѣніи, которое не только преисполнило небесною радостію самого дивнаго подвижника, но сохранилось вѣчнымъ залогомъ благо-

(у) Въ рукописныхъ святцахъ Димитрій Донской вписанъ въ число святыхъ и названъ царемъ.

воленія Божія къ обители Сергіевой. Однажды, въ глубокую ночь, Сергій пѣлъ акаѳистъ предъ иконою Богоматери и молилъ Царицу небесную, да призритъ на избранное имъ мѣсто. Окончивъ правило, онъ сѣлъ отдохнуть; но вдругъ сказалъ ученику своему Михею: «бодрствуй, чадо, мы будемъ имѣть чудное посѣщеніе». Едва сказалъ онъ эти слова, какъ услышанъ былъ голосъ: «Пречистая грядетъ!» Преподобный поспѣшилъ изъ кельи въ сѣни и тамъ осіялъ его великій свѣтъ ярче солнечнаго. Онъ узрѣлъ Богоматерь, сопровождаемую апостолами Петромъ и Іоанномъ, Сергій палъ на землю. Препоблагая Матерь коснулась его и сказала: «Не бойся, избранникъ Мой, молитва твоя о ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя Я не отступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее». Когда видѣніе кончилось и преп. Сергій пришелъ въ себя, онъ нашелъ ученика своего полумертвымъ отъ страха и поднялъ его. «Скажи, отче, спрашивалъ блаж. Михей, что за чудное видѣніе? Душа моя едва не разрѣшилась отъ тѣла». Но Сергій не могъ еще говорить отъ сильныхъ движеній духа; только лице его цвѣло и сіяло радостію (*).

Наконецъ приблизилось время богоносному Сергію перейти къ нескончаемому Божественному видѣнію. Предвидя приближеніе кончины,

(*) Это видѣніе было въ постъ Рождества Христова, въ пятницу, вѣроятно въ послѣдній годъ жизни преп. Михея, который скончался 5 мая 1389 года. (Рус. св. сентябрь стр. 176).

преп. игумень поручилъ обитель управленію ученика своего Никона, а самъ вступилъ въ совершенное безмолвіе. Въ сентябрѣ онъ почувствовалъ предсмертный недугъ, призвалъ сподвижниковъ своихъ и далъ имъ послѣднія наставленія. Предъ самымъ исходомъ души, праведникъ принялъ св. Тайны Христовы и предалъ чистую душу свою Господу, 25 сентября 1392 года, на 78 году жизни. Въ минуту разрѣшенія души отъ тѣла, небесное благоуханіе разлилось въ кельѣ, и ликъ богоноснаго старца сіялъ дивнымъ свѣтомъ и чистотою. Св. мощи были преданы землѣ близъ деревянной церкви, построенной первоначальникомъ Троицкой обители.

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій, игумень Радонежскій, чудотворецъ, не только великій свѣтильникъ благодати, но и особенный избранныкъ Божій для распространенія иноческой жизни: онъ отецъ монашества средней и сѣверной Руси; послѣдующія судьбы основанной имъ Лавры показываютъ въ немъ дивнаго заступника земной отчизны его. «Благодареніе Богу, скажемъ съ блаж. Епифаніемъ (1), что онъ даровалъ намъ такого богоугоднаго старца, святаго и преподобнаго Сергія».

«Отъ юности ты принялъ Христа въ душу твою. преподобный, и болѣе всего желалъ уклониться

(х) Первоначальное житіе преп. Сергія написано ученикомъ его, блаж. Епифаніемъ, который (какъ видно изъ его предисловія) принялся за этотъ трудъ вскорѣ по преставленіи своего блаж. наставника, писалъ то, что видѣлъ своими глазами, а о томъ, что было до него, собиралъ свѣдѣнія отъ

отъ шума мірскаго, мужественно поселился въ пустынь, и въ ней возрастилъ чадъ послушанія, плоды смиренія. Всѣхъ, приходящихъ къ тебѣ съ вѣрою, ты просвѣщаешь чудесами и всѣмъ обильно подаешь исцѣленія.—Подвижникъ добродѣтелей, истинный воинъ Бога-Христа, ты много подвизался противъ страстей въ жизни временной, былъ образцемъ для учениковъ своихъ въ молитвахъ, постѣ и бдѣніи; а потому и вселился въ тебя пресвятый Духъ, свѣтло украсивъ тебя Своими дарами. Предстоя престолу святой Троицы, поминай стадо, которое ты мудро собралъ, и не забудь посѣщать, по обѣщанію, чадъ твоихъ, Сергій, преподобный отецъ нашъ (а).

древнихъ старцевъ и отъ Стефана, брата преп. Сергія. Житіе, писанное Епифаніемъ, и пересмотрѣнное Пахоміемъ Логоетомъ въ XV вѣкѣ, напечатано въ 1647 году.—Самый древній изъ сохранившихся списковъ рукописнаго житія, писанный на Аѳонѣ въ 6939 (1431) году и переписанный Угрѣшскимъ игуменомъ Іоною, хранится въ библіотекѣ Лавры. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ составляли житіе преп. Сергія: 1) Высокопреосвящ. Филаретъ, митрополитъ Московскій въ 1822 году и 2) Преосвящ. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, въ изданіи его «Русскіе Святые» Сентябрь. 1865 — Чудеса преп. Сергія описывали: 1) Пахомій Логоеть; 2) келарь Троицкой Лавры Симонъ Азарыинъ; 3) Митрополитъ Филаретъ: «нѣкоторыя черты житія преп. Сергія послѣ смерти»; 4) Монастырскія письма, 1863. 5) Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ чудесъ описаны въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ. Предѣлы статьи не дозволили намъ исчислять здѣсь чудеса великаго чудотворца; въ своемъ мѣстѣ упомянемъ о тѣхъ, которыя имѣли отношеніе къ судьбамъ Церкви и государства.

(ц) Два тропаря преп. Сергію. Служба ему написана Пахоміемъ Логоетомъ; акаѳистъ, употребляемый въ Лаврѣ, приписывается митрополиту Платону.

ХРАМЪ БОЖІЙ—СТРАЖЪ БОЖІЙ.

Русское присловіе.

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.)

Это присловіе я зналъ еще въ дѣтствѣ, но по времени оно мною забылось, какъ многое нами забываемое. Въ недавнее время привелъ мнѣ его на память одинъ случай, о которомъ хочу теперь сказать.

Года два тому назадъ довелось мнѣ быть, по церковному дѣлу, въ домѣ одного благочестиваго и почтеннаго человѣка. Все семейство его одушевлено преданностію къ святой православной вѣрѣ и Церкви и любовію къ отечеству. Но въ этомъ домѣ встрѣтилъ я незнакомую мнѣ личность, — человѣка, по всей справедливости, современно передоваго. Какъ нѣсколько уже знакомые, мы сошлись съ нимъ дружелюбно. Разговоръ начался о церкви, въ смыслѣ мѣста собранія вѣрующихъ во имя Спасителя. Все шло сначала въ порядкѣ; но въ дальнѣйшей бесѣдѣ мой знакомый сталъ высказывать нѣчто о храмахъ Божіихъ, совсѣмъ не соответствующее ихъ достоинству и, къ общему удивленію, назвалъ ихъ будками. Я попросилъ его объяснить, въ какомъ отношеніи это неблагозвучное названіе можетъ быть приложимо къ храму Божію, и услышалъ въ отвѣтъ толь-

ко то, что въ городахъ при каждой церкви, какъ вывѣска, показывающая значеніе храма, стоитъ будка.

Горько было слышать такое смѣлое и неразумное сравненіе между двумя столь различными предметами. Но я не рѣшился прямо возстать противъ неприличнаго сравненія. Мнѣ хотѣлось побѣдить моего собесѣдника его же оружіемъ.—Соглашаюсь съ вами, сказалъ я ему.—Пусть, по вашему выраженію, храмъ Божій будка. Такое названіе не унижаетъ его, а напротивъ разъясняетъ его высокое значеніе. Храмъ Божій, дѣйствительно *будитъ* насъ на всякое доброе дѣло — будитъ для молитвы, для прославленія Бога, будитъ усыпленную подъ обаяніемъ грѣха нашу душу къ принятію спасительныхъ истинъ. Вы немного, прибавилъ я, — ошиблись, отнеся такое названіе къ предмету, столь для насъ важному. Но лучше бы сдѣлали, еслибы потрудились пріискать какое-нибудь выраженіе, болѣе соответствующее столь священному предмету.

Разговоръ нашъ длился. Собесѣдникъ мой упорно отстаивалъ свои неуважительныя мысли о храмѣ. Я утомился отъ бесполезнаго спора, да и было уже время отправляться домой.

Извозчикъ попался мнѣ преклонныхъ лѣтъ, и лошадка его, казалось, немногимъ въ этомъ отношеніи уступала своему хозяину. Отъ скуки медленнаго движенія я спросилъ моего возницу: откуда ты старичекъ?

— Егорьевскаго уѣзда, отвѣчалъ онъ, изъ села Н... не слыхивали ли?

— Слыхалъ... Ты въ самомъ этомъ селѣ и живешь?

— Нѣтъ, батюшка, живу я верстахъ въ семи отъ села, сказалъ мнѣ старикъ со вздохомъ.

— Стало быть въ деревнѣ?

— Да.

— А скажи-ка мнѣ, дѣдушка, гдѣ бы тебѣ лучше хотѣлось жить: въ селѣ, или деревнѣ?

— Вѣстимо въ селѣ, отвѣчалъ онъ.

— Почему же?

— А потому что тамъ Божій храмъ. Въ деревнѣ-то, особенно въ нашей, и сгоришь, никто не провѣдаетъ, потому что въ лѣсу живемъ. А въ селѣ не то: тамъ неравенъ случай—ударятъ въ колоколь, весь православный людъ сбѣжится. Будутъ стоять за матушку церковь, отстоятъ и хаты крестьянскія. Въ деревнѣ, не осудите меня батюшка, иной разъ забудешь и помолиться; а въ селѣ—другое дѣло. Встанетъ ли мужичекъ утромъ, у него передъ глазами Божій храмъ,—крестьянинъ невольно перекрестится. Пойдетъ ли на работу, а Божья церковь опять у него въ глазахъ, и опять онъ помолится и призоветъ Бога въ помощь себѣ. Не даромъ живетъ у насъ такая пословица: «Храмъ Божій—стражъ Божій».

Для меня утѣшительно было слышать такую истину изъ устъ простолюдина, о которой совсѣмъ забывалъ я въ бесѣдѣ съ мужемъ ученымъ. Эта истина, какъ бы въ свое оправданіе и для моего обличенія въ забвеніи о присловіи, свидѣтельствующемъ о ней, напомнила мнѣ о многихъ историческихъ фактахъ. Услышавъ ее изъ устъ крестьянина, я вспомнилъ, что еще въ древнія времена храмы Божіи были убѣжищемъ для гонимыхъ; вспомнилось мнѣ, какъ одинъ благовѣстъ къ утрени измѣнилъ мысли Грознаго царя, дышавшаго неправедной местию противъ невинныхъ Псковитянь; вспомнилось, какъ храмъ

Божій былъ стражемъ - охранителемъ жизни великаго Петра, на котораго уже было поднято смертоносное орудіе злодѣйскою рукой стрѣльцовъ. Вспомнилъ я и о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ слышалъ отъ покойнаго отца моего, и подъ впечатлѣніемъ которыхъ находился самъ. Объ этихъ-то событіяхъ я намѣренъ рассказать здѣсь, какъ о дѣйствительныхъ фактахъ, подтверждающихъ сказанную истину, что «Храмъ Божій есть стражъ Божій».

Случалось мнѣ, хотя и не часто, путешествовать по мѣстамъ мало-населеннымъ. Идешь, бывало, одиноко чрезъ лѣса или поля, засѣянные хлѣбомъ; жутко и страшно: того и смотришь, что вотъ-вотъ изъ ржи или кустарника выскочитъ звѣрь или, что хуже, злой человѣкъ. Идешь и творишь молитву, а душа трясется какъ въ лихорадкѣ. Но вотъ вдали виднѣется храмъ Божій, и точно гора свалится съ плечъ, и тотчасъ почувствуешь себя возрожденнымъ отъ боязни къ бодрости, отъ опасенія къ спокойствію душевному. Нерѣдко, въ мѣстахъ пустынныхъ, застигала меня и темнота ночи. Тогда еще страшнѣе становилось мнѣ. Бывало боишься шума листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, боишься тихаго шелеста собственныхъ шаговъ. Но вотъ раздается въ ближнемъ селѣ звонъ сторожеваго колокола, и, вѣрите ли, какъ это бывало отрадно для смущенной души! Страхъ въ минуту исчезаетъ, и мнится, будто тебя окружаютъ сонмы ангеловъ. Идешь на этотъ звукъ смѣло и подъ сѣнію храма Божія, какъбы подъ надзоромъ Божія стража, находишь себѣ пріютъ безопасный.

Шли изъ Москвы два крестьянина, такъ рассказывалъ мнѣ покойный отецъ мой,—шли они вмѣстѣ версть сотню или болѣе. Одинъ былъ старикъ, другой много мо-

ложе. Познакомились они межъ собою еще въ началѣ пути и во взаимной бесѣдѣ рассказали другъ другу о своихъ обстоятельствахъ,—и кто откуда родомъ, куда и зачѣмъ предпринималъ далекій путь въ столицу. Старикъ простодушно высказалъ своему спутнику, что онъ ходилъ въ Москву къ сыну—мастеру какихъ-то издѣлій и, слава Богу, возвращается домой не съ пустыми руками. Молодой слушалъ объ этомъ съ жадностію, и злодѣйская мысль зашевелилась въ душѣ его: онъ рѣшился товарища ограбить. Но, можетъ-быть, совѣсть возстала противъ него строгимъ обличителемъ: наши путники прошли еще нѣсколько дѣсятковъ верстъ благополучно. Но вотъ версты за четыре, на луговой сторонѣ Оки, увидѣли они большое село, откуда лежала каждому изъ нихъ своя дорога, и гдѣ они должны были распротиться. Было утро; восходящее солнце живописно играло радужными лучами, съ зелени луговъ поднимался тонкій, какъ голубая дымка, паръ; а надъ нимъ, будто бѣлая лебедь, плавалъ храмъ Божій съ золотыми крестами. «Смотри-ка товарищъ, сказалъ старикъ своему спутнику, какая чудная здѣсь церковь-то Божія».

—«А взгляни-ка, дѣдушка, говоритъ ему спутникъ, какъ кресты-то горятъ на солнышкѣ». Старикъ снялъ шляпу, приподнялъ голову, хотѣлъ перекреститься, какъ тутъ же почувствовалъ сильный ударъ по головѣ. Пораженный, онъ свалился на землю, а его спутникъ поспѣшно вынулъ изъ-за пазухи ножъ и устремилъ его къ горлу поверженнаго старца. «Что ты, что ты?» кричалъ старикъ, отводя руками смертоносное орудіе, или въ тебѣ нѣтъ Бога?.. взгляни на храмъ-то Божій»... У

злодѣя задрожала рука, но онъ не оставлялъ своего намѣренія. Стараясь перерѣзать горло, онъ сдѣлалъ на шеѣ товарища нѣсколько ранъ, и кровь заструилась ручьемъ; старикъ отъ страха не смѣлъ пошевелиться. Злодѣй, думая, что дѣло уже покончено, взялъ у него деньги и поспѣшно пошелъ далѣе. Окровавленный, чувствуя въ себѣ жизнь, приподнялъ было голову; но въ эту же минуту оглянулся и его убійца. А! онъ еще живъ, сказалъ про себя злодѣй, и поспѣшно воротился докончить неудачно начатое. «Помиловосердуй, говорилъ ему израненный, взгляни на храмъ-то Божій; Живущій въ немъ видитъ твое нечестивое дѣло».—Злодѣй затрясся и ножъ выпалъ изъ рукъ его; онъ быстро побѣжалъ къ берегу Оки и скрылся въ густотѣ ракитника. (Въ послѣдствіи онъ пойманъ и достойно наказанъ).

Пораженный старикъ, зажавъ раны рукою, лежалъ, не приподнимаясь до тѣхъ поръ, пока не увидѣли его проѣзжіе. Они поспѣшно взяли его съ собой и привезли въ село. Раны оказались неопасными; приняты были мѣры къ леченію раненаго, и старикъ выздоровѣлъ. Послѣ такого страшнаго случая въ жизни своей онъ еще жилъ много лѣтъ и часто пріѣзжалъ въ то село на ярмарки по дѣламъ торговымъ. Умилительно было видѣть, какъ этотъ спасенный чудною силою Божіею старецъ приближался къ селу съ своимъ товаромъ. За версту, бывало, онъ скинетъ шапку, идетъ пѣшіи и молится на храмъ Божій со слезами. Прежде чѣмъ начать торговлю, онъ пойдетъ въ церковь Божію, отслужитъ тамъ молебень пророку Іліи и святителю Николаю, а послѣ всѣмъ любопытствующимъ о приключеніи съ нимъ рассказываетъ, какъ храмъ Божій былъ для него, въ кри-

тическую минуту жизни, стражемъ-охранителемъ. Я самъ потомъ слышалъ это изъ устъ его.

Другое подобнаго рода произшествіе было съ помѣщикомъ села Д., Норовымъ, лѣтъ за шестьдесятъ до сего времени, когда меня еще не было на свѣтѣ. Родитель мой въ то время озабоченъ былъ построениемъ новой каменной церкви. По окончаніи курса наукъ въ бывшей Коломенской семинаріи, поступивъ священникомъ въ село Д..., онъ нашелъ тамъ храмъ деревянный и въ самомъ жалкомъ видѣ. Собравъ кое-какія средства, молодой священникъ испрашивалъ у тогдашняго епископа Коломенской епархіи благословеніе на возобновленіе ветхой церкви; но преосвященный совѣтовалъ ему строить новую каменную. «Гдѣ же взять средства?» въ недоумѣніи спросилъ преосвященнаго отецъ мой. «Средства найдутся, отвѣчалъ архіерей: храмъ Божій самъ себя будетъ строить. А чтобы начать дѣло, совѣтую тебѣ поискать близъ погоста глинки. Дрова для обожженія кирпича найдутся: лѣсу церковнаго у тебя много». Батюшка еще не собрался высказать, сколько другихъ затрудненій могло встрѣтиться при построеніи новаго храма, какъ преосвященный велѣлъ подать желѣзную лопатку и, начертавъ на рукояти крестъ, подалъ ее отцу моему. «Вотъ тебѣ въ благословеніе—начинай дѣло въ надеждѣ на помощь Божию, съ нею и окончишь начатое». Возражать было нечего. Батюшка возвратился домой съ заступомъ.

Въ приходѣ села Д... жили тогда три помѣщика. Двое изъ нихъ приняли живое участіе въ построеніи храма; обѣщали пособить общему дѣлу и третій, но по какимъ-то неудовольствіямъ на отца моего не только не

исполнялъ обѣщанія, но не принималъ священника и въ домъ свой. Такъ уваженіе къ священнику связывается съ любовью къ церкви, и напротивъ нелюбовь къ слугителямъ алтаря сопровождается нерадѣніемъ и о храмѣ Божіемъ. Средства двухъ помѣщиковъ оказались недостаточными для достиженія цѣли. Отецъ мой на своей одиночной лошаdkѣ уже два раза ѣздилъ въ Петербургъ съ рекомендательными письмами къ благотворителямъ. Труды его увѣнчались успѣхомъ, но далеко неполнымъ. Церковь готова была вчернѣ, но оставалась безъ кровли и безъ внутренняго украшенія. Батюшка перенесъ въ нее храмовой образъ святителя Николая, повѣсилъ на новую колокольню колокола и болѣе не могъ сдѣлать ничего: средства рѣшительно всѣ истощились; даже и единственная лошадка наша взята была за долги продавцемъ желѣза. Наступила дождливая осень, храмъ стоялъ безъ кровли; а помѣщикъ Норовъ не обращалъ на это и вниманія. Сколько отецъ мой ни старался получить къ нему доступъ,—все было тщетно. Тяжело было въ то время отцу моему. . . Наступить бывало ночь, всѣ спятъ спокойно, а батюшка уйдетъ въ стѣны пустаго храма и тамъ передъ образомъ святителя Николая не плачетъ только, а кричитъ скорбнымъ голосомъ, какъ будто оплакиваетъ покойника. И что же? Его душевная скорбь не оставалась безъ утѣшенія. Не разъ случалось, что, вошедши въ церковь утромъ, онъ находилъ на окнахъ церковныхъ деньги,—то пять, то десять рублей. Жертвовать эти деньги на построеніе храма рѣшительно было некому. Большой дороги черезъ наше село не было, а потому нельзя было и думать, чтобы кто-нибудь изъ проѣзжихъ дѣлалъ эти пожертвованія. Ба-

тюшка мой, въ простотѣ вѣры, былъ убѣжденъ, что это благотворить храму самъ угодникъ Божій, для подкрѣпленія храмоздателей въ надеждѣ на помощь Божию.

И дѣйствительно, Промыслъ Божій уже готовилъ средства къ окончанію дѣла. Тою же осенью, въ одну бурную, дождливую ночь, помѣщикъ Норовъ услышалъ, что кто-то тихо подѣхалъ къ его дому. Надобно замѣтить, что домъ г. Норова съ тремя или четырьмя крестьянскими дворами былъ недалеко отъ церкви, но отдѣлялся отъ нея глубокимъ оврагомъ и рѣчкою, которая извивалась межъ частаго кустарника. Вдругъ послышался сильный напоръ въ сѣнную дверь; дверь соскочила съ петель и грянулась о полъ. Тогда хозяинъ дома понялъ всю опасность своего положенія. Разбойники, подумалъ онъ, ... и не ошибся. Къ счастью, у него былъ тайный выходъ изъ подполья къ рѣчкѣ. Онъ успѣшно спустился въ подземелье, проползъ тайникомъ къ водѣ и погрузился въ нее по самую шею подъ нависшимъ ракитникомъ. Прозрогъ тутъ бѣднякъ до костей, но увѣрившись, что его не преслѣдуютъ, весь измокшій поползъ по направленію къ церкви. Связанный въ домѣ слуга его увѣрилъ разбойниковъ, что барина нѣтъ дома. Между тѣмъ Н—овъ съ трудомъ вскарабкался на горку, гдѣ возвышался новопостроенный храмъ. Измученный отъ страха и холода, онъ, собравъ послѣднія силы, взялся за веревку сторожеваго колокола и зазвонилъ, сколько доставало напряженныхъ силъ. На эту тревогу успѣшно вышли служители храма и, узнавъ въ чемъ дѣло, ударили въ набатъ. Разбойники тотчасъ же оставили домъ помѣщика и въ послѣдствіи не избѣгли правосудія. А дрожавшій отъ холода и страха Норовъ приглашенъ

былъ въ домъ священника: здѣсь перемѣнили ему бѣлье, отогрѣли чаемъ и употребляли всѣ подручныя средства къ его успокоенію. Но ничто не отвратило худыхъ послѣдствій душевнаго потрясенія и простуды: Норовъ занемогъ горячкою. Милосердый Господь пощадилъ однукоже жизнь его, видя благую перемѣну въ душѣ его. Едва больной оправился, попросилъ къ себѣ батюшку и тутъ же вручилъ ему на устроеніе храма три тысячи рублей. Потомъ велѣлъ заложить сани и поѣхалъ вмѣстѣ съ священникомъ къ новому храму принести благодареніе Господу за спасеніе своей жизни. Благодарный молебенъ отправленъ былъ со звономъ, при стеченіи многихъ прихожанъ. А спасенный помѣщикъ, цѣлуя икону святителя Николая, вслухъ всѣмъ исповѣдалъ истину, что «храмъ Божій есть стражъ Божій».

Не далеко отъ мѣста моей родины, въ глубинѣ древняго лѣса, одиноко жилъ подвижникъ благочестія. Все время и всѣ силы свои онъ посвящалъ Господу, для спасенія души своей, живя среди безлюдной пустыни съ одними дикими ея обитателями. Но и для него храмъ Божій былъ единственною отрадою и стражемъ-охранителемъ его жизни и душевнаго настроенія. Много лѣтъ я лично зналъ человѣка Божія, и едва ли не изъ числа первыхъ узналъ его пустынное убѣжище. Объ этомъ благочестивомъ мужѣ долгомъ считаю распространиться, насколько извѣстны мнѣ нѣкоторыя черты его жизни.

Жилъ у насъ въ селѣ мѣщанинъ Егоръ Николаевичъ—человѣкъ съ добрымъ нравственнымъ чувствомъ. Съ наступленіемъ весны, онъ большую часть времени проводилъ въ лѣсахъ, имѣя склонность къ собиранію лѣсныхъ произведеній, а также къ ловлѣ птицъ и ди-

кихъ звѣрей. Помню, однимъ лѣтомъ была засуха: ягодъ и грибовъ было очень мало. Е. Николаевичъ, какъ болѣе постоянный обитатель лѣсовъ, узналъ, что гдѣ-то въ далекомъ лѣсу стали показываться грузди. Онъ любилъ меня за то, что въ зимніе долгіе вечера я читалъ ему изъ Четьи-миней и рассказывалъ что зналъ самъ изъ священной исторіи. Рано утромъ Е. Н. приходитъ въ домъ нашъ и приглашаетъ меня идти съ нимъ за грибами. Я, разумѣется, былъ очень радъ его приглашенію. Но далекій путь въ неизвѣстный мнѣ лѣсъ на минуту остановилъ восторгъ мой. «Чего же ты боишься?» говорилъ мнѣ Е. Н.—«Вотъ у меня за плечами ружье, а у тебя есть завѣтный топорикъ, что подарилъ тебѣ дѣдушка: чего же намъ робѣть?»—Смѣшно, конечно, теперь объ этомъ и вспомнить, но тогда все это казалось дѣломъ благоразумнымъ. Итакъ, съ благословія батюшки, я отправился въ далекій, неизвѣстный мнѣ лѣсъ. Долго шли мы съ Е. Н.—чемъ все далѣе и далѣе въ глубину лѣса. Наконецъ пришли въ такую чащу, что, казалось, и нога человѣческая тамъ не ступала. Идемъ еще; стали попадаться грибы. Е. Николаевичъ шелъ съ ружьемъ впередъ, а я по лѣвую его сторону собиралъ молодые грузди. Вотъ лѣсъ началъ какъ будто рѣдѣть; сквозь древесныя вѣтви стало болѣе пробиваться свѣта. «Ау!» глухо прозвучалъ голосъ Е. Николаевича: я приподнялся и увидѣлъ, что онъ манитъ меня къ себѣ рукою. Что такое? подумалъ я, и поспѣшно подошелъ къ нему. Вожатый мой взялъ меня за руку: «молчи, сказалъ онъ мнѣ, и смотри». И вотъ вижу я глубокій оврагъ, на днѣ котораго струился ручеекъ; противоположная сторона его поросла частымъ трост-

никомъ; далѣе видѣлся пригорокъ, и въ немъ землянка, дверь которой отчасти прикрывалась кустарникомъ. Сердце у меня сжалось отъ страха, при видѣ таинственнаго жилища среди пустыни. Воображеніе тотчасъ представило мнѣ, что это вертепъ разбойниковъ, которыми въ то время такъ богаты были наши лѣса. Признаюсь, я забылъ и о топорикѣ своемъ, и о ружьѣ Е. Николаевича, и почти со слезами умолялъ его скорѣе удалиться отъ такого страшнаго мѣста. Но Е. Н. успокаивалъ меня, говоря: что, если тутъ и притонъ разбойниковъ, они насъ не увидятъ. Мы сѣли подъ вѣтвистыми елями, и насъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить съ другой стороны оврага было невозможно. Просидѣли мы здѣсь съ полчаса, и вдругъ дверь землянки отворилась; оттуда вышелъ человекъ лѣтъ 30-ти, въ черной власяницѣ, въ скуфейкѣ на головѣ и съ кувшиномъ въ рукахъ. Медленно сошелъ онъ къ ручью; снялъ скуфейку, нѣсколько разъ осынилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и зачерпнувъ воды, скрылся въ своемъ вертепѣ. Видишь ли, сказалъ мнѣ Е. Н., это не разбойникъ, а должно быть человекъ Божій. Пойдемъ къ нему; онъ, конечно не обидитъ насъ. И вотъ мы осторожно спустились въ оврагъ, перешли ручей, и раздвигая руками частый тростникъ, добрались до келліи черноризца. «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ», произнесъ мой товарищъ. — «Аминь» отвѣчалъ изъ глубины вертепа смущенный голосъ отшельника. Дверь отворилась, и мы робко вошли въ подземную келью подвижника. Въ углу предъ иконами Спасителя, Божіей Матери и преподобнаго Сергія теплилась лампада и лежало нѣсколько книгъ;

въ правой сторонѣ было ночное ложе отшельника изъ сухой травы и моха; на лѣвой устроена была лавочка. Здѣсь привѣтливо усадилъ насъ человѣкъ Божій и просилъ подкрѣпиться пищею. Онъ положилъ въ чашечку сухарей и налилъ ихъ водою, только-что зачерпнутою имъ изъ струистаго ручейка. Признаюсь, я никогда ничего не ѣлъ съ такимъ удовольствіемъ какъ эти сухарики. Такъ въ келліи человѣка Божія показались они мнѣ вкусными! Между тѣмъ пустынный спросилъ насъ: кто мы, и откуда, и услышавъ, что я сынъ священника, какъ-то особенно привѣтливо взглянулъ на меня. Въ свою очередь и Е. Николаевичъ осмѣлился предложить ему такіе же вопросы, и инокъ прямодушно сказалъ, что имя ему Макарій, что живетъ онъ здѣсь по своему обѣщанію, единственно ради спасенія души, и по благословенію духовнаго своего наставника, о. Самуила (а). Отшельникъ проводилъ насъ за полверсты отъ своей келліи, и напутствуя насъ благожеланіями, просилъ, чтобы мы никому о немъ не сказывали, и, казалось, съ этою просьбою особенно обращался ко мнѣ, въ которомъ онъ видѣлъ малолѣтняго и, можетъ-быть, болтливаго мальчика. Я обѣщалъ хранить тайну, и сдержалъ свое слово. Мнѣ думалось тогда, что Господь накажетъ меня, если я пренебрегу прошеніемъ человѣка Божія. Я не сказалъ о немъ ни отцу, ни матери.

(а) О. Самуиль, ученикъ знаменитаго въ подвижнической жизни о. Паисія Величковскаго, былъ въ то время строителемъ К—скаго Голутвина монастыря. Въ описаніи жизни о. Паисія Самуиль названъ искуснымъ дѣлателемъ умнаго трезвѣнія. См. жит. и писанія молдавскаго старца Паисія. Изд. 2. 1847 года.

Прошло послѣ этого не помню сколько времени. Я увидѣлъ Е. Н., и наединѣ спросилъ его, не былъ ли онъ у о. Макарія? «Былъ на томъ мѣстѣ, отвѣчалъ онъ, но Макарія не видалъ. Пещерка его пуста и дверь снята съ петлями. Видно, онъ перешелъ на другое мѣсто, или отправился на житье въ монастырь». Тѣмъ любопытство мое и ограничилось.

Наступила зима, а на слѣдующую весну батюшка отвезъ меня въ училище, которое, сказать кстати, показалось мнѣ мрачнѣе пустыннаго вертепа. Объ о. Макаріи я почти и забылъ. Но вотъ настало время желанной вакаціи. Я былъ дома, и при первой встрѣчѣ съ Е. Николаевичемъ спросилъ его объ о. Макаріи. «Вѣдь я нашелъ его еще весною, говорилъ мнѣ съ радостною улыбкой Е. Н., —нашелъ также въ землянкѣ, но уже въ другомъ мѣстѣ». И ты видѣлъ его? спросилъ я. —«Какъ же не видать — видѣлъ». Ахъ Е. Н.! ты его оиать заставишь бѣжать на новое мѣсто и копать новую землянку. —«Не безпокойся, отвѣчалъ онъ мнѣ: о. Макарій рѣшился построить себѣ бревенчатую келью поверхъ земли; онъ мнѣ показывалъ и мѣсто, которое избралъ для новаго жительства. Оно отъ насъ недалеко — всего версты три, и что за глушь такая! Среди бѣлаго дня темно какъ вечеромъ, и только рѣдко-рѣдко гдѣ сквозь чащу вѣтвей проглянетъ лучъ солнечный. Я почти сейчасъ отъ него; келлія его уже строится. Но о. Макарій чувствуетъ себя нездоровымъ. Ему хочется познакомиться съ батюшкой (священникомъ). Человѣкъ онъ жизни богоугодной, а видно безъ храма Божія обойдтись не можетъ. Онъ мнѣ много говорилъ о церкви, говорилъ, что въ ней мы и родились для истиннаго свѣта Божія, и что

безъ церкви мы люди погибшіе. Поэтому о. Макарій и желаетъ батюшку имѣть своимъ духовнымъ отцемъ; онъ говоритъ, что въ иное время, особенно за разливомъ рѣкъ, очень трудно и даже невозможно добраться до монастыря; а безъ св. причастія спастися нельзя».

Я передалъ объ этомъ родителю моему. Онъ радъ былъ видѣть о. Макарія. Условились о времени, — и вотъ пустынный отшельникъ посѣтилъ нашъ домъ. Батюшка принялъ его въ особой свѣтлицѣ, куда легонько пробрался и я, посмотрѣть на о. Макарія. Помню, какъ живо и съ какимъ увлеченіемъ говорилъ онъ о преподобныхъ отцахъ ѳиваидскихъ и палестинскихъ, и какъ дивился ихъ пустынелюбію и различнымъ лишеніямъ ради спасенія души. Не знаю почему батюшка спросилъ его: «А что, о. Макарій, думаю, что и вамъ въ пустынѣ иногда приходится жутко? Я не испыталъ одиночества, но вѣрю св. Іоанну Лѣствичнику, который сказалъ, конечно по опыту: горе единому въ пустыни». — «Да, отвѣчалъ гость нашъ, —верѣдко случается и такое искушеніе. Противъ него у монаха одно оружіе — молитва. А знаете ли, батюшка, сказалъ онъ съ одушевленіемъ, —знаете ли что особенно подкрѣпляетъ меня среди пустынного безмолвія?... Это церковный благовѣстъ къ службѣ Божіей. Какъ только услышу звонъ колокола, тотчасъ вострепещу духомъ, и мнится мнѣ, что я не одинъ, что мнѣ присуща сила Божія, и молюсь я тогда усерднѣе, и благодушествую, и пою Господу въ веселіи сердца».

Но врагъ рода человѣческаго, завидуя подвигамъ чело­вѣка Божія, не оставилъ его въ покоѣ. Началъ онъ наводить на подвижника различныя страхованія. О. Мака­рій изнемогъ духомъ, и рѣшил­ся оставить пустынное

жительство. Онъ уже отдалъ, на сломку, свою келлію нашему дьячку, а самъ собирался куда-то въ далекій скитъ. Вотъ Степанъ Ивановичъ (такъ звали дьячка) привезъ къ себѣ цѣлый возъ половыхъ досокъ изъ келліи Макарія, оконныя рамки и двери. Насъ, деревенскихъ ребятъ, собралось довольно, и всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на черныя двери, на которыхъ бѣлою краскою начертаны были большіе кресты и надписи изъ священнаго писанія. «Что же ты, Степанъ Ивановичъ, сдѣлаешь изъ келліи о. Макарія?» спросилъ его одинъ деревенскій парень. «Хочу построить свѣтлицу» отвѣчалъ тотъ. «Экой ты, Степанъ Ивановичъ! Лучше бы ты сдѣлалъ себѣ перковь изъ нея». — Я горько улыбнулся и готовъ былъ заплакать, какъ, обратившись въ сторону, чтобы скрыть свою скорбь, увидѣлъ о. Макарія. Онъ, съ котомкою за плечами, медленно поднимался на нашу горку, гдѣ стояла церковь, и слезы ручьемъ текли по его ланитамъ. «Дома ли батюшка?» спросилъ онъ меня. — Дома, отвѣчалъ я, и повелъ его къ отцу. Они затворились въ свѣтлицѣ, а я на тотъ разъ туда допущенъ не былъ. Много времени длилась ихъ бесѣда. Наконецъ дверь свѣтлицы отворилась, и я увидѣлъ о. Макарія съ лицомъ просвѣтлѣвшимъ отъ радости. Онъ приглашалъ меня, по прежнему, навѣщать его въ своей пустынѣ съ батюшкой, или съ Е. Николаевичемъ. «Да гдѣ же найдти васъ, о. Макарій?» спросилъ я. — «Все тамъ же, другъ мой; я остаюсь на прежнемъ мѣстѣ. Мнѣ захотѣлось проститься съ храмомъ Божиимъ, гдѣ Господь удостоивалъ меня общенія съ Собою; а храмъ Божій сказалъ мнѣ, чтобъ я воротился на прежнее мѣсто». Эти слова были для меня безцѣннымъ подаркомъ; я отъ радости хотѣлъ поцѣ-

ловать руку о. Макарія, но онъ не позволилъ мнѣ этого, и самъ поцѣловалъ меня въ голову.

Дивный человѣкъ былъ этотъ Макарій. Конечно, намъ трудно проникать во внутреннюю жизнь другихъ; но, судя по внѣшнему строю жизни, можно съ увѣренностію сказать, что о. Макарій былъ нелицемѣрнымъ, и въ нашей сторонѣ, скудной тогда духовнымъ просвѣщеніемъ, единственнымъ угодникомъ Божиимъ. Молитвословія 1, 3, 6, и 9-го часа онъ совершалъ своевременно, приспособляясь къ восточному счисленію времени. Въ полночь всегда стоялъ на молитвѣ и умиленно пѣлъ тропарь полунощницы: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи.» Довольствовался, по большей части, сухояденіемъ, и то не каждый день. Въ среды и пятки онъ совсѣмъ не вкушалъ пищи. На млеко и сыръ разрѣшалъ только по праздникамъ. Эту пищу доставлялъ ему Егоръ Николаевичъ. Недавно былъ у меня престарѣлый іеродиаконъ, постриженникъ Голутвина монастыря, знавшій о. Макарія лично. Случалось, говорилъ онъ, что братія въ монастырѣ были чѣмъ-нибудь недовольны. Бывало о. Самуиль и скажетъ имъ: «а какъ же, братія, живетъ Макарій; у него лишеніе еще больше чѣмъ у васъ, но онъ не ропщетъ». Отцу Макарію хорошо тамъ, отвѣтятъ на это братія: онъ въ пустынѣ на своей волѣ, самъ себѣ господинъ. «Такъ идите къ нему, и живите на тѣхъ же правилахъ какъ онъ». И вотъ, бывало, согласятся два или три брата и пойдутъ къ о. Макарію, посмотрѣтъ на пустынное приволье его. Проживутъ у него два, три дня, да скорѣе и въ монастырь. «Что, спроситъ ихъ о. строитель,—что мало погостили у о. Макарія?» Согрѣшили мы, отецъ нашъ, скажутъ на это монахи: Макарію не годимся мы и въ послушники.

Съ теченіемъ времени обстоятельства моей жизни перемѣнились; я поступилъ въ семинарію за сто верстъ отъ родины. Съ отцемъ Макаріемъ видѣлся рѣдко и даже не каждый годъ. Перемѣнилась нѣсколько и внѣшняя обстановка о. Макарія. Онъ построилъ себѣ новую келлію съ мезонинчикомъ, который называлъ горницею. Это отдѣленіе имѣло назначеніе собственно для молитвы; а внизу изъ двухъ комнатъ была одна рукодѣльная, въ которой о. Макарій занимался дѣланіемъ ложечекъ. Разъ пріѣхалъ я домой къ свѣтлой недѣлѣ. Въ страстной четвертокъ увидѣлъ я Е. Николаевича и прежде всего спросилъ его объ о. Макаріи. «Сегодня вечеромъ отправляюсь я къ нему, сказалъ Е. Н., о. Макарій желаетъ завтра быть въ церкви, слушать Евангелія о страданіяхъ Христовыхъ, и просилъ меня придти за нимъ и проводить его утромъ въ церковь. Въ лѣсу теперь такая страшная ростопель, что надо идти съ осторожностью». «Нельзя ли взять меня съ собою, Е. Николаевичъ? мнѣ очень хочется видѣть о. Макарія и его новую келлю.» «Отъ чего же нельзя? о. Макарій будетъ радъ. Готовься, я зайду за тобою». Послѣ вечерни мы отправились, и дорогой дѣлали на деревьяхъ замѣтки, гдѣ лучше завтра, въ глубокое утро, идти въ храмъ Божій. Добрались мы до келліи Макарія уже въ поздній вечеръ. О. Макарій обрадовался намъ несказанно и бесѣдовалъ съ нами болѣе часа. Потомъ пошелъ онъ въ свою горницу молиться; пошелъ и я съ нимъ, и молился часа два или болѣе. Наконецъ немощная плоть начала измѣнять движенію духа. Притомъ же пришла мнѣ и искусительная мысль: Е. Н. теперь покоится сномъ, что же и мнѣ препятствуетъ успокоиться? И вотъ я по-

тихоньку сошелъ въ низъ. Но спутникъ мой не спалъ; онъ сидѣлъ у раствореннаго окна келліи. «О. Макарій все молится», сказалъ я. «Здѣсь все хвалить Господа, отвѣчалъ мнѣ Е. Н. Сядь-ка послушай». Въ первый разъ отъ роду довелось мнѣ проводить весеннюю ночь въ пустынѣ, и что тогда творилось на землѣ и въ воздухѣ! Милліоны голосовъ разныхъ пернатыхъ и звѣрковъ сливались въ одну общую гармонію, которую можно только понимать внутреннимъ чувствомъ, но невозможно передавать словами. Я весь обратился въ слухъ, и благоговѣлъ предъ величіемъ Творца вселенной. Лѣсъ какъ бы претворился въ живое существо, то радующееся, то тоскующее, то поющее, то вздыхающее. Но внезапно мое очарованіе было прервано воемъ волковъ близъ самой келліи Макарія. Отъ страха я побѣжалъ къ нему вверхъ, и, забывъ, что подвижникъ молится, дрожащимъ голосомъ говорю ему: «О. Макарій! у самой вашей келліи воютъ хищные звѣри». «Чего же бояться? говорить, они наши благодѣтели». — Какъ благодѣтели? возразилъ я сторяча? — «Да, они напоминаютъ намъ о другихъ хищныхъ звѣряхъ, которые внутри насъ и которые гораздо опаснѣе внѣшнихъ (о. Макарій, конечно, разумѣлъ подъ образомъ звѣрей наши страсти). Ихъ дикій вопль еще тревожнѣе для души нашей. А вотъ подождите; мы пойдемъ въ храмъ Божій, и ни одинъ изъ звѣрей не будетъ беспокоить насъ. Такъ, когда почувствуешь внутреннюю тревогу, надобно искать успокоенія въ храмѣ Божиемъ — въ молитвѣ. Святые отцы совѣтуютъ христіанину, при беспорядочныхъ движеніяхъ души, ограждать крестомъ Спасителя и прибѣгать къ молитвѣ. Тогда тревога страсти непременно утихнетъ».

На востокъ уже алѣла заря, и намъ пора было идти къ утрени. О. Макарій, слушая первое страстное евангеліе, умилялся сердцемъ отъ трогательной прощальной бесѣды Господа съ учениками; а во время чтенія остальныхъ одиннадцати, стоялъ колѣно-преклоненный, проливая обильныя слезы. Но для меня особенно отраднo вспомнить, какъ благочестивый инокъ посѣщалъ храмъ нашъ въ свѣтлый день Воскресенія Христова. Бывало, только покажется на востокъ пурпуровый отсвѣтъ восходящаго солнца, еще до благовѣста къ литургіи поспѣшишь въ церковь Божию и станешь тамъ у окна юговосточнаго. Свѣтъ все болѣе и болѣе начинаетъ разливаться на востокъ. На поляхъ видны зеленѣющія проталины, и весеннія наши гости—перелетныя птички несутся по поднебесью съ своею мелодическою пѣсней; а тамъ изъ-за густыхъ, постоянно зеленѣющихъ елей, величественно восходитъ солнце, и, какъ бы радуясь побѣдѣ жизни надъ смертію, весело играетъ радужными переливами свѣта. И вотъ изъ чащи лѣса выходитъ въ черной власяницѣ съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ пустынникъ; онъ идетъ спѣшно, и солнышко, какъ бы свѣта нарочно для человѣка Божія, осіяваетъ его своими лучами. Тогда о. Макарій представлялъ мнѣ собою живой образъ преподобныхъ отцевъ Фиваиды и Сиріи, послѣ пустынныхъ подвиговъ въ св. четырехдесятницу, стекавшихъ къ первому дню Пасхи въ свои общежительныя обители для приобщенія св. таинъ и привѣтствія другъ друга съ живоноснымъ воскресеніемъ Спасителя. Съ приближеніемъ ко храму пустынелюбиваго инокъ, я спѣшилъ отворить для него южную дверь храма, и первый слышалъ изъ устъ его радостный привѣтъ ангела: Хри-

стось воскресе! Скажите, благочестивый читатель, гдѣ, внѣ святой вѣры, можно воодушевляться такими духовно-радостными чувствами, и гдѣ болѣе святымъ наслажденіемъ можно напитать свою душу?

Но вотъ и горе: батюшка мой спустя года полтора скончался. Дѣти служителей церкви съ лишеніемъ родителей лишаются и роднаго крова. Видно для нихъ особенно предназначена участь благовѣстниковъ Христовыхъ, которые говорили о себѣ такъ: «Не имамы здѣ пребывающаго града (постояннаго жилища), но грядущаго взыскуемъ». Съ горестію сердца я простился тогда съ о. Макаріемъ и своею милою родиной. Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ моего земнаго странствія. Я уже давно причтенъ былъ къ лику священно-служителей; но не могъ забыть любезной родины, не могъ забыть и тамошняго храма Божія, который съ такими трудами, заботами и слезами воздвигнуть былъ отцемъ моимъ; а какъ же забыть мнѣ и драгоценную могилу отца, съ которымъ погребены всѣ радости и счастье моей юности! И вотъ, улучивъ время, я отправился въ городъ К... съ намѣреніемъ побывать на родинѣ, чтобы помолиться на могилѣ родителя. Пріѣзжаю въ городъ къ родному брату, и что же слышу объ о. Макаріи? Его въ пустынномъ убѣжищѣ едва не сожгли живаго злоумышленники. Весь израненный онъ лежалъ тогда въ городской больницѣ, и я поспѣшилъ видѣть страдальца. Онъ едва могъ узнать меня—отъ страданій ли души и тѣла, или отъ того, что я много перемѣнился, обросши бородою и облечшись въ рясу. Но когда онъ узналъ меня, обрадовался столько, что тронулъ меня до слезъ. «Какъ это, батюшка, постигло васъ такое несчастіе?» спросилъ я о.

Макарія. «Отъ людей оно пришло ко мнѣ, сказалъ страдалецъ; но главный виновникъ зла—дѣволъ. Позвольте мнѣ собраться съ силами, я расскажу вамъ все».—«Успокойтесь, отецъ мой Я покажѣтъ побываю у зрителя (мнѣ знакомаго) и скоро возвращусь къ вамъ».—Черезъ полчаса я былъ опять у постели больнаго, и онъ разказалъ мнѣ слѣдующее:

«Въ прошлое лѣто недалеко отъ моей пустыньки снимали траву крестьяне изъ дальней деревни и верѣдко приходили ко мнѣ попросить то соли, то хлѣба; я охотно снабжалъ ихъ чѣмъ могъ, дѣлился съ ними и сухарями, и гречневой крупою. Мое маленькое хозяйство и, какъ вы знаете, скудная обстановка келліи показались имъ, должно-быть, богатыми. Не очевидно ли, что это внушеніе врага нашего спасенія? Онъ возбудилъ въ нихъ кровавый замыселъ погубить меня и разграбить мое мнимо-богатое имущество. Но видно этотъ замыселъ не скоро созрѣлъ въ душѣ ихъ. Я прожилъ лѣто и осень спокойно, ничего не подозрѣвая. А можетъ-быть они опасались злой умыселъ привести тотчасъ въ дѣло и потому, что кочевье ихъ расположено было не далеко отъ моей келліи; тогда легко могло бы на нихъ пасть подозрѣніе. Но съ наступленіемъ зимняго времени, когда пустыня дѣлается совершенно мертвою, около полуночи, они подѣхали къ моей келліи. Вышедшій на встрѣчу имъ братъ Филимонъ ⁽¹⁾ внезапно былъ ими схваченъ: ему связали руки и ноги и бросили въ сѣнцахъ. Я былъ въ страхѣ и недоумѣніи, что бы все это значило.... Мужики вошли ко мнѣ въ келлію и потребо-

(1) Такъ о. Макарій называлъ своего послушника.

вали денегъ. Было тогда у меня не болѣе рубля, и я съ охотою подалъ деньги требующимъ. Какъ, вскричали они, да развѣ у тебя столько? Ты намъ показывай, гдѣ спрятана вся казна твоя: мы знаемъ, что ты богатъ. Откуда у тебя такой домъ, и въ немъ всякое довольство? Сказывай, гдѣ у тебя деньги? Я увѣрялъ ихъ, призывая во свидѣтеля Бога, что у меня болѣе денегъ нѣтъ, и говорилъ имъ: вотъ возьмите мой зимній тулупъ, возьмите книги и инструменты, которыми я дѣлалъ тогда ложечки. Но ничто не помогло мнѣ противъ ихъ звѣрскости. «Вотъ мы попытаемъ тебя», грозили они, и обнаживъ меня совершенно, начали палить огнемъ мое тѣло. Я думалъ, что уже насталъ послѣдній часъ мой. Но это было только искушеніе. Рука Промысла уже готовила мнѣ свою защиту. Пока они меня допрашивали, страшили различными угрозами и употребляли огненную пытку, братъ мой Филимонъ, не знаю какимъ чудомъ, высвободилъ изъ веревокъ одну руку; немедленно распуталъ себѣ и ноги, и опрометью ударился бѣжать къ с. Дарищамъ, и бѣжалъ не дорогою, а цѣликомъ, какъ указывалъ ему Господь. Къ счастью, снѣгъ былъ не глубокъ, и Филимонъ добѣжалъ до церкви скоро. Тамъ ударили тревогу во всѣ колокола, и храмъ Божій былъ опять для меня стражемъ—спасителемъ. Въ это время одинъ изъ моихъ мучителей, не знаю для чего, вышелъ въ сѣни, и услышавъ колокольный звонъ, спохватился Филимона, но его на мѣстѣ не было. Тогда злодѣй смѣкнулъ, что храмъ Божій возвѣщаетъ мое спасеніе. «Вода!» закричалъ онъ своимъ соучастникамъ. Это было у нихъ паролнымъ знакомъ неудачи, и злодѣи мгновенно оставили мою келлію. Я едва могъ придти въ себя, и уви-

дѣвъ, что по полу келліи разбросаны дымящіяся головы и горящее сѣно, изувеченный и опаленный огнемъ; собралъ послѣднія силы и сталъ тушить огонь руками и своею власницею. Между тѣмъ колокольный звонъ не прекращался и проливалъ въ изнемогшую душу надежду спасенія. Вскорѣ явился мой Филимонъ съ конвоемъ дарищенскихъ крестьянъ, вооруженныхъ кто чѣмъ попало. Я зналъ моихъ злодѣевъ, зналъ даже и мѣсто постоянного ихъ жительства, но просилъ прибывшихъ мнѣ на помощь оставить злоумышленниковъ на судъ Божій, и оказать только возможное пособіе впадшему въ руки разбойниковъ. Но дарищенскіе крестьяне не хотѣли объ этомъ и слышать. Двое—трое изъ нихъ остались при мнѣ; прочіе немедленно пустились для преслѣдованія злодѣевъ. Они настигли ихъ уже въ ихъ деревнѣ, уличили въ преступленія и отдали въ руки правосудія. А бѣдный Макарій, не хотѣвшій никогда лечиться, попалъ, какъ видите, во врачевницу. Теперь мнѣ легче, а прежде огнемъ палило мои раны».

«Господь милосердъ, сказалъ я: Онъ не посылаетъ намъ искушенія выше силъ нашихъ. Я видѣлъ у смотрителя больницы доктора; онъ надѣется, что вы выздоровѣете ...А если выздоровѣете, спросилъ я, немного помолчавъ, пойдете ли опять на прежнее мѣсто, въ свою пустыньку?

«Не знаю что сказать вамъ на это, отвѣчалъ Макарій; хотѣлось бы, очень бы хотѣлось. Но духъ бодръ, а плоть немощна... Нѣтъ, подумавъ немного, сказалъ страждущій собесѣдникъ мой.—Я довольно понесъ трудовъ пустынножительства, надобно понести и труды общежитія. Пойду въ монастырь, подъ сѣнь храма Божія.

Повѣрьте, что на землѣ нѣтъ болѣе надежнаго и безопаснаго пристанища какъ Божій храмъ. «Храмъ Божій — стражъ Божій».

Это свиданіе и эта бесѣда съ о. Макаріемъ были послѣдними въ земной моей жизни. Послѣ уже я не видалъ благочестиваго старца, и не знаю, какъ онъ подвизался въ остальное время своей жизни.

Съ годъ тому назадъ я услышалъ, что о. Макарій почилъ мирно предъ Господомъ, и не одна горячая слеза канула изъ очей моихъ при вѣсти о кончинѣ его. Миръ праху его, миръ боголюбивой душѣ его! Да учинитъ Спаситель міра духъ подвижника своего въ свѣтлыхъ обителяхъ праведниковъ.

Д—изъ В. Никольскій.

РАДОСТЬ ХРИСТИАНИНА,

ПО УЧЕНИЮ АПОСТОЛА ПАВЛА Еф. 5, 18. 19.

Не упивайтесь виномъ, въ немже есть блудъ: но паче исполняйтесь Духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ, и пѣніихъ, и пѣсньхъ духовныхъ: воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.

Въ сихъ словахъ апостола содержится наставленіе касательно того, въ чемъ мы должны искать истинныхъ радостей и утѣшеній, потребныхъ намъ. Язычники искали ихъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ, къ числу которыхъ относится пьянство и происходящее отъ него распутство (*блудъ*). Самая вѣра язычниковъ освящала и оправдывала пьянство и распутство. У нихъ былъ богъ пьянства—Бахусъ, богиня сладострастія—Венера. Оттого язычники не почитали грѣхомъ предаваться этимъ порокамъ даже во время совершенія богослуженія въ честь Бахуса и Венеры. Христіанство—религія духа и чистоты ничего не имѣетъ общаго съ язычествомъ, потворствовавшимъ чувственности и грубымъ страстямъ. Христіанская вѣра заповѣдуетъ бороться съ чувственностію и грубыми страстями, и какъ для успѣха въ борьбѣ съ ними и для преспѣянія въ духовной жизни она повелѣваетъ обращаться къ благодатной помощи Божіей (Іоан. 15, 5.

Филип. 2, 13), такъ и утѣшеній и радостей научаетъ искать не въ удовлетвореніи чувственности и страстямъ, а также въ благодати Божіей, именно въ общеніи со святымъ Духомъ, источникомъ истиннаго мира и радости (Рим. 14, 17). *Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ*, говоритъ апостоль, *но паче исполняйтесь Духомъ*. То-есть помните, что вы—христіане, а не язычники, и не возвращайтесь къ нечестивымъ обычаямъ языческимъ. Только языщикамъ свойственно для избѣжанія или смягченія скорби, для подавленія скуки, для наполненія душевной пустоты, отуманивать себя виномъ и въ семъ состояніи предаваться распутству. Не увлекайтесь примѣромъ язычниковъ. Невоздержаніе, которому они предаются, не только не спасаетъ ихъ отъ скуки и душевнаго томленія, но сопровождается еще большею скукою и томленіемъ. Вы призваны къ жизни духовной, посему вамъ открыты и радости высшія, духовныя, которыя, въ противоположность языческому веселію, насыщаютъ не пресыщая, услаждаютъ не наскучивая. Эти радости—въ общеніи со Святымъ Духомъ. Итакъ, ищите сего благодатнаго общенія, исполняйтесь Духомъ или Его благодатію, не давая въ сердцахъ вашихъ мѣста мечтаніямъ о языческомъ веселіи, и будьте увѣрены, что въ Духѣ Святомъ обрѣтете неизреченное утѣшеніе. Скорбите ли вы о вашей немощи, о малоплодности вашихъ усилій въ борьбѣ съ грѣхомъ? Духъ святой утѣшитъ васъ внутреннимъ, въ глубинѣ души ощущаемымъ свидѣтельствомъ, что вы чада Божіи (Рим. 8, 16). Гнетутъ ли васъ страданія и скорби отънѣ? Онъ укрѣпитъ васъ такимъ мужествомъ и благодушіемъ, что среди скорбей и напастей лица ваши будутъ сіять невозмутимою радостію и спокойствіемъ.

Радость, возбуждаемая Святымъ Духомъ, не можетъ быть безмолвна. Какъ и всякая радость, она стремится высказаться. «Благодушествуетъ ли кто, да поетъ», говоритъ св. апостоль Іаковъ (5, 13). Пѣніе есть ближайшее выраженіе радости. Подобно сему выражается радость отъ исполненія Святымъ Духомъ: *исполняйтесь Духомъ, глаголюще себѣ* (т. е. назидая другъ друга) *во псалмѣхъ, и пѣніихъ, и пѣсняхъ духовныхъ*,—вотъ общественное, церковному собранію свойственное выраженіе духовной радости;—*воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ* (т. е. безъ постороннихъ свидѣтелей, въ тишинѣ сердца, ненарушаемой присутствіемъ другихъ лицъ) *Господеву*,—вотъ частное, уединенію свойственное выраженіе духовной радости. Но въ томъ и другомъ случаѣ въ составъ пѣнія, по ученію апостола, могутъ входить *псалмы*, т. е. пѣснопѣнія взятыя изъ псалтири, или по образцу ихъ сложенныя—*пѣнія* (гимны), т. е. тѣ пѣсни изъ священнаго Писанія ветхаго завѣта, которыя послужили основаніемъ нашихъ ирмосовъ въ канонахъ (*), и *пѣсни духовныя*, т. е. пѣснопѣнія по вдохновенію отъ Святаго Духа, весьма обыкновенныя въ церкви апостольской, обильной чрезвычайными духовными дарованіями (1 Кор. 14, 15).

Какъ рѣзко различіе между веселіемъ грубаго язычника, упивающагося виномъ и распутствующаго, и радостію христіанина, ощутившаго въ душѣ своей вѣяніе благодати Святаго Духа, и поющаго псалмы, пѣнія и пѣсни духовныя! Тамъ человѣкъ унижается до ското-

(а) Напримѣръ пѣснь Израильтянъ по переходѣ чрезъ Черное море: *поимъ Господеву, славно бо прославися, пѣснь Анны, матери Самуиловой: утвердися сердце мое о Господѣ, и другія.*

подобнаго состоянія, —здѣсь онъ возвышается до уподобленія ангеламъ, окружающимъ престолъ Всевышняго и непрерывно воспѣвающимъ Ему трисвятую пѣснь и аллилуіа. Тамъ веселіе доходитъ до помраченія человѣческаго смысла, —здѣсь оно сопровождается просвѣтлѣніемъ души, ибо Духъ Святой, воспламеняющій въ ней радость, есть Духъ истины. Тамъ —отсутствіе всякаго стыда, празднословіе, сквернословіе, ярость, хуленія, личныя оскорбленія, и вообще всѣ безобразныя проявленія утратившей чувство человѣческаго достоинства души, —здѣсь напротивъ все служитъ къ назиданію ближняго. Какъ Саулъ, попавшій въ собраніе пророковъ, и самъ сдѣлался пророкомъ, принявъ участіе въ ихъ восторженныхъ духовныхъ упражненіяхъ; такъ духомъ любви ко Господу, святости и цѣломудрія проникаются даже люди неиспытавшіе прежде сладости сей любви и преданные суетѣ, когда попадутъ въ общество прославляющихъ Господа псалмами и пѣніями и пѣснями духовными. Тамъ отъ безумнаго чувственнаго веселія душа дряхлѣетъ и готовитъ себя въ добычу невыносимой скукѣ и тоскѣ, —здѣсь она освѣжается и пріобрѣтаетъ запасъ новыхъ силъ для подвиговъ жизни духовной.

Таково поразительное различіе между языческимъ веселіемъ и христіанскою духовною радостію, въ общеніи со святымъ Духомъ. Къ сожалѣнію, не всѣ христіане дорожатъ этою радостію, не всѣ ищутъ ея, —многіе предпочитаютъ ей языческое веселіе. Источникъ и податель духовной радости есть Духъ святой, но не всѣ понимаютъ и чувствуютъ нужду въ общеніи съ Нимъ и въ подаваемыхъ отъ Него утѣшеніяхъ, —многіе даже противоборствуютъ благодати святаго Духа, подобно тѣмъ

іудеямъ, которые заслужили упрекъ апостола и архидіакона Стефана: «жестоковѣйные! люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу святому, какъ отцы ваши, такъ и вы» (Дѣя. 7, 51). И апостоль Павель, когда говоритъ: *исполняйтесь Духомъ*, предполагаетъ, что въ нашей волѣ состоитъ принять или не принять благодать святаго Духа, что мы можемъ не только не чувствовать нужды въ ней, но и противоборствовать ей. Духъ Божій и духъ міра сего (1 Кор. 2, 12) ничего не имѣютъ общаго между собою. Что удивительнаго поэтому, если люди, водящіеся духомъ міра, его образомъ мыслей, его обычаями и правилами, не хотятъ и слышать, когда имъ заговорятъ о Духѣ отъ Бога и пригласятъ вкусить и испытать сладость благодатнаго общенія съ Нимъ? Что удивительнаго также, если они, не ощущая прикосновенія къ своему сердцу благодати святаго Духа, не знаютъ вкуса въ исцѣлахъ и пѣніяхъ, не говоря о пѣсняхъ духовныхъ, дара которыхъ сподобляются не многіе даже изъ избранниковъ Божіихъ?

Живя въ мірѣ, мы не можемъ не заниматься мірскими дѣлами, — общественными, семейными, хозяйственными, не можемъ отказывать себѣ и въ нѣкоторыхъ мірскихъ удовольствіяхъ; но мы не должны увлекаться враждебнымъ Духу Божію духомъ міра сего. Что дѣлаютъ люди, пристрастившіеся къ міру, когда хотятъ возбудить или поддержать въ себѣ веселое настроеніе духа? Положимъ, они для сей цѣли не всегда упиваются виномъ и предаются дикому разгулу, отъ чего апостоль предостерегаетъ ефесскихъ христіанъ; но эта жажда свѣтскихъ развлеченій, эта гоньба за общественную часть II.

ными увеселеніями, эти бессонныя ночи проводимыя въ общественныхъ собраніяхъ для убійства времени — все что опьяняетъ человѣка не менѣ вина и притупляетъ вкусъ къ тихимъ чистымъ радостямъ, почерпаемымъ въ святой вѣрѣ. «Но какъ же быть иначе? говорятъ въ свое оправданіе люди міра: мы не монахи, чтобы чуждаться мірскихъ удовольствій, безъ нихъ отъ скуки пропадешь». Вы не монахи, не отrekliсь отъ міра; но вы должны быть христіанами, а христіанство не есть какой-нибудь обрядъ, для котораго свое мѣсто, свое время; оно—такая стихія, которая должна провицать всю нашу жизнь, управлять всѣми нашими отношеніями. Мы должны быть христіанами не только тогда, когда находимся въ храмѣ, но всегда и вездѣ—дома, на пути, въ гостяхъ, въ мѣстахъ торговли, и др., всегда и вездѣ должны поддерживать въ себѣ благочестивое христіанское настроеніе духа. И въ комъ оно сдѣлается господствующимъ, тотъ или совѣтъ не будетъ участвовать въ мірскихъ увеселеніяхъ, или приметъ въ нихъ участіе не прежде, какъ удостовѣрится въ невинномъ характерѣ ихъ. «Но быть такъ разборчивымъ — дѣло весьма скучное и положеніе человѣка, старающагося удерживать себя на высотѣ всегдшняго, христіанскаго расположенія душевнаго,—положеніе натянутое, неестественное». Кто же виноватъ въ этомъ? Безъ сомнѣнія не вѣра Христова, а мы сами. Мы сами пристрастіемъ къ міру и его утѣхамъ довели себя до того, что христіанское настроеніе духа для насъ тяжело и невыносимо скучно. У истиннаго христіанина, когда угрожаетъ ему, или уже овладѣла имъ скука, всегда есть средство торжествовать надъ нею,—это молитвенное обращеніе къ Духу Утѣшителю.

Для чего и каждому из нас не прибѣгать къ тому же средству? Тебѣ скучно отъ нечего дѣлать, отъ душевной пустоты, отъ безсилія въ борьбѣ съ грѣхами, отъ житейскихъ невзгодъ,—старайся молитвою привлечь въ свою скучающую душу Духа Утѣшителя. Вездѣ сущій и все наполняющій, Онъ близокъ къ намъ всегда и только ждетъ этой молитвы, чтобы придти и вселиться въ насъ съ своими благодатными утѣшеніями. Ты не привыкъ къ такой молитвѣ и можетъ-быть даже затрудняешься, какъ и приступить къ ней? Воспользуйся готовымъ къ сему руководствомъ—читай на примѣръ, или пой молитву: *Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины*; пой также сложенные духоносными мужами псалмы и церковныя пѣнопѣнія. Другіе поютъ ихъ для выраженія уже объявленной ихъ духовной радости, ты пой ихъ для возбужденія ея,—пой одинъ, въ уединенной твоей клѣтѣ, или пригласи къ участию въ этомъ занятіи домашнихъ твоихъ, или вообще близкихъ къ тебѣ людей. Не говори, что такія занятія неприличны дома, для нихъ мѣсто—церковь. Апостолъ имѣетъ въ виду не церковное зданіе, когда учитъ: «ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божию» (1 Кор. 10, 31). Ъсть и пить позволительно только въ домѣ, а не въ церкви; если однако не нужно выходить изъ дома, чтобы дѣлать это обыкновенное дѣло во славу Божию, съ благодарною мыслию о Богѣ, то, безъ сомнѣнія, и славословить Бога духовнымъ пѣніемъ можно и должно не въ одной церкви: самыя жилища наши пусть оглашаются и освящаются этимъ пѣніемъ. Не говори, что невозможно совмѣстить это занятіе съ житейскими. Есть много житейскихъ дѣлъ, съ которыми оно легко можетъ быть совмѣ-

щаемо безъ всякой помѣхи и вреда для нихъ. Находишь же ты возможнымъ и удобнымъ разговаривать и пѣть мірскія пѣсни во время рукодѣля и другой работы, и не говоришь, что одно другому мѣшаетъ: помѣшаютъ ли чему псалмы и церковныя пѣснопѣнія? Они помѣшаютъ только грѣху, а не дѣлу полезному или невинному; а грѣху и его соблазнамъ и надобно всячески мѣшать.

Итакъ, пусть каждый изъ насъ приметъ къ сердцу увѣщаніе апостола искать утѣшенія и радости не въ удовлетвореніи чувственности, не въ мірскихъ опасныхъ для души развлеченіяхъ, а въ благодатномъ общеніи со святымъ Духомъ и въ духовныхъ занятіяхъ, между которыми особенно важно духовное пѣніе.

Свящ. В. Нечаевъ.

НѢКОТОРЫЯ ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВУЧЕНІЯ

ОБЪ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Древнее наше монашество, насажденное вмѣстѣ съ самою вѣрою христіанскою Греческими пастырями и проповѣдниками Евангелія, собственно же основанное и установленное по духу и правиламъ Аѳонскаго общежитія преподобными Антоніемъ и Феодосіемъ, отличалось строгостію удивеннаго подвижничества и добродѣтелями общежитія, свойственными первымъ инокамъ христіанства. Слезы, пощевіе и молитва, какъ говоритъ лѣтописецъ, преподобный Несторъ (Лаврентьевская лѣтоп. стр. 69), служили основаніемъ древнихъ обителей; духъ сокрушенный и жизнь многотрудная вообще отличали тогдашнихъ иноковъ, равно какъ украшали ихъ глубокое смиреніе, совершенное послушаніе и преданность настоятелю, нестяжательность и самоотверженіе. О первыхъ черноризцахъ Печерскихъ говоритъ тотъ же Несторъ (Лаврент. лѣт. стр. 81), что Феодосій собралъ къ себѣ «такое блаженное стадо, такихъ чернцовъ, которые сіяютъ въ Руси какъ свѣтила. Одни изъ нихъ были крѣпкіе постники, другіе усердны на бдѣніе, иные на колѣнопреклоненіе или на пощевіе въ продолженіи одного или и двухъ дней, другіе вкушали только хлѣбъ съ водою, иные зеліе вареное или сырое. Пребывая въ любви, меньшіе покаялись старѣйшимъ, и не смѣли предъ ними говорить, но все дѣлали съ покорностію и послушаніемъ великимъ; также и старѣйшіе имѣли любовь къ меньшимъ, учили и исправляли ихъ, утѣшая какъ чада возлюбленныхъ. И если который братъ впадалъ въ какое-либо прегрѣшеніе, то утѣшали его, и спитимію одного брата раздѣляли трое или четверо за ве-

ликую любовь: ибо такова была любовь въ той братіи и воздержаніе великое. Если какой братъ выходилъ изъ монастыря, то всѣ братія имѣли о томъ великую печаль; посылая за нимъ, снова призывали брата въ монастырь и, пришедъ къ игумену, кланялись и умоляли его (о принятіи), и принимали брата въ монастырь съ радостію». Другой свидѣтель, неизвѣстный проповѣдникъ до-монгольскаго времени, съ высоты церковной кафедры вотъ что говорилъ о современномъ иночествѣ: (а) «А монастыри, дѣти, любите: ибо это суть крѣпости (б) святыхъ и пристанища въ сей жизни. Вшедъ въ нихъ вы видите игумена, пасущаго стадо свое, и иноковъ, ради страха Божія не отверзающихъ устъ своихъ. Видите, какъ одинъ преклонивъ очи долу, воздѣваетъ руки свои къ небу и сердце свое имѣетъ горѣ, у престола Божія, а другой, простершись ницъ, плачетъ въ своей келліи; одинъ работаетъ, какъ плѣнникъ, другіе стоятъ при дѣлахъ, какъ скотские; иные въ церкви, какъ каменные, неподвижно возсылаютъ молитвы къ Богу и умоляютъ Его за весь міръ. И сіи подвизаются въ монастыряхъ, а другіе на столпахъ около Іерусалима и по всей землѣ. Отъ сухоядѣнія у нихъ плоть прильнула къ костямъ; вѣрою они скоро могутъ исполнять все просимое и даже *представлять горы* (1 Кор. 13, 2.), т. е. помогать больнымъ и недугующимъ своими молитвами, отвращать всякій гнѣвъ Божій и напасть». По такой строгости древнихъ иноковъ, общество питало къ нимъ самое искреннее и глубокое почтеніе, — и монашество на древнюю Русь имѣло весьма обширное и спасительное вліяніе. Симонъ, постриженникъ Печерскій, описавшій великіе подвиги и чудеса Печерскихъ иноковъ, при всемъ богатствѣ, силѣ и власти своей на Владимірской кафедрѣ, писалъ о себѣ, что вмѣняя все сіе въ уметы, оцъ лучше желаетъ хотябы какимъ тростникомъ торчать предъ вратами Печерскаго монастыря, или валяться въ немъ соромъ, попираемымъ челоуѣками (Посланіе Симона къ Поликарпу). О чудесахъ Печерскихъ иноковъ, за-

(а) См. Слово «о монастыряхъ» въ Лаврскомъ пергам. спискѣ Златой чепи XIV в., отпечатанное въ Москвитянинѣ 1851 № 6.

(б) Въ подлинномъ текстѣ стоитъ подъ титломъ: *снове* — что несправедливо въ Москвитянинѣ прочитано — *сново*; надобно читать: *сунове* — древнее слово, означающее башню, замокъ.

печатѣвавшихъ святую ихъ жизнь и смиравшихъ предъ ними и самихъ властей мірскихъ, говорить и Кирилль Туровскій въ Притчѣ о бѣлоризцѣ человекѣцѣ (Памятн. XII в. стр. 127 и 129).

Посему для насъ вполне должна быть интересна и поучительна исторія древняго Русскаго монашества и изложеніе его устава и правилъ (чему прекрасный опытъ представляетъ книга П. С. Казанскаго, Москв. 1855). Поэтому же достойны нашего вниманія и древне-русскія частныя поученія и посланія объ иноческой жизни, какъ памятники, раскрывающіе его духъ и жизнь. Въ свое время они, безъ сомнѣнія, служили не малымъ побужденіемъ и руководствомъ къ иноческой дѣятельности.

Девять таковыхъ поученій мы помѣстили въ подлинномъ текстѣ, какъ матеріалы для исторіи Русской Церкви, въ майской и слѣдующихъ книжкахъ Духовнаго Вѣстника за 1862 годъ. Изъ нихъ теперь избираемъ болѣе замѣчательныя по содержанію и краснорѣчивому изложенію, и дабы они были для всякаго понятны, перелагаемъ ихъ съ древняго на нынѣшнее нарѣчіе. При этомъ переложеніи сдѣланы большія перемѣны и прибавленія въ самыхъ вступленіяхъ и примѣчаніяхъ къ нимъ, а отчасти употреблены и вновь открытые исправнѣйшіе списки.

I. ПОУЧЕНІЕ О ПОДВИГѢ ИНОЧЕСКАГО ЖИТІЯ.

Взято изъ Чудовскаго пергаменнаго Сборника № 110, XIV в., л. 282 - 285. Тамъ оно помѣщено въ слѣдъ за Сказаніемъ Кирилла Туровскаго о чернеческомъ чину, на томъ мѣстѣ, гдѣ по печатному изданію сего Сказанія въ Памятникахъ XII в. стр. 114 стоитъ прибавочная статья подъ заглавіемъ: Объ ангельскомъ образѣ мнишьствѣмъ указъ. Самой этой статьи, заимствованной издателемъ Калайдовичемъ изъ позднихъ списковъ и обыкновенно встрѣчающейся отдѣльно отъ Сказанія, нѣтъ въ Сборникѣ, равно какъ и въ другихъ древнихъ спискахъ. — Извѣстно, что изъ сочиненій Кирилла Туровскаго многія утрачены, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остаются неизвѣстными. Къ нимъ можно относить и статьи объ иноческой жизни, на томъ основаніи, что, по древнему жизнеописанію, св. Кирилль, будучи еще простымъ инокомъ, когда подвизалъ

ся въ столпѣ, многа Божественная писанія изложи, и потомъ, сдѣлавшись епископомъ, сей ревнитель иноческой жизни, сверхъ извѣстныхъ намъ доселѣ сочиненій, *и на множайшая написахъ Церкви предастъ*. (См. въ Извѣстіяхъ 2-го отд. Академіи наукъ, т. 5 стр. 258, статью преосвящ. Макарія: Св. Кирилль, епископъ Туровскій). Не принадлежитъ ли этому Русскому Златоусту XII в., *Кириллу Туровскому*, и настоящее поученіе, и даже не относится ли оно къ вышенамянутому Сказанію о чернеческомъ чину, какъ часть его? Въ поученіи, какъ и въ словахъ Кирилла Туровскаго (см. вышешок. статью: Св. Кирилль, епископъ Туровскій, стр. 228. 263), видѣвъ возвышенный, созерцательный умъ, чуждающійся популярности; но преимущественно здѣсь господствуетъ чувство автора и воображеніе, увлеченіе предметомъ и, такъ сказать, поэзія; часто употребляются образы и сравненія и развиваются полныя картины, лица говорятъ и дѣйствуютъ, какъ на сценѣ, часто встрѣчаются таинственныя объясненія и иныя примѣненія мѣсть свящ. Писанія. То же ораторское, обильное и плавное изложеніе, съ разными фигурами рѣчи, тотъ же живой и обработанный языкъ, какъ и у Кирилла Туровскаго. Прекрасно приложенъ, на примѣръ, къ падшему челоуку плачевный 136-й псаломъ и изображены его печаль и раскаяніе при потокахъ грѣха, и за тѣмъ въ такихъ же образахъ представлено искупленіе его Спасителемъ. Слова Кирилла обыкновенно оканчиваются молитвою и похвалою Богу, Иисусу Христу или святымъ его: и здѣсь въ заключеніи— побѣдная пѣснь Спасителю. Наконецъ въ предлагаемомъ поученіи представляются мысли и выраженія (отмѣченныя въ примѣчаніяхъ къ тексту) такіа, кои встрѣчаются и у Кирилла Туровскаго. Какъ бы то ни было, поученіе сіе, очевидно, Русское и относится къ древнему времени Два или три мѣста въ немъ буквально взяты изъ другой древне-русской статьи объ иноческой жизни, отпечатанной въ майской книжкѣ Духовнаго Вѣстника 1862 года, подъ № 1, или же, на оборотъ, внесены въ эту статью изъ поученія. Вообще между ними есть близкое сходство, указанное въ примѣчаніяхъ къ поученію въ Дух. Вѣстникѣ. Одно мѣсто заимствовано изъ *Лѣствицы* Іоанна Синайскаго, другое изъ собранія поученій св. Ефрема Сирина, называемаго *Паренесисъ*, аскетическаго содержанія Оба

сіи сочиненія издревле были переведены на Славянскій языкъ и употреблялись въ древнихъ обителяхъ.

Поученіе о подвигѣ иноческаго житія.

Не слѣдуетъ истиннымъ инокамъ выходить изъ монастырскихъ оградъ и входить въ мірскіе дома и соблазнять міръ своимъ нетерпѣніемъ, — міръ, котораго они отреклись, а теперь опять соединяются съ нимъ и на дѣлѣ служатъ мірскимъ страстямъ. Мірскіе люди, однажды давши обѣтъ Господу, находятся въ своихъ предѣлахъ, а иноки двукратно: во первыхъ водою и Духомъ, а во вторыхъ — слезами и покаяніемъ, остригая въ знакъ сего власы свои. Въ первомъ случаѣ, въ крещеніи, даромъ прощаются грѣхи, а здѣсь (при постриженіи) — не даромъ; первое есть восхожденіе отъ сатаны къ Богу, а второе восхожденіе отъ міра и страстей его къ ангельской жизни и къ пѣнію съ ангелами Бога во вѣки. Ангелы съ человѣками на земли Бога славятъ, а иноки съ ангелами поютъ Его на небесахъ. Ибо монастырь есть небо умное, а церковь — небеса, и въ ней иноки, составивъ съ ангелами одинъ ликъ, кажутся стоящими подъ небесами. И, настроивъ органы свои, вопіютъ, ударяя въ десятиструнныя гусли: *отверзи намъ, Господи, отверзи намъ двери небесныя* (слич. Матѳ. 25, 11.) (*), *да увидемъ въ славу* (слич. Лук. 24, 26.), займемъ мѣсто оставленное Денницею (†). Вѣрные, когда всту-

(в) Мѣсто взято изъ 5-го слова Лѣтвицы Іоанна Синайскаго о покаяніи, — въ Русскомъ переводѣ ея, сдѣланномъ въ Московской Дух. Академіи, Москва 1851, стр. 92. Но подобное же читается и у Кирилла Туровскаго въ Притчѣ о человѣкѣ бѣлоризцѣ (Памятники XII в. стр. 128).

(г) Это же читается и въ другомъ древнемъ поученіи къ инокамъ, помѣщенномъ въ Дух. Вѣст. подъ № 1: дѣвственники наполняютъ горнее украшеніе, т. е. небеса, то мѣсто

пять на путь (жизни), тогда *возрождаются* (въ купели) *на дѣла благая* (Еф. 2, 10 и др.) (А), и омываются въ источникѣ пламенномъ, т. е. въ исповѣданіи вѣры и возжигаются огнемъ небеснымъ: а инокамъ сеіи міръ бываетъ скорбенъ ради (искомыхъ ими) вѣчныхъ благъ и бываетъ легкимъ тогда, когда они не будутъ искать свѣта праведныхъ. Но они возжелаютъ этого просвѣщающаго свѣта, въ которомъ и воцарятся и будутъ вѣчно наслаждаться вѣчными благами (Е), и во вѣки вѣковъ будутъ прославлять Бога и безпрестанно воспѣвать: *святъ, святъ Святый и полны приспосуція* (жилища) *Твои святыхъ Твоихъ* (слич. Иса. 6, 3.). Ибо *пудится*, говоритъ Писаніе, *царство небесное и принуждающе себѣ здѣсь насльдуютъ его* (Матѣ. 11, 12.); а тѣ, кои здѣсь возлюбили безвременный покой, тамъ получаютъ безконечное мученіе и услышатъ они въ день ярости такой грозный отвѣтъ отъ пламеннаго Судіи: «вы пріяли (на земли) похоти сердцецъ своихъ во время воли вашей: здѣсь нѣтъ для васъ ничего, но съ пустыми руками ступайте въ дома свои, которые вы играя состро-

(славы), которое оставили падшіе ангелы. Въ другомъ древнемъ поученіи, вѣроятно, переведенномъ съ Греческаго, мысль сія излагается обстоятельнѣе: когда постригается человекъ, то бываетъ новокрещеннымъ и омывается отъ грѣха и ангелы имя его записываютъ на небесахъ... и кто соблюдаетъ себя (въ обѣтахъ иночества) благочестно и безгрѣшно..., на небеса возводится въ тотъ чинъ, который имѣлъ Сатанаилъ, но потомъ эти ангелы сдѣлались бѣсами. Въмѣсто ихъ имѣеть поставить Адамъ другихъ ангеловъ и возложить на нихъ вѣнецъ, который носилъ Сатанаилъ, и съ иноками имѣеть занять чинъ ангельскій, и много скорбятъ бѣсы, видя, что на мѣстахъ ихъ стоятъ иноки... потому что противъ нихъ (бѣсовъ) ополчаются и санъ ихъ принимаютъ соблюдающе иноческій чинъ. (См. въ Дух. Вѣст. поуч. 1 прим. 48).

(д) Подлин. тогда породятся на рождество *благовравія*.

(е) Подл. будутъ вѣчны въ вѣчныхъ.

или и создали себѣ, а Моихъ обителей не возжелали» (слич. Іоан. 14, 2.). Посему молю васъ, возлюбленные мои, послушайте Господа: *къ нечистому міру не прикасайтесь*, говоритъ Онъ (слич. 2 Кор. 6, 17.). Ибо кто изъ мірянъ сотворилъ чудеса, кто изгналъ бѣсовъ, кто воскресилъ мертвеца? Никто изъ служащихъ мірскимъ похотямъ этого не сдѣлалъ, а все это суть дѣла иноковъ, отвергшихся міра сего и похотей его (*), радости, хвалы и славы его.—Вы же, возлюбленные, не скорбите, когда ненавидитъ васъ міръ; да утѣшитъ васъ Христосъ, такъ говорящій ученикамъ Своимъ, имѣющимъ пріять скорбь отъ міра: *аще отъ міра бысте были, міръ убо своихъ, васъ, любилъ бы, но вы нѣсте отъ міра сего* (Іоан. 15, 19.); *и вы чисти есте, но не вси* (13, 10.), *единъ бо отъ васъ діаволъ есть* (6, 70.), потому что имѣеть предать Меня. Никто изъ васъ, возлюбленные, да не угодобится сему Іудѣ (*), но будьте все, какъ Петръ, горя покаянiемъ и вѣрою. У Іуды хотя и здѣсь разсѣлась утроба, но это было преддверiемъ (мученiя его), и тамъ онъ окончательно пошелъ въ огонь неугасимый, который онъ возлюбилъ,—и бѣсы возрадовались о немъ (Іудѣ). Петръ же, хотя и былъ распятъ здѣсь, но по Христѣ и за Христа, и со Христомъ на небеса взошелъ,—и возрадовались о немъ ангелы. О любезные иноки! если желаете идти на небеса, то идите: теперь уже не заграждаетъ и не охраняетъ (входъ въ нихъ) пламенное оружіе, уже примирились между собою горнее и долнее. Богъ сдѣлался человѣкомъ для того, дабы мы были сынами Его (*),

(ж) Все это мѣсто, начиная со словъ «къ нечистому міру не прикасайтесь» заимствовано изъ 2 слова Лѣствицы Іоанна Синайскаго. Оно же читается и въ вышепомянутомъ 1 поученiи объ иноческой жизни въ Дух. Вѣст. Слич. вышепоказ. мѣсто Кирилла Тур. Пам. XII в. с. 127. 129—о чудесахъ Печерскихъ иноковъ.

(з) Слич. Притчу о бѣлоризцѣ человѣкѣ, Пам. XII в. с. 130.

(и) Слич. въ словахъ Кирилла Тур. Пам. XII в. с. 48. 124.

и, взявши наше существо, почтилъ оное, и на хоругви пламенной боролся съ Денницею ⁽ⁱ⁾ и *плънивъ плънъ възде на небеса* (Ефес. 4, 8.), дабы и вы, воспѣвши побѣдныя пѣсни, пошли въ слѣдъ Его. Врата (райскія) отверзты вамъ, внидите въ нихъ, — и срѣтитъ васъ Христосъ со всѣми небесными силами и введетъ въ славу, которую Онъ обѣщалъ вамъ прежде. Но если вы не хотите пещись о небесныхъ благахъ и прилѣпите сердца ваша къ земнымъ удовольствіямъ и отвергнетесь обѣта вашего, то это въ вашей воли. Ибо не принуждаетъ насъ Богъ силою быть благими и не велитъ намъ быть злыми ^(к); но кто дѣлаетъ себя достойнымъ чести или безчестія, то это зависитъ отъ воли его. И потому, возлюбленные, постарайтесь быть добрыми, а не злыми: ибо добрымъ уготовано царство небесное, а злымъ мука вѣчная. Не печальтесь, что отказались отъ міра, и отъ богатства, и славы, и чести его. Отказавшись отъ міра, вы избавились отъ грѣховъ, вмѣсто (земнаго) богатства пріяли вѣчное царство, вмѣсто чести — покой и радость со святыми во вѣки. Постарайтесь обогатиться вѣчнымъ богатствомъ — нетлѣніемъ, покаяніемъ и терпѣніемъ, послушаніемъ, страданіемъ, воздержаніемъ, постомъ и молитвою: потому что за все сіе получите отъ Бога воздаяніе въ вѣки вѣчные. Посмотрите на міръ: тѣ, кои собираютъ тлѣнное богатство, иные зимою зябнуть отъ мороза, а лѣтомъ сожигаются отъ зноя; другіе плаваютъ по водамъ, не пріобрѣтая никакой пользы для души своей, но терпятъ только трудъ и — не въ спасеніе

(i) Т. е. на крестѣ имѣлъ борьбу съ діаволомъ и ангелами его, о чемъ говоритъ апостоль Колос. 2, 15. Посему въ древней христіанской символикѣ подлѣ Спасителя, распятаго на крестѣ, иногда представлялся діаволь, ругающійся надъ Нимъ, или, по псалму 21, 14. 22., — единорогъ и левъ, непріятельски на Него нападающіе. (Christliche Symbolik Menzel, Regensburg 1854, В. I. S. 527).

(к) Тоже въ Сказаніи о чернеческомъ чину, Пам. XII в. 121.

себѣ, для утробы своей, дабы напитать ее здѣсь, или для дѣтей своихъ, дабы обогатить ихъ, но на самомъ дѣлѣ погружаютъ ихъ, въ чемъ и сами погрязли, тѣмъ же обольщаютъ ихъ, и сводятъ внизъ хотящихъ подняться на высоту. И борется Адамъ со Христомъ. Адамъ *побидилъ тмы* (слич. 1 Цар. 18, 7.) (*), а Христосъ отъ плѣнниковъ его составилъ противъ него ополченіе и *далъ имъ оны въ нѣдра ихъ* (слич. Прит. 6, 27.) (**), и пламенный мечъ въ руки ихъ, дабы они, разгорѣвшись, посѣкли Адама и, отрѣшась отъ него, составили лики и отъ плѣна плѣнъ освободили и пріяли вѣнчаніе отъ Бога. Адамъ плѣнилъ, — и плѣнъ его крѣпокъ до самаго скончанія міра (**), а Христосъ во всякое время плѣномъ плѣняетъ его—и побѣда Его высока и вѣчна въ вѣки вѣковъ. Другіе въ мірѣ собираютъ себѣ имѣніе, или стараются стяжать (°) здѣсь временную славу, тогда какъ тамъ лишаются вѣчной славы, другіе слагаютъ главы свои, иные умъ свой погубляютъ, а нѣкоторые и души свои предаютъ огню вѣчному, и предають на временномъ вѣчное: богатство ихъ тлѣнно и *тля тлитъ и черви ѣдятъ* (Матѣ. 6, 19.), и князи вѣка сего завидуютъ. Вы же сего чужды: ваше богатство вѣчно и нетлѣнно, которое ни татіе крадутъ, ни князи тлѣнные завидуютъ, а брань у васъ *съ князи тмы вѣка сего* (Ефес. 6, 12.); но и они васъ не преодолеютъ, если сами не поработитесь имъ. Если всего міра будете богаче, то никто отъ васъ не отъиметь (достоянія вашего), ни Богъ, ни ангелы, ни всѣ святые, но напротивъ еще возрадуются о васъ и будутъ съ вами въ вѣки. Посему, если вамъ случится умереть за животъ вѣчный, не срамно будетъ вамъ пролить кровь

(*) Т. е. увлекая въ грѣхъ своихъ потомковъ.

(**) Т. е. воспламенилъ сердца ихъ огнемъ любви Божественной.

(°) Т. е. никто изъ тварей не можетъ избавить плѣнниковъ.

(o) Подл. собираютъ имѣнье, да пріобрѣзутъ....

свою: вамъ надлежитъ и на всякій день распинаться. Будьте же богаты не торжъски, но Божьски (^п), тѣмъ богатствомъ, которымъ богатаются ангелы; будьте богаты Божіею благодатію. *Не любите міра, ни яже въ немъ* (1 Іоан. 2, 15.) — это суть дѣла сатанины; съ терпѣніемъ исполняйте обѣтъ свой, не отчаяваясь и не огорчаясь. Да не будетъ міру претыканія въ вашемъ нетерпѣніи, когда люди увидятъ васъ безчинно ходящихъ и скажутъ: «смотрите, какъ иноки терпятъ! вчера васъ отреклись, а нынѣ опять водворяются съ нами, и, оставивъ Божіе утѣшеніе, ищутъ нашего утѣшенія»; а иные скажутъ: «лучше бы не давать обѣта, когда такъ терпятъ!» (^р) Если вы повинны будете сему укору, то въ этомъ нѣтъ для васъ никакой пользы. Хотя бы васъ и тмами укоряли такимъ образомъ, но и тмами за это воспримете отъ Бога муку вѣчную. Потому, возлюбленные, храните свой обѣтъ въ терпѣніи и послушаніи, не показывая другимъ мантии своей и говоря: «се мы, иноки, имѣемъ образъ ангельскій, — поклоняйтесь намъ!» Образъ васъ не спасетъ, если не украситесь дѣлами ангельскими. Когда вы вступаете въ иноческое (житіе), тогда возжигаете себѣ свѣтильники, а масла для свѣтильниковъ съ терпѣніемъ должны купить въ монастырѣ (^с), — свѣтильникъ есть вѣра, масло же —

(п) Такъ въ подл., — значить по Лук. 12, 21.: богатѣйте не въ себя, а въ Бога. Самое выраженіе: не торжъски, но Божьски — взято изъ 101 поученія Паренесиса Ефрема Сирина о покаяніи, о любви, о крещеніи и пр. (нач. Ничтоже почтимо, о любимая братія, паче нелицемѣрныхъ любве), гдѣ по Чудовскому бумажному списку № 140, XVI в., л. 416 читается: *благаяща я (святые дни) не торжъски, но Божьски, не поганьскы и ни мірскы.*—Кирилъ Туровскій любилъ подобныя единоокончанія.

(р) Слич. Пам. XII в. 103 — Сказаніе о чернеч. чину.

(с) То же см. въ Сказаніи Кирила Тур. о чернеч. чину с. 103. 111.

добрыя дѣла. Если ты по небреженію оставишь свой свѣтильникъ и не придашь масла, то онъ тотчасъ угаснетъ; такъ и вы—если вѣру имѣете, потщитесь сотворить дѣла благія. *Вѣра безъ дѣлъ* благихъ *мертва есть* (Іак. 2, 17.); такъ и вашъ обѣтъ безъ добрыхъ дѣлъ мертвъ. И такъ, возлюбленные, купите масло, доколѣ оно на торгу, торгъ же есть—монастырь, а масло—имѣть послушаніе къ игумену и ко всей братіи, труждаться въ послушаніи и ручномъ дѣлѣ, имѣть воздержаніе чрева на всякій день. Дѣлайте до ночи смерти своей; теперь ваша воля—добро дѣлать или зло,—добро дѣлая возрадуется съ ангелами на небесахъ, а держась зла будете посланы съ отпадшими бѣсами въ преисподнія мѣста. Нынѣ время вашего избавленія, нынѣ *время спасенія* (2 Кор. 6, 2.), нынѣ время спасительнаго воскресенія, то есть возстанія отъ грѣховъ: *встанете*, сказано, *львивые, не всегда ходящіе во свѣтъ* (†), и сказано также: *не погребайтесь житійскими страстьми* (‡). Нынѣ время возсозданія перваго Адама: не будемъ, каковы теперь, страстны, смертны, отпадшіе отъ Бога, преступленіемъ (заповѣди) мы сдѣлались *подобіемъ скотовъ* и поработились тлѣннымъ страстямъ (Псал. 48, 13. 21.), но будемъ такими, какими были первоначально, до ислѣнія и смертнаго приговора (*): *земля еси и въ землю пойдеши* (Быт. 3, 19.). Тогда наше естество было благо, легко, тонко, безстрастно и непреклонно ко злу, и (житіе въ общеніи) (х) съ ангелами веселое и съ Богомъ красное. И видя наше стояніе превратный ангелъ умыслилъ со-вратить насъ, и когда узналъ объ искусительной заповѣди о нашемъ произволеніи (и), тогда припаль съ

(†) Своими словами приводится текстъ Ефес. 5, 14.

(‡) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду текстъ Лук. 8, 14.

(*) Подл. до капа и до осуда смерти.

(х) Смот. ниже — въ текстѣ.

(и) Въ подл. искусь о нашемъ *изволеніи*; — изволеніе въ этомъ же смыслѣ см. и у Кирила Туровскаго Нам. с. 41.

искушеніемъ къ произволенію нашему, — и боролось естество (наше) съ произволеніемъ и побѣждено было естество произволеніемъ ангела-искусителя, и съ того времени поработилось естество произволенію его, и истлѣли оба вмѣстѣ, и человѣкъ сдѣлался весь тлѣннымъ и не остался въ немъ даже и слухъ вожделѣннаго естества нетлѣннаго. И плѣнивъ его, врагъ низвелъ его на тлѣнныя страсти и посадилъ его на потокъ грѣховномъ, и тамъ мы *сидѣли и плакали, поминая* славу нетлѣнія и житіе ангельское и райское веселіе, и заклиная себя говорили: *аще забудемъ тебя, вѣчный животъ, царство любезнаго моего естества, забвена буди* душе моя отъ Тебя, Боже, во вѣки; желали мы, повѣсивъ тѣла свои на воздержаніи, желали отрѣшиться отъ тлѣнія, — и не могли по причинѣ нужды естественной (*). И услышано было воздыханіе ихъ къ Богу на небесахъ, и удивились ангелы, *слыша воздыханіе окованныхъ* (Псал. 101, 21.), — изволилъ единородный Сынъ, Слово Божіе, хотѣніемъ Отца и Святаго Духа, снйти на землю, и воплотиться отъ чистыхъ и непорочныхъ вѣдръ дѣвическихъ, и воспріять плоть преступившаго Адама отъ нетлѣнныя Дѣвы. И такимъ образомъ соединилось Божество съ человѣчествомъ, чего не могъ разрѣшить и Предтеча (†), и былъ (Христось) Богъ совершенный и человѣкъ совершенный, и разорилъ уставы Адама тлѣннаго *и разрѣшилъ окованныя мужествомъ* сатанинымъ (Псал. 67, 7.), самого *связавъ крѣпкаго* (Матѣ. 12, 29.). И возвратилъ плѣнъ нашъ, какъ волны рѣчныя (‡), вѣтромъ Божества Своего и

(ч) Въ основаніе этого патетическаго мѣста взять плачевный псаломъ 136: На рѣкахъ Вавилонскихъ. Подобное впрочемъ объясненіе этого псалма находится въ сочиненіи св. Меѳодія Патарскаго: Пирь десяти дѣвъ, въ 28-й главѣ. Славянской переводъ этого сочиненія также — очень древній.

(ш) Въ подл. егоже неудобъ рѣшить Предтеча.

(щ) Подл. рѣчныя быстрины.

возвѣялъ на градъ души нашей югомъ славы Своя и далъ намъ (власть) наступать на всяку силу вражію (Лук. 10, 19.), дабы мы, одержавши надъ нею побѣду, воспѣли Христу побѣдную пѣснь. На естество прилетѣлъ Орелъ и восхитилъ трупъ, падшій съ небеси (слич. Матѣ. 24, 28.), и Востокъ востоковъ явился на западѣ, (*) и даде даянія въ челоуцьцяхъ и плънивъ плънъ (Ефес. 4, 8.), всѣде на слуги Своя и летъ на крилу херувимску (Псал. 17, 11.) и възиде на небеса и съде одесную величествія Отча (Ефес. 4, 9. Евр. 1, 3.), и намъ проложилъ путь, дабы мы, съ заклятіемъ отвращаясь временнаго тлѣнія и труждаясь въ дѣланіи, радостно возошли за Нимъ, взимаючи рукояти своя (Псал. 125, 6.), то есть добрыя свои дѣла и воспѣли Ему пѣснь ангельскую: святъ, святъ, святъ Господь Исусъ Христосъ, Емуже слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ.

К. Невоструевъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

(ъ) Слич. въ Акаѣистѣ сладчайшему Исусу слова 10 кондака: Спаси хотя міръ Восточе востокомъ къ темному западу—естеству нашему пришедъ смирился еси до смерти.

ЖИТИЕ СВЯТЫЯ БЛАГОВѢРНЫЯ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

Благовѣрная и блаженная княгиня Ольга, предвѣстница нашего спасенія и наставница въ вѣрѣ христіанской, чрезъ которую многіе увѣровали въ землѣ Русской, родомъ была изъ Пскова, на что указываетъ лѣтописецъ: «приведоша изъ Пскова младу и прекрасну дѣвицу Ольгу въ невѣсты Игорю». Но кто она была родомъ, — простолюдинка или знатная, яснаго нѣтъ указанія; а такъ какъ она при жизни еще Игоря, кажется, принимала участіе въ управленіи землею Русской, и отъ нея имени посылались послы въ Грецію, и на ея собственной казнѣ содержались грядни; то, конечно, нельзя не признать, что Ольга была изъ знатнаго и богатаго рода; притомъ въ то время глядѣлось строго на неравенство брака. Пусть язычество допускало многоженство, но мать князя Владимира Малуша такъ и осталась навсегда только кляшницей Ольги, да и самъ Святославъ подсмѣивался надъ сыномъ, называя его таковскимъ. Но кто бы ни была Ольга, была она мудрая, — такъ и шла о ней слава не только въ Кіевѣ, но и у сосѣднихъ народовъ.

Первый опытъ своей житейской мудрости, засвидѣтельствованный историческимъ преданіемъ, Ольга показала по смерти своего мужа Игоря. Древляне, убившіе Игоря,

отправили къ Ольгѣ посольство, предлагая ей вступить въ бракъ съ древлянскимъ княземъ Маломъ. Когда посольскія ладьи Древлянъ остановились подъ Берестовымъ, и послы извѣстили о своемъ пришествіи, то Ольга велѣла ввести ихъ къ себѣ. — «Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ, гости дорогіе?» спросила она ихъ. — Тѣ, упавъ къ ногамъ ея, сказали: «Не сердись на насъ, княгиня; мы убили князя Игоря за его лютость и несытость: онъ какъ волкъ не зналъ довольства и бралъ съ насъ дани сверхъ всякихъ силъ. Мы много отъ него терпѣли, но онъ не былъ милостивымъ, за то мы и убили его; а къ тебѣ насъ послала вся Древлянская земля—пойди за нашего князя по имени Мала: онъ добръ, и спасетъ нашу землю». Ольга, скрывая въ сердцѣ своемъ злобу, показала видъ удовольствія и сказала «Любезны мнѣ ваши рѣчи. Что дѣлать? мертвые не возстаютъ, и я не сильна воскресить мужа, и не вѣкъ же мнѣ плакать о немъ; я не беру на себя твердости по смерть вдовствовать. Почему же? я пойду за вашего князя. Идите же теперь въ свои лодки, отдохните послѣ пути, а я прикажу приготовить на утро пиръ для васъ, чтобы показать своему народу, какъ почитаю васъ. И когда пришлю звать васъ къ себѣ на пиръ, вы требуйте, чтобы несли васъ въ лодкахъ на головахъ своихъ мои посланные». — Древляне, возгордясь такимъ приемомъ отъ княгини, шли въ свои лодки, не чужа земли подъ ногами своими, и вѣроятно провели ночь съ большею пріятностью. Но между тѣмъ Ольга дѣлала распоряженіе: она велѣла на своемъ теремномъ дворѣ, бывшемъ за воротами Кіева, вырыть большую и глубокую яму. И утромъ, сѣвши подъ окномъ своего терема со своими приближенными, послала

за гостями. Тѣ уже снаряженные и во всемъ величїи ждали приглашенїя; несчастнымъ недолго пришлось дожидаться: за ними пришли княгинины люди. — «А на чемъ же вы насъ доставите ко княгинину дворцу?» спросили Древлянскїе вельможи. — А на чемъ вы прикажете, отвѣчали посланцы княгинины со смиренїемъ — «Мы не хотимъ ѣхать на коняхъ и на колесахъ, а хотимъ быть несомыми на головахъ въ нашихъ лодкахъ». — «Теперь ваше время, отвѣчали Кїевляне: — князь нашъ убить, а княгиня идетъ за вашего князя, и нѣтъ нынѣ воли нашей», — и взявъ лодки, подняли на головы. Величаво и изгибаясь, какъ сказано въ лѣтописи *въ перегибѣ*, сидѣли Древляне въ лодкахъ, которыя несли Кїевляне, поднявъ на головы. Но какъ только принесли ихъ на дворъ княгини, то по мановенїю ея руки тутъ же кинули въ яму. И Ольга сошла внизъ и, подойдя къ ямѣ, сказала: «А что, нравится ли вамъ честь сія?» Несчастные отвѣчали со стономъ: «Пуще Игоревой смерти». И затѣмъ, не медля, Ольга велѣла засыпать ихъ живыхъ землею. Такъ покончивъ съ посланными Древлянскою земли, послала княгиня къ Древлянамъ, что если точно хотятъ они брать ее князю своему въ жены, то чтобы прислали еще кого поважнѣе изъ своихъ людей, а то боится — не пустятъ ее Кїевляне. И Древляне, выбравъ изъ числа правителей земли своей восемь человекъ, съ большою свитой прислали ихъ въ Кїевъ. А княгиня, не давъ имъ войти къ себѣ, послала сказать: «Отдохните и вымойтесь сперва въ банѣ; потомъ уже я позову васъ къ себѣ.» Тѣ, уставъ съ дороги, вѣроятно, очень плохой, рады были предложенїю, и всѣ вмѣстѣ со слугами вошли въ баню, для нихъ нарочно приготовленную; а приставлен-

ные къ ней люди, по приказанію Ольги, заперли баню и подожгли со всѣхъ сторонъ, гдѣ и сгорѣли древлянскіе послы.

Не давъ разнестись молвѣ, Ольга послала къ Древланамъ: «иду къ вамъ — встрѣчайте меня и варите меду: хочу творить тризну по мужѣ своемъ, и тогда уже пойду за вашего князя.» И вслѣдъ за посланнымъ пошла не съ большою дружиной сама къ городу Коростеню, на могилу Игоря. Древлане вышли на встрѣчу къ ней съ дарами и принесли много меду; Ольга же, поплакавъ на могилѣ, велѣла насыпать на ней холмъ, по обычаю языческому, и стала угощать Древланъ.

Тѣ спросили ее: «гдѣ же наши посланные, что два раза посылали къ тебѣ?»—«А идутъ они за мною со скорбомъ моимъ и боярами моими». И велѣвъ своимъ воинамъ угощать ихъ, и когда тѣ упьются, то побить, сама отошла къ сторонѣ; воины такъ и сдѣлали, какъ приказала княгиня и побили около пяти тысячъ Древланскихъ людей.

Возвратясь въ Кіевъ, Ольга стала собирать рать, чтобы покорить всю Древланскую землю. И взявъ съ собою Святослава, уже сидѣвшаго на конѣ, на другой годъ по смерти Игоря, пошла войной на Древланъ; и тѣ такъ же съ большими полками вышли къ ней на встрѣчу. Святославъ первый пустилъ копьѣ и пѣстуны его закричали воинамъ: «Князь уже почаль: не медлите и вы!» Воины, оживленные примѣромъ юнаго князя, кинулись на Древланъ съ ожесточеніемъ; тѣ бѣжали, и затворились въ городахъ своихъ. Ольга, раздѣливъ дружину, однихъ послала покорять другіе города, а сама съ сыномъ Святославомъ пошла на Коростень и осадилъ часть и.

ла его. Коростенцы, какъ главные виновники въ убіеніи Игоря, не ждали себѣ пощады отъ Ольги, заперлись въ стѣнахъ своихъ, терпѣли крайнюю нужду, но сдаваться не думали. Ольга, простоявъ цѣлое лѣто, и не надѣясь взять городъ силою, прибѣгла къ хитрости: послала сказать Коростенцамъ: «чего вы ждете и не сдаетесь? Я не отойду, не покоривъ васъ: всѣ ужь ваши города покорились мнѣ и теперь живутъ безъ страха, занимаясь уборкою полей; а вы развѣ хотите поморить себя голодомъ, что не заботитесь о поляхъ своихъ?» Граждане отвѣчали ей: «мы рады дать тебѣ дань, какую возложишь, медомъ и мѣхами; но мы боимся, ты будешь мстить намъ смерть мужа». Ольга отвѣчала: «я ужь мстила обиду свою и въ Кіевѣ, убивъ пословъ вашихъ, и на могилѣ Игоря справила тризну по немъ; теперь же въ жалость пришла, видя, какъ обнищали вы и вѣтъ у васъ меду, чтобы дать мнѣ; а я требую отъ васъ малую дань, что не будетъ въ тягость ни кому: дайте съ cadaго двора по три голубя и по три воробья». Коростенцы, обрадованные такимъ требованіемъ княгини, съ усердіемъ собрали каждый со своего двора означенныхъ птицъ и принесли въ станъ Ольги, гдѣ она сама принимала, ласково привѣтствуя: «хорошо, теперь я вижу покорность вашу; живите мирно; я отойду отъ васъ завтра на утро. Коростенцы, возвратясь въ городъ, учредили пиршества, отдохнувъ отъ страха. А Ольга между тѣмъ раздала воинамъ своимъ принесенныхъ птицъ, велѣвъ подъ крыломъ каждой завязать сѣру съ трупомъ и зажегши, вечеромъ пустить птицъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли каждая въ гнѣздо свое, отъ чего и запылалъ городъ по всѣмъ мѣ-

стамъ и въ одно время. Жители, настигнутые пожаромъ среди ночи, не имѣли никакой возможности тушить огонь, бѣжали изъ города, и тамъ погибали отъ воиновъ Ольги. Взявши такимъ образомъ Коростень, жителей его Ольга иныхъ приказала перебить, другихъ же отдала въ рабство своимъ боярамъ, а на остальныхъ возложила такую тяжкую дань, что та дань, какую они платили Игорю, могла считаться скудною, и двѣ части дани велѣла собирать на Кіевъ, а третью часть на свой городъ Вышгородъ. И вмѣстѣ съ сыномъ и дружиною пошла по всей Древлянской землѣ, уставляла повсюду уроки и уставы о собираніи податей съ ихъ промысловъ на всѣ дни.

Воротаясь въ Кіевъ, Ольга пробыла тамъ лѣто, а на зиму отправилась въ Новгородскую землю, и установила по Мстѣ погосты и дани и по Лугѣ оброки и дани. И въ это же время заходила и на родину свою, во Псковъ, на что указываетъ Несторъ, замѣчая что сани Ольгины стояли во Псковѣ въ его еще время. Такъ устроивъ въ Новгородскомъ краю, Ольга возвратилась въ Кіевъ, гдѣ жители встрѣтили ее, какъ рачительницу земли своей. Но дѣятельная и сильная душа Ольги и среди заботъ о строѣ земнаго царства стремилась проникнуть сквозь окружающую ее темноту къ уразумѣнію свѣта истины; даже самыя заботы объ управленіи до нѣкоторой степени способствовали этому: какъ правительница царства Русскаго, принимая и обращаясь съ послами греческими и людьми торговыми, она часто вступала въ разговоръ о ихъ богослуженіи; и слушая разказы о тайнствахъ и чудесахъ, о святыхъ иконахъ и о мощахъ святителей и мучениковъ, какъ прибѣгающимъ къ нимъ съ вѣрою

подаются исполненія прошеній и цѣленія отъ болѣзней, она возымѣла желаніе быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ строятъ храмы Богу живому, все сотворившему. И собравшись съ пышною свитой, пошла въ Царь-градъ въ 955-мъ году.

Ольга поѣхала въ Константинополь, какъ самостоятельная государыня, безъ грамоты отъ Святослава; Греки же приняли ее только какъ главное лицо посольства. А согласно Игореву договору, послы должны были явиться съ грамотою отъ князя, удостовѣряющею, что они и ихъ спутники пріѣхали для мира, а не для брани. Посему Ольгѣ долго пришлось постоять въ приморской пристани Константинополя, пока Греки послѣ многихъ споровъ и переговоровъ согласились пустить ее въ свой городъ. На что указываетъ сама Ольга, когда въ Кіевѣ на пріемѣ сказала греческимъ посламъ, пріѣхавшимъ просить богатыхъ даровъ: «пусть вашъ царь придетъ самъ и постоять у меня въ Почайнѣ, какъ я стояла у него въ Суду (пристани).

Когда, наконецъ, Ольга допущена была въ Константинополь, то не роскошь и богатство греческой столицы заняли ее вниманіе, а напротивъ она прямо обратилась къ тому, къ чему стремилась душа ея. И руководимая священникомъ Григоріемъ, прибывшимъ съ ней изъ Кіева, отнеслась къ патріарху Цареградскому съ просьбою наставить ее въ вѣрѣ во Христа Иисуса, и сподобить ее святаго крещенія. Святѣйшій патріархъ огласилъ ее и, благословивъ, пророчески сказалъ: «Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ и тебя избравый отъ Русскаго рода невѣрныхъ людей. Благословенна ты въ же-

нахъ русскихъ, потому что тьму прелести временнаго свѣта сего оставила, а свѣтъ жизни вѣчныя возлюбила; благословяте тебя сыны русскіе въ будущіе дни». И обучивъ ее святому закону и видя, какъ она, понимая разумомъ, глубоко принимаетъ къ сердцу спасительныя глаголы самаго Господа, реченныя Имъ святымъ апостоламъ, былъ ея воспріемникомъ при купели и, совершивъ литургію, удостоилъ княгиню Ольгу, во святомъ крещеніи нареченную Еленой, принятія Святаго тѣла и крови Христовой. И послѣ литургіи сказалъ ей наставленіе, какъ блюсти себя, творить милостыни и имѣть память о смерти. Блаженная Ольга, нагнувъ голову, стояла, какъ губа напаяема, боясь проронить одно слово, тая ихъ въ памяти и проливая слезы. И когда патріархъ смолкъ, то она упала къ ногамъ его и сказала: «О, честный владыко! Буди ми все такъ, какъ говоришь, чтобы я могла такъ жить, такъ думать, и чтобы не осѣтилъ меня діаволъ. Да сохранить меня Господь отъ его козней и благодать Божія не оставитъ меня никогда». Патріархъ опять благословилъ ее, сказавъ: «Господь исполнитъ твое прошеніе и не лишитъ тебя блага», и отпустилъ ее изъ церкви. Ольга же прислала ему въ даръ золотое блюдо, осыпанное камнями.

Въ Обрядныхъ Запискахъ Константина Порфиророднаго, императора греческаго, сказано, что русскую княгиню принималъ: во дворцѣ императоръ и императрица, въ первый разъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а во второй въ октябрѣ; а это было не задолго до ея отъѣзда въ Кіевъ, стало-быть послѣ принятія ею св. крещенія.

Константинъ Порфирородный самъ принималъ русскую княгиню Ольгу и такъ описываетъ пріемъ ея:

«Мѣсяца сентября въ 9 день, въ среду, былъ приемъ жившей въ то время у насъ Ольги архонтиссы или княгини русской. Княгиня шла во дворецъ въ сопровожденіи своихъ родственницъ и почетныхъ женщинъ. Впереди всѣхъ шла княгиня, а за ней слѣдовала одна за другой ея спутницы. Ольга остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно логофеть отъ имени императора спрашиваетъ пословъ, которымъ дозволенъ доступъ ко двору. Позади ея вступили повѣренные (апокрисиаріи) русскихъ князей и негоціанты, по-русски, конечно, гости. Они остановились внизу у вель (порогъ, вѣроятно перегородка или завѣса, какъ можно заключить изъ того, что вель вѣшались; такъ сказано: «въ золотой залѣ были повѣшаны золотыя вель, которыя обыкновенно вѣшаютъ въ праздникъ Пасхи»). Вышедши отъ императора, княгиня прошла чрезъ комнатный садъ, черезъ залу кандидатовъ, и еще черезъ двѣ парадныя залы, вступила въ залу Золотой Руки, или въ портикъ Августеона, гдѣ она нѣсколько времени сидѣла.

Когда императоръ обычнымъ порядкомъ возвратился въ палаты, то былъ другой приемъ слѣдующимъ образомъ: въ залѣ Юстиніана было поставлено возвышеніе, покрытое пурпуровыми коврами; надъ нимъ стоялъ большой тронъ императора Теофила, и съ боку золотое императорское сѣдалище. Ниже, между двумя вѣлами, стояли два серебряные органа, а за вѣлами стояли духовыя органы. На тронѣ сидѣла императрица; княгиня, приглашенная къ ней, шла чрезъ *абсидъ* и *иподромъ* ⁽¹⁾ и чрезъ внут-

(а) *Абсидъ* восточная возвышенная часть большаго дворца; *иподромъ* дворцовая площадь для ристаній.

ренніе портики Августеона и остановилась въ скилахъ, т. е. въ залѣ трофеевъ. Между тѣмъ препозитъ и остіаріи (придверники) предъ императрицею, сидящею на тронѣ, устроили вельи. На боковомъ стулѣ сидѣла императрицына невѣстка, а всѣ придворныя женщины стояли между поставленными велями, у первой: зосты (б), у второй магистриссы или супруги магистровъ, у третьей жены патриціевъ, у четвертой должностные протоспафаріи, у пятой прочіе протоспафаріи, у шестой спафарокандидатиссы, у седьмой спафаріи, страториссы и кандидатиссы (в). Когда онѣ всѣ сошлись, наконецъ вступила русская княгиня, введенная препозитомъ и остіаріями. Она шла впереди, сопровождаемая, какъ сказано, прочею свитой женщинъ, ея родственницъ и избранныхъ прислужницъ. Тогда препозитъ отъ имени императрицы сказалъ что-то на ухо княгинѣ; она опять удалилась и сѣла въ скилахъ. Императрица же, вставши съ трона, прошла чрезъ лавсіакъ (г) и трипетонъ (д) въ кенургію (е) и оттуда въ свою кетону. Послѣ этого княгиня чрезъ Юстиніанову залу, лавсіакъ и трипетонъ, также вступила въ кенургію и тамъ нѣсколько времени отдыхала. Между тѣмъ императоръ пришелъ въ кетону императрицы (т. е. женское отдѣленіе во дворцѣ)

(б) Зостами назывались придворныя женщины самаго высшаго чина, главныя представительницы женской іерархіи при византійскомъ дворѣ.

(в) Протоспафаріи, спафаріи, спафирокаандидатиссы, страториссы,—таковыя названія носили разные чины женщинъ при византійскомъ дворѣ.

(г) *Лавсіакъ* одинъ изъ 12 дворцовъ Константина великаго.

(д) *Трипетонъ* боковая зала съ часами передъ тронною загою.

(е) *Кенурія*, такъ назывался дворецъ Василія Македонянина.

и сѣлъ тамъ вмѣстѣ съ Августою и съ своими дѣтьми порфирородными. Потомъ туда приглашена была княгиня сидѣвшая въ Кенургіи, и заявши указанное сѣдалище, разговаривала съ Императоромъ, о чемъ ей было угодно.

Въ этотъ же день былъ клеторій или императорскій обѣдъ въ Юстиніановой залѣ. Тамъ императрица возсѣдала на помянутомъ выше тронѣ и подлѣ нея сидѣла невѣстка. Княгиня сперва стояла въ сторонѣ, пока другія женщины княжеской крови, введенныя магистромъ стола, воздавали почтеніе императрицѣ; потомъ сама княгиня, небольшимъ наклоненіемъ головы засвидѣтельствовала свое почтеніе, сѣла, по обряду, вмѣстѣ съ зостами къ столу, который былъ поставленъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ императорскаго. При этомъ обѣдѣ были два хора пѣвчихъ: отъ церкви Апостоловъ и отъ св. Софіи, которые пѣли гимны въ честь императорской фамиліи, и тутъ же разыгрывались разныя театральныя представленія. Въ это же время въ золотой залѣ былъ другой столъ, гдѣ угощали всѣхъ повѣренныхъ отъ русскихъ князей и всѣхъ родственниковъ княгини и русскихъ негоціантовъ (гостей). Послѣ стола они получили подарки: тридцать милліарезій (*) племянникъ княгини, а восемь близкихъ ея друзей каждый по двадцати милліарезій; двадцать ея повѣренныхъ по 12 милліарезій; сорокъ три негоціанта (гостя) такъ же по 12 милліарезій; папасъ Григорій восемь; двое переводчиковъ двѣнадцать; люди Святослава по пяти; шесть служителей повѣренныхъ по три; переводчикъ княгини получилъ пятнадцать милліарезій. Когда императоръ всталъ изъ-за сто-

(ж) *Милліарезій* мелкая серебряная монета въ Константинополѣ.

ла, то начался десертъ на небольшомъ золотомъ столи-
кѣ, въ осыпанныхъ драгоценными камнями тарелкахъ,
который обыкновенно поставляется въ пентапиргіи. Тамъ
сидѣли императоръ Константинъ, и императоръ Романъ
порфирородный, и дѣти ихъ порфиродные, и невѣстка им-
ператорская и русская княгиня. Ей подали въ подарокъ
на золотомъ, осыпанномъ драгоценными камнями, блюдѣ
500 милліарезій, шести ея приближеннымъ по 20 мил-
ліарезій и восемнадцати прислужницамъ по восьми.

18-го октября, въ воскресенье, былъ второй кле-
торій, которымъ императоръ угощалъ Руссовъ, и опять
другой клеторій въ *пентакубиклеи* (*) св. Павла, въ
которомъ участвовали императрица съ своими пор-
фирородными дѣтьми, съ своею невѣсткой и русская
княгиня. Въ это время княгиня получила въ даръ 200
милліарезій, ея племянникъ 20, папасъ Григорій восемь,
шестнадцать приближенныхъ по двѣнадцати; восемнадцать
прислужницъ по шести; двадцать два повѣренныхъ по 12,
сорокъ четыре негоціанта по шести, двое переводчиковъ
каждый по шести».

Изъ разсказа Константина Порфиророднаго видно, что
княгиня Ольга была съ большою святой въ Констан-
тинополѣ. Но цѣль Ольги была побывать въ столицѣ
Греціи чисто духовная: она желала видѣть святыни
и тѣ мѣста, тѣ храмы, гдѣ поучали народъ великіе
вселенскіе святители Василій Великій, Григорій Бого-
словъ и Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ и Сви-
ридонъ Тримувійскій, и полная благоговѣнія отъ ли-
цезрѣнія тѣхъ святыхъ мѣсть, и видя святыя иконы и

(*) *Пентакубиклея* пятикупольный дворецъ Василія Ма-
кедонянина съ церковію св. Павла.

мощи святителей и мучениковъ, холодно глядѣла на пышность и богатство византійскаго двора и тяготилась его строгимъ этикетомъ. Ольгу можно сравнить съ царицей южской, ищущей премудрости въ челоуѣкахъ, какъ она, слыша о Соломонѣ, пожелала видѣть его и поучиться отъ разговора съ нимъ. Но Ольга выше сей царицы; та искала земной мудрости, а наша Ольга пожелала уразумѣть небесное, непостижимое, и не полагаясь на рассказы бывавшихъ у ней Грековъ, пожелала видѣть сама, и достигнувъ святыхъ мѣстъ, удивясь и уразумѣвъ истину, принявъ крещеніе, охладѣла ко всему, что не питаетъ душу, а только тѣшитъ очи и чувства.

Задумавъ о возвратномъ пути въ свою землю, Ольга пошла принять благословеніе отъ патріарха, прося молитвъ его на весь домъ и царство свое. Преклонивъ колѣно и обливаясь слезами, сказала она: «что могу воздать тебѣ, святитель, за твое священнодѣйствіе, молитвы и поученія? Тобою я просвѣтилася и получила благодать. Теперь домой иду; извѣстно тебѣ, въ какомъ нечестіи и поганствѣ живутъ люди земли моей, какъ волки, таковъ и сынъ мой. Меня же единую рабу, какъ овцу заблудшую и готовую погибнуть и попасть звѣрю на съденіе, преблагій Богъ, твоимъ предстательствомъ, въ свою ограду привелъ, и теперь къ Его незаблудшимъ овцамъ причислена есмь, и наслѣдницу во мнѣ явилъ обѣтованіямъ дивныхъ своихъ вѣчныхъ благъ. Обнадежь меня, владыко, что тѣхъ великихъ Божіихъ даровъ сподоблюся я получить отъ Единаго Бога, дарующаго блага своя любящимъ Его. Нынѣ, владыко, оставляю тебя, познавъ, какъ велика твоя любовь ко мнѣ. Благодарю за твои поученія и даруй мнѣ вмѣсто себя

пресвитера, да будетъ онъ мнѣ наставникомъ и учителемъ. Напутствуй меня молитвою и благословеніемъ на вся дни моя, помолись и за домъ мой, да сподобится получить Божію благодать черезъ твои молитвы и вѣчное благословеніе, и я молитвами твоими сохранена буду отъ навѣта вражія и отъ всякаго смущенія и озлобленія невѣрныхъ людей, да не соблазнясь вѣрую и по заповѣдямъ Божиимъ жизнь скончаю, и не посрамлена предъ Богомъ перейду въ будущій вѣкъ».

Патріархъ полонъ былъ удивленія, слушая блаженную Ольгу, съ какимъ смиреніемъ, какъ глубоко проникнута и отъ души лилась рѣчь ея вмѣстѣ со слезами. Патріархъ, желая утѣшить ее духовно, воздѣлъ руки и произнесъ молитву: «Владыко Боже Отче Вседержителю и Господи, Сыне единородный Иисусе Христе и Святой Душе, едино Божество и едина сила, благодаримъ величія Твоя благодати, яко моимъ недостойнствомъ просвѣтилъ еси сію. Услыши мя недостойнаго раба твоего, посѣти винограда сего, Тобою насажденнаго и освяти душу ея силою Твоею, и спаси ее отъ рода строптиваго и отъ всѣхъ козней вражіихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и укрѣпи ее творити волю Твою, да возраститъ плоды праведный заповѣдей Твоихъ и угодная Тебѣ совершить и вѣчныхъ благъ наслѣдницу быти, яко благословенъ еси во вѣки».

По совершеніи же молитвы патріархъ осѣнилъ Ольгу животворящимъ крестомъ, который поднесъ ей въ даръ, и сказалъ: «о, чадо вѣрное небеснаго Отца! миръ тебѣ и благословеніе и всему твоему дому и державѣ твоей во вѣки! О чадо честиѣйшая и уневѣстившаяся Христу, во Христа крестилася и во Христа облеклась! Христосъ

да сохранить тебя отъ всякаго зла. Господь Іисусъ Христосъ сохранить вхожденіе твое въ землю твоего достоянія, куда идешь и думаешь быть какъ овца посреди волковъ между невѣрными людьми; благодать Господа не оставитъ тебя, еуже божественные Апостолы вселенную научили вѣровать въ Троицѣ Единому Богу, Отцу и Сыну и святому Духу. Та благодать Божія и люди твои овцами кроткими сдѣлаеть: если захочеть Богъ, можетъ Онъ обратитъ сердца ихъ къ познанію истины. Тебя предвѣстницу дароваль имъ Своя благодати: та благодать Божія и тебя спасеть и избавитъ отъ сѣтей лукаваго, какъ въ первые дни спасла праведныхъ своихъ: Эноха отъ прелести совѣта исполинска, и Ноя отъ вселенскаго потопа, и Авраама и Сару, жену его, отъ Еерона царя, сына Хеттеева, и Лота отъ Содомлянъ, и Моисея отъ Фараона, и Давида отъ Саула, и Іову отъ кита; такъ и ты, чадо духовное, Богомъ пасома и соблюдаема, угодное Ему твори во вся дни жизни своей, въ православной вѣрѣ и поклоненіи, да сподобишься небеснаго царства наслѣдовать молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ!»

И опять благословилъ Ольгу патріархъ и съ нимъ бывшіе тутъ епископы, и поднесъ ей патріархъ святыя иконы и святыя книги и прочія церковныя вещи; далъ ей священника по ея прошенію, и, оѣнивъ животворящимъ крестомъ, сказалъ: «О, чадо Богомъ избранное! прими сію святыню и вѣчное благословеніе! О, чадо именитое изъ державныхъ, виновное спасенію Русской земли! Ты увѣровала, и вѣрою приѣмили сія божественныя изображенія, и съ вѣрою и любовію покланяйся и цѣлуй честное изображеніе образа Господа Бога нашего, насъ

ради вочеловѣчшася, и въ образѣ семъ, душею воображая, видишь самого Творца, — такъ же и пречистыя его Матери и всѣхъ святыхъ иконамъ со смиреніемъ покланяйся и думай, что ты стоишь предъ живымъ Богомъ; такъ же поклоняйся и животворящему кресту Господню, съ вѣрою переноси умныя очи и цѣлуй пригвожденнаго ради насъ плотію Господа Іисуса Спасителя всего міра, давшаго образъ сей на спасеніе рода человѣческаго и чрезъ него побѣду даровавшаго намъ на діавола, который боится и трепещетъ силы его».

• Такимъ образомъ напутствованная патріархомъ, благовѣрная княгиня Ольга воротилась въ Кіевъ просвѣщенная, обновленная и перерожденная; она какъ будто бы сдѣлалась другимъ человѣкомъ: старой Ольги не стало видно и слѣда въ новой Еленѣ. Ольга до принятія христіанства была горда, властолюбива, мстительна, сребролюбива и, достигая власти и сокровищъ, не разбирала средствъ. Въ ней какъ будто были заглушены человѣческія чувства, состраданіе къ несчастнымъ ей не было знакомо. Но сдѣлавшись христіанкой не по имени только, но такъ, какъ предписываетъ святой законъ, отреклась стараго человѣка Адама и облеклась въ новаго человѣка Іисуса, омывши всѣ свои страсти покаяніемъ и въ купели крещенія. Смиренною, нищелюбивою вошла она въ землю свою.

Блаженная Ольга, говоритъ Несторъ, была предтечею христіанства въ Русской землѣ. Какъ денница предъ солнцемъ и какъ заря предъ свѣтомъ свѣтилась, и какъ луна въ ночи сіяла, Ольга между невѣрными людьми, и какъ бисеръ въ сору свѣтилась, не теряя отъ общенія съ невѣрными людьми свѣтлости души своей. Именно достой-

на похвалы была жизнь ея. Радуюсь духомъ о себѣ, блаженная Ольга скорбѣла о сынѣ и о всѣхъ людяхъ земли своей, и старалась просвѣтить какъ его, такъ и всѣхъ людей. Она проповѣдывала слово Божіе и говорила сыну неотступно: «сынъ мой! я, Бога познавъ, радуюсь; если и ты познаешь, возрадуется твой духъ. Велика эта радость! Сынъ мой, не откладывай перемѣнить бездушныхъ идоловъ на живаго Бога». Но Святославъ былъ упрямъ и непослушливъ; онъ мало думалъ о душѣ и не хотѣлъ мѣнять своей вѣры и говорилъ въ отвѣтъ увѣщаніямъ матери: «какъ могу я измѣнить законъ мною уставленный, и когда дружина и весь народъ почитаютъ идоловъ, которые стояли при отцѣ и дѣдѣ моемъ, а ты учишь меня поклоняться тому, кого не видишь; да послѣ этого всѣ смѣяться надо мной будутъ, а дружина повиноваться перестанетъ». Ольга же говорила: «когда ты увѣруешь и крестишься, всѣ такъ поступать». Но Святославъ не вразумлялся и жилъ и вѣровалъ по-старому, впрочемъ другимъ не запрещалъ креститься, только смѣялся надъ таковыми, почему новопросвѣщенные и таились отъ него въ вѣрѣ своей. Но Ольга, любя сына, не переставала докучать ему, стараясь внушить, какъ нелѣпо его вѣрованіе и какъ дурна жизнь его; но Святославъ оставался непреклоненъ. Тяжело было Ольгѣ глядѣть на близкихъ сердцу людей, жившихъ нечестиво, и, часто плача, она говорила такъ: «воля Божія да будетъ: если будетъ Богу угодно помиловать мой родъ и землю Русскую, Онъ вложитъ въ сердца людей обратиться къ Нему, какъ и мнѣ Богъ даровалъ». И непрестанно молилась за Русскую землю.

Смущался, видно, и Святославъ близъ матери: и рѣд-

ко и не подолгу жилъ въ Кіевѣ, предоставляя ей внутреннее управленіе государствомъ, а самъ занимался только военными походами. Но многіе и разнообразныя труды по управленію не препятствовали Ольгѣ заниматься и дѣлами вѣры и любви христіанской. Она многихъ обратила къ крещенію, построила на могилѣ Аскольда и Дира церковь во имя святителя Николая; какъ христіане, такъ и язычники шли къ ней невозбранно за милостыней и по другимъ дѣламъ. И ко всѣмъ она была равно справедлива и милосерда, и во всѣхъ людяхъ видѣла одно человѣчество.

Любя сильно людей, Ольга скорбѣла объ ихъ упорствѣ въ невѣріи. И радовалась, когда кто увѣруетъ и крестится, и съ этою цѣлю она путешествовала по всей землѣ Русской проповѣдывать слово Божіе, и пришла на родину свою во Псковъ и тамъ, какъ говоритъ преданіе, на рѣкѣ такъ-называемой Великой увидала вверху густаго бора три свѣтлыхъ луча, и осѣнивъ боръ знаменіемъ креста, сказала окружающимъ ее людямъ: «здѣсь созиждутъ русскіе люди церковь во имя святыя животначальныя Троицы». —Обойдя свою землю, Ольга утѣшалась, что между закоснѣлыми въ невѣріи людьми находила воспріимчивыя души, которыя при ней и крестились. Она же ставила по мѣстамъ кресты, къ которымъ прибѣгали Русскіе христіане и немощные получали исцѣленіе.

Но дни земнаго странствованія Ольги были уже изотчены, —Богъ призывалъ ее къ себѣ. Возвратясь въ Кіевъ, она скоро увидала подъ стѣнами этого города дикихъ Печенѣговъ, и запершись съ своими внуками и гражданами, ждала уже горькаго плѣна у варваровъ; но воевода Претичь, стоявшій съ своимъ полкомъ за Днѣпромъ,

сумѣлъ избавить Кіевъ отъ грозившей опасности быть взятымъ Печенѣгами. И когда Печенѣги отошли отъ Кіева, то граждане послали сказать Святославу, воевавшему тогда въ Болгаріи: «Княже, ты ищешь и бережешь чужую землю, а о своей нерадишь: насъ и мать твою съ твоими дѣтьми едва не взяли Печенѣги, и если ты будешь медлить придти къ намъ, то Печенѣги опять воротятся. Если тебѣ не жаль своей отчины, пожалѣй хоть мать свою и дѣтей своихъ». Святославъ, получивъ такую вѣсть, немедленно отправился въ походъ. Пришелъ скоро къ Кіеву, разбилъ Печенѣговъ и прогналъ ихъ въ степи. Покончивъ это дѣло, Святославъ спѣшилъ воротиться въ свой любимый Переяславецъ въ Болгаріи, на Дунай, и такъ говорилъ матери: «люблю я Переяславецъ: тамъ по Дунаю отовсюду идутъ ко мнѣ богатства». Но Ольга, будучи больна, просила его остаться. «Не долго продержу я тебя; скоро придетъ конецъ моей жизни: стара и больна я. Похорони меня сперва, а потомъ иди куда хочешь; а завѣтъ мой тебѣ: не дѣлай на моей могилѣ поганыхъ требищъ, пусть похороняютъ меня мои священники, и ты не взбравай имъ».

И не долго продержала Ольга сына: черезъ три дня скончалась, и схоронили ее по-христіански. Князь и дѣти его плакали по ней, также и всѣ люди Русской земли. Какъ христіане, такъ и язычники, постигнутые однимъ горемъ, съ великимъ плачемъ провожали ее до могилы, лишась въ ней милостивой помощницы и заступницы. — Христіанскіе же священники совершили надъ Ольгой, по обряду святая Церкви, погребеніе на приказанномъ и выбранномъ ею самой мѣстѣ.

Скажемъ въ заключеніе похвальное слово Нестора

Ольгѣ: «радуйся русское познаніе Бога, начатокъ примиренія, первая вошедшая въ царствіе небесное отъ русскихъ людей. Тебя хвалятъ всѣ русскіе сыны, какъ начальницу и проповѣдницу вѣры во Христа. Ты и по смерти молишь Бога за Русскую землю: праведныхъ бо душа не умираетъ, какъ сказалъ Соломонъ; похваляемому праведнику возвеселятся люди; всѣ люди прославляютъ, видяще лежащее тѣло въ цѣлости помногу лѣтъ». И дѣйствительно, Господь скоро прославилъ блаженную Ольгу; черезъ 30 лѣтъ послѣ ея кончины, нетлѣныя мощи ея были открыты внукомъ ея благовѣрнымъ княземъ Владиміромъ, просвѣтившимъ Русскую землю святымъ крещеніемъ; и многіе знавшіе Ольгу при жизни удостоились поклониться ея прославленнымъ мощамъ и молиться ей какъ заступницѣ и ходатайницѣ Русской земли предъ Господомъ Богомъ.

Е. П—ва.

О РАСПУТСТВѢ.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ ПРЕДЪ ЛИТУРГІЕЮ.

— Какъ поживаете, любезные, что дѣлаете?—благословивши всѣхъ собравшихся прихожанъ, съ обычнымъ привѣтствіемъ обратился къ нимъ о. Петръ.

— Да живемъ, батюшка, по милости Божіей понемногу, отвѣчалъ одинъ изъ прихожанъ, усаживаясь по близости о. П.—Молодежь-то наша да еще кое-кто въ селѣ собираются на чужую сторону ^(а), а мы старики около дому хлопочемъ, да къ работамъ приспособляемся,—дастъ Богъ тепла, и земля высохнетъ и работа подойдетъ.

— Доброе дѣло! отвѣчалъ о. П.:—пусть идутъ и на чужую сторону, кто можетъ, трудятся да пріобрѣтаютъ и себѣ и своему семейству добро;—промысловъ у насъ около дому нѣтъ никакихъ, такъ дома ничего и невы-

(а) Прихожане о. П., не имѣя никакихъ промысловъ на мѣстѣ, отправлялись въ разныя мѣста на заработки. Каменьщики и другіе мастеровые уходили въ Питеръ, а другіе занимались славомъ лѣса, — дома оставались только старики да малые ребята.

сидишь. Только вотъ что нехорошо: многіе, особенно изъ молодежи, на чужой-то сторонѣ нехорошо живутъ, балуются.

— Правда твоя, батюшка, есть такой грѣхъ, замѣтилъ одинъ пожилой крестьянинъ.—Ужь мы и сами не мало говоримъ молодцамъ-то своимъ объ этомъ, и усовѣщиваемъ ихъ, да все какъ-то плохо дѣйствуютъ на нихъ слова наши. Поговори-ка имъ ты, батюшка, хорошенько,—твое слово пуще на нихъ подѣйствуетъ. Вотъ и здѣсь не мало такихъ, которые отправляются на чужую сторону; правда хотъ и не очень пріятна иногда бываетъ, за то на пользу служить, послѣ и сами спасибо скажутъ, что во время учили ихъ уму-разуму, и насъ стариковъ добромъ помянуть.

Въ избѣ о. Петра на этотъ разъ дѣйствительно было не мало молодежи, которую рѣчь старика задѣвала заживое, какъ говорится.

— Сколько я замѣчаю, началъ о. П., между тѣми, которые уходятъ на заработки на чужую сторону, и особенно въ большіе города, болѣе всего распространены развратъ, блудная жизнь....

— Правда, батюшка, правда! — разомъ подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Вотъ объ этомъ я и хочу поговорить, благо сегодня случай подошелъ, да и рѣчь затѣялась объ этомъ. Грѣхъ этотъ, сколько я наблюдалъ во время моей не короткой службы, и вообще не мало распространенъ въ народѣ; поэтому и всѣмъ не мѣшаетъ прислушать рѣчь объ этотъ грѣхъ. Вѣдь не только люди холостые и молодежь, а иногда женатые впадаютъ въ плотской грѣхъ. Въ городахъ, гдѣ скопляется много народа, развратъ

дѣло болѣе обыкновенное чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; поэтому и соблазна тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Мудрено ли, что тѣ изъ васъ, которые отправляются въ города на работы, больше развратничаютъ.

Какъ зло довольно распространенное, часто повторяющееся, блудный грѣхъ для многихъ пересталъ казаться тяжкимъ и важнымъ, какъ и все къ чему человѣкъ успѣетъ приглядѣться, а между тѣмъ это страшный грѣхъ, и тяжелую отвѣтственность беретъ на себя тотъ, кто впадаетъ въ него. Въ ветхозавѣтномъ законѣ противъ любодѣевъ изречена смертная казнь (Лев. 20). Въ новозавѣтномъ писаніи сказано о нихъ: *не льстите себе ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни сквернителю царствія Божія не наследуютъ* (1 Кор. 6, 9. 10). *Сіе да вѣсте, яко всякъ блудникъ не имать достоянія въ царствіи Христа и Бога* (Еф. 5, 5). *Часть имъ въ езеръ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть смерть вторая* (Апок. 21, 8). Апостоль Павелъ запрещаетъ вѣрующимъ раздѣлять трапезу съ любодѣями изъ христіанъ (1 Кор. 5, 11) Въ церковныхъ законахъ полагаются на любодѣевъ строгія эпитиміи: блудники, т. е. лица безбрачныя, впадшія въ грѣхъ любодѣйства, отлучаются отъ причастія святыхъ Таинъ отъ 4 до 7 лѣтъ, а прелюбодѣи (т. е. нарушители супружеской вѣрности)—отъ 7 до 15 лѣтъ (Вас. Вел. прав. 58, 59, 77. Соб. авк. 20. Шест. 87); кровосмѣшники (т. е. ближніе родственники, имѣющіе незаконную плотскую связь)—отъ 10 до 20 лѣтъ. (Вас. Вел. 62. 63. 75. 76. 79). Видно тяжелъ грѣхъ любодѣйства, когда онъ подлежитъ столь строгому наказанію! Посудите сами о тяжести этого грѣха Тѣло наше освящено благодатію Божіею, благодатію таинствъ

крещенія, миропомазанія, а еще болѣе причащеніемъ святыхъ Тайнъ тѣла и крови Христовой, — сдѣлалось, по выраженію апостольскому, членомъ Христовымъ, (1 Кор. 6. 15), храмомъ живущаго въ насъ Святаго Духа (ст. 19); человекъ распутствующій ни во что вмѣняетъ эту святость, это высокое значеніе своего тѣла; онъ сквернитъ его плотскимъ грѣхомъ, и, прилѣпляясь къ блудодѣйцѣ, изъ святаго члена Христова становится съ нею однимъ тѣломъ, одною плотью (ст. 16). Можетъ ли быть другое какое-нибудь униженіе для тѣлесной природы человека больше этого? Можно ли тяжелѣе оскорбить Святаго Духа, обитающаго въ нашемъ тѣлѣ, Сына Божія искупившаго насъ, и наше грѣховное тѣло пріобщившаго къ своему божественному естеству? Страшно и подумать объ этомъ! Для людей женатыхъ тяжесть грѣха этого еще болѣе увеличивается. Они оскорбляютъ святость таинства брака, ни во что вмѣняютъ благодать Божію, скрѣпившую и освятившую ихъ супружество, нарушаютъ обѣты вѣрности и цѣломудрія, данные при этомъ. А кровосмѣшеніе еще виновнѣе блуда и прелюбодѣйства: оно противно природѣ, и у самыхъ язычниковъ почитается необыкновеннымъ. Апостолъ Павелъ, говоря объ одномъ кровосмѣшникѣ въ Коринѣѣ, пишетъ: *слышится въ васъ блужденіе, якоже ни во языцехъ именуется* (1 Кор. 5. 1). О другихъ видахъ плотскихъ грѣховъ говорить и языкъ не поднимается. Скажу только, что и однократное совершеніе плотскаго грѣха, какого бы ни было, подвергаетъ грѣшника величайшей отвѣтственности предъ святымъ и правосуднымъ Богомъ, а многократное повтореніе плотскихъ грѣховъ, привычка къ нимъ, несравненно болѣе отягчаетъ эту отвѣтственность.

А сколько вреда себѣ и другимъ причиняетъ распутный человѣкъ! Прежде всего распутство сильнѣе всякаго другаго грѣха разстроиваетъ здоровье человѣка, губить его душевныя и тѣлесныя силы. Вѣдь больно и жаяко смотрѣть на человѣка преданнаго разврату: онъ преждевременно теряетъ здоровье, свѣжія и крѣпкія силы, которыя долженъ былъ бы употреблять на благо свое и общее, преждевременно дѣлается хилымъ и дряблымъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ, и кое-какъ влачить свою жизнь. Я вотъ замѣчаю, да и вамъ, я думаю, въ примѣту, что народъ, который живетъ въ столицахъ и большихъ городахъ, все больше какой-то измороженный, тщедушный, лица у этихъ работниковъ все блѣдныя, изможденныя, испитыя, и главная причина этого— распутная жизнь и пьянство; разумѣется, это не про всѣхъ можно сказать, но такихъ очень много. У распутнаго человѣка, замѣчено, тупѣютъ и душевныя силы: нѣтъ у него ни крѣпости и ясности разсудка, ни свѣжей памяти,—тупѣетъ совсѣмъ человѣкъ. Эти же качества передаются и дѣтямъ: отъ хилыхъ родителей рождаются и хилыя дѣти, за распутство однихъ платятся и другіе...

Далѣе, въ развратѣ прежде всего источникъ бѣдности и нищеты. Постоянно приходится слышать жалобы отъ отцовъ, что ихъ дѣти возвращаются съ заработковъ съ пустыми руками. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ,—блудный сынъ, о которомъ рассказывается въ Евангеліи, расточилъ даже и готовое отцовское богатство, *живя блудно. Иже пасетъ любодѣйцы, погубитъ богатство свое*, сказано въ Писаніи (Притч. 29, 3). Дѣйствительно развратные люди проматываютъ ог-

ромныя состоянія; оправдывается это слово писанія и примѣромъ вашихъ дѣтей. Невоздержныя и распутныя изъ нихъ постоянно приходятъ безъ копѣйки. Домашніе ихъ надѣются, ждутъ, что они какъ, добрыя дѣти и честные люди, послужатъ, помогутъ имъ въ нуждѣ, заработанную копѣйку принесутъ и отдадутъ на общую пользу семейства, и въ этой надеждѣ несутъ на себѣ всю тяжесть домашнихъ работъ, а тѣ возвращаются ни съ чѣмъ и какъ безчестные тунеядцы ѣдятъ хлѣбъ, добытый потомъ да кровью старика-отца, который часто съ трудомъ таскаетъ ноги и изъ силъ выбивается за работой. Добрыя дѣти съ радостію возвращаются домой, приносятъ въ семейство довольство и радость,— и подати заплатятъ и на нужду отложить; въ семействѣ-то они пользуются любовью да уваженіемъ, на нихъ смотрятъ всѣ какъ на самыхъ нужныхъ и дорогихъ людей, которыми держится благосостояніе дома; и самимъ-то имъ весело да пріятно, когда они чувствуютъ, что они не даромъ на свѣтѣ живутъ и не чужой хлѣбъ ѣдятъ. А каково *блуднымъ-то дѣтямъ*? Прогуляютъ они всѣ свои трудовыя денежки, испортятъ здоровье и со стыдомъ и позоромъ воротятся домой; пальцами на нихъ будутъ показывать люди, да ставить въ примѣръ своимъ дѣтямъ: и стыдно и горько будетъ, да не воротишь!

Извѣстно притомъ, что распутные люди бываютъ плохіе работники и мастера. Среди разврата и разгула имъ не пойдетъ работа на умъ; не о томъ у нихъ забота, чтобы хорошо исправить работу, чтобы поизучить получше свое мастерство да сдѣлаться хорошимъ работникомъ... Да работниковъ-то гулякъ не охотно при-

нимаютъ и хозяева; не мудрено поэтому остаться и вовсе безъ работы.

— Это, батюшка, правда: такіе работники несподручны намъ, и мы объгаемъ ихъ, потому что хлопоты однѣ съ ними, а работа отъ нихъ плохая, замѣтилъ одинъ артельщикъ, сидѣвшій тутъ же.

— Дѣло понятное, всякому пріятно и выгодно имѣть работника хорошаго, усерднаго и честнаго, на котораго можно было бы положиться, а не избалованнаго и гуляку, который иной разъ и на работу совѣмъ не придетъ. Втянется человекъ въ худую жизнь больше да больше и до того дойдетъ, что и радъ бы сдѣлаться добрымъ человекомъ, да силы нѣтъ, и разстаться съ прежней жизнью воли крѣпкой нѣтъ; все ушло съ развратомъ да съ безпутствомъ, и умъ, и сила, и воля, и здоровье, и довольство, — все загублено даромъ; сдѣлается человекъ ни на что негоднымъ, и придется ему маяться остальной своей недолгій вѣкъ съ нуждой да съ горемъ... Горько и больно видѣть развратъ и соединенные съ нимъ всякаго рода кутежи между богачами, которые какъ ни проживаютъ деньги, а все не проживутъ. Но несравненно больнѣе видѣть, какъ крестьянинъ, у котораго весь капиталъ въ силѣ да въ работѣ, бросаетъ послѣднюю трудовую копѣйку на дурныя дѣла, на безумные кутежи, который тратитъ свою силу, свое здоровье въ безпутныхъ удовольствіяхъ. Вѣдь онъ тратитъ уже свое послѣднее достояніе, промотавъ которое, останется безо всего, — полная нищета ожидаетъ его впереди.

И мало того, что развратные люди сами гибнутъ, они и другихъ губятъ. Воротившись домой, они и туда принесутъ свои привычки и пороки. По крайней мѣрѣ

первые зачинщики всякихъ безпорядковъ въ деревняхъ и селахъ, — это фабричные и мастеровые, побывавшіе въ большихъ городахъ и тамъ познакомившіеся съ разгульною и распутною жизнію. Они коноводы и нашей молодежи. Какъ люди бывалые, *столичные*, они обыкновенно въ глазахъ деревенской молодежи пользуются нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ; имъ стараются подражать въ манерахъ, хваткахъ, стараются не отстать отъ нихъ; они же и распространители разврата. Навыкнувъ и ваторѣвши въ этомъ дѣлѣ, они своею опытностію пользуются и въ деревнѣ, прельщаютъ и соблазняютъ невинныхъ и неопытныхъ людей. Они обыкновенно и въ деревняхъ устраиваютъ такія же компаніи, какія видѣли въ большихъ городахъ, и совершаютъ всѣ тѣ гадости, къ какимъ привыкли тамъ; и по деревнямъ плодятся такимъ образомъ дома разврата, гдѣ гибнетъ невинность, и куда иногда заходятъ люди женатые и семейные. И выходитъ, что люди развратные, кромѣ того что сами грѣшатъ и должны отвѣчать за свои грѣхи, соблазняютъ еще другихъ, дѣлаются участниками чужихъ грѣховъ и за нихъ должны будутъ отдать отчетъ Богу.

Развратъ больше всего подрываетъ и семейныя связи, семейный союзъ. Я замѣчаю, да и вамъ, я думаю, тоже въ примѣту, что молодежь, которая живетъ на чужой сторонѣ, какъ-то меньше склонна къ брачной жизни, чѣмъ тѣ, которые больше живутъ дома; она предпочитаетъ холостую жизнь, и это, кажется, больше всего зависитъ отъ привычки ея къ развратной жизни. Оно и понятно: для человѣка, который привыкъ развратничать, нѣтъ ничего привлекательнаго въ жизни семейной; онъ смотритъ на бракъ и жену просто какъ на

средства удовлетворять своей скотской, плотской похоти. Другой союзъ, болѣе чистый, болѣе высокій, для него не понятенъ. Для него не понятенъ тотъ святой союзъ, освященный и скрѣпленный благодатію Божіею и благословіемъ Церкви, въ которомъ естественныя склонности возвышаются и превращаются въ чистыя отношенія мужа и жены. Для его разслабленнаго развратомъ сердца не понятна та искренняя любовь, которая соединяетъ мужа и жену, по выраженію слова Божія, *въ одну плоть*, по которой они другъ въ другѣ видятъ вѣрныхъ помощниковъ и спутниковъ въ жизни, дѣлятъ пополамъ радости и печали жизни, составляютъ другъ другу вѣрную опору въ жизни. Человѣкъ развратный не знаетъ и не понимаетъ ничего этого. Само собою понятно поэтому, что онъ и не дорожитъ супружескою жизнію, не желаетъ ея, и предпочитаетъ оставаться холостымъ: тутъ ему гораздо больше удобства, больше свободы предаваться страстямъ... Онъ ничѣмъ не связанъ, ничѣмъ не озабоченъ, потому совершенно свободно и безпрепятственно можетъ отдаваться влеченіямъ и стремленіямъ своего развратнаго сердца. Такъ онъ и живетъ совершенно одинъ, не имѣя близкаго и роднаго человѣка, съ которымъ дѣлилъ бы свою жизнь, свои радости и горе; продажныя и купленныя ласки вѣдь непрочны и холодны.

Съ другой стороны, холостая жизнь представляетъ человѣку и больше средствъ вещественныхъ удовлетворять своимъ страстямъ, вести жизнь разгульную. Известна поговорка холостой молодежи: «одна голова не бѣдна, а бѣдна, такъ одна». — У меня ни жена, ни дѣти, разсуждаютъ такіе люди; одинъ-то я какъ-нибудь проживу,

одному мѣ не много нужно.—А женись, жена, а потомъ дѣти—всѣ пить, ѣсть запрасятъ, обувать, одѣвать нужно будетъ... Нѣтъ ужь, холостымъ быть лучше; по крайнѣй мѣрѣ никто тебѣ не мѣшаетъ: живи, какъ хочешь, дѣлай что знаешь, гуляй душа!—разсуждаютъ многіе, и дѣйствительно гуляютъ, пока гуляется, пока есть еще силы да здоровье, пока водится копѣйка въ карманѣ. Но чѣмъ все это кончится-то? Прогуляетъ человѣкъ все здоровье, и силы, станетъ ни на что негоднымъ человѣкомъ, будетъ дармоѣдомъ, себѣ и другимъ въ тягость, будетъ маяться, пока не покончитъ свою горемычную жизнь.

Худо, что люди, которые привыкли къ кутежу и разврату, не расположены къ брачной, семейной жизни и предпочитаютъ ей жизнь холостую, предпочитаютъ потому только, что она даетъ имъ больше свободы вести жизнь развратную, развязываетъ руки на всѣ возможныя гадости; но не меньше худо, если такіе люди вступаютъ въ бракъ. Тутъ вмѣстѣ съ своей безпутной жизнью, они губятъ еще чужую жизнь, заѣдаютъ чужой вѣкъ и счастье. Человѣкъ, привыкшій развратничать и безпутничать, не можетъ внести въ семейство любовь и искреннюю, живую привязанность. Развратное сердце его, привыкшее къ продажнымъ холоднымъ ласкамъ, не можетъ уже привязаться къ своему семейству — женѣ и дѣтямъ, полюбить ихъ полною любовью, готовою трудиться для нихъ и жертвовать всѣмъ. Онъ смотритъ на нихъ, обращается съ ними холодно, безучастно, и вотъ уже начинаются семейныя несчастія, семейное горе. Жена, дѣти съ любовью смотрятъ на мужа и отца, желали бы слышать родное, теплое слово, видѣть любовь и ласку—и нѣтъ

ничего этого; тотъ, отъ кого ждуть онѣ любви къ себѣ, остается равнодушнымъ къ нимъ,—его чувство рано истрачено и умерло въ развратѣ, онъ не способенъ уже къ любви искренней и постоянной. И живутъ у него семейные точно чужіе, всѣмъ не ловко, неприятно и невесело. Но это еще бѣда не самая большая, бываетъ и хуже. Хорошо, если еще дѣло только на этомъ останавливается, и не идетъ дальше; а то часто бываетъ, что человѣкъ, привыкшій къ разврату, ни за что почитаетъ святой союзъ брака, ни за что считаетъ измѣнить своимъ обѣтамъ—любить свою жену и соблюдать супружескую вѣрность, даннымъ имъ предъ святою Церковію. Привыкнувъ повиноваться только своимъ страстямъ, своему сластолюбію, человѣкъ такимъ же остается и послѣ брака,—ему ничего не стоитъ и тогда, по первому влеченію страсти, бросить свою жену для другой посторонней женщины и завести незаконную и преступную связь съ нею; примѣры этого вы сами видите. Каково теперь женѣ-то? Каково ей видѣть, когда законный мужъ отдаетъ свою привязанность посторонней женщинѣ, ей расточаетъ свои ласки? Не больно ли, не оскорбительно ли это? А нѣтъ любви, нѣтъ и заботы о домѣ и семействѣ. Хозяинъ изъ дому вонъ и добро съ нимъ, говоритъ пословица. Заведена связь внѣ дома,—туда и добро и деньги идутъ. вмѣсто того, чтобы радѣть о домѣ, о благосостояніи семейства, доставлять ему все нужное, развратный человѣкъ каждую копѣйку тащить вонъ: домашніе пусть живутъ какъ хотятъ... И дѣйствительно, часто бываетъ, что женѣ и дѣтямъ ѣсть нечего, надѣть нечего, нужда горькая, а тамъ, гдѣ мужъ развратничаетъ, всякое довольство. Честное ли это дѣло, христіанское ли?

Но и это еще не все. Вѣдь нельзя же совсѣмъ бросить жену и семейство, совершенно оторваться отъ дому. Бракъ все-таки не шутка, не такое пустое дѣло, которое могъ бы всякій передѣлать по-своему, и пословица говорить: «жена не сапогъ, съ ноги не снимешь и не бросишь.» Да съ другой стороны, и совѣсть иногда нѣтъ-нѣтъ да и напомнить человѣку о безпутной жизни. Какъ ни развратничаетъ человѣкъ, а все жена и семейство служатъ для него живымъ упрекомъ, живымъ обличеніемъ его развратной жизни. Онѣ напоминаютъ ему его обѣты, которые онъ далъ предъ Богомъ и Церковію,— его обязанности любить, покоить семью. Этотъ постоянный упрекъ, укоръ раздражаютъ, сердятъ его и развратный человѣкъ срываетъ на семьѣ свою злость: мужъ бьетъ, тиранитъ свою жену, начинается настоящая каторжная жизнь, и продолжается до тѣхъ поръ, пока мужъ не сживетъ жену со свѣта. Страшный грѣхъ принимаетъ онъ на свою душу! А сколько другаго-то вреда происходитъ отсюда! Вѣдь часто случается, что терпиль-терпиль жена безобразія своего мужа, да и сама заплатитъ ему невѣрностью, сама пустится въ развратъ;—а кто виноватъ въ этомъ, кто долженъ отвѣчать за ея грѣхи? Все тотъ же развратникъ—мужъ. А что сказать о дѣтяхъ, которыя съ самыхъ раннихъ лѣтъ имѣютъ передъ глазами дурное поведеніе родителей, вмѣсто того чтобы видѣть въ нихъ примѣры доброй и благонравной жизни? Трудно ожидать отъ такихъ дѣтей хорошаго, и нѣтъ ничего мудренаго, если современемъ изъ нихъ выйдутъ такіе же дурные люди, безчестные отцы и супруги, матери и жены:—а опять кто виноватъ въ этомъ, кто отвѣчать за нихъ будетъ предъ Богомъ!.. Видите, до какихъ бѣдствій и несчастій семейныхъ доводитъ человѣка развратъ!

Есть еще одно и очень важное зло отъ разврата, которому предаются живущіе въ большихъ городахъ работники и ремесленники.—Они сами заражаются и по домамъ разносятъ скверныя, заразительныя болѣзни, которыя быстро распространяются почти всюду (6). Вотъ напр. въ нашихъ мѣстахъ, на моей памяти, едва по слуху знали объ этихъ болѣзняхъ, а съ тѣхъ поръ какъ началъ народъ ходить на заработки въ большіе города, занесли эти болѣзни и въ нашу глушь, появились онѣ и у насъ, и теперь, сколько мнѣ извѣстно, довольно распространились. А какъ вредна, какъ отвратительна эта болѣзнь, которая, по выраженію одного святителя, «какъ червь неусыпающій снѣдаетъ тѣло, острупляетъ съ ногъ до головы, смрадъ золь испускаетъ, и всѣмъ мерзка творить человѣка, и бѣгаютъ того яко лютейшаго вреда» (соч. Св. Димитрія Рост. т. 4. 1827 г. отд. II стр. 106). Въ этой болѣзни человѣкъ заживо разлагается, у него членъ за членомъ гніетъ и разрушается, пока наконецъ онъ совсѣмъ не умретъ. А что онъ дѣлается ни къ чему негоднымъ—объ этомъ ужъ и говорить нечего. И худо въ особенности то, что болѣзни этого рода легко переходятъ отъ одного къ другому: достаточно заразиться и занести одному, а тамъ ужъ заражаются, особенно при вашей неосторожности, цѣлыя деревни и мѣстности. А ближайшею жертвою заразы становятся дѣти, болѣзнь родителей вредно отражается на ихъ здоровьѣ; такимъ образомъ отъ распутства предковъ страдаютъ и слѣдующія за ними по-

(6) Между крестьянами болѣзни сифилитическаго свойства вообще называются—*нечистою болѣзнью*, или просто *нечистью*.

колѣнія; онѣ являются на свѣтъ уже зараженными. хилыми, слабыми и больными,—здоровье людей портится въ самомъ корнѣ.

И изъ того не многого, что я сказалъ вамъ, можно уже видѣть, какъ много зла и вреда происходитъ для людей отъ распутства и разврата. Пусть же сказанныя слова послужатъ особенно вамъ урокомъ и напутствіемъ въ дорогу на чужую сторону (о. П. обратился къ тѣмъ, которые отправлялись на заработки) и удержать васъ отъ грѣха плотскаго. Пусть пуще всего бережется отъ этого грѣха особенно молодость; стоитъ разъ извѣдать его гибельную сладость, ужъ трудно будетъ воздержаться отъ него. Чаше представляйте себѣ и вспоминайте гибельныя слѣдствія разврата, вѣдь большая часть грѣховъ отъ того нами и дѣлается, что мы обращаемъ вниманіе только на то удовольствіе, которое они доставляютъ нашей грѣшной природѣ, а не разсуждаемъ о ихъ послѣдствіяхъ, о томъ что дальше-то слѣдуетъ за ними и ожидаетъ насъ. Не извиняйте себя тѣмъ, что вы грѣшите не часто, что, придетъ время, вы остановитесь,—это самый опасный путь, это самое лучшее средство дать укорениться грѣху. Вѣдь грѣхъ и всегда входитъ въ душу по немногу, привычка ко грѣху образуется мало-по-малу,—спохватится человѣкъ, да ужъ бываетъ большею частію поздно, когда справиться съ грѣхомъ бываетъ если еще не совсѣмъ не возможно, то очень трудно. Лучшее средство воздержаться отъ страсти—уничтожить ее въ самомъ началѣ. Люди женатые пусть вспоминаютъ семейство, тѣ святые обѣты хранить вѣрность и цѣломудріе, которые они произнесли предъ Церковію; люди холостые пусть позаботятся сохранить

для брака сердце чистое, не загрязненное и не разслабленное порокомъ: и счастливо будетъ ихъ супружество, Богъ благословитъ ихъ союзъ!—Добрая семейная жизнь великое счастье и благо для человѣка! Тутъ источникъ самыхъ чистыхъ радостей, тутъ и побужденіе для человѣка къ труду, и утѣшеніе въ несчастіяхъ, которыхъ особенно въ вашей крестьянской жизни не мало. Въ вашемъ быту семейная жизнь особенно дорога и необходима: одинокому крестьянину не справиться съ хозяйствомъ,—доброе семейство для него все состояніе, все счастье въ жизни. Поэтому вамъ особенно надобно позаботиться о добромъ устроеніи семейномъ, и воздержаться отъ разврата и блуда, сильнѣе всего разстѣвающихъ и разрушающихъ семейство. На чужой сторонѣ больше представляется соблазновъ, больше надобно и присмотра за собой. Не связывайтесь съ людьми порочными, не слушайте ихъ гнилыхъ рѣчей, сами не произносите ихъ, отвращайте глаза отъ нескромныхъ зрѣлицъ, которыхъ въ городахъ много бываетъ; больше прилежите къ работѣ и труду,—дурныя мысли больше всего происходятъ отъ праздности; сохраняйте воздержаніе въ пищѣ и питіи, и особенно *не упивайтесь виномъ, въ немъже есть блудъ* (Ефес. 5, 18.), а паче всего памятуйте о вседѣприсутствіи Божіемъ, страхъ Божій имѣйте: кто боится Бога вседѣущаго и всевѣдущаго, тотъ посовѣтится грѣшить предъ лицомъ Его, имѣть Его свидѣтелемъ не только дурныхъ дѣлъ, но и дурныхъ мыслей. Наконецъ усердно просите у Него помощи для борьбы съ плотскими искушеніями.— Вотъ вамъ весь мой совѣтъ и благожеланіе въ путь-дорогу.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО СТАРООБРЯДЦА ОБЪ ЕГО ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ И ОБРАЩЕНИИ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

Нѣсколько словъ отъ издателя.

Излагая ходъ событій въ старообрядчествѣ за послѣдніе два года, мы упоминали не разъ объ одномъ изъ корреспондентовъ, доставлявшемъ намъ свѣдѣнія о расколѣ изъ Бессарабіи ^(а): это—житель мѣстечка Монзырь (близь Каушанъ) Ѳ. Н. Богомолловъ, бывшій старообрядцемъ и только въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года принявшій православіе. Лично мы другъ друга не знаемъ; но еще въ половинѣ 1864 г. открылъ онъ съ нами письменныя сношенія, выразивъ весьма лестное для насъ сочувствіе къ появившимся тогда статьямъ о «современныхъ движеніяхъ въ расколѣ.» Съ того времени эти сношенія не прекращались, и недавно уважаемый корреспондентъ нашъ доставилъ намъ подробное описаніе своей жизни въ расколѣ и своего обращенія въ православіе, предоставляя намъ право распорядиться его разсказомъ по нашему усмотрѣнію. «Поступите съ нимъ какъ угодно, писалъ онъ,—если что найдете въ немъ сократить, сокращайте, или какой смыслъ нужно пополнить, пополняйте, или что нужно уничтожить, уничтожайте. Совсѣмъ я не могу быть самъ надъ собой

(а) См. статьи: «Современныя движенія въ расколѣ». Рус. Вѣст. 1865 г. № 5, стр. 408—410; 1866 г. № 1, стр. 202—203. Соврем. Лѣтоп. 1865 г. № 25.

судьею. Можетъ-быть вы здѣсь встрѣтите какія противорѣчія, или излишнія разглагольствія и повторенія, — все это исправьте по вашему усмотрѣнію; потому что я этого самъ не могъ ничего сдѣлать. Однимъ словомъ, мой разсказъ есть предъ вами не болѣе какъ необдѣланное и неотесанное дерево, которое требуетъ мастера, чтобъ изъ него сдѣлать что-либо порядочное» (6). Авторъ съ излишнею, но весьма понятною въ его положеніи скромностію отозвался здѣсь о своемъ произведеніи. Большихъ исправленій оно не требовало. Намъ пришлось только исключить, или сократить нѣкоторыя излишнія подробности, не представлявшія общаго интереса, или касавшіяся частныхъ лицъ, и еще—исправить нѣкоторыя неточности и неправильности изложенія; но общій составъ и ходъ разсказа, особенно же его духъ и характеръ, мы сохранили въ совершенной неприкосновенности. Въ этомъ видѣ, по желанію автора, и предлагаемъ разсказъ его вниманію читателей, питая полную увѣренность, что они оцѣнятъ его по достоинству. Съ своей стороны мы намѣрены только указать тѣ стороны въ этомъ разсказѣ, съ которыхъ онъ представляется не лишеннымъ значенія, какъ матеріалъ для исторіи и характеристики раскола.

Сообщаемая авторомъ исторія его предковъ даетъ намъ видѣть, какъ цѣлое семейство, зажиточное и хорошо устроенное, бросаетъ родину, землю, надъ которою много лѣтъ трудилось, домъ, все свое хозяйство, и тайкомъ съ женщинами и дѣтьми бѣжитъ съ береговъ родимой Волги на непривѣтливый, далекій берегъ Дуная... Не вынося жизни среди чужихъ ему людей, на землѣ басурманскаго государя, оно переходитъ назадъ въ Россію, но переходитъ семьей бездомныхъ бѣглецовъ, бросаетъ имя, подъ которымъ знали его на родинѣ, и на новомъ мѣстѣ начинаетъ новую, трудовую,

(6) Письмо отъ 30 апр. 1866 г.

тяжелую жизнь... И все это терпится ради того, чтобъ избѣжать «гоненій за вѣру»; и подобныя явленія повторялись такъ не рѣдко во времена этихъ «гоненій», что сдѣлались какъ бы отличительною ихъ принадлежностью. Къ сожалѣнiю, мѣры строгости противъ раскольниковъ, хотя и благонамѣренныя, не достигали своей цѣли: онѣ ни мало не ослабляли приверженности къ расколу, напротивъ придавали ей новую силу; выстраданный лишенiями и огорченiями всякаго рода расколъ дѣлался въ семействѣ какимъ-то священнымъ достоянiемъ, и много нужно умственной и нравственной силы, нужны также особенно счастливыя обстоятельства, чтобы, воспитавшись въ средѣ такого семейства, навсегда отказаться отъ раскола, какъ это сдѣлалъ наприм. авторъ предлагаемаго ниже разсказа. И ему, какъ увидитъ читатель, больше всего поставляли на видъ — что вынесли дѣдъ и отецъ его, чтобы сохранить свою «старую вѣру»; а подобнаго рода напоминанiя и убѣжденiя имѣють для старообрядца чрезвычайную силу. Намъ случалось видать людей пожилыхъ и обладающихъ весьма крѣпкими нервами, которые однако же плакали, рассказывая что терпѣли нѣкогда они и отцы ихъ отъ притязанiй самой ничтожной власти, предъявлявшей право распоряжаться по своему усмотрѣнiю ихъ имуществомъ и самою личностью, — и для этихъ людей расколъ сдѣлался дорогъ: они держатся его доселѣ, хотя ясно понимаютъ всю его несостоятельность и даже не скрываютъ этого. Мы не называемъ личностей, ибо не въ личности дѣло.

Нашъ авторъ началъ сознательную жизнь свою въ расколѣ при другихъ, болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, которымъ отчасти обязанъ и самымъ обращенiемъ своимъ къ православию. Расколъ понемногу терялъ обязательную силу «гонимой вѣры», и сами старообрядцы, т. е. разсудительнѣйшiе изъ нихъ, стали замѣчать въ немъ крайности и недостатки, на которые прежде не об-

ращали и вниманія, но которые теперь сдѣлались слишкомъ замѣтными; почувствовалась нужда отстранить ихъ и исправить даже въ интересахъ самаго раскола. Лучшимъ выраженіемъ этого новаго отношенія старообрядцевъ къ старообрядчеству и было Окружное Посланіе, которое безспорно можетъ быть названо самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ современной исторіи раскола. Доказывать его значеніе и важность здѣсь было бы неумѣстно, да и излишне теперь, когда уже самыя событія представляютъ тому не мало очевидныхъ доказательствъ. Его исторія еще не кончена, и кончится не скоро; движеніе, произведенное имъ повсюду, гдѣ только есть расколъ, продолжается, и исходъ его, во всякомъ случаѣ благопріятный для истины, еще впереди. Сила же Окружнаго Посланія заключается не въ томъ, что оно издано отъ лица высшей духовной власти въ старообрядствѣ (извѣстно, какъ вели и ведутъ себя въ отношеніи къ нему всѣ эти Кириллы и Антоніи),— сила Посланія въ самомъ его содержаніи и въ совершенной искренности, съ какою высказано въ немъ то что хотя смутно и неясно чувствуется и сознается въ настоящее время многими изъ старообрядцевъ, и чего упорно и намѣренно не хотятъ сознать только закоренѣлые раскольники; потому-то и возстали противъ него съ такимъ ожесточеніемъ эти изувѣрные почитатели раскола въ самыхъ его нелѣпостяхъ и очевидныхъ несообразностяхъ, и потому же напротивъ съ такимъ сочувствіемъ отозвались на него всѣ болѣе разсудительные и совѣстливые изъ старообрядцевъ. Авторъ помѣщаемаго ниже разсказа принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ, и отъ того Окружное Посланіе имѣло для него чрезвычайную важность: оно первоначально и рѣшительно поставило его на тотъ путь, который послѣдовательно и неизбѣжно привелъ его къ полному соединенію съ Церковію; оно же, вызвавъ тѣ безобразныя явленія въ расколѣ, которыя были именно прямымъ послѣдствіемъ его

изданія въ свѣтъ, и должны бы, казалось, оттолкнуть отъ раскола всѣхъ сколько-нибудь разсудительныхъ старообрядцевъ, — оно же не мало содѣйствовало поддержанію и укрѣпленію нашего автора на этомъ пути къ единенію съ Церковію. Въ исторіи его обращенія въ православіе, какъ и въ большей части событій изъ современной исторіи раскола, Окружному Посланію принадлежитъ такимъ образомъ весьма видное мѣсто, и этому обстоятельству усвояемъ мы особенную важность: здѣсь мы встрѣтили новое подтверженіе правильности того взгляда на Окружное Посланіе, который высказали еще три года тому назадъ и котораго держимся доселѣ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о своемъ обращеніи въ православіе авторъ подробно раскрываетъ, какое важное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣло для него внимательное чтеніе книгъ догматическаго и полемическаго содержанія. При недостаткѣ надлежащаго образованія и при отсутствіи живыхъ бесѣдъ о православіи и расколѣ съ кѣмъ-либо изъ опытныхъ наставниковъ вѣры, чтеніе оставалось, очевидно, единственнымъ для него средствомъ — получить вѣрное понятіе и о православіи, и о расколѣ. Въ разсказѣ автора о томъ, какъ онъ пользовался этимъ средствомъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія, съ одной стороны, на крайнее напряженіе пробудившагося въ немъ религіознаго интереса и этого стремленія — дочитать до истины, съ другой, — на тѣ чрезвычайныя трудности, созданныя его воспитаніемъ и привычкой жить въ раскольничей средѣ, которыя приходилось ему преодолевать. Постепенный ходъ борьбы его съ этими затрудненіями и нелегкой надъ ними побѣды представляетъ не мало интереснаго и, что гораздо важнѣе, даетъ намъ полезный урокъ о крайней необходимости распространенія въ народѣ здравыхъ понятій о вѣрѣ посредствомъ первоначальнаго образованія и живой проповѣди. Тогда люди подобные автору не будутъ встрѣчать такихъ великихъ трудностей въ борьбѣ съ наслѣдованнымъ отъ предковъ расколомъ, и людей такихъ будетъ больше.

Наконецъ заслуживаетъ вниманія то, что говоритъ авторъ о своихъ личныхъ сношеніяхъ съ раскольниками и о самомъ раскольничьемъ обществѣ. Здѣсь особенно интересна его бесѣда съ матерью и однимъ изъ его прежнихъ единовѣрцевъ. Предъ нами являются живые, цѣльные представители раскола со всеми его понятіями, воззрѣніями и нравами. И что это за понятія, что за нравы! Сколько ужаснаго и въ то же время несознаваемаго самодовольнаго невѣжества! Когда же наконецъ проникнетъ лучъ свѣта въ густой мракъ этой жалкой среды? И опять припоминается евангельское слово о *многой жатвь* на нивѣ Господней.

Н. Субботинъ.

Разсказъ о моей жизни въ расколѣ и моемъ обращеніи къ православію.

Провидѣніе судило мнѣ проводить жизнь на крайнемъ югѣ нынѣшней Россіи, въ такъ называемомъ Новороссійскомъ краѣ, въ Бессарабской области; но родиной моихъ ближайшихъ предковъ была одна изъ коренныхъ русскихъ губерній, — они вышли съ береговъ кормилицы Волги и не мало страствовали, не мало потерпѣли горя и нужды, прежде чѣмъ нашли себѣ пристанище въ предѣлахъ Новороссіи. Въ этихъ странствіяхъ, съ ихъ горемъ и нуждою, и мнѣ суждено было принять участіе при самомъ появленіи моемъ на Божіи свѣтъ.

Дѣдъ мой, Аристархъ Андреевъ Токаревъ, помѣщичій крестьянинъ, жилъ Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, въ деревнѣ Бобровкѣ; сына своего Николая, моего отца, женилъ онъ на крестьянской дѣвицѣ той же вотчины изъ деревни Мордовки.

Дѣдъ мой держался раскола и въ расколѣ воспиталъ все свое семейство. Были нѣкоторыя особенныя обстоятельства, почему онъ и все наше семейство сдѣлались весьма приверженными къ такъ-называемой старой вѣрѣ.

Дѣдъ мой едва ли не одинъ во всей деревнѣ умѣлъ грамотѣ и какъ грамотный человѣкъ, читавшій старинныя, уважаемая старообрядцами книги и любившій толковать (разумѣется по-своему, вкрывъ и вкось) о вѣрѣ и спасеніи (*), сдѣлался чемъ-то въ родѣ учителя для бобровскихъ старообрядцевъ, и дѣйствительно поддерживалъ въ деревнѣ расколъ. Кто-то донесъ объ этомъ проживавшему въ Москвѣ бобровскому помѣщику. Помѣщикъ вызвалъ дѣда къ себѣ въ Москву для объясненія, убѣждалъ оставить расколъ и грозилъ строгимъ взысканіемъ за распространеніе его между крестьянами. Убѣжденія эти конечно остались безъ всякаго плода, и вскорѣ по возвращеніи дѣда изъ Москвы,

(в) Вотъ что обыкновенно, какъ и самъ я слышалъ въ послѣдствіи, проповѣдывалъ мой дѣдъ: Имя Исусъ, не есть имя Христа Спасителя, а антихриста; четвероконечный крестъ не есть истинный крестъ, а только сѣнь креста; о трехперстномъ сложеніи говорилъ, что первый перстъ означаетъ звѣря, второй—змія, третій—живаго пророка, а посреди трехъ перстовъ самъ сатана сидитъ; о именованномъ сложеніи перстовъ для благословенія говорилъ, что православные заняли оное отъ еретика папы Формоса и какого-то Малаксы протопона. Еще, читая слово Ипполита папы римскаго о послѣднихъ дняхъ, гдѣ говорится, что у Бога трудницы и у антихриста трудницы, у Бога постъ и у антихриста постъ и прочее, говорилъ бывало: «вотъ видишь, что у насъ — истинныхъ христіанъ, то и у нихъ еретиковъ; значить, вѣрно святіи отцы предсказываютъ обо всемъ, по всему хочется уподобиться льстецъ Сыну Божію и проч.

взяли у него старшаго сына, а моего дядю, Маркіана, и отправили въ солдаты (г). Дѣдъ и всѣ въ его семействѣ признали это распоряженіе наказаніемъ за приверженность къ «старой вѣрѣ», и ради гоненія стали почитать ее еще больше.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего у отца моего родилась дочь Анна. Ее окрестили дома, по-старообрядчески. Приходскій священникъ, провѣдавъ объ этомъ, призвалъ дѣда къ себѣ и требовалъ, чтобъ новорожденная окрещена была по церковному чиноположенію. Дѣдъ употребилъ всѣ средства, чтобъ избѣгнуть такой великой, по его мнѣнію, бѣды, и священникъ на этотъ разъ оставилъ его въ покоѣ. Но вскорѣ тотъ же священникъ сдѣлалъ въ приказъ донесеніе, что будто бы дѣдъ мой исправляетъ у раскольниковъ разныя требы. Приказъ потребовалъ дѣда къ отвѣту вмѣстѣ съ моимъ отцемъ. Въ семьѣ страшно перепугались, — были увѣрены, что и моего отца, точно такъ же какъ брата его Маркіана, хотять отдать въ солдаты. Дѣтъ мой и отецъ придумали, какъ миновать новаго несчастія. Они объявили кому слѣдуетъ, что готовы ѣхать въ приказъ, взяли нужный для того документъ и отправились, но не въ приказъ, а прямо въ Иргизкіе скиты, хотя до Иргиза отъ ихъ деревни считалось не менѣе 400 верстъ. Прошло три дня, какъ они уѣхали, и изъ приказа получено

(г) Прошлаго лѣта, когда мы присоединились къ церкви, я писалъ дядѣ Маркіану въ Бобровку о нашемъ присоединеніи и просилъ увѣдомить, какой онъ съ семействомъ держится вѣры. Онъ увѣдомилъ меня письмомъ отъ 1-го ноября, что и онъ со всѣмъ семействомъ оставилъ давно уже расколъ и присоединился къ церкви; при этомъ онъ давалъ мнѣ совѣтъ твердо держаться церкви православной.

было новое предписаніе—выслать въ наискорѣйшемъ времени Аристарха и Николая Токаревыхъ за конвоемъ. Сельское начальство отнеслось, что оба Токаревы отправлены уже въ приказъ три дня тому назадъ, по первому требованію. Спросили семью; въ семьѣ сказали, что дѣдъ и отецъ дѣйствительно поѣхали въ приказъ, а гдѣ находятся теперь—незнаютъ. А бѣглецы между тѣмъ добрались благополучно до Иргиза и укрылись въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Это происходило, сколько могу сообразить, около 1837 года.

Однакоже ни дѣдъ, ни отецъ мой не имѣли намѣренія навсегда оставить свою семью. Проживъ на Иргизѣ мѣсяцевъ шесть, пока прошли толки объ ихъ побѣгѣ, они, соблюдая всевозможную осторожность, пріѣхали тайкомъ въ свою деревню, и собравъ кое-что понужіе изъ имущества, взяли мать мою, Марью Ивановну, съ малелькою сестрой Анной, да еще сманили отъ мужа, который былъ православнымъ, тетку мою Дарью Аристарховну, и такъ же секретно, какъ пріѣхали, отправились съ ними обратно на Иргизъ, съ небольшимъ имуществомъ, въ одной повозкѣ запряженной парой лошадей, оставивъ домъ со всѣмъ заведеніемъ, порядочный садъ, много скота, и все свое хозяйство. Такимъ-то образомъ семья наша навсегда разсталась съ родиной. Въ послѣдствіи, пріѣдя въ Бессарабію, дѣдъ и отецъ мой приняли даже новую фамилію—Богомоловыхъ, которую ношу я и доселѣ.

Проживши около полутора года на Иргизѣ, дѣдъ и отецъ мой увидѣли, что укрываться здѣсь съ цѣлымъ семействомъ неудобно. И придумали они отправиться за границу къ турецкимъ старообрядцамъ; если у нихъ

не повраится, или нельзя будетъ жить, то, разсуждали они, можно будетъ возвратиться въ Россію и на правахъ иностранныхъ выходцевъ поселиться гдѣ-нибудь съ разрѣшенія правительства. Итакъ, бѣдная семья наша пустилась въ новое, далекое и опасное странствованіе. Какъ-какъ добрались наши странники до Кишинева, а изъ Кишинева переправились въ Измаиль. Здѣсь они жили немного у своихъ единовѣрцевъ, пока успѣли приискать людей, которые взяли бы переправить ихъ черезъ Дунай. Заплативъ за перевозъ 25 руб. серебромъ, ночью, съ нѣсколькими гребцами изъ донскихъ казаковъ, переѣхали они въ небольшой лодкѣ такъ-называемый первый Дунай, и противъ Измаила вышли на турецкій берегъ. Кромѣ необходимаго платья при нихъ былъ только незначительный запасъ оставшихся денегъ, а всѣ пожитки свои оставили они у одного измаильскаго старообрядца, на котораго, какъ человѣка одной съ ними вѣры, надѣялись, что онъ не захочетъ воспользоваться ихъ небогатымъ имуществомъ и возвратитъ его, какъ скоро придутъ они изъ Турціи, гдѣ не думали долго оставаться.

Много страха потерпѣли бѣглецы наши, переправляясь черезъ Дунай въ темную бурную ночь; еще больше горя ожидало ихъ впереди, когда вышли они на берегъ, измокшіе и дрожащіе отъ холода. Имъ нужно было пройти не менѣе 25 верстъ, чтобы добраться до втораго Дуная, и путь лежалъ имъ между обоими рукавами рѣки, черезъ островъ пустынный, весь поросшій сплошнымъ камышемъ, въ которомъ не было проложено никакой дороги. Къ довершенію несчастія, у нихъ не оставалось ни куска хлѣба, потому что хлѣбъ, который они взяли,

весь перемоченъ былъ во время переправы, и пришлось его выбросить. Положась на волю Божию, пустились они въ невѣдомый путь. Послѣ многихъ трудовъ и постоянного страха за свою жизнь, усталые и голодные, въ изодранномъ платьѣ, добрались они до другаго рукава рѣки. Здѣсь нашли какого-то малороссіянина изъ турецкихъ подданныхъ, который на небольшой лодкѣ ловилъ рыбу въ Дунаѣ. Его упросили они перевезти ихъ на правый берегъ рѣки. Богъ послалъ имъ добраго человѣка: онъ взялъ за перевозъ всего по 6 коп. сереб. съ человѣка, да еще далъ имъ одинъ ржаной хлѣбецъ, черствый и заплѣсневѣвшій, который, послѣ двухсуточного голода, показался имъ слаще меда. Выйдя на берегъ, наши странники пошли прямо степью мимо г. Тульчи. На пути они встрѣтились съ чебанами, пасшими чьихъ-то овецъ, и спросили, нѣтъ ли у нихъ немного хлѣба. Добрые люди эти сказали: хлѣба у насъ нѣтъ, а если хотите подождать, то мы сваримъ вамъ мамалыгу. (А) Наши, разумѣется, согласились ждать, тѣмъ больше, что не только были голодны, но и устали до крайности. Чебаны сварили имъ мамалыгу и сжарили одного баранчика: это былъ роскошный обѣдъ для нашихъ странниковъ. Утоливъ голодъ и распросивъ хорошенько о дорогѣ, направили они путь въ многолюдное некрасовское селеніе Сари-кой, или, какъ зовутъ его русскіе, Стряково. Здѣсь и пріютились они у какой-то вдовы и стали добывать себѣ пропитаніе разными работами. Но жизнь у турецкихъ раскольниковъ, такъ называемыхъ

(А) Такъ называется молдавское кушанье, приготовляемое изъ кукурузной муки въ котлахъ.

некрасовцевъ, пришлась имъ не по сердцу. Народъ этотъ съ перваго же разу не понравился имъ: какой-то все дикій, да буйный, вовсе не походить на нашихъ смирныхъ россійскихъ простолюдиновъ. Не болѣе полугода прожили наши въ Сари-коѣ; захотѣлось возвратиться въ Россію. Взяли они турецкіе паспорта, называемые «тискарь», и пошли уже прямымъ путемъ, какъ будто бы на переговоры, въ Измаилъ. А переправившись на русскій берегъ, объявили, что желаютъ быть русскими подданными. Ихъ приняли, отобрали паспорта и помѣстили въ карантинъ. Здѣсь-то, на самой границѣ Россіи съ Турціей, въ карантинѣ Богъ даровалъ моей матери сына, котораго назвали Теодоромъ: это былъ я, пишущій сіи строки. Родился я въ 1838 году апрѣля 14.

По окончаніи карантиннаго срока, дѣдъ мой со всею семьей, увеличившеюся новымъ членомъ, отправился въ Измаилъ, къ тому самому человѣку, у котораго оставлено было имущество. Но этотъ единовѣрный ему христіанинъ рѣшительно отказался отдать хоть что-нибудь изъ оставленныхъ у него вещей. А когда наши стали убѣдительно просить его, хотя изъ одежды что-нибудь дать имъ, такъ онъ выгналъ ихъ со двора, пригрозивши еще, что всѣхъ упрячетъ въ острогъ, какъ бѣглыхъ и бродягъ. Поплакали наши, заплакали, да и пошли прочь отъ него; послѣ случалось имъ видѣть, какъ этотъ недобрый человѣкъ щеголялъ въ ихъ рубахахъ, а сдѣлать не могли ничего.

Кончивъ свое дѣло въ измаильской полиціи, дѣдъ мой и отецъ отправились съ семействомъ въ Кишиневъ, гдѣ также сдѣлали, что нужно было, въ губернаторской канцеляріи и переѣхали на жительство въ село Плоское

(Тираспольскаго уѣзда), наполненное по преимуществу старообрядцами. Здѣсь какой-то бѣглый попъ, Никаноръ, окрестилъ меня. Случилось, что когда жили мы въ Плескомъ, вызывали желающихъ на жительство въ новый городъ Ананьевъ (Херсонской губерніи), съ пяти-лѣтними льготами. Дѣдъ мой поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ. И такимъ образомъ, проживъ въ Плескомъ одинъ только годъ, переселились мы въ городъ Ананьевъ, гдѣ мой дѣдъ со всѣмъ семействомъ и записанъ былъ въ городское мѣщанство.

Итакъ, начали мы жить въ г. Ананьевѣ, и до 1847 года жили благополучно. А въ этомъ году посѣтилъ насъ гнѣвъ Божій: 30 января скончался отецъ мой, и остались мы бѣдствовать съ однимъ дряхлѣющимъ дѣдомъ. Дѣдъ прожилъ съ нами около четырехъ лѣтъ, до той поры пока я выучился грамотѣ и подросъ на столько, что въ состояніи былъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Грамотѣ онъ самъ училъ меня, вмѣстѣ съ другими мальчиками, которыхъ давали ему на выучку. Это была суровая школа. Бывало, дѣдъ сядетъ шить сапоги (онъ занимался этимъ ремесломъ), а меня посадить напротивъ себя съ книгою, и чуть сдѣлаю ошибку, безъ милосердія хлеснетъ ремнемъ во что ни попало... И науки прошелъ я съ нимъ не хитр्या: сначала выучилъ азбуку славянскую, потомъ часовникъ, и кончили псалтирю. Надумалъ было дѣдъ поучить меня ариѳметикѣ, должно-быть потому, что хотѣлъ пристроить къ торговымъ занятіямъ,—нашелъ учителя, купилъ книжку; я сталъ было ходить на уроки и ужъ выучилъ два первыя ариѳметическія правила, да на бѣду мою узналъ объ этомъ пришедшій къ намъ изъ Балты монахъ Паисій

Митковскій, раскольникъ, и говорить дѣдушкѣ съ великимъ огорченіемъ: «Аристархъ Андреичъ! зачѣмъ это позволилъ ты внуку учиться бусурманской наукѣ? вѣдь это ересь, ты душу его губишь». Дѣдъ пришелъ въ смущеніе и взялъ меня отъ учителя. Такъ и кончились мои учебныя занятія при дѣдушкѣ. Писать училъ меня также самъ дѣдъ, но стариннымъ, некрасивымъ почеркомъ; чтобы выучиться писать получше, сталъ я брать уроки чѣстописанія у квартировавшаго въ нашемъ домѣ полковаго писаря, — и дѣдушка этому не препятствовалъ. Немногому выучилъ меня дѣдъ; но приверженность къ расколу и вражду противъ церкви старался поселить во мнѣ съ малыхъ лѣтъ. Всѣ раскольникыи обычаи и преданія, также разные кривые толки о вѣрѣ правой и неправой, приходилось мнѣ видѣть и слышать въ семьѣ нашей каждодневно, и такимъ образомъ свыкъся я съ расколомъ рано.

Думая, что выученъ я достаточно и подросъ настолько, что могу кое-что работать, дѣдъ мой написалъ въ Кагуль къ одному знакомому купцу, чтобы тотъ принялъ меня въ услуженіе, а самъ въ 1851 году ушелъ въ Куреневскій монастырь и тамъ постригся въ монахи подъ именемъ Аркадія.

Семейство купца Игн. И. Козинова, къ которому поступилъ я въ услуженіе, по рекомендаціи дѣда, было доброе и благочестивое. Оно еще принадлежало тогда къ православной церкви, хотя и придерживалось старообрядчества (°). Хозяинъ строго слѣдилъ за моимъ

(е) Въ 1857 году, когда Кагуль отошелъ къ Молдавіи, Козиновъ со всѣмъ семействомъ окончательно перешелъ въ старообрядчество; кто-то еще прежде къ этому подготовилъ его.

поведеніемъ, взыскивалъ за каждую оплошность и ошибку. Мнѣ, какъ мальчику, очень не нравилась такая строгая взыскательность; но теперь я долгомъ почитаю воздать за нее благодарность моему бывшему хозяину. Эта строгость спасла меня отъ многихъ юношескихъ увлеченій и приучила къ порядку и труду. Здѣсь же, въ этой строгой семьѣ, приобрѣлъ я охоту къ чтенію книгъ, на которое употреблялъ все свободное время. Читалъ же исключительно духовныя, старообрядческія книги, а книгъ гражданской печати не хотѣлъ брать и въ руки, считая ихъ еретическими (*),

У Козиновыхъ прожилъ я два года, потомъ разсчитался и отошелъ отъ нихъ. Въ 1855 году, находясь въ услуженіи у кагульскаго же купца Ѡ. П. Блохина, ѣздилъ я повидаться съ моими родными, заѣзжалъ и въ Куреневскій монастырь къ моему дѣду: отецъ Аркадіи благословилъ меня иконой и далъ мнѣ на память лѣстовку. Въ концѣ 1856 году я видѣлся съ нимъ еще, и уже въ послѣдній разъ: Онъ былъ тогда въ Ананьевѣ, у моей матери, больной, такъ что едва-едва узналъ меня. Вскорѣ потомъ отвезли его въ монастырь, и здѣсь, 10 числа января мѣсяца 1857 года, умеръ онъ, оставивъ по себѣ память великаго ревнителя «старой вѣры», не

(ж) Вотъ названія книгъ, которыя читалъ я въ то время: 1) Страсти Христовы; 2) Златоустникъ; 3) Ефремъ Сиринъ и Авва Дороей; 4) Толковое воскресное Евангеліе; 5) Библія; 6) Соборникъ большой; 7) Кормчая; 8) Иноческій требникъ; 9) Лимонарь, сказанія отъ великаго зеркала (писанная); 10) Книга о вѣрѣ единой; 11) Кириллова книга; 12) Сынъ церковный; 13) Большой Катихизисъ; 14) Пролога за 9 мѣсяцевъ; 15) Григоріево видѣніе и еще нѣкоторые цвѣтники, которыхъ названія не упомяну.

только въ нашемъ семействѣ, но и между всѣми кто зналъ его.

Въ 1860 году, когда Блохины прекратили торговлю, поступилъ я къ моему теперешнему хозяину, Д. Г. Ключкову, у котораго занимался сначала при лавкѣ въ Камратѣ, а потомъ перешелъ сюда, въ Монзырь. Изъ Камрата ѣздилъ я, во время пасхи 1861 г., въ Бендеры, гдѣ нашелъ себѣ невѣсту, съ которою и вступилъ въ бракъ 7 мая того же года: вѣнчалъ насъ въ Куреневскомъ монастырѣ Плесковскій попъ, Софроній. Тогда-то, какъ ѣхалъ я изъ Камрата на совершениіе брака, случилось мнѣ встрѣтиться съ отцемъ Пафнутіемъ, бывшимъ епископомъ коломенскимъ, въ Ончакракѣ, въ домѣ кушца Гребенникова. Отецъ Пафнутіи благословилъ меня на вступленіе въ бракъ и много бесѣдовалъ со мною и другими. На меня онъ произвелъ тогда сильное впечатлѣніе: я дивился его основательному знанію священнаго Писанія и рѣдкому умѣнью говорить, и я думалъ тогда: «вотъ если-бы у насъ побольше было такихъ-то пастырей! А то вѣдь горе и раздумье беретъ, какъ посмотришь на поповъ нашихъ: иной крестьянинъ живетъ лучше ихъ, да и грамоту знаетъ тверже». Помню я, что о. Пафнутіи всѣмъ тогда нравился, даже и тѣмъ, которые не принимали бѣлокриницкаго священства; нѣкоторые даже сравнивали его съ Златоустомъ за его проповѣдничество. А теперь эти же самые люди кричатъ совсѣмъ другое; сколько ублажали тогда, столько теперь злословятъ и проклинаятъ.

Но возвращусь къ разсказу о моей жизни. Въ то время, когда вступилъ въ бракъ, былъ я большимъ ревнителемъ раскола, и если случалось отъ кого-нибудь осо-

бенно изъ своихъ (ибо и между ними встрѣчаются, хотя рѣдко, люди разсудительные и безпристрастные) слышать благопріятные отзывы о церкви, то приходилъ въ великое негодованіе, не желая и слышать такихъ, какъ мнѣ казалось тогда, нечестивыхъ рѣчей ⁽³⁾. Не могъ я однако же не чувствовать, что при всей моей ревности о старообрядствѣ не имѣлъ объ немъ надлежащаго понятія и совсѣмъ не зналъ того, что говорилось и было писано противъ раскола, ибо такихъ сочиненій никогда не приходилось читать. И вотъ увидѣлъ я какъ-то у одного знакомаго

(3) Съ однимъ изъ такихъ разсудительныхъ старообрядцевъ, моимъ близкимъ пріателемъ, А. Стуловскимъ, ѣхалъ я въ 1862 году изъ Полтавы, и когда онъ, среди бесѣды, началъ во многомъ оправдывать православныхъ, я такъ оскорбился его рѣчами, что хотѣлъ столкнуть его съ моей повозки — «Ну, полно, замѣтилъ онъ улыбаясь, — не сердись, довези хоть до Вознесенска, а тамъ и бросишь; только знай, что я говорю правду». Когда же потомъ и самъ я возимѣлъ сильныя сомнѣнія относительно раскола, то ему первому сообщилъ объ этомъ, но съ умысленной неясностью, желая именно испытать, догадается ли онъ въ чемъ дѣло. И вотъ что отвѣчалъ мнѣ этотъ умный старообрядецъ, какихъ дай Богъ встрѣчать побольше: «Въ письмѣ твоёмъ меня удивило лишь то, что ты съ слишкомъ удобопонятною для меня осторожностію намѣкаешь на тайну своихъ мыслей. Въ чемъ состоитъ эта тайна, я тебѣ скажу: она состоитъ въ томъ, что ты, бывшій ревнитель и защитникъ святопочитаемыхъ старообрядцами древностей, снявъ съ глазъ своихъ покрывало невѣдѣнія, имѣешь правильный взглядъ на все тебя окружающее. И дѣйствительно собратія наши до такой крайней степени грубы, что нѣтъ ни малѣйшаго резона съ ними въ чемъ-либо согласоваться; чѣмъ болѣе будетъ продолжаться застой образованія, тѣмъ большее число распространится сектъ и сектантовъ, потому что люди, совершенно чуждые необходимыхъ для руководства отъ Писанія свѣдѣній, учатъ неопытныхъ каждый на свой ладъ, и сами того не понимая, чему учать».

мнѣ безпоповца, а теперь сына православной церкви, Ефима Павлова, какую-то книжку, писанную безпоповскимъ учителемъ и направленную противъ раскольниковъ, пріемлющихъ священство. Я полюбопытствовалъ прочесть ее,— и возраженія противъ поповцевъ показались мнѣ такъ сильны и основательны, что возбудили во мнѣ сомнѣніе относительно многого, во что я вѣрилъ дотолѣ безъ всякаго разсужденія. Но вспомнилъ я, какъ родственники отца Пафнутія мнѣ рассказывали, что онъ многихъ безпоповцевъ побѣждалъ и даже нѣкоторыхъ убѣдилъ оставить ихъ ученіе и принять австрійскихъ священниковъ. Это и привело меня къ мысли, что значить не правы безпоповцы и истина на нашей сторонѣ. Однакоже сомнѣніе уже запало мнѣ въ душу и ничего такъ не желалъ я, какъ видѣть основательное опроверженіе безпоповскихъ лжеученій.

Вскорѣ послѣ этого зашелъ къ намъ въ лавку здѣшній священникъ отецъ Киріакъ. Среди разговора упомянулъ онъ о Розыскѣ св. Димитрія Ростовскаго. Я и попросилъ у него этой книги почитать. Это была первая книга изъ написанныхъ православными противъ раскола, которую пришлось мнѣ прочесть. Признаюсь, я читалъ ее съ недовѣріемъ, ибо издѣтства еще внушено было мнѣ, будто все что пишутъ объ насъ православные — не правда и клевета. Но въ Розыскѣ такъ ясно и убѣдительно говорилось о многихъ нашихъ обычаяхъ и мнѣніяхъ, что заставляло невольнымъ образомъ задуматься. Особенно же обратили мое вниманіе разныя приведенныя тамъ доказательства противъ ученія безпоповцевъ. Хотѣлось мнѣ только удостовѣриться, справедливо ли приводятся въ Розыскѣ разныя свидѣтельства. И

я сдѣлалъ одинъ опытъ. Въ статьѣ о крестѣ четвероконечномъ, который безпоповцы, да и нѣкоторыя изъ нашихъ, называли печатью антихриста, св. Димитрій приводитъ подлинныя слова изъ канона на Воздвиженіе честнаго креста: я справился съ канонемъ; оказалось, что выписка сдѣлана вѣрно. Сдѣлалъ нѣкоторыя другія справки, и тоже оказалось, что ссылки сдѣланы правильно. Тогда рѣшилъ я, что и все сказанное въ Розыскѣ противъ безпоповскаго ученія есть настоящая истина. Но признавъ св. Димитрія побѣдителемъ безпоповцевъ, не могъ я внутренно не сознаться, что многое и изъ нашего ученія опровергнуто имъ основательно, хотя не мало огорчили меня нѣкоторыя рѣзкія выраженія объ уважаемыхъ нами обрядахъ, допущенныя имъ въ Розыскѣ. Такъ явились у меня первыя сомнѣнія относительно раскола.

Происходило это въ 1864 году. Въ это время у насъ шли уже толки объ «Окружномъ Посланіи», но самаго посланія мы еще не видали и не читали. Я убѣдительно просилъ одного старообрядца въ Бендерахъ, чтобы списалъ и выслалъ мнѣ копію съ него. Спустя не много времени послѣ того, какъ прочиталъ я Розыскъ св. Димитрія, получаю наконецъ и списокъ Окружнаго Посланія. Глубокое впечатлѣніе оставила во мнѣ эта не большая тетрадка; въ ней я нашелъ ясный и превосходно высказанный отвѣтъ на многіе, тогда занимавшіе меня, вопросы и подтвержденіе многому, что и самъ начиналъ уже внутренно сознавать. Впервыхъ нашелъ я въ ней сильное пораженіе безпоповскихъ мнѣній, въ особенности о имени *Иисусъ*, о крестѣ четвероконечномъ и др.,— мнѣній, которыхъ держались и многіе изъ

нашихъ, въ томъ числѣ и дѣдъ мой, хотя и не бывшій безпоповцемъ, но мыслившій и учившій по-безпоповски. Далѣе нашелъ весьма основательныя замѣчанія на сочиненіе «о винномъ сотвореніи», «о бражникѣ», «о картофіи», и на другія нелѣпыя раскольничьи тетрадки, которыя и самъ я читалъ въ прежнее время, но котормъ и тогда уже не имѣлъ вѣры, по причинѣ явной ихъ нелѣпости. Замѣчанія Окружнаго Посланія на эти нечестивыя тетрадки потому особенно и понравились мнѣ, что согласовались съ моими собственными о нихъ мыслями. Но особенно былъ я благодаренъ автору Посланія за его здравыя и умѣренныя сужденія о церкви православной; нѣчто отрадное и успокоивающее чувствовалось въ словахъ его, нѣчто примиряющее насъ съ тою единою святою церковію, съ которой двѣсти лѣтъ тому назадъ находились мы въ неразрывномъ союзѣ.... Однимъ словомъ въ Окружномъ Посланіи все сказано какъ-то хорошо, искренно, спокойно, безъ дерзкихъ выходовъ; ни на кого клятвы не положено; обычныхъ дерзкихъ выходовъ противъ церкви «Великороссійской» вовсе не было; за государя, нашего отца и защитника, строго заповѣдано молиться; — все какъ-то сближало насъ и съ церковью и съ отечествомъ, и не выставляло насъ на видъ точно какихъ-нибудь отверженцевъ.

Вотъ какое отрадное впечатлѣніе произвело на меня Окружное Посланіе. И кто же изъ благоразумныхъ старообрядцевъ, думалъ я, не порадуетя, что явился человекъ, который успѣлъ сказать намъ все что сказано въ Посланіи, и какъ не благодарить нашихъ верховныхъ пастырей за изданіе Посланія въ наше руководство. А между тѣмъ, что же я увидѣлъ и услышалъ?

Увидѣль, что многіе изъ нашихъ кривотолковъ возстали противъ Посланія, находя въ немъ что-то новое и даже еретическое, услышалъ, что даже между самими нашими пастырями возникло раздѣленіе изъ-за Окружнаго Посланія: явились пріемлющіе и не пріемлющіе оное, и одни другихъ предають проклятію; услышалъ, что объ этомъ соблазнительномъ раздѣленіи въ расколѣ уже пишутъ и печатають. Все это удивило и огорчило меня до крайности, и сталъ я еще съ большимъ вниманіемъ всматриваться во все у насъ происходившее.

Тѣмъ временемъ получилъ я при «Сынѣ Отечества» объявленіе, что поступила въ продажу книжка, въ которой пишется объ Окружномъ Посланіи и объ изгнаніи изъ Москвы митрополита Кирилла. Такъ какъ мнѣ любопытно было видѣть что тамъ написано объ Окружномъ Посланіи и о прочемъ, то книжку эту поспѣшилъ я выписать. Понравилось мнѣ, что писавшій ее православный сочинитель такъ любовно говорилъ въ ней объ Окружномъ Посланіи и нигдѣ ни однимъ словомъ не оскорблялъ старообрядцевъ; самыя замѣчанія его о противорѣчіяхъ, какія нашелъ онъ въ Посланіи, и о нѣкоторыхъ нашихъ мнѣніяхъ и обычаяхъ, только возбуждали къ болѣе внимательному размышленію о старообрядчествѣ и невольно заставляли сознаться, что много у насъ дѣйствительно погрѣшительнаго. Съ этихъ поръ я уже не сталъ чуждаться чтенія книгъ о расколѣ, писанныхъ православными. А между тѣмъ раздоръ чрезъ Окружное Посланіе у насъ все увеличивался. Въ Плескомъ, да и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, старообрядцы раздѣлились на двѣ партіи, и раздора между ними не было никакихъ средствъ усмирить, тѣмъ боль-

ше, что къ партіи раздорниковъ принадлежали люди самыя грубыя и невѣжественныя. Съ невыразимою сердечною болью смотрѣлъ я на все это, и, движимый ревностію по вѣрѣ и желаніемъ мира церковнаго, написалъ въ видѣ увѣренія и увѣщанія заблуждающихъ одну тетрадку. Въ ней я старался доказать, что Окружное Посланіе не только не содержитъ въ себѣ ничего новопромышленнаго, тѣмъ паче еретическаго (какъ несправедливо утверждаютъ раздорники), но «если кто захочетъ обсудить его здравымъ смысломъ и безпристрастною совѣстію, тотъ напротивъ найдетъ въ немъ очень много полезнаго, ибо оно открыло намъ глаза, какъ слѣдуетъ понимать нѣкоторые церковныя предметы, которые мы когда-то вслѣдъ за другими очень хулили, или по крайней мѣрѣ не почитали какъ слѣдуетъ» (напр. имя Іисусъ, крестъ четвероконечный); раскрывала далѣе, какъ безумно и нечестиво воздвигать брань въ христіанствѣ изъ-за такого полезнаго сочиненія, и особенно возставать противъ издавшихъ его епископовъ (*); до-

(и) Вотъ что между прочимъ говорилось объ этомъ въ моей тетрадкѣ: «Я знаю, что еслибъ святители, вмѣсто того чтобы не хулить (имя Іисусъ), положили хулу на Него, то изъ нашихъ нѣкоторымъ это понравилось бы болѣе; но тогда епископы больше заслужили бы къ себѣ недовѣрія, и именно со стороны людей болѣе свѣдущихъ, ибо 1-е они были бы неединородны патріархамъ, 2-е придерживались бы мнѣнія безпоповскаго. А не лучше ли мудрствовать съ патріархами, нежели съ безпоповцами?»

«Еще нѣкоторые говорятъ: зачѣмъ намъ это Окружное Посланіе, мы безъ него жили 200 лѣтъ, и не потеряли ничего въ вѣрѣ; у насъ довольно есть печатныхъ книгъ; есть чего читать; зачѣмъ же намъ это новое?»

«Итакъ, по ихъ мнѣнію, если епископы или священники вы-

казывалъ, что незаконно отдѣлились отъ нихъ ради Окружнаго Посланія нѣкоторые изъ нашихъ священниковъ, и что за сіе подлежатъ они тяжкому осужденію, тѣмъ паче, что и другихъ влекутъ за собою; въ заключеніе же я старался оправдать себя за сочиненіе моей тетрадки, и вотъ именно въ какихъ словахъ я писалъ: «Думаю, что мнѣ многіе скажутъ: зачѣмъ я написалъ все сіе, будучи простой человѣкъ и мірянинъ, не имѣющій права учить? Но я и не учу, а только, видя раздоръ и между нами другъ отъ друга раздѣленіе, и искренно обо всемъ этомъ соболѣзнуя, не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ. Поэтому и написалъ сіе, не какъ поучая кого, но какъ совѣтуя, и думаю, что меньше этимъ заслужу осужденія, нежели тѣ, которые, такіе

брали изъ старыхъ же книгъ какое-либо наставленіе, или свидѣтельство, и написали, то это уже и новая книга; и не нужно никакъ ничего выписывать изъ старыхъ книгъ, ни словесно говорить, а нужно непременно всѣ книги собирать и въ каждой по части всѣмъ показывать. Но можно ли всякому священнику достать всѣ книги, которыми мы должны руководствоваться? На это нужно много средствъ, чтобъ имѣть всѣ книги. Да и почему же прежніе святители имѣли право писать цѣлыя книги для поученія народа, дѣлать выписки изъ священныхъ книгъ и посылали ихъ своимъ пасомымъ для утвержденія ихъ въ истинной вѣрѣ, а нынѣшніе не могутъ? Развѣ чинъ священства теперь уже не тотъ что тогда былъ? Развѣ только тѣ имѣли санъ святительскій и учительскій, а теперешніе не имѣютъ? Я знаю, что нѣкоторые скажутъ: тѣ святители были святые, преподобные и праведные. На это я скажу: а теперь развѣ уже и не можетъ быть святителей преподобныхъ и праведныхъ? Кто можетъ знать добродѣтель каждаго и святыню? Это извѣстно только сердцевѣдцу-Богу. Еслибы даже и было намъ видно, что они дѣйствительно несправедно живутъ, то и тог-

же какъ я простецы, не утверждають своихъ о Христѣ братій, а болѣе вводятъ въ раздоръ и соблазнъ».

Таково было содержаніе моей тетрадки. Составляя ее, я только удовлетворялъ своему желанію высказать то, что чувствую, тѣшилъ только себя самаго; показать же кому-нибудь изъ раздорниковъ не осмѣлился, опасаясь, чтобъ и меня не ославили нововводителемъ и еретикомъ (').

Въ то время, когда писалъ я мое сочиненіе въ защиту епископовъ, издавшихъ Окружное Посланіе, мнѣ еще не было извѣстно, какой соблазнительный раздоръ возникъ изъ-за него между этими самими епископами. Между тѣмъ спустя немного времени пріѣхалъ изъ-за границы одинъ мой знакомый, В. С. СЕРЕЖЕЧКИНЪ, проживающій въ ПЛОСКОМЪ. Онъ рассказалъ мнѣ, какъ митрополитъ КИРИЛЛЪ обманулъ митрополита АМВРОСІЯ нацѣтъ Окруж-

да мы не должны пренебрегать ихъ ученіемъ. Ибо сказано въ Требникѣ ивоческомъ, что не всѣхъ благодать избираетъ, но чрезъ всѣхъ дѣйствуетъ. А вотъ если мы сами будемъ недостойны по злымъ дѣламъ нашимъ, тогда если и ангелъ будетъ святитель, ничтоже насъ можетъ пользоваться; поэтому всякъ архіепископъ, или священникъ, какъ имѣетъ право рѣшать и вязать, такъ точно имѣетъ право и выбирать изъ книгъ для наставленія вѣрныхъ ему словесныхъ овецъ; и разницы никакой мы не должны подразумѣвать теперешнихъ святителей съ преждебывшими, если ихъ ученія согласны съ святымъ Евангеліемъ и со святыми отцами. Добродѣтель же и святыню сравнивать прежнихъ святителей съ теперешними мы не можемъ, и это дѣло вовсе не наше, а Божіе; Онъ единъ есть всѣмъ Судія и знаетъ что право и что неправо. Мы же хотя и судимъ, но судимъ по-человѣчески: а инъ есть судъ Божій, и инъ судъ человѣческой».

(i) Показывалъ я свое сочиненіе только нѣкоторымъ изъ болѣе близкихъ мнѣ людей.

наго Посланія, и какъ заставилъ его подписать соборное дѣйствіе на уничтоженіе Посланія; какъ потомъ изъ Москвы ѣздили три человѣка къ митрополиту Амвросію въ городъ Цыль съ жалобой на Кирилла, и какъ Амвросій написалъ запрещеніе Кириллу за его обманъ. Послѣ этихъ печальныхъ, очень смутившихъ меня извѣстій, случилось мнѣ быть у князя Гагарина Стурдзы, здѣшняго владѣльца, и увидѣлъ я у него въ комнатахъ одинъ № «Русскаго Вѣстника» за 1864 годъ, кажется 2-й. Просматривая его содержаніе, я какъ разъ попалъ въ статью «Современныя движенія въ расколѣ» на рассказъ о томъ же самомъ что мнѣ передавалъ Сerezечкинъ, и притомъ еще здѣсь говорилось о всемъ гораздо яснѣе и съ показаніемъ подлинныхъ бумагъ. Сомнѣваться въ рассказѣ я никакъ уже не могъ послѣ того, что слышалъ прежде объ этомъ же отъ *своего* человѣка; я и попросилъ этотъ номеръ Рус. Вѣстн., а также и другіе, въ которыхъ были статьи о расколѣ (*). По прочтеніи сталъ я думать: что же въ самомъ дѣлѣ это за пастыри такіе, что одинъ другаго проклинаятъ и запрещаютъ, такъ что и одного не осталось незапрещеннаго и не-проклятаго: московскій духовный совѣтъ проклялъ митрополита Кирилла и запретилъ священнодѣйствовать ему и всѣмъ его единомышленникамъ, а Кириллъ проклялъ на своемъ соборѣ и запретилъ служеніе московскому владыкѣ Антонію и другимъ російскимъ епископамъ, и все проклинаятъ на основаніи правилъ! Вѣдь это ни на что не похоже. И впалъ я въ сильную скорбь и сомнѣніе. Что же мы въ самомъ дѣлѣ за люди, и что

(*) Вскорѣ послѣ сего, чрезъ редакцію Рус. Вѣст., вошелъ я въ сношеніе и съ авторомъ сихъ статей.

за христіане? Книги у всѣхъ насъ однѣ и тѣ же, молимся, поемъ и читаемъ одинаково, и имя носимъ одно, а единства между собою и любви, которая есть отличительный признакъ истиннаго христіанства, не имѣемъ. Съ этого времени, всѣ мои помышленія устремились къ тому, чтобы тщательно и основательно испытать содержимую нами вѣру и причины нашего отдѣленія отъ церкви. Единственный путь къ сему видѣлъ я во внимательномъ чтеніи относящихся къ сему предмету книгъ.

Изъ книгъ такого рода особенное впечатлѣніе тогда произвело на меня сообщенное мнѣ отцемъ Кириакомъ сочиненіе кишиневскаго от. архимандрита Варлаама: «Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургіи Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Григорія Двоеслова, указанныхъ въ *поморскихъ отвѣтахъ*, и *Мечь духовномъ*». Когда я читалъ оную, то думалъ, что если здѣсь все правда говорится, тогда вѣдь мы несомнѣнно заблудились! Но какъ издѣтства пріобрѣтеннаго недовѣрія къ писаннымъ противъ раскола сочиненіямъ я еще не могъ вполне побѣдить въ себѣ, то и рѣшилъ, что пока не увижу своими глазами въ старыхъ книгахъ тѣхъ самыхъ словъ, которыя приводятся въ сочиненіи от. Варлаама, до тѣхъ поръ совершенно полагаться на это сочиненіе не долженъ. А чтобы повѣрить мои впечатлѣнія, книгу эту далъ я для прочтенія Ефиму Павлову, тому самому старообрядцу безпоповскаго согласія, о которомъ упоминалъ выше. Онъ, прочитавъ книгу, долго не признавался, что о ней думаетъ; но однажды какъ-то вечеромъ мы прохаживались съ нимъ и завели объ этомъ разговоръ. Тутъ онъ чистосердечно открылъ мнѣ свое мнѣніе, что все при-

веденное архимандритомъ Варлаамомъ изъ старыхъ книгъ онъ признаетъ справедливымъ, и съ какою-то особенною радостью прибавилъ: «слава Богу, что начинаемъ мы познавать вѣру истинную. И какая, посмотришь, благодать въ церкви! Царь православный, пастыри законные, и все благолѣпіе церковное! А мы куда забрели, и на что похожи?»—Тутъ же онъ изъявилъ мнѣ свое рѣшительное намѣреніе оставить расколъ и присоединиться къ православной церкви.

Это признаніе его меня сильно поразило. Мысль о союзѣ съ православною церковію съ этого времени овладѣла и мною. Но хорошо понимая всю важность такого великаго дѣла, я не хотѣлъ спѣшить имъ, а почиталъ необходимымъ предварительно вполнѣ убѣдиться въ правотѣ церкви. Для сего рѣшился я приступить къ чтенію тѣхъ православныхъ книгъ духовнаго содержанія, въ которыхъ нѣтъ ничего относящагося до старообрядцевъ. Я разсуждалъ: положимъ, что книги, которыми православные учителя насъ хотятъ увѣрить, и несправедливо написаны, ибо писаны для того, чтобы какъ-нибудь насъ привлечь къ церкви; но тѣ книги, которыми они сами руководствуются и сочиняютъ для своего употребленія, очевидно, писаны безъ всякаго умысла и излагаютъ ихъ дѣйствительныя мнѣнія. Такъ посмотрю же я, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь неправаго, противнаго ученію св. отецъ. Если же и въ этихъ книгахъ и сочиненіяхъ ничего такого нѣтъ, тогда можно вѣрить и другимъ.

И сталъ я всевозможными способами пріобрѣтать православныя сочиненія духовнаго содержанія, и читалъ ихъ со всѣмъ усердіемъ; дни и ночи проводилъ я въ этомъ чтеніи, такъ что получилъ даже болѣзнь отъ неумѣрен-

наго сидѣнія за книгами (*). Особенную важность имѣли для меня прочитанныя тогда книги: Катихизисъ Петра Могилы и Догматическое богословіе епископа Антонія, содержащія изложеніе исповѣдуемаго православною церковію ученія вѣры. Изъ нихъ увидѣлъ я, что все это ученіе основано на словѣ Божіемъ и писаніяхъ отеческихъ, и ничего неправого, тѣмъ паче еретическаго, въ себѣ не содержитъ. Дабы еще полнѣе убѣдиться въ семъ, сталъ я разыскивать, какія именно были мнѣнія еретиковъ, осужденныхъ вселенскими соборами. Для сего обратился я къ Кормчей, прочелъ также въ «Духовной Бесѣдѣ» краткій обзоръ о вселенскихъ соборахъ и въ твореніяхъ св. Григорія Богослова о разныхъ еретикахъ, и ничего подобнаго мнѣніямъ сихъ еретиковъ въ ученіи церкви Россійской не оказалось. Тогда я увидѣлъ ясно, что старообрядцы наши клеветуютъ на православную церковь, утверждая, будто она имѣетъ ереси всѣхъ древнихъ и новыхъ еретиковъ. Какое ослѣпленіе, или какая дерзкая клевета!

Познакомясь, сколько могъ, съ сочиненіями православныхъ писателей и не найдя въ ученіи церкви Россійской ничего подобнаго тѣмъ ересямъ, въ которыхъ такъ недобросовѣстно обвиняютъ ее старообрядцы, я

(*) Читалъ я тогда слѣдующія книги: журналы—«Православное Обзорѣніе», «Душеполезное Чтеніе», «Странникъ», гдѣ помѣщена статья «Согласные и несогласные»; Творенія святыхъ отцевъ въ рускомъ переводѣ: Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; св. Игнатія Богоносца (эти и др. книги бралъ я у здѣшняго священника и изъ училищной бібліотети) и др.; выписалъ еще журналъ «Православный Собесѣдникъ» на 1864 г., въ которомъ тогда печаталась статья «Русскій расколъ предъ судомъ истины и церкви».

съ гораздо большимъ довѣріемъ приступилъ и къ чтенію книгъ, написанныхъ православными противъ раскола. Такого рода книгъ я пріобрѣлъ довольно, и всѣ прочелъ со вниманіемъ. Особенную пользу принесли мнѣ двѣ изъ нихъ: 1) «Выписки изъ старописьменныхъ книгъ о соборной Апостольской церкви», А. Озерскаго, и 2) «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь, изложеніе въ отношеніи къ глаголемому старообрядчеству, написанное митрополитомъ Григоріемъ»: эту послѣднюю книгу я почитаю лучшею изъ всѣхъ, написанныхъ противъ раскола, ибо она писана въ духѣ кротости и не содержитъ въ себѣ никакихъ оскорбительныхъ для старообрядца замѣчаній и обличеній. А любовью и кроткимъ словомъ гораздо удобнѣе можно привлечь къ себѣ старообрядцевъ.

Внимательное и продолжительное упражненіе въ чтеніи окончательно убѣдило меня въ неправотѣ раскола, и мысль о соединеніи съ святою церковію теперь овладѣла мною вполнѣ. Были, правда, еще нѣкоторыя неважныя препятствія на пути къ сему соединенію, котсыры надлежало мнѣ устранить, — это именно разные, какъ мнѣ казалось, безпорядки въ православномъ богослуженіи, которые мнѣ случалось замѣчать, когда бывалъ я въ церкви во время служенія. Привыкнувъ къ нашимъ старообрядческимъ порядкамъ, не могъ я безъ смущенія видѣть, что здѣсь, въ православномъ храмѣ, молящіеся клали поклоны, когда ихъ вовсе не положено, что приходнаго начала, седми поклоновъ, никто не дѣлалъ, — одинъ клалъ земные поклоны, другой поясные, а иной только придетъ, перекрестится и станетъ. Потомъ, въ чтеніи каѳизмъ пропускали псалмы, иногда пропускали и

антифоны на утрени; въ молебнахъ не читали между-ирмосныхъ тропарей, а пѣли только одни ирмосы да припѣвы; въ церковь допускалось входить католикамъ, лютеранамъ и другимъ неправославнымъ. Понималъ я, что всѣ эти недостатки неважные и къ существу вѣры не относятся; но для полнаго успокоенія все-таки желалъ получить отъ кого-либо изъ православныхъ учителей объясненіе, почему недостатки эти допускаются и терпимы. Тогда я вспомнилъ, что игумень Пароеній въ одной изъ своихъ книжекъ приглашаетъ желающихъ обращаться къ нему съ вопросами, для чего приложилъ и свой адресъ. Къ нему-то и рѣшился я обратиться съ моими недоумѣніями, изложивъ ихъ въ письмѣ, на которое просилъ отвѣта (*). Хотя и очень не скоро, однакоже

(м) Послѣ краткаго разсказа о томъ, какъ родились во мнѣ сомнѣнія относительно раскола и какъ возникло желаніе войти въ союзъ съ церковію, въ письмѣ этомъ я писалъ между прочимъ: «одно остается для меня неудобопонятнымъ: какимъ образомъ въ Церкви православной пастыри въ проповѣдяхъ и на словахъ, и вездѣ учатъ, какъ должно, а когда исполняютъ служенія въ Церкви, то не дѣлаютъ такъ, какъ положено въ требникахъ, а именно гдѣ слѣдуетъ кланяться, тамъ иногда кланяются, а иногда нѣтъ, и то не всѣ это дѣлаютъ, а кто какъ хочетъ; а гдѣ не положено поклоновъ, тамъ кланяются; на панихидѣ, въ поминовеніи усопшихъ, 17 каѳизму не читаютъ и пр. Мнѣ нѣсколько разъ случалось зайти въ церковь во время службы, и иди въ церковь, всею душой желаешь найти что-либо для себя назидательное, а между тѣмъ все это приводитъ въ какое-то сомнѣніе, такъ что не могу себя со всѣмъ этимъ примирить. Мнѣ хотѣлось бы знать, такъ ли у васъ въ Россіи и въ Москвѣ дѣлается, какъ здѣсь. О всемъ этомъ прошу васъ меня увѣдомить Господа ради». Спрашивалъ и о томъ, на какомъ основаніи допускается католикамъ и лютеранамъ входить въ православныя церкви и молиться вмѣстѣ съ православными.

отецъ Пареевѣй почтилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ нашель я довольно полезныхъ для меня замѣчаній и объясненій (*). Впрочемъ и самъ я разсудилъ, что иное есть уставъ, и иное исполненіе устава; что уставъ, содержимый православною церковію, во всемъ согласенъ отеческимъ преданіямъ; если же иногда по какимъ-либо причинамъ не во всей строгости онъ соблюдается, то вина за сіе падаетъ на несоблюдающаго, а сама церковь отъ сего не повреждается.

Теперь не видѣлъ я никакой преграды къ соединенію съ православною церковію; пребываніе же въ расколѣ стало тяготить мою совѣсть, тѣмъ болѣе, что нестроенія и соблазнительные раздоры въ старообрядческой іерархіи все возрастали больше и больше, чему я былъ очевидцемъ и о чемъ еще болѣе слышалъ и читалъ. Случилось къ тому, что одинъ изъ знакомыхъ старооб-

(*) Такъ напримѣръ о. Пареевѣй на мой вопросъ о папистахъ и лютеранахъ указалъ на то, что и въ древней церкви допускаемы были къ присутствованію въ храмѣ во время литургіи оглашенныхъ, для слушанія собственно пастырскихъ поученій, лица, не принадлежащія къ церкви. Извѣстно притомъ, что послы князя Владиміра въ Царѣградѣ стояли въ церкви, въ продолженіе всей литургіи, еще на почетномъ мѣстѣ, хотя были и идолопоклонники. И въ толковомъ апостолѣ на л. 686 писано: аще и узримъ въ Церкви плевелы, обаче не повреждается вѣра и любовь наша, понеже видяще плевелы въ церкви не исходимъ отъ церкви и не отдѣляемся и проч. А что сказано: съ еретиками ни пить, ни ѣсть, ни закупъ Богу молиться, это преимущественно можно разумѣть о причастіи и о священнодѣйствіи соборномъ; за это и нынче, ежели бы кто дерзнулъ еретика допустить съ собою служить, за это извергнуть изъ священства».

рядцевъ привезъ мнѣ напечатанную въ Яссахъ книжку, подъ названіемъ «Мирная грамота и архипастырское посланіе митрополита Кирилла», составленную, какъ узналъ я послѣ, авторомъ Окружнаго Посланія, Иларіономъ Георгіевичемъ. Въ Посланіи этомъ, въ статьѣ о почитаніи епископовъ, приведены слова св. Игнатія Богоносца: «елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть; елицы же уклоняются отъ него и общеніе любятъ съ проклятыми, сіи съ ними посѣкуются». И далѣе: «иже отай епископа чтò творить, то діаволу служитъ». Показывая старообрядцамъ слова эти, напечатанныя въ архипастырскомъ посланіи бѣлокриницкаго митрополита, я говорилъ: вотъ смотрите, сами пастыри наши сознаются, что предки наши и мы не были Христовы и діаволу работали, потому что 200 лѣтъ не имѣли епископовъ. А теперешніе наши епископы откуда, и какъ почитать ихъ, когда всѣ они состоятъ въ открытой враждѣ между собою и находятся подъ взаимнымъ проклятіемъ? Вообще разсуждая съ старообрядцами о происходившемъ у нихъ соблазнительномъ раздорѣ, я прямо высказывалъ мои понятія о расколѣ и не скрывалъ долѣе своего намѣренія присоединиться къ церкви.

Такимъ образомъ слухъ объ этомъ намѣреніи моемъ началъ мало-по-малу распространяться между старообрядцами, и стали являться ко мнѣ совѣтники съ наставленіями и убѣжденіями оставить мое намѣреніе. И чего только не привелось мнѣ тогда выслушать! На какія нелѣпости не приходилось отвѣчать! Для примѣра приведу разговоръ мой съ однимъ извѣстнымъ въ нашемъ краѣ старообрядцемъ, В. Г. П—мъ, который австрійскаго священства не принимаетъ, а принадлежитъ къ такъ на-

зывается лужковской сектѣ. Проѣздомъ изъ Ончакрака въ Тирасполь зашелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Я слышалъ о тебѣ, что ты начинаешь заблуждаться; вотъ видишь, я тебѣ говорилъ — не читай ты этихъ еретическихъ книгъ; ты не послушался меня, и зачитался.

— Что же, говорю, — развѣ я съ ума сошелъ, что зачитался? — кажется, слава Богу, я въ полной памяти.

— А зачѣмъ отъ вѣры-то правой отступаешь?

— Отъ правой вѣры я не отступаю, и какъ вѣровалъ въ Господа нашего Ісуса Христа, такъ и теперь вѣрую въ Него же.

— Какъ же, вѣруешь ты въ Ісуса! ты не въ Ісуса вѣруешь, а въ Іисуса.

— Положимъ, говорю я, — но вѣдь Іисусъ или Іусъ — это одно и то же имя Господа.

— Вовсе нѣтъ: Іисусъ есть антихристъ, въ него-то ты теперь и вѣруешь; а Іусъ есть Спаситель, въ Него вѣруемъ мы.

— Знаете что, В. Г., говорю я, — вѣдь вы это богохульствуете, вѣдь и вы сами также вѣруете въ Іисуса, хотя и называете его богохульно такимъ страшнымъ именемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не правда твоя, заговорилъ онъ: — мы Іисусу не вѣруемъ.

— Какъ же, говорю, не правда? а попы ваши лужковскіе не во имя ли Іисуса крещены? Вы же принимая ихъ не перекрещиваете, и значитъ сами признаете, что Іисусъ и Іусъ одно и то же имя Христа Спасителя.

— Однако мы, говоритъ онъ, — хотя и принимаемъ ихъ, но они вычитываютъ молитвы отъ ереси приходящихъ.

— Это, говорю я,— не доказательство. Если по-вашему Иисусъ есть антихристъ, то значить попы ваши крещены только въ два лица св. Троицы, въ Бога Отца и въ Бога Духа святаго, а во имя Бога Сына не крещены, ибо Великороссійская церковь вторымъ лицомъ пресвятыя Троицы исповѣдуетъ Господа Иисуса, Котораго вы не признаете Богомъ, и значить поповъ вашихъ, какъ крещенныхъ не во святую Троицу, необходимо перекрещивать. А такъ какъ вы не крестите ихъ вторично, то изъ этого и слѣдуетъ, что сами вы признаете Иисуса вторымъ лицомъ св. Троицы, Христомъ Спасителемъ міра.

— А! что ты мнѣ толкуешь, все это не такъ! ты ужь какъ заблудился, такъ и толкуешь по-своему.

— Такъ разтолкуйте вы мнѣ это по-вашему, говорю.

— Нечего съ тобой толковать, когда ты заблуждаешься.

Такъ какъ у меня была тогда Кириллова книга, то и вздумалъ я показать ему нѣкоторыя мѣста въ этой книгѣ, неблагопріятныя для раскольниковъ. — Вотъ, говорю, наши предки утверждали, что Никонъ перемѣнилъ слова въ Символѣ: *нѣсть конца, на не будетъ конца*; а посмотрите, вотъ здѣсь напечатано: *и царствію Его не будетъ конца*. Еще предки наши говорили, что нужно читать: *и въ Духа Святаго Господа истиннаго*, а Никонъ *истиннаго* оставилъ, а написалъ: *въ Духа Святаго Господа животворящаго*; а вотъ посмотрите здѣсь же въ трехъ мѣстахъ говорится: *и въ Духа Святаго Господа животворящаго*. Указалъ и другія подобныя мѣста.

— Такъ значить, отвѣтилъ онъ не задумавшись,— это книга не отеческая, если въ ней такъ напечатано.

— Да что вы, говорю я,—вѣдь эта книга Кирилла, изданная при патріархѣ Іосифѣ.

— Все равно, — говоритъ, коли такъ напечатано, значить еретическая книга.

Вотъ съ какими совопросниками приходилось мнѣ вести споры. И, конечно, бесѣды съ ними не только не могли меня отклонить отъ намѣренія присоединиться къ церкви, напротивъ утверждали въ этомъ намѣреніи и еще болѣе отвращали отъ раскола. Не трудно было мнѣ отвѣчать подобнымъ совопросникамъ, но немало скорби приходилось испытывать, отражая нападенія со стороны присныхъ по плоти. Такъ узнала о моемъ намѣреніи присоединиться къ церкви моя мать и пріѣхала изъ Бендеръ нарочито, чтобъ отговорить меня отъ этого намѣренія. И слезы, и убѣжденія, и просьбы, и угрозы — все употребила она, чтобы склонить меня къ исполненію ея желанія. Но Господь далъ мнѣ крѣпость перенести и это испытаніе.

— Нѣтъ тебѣ моего благословенія на такое дѣло, говорила мать.

— Но меня Богъ благословилъ, отвѣчалъ я.

— Если ты меня не послушаешь, я тебя осрамяю, продолжала она,—при всѣхъ людяхъ за волосы вытащу изъ церкви. И неужели ты, еще говорила она,—лучше и умнѣе всѣхъ стариковъ нашихъ, ужели умнѣе твоего дѣдушки? Припомни, за что мы ушли изъ Россіи, за что оставили домъ, имущество и родныхъ? все за нашу вѣру, чтобы нейдти въ церковь: а ты теперь самъ по своей волѣ идешь туда.

— Это, матушка, не резонъ, отвѣчалъ я,—что наши оставили имущество, родныхъ и ушли изъ Россіи. Мо-

локане и скопцы тоже бѣгутъ изъ Россіи, оставляютъ свои дома и прочее, такъ неужели и они правы, тоже истинную вѣру содержать?

— Елибы наша вѣра не была правая, еще говорила мать,— то могъ ли бы дѣдушка твой испорченныхъ людей отчитывать?

Я опять говорю: и это не доказательство. Здѣсь можетъ-быть дѣйствовали евангельскія слова, которыя онъ вычитывалъ надъ страждущими; а такіе примѣры бывали прежде, что иногда и невѣрующіе во Христа люди изгоняли именемъ Исусовымъ бѣсовъ. Христось во Евангеліи говоритъ: «мнози рекуть Миѣ въ день оны: Господи! Господи! Не Твоимъ ли именемъ пророчествовахомъ? и не твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ? и не твоимъ ли именемъ многи чудеса сотворихомъ? И тогда реку имъ: азъ николиже знахъ васъ; отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконія (°). Еще, продолжалъ я,— старики наши, а также и дѣдушка мой, имя «Исусъ» называли именемъ антихристовымъ, а поповъ крещенныхъ въ Великороссійской церкви во имя «Исуса», принимали не перекрещивая, и этимъ сами себѣ противорѣчили,— въ одно и то же время и хулили, и благословляли. Крестъ четвероконечный называли печатію антихриста, и дѣдушка мой тоже не признавалъ его за истинный крестъ, а называлъ сѣнію креста, крыжомъ латинскимъ, а равно и многое другое излагали не такъ, какъ старинныя же книги учать и какъ теперь наши же пастыри заповѣ-

(о) Смотри объ этомъ же Евангеліе благовѣстное отъ Матѳея гл. 7. зач. 23, листъ 67 на обор. Отъ Луки глав. 9 начало 47, листъ 92. Выписки Адриана Оверскаго, страница 151, часть I.

даютъ. Изъ этого ясно, что предки наши, а также и дѣдушка, ошибались и заблуждали. Положимъ, я и не вздумалъ бы теперь присоединиться къ православной церкви, но вѣдь я уже все-таки не былъ бы согласенъ съ мнѣніями своихъ предковъ; теперь уже и всѣ болѣе благомыслящіе старообрядцы сознаются, что предки ихъ заблуждались во многомъ. И убѣдиться въ этомъ не трудно: стоитъ только взять какую-нибудь изъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, и увидишь, что каждая изъ нихъ обличаетъ насъ въ неправотѣ и отступленіи отъ истинной церкви.

Матушка говорить:—можетъ-быть по книгамъ-то ты и правъ, но только на дѣлѣ-то у церковныхъ все худо исполняется, и чрезъ это моя совѣсть никакъ не лежитъ къ нимъ.

— Это отъ того, говорю я,—что мы привыкли къ своему, и если у насъ есть что худое, мы своимъ скорѣе извиняемъ чѣмъ православнымъ, потому что это наши, а то «хохлы»; насъ такъ съизмальства научили. вотъ мы и презираемъ ихъ, какъ будто они не такіе же какъ мы христіане.

Мать говорить: да ты посмотри на нихъ, какіе они въ самомъ дѣлѣ христіане, какъ они все дѣлаютъ? Станутъ ли пить? пьютъ не крестясь; ѣдятъ такъ же,—рѣдко-рѣдко кто изъ нихъ перекрестится, да и то неистово, рукой только помахаетъ.

— Что-жь, говорю, — если кто изъ нихъ чего-либо не исполняетъ такъ, какъ должно, каждый за себя и отвѣчать будетъ; а все же они чрезъ это не еретики, а тоько неисполнители отеческихъ преданій. А наши-то все ли исполняютъ такъ какъ слѣдуетъ? иной-пожалуй,

за каждымъ кускомъ крестится, а на умѣ-то у него Богъ знаетъ что вертится? А лучше ли это, какъ крестное знаменіе творится съ суетными мыслями, такъ только, по привычкѣ?

— А живутъ-то они какъ, продолжала мать,—пьянствуютъ, табакомъ все провоняли.

— Матушка! замѣтилъ я ей,—не говори ты о жизни ихъ, не наше дѣло судить ихъ. Посмотримъ лучше на самихъ себя, хорошо ли наши-то живутъ. И я напомнилъ ей о разныхъ безобразіяхъ, совершаемыхъ нашими «часовенными», о которыхъ все мы знаемъ, и которыя исчислять здѣсь не стану, помня изреченіе: *да не возлагаютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ*.—Если мы станемъ, продолжалъ я,—смотрѣть на жизнь людей, и по ней опредѣлять правоту ихъ вѣры, то придется, пожалуй, самыми правыми признать Молоканъ; посмотри, какъ они живутъ: не пьянствуютъ, не слышно даже чтобы они или дѣвицы ихъ пѣсни пѣли; какіе все они тихіе, смиренные, не обманщики! Кто же однако не знаетъ, какъ много заблудили они въ вѣрѣ?..

Такія бесѣды происходили у меня съ родительницей. Видя мою непреклонность, не имѣя возможности разубѣдить меня въ моихъ понятіяхъ о расколѣ, она оставила меня дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

Итакъ оставалось мнѣ теперь подумать о самомъ главномъ—какъ привести въ исполненіе мое намѣреніе присоединиться къ православной церкви.

Въ то время какъ я занятъ былъ мыслию объ этомъ, получено мною изъ Троицкой Сергіевой лавры извѣстіе о намѣреніи нѣкоторыхъ епископовъ и другихъ лицъ отъ Бѣлокриницкой іерархіи (въ томъ числѣ и знакома-

го мнѣ епископа Пафнутія) присоединиться къ св. церкви. Извѣстіе это доставило мнѣ великое духовное утѣшеніе, такъ что я не могъ удержать слезъ, читая то мѣсто въ письмѣ, гдѣ объ этомъ говорилось. Особенно отрадно мнѣ было получить такое извѣстіе объ о. Пафнутіи, котораго уважалъ я за его таланты и познанія въ св. Писаніи. Если подобные люди, думалъ я (и даже писалъ тогда въ Лавру), открыто признали заблужденіе раскола и рѣшились войти въ полное общеніе съ церковію, то намъ можно ли еще колебаться въ такомъ же добромъ намѣреніи? Но какъ исполнить его? Сначала я думалъ, что хорошо было бы присоединиться къ единовѣрческой церкви, такъ какъ въ ней соблюдаются тѣ самые обряды, къ которымъ мы привыкли изъ-дѣтства (а отъ того, съ чѣмъ выросъ, отказаться трудно), — да и вообще богослуженіе, какъ мнѣ казалось, совершается болѣе чинно (а воспитавшагося въ старообрядчествѣ ничто столько не огорчаетъ, какъ небрежность въ богослуженіи) (п). Но такъ какъ единовѣрческой церкви въ нашемъ мѣстечкѣ нѣтъ, и вникнувъ надлежащимъ образомъ въ сущность дѣла, по зрѣломъ разсужденіи съ товарищемъ моимъ, Ефимомъ Павловымъ, признали мы за лучшее присоединиться къ церкви православной,

(п) По мнѣнію моему, основанному на опытномъ наблюденіи, необходимо позаботиться о благочинномъ исправленіи службъ церковныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть не мало старообрядцевъ. Конечно, человекъ болѣе или менѣе образованный, знаетъ въ чемъ заключается сущность религіи, но человекъ простой и малограмотный можетъ ли различать обрядъ отъ вѣры? Для него гдѣ лучше и съ большимъ благовѣніемъ служить, тамъ и лучшая вѣра.

что и вознамѣрились привести въ исполненіе 20 числа іюля мѣсяца, въ день памяти св. Пророка Іліи.

До наступленія избраннаго дня предстояло намъ совершить еще одинъ не малотрудный подвигъ — убѣдить супругъ нашихъ присоединиться вмѣстѣ съ нами къ православной церкви. Само собою разумѣется, что мы не имѣли и помышленія въ такомъ великомъ и святомъ дѣлѣ прибѣгать къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ, а желали дѣйствовать единственно словомъ убѣжденія и вразумленія, и при помощи Божіей, хотя не безъ труда, достигли желаемаго. Послѣ сего нетерпѣливо ожидали мы дня, въ который предположено было совершить наше присоединеніе къ церкви, ибо у насъ въ окружности носились слухи, что стала проявляться холера, и мы боялись, какъ бы не посѣтила она и нашъ край и какъ бы не умереть намъ въ расколѣ.

Наступилъ наконецъ и праздникъ святаго пророка Іліи. Рано поутру всѣ мы исповѣдались у избраннаго вами духовнаго отца; потомъ отстоями утреню и часы; предъ началомъ литургіи священникъ приступилъ къ совершенію дѣйствія присоединенія. Всѣ мы, въ числѣ 8 душъ обоего пола (то есть мое семейство, состоящее изъ трехъ душъ, и семейство Ефима Павлова изъ четырехъ и еще одна женщина, его родственница) были поставлены въ церковномъ притворѣ лицомъ на западъ и, по извѣстной молитвѣ, намъ былъ предложенъ вопросъ: «отрицаете ли всѣхъ ересей и расколовъ?»—на который мы всѣ единогласно отвѣчали: отрицаемся. По окончаніи начальныхъ дѣйствій мы введены были въ церковь и совершенъ надъ нами чинъ муропомазанія. Затѣмъ слушали литургію и всѣ удостоились прича-

ститься тѣла и крови Христовой. Съ неизъяснимымъ чувствомъ радости и благодаренія Господу, приняли мы сей безсмертный и животворящій даръ Его послѣ продолжительнаго духовнаго глада: ибо минуло уже пятнадцать лѣтъ какъ исповѣдывалъ и причащалъ меня одинъ простой монахъ, который, какъ я теперь знаю, не имѣлъ и права совершать такія священнодѣйствія (р), а жена моя не приобщалась св. таинъ съ тѣхъ поръ, какъ родилась (°).

И такимъ образомъ милосердый Господь ввелъ насъ въ ограду своей церкви, и ктому «нѣсмы раскольницы, и раздорницы, но чада единыя святыя, соборныя, апостольскія церкви» (†). И должны мы выну славить и благодарить Бога, показавшаго намъ свѣтъ святыя своея истины, сподобившаго насъ обрѣсти вѣру истинную, въ которой нѣтъ ни раздоровъ, ни раздѣленій и толковъ. Сподоби же насъ Господи въ вѣрѣ сей пребывать твердыми и непреткновенными до скончанія жизни нашей, невзирая на всѣ искушенія и огорченія, отъ противниковъ правой вѣры намъ причиняемыя!

А съ такими искушеніями и обидами не замедлили на-

(р) См. вопросы Іоанна Мниха (Кормч. лист. 588, Симеона Селунскаго вопросъ 36-й, преподобнаго Никона игумена Черныя горы, отъ слова 14-го и отъ слова 4.

(с) Это не рѣдкое явленіе у старообрядцевъ. Удивительно ли послѣ сего, что они находятся въ такомъ заблужденіи и не видятъ свѣта истинны? Св. Златоустъ говорить: «иже не часто кто причащается, многу власть на себе діаволу даетъ, и волю на немъ приметъ діаволъ и ведетъ его на вся злая. Аще кто и чистъ живетъ, каися, а не часто причащается, соодолѣнъ бываетъ врагомъ скоро» (книга Измарагдъ, слово 90).

(т) Слова изъ «Окруж. посланія».

пасть на насъ бывшіе братія наши по расколу. Такъ бендерскіе старообрядцы, услышавъ о нашемъ присоединеніи, чего только не говорили объ насъ! Между прочимъ они утверждали, будто бы мы въ чинѣ присоединенія отрекались отъ родителей и проклинали ихъ, даже передали это нашей матери и она нарочито пріѣзжала къ намъ, чтобъ увѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ мы отреклись отъ нея, и тогда только успокоилась, когда мы объяснили ей всю нелѣпость и злонамѣренность слуховъ, распространенныхъ о насъ раскольниками. Особенно старались они своими толками смутить жену мою: говорили ей, будто теперь мы погубили себя на вѣки и когда умремъ, то прямо пойдѣмъ въ преисподнюю; съ притворнымъ состраданіемъ замѣчали ей обо мнѣ: «былъ прежде хорошій человекъ, а теперь погубилъ себя на вѣки; это бѣсъ смутилъ его, зачитался онъ еретическихъ книжекъ». А когда, вскорѣ по присоединеніи, самъ я встрѣчался съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ старообрядцевъ, то они какъ будто не узнаютъ или не видятъ, — тѣ самые люди, которые бывало не наговорятся съ тобой, теперь смотрятъ на тебя какъ на чудовище. И это тѣ, которые однихъ себя называютъ истинными христианами! Какъ же не помнить они заповѣди Христа Спасителя, который говоритъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть!* А мы и врагами другъ другу никогда не были.

Достоинно также замѣчанія, что въ словесныя объясненія со мною по поводу нашего обращенія они вступаютъ неохотно, а стараются только своими толками о насъ смущать и отвлекать отъ прямого пути людей ма-

лограмотныхъ. И это обычное ихъ правило. Если вступаетъ въ разсужденіе съ ними человѣкъ знающій Писаніе и хорошо знакомый съ ихъ лжеученіями, тогда они большею частію прибѣгаютъ къ притворству, представляются людьми ничего незнающими: «мы люди темные, хотимъ жить такъ, какъ жили наши дѣды и прадѣды, оставьте насъ въ покоѣ». А какъ скоро попадется къ нимъ на бесѣду человѣкъ неопытный и несвѣдущій, тогда они же явятся такими богословами и наставителями вѣры, что и равныхъ себѣ не знаютъ. Еще наблюдая надъ такими совопросниками, замѣтилъ я, что нерѣдко сбиваютъ они съ толку даже людей образованныхъ, перебѣгая отъ одного предмета бесѣды къ другому. Когда предлагаютъ имъ для рѣшенія какой-либо вопросъ, они, даже не выслушавъ его какъ слѣдуетъ, обыкновенно даютъ вопросъ о чемъ-нибудь другомъ, не рѣшивъ и этого, спрашиваютъ о третьемъ и т. д. А извѣстно, что когда человѣкъ занятъ однимъ вопросомъ, онъ легко можетъ быть поставленъ въ затрудненіе такими постоянными и неожиданными переходами отъ однихъ предметовъ къ другимъ, между которыми невозможно иногда отыскать и связи. Не мудрено поэтому, что и человѣкъ образованный иногда принужденъ бываетъ замолчать и прекратить съ ними бесѣду, а это по ихъ понятію и значить одержать побѣду надъ противникомъ. Но еслибы они разсуждали о вѣрѣ спокойно, здраво, безъ крика, еслибы можно было заставить ихъ не перебѣгать отъ одного предмета къ другому и каждый спорный вопросъ рѣшать отдѣльно и до конца, тогда не трудно было бы привести ихъ къ познанію истинны, и рано или поздно они сами оставили бы расколъ.

Но я уклоняюсь отъ цѣли моего разсказа. Я желалъ только изложить обстоятельства моей жизни въ расколѣ и моего бращенія въ православіе, что съ Божіею помо- и исполнилъ. Благочестиваго читателя прошу вмѣстѣ съ нами воздать благодареніе Господу, спасающему заблуждающихъ, а къ недостаткамъ моего повѣствованія быть снисходительнымъ.

Федоръ Богомоловъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. (*)

Г Л А В А XIII.

Видѣніе преп. Сергія объ ученикахъ его.—Преп. Никонъ адонжскій.—Обители иноческія, основанныя преп. Сергіемъ.—Ученики его, основатели монастырей: Романъ Киржачскій, Андроникъ и Савва Московскіе, Ѳеодоръ и Павелъ Борисоглѣбскіе, Ѳеодоръ Симоновскій (послѣ архіепископъ Ростовскій), Меодій Пышношскій, Аванасій Серпуховскій, Савва Стромьинскій, Григорій Голутвинскій, Никита Высоцкій, Ѳерапонтъ Боровенскій, Аврамій Чухломскій, Савва Дубенскій и Сторожевскій, Ксенофонтъ Тутанскій, Іаковъ Желѣзноборскій, Аванасій и Ѳеодосій Череповскіе, Пахомій Нерхотскій, Никита Костромскій, Сильвестръ Обнорскій, Павелъ Обнорскій, Сергій Нуромскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ Можайскій.

Однажды въ глубокой вечеръ, во время молитвы, великій чудотворецъ Сергій услышалъ голосъ, звавшій его по имени. Сотворивъ молитву, онъ открылъ окно и увидѣлъ необыкновенный свѣтъ съ неба. «Сергій! говорилъ голосъ:—Господь услышалъ молитву твою о чадахъ твоихъ!» Чудотворецъ увидѣлъ множество прекрасныхъ птицъ. Небесный голосъ продолжалъ: «такъ умножится число учениковъ твоихъ и послѣ тебя

(*) См. предшествующія книжки.

не оскудѣютъ послѣдующіе стопамъ твоимъ». Сергій въ удивленіи и радости позвалъ къ себѣ ученика своего Симона, и тотъ успѣлъ еще видѣть нѣкоторые остатки явленія.

Эти прекрасныя птицы, порхавшія въ обители Сергіевой и вокругъ ея, изображали собою достойныхъ учениковъ великаго наставника. Одни изъ нихъ до гроба оставались въ обители отца своего; другіе были основателями монастырей вокругъ престольнаго града, послужившихъ образцомъ благочестія для живущихъ въ шумѣ мірской жизни; наконецъ, третьи удалились въ непроходимыя дебри сѣвера и оттуда свѣтили міру дивными подвигами и распространяли вѣру Христову между полудикимъ населеніемъ.

Въ числѣ учениковъ препод. Сергія первое мѣсто принадлежитъ тому, котораго самъ великій отецъ иноковъ назначилъ своимъ преемникомъ. *Преп. Никонъ*, уроженецъ Юрьева-Поволгскаго, еще въ ранней юности слышалъ о подвигахъ Сергія и пришелъ къ нему. Но Сергій, вѣроятно, находя неудобнымъ присоединить къ собору опытныхъ старцевъ юношу, который могъ нуждаться въ отдѣльномъ руководствѣ, не принявъ въ свою лавру своего будущаго преемника, и отославъ его въ Серпуховской Высотскій монастырь къ ученику своему Аѳанасію. Никонъ пробылъ тамъ не болѣе двухъ лѣтъ (*), много успѣлъ въ иноческихъ добродѣтеляхъ и

(а) «Русскіе Святые», подъ 17 ноября примѣчаніе 118.

удостоенъ священства. Послѣ того преп. Сергій, видя успѣхи Никона въ духовной жизни, принялъ его въ свою обитель и велѣлъ ему жить въ своей кельѣ. Здѣсь будущій игуменъ Сергійевой обители нашелъ для себя «высшее училище духовнаго любомудрія въ бесѣдѣ богомудраго Сергія, и новое поощреніе къ подвигамъ и добродѣтелямъ въ близкомъ его примѣрѣ, и огражденіе отъ искушеній въ его прозорливомъ руководствѣ, и подкрѣпленіе противъ немощи въ его сильной молитвѣ, и райское утѣшеніе въ общеніи сей молитвы. Любящее сердце Сергія было для Никона отверстою дверію, отколѣ исходилъ къ нему благодатный свѣтъ и миръ; вѣрное сердце Никона къ Сергію было также отверстою дверію для открытія помысловъ и душевныхъ движеній, дабы никакая мгла сомнѣнія или смущенія не уменьшала чистоты совѣсти. Такъ почилъ на Никонѣ духъ Сергія, который сперва возложилъ на него часть своихъ попеченій о братіи подъ своимъ смотрѣніемъ, а наконецъ, за шесть мѣсяцевъ до своего преставленія, совершенно передалъ ему начальство надъ своею лаврою» (6).

Принявъ на себя настоятельство (въ 1392 году), преп. Никонъ выполнялъ съ точностію всѣ заповѣди богоноснаго своего наставника и раздѣлялъ труды съ братією. Самое имя Никона поль-

(6) Житіе преп. Никона, составл. преосв. Митрополитомъ Филаретомъ.

зовалось всеобщимъ уваженіемъ, какъ нѣчто священное ('), но слава человѣческая тяготила смиреннаго подвижника; онъ испросилъ себѣ у братіи увольненіе отъ игуменства и провелъ шесть лѣтъ въ безмолвіи. Когда же избранный на мѣсто его игумень отказался отъ начальства, преп. Никонъ неотступными просьбами братіи снова принужденъ былъ принять на себя настоятельскія заботы, но съ условіемъ, чтобы отдѣлять себѣ изъ cadaго дня нѣкоторую часть для безмолвнаго богомыслія и слезной молитвы.

Пустынная жизнь въ обители Сергіевой текла тихо и богоугодно. Но святому мѣсту нежданно грозило разрушеніе. Въ 1408 году слухъ приближающагося нашествія невѣрныхъ поколебалъ страхомъ всю землю Русскую. Преп. Никонъ молилъ Господа о защитѣ и призывалъ на помощь чудотворца Сергія, дабы не погибли плоды многолѣтнихъ, благословенныхъ трудовъ его. Однажды, послѣ долгой ночной молитвы, онъ присѣлъ для отдыха и задремалъ. Внезапно явились ему святители Петръ и Алексій и съ ними богоносный Сергій. «Такъ угодно судьбамъ Божиимъ, сказалъ Сергій, чтобы нашествіе иноплемениковъ коснулось и сего мѣста. Но ты, чадо, не скорби и не смущайся: искушеніе будетъ не продолжительно, и обитель моя не запусѣтъ, но послѣ распространится еще болѣе». Послѣ

(в) «Бысть имя его (Никона) яко священіе нѣкое обносимо.»
Рукоп. житіе преп. Никона. Лавр. Библ. № 692, л. 177—193.

того явившіеся изрекли Никону миръ и исчезли съ глазъ его.

Вскорѣ за предвѣщаніемъ послѣдовало событіе. Татарскій военачальникъ Эдигей, недовольный тѣмъ, что великій князь Василій Дмитріевичъ не помогаль хану въ походѣ противъ Литвы, устремился съ полчищами ханскими прямо къ Москвѣ. При этой страшной вѣсти великій князь, не имѣя готоваго сильнаго войска, удалился съ семействомъ въ Кострому. Онъ надѣялся на крѣпость стѣнъ кремлевскихъ, на суровость зимы (это было въ концѣ ноября 1408). Защитникомъ Москвы остался дядя великаго князя, князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятью Куликовской битвы; онъ ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности, но принужденъ былъ выжечь посады, чтобы не подпустить враговъ слишкомъ близко къ стѣнамъ Кремлевскимъ. Эдигей, обложивъ Москву, напрасно ждалъ къ себѣ князя Тверскаго съ стѣнобитными орудіями (г) и не предпринималъ ничего противъ столицы, опасаясь дѣйствія кремлевскихъ пушекъ. Не смотря на недостатокъ нужныхъ для приступа снарядовъ, онъ хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ, чтобы взять Москву голодомъ, а между тѣмъ отряды Татаръ разсыпа-

(г) Князь Іоаннъ Михайловичъ Тверской, несмотря на недавнюю борьбу отца своего съ Донскимъ, не хотѣлъ быть измѣнникомъ и не присоединился къ Эдигею.

лись по областямъ великаго княженія, сожгли и раззорили ихъ, ограбили церкви и монастыри. Тогда, въ числѣ прочихъ, опустошена и сожжена обитель великаго чудотворца Сергія.

Только три недѣли продолжалась осада Москвы: Эдигей получилъ отъ хана Булата извѣстіе о внутреннихъ смутахъ въ Ордѣ и долженъ былъ поспѣшить въ свои степи, взявъ выкупъ съ жителей Московскихъ. Великій князь воротился въ столицу и съ любовію обнялъ храбраго дядю ^(д).

Тогда и преп. Никонъ возвратился на пепелище обители, изъ которой успѣлъ удалиться за благовременно и притомъ спасти нѣкоторыя святыни: утварь преп. Сергія и книги. Блаженный игуменъ снова устроилъ обитель на прежнемъ мѣстѣ съ деревяннымъ храмомъ св. Троицы.

«Другъ молчанія, дѣлатель бдѣнія, образецъ цѣломудрія, неистощимое сокровище молитвы ^(е)» преп. Никонъ занимался преимущественно богослуженіемъ, келейною молитвою и чтеніемъ книгъ ^(ж).

(д) Князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый скончался въ 1410 году, съ доброю славой князя мужественнаго, любившаго отечество болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ старшаго въ родѣ и былъ между князьями русскими первымъ дядею, служившимъ племяннику. Въ духовной записи, при которой былъ свидѣтелемъ преп. Никонъ Радонежскій, онъ поручаетъ жену и дѣтей великому князю, дѣлитъ удѣлъ свой между сыновьями и вмѣняетъ имъ въ обязанность «служить» Василью и дѣтямъ его.

(е) Служба преп. Никону въ ноябрской Минетѣ 1646 года.

(ж) Въ Лаврѣ сохранились богослужебныя книги преп. Ни-

Радостнымъ вѣнцомъ и сладостною наградою терпѣнія и подвиговъ преп. Никона было явленіе и прославленіе цѣльбоносныхъ мощей чудотворца Сергія.

Когда исполнилось 30 лѣтъ по преставленіи преп. Сергія, Богъ благоволилъ явить міру сокровище святыни. Преп. Никонъ, приступая къ созданію каменнаго храма, въ присутствіи князя Звенигородскаго и Галичскаго, Юрія Димитріевича, изнесъ изъ земли мощи отца своего, 5 іюля 1422 года. При открытіи гроба разлилось благоуханіе необыкновенное. И не только тѣло чудотворца оказалось нетлѣннымъ, самыя одежды его были невредимы, хотя съ обѣихъ сторонъ гроба стояла вода. Мощи на время поставлены были въ деревянномъ храмѣ. Каменный храмъ, какъ мѣсто покоя великаго Сергія (¹), созидался и украшался съ благовѣйною любовію и съ усердными молитвами. Онъ и теперь, не потрясаемый вѣками, освящаетъ молящихся, и руки нечестивыхъ враговъ донынѣ не прикасались къ

кона: Евангеліе, Служебникъ и Октоихъ отъ 4 до 8 гласа, также писанныя при немъ Діоптра Филиппа пустынника; Лѣствица съ 44 главами Григорія Синаита и поученіе Аввы Дороея (Описаніе Серг. Лавры. Стр. 41, 42, 152 и 155).

(в) Мощи преп. Сергія почиваютъ открыто въ Троицкомъ соборѣ Лавры, построенномъ преп. Никономъ изъ бѣлаго камня, въ серебряной поволоченой ракѣ, устроенной царемъ Іоанномъ. Эта рака опущена въ другую, также серебряную, тотораю, равно какъ рѣшетка и сѣнь на столпахъ, вылиты изъ серебра усердіемъ императрицы Анны.

нему. Святѣя мощи преп. Сергія перенесены въ новый храмъ при самомъ его освященіи.

Вскорѣ послѣ того преп. Никонъ почувствовалъ близость кончины. Уже на одрѣ болѣзни призывалъ онъ братію и далъ послѣднее наставленіе. Въ предсмертномъ изнеможеніи онъ сказалъ: «отнесите меня въ свѣтлую храмину, уготованную мнѣ молитвами отца моего», и скончался 17 ноября 1428 года. Мощи его были преданы землѣ подлѣ храма, въ которомъ почивали уже открыто обрѣтенныя имъ мощи великаго чудотворца Сергія (*).

Нѣсколько обителей иноческихъ основаны самимъ преп. Сергіемъ или учениками его, съ благословенія великаго учителя, прежде блаженной его кончины.

Такъ, когда преп. Сергій удалился изъ своей обители, чтобы избѣгнуть тревоги и несогласія, онъ поселился въ лѣсу близъ рѣки Киржачи, на прекрасномъ высокомъ мѣстѣ и основалъ малый монастырь съ церковью Благовѣщенія Богородицы. Вскорѣ послѣ того, возвращаясь, по волѣ святителя Алексія, въ свой монастырь, преп. Сергій поручилъ ученику своему *Роману*

(и) Надъ могилою преп. Никона построено около 1560 года каменный храмъ во имя его. Мощи преп. Никона почиваютъ здѣсь подъ гробницей, покрытою серебромъ. Рака великаго Сергія отдѣляется одною каменною стѣной отъ раки ученика его. Память преп. Никона установлено чтить повсемѣстно на соборѣ 1547 года, но служба ему написана была Пахоміемъ Логоетомъ почти за сто лѣтъ ранѣе, по волѣ св. митрополита Іоны.

окончить устройство новой пустынной обители и быть въ ней наставникомъ иноковъ. Блаж. Романъ исполнилъ заповѣдь отца своего: устроилъ Благовѣщенскій монастырь и былъ образцомъ подвижнической жизни для своей братіи. Онъ преставился 29 іюля 1392 года (1).

Въ предъидущей главѣ мы упоминали объ основаніи въ 1361 году св. митрополитомъ Алексіемъ Спасскаго монастыря на берегу р. Яузы, подъ Москвою. Первымъ игуменомъ этой обители былъ *Андроникъ*, одинъ изъ любимыхъ учениковъ великаго аввы Сергія, уроженецъ Ростовскій, отличавшійся, при строгомъ постничествѣ, кротостію и глубокимъ смиреніемъ. Вскорѣ по устройеніи обители отецъ и наставникъ монашествующихъ, Сергій, приходилъ посматрѣть на трудъ ученика своего и благословить новое мѣсто подвиговъ иноческихъ (2). Престав-

(1) Преп. Романъ въ рукописныхъ святцахъ поставленъ въ числѣ святыхъ. Монастырь его былъ постоянно приписнымъ къ Сергіевой Лаврѣ и упраздненъ въ 1764 году, при чемъ монастырскіе храмы обращены въ приходскіе заштатнаго города Киржача, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда. У южной стѣны древняго Благовѣщенскаго храма, въ особой палаткѣ почиваютъ подлѣ спудомъ мощи преп. Романа; на мѣдной гробницѣ вычеканены тропарь и кондакъ (Владим. губер. Вѣдомости 1864 г. № 30).

(2) Московскій Спасо-Андрониковскій монастырь имѣлъ 1674 души крестьянъ, а нынѣ положенъ во второмъ классѣ. Близъ него, на прежней Нижегородской дорогѣ, донинѣ стоитъ часовня, поставленная, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ преп. Сергій, послѣ продолжительной бесѣды съ Андроникомъ, простился съ нимъ и пошелъ въ Нижній Новгородъ, по порученію митрополита Алексія.

леніе преп. Андроника по всей вѣроятности относится къ первымъ годамъ XV вѣка (1). Преемникомъ его былъ ученикъ его преп. Савва, а третьимъ игуменомъ—Александръ, ученикъ Саввы и самага Андроника. Онъ построилъ въ обители своей прекрасную каменную церковь.

Вскорѣ послѣ построенія, храмъ Спасовъ описанъ былъ лучшими иконописцами того времени, Андрониковскими іеромонахами: старцами Даниломъ Чернымъ и ученикомъ его Андреемъ Рублевымъ. Они поступили въ сію обитель еще при преп. Андроникѣ и отличались такою ревностію къ посту и иноческимъ подвигамъ, что удостоились божественной благодати; они столько возвысились въ святой любви къ Богу, что никогда не занимались земнымъ, но всегда умъ и мысли свои возносили къ невещественному и божественному свѣту, а чувственное око всегда возводили къ написаннымъ вещественными красками ликамъ Владыки Христа, Пречистой Матери Его и всѣхъ святыхъ. Въ самый праздникъ свѣтлаго воскресенія Христова они, сидя на скамейкахъ и имѣя предъ собою честныя иконы, смотрѣли на нихъ неуклонно и исполнялись святою радостію и свѣтомъ. Такъ поступали они и въ другое время, когда не занимались

(1) Изслѣдованія о времени кончины преп. Андроника можно найти въ описаніи обители его, составленномъ въ 1865 году, прилож. стр. 3—6. Преемникъ его преп. Савва скончался около 1415 года. Мощи двухъ первыхъ игуменовъ Спасской обители почиваютъ въ главной церкви ея подъ спудомъ.

писаніемъ иконъ (*). Послѣдніе труды ихъ, уже въ глубокой старости, посвящены были росписанію двухъ соборовъ: Троицкаго, въ Сергіевой лаврѣ, и Спасскаго, въ своемъ монастырѣ. Вскорѣ Господь за благоговѣйное украшеніе св. храмовъ воззвалъ ихъ обоихъ созерцать славу небесныхъ обителей и лики праведниковъ на небѣ. Блаженный Андрей предварилъ своею кончиною наставника своего Данила; спустя немного времени Данилъ сталъ приближаться къ смерти; передъ самымъ преставленіемъ онъ увидѣлъ возлюбленнаго ему Андрея, въ радости призывающаго его къ себѣ (†).

Вскорѣ по основаніи Андроникова монастыря въ Москвѣ, когда преп. Сергій въ 1363 году приходилъ на родину для примиренія ростовскихъ князей съ великимъ княземъ, два пустынножителя, *Теодоръ* и *Павелъ*, просили у богоноснаго старца благословенія для устройства обители и указанія мѣста. Первый изъ нихъ пришелъ изъ Новгородской стороны въ Черный

(*) Иконы, писанныя блаж. Даниломъ и Андреемъ Рублевымъ, пользовались большою извѣстностію съ XV в. и до нашего времени. Эти знаменитые иконописцы росписывали Благовѣщенскій соборъ въ Московскомъ кремлѣ и Успенскій во Владимірѣ. Изъ числа сохранившихся образцовъ ихъ кисти особенно замѣчательна храмовая икона въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры.

(†) Духов. грам. преп. Іосифа Волоцкаго, слово 10. Рук. Синод. Библ. № 52. Рус. св. подъ 12 іюня. Блаж. Данилъ иконописецъ и Андрей Рублевъ, сподвижникъ его, въ старинныхъ святцахъ поставлены въ числѣ святыхъ. Они скончались въ 1427 году и погребены въ Андрониковскомъ монастырѣ.

лѣсь на рѣкѣ Устьѣ, построилъ себѣ изъ хвороста хижину, а при большой дорогѣ, изъ Бѣлозерска въ Москву, повѣсилъ на деревѣ кузовокъ, чтобы принимать отъ проходящихъ милостыню для своего пропитанія. Онъ жилъ какъ птица небесная безъ заботъ о земномъ, проводя время въ молитвахъ. Спустя три года пришелъ къ нему Павелъ и оба старца вмѣстѣ обратились къ великому отцу пустынножителю, бывшему тогда въ Ростовѣ. Сергій избралъ прекрасное мѣстоположеніе на берегу рѣки Устьи, въ 15 верстахъ отъ города и сказалъ пустынникамъ: «призритъ Богъ и Пресвятая Богородица на мѣсто сіе». Ободренные этими словами, а потомъ и явленіемъ св. Бориса и Глѣба, Ѳеодоръ и Павелъ построили монастырь Борисоглѣбскій. Игуменъ Ѳеодоръ, послѣ недолгаго настоятельства, поручилъ обитель сотруднику своему Павлу, а самъ удалился сначала на берегъ Кубенскаго озера, а потомъ на устье р. Ковжи, гдѣ основалъ новый монастырь (°). Предъузнавъ кончину свою, блаж. старецъ возвратился въ Борисоглѣбскую обитель, гдѣ и преставился 22 октября 1410 года. Вскорѣ послѣ него скончался и преп. Павелъ (и).

(°) Ковженскій Николаевскій монастырь находился въ 40 верстахъ отъ города Бѣлозерска, на устьѣ рѣки Ковжи, впадающей въ Бѣлое озеро. Строеніе въ немъ было все деревянное. По ветхости и бѣдности онъ упраздненъ еще до учрежденія штатовъ (Истор. Росс. Іерар. ч. VI, стр. 548).

(и) Борисоглѣбскій, что на Устьѣ, второклассный монастырь, замѣчательнъ по громаднымъ постройкамъ конца XVI и на-

Въ 1365 году, возвращаясь изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, преп. Сергій положилъ основаніе Георгіевской пустыни, въ Гороховскомъ округѣ, на рѣкѣ Клязьмѣ (р).

Въ числѣ учениковъ преп. Сергія находился родной племянникъ его, сынъ брата его Стефана, *Теодоръ* (въ мірѣ Іоаннъ). Онъ приведенъ отцемъ на 13-мъ году въ пустыню Сергія и тогда же постриженъ въ монашество. Подъ непосредственнымъ руководствомъ игумена - дяди, юный инокъ возрасталъ въ чистотѣ и святости, недоступный соблазнамъ грѣшнаго міра. Въ душѣ его не было ничего сокровеннаго для отца и наставника; онъ открывалъ ему грѣхи свои и помыслы тревожные и днемъ и ночью. Удостоившись священства въ обители Сергіевой, Теодоръ почувствовалъ желаніе основать новый общежительный монастырь. Св. Сергій, видя твердость и неизмѣняемость этого помысла въ продолженіи многого времени, призналъ его дѣломъ Божиимъ и согласился отпустить Теодора и съ

чала XVII вѣка. Каменная ограда до 15 аршинъ вышиною, а въ окружности около версты, съ 14 башнями и множествомъ бойницъ; огромные храмы, высокая одноярусная колокольня,—все это напоминаетъ прежнее богатство обители, теперь давно уже обдѣнѣвшей. Могицы преп. Теодора и Павла почиваютъ подъ спудомъ въ построенномъ ими соборномъ храмѣ монастыря. Свѣдѣнія объ нихъ взяты изъ древне-рукописной повѣсти (Библ. Сергіевой лавры, Сборникъ подъ № 20).

(р) Эта пустынь была приписною къ Сергіевой лаврѣ и давно уже уразднена (Описаніе Лавры, стр. 164. Ист. Іерар. III. 688).

нимъ нѣсколько братій, чтобы они избрали мѣсто для новой обители. Имъ понравилось мѣсто близъ р. Москвы, по имени Симоново. Сергій самъ приходилъ осмотрѣть это мѣсто, одобрилъ и благословилъ. Тогда Ѳеодоръ, съ разрѣшенія святителя Алексія, поставилъ церковь Рождества Богородицы и основалъ общежительный монастырь, извѣстный донинѣ подъ именемъ Симонова (°). Отличаясь не только привлекательною наружностію, но и добродѣтелями иноческими и обширнымъ умомъ, новый игумень пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Великій князь Димитрій Донской избралъ его духовникомъ своимъ и часто поручалъ ему дѣла церковныя. Такъ въ 1381 году Димитрій посылалъ Ѳеодора въ Кіевъ, чтобы пригласить въ Москву митрополита Кипріана, а въ 1383 г. отправлялъ его съ порученіями въ Царьградъ къ патріарху Нилу, который, бесѣдуя съ Ѳеодоромъ, весьма полюбилъ его, посвятилъ въ санъ архимандрита и возвелъ монастырь его на степень патріаршей ставропигіи. Наконецъ, въ 1388 году, преп. Ѳеодоръ сно-

(с) Обитель Рождественская на Симоновѣ первоначально стояла у большой дороги. Блаж. Ѳеодоръ, уклоняясь отъ шума, перешелъ нѣсколько далѣе, въ тихое и лѣсное мѣсто, поставилъ себѣ келью и подвизался безмолвно. Скоро собрались къ нему иноки на новое мѣсто; игумень построилъ здѣсь церковь Успенія Богородицы и кельи для братіи, при благотворительной помощи боярина Григорія Ховрина, родоначальника Ховриныхъ и Головиныхъ. Такъ возникъ новый Симоновъ монастырь, состоящій теперь въ числѣ первоклассныхъ ставропигіальныхъ, а старое Симоново осталось усыпальницею иноковъ.

ва путешествовалъ въ Царьградъ съ порученіемъ великаго князя, который писалъ, что желаетъ видѣть его на святительской кафедрѣ. Патриархъ рукоположилъ Θεодора въ санъ архіепископа въ Ростовъ, гдѣ до того времени были епископы; но утомленный трудами, понесенными для всей русской церкви во время долгихъ и опасныхъ путешествій, блаженный святитель недолго правилъ Ростовскою церковью (†): онъ преставился 28 ноября 1394 года (‡).

Другой ученикъ, «спостникъ и собесѣдникъ великаго Сергія» (*), преп. Меѳодій, проведеншій нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ великаго наставника иноческой жизни, въ 1361 году удалился, по благословенію его, искать безмолвія. За р. Яхромою, въ дубовомъ лѣсу, на мѣстѣ окруженномъ болотами и лѣсами, онъ поставилъ себѣ келью и жилъ въ совершенномъ уединеніи. Но вскорѣ подвижническая жизнь его сдѣлалась извѣстною и начала собирать къ нему ревнителей пустынножительства. Преп. Сергій, посѣтивъ любимаго ученика, далъ ему совѣтъ построить обитель и храмъ на другомъ болѣ сухомъ и

(†) Въ Ростовѣ св. Θεодоръ основалъ женскій монастырь въ честь Рождества Богородицы. Занимаясь въ свободное время искусствомъ иконописанія, онъ написалъ для этой обители икону Богородицы, которая и теперь тамъ сохраняется. (Святѣи Ростова, изд. 3-е, стр. 80).

(‡) Мощи св. Θεодора почиваютъ подъ спудомъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, у южной стѣны. Память его благоговѣнно чтли еще въ XV вѣкѣ.

(*) Такъ называется Меѳодій въ древнемъ тропарѣ.

обширномъ мѣстѣ, и благословилъ то самое, гдѣ нынѣ стоитъ обитель (*). Преп. Меѳодій самъ трудился при построеніи храма во имя чудотворца Николая, *пѣшь нося* деревья черезъ рѣчку (**). Обитель Меѳодіева была и остается обителью трудолюбія; основатель ея былъ первымъ между братією по неутомимымъ подвигамъ труда, поста, молитвъ и нищелюбія. Иногда, какъ любитель безмолвія, удалялся для молитвы за 2 версты отъ обители. Сюда же приходилъ къ нему для духовной бесѣды богоносный Сергій (†). Блаженный игумень Меѳодій переселился въ вѣчную жизнь 14 іюня 1392 года (‡).

По просьбѣ Серпуховскаго князя Владиміра

(х) Николаевскій Песношскій или Пѣшношскій монастырь находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 80, а отъ Дмитрова въ 15 верстахъ. Онъ отличается особенною продолжительностію богослуженія. Пѣвнѣ употребляется единственно столповое (знаменное). Общежитіе полное; страннопріимство образцовое. О времени основанія монастыря указано въ описаніи его, составленномъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (стр. 8.).

(ц) Отъ того обитель прозвалась Пѣшношскою, а рѣчка подъ стѣнами ея впадающая въ р. Яхрому—Пѣшношею.

(ч) Эта мѣстность и теперь называется «бесѣдою». Здѣсь стоитъ часовня, посвященная Предтечѣ. Мѣсто первоначальнаго уединенія блаж. Меѳодія въ лѣсу поддерживается въ памяти другою часовнею, которая называется Меѳодіевою, въ 1 верстѣ отъ обители.

(ш) Мощи преп. Меѳодія почиваютъ подъ спудомъ въ церкви св. Сергія и Меѳодія, построенной надъ могилою его въ 1732 году. Мѣдная поволоченная рака съ иконою на кипарисной доскѣ сдѣлана въ 1801 году. Въ монастырѣ сохраняется посохъ и деревянный потиръ преп. Меѳодія.

Андреевича Храбраго, преп. Сергій въ 1378 году ходилъ въ Серпуховъ, основалъ тамъ монастырь въ честь зачатія Богородицы и далъ этой новой обители перваго игумена, ученика своего *Аѳанасія*, который былъ сыномъ священника изъ Обонежской Пятины и, слыша о пустынныхъ подвигахъ игумена Радонежскаго, пришелъ къ нему изъ отдаленнаго края и принялъ постриженіе въ Троицкой обители.

Съ помощію благочестиваго князя новый игумень *Аѳанасій* построилъ въ новомъ городѣ Серпуховѣ храмъ и кельи монастыря, прозваннаго Высоцкимъ по высокому берегу р. Нары, на которомъ онъ стоитъ вблизи р. Оки, въ верстѣ отъ города. Скоро собрались къ нему ученики: первымъ изъ нихъ былъ преп. *Никонъ*, будущій игумень Лавры Сергіевой, присланный сюда самимъ Сергіемъ, а вторымъ—*Амосъ*, сынъ знатныхъ родителей, изъ Ярославской области, который при постриженіи названъ *Аѳанасіемъ*. Блажен. игумень ревностно заботился о душевной пользѣ учениковъ своихъ, совѣтовалъ имъ остерегаться праздности и какъ можно чаще заниматься чтеніемъ книгъ ^(ш). Преп. *Аѳанасій* былъ другомъ св. митрополита Кипріана, и когда Кипріанъ, по неудовольствію великаго князя *Димитрія*, вынужденъ былъ удалиться изъ Мос-

(ш) Въ Синодальной Библиотекѣ сохранилась книга *Никона Черногорца*, писанная въ 1381 году, по благословенію игумена *Аѳанасія*, въ обители его.

квы въ Кіевъ и потомъ въ Царьградъ, Аѳанасій, оставивъ игуменство, добровольно послѣдовалъ за нимъ въ изгнаніе. Въ Царьградѣ, въ Предтеченской обители, старецъ купилъ себѣ келью и жилъ съ нѣсколькими учениками, занимаясь то молитвою, то списываніемъ книгъ (*), то дѣлами благотворенія. Святитель Кипріанъ, возвращаясь въ Москву, по приглашенію преемника Димитріева, сильно упрашивалъ Аѳанасія возвратиться съ нимъ вмѣстѣ и общалъ ему почести. Но смиренный старецъ отказался. «Келья моя дороже мнѣ всѣхъ почестей», сказалъ онъ. Святитель отвѣчалъ ему: «о, умъ разсудительный! о взоръ свѣтлый! возлюбилъ ты горькое и скорбное, зная, что, по слову пророка, эта горечь слаще меда. Дивлюсь твоему подвижническому житію, скорблю, что и я не могу наслаждаться имъ». Такимъ образомъ блаж. Аѳанасій остался въ Константинополь, но и тамъ трудил-

(*) Одинъ изъ учениковъ Аѳанасія, списавшій въ Царьградѣ въ 1392 году сборникъ, говоритъ въ послѣсловіи: «сію книгу писалъ я по благословенію и совѣту моего старца, священночестивѣйшаго между иноками, киръ Аѳанасія, бывшаго прежде начальникомъ общежитія и братіи въ монастырѣ на Высокомъ. Разсмотрѣвъ жизнь разсудительнымъ умомъ своимъ, оставилъ онъ монастырѣ и все что было дорого ему, родныхъ, знатныхъ знакомыхъ, и удалился въ Константинополь; здѣсь пребываетъ онъ какъ одинъ изъ убогихъ; забывая все земное печется только о будущемъ». Въ Румянц. Музеѣ есть копія этого послѣсловія въ Сборникѣ XVI вѣка подл. № 360. л. 422.

ся для блага Церкви Русской (*). Тамъ онъ и почилъ въ глубокой старости въ первыхъ годахъ XV вѣка (*).

Между тѣмъ основанная имъ обитель находилась подъ управленіемъ ученика его Аѳанасія, который велъ жизнь богоугодную и скончался 12 сентября 1395 года (*).

По желанію великаго князя Дмитрія Донскаго богомудрый Сергій основалъ въ 1378 году (*) монастырь Дубенскій на Стромьини, съ церковью Успенія Богородицы, въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ Троицкой Лавры, при рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ рѣку Дубну, и поставилъ игуменомъ ученика своего Леонтія. Вторымъ игуменомъ въ той же обители былъ преп. *Савва Стромьинскій*, по благословенію преп. Сергія (*).

(*) Въ 1401 году преп. Аѳанасій прислалъ въ свою обитель списанный (а можетъ-быть и переведенный имъ) церковный уставъ, съ котораго снято потомъ много списковъ въ Россіи. Онъ прислалъ также нѣсколько иконъ византійскаго искусства, которыя и теперь цѣлы въ Высоцкомъ монастырѣ.

(*) О преп. Аѳанасіѣ сказано въ лѣтописи: «Бога ради остави (Аѳанасій) игуменство и отъиде въ Царь-градъ и купи себѣ тамо келью, и поживе въ молчаніи со святыми старцы, и тако въ старости глубоко преставися ко Господу» (Никонов. Лѣтоп. IV. 39).

(*) Въ рукописныхъ святцахъ сказано объ Аѳанасіи младшемъ: «преп. Аѳанасій игуменъ Высоцкаго Зачатскаго монастыря, иже въ Серпуховѣ, новый чудотворецъ, ученикъ преп. Аѳанасія, дивнаго ученика преп. Сергія, что послѣ былъ въ Царьградѣ и тамо преставися».

(*) Исторія Русской церкви преосв. Макарія IV. 188.

(*) Въ рукописныхъ святцахъ сказано: «преп. Сергія уче-

Въ 1380 году, также по желанію Донскаго, въ благодарность Богу за побѣду надъ Мамаемъ, основанъ преп. Сергіемъ другой монастырь, Дубенскій на острову, также съ Успенскою церковью, къ сѣверо-западу въ 40 верстахъ отъ лавры Сергіевой, при другой рѣчкѣ Дубенкѣ (*). Здѣсь первымъ игуменомъ былъ преп. Савва, въ послѣдствіи игумень Лавры и основатель Сторожевскаго монастыря, близъ Звенигорода.

ницы преподобніи отцы, Савва и Леонтій, начальницы быша Стромьинскаго монастыря благословеніемъ Сергія чудотворца. Изъ послѣднихъ словъ видно, что оба они были поставлены самимъ Сергіемъ. Со времени основанія Стромьинскаго монастыря до преставленія преподобнаго Сергія протекло 13 или 14 лѣтъ; должно полагать, что Леонтій не долго былъ игуменомъ и выбылъ куда-либо въ другой монастырь, а Савва былъ его преемникомъ въ управленіи обителью, въ ней скончался и погребенъ. Святостію жизни онъ болѣе прославился чѣмъ Леонтій, и потому имя его въ спискѣ учениковъ Сергіевыхъ поставлено выше Леонтіева, и читлось въ XVII вѣкѣ. На мѣстѣ Стромьинскаго монастыря стоитъ теперь село Стромьинъ на дорогѣ Стромьинкѣ, лежащей между Ярославскою и Владимірскою шосейными дорогами. Тамъ подлѣ древняго Успенскаго храма, въ особой часовнѣ почиваетъ подъ спудомъ преп. Савва Стромьинскій, который на иконахъ изображается кривымъ, съ закрытымъ правымъ глазомъ.

(я) Мѣстность монастыря Дубенскаго, упраздненнаго въ 1764 году: на границахъ Владимірской и Тверской губерніи, въ Александровскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Дубны, въ пустоши Шавыкиной, принадлежащей нынѣ помѣщику П. Н. Аксакову, находится островъ длиною, отъ сѣвера къ югу, около 2 версты, шириною до 200 сажень, образуемый съ сѣверной стороны рѣчкой Дубенкою, вытекающею изъ р. Дубны, съ востока самою Дубною, съ юга рѣчкою Вытраскою, а съ запада рѣчкою Быстрицею. Здѣсь на холмѣ, близъ берега Быстрицы, подъ тѣнью нѣсколькихъ вѣковыхъ сосенъ, видны

Въ 1385 году великій отецъ пустынножителей Сергій основалъ по желанію великаго князя Дмитрія Голутвинъ монастырь близъ Коломны при впаденіи рѣки Москвы въ Оку (°) съ церковью Богоявленія Господня. Здѣсь онъ поставилъ игуменомъ ученика своего блаж. Григорія. (°)

слѣды градъ, высохшій прудокъ, нѣсколько могилъ, обросшихъ травою, и двѣ часовни на мѣстѣ прежде бывшихъ храмовъ Успенскаго Дубенскаго монастыря; въ одной изъ нихъ сохраняются обветшалыя иконы, а другая стоитъ уже въ развалинахъ. Сюда ежегодно приносится изъ Спасо-Кубежскаго погоста чудотворная Иверская икона Богородицы, которая прежде стояла въ церкви бывшаго здѣсь монастыря (Моя статья: «Нѣсколько словъ объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ», въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1860, I, отд. I. 45—50.)

(°) Голутвинъ монастырь совершенно обветшалъ по отобраніи монастырскихъ имѣній. По перенесеніи Коломенской архіерейской кафедры въ Тулу, остался въ Коломнѣ древній архіерейскій домъ, пустой и безъ способовъ поддержанія. Митрополитъ Московскій Платонъ въ 1800 году рѣшилъ перевести сюда Голутвинъ монастырь, назвавъ его Новоголутвинымъ. Тогда открылось другое важное неудобство: древняя мѣстность Голутвина, освященная благословіемъ великаго чудотворца Сергія, осталась необитаемою. Въ этой крайности, митрополитъ Платонъ соединилъ старый опустѣвшій Голутвинъ съ монастыремъ Бобреновымъ (находящимся отъ него въ 7 верстахъ) въ одну обитель подъ названіемъ Бобреново-Голутвина монастыря, при чемъ содержаніе для братіи получалось отъ угодій бобреновскихъ, которыя остались и теперь за Старо-голутвинымъ монастыремъ, по отдѣленіи Бобренева, который, по просьбѣ почет. гражд. Д. И. Хлудова, снабдившаго его новыми угодьями, въ 1865 году возстановленъ самостоятельнымъ, на своемъ содержаніи.

(°) О блаженномъ Григоріи сказано въ рукописныхъ свѣдѣніяхъ: «Преп. отецъ Григорій, игумень Голутвинскаго монастыря Богоявленскаго, ученикъ бысть св. Сергія чудотворца.»

Во всѣ эти мѣста преп. Сергій самъ ходилъ, по обычаю, пѣшкомъ, чтобъ избрать мѣсто и положить начало обители. Средства какъ для построенія, такъ и для содержанія этихъ трехъ монастырей даны были великимъ княземъ.

Еще при жизни чудотворца Сергія ученикъ его блаженный *Никита* положилъ основаніе Покровскому Высокому монастырю на восточной оконечности города Боровска, на берегу рѣки Протвы. (*)

Другой ученикъ Сергія преп. *Ферапонтъ*, съ иконою Успенія Богородицы, данною ему въ благословеніе отъ дивнаго наставника, удалился въ густые лѣса Мосальской округи и тамъ соорудилъ Успенскую Боровенскую обитель (б).

Преп. *Аврамій*, возлюбивши Господа съ молодыхъ лѣтъ, усердный послушникъ въ обители Сергіевой, былъ удостоенъ сана священства и пожелалъ подвизаться въ безмолвіи. Испросивъ благословеніе великаго наставника, онъ удалился

(а) Эта обитель упразднена въ 1764 году. Мѣсто ея, на крутой горѣ, занято теперь городскимъ кладбищемъ.

(б) Боровенскій монастырь находился въ 10 верстахъ отъ Мосальска и въ 20 отъ Мещевска, при рѣчкѣ Боровенкѣ. Онъ упраздненъ въ 1764 году въ одно время съ Покровскимъ Боровскимъ. Сохранилась только успенская соборная церковь (нынѣ приходская для нѣсколькихъ окрестныхъ селеній) двухъ-ярусная, великолѣпно построенная въ 1754 году, и здѣсь стоитъ мѣстно чтимая храмовая икона Успенія Богородицы, принесенная преп. Ферапонтомъ. Она имѣетъ видъ складней и вставлена въ старинный кивотъ вревосходной работы. Чтенія *Москов. Истор. Общества* 1863. I, 127 и 128).

въ страну Галичскую на берегъ озера. Здѣсь, стоя на молитвѣ подъ горою, онъ увидѣлъ на горѣ сіяющую икону Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. На мѣстѣ явленія иконы пустынный, при пособіи мѣстнаго удѣльнаго князя, устроилъ храмъ и обитель въ честь Успенія Богоматери (*). Обитель процвѣла и сдѣлалась многолюдною; преп. Аврамій назначилъ ей настоятеля ученика своего Порфирія, а самъ удалился въ пустыню; за 30 верстъ далѣе, гдѣ по желанію учениковъ основалъ новый монастырь въ честь Положенія Пояса Богоматери. Потомъ онъ перешелъ на рѣку Вочу и благословилъ ученикамъ своимъ поставить храмъ въ честь Собора Богоматери и третью обитель. Наконецъ неутомимый просвѣтитель дикаго края нашелъ себѣ лучшее мѣсто, въ 13 верстахъ отъ Вочскаго монастыря, подъ горой, на которой былъ «Чудскій Городокъ» — гнѣздо стараго чудскаго суевѣрія; здѣсь нужно было много свѣта и силы небесной, чтобы разсѣять остававшійся мракъ язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Аврамій основалъ на Чудскомъ Городкѣ храмъ въ честь Покрова Богоматери; самъ на старческихъ плечахъ своихъ носилъ землю для укрѣпленія крутаго берега и ревност-

(в) Авраміевъ Чухломскій Городецкій (по имени чудскаго городка) заштатный монастырь находится въ 10 верстахъ отъ г. Чухломы. Остальныя обители преп. Аврамія давно уже не существуютъ.

но трудился вмѣстѣ съ учениками при устройствѣ обители. Велико было значеніе основателя четырехъ монастырей въ чудской сторонѣ! Онъ самъ жилъ уединенно подъ горою; но сюда приходили къ нему ученики для исповѣданія помысловъ своихъ; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезныя наставленія. Чухломская сторона чтить его какъ своего просвѣтителя. Преп. Аврамій, прозываемый также Чухломскимъ и Городецкимъ, почилъ 20 іюля 1375 года. (†).

По блаженной кончинѣ чудотворца Сергія, многіе изъ чадъ его разлетѣлись, какъ птицы небесныя, по разнымъ краямъ Русской земли и свили себѣ священныя гнѣзда — обители иночекія.

Преп. *Савва*, о которомъ мы говорили выше по случаю основанія Дубенскаго монастыря на острову, научившись съ молодыхъ лѣтъ отъ блаженнаго наставника своего послушанію, смиренію, чистотѣ мыслей и слезной молитвѣ, желалъ уединенія, но не долго насладился имъ на пустынномъ островѣ Дубенскомъ: по удаленіи преп. Никона въ безмолвіе, смиренный подвижникъ Савва принужденъ былъ неотступными просьбами братіи принять на себя управленіе обителью Сергіевой (†).

(г) Мощи преп. Аврамія, почиваютъ подъ спудомъ, въ последнемъ монастырѣ его, въ придѣлѣ посвященномъ его памяти.

(д) Это было въ 1392 году. Игуменство преп. Саввы въ лаврѣ Сергіевой, по словамъ Маркелла, писавшаго житіе Сав-

Спустя нѣсколько времени духовный сынъ преподобнаго Саввы и крестникъ преп. Сергія, звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ, братъ великаго князя Василя, желая устроить монастырь въ удѣлѣ своемъ, умолилъ духовника своего принять на себя это святое дѣло. Преп. Саввѣ полюбилось мѣсто близъ Звенигорода на горѣ Сторожевской (*). Онъ принесъ съ собою икону Богородицы, поставилъ себѣ хижину на уединенной горѣ и близъ нея небольшою деревянный храмъ въ честь Богоматери.

Скоро слухъ о святой жизни новаго подвижника Звенигородскаго привлекъ къ нему многихъ искавшихъ безмолвія. Преп. Савва съ лю-

вы въ половинѣ XVI вѣка, продолжалось около 6 лѣтъ, а потому переселеніе его на Сторожу должно полагать около 1398 года. Будучи игуменомъ лавры, преп. Савва извелъ своими молитвами источникъ воды за стѣнами обители. Этотъ источникъ существуетъ и теперь, подъ именемъ Саввина ключа близъ Воскресенской церкви, что въ Кокуевѣ.

(е) Саввинъ Сторожевскій монастырь находится въ 50 верстахъ отъ Москвы къ западу, и въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода, на берегу р. Москвы и рѣчки Разварни. Названіе «Сторожевскаго» современно основанію монастыря и усвоено ему отъ горы «Сторожи», на которой онъ построенъ. Во времена литовскихъ набѣговъ на горѣ стояла воинская стража для наблюденія за движеніемъ непріятелей, которые проходили къ Москвѣ по старой Смоленской дорогѣ, за Можайскомъ уклонявшейся влѣво къ Звенигороду. Съ этой горы открывается превосходный видъ на Звенигородъ и на окрестныя села. Она усыпана множествомъ благоухающихъ растений, и самому преподобному Саввѣ показалась она «небеснымъ раемъ, насажденнымъ благовонными цвѣтами.»

бовію принималъ приходившихъ къ нему и завелъ общежитіе въ новомъ монастырѣ, щедро одаренномъ селами и угодьями отъ мѣстнаго удѣльнаго князя. Прекрасный бѣлокаменный храмъ Рождества Богородицы въ Сторожевской обители остается понынѣ памятникомъ трудовъ преп. Саввы и благотворительности князя Юрія (*). Блаж. основатель обители, несмотря на богатія пособія духовнаго сына, не переставалъ самъ трудиться: онъ вырылъ своими руками колодезь подъ горой, который понынѣ доставляетъ прекрасную воду, а для безмолвныхъ подвиговъ выкопалъ себѣ пещерную келью въ оврагѣ, въ верстѣ отъ монастыря. Преп. Савва достигъ глубокой старости и предалъ Богу праведную свою душу 3 декабря 1407 года. Мощи его погребены были на паперти созданнаго имъ храма (†).

(ж) Этотъ храмъ построенъ въ самомъ началѣ XV вѣка. Зодчество и размѣры его совершенно сходны съ Троицкимъ соборомъ Сергіевой лавры, который начатъ строеніемъ въ 1422 году. Можно думать, что Сторожевскій храмъ служилъ образцомъ для Троицкаго.

(в) Мощи преп. Саввы обрѣтены нетлѣнными, послѣ 245 лѣтнаго пребыванія въ землѣ, 19 января 1632 года, въ присутствіи царя Алексія Михайловича, который особенно благоволилъ къ Сторожевской обители и самъ на себѣ испыталъ благодатную помощь преп. Саввы. Мощи блаженнаго основателя обители почиваютъ открыто въ созданномъ имъ храмѣ, на правой сторонѣ бливъ южныхъ дверей алтаря, въ серебряной рацѣ, устроенной въ 1680 году. Сторожевскій монастырь, бывшій нѣкогда ставропигіальнымъ, нынѣ считается

Другіе ученики великаго Сергія пошли далѣе отъ Москвы въ предѣлы тверскіе, новгородскіе и костромскіе. Такъ блаженный *Ксенофонтъ* основалъ Тутанскій монастырь въ Тверскомъ уѣздѣ (*). Преподобный *Иаковъ Желѣзнодорожскій*, изъ рода галичскихъ дворянъ Амосовыхъ, поселился въ 1392 году въ 30 верстахъ отъ Галича, въ глухомъ лѣсу у желѣзныхъ рудниковъ, въ уединенной хижинѣ, на берегу рѣчки Тепзы. Пришедши случайно въ Москву, онъ своими молитвами возвратилъ къ жизни супругу великаго князя Василя Дмитріевича, которая страдала трудными родами и была при смерти. Когда великій князь послалъ просить молитвы отшельника о больной, старецъ отвѣчалъ: «молись Богу и пречистой Матери Его; о княгинѣ не скорби, будетъ здорова и въ нынѣшній же вечеръ родитъ сына, наследника тебѣ». Софія Витовтовна благополучно родила сына Василя, а благодарный су-

первокласснымъ, а съ 1800 года находится въ управленіи епископовъ Дмитровскихъ, викаріевъ московскихъ. Онъ былъ весьма богатъ: до учрежденія штатовъ, 1764 года, за нимъ числилось болѣе 17,000 душъ крестьянъ и къ нему было приписано 15 монастырей. Въ обители сохранилась бѣлая тафганая фелонь преп. Саввы. Подробности о жизни и чудесахъ преп. Саввы и объ основанной имъ обители можно найти въ превосходномъ описаніи Саввина Сторожевскаго монастыря, составленномъ г. ординарнымъ профессоромъ Москов. духовной академіи С. К. Смирновымъ.

(*) Русскіе святые подъ 23 сентября, стр. 180. О жизни преподобнаго Ксенофонта и о монастырѣ его не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

пругъ ея далъ щедрое пособіе на устройство Желѣзноборской обители. Преп. Іаковъ представился въ глубокой старости 11 апрѣля 1442 года (i).

Отшельники — *Аванасій*, по прозванію Желѣзный посохъ, и *Теодосій* поселились въ новгородскомъ краю на Череповскомъ Урочищѣ, въ весьма красивой мѣстности, при впадѣніи рѣчки Ягорбы въ рѣку Шексну, среди непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ. Тамъ поставили они церковь въ честь св. Троицы и устроили монастырь. Житіе ихъ неизвѣстно (k).

Если вѣрить сохранившимся памятникамъ старины, то къ числу учениковъ преп. Сергія, основавшихъ новые монастыри, должно отнести

(i) Желѣзноборскій Галицкій заштатный монастырь существуетъ донынѣ. Въ предтеченской церкви почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Іакова.

(k) О преподобномъ Аванасіѣ сказано въ рукописныхъ свѣдѣніяхъ: преп. Аванасій пустынникъ, зовомый желѣзный посохъ, ученикъ бысть св. Сергія чудотворца; преставился въ л. 6900 (1382). Череповскій Воскресенскій (называвшійся такъ по соборной церкви) монастырь былъ разоренъ до основанія во время нашествія Литвы, а потому не сохранилось свѣдѣній о блаженныхъ его основателяхъ, кромѣ одной надписи на вкладной книгѣ 1568 года: «сія книга св. обители Воскресенія Христова и Живоначальныя Троицы и начальниковъ преподобныхъ отецъ нашихъ Теодосія и Аванасія». Эта обитель оправдана въ 1764 году, а монастырская слобода и ближнее село Теодосеево въ 1780 году обращены въ уѣздный городъ Череповецъ.

преп. *Пахомія* Нерехотскаго чудотворца (*) и блажен. *Никиту* Костромскаго (*).

Небесныя птицы изъ дивнаго гнѣзда Сергіева залетѣли и въ дикія дубравы Вологодскія, на живописные берега рѣки Обноры, и въ непроходимыя тундры Бѣлозерскаго края.

Прежде другихъ учениковъ преп. Сергія пришелъ на берега Обноры преп. *Сильвестръ* (‡).

(*) Преп. Пахомій Нерехотскій, уроженецъ Владимірскій и постриженникъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря, ходилъ по монастырямъ, ища себѣ мѣста пустыннаго. Святитель Алексій, возобновивъ во Владимірѣ монастырь Константиновскій, поставилъ его туда игуменомъ; но любитель безмолвія вскорѣ оставилъ настоятельство и удалился въ страну Нерехотскую. Тамъ, на урочищѣ Сыпановѣ, при рѣчкѣ Гридевкѣ, впадающей въ рѣку Солоницу, онъ соорудилъ храмъ св. Троицы и основалъ обитель. Преп. Пахомій преставился 21 Марта 1384 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ церкви упраздненнаго монастыря его, теперь приходской села Сыпанова. Въ непереплетенномъ Сборникѣ Синодальной библіотеки (№ VI л. 117—155), въ службѣ преподобному Пахомію сказано: «оставилъ еси отечество твое и хождаше по странамъ многимъ и по честнымъ обителямъ». Не во время ли этого странствія Пахомій былъ ученикомъ Сергія, какъ онъ называется въ древней надписи, изсѣченной на камнѣ надъ его гробницею и въ спискѣ учениковъ Сергіевыхъ (Библ. Ундольскаго, Сборникъ конца XVI вѣка, № 574, л. 543 об.).

(м) Основаніе Богоявленскаго Костромскаго монастыря обыкновенно относятъ къ половинѣ XV вѣка (Истор. извѣстія о Костр. Богоявленскомъ монастырѣ. С.-Петербургъ. 1837. стр. 3 и 4). Но въ томъ же спискѣ учениковъ Сергіевыхъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали, основателемъ этой обители названъ преп. старецъ Никита, сродникъ и ученикъ Сергію чудотворцу.

(н) Въ рукописныхъ святцахъ имя преп. Сильвестра поставлено въ числѣ учениковъ Сергіевыхъ. Тропарь и кондакъ

Онъ остановился въ глухомъ лѣсу, водрузилъ крестъ, поставилъ себѣ келью, «подвизался подвигомъ добрымъ и изнурилъ свое многострадальное тѣло» (о). Долго окрестные жители не знали о пребываніи отшельника въ лѣсу; но одинъ изъ нихъ, сбившись съ дороги, увидѣлъ пустынника, одѣтаго въ рубище, который изумлень былъ появленіемъ человѣка близь своей кельи и рассказалъ путнику, что онъ давно уже живетъ въ пустынѣ, питается травами и кореньями и не желаетъ, чтобы знали о немъ люди. Вскорѣ потомъ пришлецъ нарочно посѣтилъ подвижника и принесъ запасъ хлѣба, а вслѣдъ за нимъ начали приходять многіе за благословеніемъ и духовными совѣтами. Нѣкоторые пожелали жить въ пустынѣ и съ благословенія преп. Сильвестра поставили себѣ кельи. Такимъ образомъ устроился монастырь съ деревяннымъ храмомъ Воскресенія Христова. Многолюдное стеченіе богомольцевъ, знатныхъ и простыхъ, побудило любителя пустыни искать себѣ по временамъ уединенія въ дремучемъ лѣсу (п). Преп. Силь-

ему вышиты вязью на покровѣ 1664 года, сохранившемся въ Воскресенской церкви.

(о) Слова изъ тропаря и кондака.

(п) Глухое мѣсто, гдѣ преп. Сильвестръ уединялся для молитвы, сохраняетъ и теперь названіе «заповѣдной рощи», которую основатель обители запретилъ рубить. Въ срединѣ этой рощи труженникъ Божій выкопалъ три колодца, а четвертый на склонѣ горы къ рѣкѣ Обнорѣ. Послѣдній и до сихъ поръ источаетъ струи чистой воды, благоговѣнно почерпаемой богомольцами.

вестръ преставился 25 апрѣля 1379 года; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Воскресенской церкви (р) и прославлены многими чудотвореніями въ XVII вѣкѣ, а въ наше время, съ половины 1860 года, исцѣленія отъ гроба его потекли обильною, нестошимою струей и текутъ донывѣ (с).

Вскорѣ по кончинѣ блажен. Сильвестра возсіяло въ Обнорской сторонѣ новое пустынное свѣтило. Преп. *Павель*, уроженецъ Московскій, сынъ благородныхъ родителей, въ ранней юности сдѣлался ученикомъ великаго наставника Сергія. Онъ трудился нѣсколько лѣтъ съ безотвѣтнымъ послушаніемъ въ обители Троицкой, по-

(р) Монастырь Воскресенскій на Обнорѣ упраздненъ въ 1764 году. На мѣстѣ его стоитъ каменная церковь, приходская села Воскресенскаго. Въ ней, за правымъ клиросомъ, близъ южной стѣны, поставлена деревянная надгробница съ изображеніемъ на ней преп. Сильвестра; подъ надгробницею полъ прорѣзанъ, и на поверхности земли поставленъ гробъ съ мощами, сохранившійся невреденнымъ; гробъ окруженъ четверугольнымъ бревенчатымъ срубомъ. Въ стѣнѣ, съ наружной стороны, продѣлано малое оконце, въ которое часть гроба видна. Но весь гробъ можно видѣть сверху изъ-подъ раки, отъ которой съ южной стороны отодвигается доска. (Свѣдѣніе о жизни и чудесахъ преп. Сильвестра, собранныя С. К. Смирновымъ, въ Душеполезномъ Читаніи 1861. III. 254).

(с) Чудеса преп. Сильвестра, совершившіяся въ XVII вѣкѣ, описаны въ Сборникѣ Румянц. Музея № 364 л. 71—75. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательно исцѣленіе, въ 1643 году, строителя Воскресенскаго монастыря іеромонаха Іона, который былъ пораженъ слѣпотою за то, что велѣлъ рубить «подъ огнище, чудотворцову рошу». Новѣйшія чудеса описаны въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1860 и 1861 года.

томъ провелъ 15 лѣтъ въ отшельнической кельѣ, въ лѣсу подъ надзоромъ богоноснаго Сергія, и жилъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ (†). Но сердце любителя пустыни жаждало совершеннаго безмолвія: переходя съ одного мѣста на другое, наконецъ остановился онъ въ лѣсу Комельскомъ, надъ рѣчкою Грядовицею, и избралъ себѣ жилищемъ дупло старой липы. Въ немъ дивный Павелъ прожилъ три года, славя Бога вмѣстѣ съ пернатыми; онъ лишь однѣ вторили пѣнію отшельника въ дебряхъ безлюдныхъ, куда не проникалъ до него голосъ человѣческой. Здѣсь пустынникъ непрестанно молился Господу, питался травой и кореньями и въ безмолвіи очищалъ умъ духовнымъ созерцаемъ (†).

По особенному внушенію Божію, преп. Павелъ, оставивъ дупло свое, перешелъ на рѣку Нурму, впадающую въ рѣку Обнору, и полюбивъ мѣсто сказалъ: «здѣсь покой мой, здѣсь вселюся!» Построилъ себѣ хижину, почти такую же тѣсную какъ и оставленное имъ дупло, и проводилъ дни свои въ бдѣніи и молитвѣ. Пять дней въ недѣлю оставался онъ вовсе безъ пищи и питія; только

(†) Въ обители преп. Кирилла и въ великой пустыни, основанной на Городцѣ преп. Авраіемъ Чухломскимъ. По ображенію времени, преп. Павелъ находился въ этой послѣдней обители еще при жизни преп. Аврамія (Русс. святые подъ 10 января. Примѣч. 49).

(у) Донныѣ уцѣлѣли остатки того липоваго дупла, въ которомъ преп. Павелъ жилъ три года по подобію пернатыхъ; въ этомъ дуплѣ не болѣе 4 аршинъ въ окружности (Русская Эиваида стр. 500).

въ субботу и воскресенье вкушалъ немного хлѣба и воды. При немъ поселилось нѣсколько ревнителей благочестія, но еще не было обители иноческой. Однажды въ свѣтлую ночь Пасхи, преп. Павелъ услышалъ въ пустынь своей звонъ колоколовъ и увидѣлъ свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ поставлена имъ церковь св. Троицы.

Между тѣмъ на тѣхъ же пустынныхъ берегахъ Нурмы, въ 4 верстахъ отъ пустыни Павловой, подвизался другой отшельникъ, преп. *Сергій Нуромскій*, постриженникъ Аѳонскій. Онъ пришелъ съ востока въ предѣлы Московскіе искать просвѣщенія духовнаго отъ Радонежскаго свѣтила. Успѣвъ въ духовной жизни, Святогорскій Сергій, съ благословенія Русскаго Сергія, водворился въ этой пустыни еще тогда, когда отшельникъ Павелъ обиталъ въ дуплѣ липы, какъ птица обрѣтшая себѣ храмину, и горлица—гнѣздо свое (Псал. 83. ст. 4.). Два раза нападали на Сергія разбойники: въ первый разъ они избили пустынника до полусмерти, но во второй разъ были прогнаны силою его молитвы. Когда къ блаж. Сергію собралось до 40 подвижниковъ, онъ поставилъ деревянный храмъ Преображенія Господня и устроилъ общежительную обитель.

Услышавъ о подвигахъ Павла, Сергій пошелъ къ нему и увидѣлъ въ лѣсу, что стая птицъ вилась около чуднаго отшельника: мелкія пташки сидѣли на головѣ и на плечахъ старца, и онъ кормилъ ихъ изъ рукъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь,

ождая себѣ пищи отъ пустынника; лисицы, зайцы и другіе звѣри бѣгали вокругъ, не враждуя между собою и не боясь медвѣдя. Вотъ жизнь невиннаго Адама въ Эдемѣ, владычество человѣка надъ тварію, которая вмѣстѣ съ нами стенаетъ отъ нашего паденія и жаждетъ освободиться въ свободу славы чады Божіихъ (Римл. VIII, 21—22).

Съ духовною радостію узнали другъ друга два великіе подвижника. Павелъ избралъ себѣ духовнымъ отцемъ Сергія, облеченнаго въ санъ пресвитерскій еще на святой горѣ Аѳонской, и открывалъ ему все свои помыслы. При частыхъ взаимныхъ посѣщеніяхъ (*) Сергіи посовѣтовалъ Павлу устроить монастырь на томъ мѣстѣ, которое было указано ему въ видѣніи. Старцы разстались во временной жизни для свиданія въ вѣчной: Сергіи сталъ готовиться къ отшествію въ небесную обитель, а Павелъ пошелъ въ Москву, чтобъ испросить благословеніе на основаніе монастыря (†).

(*) При свиданіяхъ съ преп. Сергіемъ Нуромскимъ преп. Павелъ провожалъ духовника своего болѣе нежели на двѣ трети разстоянія отъ своего монастыря. Это мѣсто означено часовнею.

(†) Когда преп. Павелъ пришелъ въ Москву, митрополитъ Фотій сначала не обратилъ вниманія на просьбу старца, но въ слѣдующую ночь слышалъ голосъ: «Зачѣмъ оскорбилъ ты человѣка Божія? Поспѣши найти старца и выполнить желаніе его; — иначе сильно пострадаешь». Фотій провелъ ночь безъ сна, въ страхѣ, и утромъ велѣлъ отыскать отшельника. Его нашли въ одной изъ обителей, и святитель принялъ его

Возвратясь въ свою пустыню, преп. Павелъ не нашелъ уже въ живыхъ своего собесѣдника и духовнаго отца: преп. Сергій Нуромскій предалъ Богу чистую свою душу 7 октября 1413 года ^(н). Построивъ деревянный храмъ св. Троицы, преп. Павелъ учредилъ общежительную обитель и строго наблюдалъ, чтобы все въ монастырѣ исполнялось по преданію отцевъ, чтобы въ кельяхъ не было никакой собственности, кромѣ иконъ и книгъ. Онъ заповѣдывалъ на работахъ наблюдать безмолвіе, не допускать въ монастырѣ хмѣльных напитковъ и руководѣлемъ изгонять праздность. «Нищихъ не забывайте, говорилъ онъ, — помните, что мы сами нищіе и душою и жизнію». Поручивъ настоятельство ученику своему Алексію, самъ преп. Павелъ попрежнему жилъ отшельникомъ на горѣ, въ своей кельѣ. Онъ приходилъ къ братіи на молитву только по субботамъ и днямъ воскреснымъ. Въ эти дни раздѣлялъ онъ съ братіей трапезу; но

съ любовію; испросивъ прощеніе у преп. Павла, благословилъ строить храмъ, далъ щедрое подаваніе отъ себя на обитель, выпросилъ у него худую одежду его, а ему въ знакъ любви далъ свою; наконецъ посвятилъ ученика его Алексія въ іерейскій санъ, послѣ того какъ самъ Павелъ отказался отъ священства. Первосвятитель прислалъ новому монастырю поучительную грамоту; она помѣщена въ Ист. акт. I. № 257.

(ц) Мощи преп. Сергія почиваютъ подъ спудомъ въ кладбищенской Спасской церкви села Нуромскаго, стоящей на мѣстѣ обители, давно уже упраздненной. Отъ гробницы великаго подвижника истекали многія исцѣленія: до 1384 г. описано 80 чудесъ (Русская Энциклопедія стр 502. Русскіе Святые подъ 7 октября.).

вкусалъ только хлѣбъ съ водою и овощами: ни масла, ни молока, ни рыбы онъ никогда не вкушалъ. Когда слухъ о немъ распространился, то многіе приходили къ нему для пользы душевной. Онъ былъ доступенъ для каждаго, и для каждаго готово было у него живое слово назиданія: онъ наставлялъ и словомъ и жизнью. Онъ узнавалъ тайные помыслы входящихъ къ нему, врачевалъ душевные недуги и утѣшалъ скорбящихъ. Такъ великій подвижникъ достигъ глубочайшей старости — 112 лѣтъ, изъ которыхъ 50 провелъ въ разныхъ монастыряхъ и 40 лѣтъ въ пустынѣ Обнорской. Но дивный старецъ еще былъ свѣжъ и бодръ; очи его были свѣтлы, сіяя кротостію и благодушіемъ, станъ не согбенный, борода густая и окладистая, бѣлая какъ снѣгъ. Предъ кончиною онъ провидѣлъ раззореніе Костромы татарами, и преставился 10 января 1429 года (*).

(*) Обитель преп. Павла въ 1538 году была раззорена Казанскими татарами, при чемъ умерщвлено нѣсколько иноковъ. Въ 1546 году, при копаніи рововъ для новаго храма, найденъ былъ гробъ съ мощами преп. Павла. Игумень Протасій хотѣлъ осмотрѣть ихъ, но великій подвижникъ явился ему и сказалъ гнѣвно: «зачѣмъ ты хочешь осмотрѣть мои мощи? огонь сожжетъ васъ. Вели скорѣе задѣлать гробъ!» Настоятель немедленно исполнилъ волю угодника Божія. Мощи преп. Павла почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ Павлова Обнорскаго монастыря. На ракъ его лежитъ мѣдный осьмиконечный крестъ—благословеніе чудотворца Сергія Радонежскаго. Въ церкви замѣчательна икона чуднаго пустынножителя Павла, писанная преп. Діонисіемъ Глушицкимъ. На Московскомъ Соборѣ, 1547 года, преп. Павелъ, вмѣстѣ съ другими угодниками Божіими, причисленъ къ лику святыхъ.

«Возлюбивъ жизнь безмолвную, преподобный отче, ты удалился отъ людей, поселился въ пустыни и жилъ со звѣрями и пернатыми. Нынѣ пребываешь ты во свѣтѣ святыхъ. Поминай насъ, почитающихъ память твою!» (ш).

Въ странѣ Бѣлозерской процвѣли святостию жизни великіе подвижники *Кириллъ* и *Ферапонтъ*. Оба они были учениками св. Феодора и богомудраго наставника иноковъ, Сергія Радонежскаго, потому что, пребывая въ Симоновской обители, пользовались духовными совѣтами преп. Сергія.

Первый изъ нихъ, называвшійся въ мірѣ Козмою, сынъ благородныхъ родителей и сирота съ ранней юности, жилъ въ Москвѣ у родственника своего, боярина Тимоѳея Вельяминова (ш) и надзиралъ за слугами его. Но, не чувствуя расположенія къ свѣтской жизни, Козьма стремился душою на служеніе Господу. Онъ открылъ сердце свое преп. Стефану, игумену Махрицкому, который успѣлъ испросить согласіе боярина и отвелъ юношу въ Симоновъ монастырь къ архимандриту Феоодору. Облекши Козму въ иночество съ именемъ Кирилла, св. Феодоръ поручилъ его опытному старцу, потомъ назначилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ и поварнѣ. По временамъ

(ш) Служба въ Минскѣ на 10 января.

(щ) Окольнічій Тимоѳей Васильевъ Вельяминовъ, вполнствіи бояринъ, въ 1380 году собиралъ нѣшее войско у Лопанси, а въ 1381 году былъ свидѣтелемъ завѣщанія Дмитрія Донскаго.

приходилъ на Симоново преп. Сергіи и прежде прочихъ посѣщалъ Кирилла въ хлѣбнѣ, гдѣ юный подвижникъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и смотря на пылающій огонь говорилъ самъ себѣ: «смотри, Кириллъ, не попасть бы тебѣ въ вѣчный огонь». Эти смиренные труды Кирилла продолжались 9 лѣтъ; потомъ, уважаемый братіею за подвижническую жизнь, онъ былъ удостоенъ іерейства; а по возведеніи св. Θεодора на святительскую кафедру, въ 1390 году, назначень архимандритомъ обители. Кириллъ архимандритъ не измѣнилъ образа своей жизни и въ свободное время выходилъ на работу вмѣстѣ съ послушниками; но посѣщенія богатыхъ и знатныхъ людей смущали смиренный духъ подвижника. Онъ не долго оставался настоятелемъ и перешелъ подвизаться на старое Симоново. И здѣсь шумъ города безноконлъ любителя безмолвія. Преп. Кириллъ молил Богоматерь указать ему мѣсто, удобное для спасенія души. Однажды ночью читалъ онъ акаѳистъ Богоматери и услышалъ голосъ отъ Ея иконы: «сиди на Бѣлое озеро — тамъ тебѣ мѣсто». Вмѣстѣ съ тѣмъ Кириллъ увидѣлъ на дальнемъ сѣверѣ прекрасную мѣсность, озаренную свѣтомъ.

Въ числѣ иноковъ Симонова монастыря былъ тогда преп. Θεерапонтъ, уроженецъ Волока-Ламскаго, въ міръ Θεодоръ, изъ рода дворянъ Поскочинныхъ. Онъ тайно ушелъ изъ родительскаго дома, постригся въ Симоновѣ, проводилъ жизнь подвижническую, и по временамъ слушалъ

наставленія преп. Сергія. Не задолго до видѣнія, котораго удостоился Кирилль, Оерапонть, связаннѣй съ нимъ узами духовнаго дружества, былъ посланъ настоятелемъ, по какому-то дѣлу, въ дальнюю Бѣлозерскую сторону. Съ посохомъ странническимъ ходилъ онъ по живописнымъ берегамъ Бѣлаго озера, плѣнился тишиною густыхъ лѣсовъ и вынесъ оттуда жажду уединенія пустыннаго.

Дождавшись возвращенія друга, Кирилль спросилъ Оерапонта: есть ли на Бѣломъ озерѣ мѣсто, гдѣ бы можно было безмолвовать иноку? Оерапонть отвѣчалъ, что тамъ много прекрасныхъ мѣстъ. Друзья ушли тайно въ пустынную сторону, долго ходили по Бѣлозерскому краю, тогда еще глухому и малолюдному, и взошли на гору Мяуру. Здѣсь лѣса, луга и воды соединились на огромномъ пространствѣ; подошву высокой горы омываютъ волны озера Сиверскаго. Съ одной стороны быстрая Шексна извивается по лугамъ необозримымъ, съ другою — нѣсколько синихъ озеръ разбросано среди густыхъ дебрей.

Здѣсь преп. Кирилль узналъ ту прескрасную мѣстность, которая была указана ему въ видѣніи; онъ палъ съ усердною молитвою предъ иконою Богородицы, которую принесъ съ собою, поставилъ деревянный крестъ и подлѣ него пустынники выкопали себѣ землянку.

Вскорѣ Оерапонть ушелъ далѣе за 15 верстъ отъ Кирилла и поселился между двумя озерами

Пашскимъ и Борадавскимъ, на красивомъ высокомъ мѣстѣ. Тутъ онъ разчистилъ землю для насажденія овощей и прогонялъ уныніе безмолвія то трудомъ, то молитвою и бдѣніемъ.

Между тѣмъ преп. Кириллъ болѣе года подвизался въ своей землянкѣ, не видаясь ни съ кѣмъ, кромѣ двухъ крестьянъ, которые приносили ему сухой хлѣбъ. Послѣ того пришли изъ Симонова два инока, любимые Кирилломъ, а вслѣдъ за ними стали приходять многіе. Преп. Кириллъ увидѣлъ, что насталъ конецъ безмолвному его уединенію; въ 1397 году онъ построилъ храмъ въ честь Успенія Богородицы.

Когда въ окрестности распространилась молва, что пришедшій изъ Москвы архимандритъ Кириллъ устраиваетъ въ пустыни монастырь; то сосѣднему боярину Феодору пришло на мысль, что вѣрно архимандритъ принесъ съ собою много денегъ, и онъ послалъ слугъ своихъ ограбить его. Но двѣ noci сряду подходили они къ обители и видѣли вокругъ обители ратныхъ людей. Феодоръ подумалъ, что вѣрно пришелъ кто-нибудь изъ московскихъ вельможей къ Кириллу и послалъ узнать, кто такой пришелъ? Ему отвѣчали, что болѣе недѣли, какъ никого изъ постороннихъ не было въ обители. Тогда Феодоръ пришелъ въ чувство и, поспѣшивъ въ обитель, со слезами исповѣдалъ Кириллу грѣхъ свой. Преп. сказалъ ему: «будь увѣренъ, сынъ мой Феодоръ, что ничего нѣтъ у меня, кромѣ одеж-

ды, которую видишь на мнѣ, и нѣсколькихъ книгъ». Бояринъ съ того времени сталъ благоговѣнно уважать преп. Кирилла.

Когда въ обители Кирилловой умножилось число братій, преп. далъ для нея уставъ общежитія и освящалъ его примѣромъ своей жизни. Въ церкви никто не смѣлъ бесѣдовать, и никто не долженъ былъ выходить изъ нея прежде окончанія службы. За трапезу каждый садился на своемъ мѣстѣ и въ трапезѣ была тишина. Весьма строго заповѣдалъ преп. Кириллъ, чтобы ни при немъ, ни послѣ него, хмѣльныхъ напитковъ не только не пили, но и не держали въ обителѣ. Изъ трапезы каждый молча шелъ въ свою келью, не заходя къ другому. Никто не смѣлъ получать писемъ, ни подарковъ, помимо настоятеля,—къ нему приносили не распечатанныя письма; безъ его благословенія и не писали писемъ. Деньги хранились въ монастырской казнѣ, и ни у кого не было никакой собственности. Даже пить воду ходили въ трапезу: въ кельѣ же ничего не держали, кромѣ иконъ и книгъ, и она никогда не запиралась. Иноки старались одинъ предъ другимъ являться какъ можно раньше къ службѣ Божіей и на монастырскія работы, подвижались не для людей, а для Господа. Когда случался недостатокъ въ хлѣбѣ и братія понуждали настоятеля послать за хлѣбомъ къ христіанамъ, Кириллъ отвѣчалъ: «Богъ и Пречистая Богоматерь не забудутъ насъ, — иначе зачѣмъ

и жить намъ на землѣ?» и не позволялъ докучать мірянамъ просьбами о подаяніи.

Почти одновременно съ Кирилловымъ монастыремъ возникла и обитель Оерапонтова. Когда къ преп. Оерапонту стали стекаться любители пустынной жизни, онъ построилъ въ 1398 году храмъ Рождества Богородицы и учредилъ общежитіе, но не согласился принять на себя ни священства, ни игуменства. На усиленные просьбы братіи, желавшей имѣть его настоятелемъ, старецъ отвѣчалъ: «не я оградилъ это мѣсто, а Пречистая Богородица: Она и можетъ наставить васъ на все полезное». Но преп. Оерапонтъ оставался для всѣхъ отцемъ и наставникомъ. Уставъ обители былъ во многомъ сходенъ съ Кирилловскимъ; братія занимались то списываніемъ книгъ, то плетеніемъ сѣтей для ловли рыбы. Въ монастырѣ была крайняя скудость до того времени, когда князь Андрей Можайскій, сынъ Донскаго, владѣвшій и Бѣлозерскою странною, пожаловалъ новой обители земли и озера и прислалъ утварь для храма ея.

Друзья-основатели пустынныхъ обителей приходили другъ къ другу для духовной бесѣды. Но въ 1408 году имъ суждено было разстаться: князь Андрей, давно желавшій построить монастырь близъ Можайска, вызвалъ къ себѣ преп. Оерапонта и умолилъ его принять на себя устройство новой обители. На просьбы князя старецъ сначала отвѣчалъ слезами, но потомъ согласился исполнить волю его или, лучше сказать,

волю Божию. Онъ покинулъ свою пустыню (*) и переселился въ Можайскъ, гдѣ при богатыхъ средствахъ князя скоро устроился монастырь Рождества Богородицы въ Лужкахъ, въ верстѣ отъ города. Основатель новой обители пользовался особеннымъ уваженіемъ первосвятителя Фотія, который съ любовію бесѣдовалъ съ нимъ о духовной жизни и облекъ его саномъ архимандрита. Послѣ 18-лѣтняго настоятельства въ Можайскомъ монастырѣ преп. Ѳерапонтъ представился въ глубокой старости, 27 мая 1426 года (**).

Приближался уже конецъ земныхъ подвиговъ преп. Кирилла. Господь наградилъ угодника Своего даромъ прозорливости и чудотворенія: преп. Кириллъ узнавалъ помыслы приходившихъ къ нему, исцѣлялъ больныхъ, умножалъ молитвою запасы монастырскіе, щедро раздавая хлѣбъ нищимъ во время голода, укротилъ бурю на озерѣ осѣненіемъ животворящаго креста, испросилъ чадородіе Бѣлевскому князю Михаилу и супругѣ его Маріи.

Приближаясь къ блаженной кончинѣ, богоносный Кириллъ призвалъ къ себѣ братію, строго заповѣдалъ не нарушать даннаго имъ устава и

(*) Бѣлозерскій Ѳерапонтъ монастырь упраздненъ въ 1798 году, и древняя соборная церковь его обращена въ приходскую.

(**) Мощи преп. Ѳерапонта почиваютъ подъ сводомъ въ соборной церкви основаннаго имъ Можайскаго Лужецкаго монастыря.

сказалъ рыдавшимъ ученикамъ своимъ: «не скорбите о моемъ отшествіи: если получу дерзновеніе у Господа и трудъ мой будетъ угоденъ Ему, то не только не оскудѣтъ обитель моя, но еще больше распространится по отшествіи моемъ, только любовь имѣйте между собою». Онъ блаженно почилъ на 90 году своей жизни, 9 іюня 1427 года (*).

Преп. Кириллъ любилъ заниматься списываніемъ книгъ (*). Послѣ него сохранилась под-

(*) Моши преп. Кирилла почиваютъ подъ спудомъ въ обители его между Успенскимъ соборомъ и церковью во имя его. Надъ мощами поставлена рака изъ кипарисныхъ досокъ, обложенная басменнымъ серебромъ, въ 1643 году. Въ обители сохранились памятники преп. Кирилла: 1) икона Богородицы Одигитріи принесенная имъ изъ Симонова, богато украшенная золотомъ и драгоценными камнями; 2) образъ преп. Кирилла, писанный при жизни его преп. Діонисіемъ; 3) два креста деревянныхъ, срубленныхъ чудотворцемъ; одинъ изъ нихъ осмиконечный поставленъ имъ самимъ въ часовнѣ, сооруженной подлѣ первоначальной его землянки, а другой четвероконечный сдѣланъ имъ же изъ сосны, которая едва не убила его своимъ паденіемъ, теперь обозначаетъ мѣсто бывшей землянки. Оба эти креста покрыты навѣсами на каменныхъ столбахъ; 4) фелонь и подризникъ преп. Кирилла изъ бѣлаго мухояра; 5) разныя келейныя вещи, какъ-то: колпакъ вязаный изъ шерсти, тулупъ, кожаный поясъ, дорожный посохъ черемхового дерева, деревянный ковшъ и двѣ мѣдныя чашки съ кожаными влагалищами.

(*) Самъ преп. Кириллъ много потрудился въ списываніи книгъ. Доселѣ цѣлы въ обители его 17 рукописей — книги чудотворца Кирилла: 7 Евангелій, Апостолъ, Псалтырь, 3 книги правилъ, Лѣствица, 4 Канонника. Два Евангелія писаны рукою Христофора, ученика преп. Кирилла; одинъ Канонникъ писанъ въ 1405 г., и другой—въ 1423 г. «по благословенію старца Кирилла игумена» рукою преп. Мартиніана, также уче-

линная духовная грамота, писанная на столбцѣ обыкновенной бумаги мелкимъ, четкимъ и красивымъ почеркомъ (°), и три посланія, которыя, отличаясь простотою изложенія и искренностью благочестивой души, глубоко назидательны. Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ къ великому князю Василию Дмитріевичу, чудотворецъ говоритъ: «ты, государь, приобрѣтаешь себѣ великую пользу душевную смиреніемъ своимъ, посылая ко мнѣ грѣшному, нищему, недостойному, страстному и чуждому всякой добродѣтели съ прось-

ника Кириллова. Весьма замѣчательны двѣ книги правилъ, писанныя рукою самого преп. Кирилла. Въ одной изъ нихъ, кромѣ отвѣтовъ на вопросы Θεогноста Сарайскаго, кромѣ правила противъ суевѣрныхъ примѣтъ, помѣщены выписки изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. Ясно, что преп. Кириллъ читалъ и изучалъ книги о законахъ видимой природы, приобрѣталъ познанія о ней повѣренныя опытомъ и разсудительностію, и тѣмъ разсѣвалъ предрасудки народа (Обзоръ Русс. Дух. Литературы I. 580). Въ XVI вѣкѣ ни одна изъ обителей русскихъ не была такъ богата рукописями, какъ Кириллова. По описи XVII в. въ ней хранилось до 2092 рукописей. Хотя многія изъ нихъ поступили въ Патріаршее и другія книгохранилища, но бібліотека Кирилловская и теперь еще заключаетъ въ себѣ не мало замѣчательныхъ рукописей. Онѣ описаны отчасти С. П. Шевыревымъ въ книгѣ его: «Поѣздка въ Кирилловъ монастырь».

(э) Въ этой духовной грамотѣ чудотворецъ Кириллъ поручаетъ обитель свою покровительству князя Андрея и говоритъ: «если кто не захочетъ жить по моему преданію и не станетъ слушать игумена, вели, государь, выгнать тѣхъ изъ монастыря». Житіе преподобнаго Кирилла и множество чудотвореній описаны Пахоміемъ Логоѣетомъ со словъ преп. Мартиніана и другихъ учениковъ чудотворца.

бою о молитвѣ. Я грѣшнѣйшій съ братією своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ государѣ, и о княгинѣ твоей и о дѣтяхъ твоихъ, и о всѣхъ христіанахъ, порученныхъ тебѣ Богомъ. Но будь и самъ внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію, въ которомъ Духъ св. поставилъ тебя пасти людей, пскупленныхъ кровію Христовою. Чѣмъ большей удостоенъ ты власти, тѣмъ болѣе строгому подлежишь отвѣту. Воздай Благодарителю долгъ твой, храня святыя Его заповѣди и уклоняясь отъ путей, ведущихъ къ гибели. Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ отъ того бываетъ не важнѣй; если же ошибется кормчій, то губитъ весь корабль: такъ, государь, бываетъ и съ князьями. Если согрѣшитъ бояринъ, наноситъ пакость себѣ, а не всѣмъ; но если согрѣшитъ самъ князь, причиняетъ вредъ всему народу. Слышалъ я, что у тебя, великій князь, великое несогласіе съ твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они—свою; кровь христіанъ льется. Осмотрись, государь. Если они правы въ чемъ-либо, уступи имъ смпренно; если въ чемъ правда на твоей сторонѣ, стой за правду. Если они будутъ кланяться тебѣ, Бога ради, государь, окажи имъ милость сколько можно, покажи къ нимъ любовь и состраданіе, дабы не погибли, блуждая въ татарскихъ странахъ. — Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не можетъ избавить насъ отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а если бу-

дешь любить ближняго какъ себя, если утѣшишь души скорбныя и огорченныя; это много поможетъ тебѣ, государь, на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ».

Благотворителю своему князю Андрею Можайскому и Бѣлозерскому, богомудрый старецъ напоминаетъ посланіемъ, что онъ поставленъ отъ Бога удерживать людей отъ зла въ своей отчинѣ. «Смотри, государь, чтобы судьи судили судъ праведно, какъ предъ Богомъ, не кривя; чтобы не было подлоговъ и поклеповъ.... Наблюдай, чтобы не было въ твоей области питейныхъ домовъ, — отъ нихъ великая пагуба людямъ, — крестьяне пропиваются, а души ихъ гибнуть.... Также пусть не будетъ у тебя и таможенныхъ сборовъ, — это деньги неправедныя. Пусть не будетъ въ твоей вотчинѣ ни разбоя, ни воровства. Если не уймутся отъ злаго дѣла, вели наказывать, кто чего стоитъ. Унимай подчиненныхъ твоихъ отъ скверныхъ словъ и брани, — все это гнѣвитъ Бога. Если не потщишься управить всѣмъ тѣмъ, взыщется на тебѣ, потому что ты властелинъ надъ своими людьми, поставленный Богомъ. Не лѣнись самъ давать управу крестьянамъ: это вмѣнится тебѣ выше поста и молитвы. Удерживайтесь отъ пьянства. Подавайте по силѣ милостыню. Вы часто не можете поститься и молиться лѣнитесь: пусть же милостыня восполнитъ недостатки ваши.»

Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича преп. Кирилль утѣшалъ въ скорби о болѣвшей

суругѣ и по смиренію своему проспѣлъ, чтобы князь отложилъ намѣреніе пріѣхать къ нему въ монастырь. «Знаю, государь, писалъ старецъ, что по грѣхамъ моимъ выдетъ изъ того искушеніе, если поѣдешь ко мнѣ. Извѣщаю тебя напередъ, что нельзя тебѣ видѣть насъ: оставлю монастырь и уйду, куда Богъ наставитъ. Вы думаете, что я тутъ добрый, святой человѣкъ. Нѣтъ! истинно я всѣхъ грѣшнѣе и окаяннѣе и исполненъ срама. Не удивляйся сему князь Юрій: слышу, что ты самъ читаешь и знаешь св. писаніе и понимаешь, какой вредъ происходитъ отъ человѣческой похвалы, особенно для насъ слабыхъ. Былъ у насъ братъ твой, князь Андрей, но здѣсь его отчина и намъ нельзя было не отдать поклона своему государю. А твоей отчины нѣтъ здѣсь. Если поѣдешь ты сюда, всѣ люди станутъ говорить: для Кирилла поѣхалъ князь» (*).

Знаменитая Лавра чудотворца Кирилла (†) и по

(ю) Посланія преп. Кирилла напечатаны въ Истор. Акт. I. № 12, 16 и 17.

(я) Обитель преп. Кирилла во многихъ актахъ называется лаврою. Наружный видъ ея подобенъ укрѣпленному городу: высокая трехъ-ярусная ограда, болѣе 700 саж. въ окружности, съ 10 огромными башнями, не считая малыхъ, окружаетъ монастырь, раздѣленный на нѣсколько частей; одна изъ нихъ, заключающая въ себѣ тотъ холмъ, въ которомъ была землянка преп. Кирилла, называется Ивановскимъ монастыремъ. Кирилловъ монастырь былъ нѣкогда весьма богатъ и имѣлъ до 20000 крестьянъ. Теперь средства его значительно оскудѣли, но слѣды прежняго богатства еще видны въ украшеніяхъ храмовъ и иконъ, и въ драгоценностяхъ ризницы, которая почитается одною изъ лучшихъ въ Россіи.

преставленіи его долго и неослабно соблюдала уставъ своего основателя; она почиталась основнымъ камнемъ иночества для всего сѣвера Русской земли и воспитала въ нѣдрахъ своихъ многихъ дивныхъ подвижниковъ, которые разошлись по крайнимъ предѣламъ сѣвера, и свѣтили міру изъ пустынныхъ своихъ обителей, какъ яркія звѣзды во мракѣ ночи.

Не всѣхъ духовныхъ чадъ великаго аввы Сергія могли мы исчислить въ нашемъ краткомъ разсказѣ: имена и дѣянія многихъ изъ нихъ извѣстны единому Богу, Которому посвятили они многотрудную жизнь свою. На духовномъ потомствѣ заступника земли Русской сбылось обѣтованіе, дарованное ему въ дивномъ видѣніи: птенцы гнѣзда его свили свои пустынные гнѣзда и безчисленное множество прекрасныхъ птицъ Божіихъ наполнило собою дебри и тундры суроваго сѣвера, поморье и острова Ледовитаго моря (°).

Графъ М. Толстой.

(°) О подвигахъ духовнаго потомства преп. Сергія, которое возникло въ лаврѣ Кирилловой и другихъ обителяхъ, основанныхъ учениками Радонежскаго чудотворца, мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ДОБЛЕСТНАЯ ЖЕНА

ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ СОЛОМОНА. ПРИТ. 31, 10—32.

Нынѣ много говорятъ и пишутъ о такъ называемой эмансипаціи женщины, о расширеніи ея правъ до равенства съ мужчиною; но прежде всего не слѣдовало бы забывать, что все, что нужно сдѣлать для истинной эмансипаціи женщины, уже давно сдѣлано христіанствомъ: въ лицѣ пресвятыя Дѣвы, Матери Господа нашего Іисуса Христа, женщина заняла такое высокое положеніе, до котораго уже не могутъ поднять ее никакіе эмансипаторы, и если бы христіанское ученіе не такъ медленно проникало въ умы людей — говорю не о большинствѣ народа, но и о людяхъ образованныхъ, — то не встрѣчались бы примѣры того унижительнаго положенія, въ какомъ иногда находится у насъ женщина, и не было бы нужды поднимать вопросъ объ ея правахъ; поэтому, все дѣло нашего времени должно бы состоять въ томъ, чтобы возстановить тѣ права, какія уже даны женщинамъ христіанствомъ, и поставить ее въ то положеніе, которое уже указано ей церковію. Но не того хочется современнымъ эмансипаторамъ. Они хотятъ создать для женщины положеніе совершенно новое, небывалое, хотятъ урвать ее съ мужчиною во всѣхъ отноше-

ніяхъ, не замѣчая, что эти широкія права должны привести ея къ крайнему униженію и лишитъ даже и того значенія, которое она сохранила доселѣ. Г. Михайловъ, несовѣмъ вѣрный проводникъ идей г-жи Милль (*), въ жару увлеченія, забываетъ даже законы природы. Германскій ученый Риль дѣлаетъ очень мѣткое замѣчаніе, что различіе между двумя полами, какъ въ духовныхъ свойствахъ, такъ и въ физическихъ, обнаруживается вполнѣ только въ образованныхъ классахъ общества, что напротивъ того у дикарей, и даже у европейскихъ поселенъ, женщина мало отличается отъ мужчины не только въ духовныхъ свойствахъ, но даже и въ чертахъ лица, и мало уступаетъ ему въ тѣлесной силѣ, и этимъ Риль очень остроумно объясняетъ мужественность въ чертахъ женскихъ лицъ на средневѣковыхъ портретахъ. Изъ этого совершенно вѣрнаго замѣчанія вытекаетъ только то, что различіе между двумя полами раскрывается только постепенно, вмѣстѣ съ общимъ ходомъ развитія. Это такъ и должно быть, потому что это общій законъ природы: первая клѣточка зародыша человѣка ничѣмъ не отличается отъ клѣточки всякаго животнаго; сѣмена многихъ растеній, очень различныхъ, невозможно отличить одно отъ другаго. Г. Михайловъ, не довольствуясь этимъ выводомъ, или не понимая этого закона, ни на что не взирая, стремится, какъ подобаетъ передовому изъ передовыхъ, впередъ и изъ факта, замѣченнаго Рилемъ, выводитъ такое заключеніе, о которомъ тотъ и не думалъ.

(*) Жена англійскаго экономиста и публициста. Ея идеи, изложенныя ея мужемъ, несовѣмъ вѣрно передалъ г. Михайловъ, въ своей статьѣ «о правахъ женщины», помѣщенной въ Современникѣ.

Онъ не признаетъ никакого различія между двумя полами, кромѣ полового. Что же касается до рѣзкаго различія, какое мы видимъ въ настоящее время какъ въ духовныхъ, такъ и въ физическихъ особенностяхъ обоихъ половъ, то оно кажется ему уклоненіемъ отъ законовъ природы, порожденнымъ искусственною цивилизаціей: сравнительная физическая слабость, нѣжность въ чертахъ лица, вообще совокупность качествъ, которыя мы называемъ женственностью, все это, по его мнѣнію, горькій плодъ искусственнаго воспитанія, который долженъ исчезнуть, какъ скоро воспитаніе сдѣлается *естественнымъ, нормальнымъ*. Посему, по его мнѣнію, воспитаніе обоихъ половъ должно быть совершенно одинаково во всѣхъ отношеніяхъ, равно и въ общественномъ положеніи не должно быть различія между ними. Что же касается до семейной жизни, которая доселѣ признавалась естественною средой женщины, то онъ имѣетъ объ ней самое презрительное мнѣніе: онъ проникается искреннимъ негодованіемъ противъ тѣхъ, кои думаютъ, что женщина не создана для общественной дѣятельности, и указываютъ ей на семью, какъ на сферу предназначенную ей природою. Такой раздѣлъ кажется ему и обиднымъ и оскорбительнымъ для женщины. Ему кажется, что мужчина взялъ себѣ львиную долю, отмежевавъ своей подругѣ слишкомъ тѣсную область, въ которой ей негдѣ развернуть своихъ способностей. Такое рыцарское участіе къ женщинѣ заслуживало бы глубокаго почтенія, если бы только не обличало, къ сожалѣнію, совершеннаго непониманія природы женщины и значенія семейной жизни. Женщина не создана, говоря вообще, для публичной жизни, къ ней не приспособлены ея природныя ду-

ховныя свойства,—говоримъ объ особенномъ складѣ ея ума, не столь способнаго къ строгимъ логическимъ выводамъ какъ умъ мужчины, объ ея робости и нѣжности, дѣлающихъ ее неспособною къ дѣятельности, требующей смѣлости, энергіи и силы, объ ея стыдливости и скромности, составляющихъ лучшее ея украшеніе и не всегда совмѣстимыхъ съ публичностію общественной жизни. Самая даже ея физическая, сравнительно съ мужчиной, слабость показываетъ, что она не предназначена къ одинаковой съ мужчиной общественной дѣятельности. Нельзя утверждать, что эти особенности составляютъ плодъ превратнаго воспитанія; зародыши ихъ замѣчаются даже у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, чего не отрицаетъ и Риль, на котораго опирается г. Михайловъ. Нельзя также сказать, будто эти зародыши такъ ничтожны, что если повести воспитаніе женщины *какъ слѣдуетъ*, то этихъ особенностей не останется и слѣда. Правда, благодаря теоріямъ нашихъ эмансипаторовъ, въ наше время явился небывалый типъ женщины, которая стыдится своихъ женственныхъ качествъ, употребляетъ всѣ усилія отдѣлаться отъ нихъ; но въ этихъ усиліяхъ она представляетъ изъ себя жалкую, смѣшную, безобразную каррикутуру мужчины. Стараясь подражать ему въ привычкахъ и образѣ жизни, въ пріемахъ и даже въ одеждѣ, такая женщина дѣйствительно поражаетъ насъ недостаткомъ женственности и поражаетъ непріятно, но она не похожа на порядочнаго мужчину,—что она такое на самомъ дѣлѣ, мы опредѣлить не беремся. Пусть наши эмансипаторы, если имъ угодно, хвалятся такимъ успѣхомъ своихъ теорій, мы спорить съ ними не будемъ. Но мы укажемъ имъ

еще на одну особенность въ женщинѣ, которой имъ не удастся уничтожить: это дѣтороженіе. Какое бы вы ни давали женщинѣ спартанское воспитаніе, она всегда будетъ нуждаться въ особенномъ спокойствіи, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе мѣсяцы чревоношенія и въ первые послѣ родовъ, потому что всякое напряженіе послѣ родовъ можетъ быть гибельно для нея, а до родовъ и для ея будущаго дитяти. Какую же общественную должность укажете вы для существа, которое въ продолженіе немалой части своей жизни непремѣнно больно? Мы не знаемъ ни одной, которая не требовала бы самыхъ напряженныхъ усилій. Но это еще не все: кормленіе и уходъ за ребенкомъ требуютъ отъ матери такихъ заботъ, такихъ усилій, которыя можетъ вынести только женщина и мать, и которыя старятъ ее прежде времени. А тамъ еще воспитаніе дѣтей, хозяйство. Нельзя не дивиться, какъ и на это на все достаетъ женщины, а на нее хотятъ еще возложить бремя общественныхъ обязанностей. Не думаютъ ли наши реформаторы всѣхъ дѣтей отсылать въ воспитательные дома? Не хотятъ ли они совсѣмъ уничтожить семейную жизнь? Какъ ни дико такое предположеніе, но оно не совсѣмъ безъ основанія. Отрицаніе семьи открыто выражено въ той сумазбродной прокламаціи, которая года три тому назадъ изумила и глубоко возмутила всѣхъ людей благомыслящихъ. Затѣмъ оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ — отвергнуть бракъ. И этотъ шагъ уже сдѣланъ: *гражданскій бракъ*, котораго требуютъ наши прогрессисты, низводитъ связь двухъ половъ до простаго животнаго сближенія и торговой сдѣлки. Какихъ же послѣдствій можно ожидать отсюда? Отрицавъ духовное различіе между мужчи-

ной и женщиной, отрицая семью и брак, изгоняя женщину из среды, въ которой она должна господствовать, и вводя въ сферу, для которой она не создана, ложнымъ воспитаніемъ исказивъ ея природу, наши эмансипаторы сдѣлаютъ изъ нея существо жалкое, презрѣнное въ глазахъ мужчины и ни на что негодное, и унижать ее еще болѣе чѣмъ она унижена теперь. Чтобы ни говорили они, семья—вотъ среда указанная Творцемъ. Что же касается до общественной дѣятельности, то она возможна для нея только въ исключительныхъ случаяхъ. Безспорно, есть нѣкоторыя изъ общественныхъ служеній, къ которымъ женщина способна не менѣе, даже болѣе мужчины; но чтобы исполнить ихъ какъ должно, она должна отказаться отъ семейной жизни, или по крайней мѣрѣ не имѣть дѣтей; въ противномъ случаѣ она можетъ посвящать себя имъ только по временамъ, между прочимъ, значить не иначе какъ въ качествѣ помощницы мужа. Если для нашихъ эмансипаторовъ ничего не значитъ опытъ всѣхъ вѣковъ, всегда ограничивавшій дѣятельность женщины одною семейною жизнью, то пусть они обратятъ вниманіе на Сѣвероамериканскіе Штаты, въ которые они вѣруютъ: тамъ дѣвица, правда, пользуется очень широкой свободой, сравнительно съ европейскою женщиной, и дѣятельность ея довольно разнообразна; но и тамъ, съ выходомъ въ замужество, она вся безраздѣльно отдается семейной жизни, обязанностямъ жены, матери и хозяйки.

Считать это удаленіе отъ общественной дѣятельности и заключеніе въ сферу семейную потерю и униженіемъ для женщины—значить не понимать значенія семьи. Семейная сфера, правда, не столь обширна и не столь

блестяща какъ общественная, но значеніе ея нисколько не уступаетъ значенію послѣдней и въ нѣкоторомъ отношеніи едва ли не выше. Въ дохристіанской древности личность человѣка не имѣла никакого значенія и совершенно поглощалась государствомъ: человѣкъ принадлежалъ не себѣ, а государству. Христіанство подняло значеніе личности, и у христіанскихъ народовъ не человѣкъ принадлежитъ государству, а государство человѣку. Цѣль государства — развитіе личности, и чѣмъ оно болѣе способствуетъ ея развитію, чѣмъ болѣе даетъ ей простора, тѣмъ оно лучше. Къ этой цѣли, съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, видимъ, стремятся всѣ христіанскія государства нашего времени. Всѣ общественныя учрежденія имѣютъ въ виду обезпечить права личности. А гдѣ же, какъ не въ семьѣ, личность пользуется всѣми своими правами? Исходя на общественную дѣятельность, человѣкъ долженъ до нѣкоторой степени отказаться отъ своей личности: для общественнаго дѣла онъ долженъ жертвовать собой—своимъ покоемъ, привычками, вкусами, даже интересами; его интересъ поглощается, или по крайнѣй мѣрѣ сливается съ общими интересами. Только возвратившись домой, къ своему очагу, онъ снова вполне принадлежитъ самому себѣ и вступаетъ во всѣ свои права. Въ сферѣ общественной онъ гражданинъ, въ семьѣ онъ остается человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, если государство существуетъ для личности, то въ то же время оно и для семьи, въ которой личность пользуется всѣми своими правами, а не на оборотъ, не семья существуетъ для государства.—Но быть душою семьи, этого убѣжища личности, въ этомъ главнымъ образомъ и со-

стоитъ назначеніе женщины. Она занимаетъ здѣсь то же положеніе, какое мужчина въ сферѣ общественной; она царица семьи; ея подданные — дѣти и домочадацы; въ ея рукахъ весь обиходъ домашней жизни. Если женщина кажется униженною теперь, то не потому, что для нея закрыта сфера общественная, а потому, что мужчина не понимаетъ великаго значенія семьи и часто даже не любитъ семьи, не наслаждается ея благами и ищетъ мнимаго счастія въ мутныхъ источникахъ, и потому еще, что превратнымъ воспитаніемъ сдѣлалъ изъ женщины дурную жену, дурную мать и дурную хозяйку. Пока мужчина не научится уважать семейную жизнь и чувствовать ея прелесть, а женщина не научится понимать и уважать свои семейныя обязанности, пока она не пойметъ своего истиннаго назначенія, дотолѣ, что бы ни говорили, что бы ни дѣлали эмансипаторы, истинная эмансипація женщины невозможна.

Мы знаемъ, что для эмансипаторовъ, одержимыхъ горячкою прогресса, голосъ христіанской истины есть гласъ вопіющаго въ пустыни: они смѣжили очи и заткнули уши, чтобы невидѣть очами и не слышать ушами; мало того: ихъ раздражаетъ даже то, что эта истина есть христіанская и голосъ ея исходитъ отъ церкви. Только опытъ вразумить ихъ, только вкусивъ отъ горькихъ плодовъ своихъ реформъ, они отрезвятся, прозрятъ и оцѣнятъ христіанское ученіе, которое теперь презираютъ; только тогда они поймутъ всю мудрость заповѣди апостола: *женъ учить не повелѣваю* (1 Тим. 2, 12); *жены въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор 14, 34). Тогда только они поймутъ, что это запрещеніе, которое теперь такъ возмущаетъ ихъ и кажется столь

оскорбительнымъ для женщины, вытекаетъ изъ глубокаго знанія свойствъ и назначенія женщины и изъ уваженія къ ней. Поэтому мы не опасаемся за христіанскую истину: не въ первый разъ выдерживать ей ожесточенныя нападенія враговъ, которые, удалившись отъ нея, всегда впадали въ неискусень умъ творити неподобная и рано или поздно непременно возвращались къ ней и слагали у ногъ ея оружіе. — Намъ жаль мужей, которыхъ эти эмансипаторы лишаютъ женъ; намъ жаль дѣтей, которыхъ они лишаютъ матерей; намъ жаль, наконецъ, самой женщины, которую сбиваютъ съ толку сумазбродными теоріями и ведутъ къ гибели. Теперь-то, въ эту критическую минуту, когда ее увлекаютъ на разные, совершенно противоположныя пути, она должна сохранить самообладаніе и всю трезвость мысли, чтобы понять свое истинное назначеніе и, не увлекаясь никакими теоріями, твердо идти къ истинной эмансипаціи. Чтобы помочь ей въ эту критическую минуту, мы хотимъ указать ей образецъ доблестной жены, который начертанъ для нея въ св. Писаніи. Этотъ образецъ, котораго тщетно ищутъ внѣ св. Писанія, давно уже, за долго до рожденія нашей цивилизаціи, начертанъ рукою мудрѣйшаго изъ царей. Въ словахъ его нѣтъ ничего блестящаго, поражающаго воображеніе, за то въ нихъ не многими, простыми и сильными чертами обрисовываются всѣ существенныя обязанности женщины какъ жены, матери и хозяйки. Вотъ эти черты:

Жену доблю кто обрящетъ, дражайши есть каменія многоцѣннаго таковая. Дерзаетъ на ню сердце мужа ея: таковая добрыхъ користей не лишится. Дѣлаетъ бо мужу своему благая во все житіе.

Обрътши волну и лень сотвори благопотребное рукама своима. Бысть яко корабль куплю дьющій издамача, собираетъ себѣ богатство. **И** возстаетъ изъ ноци и даде брашна дому и дѣла рабынямъ. Узръвши село купи, отъ плодовъ же рукъ своихъ насади стяжаніе. Препоясавши крѣпко чресла своя, утвердитъ мышцы своя на дѣло. **И** вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угаснетъ свѣтильникъ ея всю ноць. Лакти своя простираетъ на полезная, руць же свои утверждаетъ на вретено. **И** руць свои отверзаетъ убогому, длань же простре нищу. Не печется о суццхъ въ дому мужъ ея, егда идѣ замедлитъ: вси бо у нея одьяни суть. Сугуба одьянїя сотвори мужу своему, отъ виссона же и порфиры себѣ одьянїя: славенъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея, внигда аще сядетъ въ сонмищи со старѣйшины жителями земли. Плащаницы сотвори и продаде Финикїаномъ, опояснїя же Хананеомъ. Уста своя отверзе внимательно и законно, и чинъ заповѣда языку своему. Крѣпостію и льнотою облечеса и возвеселися во дни послѣднїя. Тѣсны стези дому ея: брашна же льнотнаго не яде. Милостыня же ея возстави чада ея, и обогатишася: и мужъ ея похвали ю (глаголя): мнози дщери стяжаша богатство, мнози сотвориша силу: ты же предупѣла и превознеслася еси надъ всѣми. Ложнаго угожденїя, и суетныя доброты женскїя нѣсть въ тебѣ: жена бо разумная благословена есть. Страхъ же Господень сія да хвалитъ. Дадите ей отъ плодовъ устенъ ея, и да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея. (Прит. 31, 10—32).

I.

Жену доблю кто обрящетъ? Исканіе женской природы, составляющее такое обыкновенное явленіе въ наше время, какъ видно, не было рѣдкостью и во времена Премудраго; прекрасныя качества свойственныя женщинѣ были такою рѣдкостью въ его время, что онъ восклицаетъ: *жену доблю кто обрящетъ!* Дѣло другаго рода, если бы предложенъ былъ вопросъ: «кто найдетъ женщину измѣнчивую, то пылкую, то холодную? Кто найдетъ существо склонное къ мечтательности, подвижное какъ вѣтеръ, измѣняющее свои мнѣнія какъ наряды, по требованію моды и сообразно съ капризами неразумной толпы? Кто найдетъ существо суетное, тщеславное, мелкое, растратившее свое душевное богатство на жалкія удовольствія, на пошлую свѣтскую жизнь, питающее отвращеніе къ дѣловой сторонѣ жизни,—существо, не согрѣваемое святымъ чувствомъ любви и изнывающее отъ зависти при видѣ соперницъ? Или существо капризное, своенравное даже злое, составляющее мученіе для мужа, для дѣтей и всѣхъ домашнихъ?»—На этотъ вопросъ можно бы тотчасъ дать прямой отвѣтъ. Всякій легко укажетъ такое существо въ кругу знакомыхъ ему женщинъ, родныхъ и чужихъ. Но какъ трудно указать жену, чуждую исключенныхъ недостатковъ, — жену доблестную: *кто обрящетъ доблюю жену*, которая имѣетъ силу воли, чтобы бороться съ трудностями своего положенія, съ скучнымъ однообразіемъ обыденной жизни, съ ежеминутными мелкими заботами и непріятностями.—женщину, которая бодро выдерживаетъ семейныя скорби, всѣ эти душев-

ныя муки, которыя, подобно легиону насѣкомыхъ, ежеминутно осаждаютъ сердце женщины? *Кто обрящетъ доблюю жену*, которая съ покойною мудростію наблюдаетъ за домашними дѣлами, за всѣми подробностями хозяйства, за уходомъ и воспитаніемъ дѣтей, неуспынно слѣдитъ за прислугой? *Кто обрящетъ доблюю жену*, умѣющую презирать клеветы, людскую злобу? Кто обрящетъ доблюю жену, которая остается непоколебимою среди житейскаго моря и разливаетъ въ семьѣ тихій, ровный свѣтъ, подобно маяку, ободряющему несчастныхъ пловцовъ въ борьбѣ съ волнами и бурей? *Дражайши есть каменія многоцѣннаго таковая*. Такая женщина есть истинное сокровище, съ которымъ можно счастливо жить на свѣтѣ безъ внѣшняго богатства; это свѣтъ въ семьѣ, дробящійся на множество отгѣнковъ и радующій взоры несравненно болѣе чѣмъ свѣтъ отъ драгоценнаго камня. Священное Писаніе такъ высоко цѣнитъ такую женщину, что сравниваетъ ее съ солнцемъ, которое обыкновенно служитъ символомъ божественнаго милосердія: «что восходящее солнце на высотахъ Господнихъ, то красота доброй жены въ маломъ мірѣ ея дома»; и еще не довольствуясь этимъ высокимъ сравненіемъ, сравниваетъ ее съ свѣтильникомъ Иерусалимскаго храма: «какъ свѣча на золотомъ свѣтильникѣ, красота ея лица сіяетъ въ зрѣломъ возрастѣ» (Сир. 26, 21. 22.).

Но сколь щедро Писаніе на похвалы прекраснымъ качествамъ женщины, столь же строго оно къ дурнымъ свойствамъ ея, которыя доходятъ въ ней до крайности. *Лучше жити со львомъ и зміемъ, неже съ женою лукавою*, говоритъ тотъ же Сирахъ. *Лукавство жены*

омрачаетъ зракъ ея, и омрачаетъ лице свое яко вретнице. Посреди искреннихъ своихъ возляжетъ мужъ ея, и слышавъ воздохнетъ горько. Мала есть всяка злоба противу злобъ женстѣй (Сир. 25, 18—20). Увы! злоба женская была, какъ видно, и тогда, такъ же какъ и въ наше время, слишкомъ обыкновеннымъ явленіемъ, потому что такія рѣзкія сужденія о дурной женѣ очень часто встрѣчаются въ Писаніи ветхаго завѣта.

Жену доблю кто обрящетъ? Конечно природныя счастливыя дарованія и человѣческое усиліе къ развитію ихъ много содѣйствуютъ образованію такого совершеннаго существа, которое св. Писаніе называетъ *доблею женой*; но безъ руководства святой вѣры, безъ Бога и Его сверхъестественной помощи природа наша слишкомъ слаба, и часто слишкомъ бѣдна, чтобы возрастить этотъ плодъ добродѣтели, этотъ лучшій отпрыскъ благословеннаго древа, котораго Духъ св. ищетъ подъ именемъ *доблей жены*. *Жену доблю кто обрящетъ?* Сдѣлайтесь истинными христіанками, глубоко проникнитесь искреннимъ благочестіемъ, для котораго Богъ есть постоянная пища, и тогда, и только тогда, вы въ состояніи будете приблизиться къ тому образцу доблести и силы, который мы видимъ въ христіанскихъ героиняхъ, исторгавшихъ у языческихъ философовъ крикъ удивленія: «какія удивительныя женщины эти христіанки!» Если Богъ будетъ пищею вашей души, если вы будете обращаться къ Нему въ вашихъ скорбяхъ и радостяхъ, то вы сдѣлаетесь *единъ духъ съ Нимъ* и способны будете противостоять тѣмъ искушеніямъ и соблазнамъ, отъ которыхъ гибнетъ столь много женщинъ. Такъ образова-

лись всё великія христіанскія женщины, оставившія потомству удивительныя примѣры своей доблести: въ этой школѣ почерпали свой героизмъ дѣвы и жены мученицы; въ этой школѣ и другія жены почерпали ту силу, которая выносить другаго рода мученичество на маломъ огнѣ—мученичество обыденной жизни, гдѣ природа закаляется и сжигается на алтарѣ долга. О сей высокой жертвѣ св. Амвросій говоритъ: «Какое множество безвѣстныхъ христіанскихъ мучениковъ скрываетъ обыденная жизнь!» (Бес. на 118 Псал). «Если мы сохранимъ истинное терпѣніе среди жизненныхъ скорбей, говоритъ Григорій Великій, то мы мученики безъ меча и палачей» (Бесѣд. на Ев. 35.). Въ училищѣ христіанскаго благочестія чрезъ проникновеніе Божественною силою развиваются и возрастаютъ терпѣніе, исполненное кротости, и дивная бодрость дѣвъ и вдовицъ, посвященныхъ Богу на служеніе въ школахъ бѣдныхъ, въ сиротскихъ домахъ, въ госпиталяхъ, въ посѣщеніи бѣдныхъ. Итакъ, въ христіанствѣ нельзя затрудняться отвѣтомъ на вопросъ: *Жену люблю кто обрящетъ?* Кровь Христова повсюду возростила сѣмя женской доблести. О, еслибы это сѣмя возрасло и у насъ!

Дерзаетъ на ню сердце мужа ея, таковая добрыхъ корыстей не лишится, продолжаетъ Премудрый. Довѣріе — душа жизни, счастье бытія. Гдѣ нѣтъ довѣрія, тамъ жизнь съ постоянно стѣсненнымъ дыханіемъ. Мужъ долженъ умѣть заслужить довѣріе жены: искренняго, сердечнаго довѣрія нельзя требовать: оно пріобрѣтается добродѣтелию. Но и жена должна заслужить довѣріе мужа и уваженіе строгою жизнью, кротостію, услужливостію и неизмѣннымъ терпѣніемъ. Мужъ можетъ имѣть большіе недостатки, даже большіе пороки, овъ часто мо-

жетъ впадать въ раздраженіе и въ эти минуты будетъ осыпать свою подругу грубыми и оскорбительными словами; но если жена его будетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть, онъ все же будетъ питать къ ней уваженіе и полное довѣріе, и несмотря на грубыя слова, сердце его останется вѣрнымъ, оно преклонится предъ добродѣтелию, оно не потеряетъ довѣрія, оно сохранитъ уваженіе къ добродѣтели, которой ничто не потрясаетъ, которая не падаетъ среди самыхъ суровыхъ испытаній.

Доблестная жена *добрыхъ корыстей не лишится*. Мужъ ея не имѣетъ нужды въ богатствахъ и рѣдкихъ сокровищахъ: онъ имѣетъ сокровище въ своей женѣ. Никакія обольщенія свѣтской жизни не увлекаютъ его. Доброта и вѣжность его жены привязываютъ его къ дому. Съ другой стороны, своими заботами, вниманіемъ, предусмотрительностью и экономіей жена дѣлается источникомъ богатства для семьи, и мужу нѣтъ нужды прибѣгать къ неправильнымъ средствамъ обогащенія; ибо *доблестная жена добрыхъ корыстей не лишится*.

Доблестная жена дѣлаетъ мужу своему благая во все житіе. Какой прекрасный удѣлъ Провидѣніе назначило женщинамъ — дѣлать всегда добро и никогда не дѣлать зла! Дѣлать добро особенно своему мужу, съ которымъ она составляетъ одно существо, дѣлать добро во всякомъ случаѣ и всѣми средствами: словами, дѣлами, совѣтами и даже молчаніемъ. Предвидѣть и устранять отъ мужа козни, непріятности, ему угрожающія. Дѣлать добро, когда онъ здоровъ и счастливъ, радуясь вмѣстѣ съ нимъ и принимая участіе въ его счастіи; особенно дѣлать добро тогда, когда онъ несчастливъ, когда онъ страдаетъ, раздѣляя съ нимъ его скорбь и

облегчая ее тысячью нѣжныхъ услугъ, которыя женщина такъ способна придумать, когда захочетъ! Всегда дѣлать добро и никогда не дѣлать зла! А сколько средствъ имѣетъ женщина сдѣлать зло, когда захочетъ! Сколько у нея способовъ отмстить за себя и усѣять путь мужа терніемъ, когда ранено ея сердце! О жены! умоляемъ васъ именемъ Божиимъ, умоляемъ всѣмъ, что дорого для васъ, — вашими дѣтьми, вашею кровью, — никогда не прибѣгайте къ этимъ средствамъ, не прибѣгайте къ мщенію даже и тогда, когда вы имѣете мужа гнѣвнаго, злобнаго, эгоиста, когда ваше сердце будетъ уязвлено въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ! — Вы имѣете превосходное средство отмстить, — это дѣлать мужу добро: каждой несправедливости его въ отношеніи къ вамъ противопоставьте преданность, самоотверженіе, каждому грубому слову — слово кротости, или по крайней мѣрѣ молчаніе, — не вызывающее молчаніе, но молчаніе любви и терпѣнія; и назавтра, даже въ этотъ вечеръ продолжайте ваше мщеніе, усиливая вашу любовь, вашу нѣжную внимательность. Если вы сумѣете такъ мстить, какія прекрасныя, полныя и въ то же время мирныя побѣды вы одержите! Такимъ образомъ Моника, мать блаженнаго Августина, умѣла побѣдить своего мужа, человека буйнаго, запальчиваго, проводившаго самую беспорядочную жизнь, глубоко огорчавшую ея сердце. Она избѣгала ссоръ, которыя только еще болѣе растравляли бы ея раны, и съ покорностію ожидала дня божественнаго милосердія. На всѣ его обиды она отвѣчала спокойствіемъ и молчаніемъ; а когда находила нужнымъ отдать ему отчетъ въ своемъ собственномъ поведеніи, то ожидала, когда онъ стихнетъ и успокоится. «Этимъ-

то поведеніемъ, говорить Августинъ, она заслужила удивленіе и почитительную любовь своего мужа и подготовила его обращеніе къ вѣрѣ. Когда другія женщины жаловались ей на свои семейныя непріятности, она совѣтовала имъ сдерживать свой языкъ. Когда эти женщины, знавшія буйный нравъ отца блаженнаго Августина, не могли довольно надивиться, что имъ никогда не приходилось слышать, чтобъ онъ когда-нибудь ударилъ свою жену, и спрашивали у Моники объясненія этой загадки, — она объясняла имъ планъ своего поведенія. Тѣ изъ нихъ, которыя дѣлали подобный опытъ, не могли пожаловаться на неудачу; напротивъ тѣ, которыя не хотѣли воспользоваться урокомъ, попрежнему жили въ тягостномъ рабствѣ. Даже свекровь ея, сначала предубѣжденная противъ нея наговорами служанокъ, въ послѣдствіи обезоруженная ея неистощимымъ терпѣніемъ и почитательною и нѣжною заботливостію, отказалась отъ своихъ предубѣжденій, раскрыла своему сыну глаза относительно злыхъ языковъ, возмущавшихъ спокойствіе домашняго очага, и съ того времени обѣ женщины жили въ самой нѣжной любви. — Жены, подражайте этому прекрасному примѣру: кроткое терпѣніе — лучшій отвѣтъ на оскорбленія, лучшее средство избѣжать столкновенія и устранить все что нарушаетъ семейный миръ!

Такимъ образомъ, *добляя жена дѣлаетъ мужу своему благая во все житіе*. Именно во всѣ дни жизни! Можетъ-быть не такъ еще трудно дѣлать добро мужу, когда онъ молодъ, здоровъ и сохраняетъ еще слѣды юношеской привлекательности. Но когда появляются у него морщины старости и болѣзни, когда ха-

рактерьъ его дѣлается мраченъ, угрюмъ, тяжелъ, вспылчивъ, даже вслѣдствіе физической слабости; тогда-то наступаетъ время испытанія для истинной преданности; тогда-то нужно удвоить заботы, вниманіе, услуги и всего болѣе нѣжность. *Дадите сикера суцимъ въ печальхъ, и вино пити суцимъ въ бользньхъ* (Прит. 31, 6), говоритъ Премудрый. Лучшее вино, лучше всего согрѣвающее душу, которая можетъ быть застыла бы подъ холоднымъ дыханіемъ равнодушія,— это вино любви и нѣжности.

(Продолженіе будетъ).

Діаконъ Димитрій Державинъ.

НѢКОТОРЫЯ ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОУЧЕНІЯ

ОБЪ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. (*)

2. ПОСЛАНІЕ ЗОСИМЫ КЪ ДУХОВНОЙ ДЩЕРИ АНАСТАСІИ.

«Посланіе *святаго* Зосимы къ дщери своей Анастасіи» по Синодальному списку, а по Академическому «Слово *нѣкоего* отца *духовнаго* къ дщери своей Анастасіи» находится въ Синодальномъ сборникѣ № 935, XVI в., л. 146—152 об., и въ сборникѣ же Московской Духовной Академіи, поступившемъ изъ Волоколамскаго монастыря, № 521, XVI в., л. 294—302. Находится и въ Лаврскомъ сборникѣ № 61, XVI в., въ сборн. Царскаго № 382, XVI в., по описанію г. Строева стр. 427. Посланіе, очевидно, Русское, и по языку древнее. Авторъ дѣлаетъ двѣ значительныя выписки изъ древне-русскаго собранія словъ подъ именемъ *Измарагда* по Синод. списку № 765, 1518 г. л. 198, изъ 96-го въ немъ слова св. Симеона, епископа Месопотамскаго, «како бояться смерти», въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ него (такъ какъ списки *Измарагда* не всѣ одинаковы) держась другаго Синодальнаго списка № 824, гдѣ это же слово читается на об. 78 и дал. Потомъ въ рѣчи о пьянствѣ употребляетъ слова въ томъ же *Измарагдѣ* по списку 765 изъ 80, Русскаго собственно, «Слова святыхъ отецъ о пьянствѣ» л. 22 и об. Слова *Измарагда* въ древней Россіи имѣли церковное и домашнее употребленіе. Въ одномъ мѣстѣ авторъ также пользуется выраженіемъ *Кирилла Туровскаго*, а въ другомъ филологически производитъ отъ чернечества (монашества) черныя ризы. Дважды приводитъ мѣста изъ употребительнаго въ древнихъ обителяхъ собранія словъ Еф-

(*) См. Юньскую книжку.

рема Сирина—*Паремисис* буквально по древнему переводу, и однажды изъ известной же у предковъ нашихъ *Пчелы*. Посланіе написано просто и съ чувствомъ; разительны изображенія суеты міра и будущаго страшнаго суда, трогательны приведенные примѣры дѣвственницъ, оставившихъ міръ, постничествовавшихъ и страдальчествовавшихъ женъ. Но кто былъ этотъ Зосима и дочь его Анастасія, остается неизвѣстнымъ. Мы издаемъ теперь настоящее поученіе по списку Синодальному, принявъ во вниманіе и Академическій, которымъ при изданіи посланія въ *Дух. Вѣстникѣ* не пользовались; а потому въ примѣчаніяхъ будемъ отмѣчать его отступление отъ Синодальнаго списка.

Посланіе Зосимы къ дочери своей Анастасіи (*).

Ты просила меня (6) прислать грамоту въ утѣшеніе твое: но я худый и грѣшный и самаго себя не могу научить. Что же скажу тебѣ, чадо? Но буди, чадо. Богъ утѣха твоя и святая Богородица! Скажи мнѣ, если у те-

(а) Заглавіе это въ спискахъ Синодальномъ и Академическомъ, равно и въ Лаврскомъ приставлено къ самому тексту посланія, съ опущеніемъ начальныхъ его словъ: «рекла ми еси бже», такимъ образомъ: «Посланіе отъ Зосимы святаго къ дочери своей Анастасіи, прислати грамоту о утѣшеніи своемъ». Въ этомъ видѣ начало посланія выходитъ сходнымъ съ началомъ книги Притчей. Не знаемъ, намѣренно ли было сдѣлано такое соединеніе заглавія съ самымъ посланіемъ по исключеніи начальныхъ словъ его, или же по нуждѣ, для дополненія смысла, когда въ оригиналѣ недоставало вышесловаченныхъ начальныхъ словъ. Притомъ, во всѣхъ спискахъ авторъ наименованъ *святимъ*. Святимъ онъ названъ и въ новомъ собственномъ, отдѣльномъ отъ текста заглавіи по списку Синодальному, а въ Академическомъ это новое заглавіе такое: «слово нѣкоего отца духовнаго къ дочери своей Анастасіи».

(б) «Рекла ми еси бже»—стоитъ только въ Академическомъ спискѣ, а въ Синодальномъ опущено.

бя есть какая печаль: напимѣрь, что ты оставила въ мірѣ красоту міра сего, погибельнаго и суетнаго и скоропреходящаго, — она лишь является и вдругъ исчезаетъ. Ты же, чадо, не печалься, но напротивъ радуйся, что избавилъ тебя Богъ отъ погибельнаго міра сего и привелъ тебя на покаяніе. Разсмотри ты, чадо, суету (*) міра сего: какъ море онъ возмущается; когда возстанетъ буря, тогда мы мятемся въ мірѣ семъ, да и всегда (мятемся), какъ въ морѣ (†), въ самой тишинѣ потопляемся. Святія жены возненавидѣли красоту міра сего, и не только возненавидѣли, но и въ монастыри пошли, а другія пошли въ пустыни и тамъ скончали житіе свое (‡). Помяни, чадо, какъ дочь Патрикія, то-есть тысящника, не хотѣла идти въ міръ сей, когда родители ея хотѣли выдать за-мужъ; она помыслила суету сего міра и, убѣгши въ пустыню, жила со звѣрьми. И нѣкто инокъ (°) святой, ходя по пустыни той, увидѣлъ ее нагую, на высокомъ мѣстѣ сѣдящую, — тѣло ея было черно отъ зноя солнечнаго, и спросилъ ее старецъ: много ли жила ты въ пустынѣ сей? Она отвѣчала: 80 лѣтъ, и отъ многихъ лѣтъ (°) одежда моя изодралась. Спустя три дни она отошла отъ міра сего въ жизнь вѣчную; старецъ же, будучи слѣпъ однимъ окомъ, въ это время прозрѣлъ (°). Итакъ, какая польза намъ,

(в) Это слово «суету» беремъ изъ Акад. списка.

(г) Синод. сп. «егда буря встанетъ, тогда мятемся, аки въ морѣ семъ, всегда; Акад. аки въ мірѣ, — мы соединяемъ оба сіи чтенія.

(д) Буквально по Акад. списку, а въ Синод. нѣкоторыя слова пропущены.

(е) Акад. сп. старецъ.

(ж) «Отъ многъ лѣтъ» прибавлено въ Акад. сп.

(з) Кажется, въ этомъ сказаніи смѣшано нѣсколько преподобныхъ женъ-подвижницъ, напр. Анастасіи-Патрикіи (память ея 10 Мар.), Θεодоры (30 Дек.), Евсеіи или Ксеніи (24 Янв.) и Маріи Егип. (1 Апр.).

если тѣло имѣемъ красиво, а душа почернѣла? (*)
 Лучше намъ, чадо, имѣть тѣло черное отъ поста и молитвы: ибо симъ душа красится. Кто былъ прекраснѣе Екатерины, или кто былъ ея мудрѣе? Она была дочь царская, и какихъ книгъ не знала? Знала 75 языковъ ('), но все это назвала суетою, и шедши обличила беззаконнаго царя (*). Царь удивился ея премудрости и принуждалъ ее принять его злую (*) вѣру; а она, вмѣсто сего, укорила царя, — и нареклась невѣста Христова. Царь, разгнѣвавшись, повелѣлъ мучить ее многими муками, она же прославила Бога. И повелѣлъ царь главу ея усѣкнуть мечемъ, и всѣ люди дивились красотѣ лица ея ("), — оно было свѣтло какъ солнце. Она же сказала царю и всѣмъ людямъ: не дивитесь красотѣ моей, ибо всякая красота тѣлесная червямъ будетъ въ снѣдь. Множество народа плакали и хотѣли взять тѣло ея погребсти; но она помолилась Господу, дабы не взяли тѣло ея чловѣки. И когда усѣкли главу ея мечемъ ("), ангелы пришедши взяли тѣло ея и положили на Синайской горѣ. — Помысли еще, чадо Анастасія, какова слава свѣта сего? гдѣ цари и князи? гдѣ богатые и убогіе? гдѣ богатство и слава, и гдѣ красота? Не все ли истребили черви? не все ли смерть измѣнила? не всѣхъ ли гробъ покрылъ — и богатаго и убогаго и царя и князя? Всѣмъ опредѣлено испить смертную чашу, какъ говоритъ Златоустъ: «днесь славны и чест-

(и) «А душа черна и кальна, злыми дѣлы осквернена» — въ Академ. сп.

(і) Акад. сп. «изучена бѣаше 70 языкъ и дву». О такомъ ея языкознаніи говорится въ Макаріевской четь-минѣѣ.

(к) Въ Ак. сп. «поганаго» т. е. языческаго, разум. Діоклитіанъ.

(л) «Поганую» въ Акад. сп.

(м) «И не смѣяше никтоже възрѣти на лице ся» прибавлено въ Акад. сп.

(н) Слова сіи читаются въ Ак. сп.

ны, а завтра безчестны, днесь украшаютъ тѣло и умащаютъ благовоніями, а завтра оно лежитъ во гробѣ, смердя зловоніемъ. Ты же, чадо, помысли смертный часъ трижды днемъ, и не одинъ смертный часъ. но и грѣхи: ибо смерть только страшить, а грѣхи во вѣки мучать душу и тѣло. Страшно разлучаться душѣ отъ тѣла, когда придуть за ней ангелы лютые и грозные, и въ такой часъ, въ который она не ожидаетъ, котораго не знаетъ, когда восхитятъ ее. Или какія дѣла пошлемъ предъ собою (°)? Какъ стерпимъ страшное оное судилище и пришествіе Господне на испытаніе вселенныя? Тогда небо (°) воскурится отъ смрада его и звѣзды спадутъ и солнце померкнетъ и луна погибнетъ. (Дѣян. 2, 19. 20. Матѣ. 24, 29. Иса. 13, 10 и др.). Ангелы смятутся, херувимы возопіютъ и серафимы вскричатъ, и всѣ воскликнутъ говоря: *благословенъ грядый во имя Господне* судить живыхъ и мертвыхъ (Матѣ 23, 39). Тогда *поставятся престолаы, и книги разонутся*, обличающія дѣла наши, денныя и нощныя; предъ судилищемъ *потечетъ рѣка огненная*, поядая всю землю (Дан. 7, 9. 10).— Тамъ мы предстанемъ наги, имѣя каждый предъ собою и видя дѣла свои. И повелитъ Господь ангеламъ разлучить праведныхъ отъ грѣшныхъ, и какъ мы это стерпимъ? Тогда скажетъ праведнымъ:

(о) Въ Акад. сп. «въ онъже не вѣси, когда восхитятъ; или которая дѣла послемъ предъ собою?» Въ Синод. ошибочно и съ пропускомъ: «егоже не вѣсть, егда всхитятъ *та* съ собою» (!) Все это, начиная съ вопросовъ: помысли, какова слава свѣта сего, гдѣ цари и князи и проч., выписано изъ слова св. Симеона, епископа Месопотамскаго «о томъ, какъ бояться смерти», читаемаго въ Измарагдѣ по Синод. списку № 765, подъ числомъ 96, и отдѣльно въ ркп. 824 л. 79: выписка съ послѣднимъ, отступаая иногда отъ № 765, совершенно согласна.

(п) Такъ въ Акад.; въ Синод. ошибка, нарушающая смыслъ: «идѣже бо».

приидите, царствуйте со Мною сотворившіе волю Мою (слич. Матѣ. 25, 34). Какъ стерпимъ, когда изыдетъ гласъ на грѣшниковъ: *идите отъ Меня проклятіи съ діаволомъ въ огнь вѣчный* (Матѣ. 25, 41), творившіе волю его, — мучиться съ нимъ въ огнѣ вѣчномъ, какъ сказалъ блаж. Ефремъ: «горе погубляющимъ время покаянія въ смѣхѣ и глумленіи! они связаны будутъ, какъ узами, грѣхами своими». Какъ много образовъ покаянія, такъ *мнози суть и обители* въ царствіи небеснѣмъ (Іоан. 14, 2); и какъ много образовъ грѣховъ, такъ много и мѣстъ мученія (р). Ты же, чадо, помысли, какъ страшна смерть всѣхъ, и какъ боялись смерти святые, хотя и знали, что примутъ жизнь вѣчную, — какъ святой Арсеній (Великій) повседневно вопіялъ, плача (с) о горькомъ и темномъ смертномъ часѣ, — особенно скорбѣли о смерти. А мы, чадо, какъ (г) должны плакать и вздыхать, поминая смерть! не по многомъ времени она восхититъ насъ немилостивно, какъ бы лютый какой звѣрь. Чтò успѣемъ сдѣлать тогда, когда придутъ ангелы, — тутъ же будетъ и множество бѣсовъ? Начнемъ молиться къ ангеламъ, говоря: святые ангелы, дайте мнѣ времени (д), да помолюсь и поплачу о грѣхахъ своихъ. Тогда ангелы съ гнѣвомъ скажутъ намъ: окаянная душа, грѣшная, скверная и нечистая! Сколько лѣтъ изжила ты, согрѣшая на всякій день, почто же не покаялась во грѣхахъ своихъ, зная, что ты смертная? Уже пришелъ конецъ житію твоему, уже съ торгу разошлись, уже нельзя

(р) По Акад. сп.; въ Синод. съ пропускомъ: «яко же бо мнози образи покаянію, тако и мнози образы мученію». Самое мѣсто по древнему переводу буквально взято изъ слова въ Патренесисѣ Ефрема Сирина о второмъ пришествіи Христовомъ (нач. «Отреченіе же при святомъ крещеніи творить») по Чудовскому пергам. списку № 140, л. 206 и об.

(с) Слово сіе, пропущенное въ Синод. сп., стоитъ въ Акад.

(г) Въ Акад. сп. «колико», въ Синод. «доколѣ».

(у) Подлин. «отдадите ми, да»...

ничего купить, уже солнце твое зашло и свѣтъ померкъ, уже не можешь ты быть помилованною, — пойди, окаянная душа, въ муку вѣчную, не имѣющую конца мученію! Тогда окаянные бѣсы возмутъ душу грѣшную и, связавши руки и ноги, ввергнуть ее во тму кромѣшнюю: тамъ будетъ плачь неутѣшный и скрежетъ (*), червь неусыпающій, хладъ никогда ненагрѣваемый (†);

(*) И здѣсь до сихъ самыхъ словъ, начиная съ вопроса: «что успѣемъ сдѣлать тогда?» сдѣлана выписка изъ того же слова Измарагда № 765 и ркп. 824, которой она вполне слѣдуетъ.

(†) Въ подл. стоитъ: *гроза неสวิръема*. Въ нѣкоторыхъ древнихъ переводахъ словомъ «гроза» переводилось *τάρταρος*, какъ и въ настоящемъ случаѣ: потому что это мѣсто взято изъ слова Паренесиса Ефрема Сирина (Наказаніе, яко не подобаетъ смѣяться, ни глумиться, нач. Начало развращенью души мпиховѣ смѣхѣ), гдѣ по Чудовскому пергам. списку № 140 л. 22 читается: «у люте мнѣ, что сътворю геенѣ огненѣй и тмѣ кромѣшнѣй, идѣже плачь и скрежетъ зубомъ, — что сътворю *грозы* (и мукѣ) безконечной (*τὸν τάρταρον καὶ τὴν ἀτελεύτητον βασανον*). Греческое же слово *τάρταρος* лексикографы производятъ отъ *τάρταρίζω* — дрожду отъ холода, и разумѣютъ подъ тартаромъ подземную, солнцемъ никогда не освѣщаемую пропасть, гдѣ свирѣпствуетъ холодъ. Такое понятіе о тартарѣ, какъ вѣчно хладномъ мѣстѣ, куда будутъ посланы души грѣшниковъ, находится какъ у Греческихъ отцовъ и писателей Церкви, такъ и въ Славянорусскихъ произведеніяхъ. Въ извѣстномъ словѣ Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души, помѣщаемомъ въ Сборникѣ въ недѣлю мясопустную, въ началѣ его читается: «боюся тартара, зане непричастенъ есть теплоты». Въ апокрифическомъ сказаніи о явленіи ангела преп. Макарію Егип. (нач. Ходящу нѣкогда преподобному Макарію по пустынѣ) о томъ же говорится: «а се есть червь неусыпаемый, а се есть глаголемый тартаръ, зима несогрѣемая и мразъ люте». Въ Притчѣ Кирилла Туровскаго о челоуѣкѣ бѣлоризцѣ (Памят. XII в. стр. 130) также читается: «да не слабѣвше... плотскими похотыми въ адстѣй станемъ пустыни... огнемъ мучима и скрежета зубнаго исполнена и тмы кромѣшная и *тартаръ неสวิръемый*». Въ житіи преп. Іосифа

тамъ будетъ ждаты грѣшная душа, доколѣ придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ,— тогда осуждена будетъ грѣшная душа въ огненные муки. И помысли, чадо Анастасія, сколько должны плакать неплакавшіе здѣсь! Ты же, чадо, оплакивай здѣсь грѣхи свои,— безпрестанно, день и ночь намъ нужно плакать; ибо *старецъ* ^(ч) сказалъ: *всякъ грѣхъ кромѣ тѣла есть, а творяй блудъ* ^(г) *въ свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18.); такъ и всякая добродѣтель кромѣ тѣла есть. А кто оплакиваетъ грѣхи свои, тотъ очищаетъ тѣло свое: ибо сверху нисходящая слеза все тѣло омываетъ. Человѣкъ предающійся скорби Бога ради, оплакивающій грѣхи свои,— Господь Богъ слезы его вмѣнитъ наравнѣ съ кровію мученическою. Ибо святые мученики пролили кровь свою за Христа, а намъ надобно пролить слезы свои о грѣхахъ. Постъ утончаетъ тѣло, бдѣніе очищаетъ душу, а безмолвіе производитъ плачь, плачь же совершаетъ человѣка и содѣлаетъ его безгрѣшнымъ. Если придуть тебѣ слезы, плачь прилежно о грѣхахъ своихъ, въ тайнѣ, не хвалясь слезами твоими, но говори: братіе, намъ каждый день нужно плакать! Если кто хвалится слезами своими, или сдѣлавъ что-нибудь иное доброе ^(ш), то Богъ отниметъ отъ него слезы и будетъ тѣло его жестко, какъ камень, и такимъ образомъ онъ

Волокол., изд. 1865, стр. 21, Савва Крутицкій говоритъ, что иноки Волоколамскіе въ самые лютые морозы терпѣливо стояли въ холодной церкви своей у обѣдни въ одной ризѣ, безъ шубъ, поминая каждо несъгрѣемый тартаръ, а въ житіи преп. Никиты Столпника по Синод. рукописи № 885, XVI в., л. 416 об., какъ и въ настоящемъ посланіи къ Анастасіи, вмѣсто тартара поставлена гроза: «и по судѣ осужденіе въ огонь и въ тму и скрежетъ зубный, въ червь неусыпай и въ грозу несъгрѣему.»

(д) Такъ и въ Синод. и Акад. спискахъ.

(г) «Блудъ» стоитъ въ Акад., а въ Синод.—«грѣхъ».

(ш) «Ино что добра сътворивъ» приб. въ Академ. спискѣ.

погибнетъ. Помысли, чадо Анастасія, какъ воры и разбойники боялись грѣховъ своихъ, и сколько пролили слезъ, коими и очистились отъ нихъ! Помяни, чадо Анастасія, какъ одна блудница, плача 60 лѣтъ, а другая, плача 50 лѣтъ, затворились въ кельи своей не видя свѣта солнечнаго, но всегда сидя во тмѣ! Помяни, чадо, оную блудницу, которая принесла къ Богу воду горячую, но несогрѣтую и полотно нетканое ^(ш). Что же есть вода несогрѣтая? — слезы, а полотно нетканое? ^(ъ) — волосы ея, которые она принесла къ Господу, и, припадши къ ногамъ Иисусовымъ, *мочаше нозъ Ею слезами и волосы своими отираше* (Лук. 7, 38). Ничего нѣтъ болѣе слезъ. Помяни, чадо Анастасія, какъ святая Евпраксія и сколько пролила слезъ, не сотворивъ грѣха, ни осквернивши тѣла своего. Семи лѣтъ вшедши въ монастырь, она отдала тѣло свое на воздержаніе, и такъ подвизалась, что и бѣсовъ прогнала и была слугою не только игуменіи, но и всѣмъ сестрамъ, и претерпѣла отъ діавола многія напасти. Помяни, чадо Анастасія, и святую Евфросинію, какое богатство оставивши, пошла она въ монастырь мужескій, и постриглась и служила всѣмъ, и была невѣдома никому, ни самому отцу своему, и овъ не зналъ ее ^(щ): ибо прежде она была красива тѣломъ, но теперь постомъ и молитвою и бдѣніемъ измѣнила красоту тѣлесную, и лице свое умывала слезами ^(ы). — Ты же, чадо Анастасія, помысливъ житіе святыхъ женъ, призывай ^(ь) имя Господне, — и Онъ тебя укрѣпитъ и дастъ тебѣ помощь Свою; только

(ш) Подл. «укропъ нетоплень, убрусъ нетканъ».

(ъ) Вопросъ и отвѣтъ сей, пропущенные по сбивчивости въ Синод. спискѣ, читаются въ Акад.

(ы) «И не познаше ю» — приб. въ Академ. спискѣ.

(ь) Слич. въ Ипатьевской лѣтописи стр. 95 сказанное о Печерскомъ игуменѣ Поликарпѣ: «слезами омывая лице свое».

(ѣ) Такъ въ Акад., въ Синод. спискѣ «нарица».

будь послушлива, имѣй игуменью, какъ самаго Бога (°) и будь всѣмъ слуга, старымъ и младымъ и немощнымъ, имѣй любовь ко всѣмъ (°), какъ говорилъ Іоаннъ Бого-словъ: *пребывай въ любви въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). Сколь вмѣстѣ и страшно это слово: «*пребывати въ Бозѣ (°) и Богъ въ насъ. Богъ любви есть!*»! А апостолъ Павелъ говоритъ: *аще въру имамъ, яко и горы представляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. 13, 2). Любовь же имѣй духовную, какъ говоритъ Господь: *любите враги ваши и добро творите ненавидящимъ васъ* (Матѣ. 5, 44). Если кто досадитъ тебѣ, то вспомни Христа, Который пріялъ досаду и укоризны и предался на смерть вольную (°) насъ ради. Если кто обидитъ тебя или оклеветаетъ, тому не воздавай зла за зло, но паче моли Бога, — *не одолювай злобу злобою, но одолювай злобу благостынею* (Рим. 12, 21) (°). Любовь же имѣй къ нищимъ и къ сестрамъ твоимъ; *просящему (°) у тебя дай что имѣешь* (Матѣ. 5, 42). А съ мiрянами не имѣй любви, не только съ мужами, но и съ женами: *ибо любви мiра сего вражда*

(э) Въ Акад. «яко Бога», какъ и въ другихъ статьяхъ о монашествѣ въ Дух. Вѣстникѣ настоятель сравнивается съ Богомъ или Христомъ; въ Синод. списокѣ: «якоже блга».

(ю) Слова: «и къ немощнымъ» и проч. читаются только въ Акад. списокѣ, а въ Синод. пропущены

(я) Подл. «и (Акад. то) колми страшно есть, еже въ Бозѣ пребывати» и пр.

(э) По Акад. списку, а въ Синод. слова: «и укоризны и на смерть вольную предася» опущены.

(v) Замѣчательно, что текстъ сей, несовѣсѣмъ соответствующій Греческому ($\mu\eta\ \nu\iota\kappa\omega\ \acute{\upsilon}\pi\omicron\ \tau\bar{\epsilon}\ \kappa\alpha\kappa\bar{\omega}\ \alpha\lambda\lambda\grave{\alpha}\ \nu\iota\alpha\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\bar{\omega}\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\bar{\omega}\ \tau\bar{o}\ \kappa\alpha\kappa\bar{o}\nu$) здѣсь читается совершенно согласно со списками Пчелы (гл. I. о житiйстѣй добродѣтели и злобѣ), переведенной у насъ въ XIII—XIV вѣкѣ.

(а) Такъ въ Акад. сп., въ Синод. «просящей».

Богу есть (Іак. 4, 4); *аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Божіи въ немъ*, говоритъ апостолъ; *не любите міра, ни яже въ міръ семъ, похоть очима, гордыня, яже нѣсть отъ Бога, но отъ міра сего есть* (1 Іоан. 2, 15. 16). Къ юнымъ возрастомъ не приставай, *съ блудницами не умножай бесѣды, да не впадеша въ сѣти ихъ* (слич. Свр. 9, 3. 10. 11). При всемъ же, чадо, имѣй Бога (предъ очами): никого не обидь, ни оклеветай^(б), ни другихъ оклеветающихъ предъ тобою не послушай, не солги, — *погубитъ Господь вся глаголющія лжу* (Псал. 5, 7). Если кто принуждаетъ тебя упиваться, никого не слушай: ибо мерзко предъ Богомъ пьянство, такъ что и поганыхъ (язычниковъ) хранить Богъ, пьяницъ же возненавидѣлъ Господь. Пьянство есть мать всему злу, — и ангелъ Господень бѣгаетъ отъ пьянаго, не терпя пьянственнаго смрада^(в). Апостолъ говоритъ: *якоже носихомъ образъ земаго, да носимъ образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 49): таково чернечество, — въ немъ ты обновилась, какъ вторымъ крещеніемъ^(г). Не то есть чернечество, чтобы

(б) Это слово прибавлено въ Акад. сп.

(в) Все это мѣсто о пьянствѣ взято по Синод. списку Измарагда № 765 изъ 80 Слова святыхъ отецъ о пьянствѣ, — происхожденія Русскаго, л. 22 и об. Въ словѣ говорится, что христіане, предающіеся пьянству, удаляются отъ Святаго Духа смрада ради пьянственнаго, и ангелъ хранитель отбѣгаетъ ихъ пьянства ради; потомъ діаволу влагаются слова: «луче ми суть піаницы и запоицы отъ крестьянъ (христіанъ), нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганяя Богъ соблюдаетъ, а піаницъ же ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ.» Слово это, съ нѣкоторыми дополненіями и отмѣнами, какъ видно, первоначальной редакціи, пишется и въ прологахъ подъ 7 Апреля и печатается въ изданіи пролога 1643 и послѣдующихъ.

(г) По Акад. сп., а въ Синод. только: «яко же чернечество поновленіе аки вторымъ крещеніемъ».

носить ризы черныя (А), или мяса не ѣсть, но то (С) есть истинное чернечество, чтобы терпѣть для Бога досаду и поношеніе и укоризну, и чтобы во всемъ ты избирала узкій путь и тщательно береглась шествія по широкому пути, потому что во всемъ томъ имѣешь дать отвѣтъ въ день судный, и Богъ (Ъ) имѣеть власть мучить насъ и за малый грѣхъ. Дни наши, какъ тѣнь, проходятъ и скоро исчезаютъ, какъ говорить Давидъ: *дни наши, яко сѣнь, уклонишася и азъ, яко сѣно, изсохъ* (Псал. 101, 12). Житіе свѣта сего маловременно, а мука онаго вѣка велика и не имѣеть конца (Г). Богу нашему слава.

(Окончаніе впредь.)

К. Невоструевъ.

(д) Такое филологическое производство опять указываетъ на Русское происхожденіе статьи.

(е) Въ Акад. сп. приб. *се*.

(ж) Слово «Богъ», пропущенное въ Синод. спискѣ, читается въ Акад.

(з) Въ Акад. сп. за симъ прибавлено: «коли человекъ постригается, то міра отрицается».

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ (*)

IV. Паремія положенная на вечернѣ въ четвертокъ первой седмицы чотыредесятици. Быт. 2, 4—19.

Въ сей переміи содержится повѣствованіе о сотвореніи Адама въ допоясненіе къ сказанному о семъ въ 1-й гл. Бытія, о мѣстопробываніи Адама и о намѣреніи Божиємъ создать ему жену.

Ст. 4. 5. Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть, въ онъже день сотвори Господь Богъ небо и землю, и всякій злакъ селный (*полевый*), прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Господь на землю, и человекъ не бѣше дѣлати ю.

Въ сихъ словахъ содержится сокращенное повтореніе предшествовавшаго сказанія о шестидневномъ твореніи. *Сія книга бытія небесе и земли, егда бысть, въ онъже сотвори Господь небо и землю*, т. е. таково сказаніе о происхожденіи всего міра, — небесе и земли, — о

(*) См. январскую, февральскую и апрельскую книжки Душеп. Чтеніе.

происхожденіи не предвѣчномъ, а временномъ, не самобытномъ по законамъ природы, а единственно по волѣ Творца, отъ Котораго все существующее получило свое бытіе въ извѣстное время. Что небо и земля произошли не отъ вѣчности, не сами-собою и не по законамъ природы, но во времени и по волѣ Творца, эта истина очевидна для читателя изъ предшествовавшаго разсказа Моисеева о твореніи; но бытописатель почитаетъ нужнымъ снова указать на нее читателю, какъ на такую истину, которую нужно твердо помнить, чтобы не увлечься ложными ученіями язычниковъ о довременномъ и самобытномъ существованіи міра, и чтобы вслѣдствіе того не обоготворить твари вмѣсто Творца. — Твореніе міра продолжалось шесть дней. Сему не противорѣчить свидѣтельство Бытописателя какъбы объ одномъ днѣ: *егда бысть, въ оныже день сотвори Господь Богъ небо и землю.* Ибо здѣсь подъ днемъ разумѣется не день въ тѣсномъ смыслѣ, не сутки, а вообще время, въ какомъ смыслѣ это слово употребляется и въ другихъ мѣстахъ Писанія, напримѣръ: «Грядетъ день Іеговы воинствъ на все высокомерное и выпреннее. — И единъ Іегова будетъ высокъ въ оный день. — Въ тотъ день (т. е. въ то время) человекъ броситъ идоловъ своихъ» (Иса. 2, 12. 17. 20). — Господь сотворилъ не только небо и землю, но и все что на нихъ. Избѣгая повторенія сказаннаго объ этомъ въ 1-й главѣ Бытія (см. первыя три пареміи), бытописатель упоминаетъ здѣсь только о сотвореніи злаковъ и травъ, замѣчая, что онѣ сотворены *прежде даже быти на земли, прежде даже прозябнути*, т. е. прежде чѣмъ могли родиться по законамъ природы, которые вступили въ дѣйствіе въ растительномъ царствѣ только тогда, когда уже оно вызвано къ бытію волею Творца, когда растенія, по манію Творца, явились на свѣтъ вдругъ, совершенно готовыя, въ состояніи зрѣлости. Почему же не раньше?

отвѣтомъ на сіе служатъ дальнѣйшія слова: *не бо одожди Господь на землю и человекъ не бѣше дѣлати ю.* Орошеніе земли дождевою влагою и трудъ человека, воздѣлывающаго землю, разводящаго и воспитывающаго разныя растенія, — вотъ обыкновенныя условія для ихъ произрастанія, по законамъ природы. Но эти условія еще не были даны, — суша, едва отрѣшившаяся отъ покрывавшихъ ее водъ, орошаема была одними парами, поднимавшимися съ земли, и еще не былъ сотворенъ человекъ. Объ орошеніи суши парами бытописатель говоритъ:

6. Источникъ же исхождаше изъ земли напаяти все лице земли.

Источникъ, по точнѣйшему и болѣе удобовразумительному переложенію съ еврейскаго подлинника, — *паръ*. Пары, подобно водамъ изъ обильнаго источника, орошали поверхность земную такъ обильно, что едва проникалъ чрезъ нихъ свѣтъ солнца.

7. И созда Богъ человекъ, персть (вземь) отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу живу.

Человекъ превосходитъ всѣ земныя существа по тѣлесному своему устройству и по духовной природѣ. Соответственно сему сотвореніе его является болѣе сложнымъ дѣйствіемъ Творческаго всемогущества, чѣмъ сотвореніе прочихъ земныхъ существъ. Кромѣ того, что сотвореніе человека, какъ мы видѣли, предваряется совѣщаніемъ лицъ Пресвятыя Троицы, — оно производится не вдругъ, какъ сотвореніе прочихъ существъ, а съ нѣкоторою постепенностію, показывающею преимущественное вниманіе къ нему Творца. Творецъ сперва беретъ отъ земли персть (тонкій прахъ), которая съ одной стороны должна освятиться и прославиться въ составѣ человека,

съ другой напоминать ему урокъ смиренія, — и изъ персти, какъ бы скудельникъ (Иса. 45, 9. Иерем. 18, 6.), образуетъ тѣло человѣка и потомъ въ лице его вдыхаетъ дыханіе жизни, т. е. непосредственно, прямо отъ Себя, сообщаетъ ему жизнь, обнаруживающуюся между прочимъ въ способности человѣка дышать, — вдыхать и выдыхать воздухъ, столь необходимый для жизни. *И бысть человекъ въ душу живу*, т. е. сталъ живымъ, одушевленнымъ существомъ. *И дыханіе жизни, и душа живая*, — оба сіи выраженія въ св. писаніи прилагаются не къ одному человѣку, но вмѣстѣ къ прочимъ животнымъ. Такъ о потоцѣ сказано: *и вся, елика имуть дыханіе жизни, и все еже на суши умре.* (Быт. 7, 22.). Въ повѣствованіи о сотвореніи рыбъ, птицъ и земныхъ животныхъ употреблено о нихъ выраженіе: *души живыя* (Быт. 1, 20. 21. 24. 30.). Это не значитъ однако, что человѣку дарована душа одинаковая по природѣ съ душами животныхъ, и что бытописатель поставляетъ сущность души человѣческой только къ животному дыханію. Рѣзкое, существенное различіе души человѣческой отъ душъ животныхъ явствуется не только изъ ея превосходства предъ ними, какъ существа одареннаго разумомъ и свободою, но и изъ того, что говоритъ Моисей о способѣ сотворенія ея: прочія животныя вызываются къ бытію по одному Творческому слову, и сего слова достаточно, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ явилась въ нихъ душа. Притомъ выраженія: *да изведуть воды гады душъ живыхъ* (Быт. 1, 20.), *да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая* (— 24.), даютъ видѣть, что души животныхъ, обитающихъ въ водахъ и на сушѣ, произведены всемогуществомъ Божіимъ изъ тѣхъ же вещественныхъ стихій, изъ которыхъ созданы ихъ тѣлесный составъ, ибо въ самомъ началѣ творенія нѣкоторое начало, или какъ-бы сѣмя жизни не только растительной, но и животной, положено

было въ веществѣ Духомъ Божіимъ, носившимся верху воды и подготавливавшимъ новосотворенную, еще неустроенную землю къ дальнѣйшему образованію. Напротивъ человѣкъ только по тѣлу создается изъ земли, хотя и въ семъ отношеніи онъ превознесень надъ прочими животными способомъ сотворенія; душа же его получила бытіе непосредственно отъ Бога, въ образованіи ея не участвовала ни одна изъ стихій природы, — это значить, что по природѣ своей она не имѣетъ ничего сроднаго съ ними, слѣдственно и съ душами животныхъ. Дуновеніе, чрезъ которое она получила свое бытіе, указываетъ на нѣкоторое сродство ея по природѣ съ Богомъ, на ея богоподобіе, и на происходящее отсюда ея назначеніе жить въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, какъ ея первообразомъ. Но не надобно преувеличивать достоинство души человѣческой предположеніемъ, будто она, какъ происшедшая отъ Бога чрезъ вдунувеніе, по сему самому не сотворена, а дана, или удѣлена человѣку отъ существа Божія, и такимъ образомъ есть, какъ выражались язычники, «частица Божія дыханія». Такое предположеніе, кромѣ того что не совмѣстно съ понятіемъ о простотѣ существа Божія, чуждаго всякой сложности и дѣлимости, — противорѣчитъ ясному свидѣтельству бытописателя о происхожденіи отъ Бога всего человѣка чрезъ сотвореніе: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1,26), сказалъ Господь, и какъ сказалъ, такъ и поступилъ: *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (— 27).

Далѣе бытописатель повѣствуетъ о мѣстопребываніи Адама.

8. И насади Господь Богъ рай въ Еденѣ на востоцѣхъ и введе тамо человѣка, егоже созда.

Соотвѣтственно превосходству человѣка предъ прочи-

ми земными тварями, и жилище для него назначается превосходное. Это было не дикое какое-нибудь пустынное, или лѣсное мѣсто, подобное мѣстамъ, назначеннымъ для обитанія безсловесныхъ животныхъ, а рай, или по нашему садъ, мѣсто наполненное отборными и съ нѣкоторымъ изяществомъ распределенными растеніями, снабженное всѣми удобствами для жизни покойной и счастливой, и обнесенное оградю, т. е. какими-либо естественными преградами. ().

Садъ этотъ находился въ странѣ эдемской, самое имя которой (на Евр. языкѣ значить веселіе) указываетъ на превосходство ея предъ сосѣдними странами. На всемъ протяженіи своемъ страна эта была прекрасна, но вѣнецъ красоты ея былъ тотъ уголокъ ея, который находился на восточной ея сторонѣ, — рай. Самъ Господь насадилъ его, т. е. въ день сотворенія растительнаго царства съ особенною любовію и тщательностію устроилъ и украсилъ мѣсто, приготовленное Имъ въ жилище челоуѣку. Но не столько внѣшнія удобства составляли преимущество этого жилища, сколько то, что рай былъ мѣстомъ богоявленій. Бытописатель уже о падшихъ прародителяхъ свидѣтельствуетъ: *и услышаста гласъ Господа Бога, ходяща въ раи по полудни*. Адамъ говоритъ Богу, *гласъ слышашъ тебе, ходяща въ раи* (Быт. 3, 8. 10). Адамъ и жена его издалека узнаютъ гласъ Бога, ходящаго въ раю, какъ гласъ уже прежде слышанный и извѣстный изъ прежнихъ богоявленій. Въ семъ отношеніи райская жизнь, по выраженію св. Григорія Богослова, (Твор. св. отц. IV, 244) была жизнію небесною, хотя рай былъ на землѣ.

(а) Слово-рай у 70 толковниковъ обозначено словомъ *παρδεισος* (увеселительный обширный парк), которое впрочемъ встрѣчается и въ Еврейскихъ книгахъ (Еккл. 2, 5; Пѣсн. Пѣсн. 4, 13.), куда вошло изъ Зендскаго языка со временъ Соломонова царствованія, славнаго процвѣтаніемъ торговыхъ сношеній Евреевъ съ отдаленными народами.

9. И прѣзѣбе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ снѣдь: и древо жизни посредѣ рая, и древо, еже вѣдѣти разумѣтельное добраго и лукаваго.

Въ ряду райскихъ деревъ, красныхъ въ видѣніе (пріятныхъ видомъ) и добрыхъ въ снѣдь, имѣли особенное значеніе два древа: древо жизни и древо разумѣнія или познанія добра и зла. Первое получило свое названіе отъ того, что плоды его предназначены были для поддержанія въ человѣкѣ безсмертія по самому тѣлу, какъ видно изъ того, что падшій прародитель изгнанъ былъ изъ рая, *да не когда простретъ руку свою и возметъ отъ древа жизни и живъ дудеть во вѣкъ* (Быт. 3, 22). И въ другихъ случаяхъ писаніе свидѣтельствуесть, что Богъ смерти не сотвори (Прем. 11, 13), что Онъ созда человѣка въ неистлѣніе (— 3, 23), и что смерть вошла въ міръ грѣхомъ (Рим. 5, 12). Но безсмертіе человѣка по тѣлу зависѣло не отъ природы самага тѣла, созданнаго изъ земной персти, а единственно отъ благодати Божіей, и предназначено было человѣку подъ условіемъ его покорности волѣ Божіей. Древо жизни было не что иное какъ проводникъ или орудіе сей благодати, дѣйствовавшей на тѣло человѣка таинственно. По природѣ своей это древо, конечно, не могло сообщать безсмертія человѣческому тѣлу, ибо и само, какъ все земное, не было вѣчнымъ; но какъ проводникъ животворящей божественной силы, оно плодами своими могло обновлять здоровье человѣка, ослабляемое лѣтами по законамъ стихійной жизни, и поддерживать въ немъ способность жить вѣчно, такъ что человѣкъ или всегда оставался бы въ одномъ и томъ же тѣлѣ, или тѣло его, не вкусивъ смерти, могло безболѣзненно преобразиться изъ душевнаго (животнаго) въ духовное (1 Кор. 15, 44—46) (*).

(*) Все это мысли св. отцевъ и учителей церкви. См. Догм. Богосл. Макарія Т. II. § 85.

Древо познанія добра и зла было древомъ испытанія для первыхъ людей. Названіе свое оно получило не отъ того, будто бы само имѣло силу сообщать людямъ познаніе о добрѣ и злѣ, а отъ того, что служило внѣшнимъ пособіемъ къ приобрѣтенію этого познанія. Первые люди въ невинности своей не подозрѣвали существованія зла и склонны были къ добру по природѣ, а не по сознательному убѣжденію въ превосходствѣ добра предъ зломъ. Назначеніе древа познанія добра и зла состояло въ томъ, чтобы при пособіи его они могли достигнуть этого убѣжденія, и чтобы сознательно могли научиться предпочитать благо послушанія Богу злу непослушанія Ему. Это не значитъ впрочемъ, что имъ предназначено было собственнымъ опытомъ извѣдать зло, и что этотъ опытъ служилъ необходимымъ условіемъ къ тому, чтобы они могли не только узнать добро и зло, но вмѣстѣ, вкусивъ горечь послѣдняго, полюбить первое и утвердиться въ немъ. Нѣтъ, первые люди могли сознательно полюбить добро и возненавидѣть зло, не теряя своей невинности и правоты. Добрые ангелы достигли же совершенства въ познаніи добра и зла, не извѣдавъ опытно зла и устоявъ въ одномъ добрѣ. Чтобы и первые люди могли достигнуть подобнаго успѣха въ познаніи добра и зла, для сего имъ совсѣмъ не нужно было утрачивать свою невинность и дѣломъ испытывать зло, а достаточно было только знать угрожающую опасность зла, которой, какъ увидимъ, не скрылъ отъ нихъ Господь, и при встрѣчѣ съ зломъ противоборствовать ему, ибо сила зла узнается въ противоборствѣ ему.

10. Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай, оттуду разлучается въ четыре начала.

Рай орошаемъ былъ рѣкою, которая брала свое начало въ странѣ Едемской, и по выходѣ изъ рая раздѣлялась на четыре начала, т. е. на четыре рукава, воды

которыхъ въ дальнѣйшемъ теченіи образовали четыре рѣки. Моисей такъ повѣтствуетъ о нихъ:

11. 12. 13. 14. Имя единой **Фисонъ**: сія окружающая всю землю **Евилатскую**: тамо убо есть **злато**. Злато же оныя земли **доброе**: и тамо есть **анораксъ**, и камень **зеленый**. И имя рѣцѣ второй, **Геонъ**: сія окружающая всю землю **Еоіонскую**. И рѣка третія, **Тигръ**: сія проходящая прямо **Ассирионъ**. Рѣка же четвертая, **Евфратъ**.

Изъ рѣкъ, которыя называетъ бытописатель для указанія мѣстоположенія рая и страны Едемской, досеѣ извѣстны подъ тѣмъ же названіемъ только двѣ—**Тигръ** бывшій на границѣ Ассиріи, и **Евфратъ**, изъ-за котораго перешли въ Палестину предки Евреевъ. Обѣ рѣки въ настоящее время имѣютъ истокъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга въ **Арменскомъ плоскогоріи**. Весьма вѣроятно поэтому, что рай находился около верховьевъ Тигра и Евфрата въ нынѣшней великой **Арменіи**. Другія двѣ рѣки, упомянутыя Моисеемъ, теперь неизвѣстны подъ тѣмъ же именемъ, но можно догадываться, что **Фисонъ** есть извѣстный древнимъ **Фазисъ** или нынѣ **Ріонъ**, впадающій въ Черное море. Земля **Евилатская** (точнѣе **Хавила**), которую обтекаетъ Фисонъ, это древняя **Колхида**, еще у древнихъ славная обиліемъ золотыхъ приисковъ (отсюда преданіе о походѣ **Аргонатовъ** въ Колхиду за золотымъ руномъ). Она лежитъ на восточномъ берегу Чернаго моря въ **Закавказскомъ краѣ** (нынѣ **Мингрелія**, **Гурія** и **Имеретія**). Кромѣ **злата добраго** земля **Евилатская** обилвала драгоценными камнями, изъ которыхъ бытописатель называетъ **анораксъ** (**карбункулъ**) и камень **зеленый** (**бериллъ**). Рѣка — **Геонъ** это вѣроятно нынѣшней **Араксъ**, который беретъ начало близъ **Арарата** въ **Арменіи**, течетъ на востокъ и впадаетъ въ **Куру** и потомъ вмѣстѣ съ нею въ **Каспійское**

море (въ Закавказскомъ краѣ). Эта рѣка окружаетъ землю Еѳіопскую, точнѣе съ Еврейскаго — *Кушъ*. Еѳіопією назывались собственно страны, населенныя потомками Хуса, старшаго сына Хамова, прилегающія къ африканскому и отчасти къ азіатскому берегамъ Чермнаго моря и также простирающіяся на востокъ отъ Евфрата. Около Геона могла быть колонія Еѳіопіи — Моисей говоритъ, что всѣ четыре рѣки, у верховья которыхъ находился рай, произошли изъ одной рѣки. Нынѣ видимъ не то. Тигръ и Евфратъ, Ріонъ и Араксъ вытекаютъ изъ разныхъ отдѣльныхъ источниковъ, раздѣленныхъ горами, хотя не очень въ дальнемъ разстояніи. Съ изчезновеніемъ земнаго рая время значительно измѣнило мѣстность, гдѣ онъ былъ. Разные перевороты на земномъ шарѣ (землетрясенія, наводненія) раздѣлили сіи рѣки въ самихъ источникахъ.

15. И взя Господь Богъ челоѣка, егоже созда, и введе его въ рай сладости, дѣлати его и хранити.

Если челоѣкъ введенъ былъ въ рай, это значить, что онъ сотворенъ былъ внѣ рая. То же видно изъ приговора объ изгнаніи его изъ рая: *изгна его Господь изъ рая сладости дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть*. (Быт. 3, 23). Введеніе Адама въ рай могло быть дѣломъ одной милости Божіей и напоминало ему, что въ случаѣ непослушанія Богу онъ могъ лишиться ея. Рай сладости обѣщаль, повидимому, одни наслажденія, но Адамъ введенъ былъ въ него не для однихъ наслажденій, не для того чтобы быть только созерцателемъ красотъ райской природы, но вмѣстѣ для того, чтобы *дѣлати рай*, т.-е. воздѣлывать землю, и имѣть уходъ за произрастеніями ея, не допускать ихъ до поврежденія и до одичанія. Этотъ трудъ не мѣшаль, а споспѣшествовалъ блаженному состоянію жителя рая. Безъ труда, безъ

упражненія тѣлесныхъ силъ въ соотвѣтствующей имъ дѣятельности, онѣ только тяготили бы человѣка и могли бы породить въ немъ чувство скуки, свойственное людямъ празднымъ. Трудъ возвышалъ наслажденіе дарами райской природы по тому общему закону, что пріобрѣтенное трудомъ мы больше цѣнимъ и любимъ, чѣмъ доставшееся даромъ. Притомъ трудъ въ раю, на благословенной его почвѣ, усладителенъ былъ чело-вѣку и потому, что легко былъ вознаграждаемъ успѣхомъ. На изнурительный трудъ осужденъ былъ чело-вѣкъ уже по грѣхопаденію. Тѣлесный трудъ имѣлъ и духовное значеніе для чело-вѣка, ибо, поставляя его въ особенную близость къ предметамъ природы, давалъ ему случай изучать проявленныя въ нихъ совершенства Творца и увеличивалъ благоговѣніе предъ Нимъ и любовь къ Ему. Воздѣлавъ рай, Адамъ обязанъ былъ въ то же время *хранить его*, т.-е. оберегать его отъ порчи и опустошеній со стороны стихій и животныхъ, и преимущественно отъ вторженія искусителя, который имѣлъ обратиться въ рай самымъ лукавымъ способомъ, и потому потребна была особенная бдительность, чтобы не пасть въ его сѣть.

16. 17. И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ рай, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: въ оныже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете.

Для чего Господь подъ страхомъ смерти заповѣдуетъ Адаму не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра? Для того, чтобы дать Адаму возможность и случай чрезъ исполненіе сей заповѣди засвидѣтельствовать свое послушаніе волѣ Божіей, и чрезъ сіе послушаніе утвердиться въ добрѣ. Обязанность послушанія Богу, безъ сомнѣнія, ввучаема была Адаму внутреннимъ, нравственнымъ за-

кономъ, ибо самъ этотъ законъ есть воля Божія; человекъ, по самой природѣ своей, какъ созданный по образу Божію, расположенъ былъ къ сообразованію своей дѣятельности съ волею Божіею. Но въ природномъ расположеніи не заключалось принужденіе, такъ чтобы человекъ и не могъ иначе поступить. Творецъ съ самаго начала предоставилъ человека своему произволенію (Сир. 15, 14), — о семъ свидѣтельствуется и рассматриваемая нами заповѣдь: она была бы не нужна, еслибы человекъ не могъ сдѣлать что-нибудь противное волѣ Божіей. Какъ существо одаренное произволеніемъ или свободою, человекъ, хотя имѣлъ природное влеченіе къ исполненію воли Божіей, но могъ и не послѣдовать сему влеченію: воля его могла вступить на путь противленія Богу, принять злое направленіе. Она еще не была утверждена въ добромъ направленіи, въ направленіи сообразномъ съ волею Божіею; она еще далека была отъ того, чтобы для нея было нравственно невозможно уклоненіе ко злу. Утвержденіе въ добрѣ и неуклонной преданности Богу могло быть плодомъ навыка къ добру, а навыкъ не вдругъ могъ быть приобрѣтенъ: для его приобрѣтенія потребны были упражненія въ исполненіи воли Божіей, потребны были подвиги нравственного самоусовершенствованія. И вотъ Господь, чтобы не оставить первозданнаго безъ упражненія въ добрѣ, даетъ ему заповѣдь, исполненіе которой служило условіемъ дальнѣйшаго нравственного преуспѣянія; а для того, чтобы облегчить человеку, еще не крѣпкому въ силахъ, трудъ въ этомъ дѣлѣ, даетъ ему заповѣдь легкую: ибо тому, въ полную власть котораго отданы были всѣ древа райскія, безъ сомнѣнія нетрудно было не касаться только одного изъ нихъ. Съ другой стороны, исполненіе заповѣди, какъ ни легка она казалась, требовало отъ первозданныхъ нѣкотораго самоотверженія. Запрещеніемъ касаться плода отъ древа познанія добра и зла естественно въ душѣ Адама могъ

быть возбужденъ помысль о возможности поступить вопреки запрещенію. Въ помыслѣ этомъ, самомъ по себѣ, еще нѣтъ грѣха, — грѣховны тѣ помыслы, которые мы вызываемъ произвольно и которымъ соулаждаемся. Адамъ долженъ былъ бдительно смотрѣть за возникшимъ въ немъ помысломъ, не долженъ былъ останавливаться на немъ съ сочувствіемъ, съ услажденіемъ, и съ возникающимъ сочувствіемъ обязанъ былъ бороться, чтобы не быть побѣждену грѣхомъ. Для всего этого, очевидно, требовалось самообладаніе, нѣкоторый подвигъ самоотверженія, и какъ благотворны были бы послѣдствія этого самоотверженія! Успѣвъ въ семъ дѣлѣ на первый разъ, Адамъ облегчилъ бы себѣ дальнѣйшіе труды въ исполненіи воли Божіей съ покореніемъ ей личной своей воли. Отъ перваго удачнаго опыта зависѣло дальнѣйшее преуспѣяніе въ подвигахъ добра. Но скажутъ: зачѣмъ Богъ далъ заповѣдь, которая могла подать поводъ къ возбужденію въ Адамѣ, чрезъ помысль, неправильныхъ желаній? — Но заповѣдь ли въ этомъ виновна? «Въ худомъ употребленіи лекарства, говоритъ св. Златоустъ, виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобъ имъ воспламенять похоть, а для того, чтобъ угашать ее. Хотя вышло и противное, но виновенъ въ томъ не законъ. Несправедливо было бы винить того, кто больному горячкою, который радъ непрестанно пить холодное, не даетъ много пить и тѣмъ усиливаетъ въ немъ столь пагубное желаніе. Что изъ этого, что грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ закона? Худому человѣку и доброе приказаніе часто служитъ поводомъ сдѣлаться еще порочнѣе. Такъ, діаволь погубилъ Іуду и содѣлалъ татемъ принадлежащаго нищимъ. Но не ввѣренный ему денежный ящикъ былъ причиною его гибели, а худое расположеніе воли. Оно же изгнало изъ рая Адама и Еву, побудивъ ихъ вкусить отъ древа; и не древо было въ томъ виною, хотя имъ подавъ поводъ...

Посему и апостолъ сказалъ: *и обратися ми заповѣдь, яже въ животь, сія въ смерть*» (На посл. къ Римл. гл. 7). Заповѣдь, данная Адаму, имѣла цѣлю вывести его изъ опаснаго новѣдѣнія зла и предостеречь его отъ зла. Въ этомъ польза заповѣди, а не вредъ. Еслибъ Адамъ послѣдовалъ предостереженію, то естественное расположеніе его къ добру возвысилось бы на степень сознательнаго предпочтенія добра злу, и обратилось бы въ непобѣдимый навѣкъ къ сообразованію во всемъ своей воли съ волею Божіею.

Заповѣдь Господь оградилъ угрозою смерти съ тою цѣлю, чтобы въ минуты искушенія человѣка, если, колеблется въ немъ любовь и благодарность къ Творцу, по крайней мѣрѣ страхъ могъ удержать его отъ вкушенія плода отъ запрещеннаго древа. Древо познанія добра и зла, какъ и всѣ древа райскія, по природѣ своей было добрымъ въ снѣдь и отнюдь не смертоносно. Но какъ древо жизни не само по себѣ было животворно, а по благодати Божіей, такъ и древо познанія добра и зла могло сдѣлаться смертоноснымъ единственно по дѣйствию правосудія Божія. Гнѣвъ Божій на грѣшниковъ всегда можетъ превратить въ отраву и добрую по природѣ снѣдь.—Господь грозилъ Адаму поразить его смертію въ тотъ день, въ который нарушена будетъ заповѣдь. Нельзя думать, что Господь грозилъ немедленною смертію. Извѣстно, что прародитель нашъ прожилъ болѣе 900 лѣтъ послѣ нарушенія заповѣди. Слова: *въ оныже аще день съпъсте* — равносильны словамъ: *если вкусите*, или, *когда вкусите*. Въ подобномъ неопредѣленномъ смыслѣ слово *день* встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Писанія (наприм. Быт. 2, 4; 3, 5. Исх. 10, 28. 3 Цар. 2, 37. 42). Впрочемъ смерть тѣлесная, которою грозилъ Господь, есть только слѣдствіе смерти духовной. Первая состоитъ въ разлученіи души съ тѣломъ, послѣдняя состоитъ въ разъ-

единеніи ея съ Богомъ, въ лишеніи Его благодати, безъ которой душа хотя сохраняетъ бытіе, но не имѣеть способности правильно и согласно съ своимъ назначеніемъ дѣйствовать своими силами, въ конецъ разстроенными.

**18. И рече Господь Богъ: не добро быти чело-
вѣку единому: сотворимъ ему помощника по нему.**

Мужъ и жена сотворены, какъ мы видѣли (Быт. 1., 21), въ одинъ и тотъ же день, т. е. шестый. Но слово Божіе внушаетъ намъ видѣть преимущество мужескаго пола предъ женскимъ уже въ томъ, что мужъ созданъ прежде жены. Апостолъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Тимофею: «учить женѣ не позволяю, ни властвовать надъ мужемъ, но быть въ безмолвіи, ибо прежде созданъ Адамъ, а потомъ Ева» (Тим. 2, 12. 13). Впрочемъ, пока не сотворена была жена, Богъ видѣлъ, что «не хорошо быть чело-вѣку одному». Это не то значить, что для совершенства природы Адамовой не доставало жены,—жена, безъ сомнѣнія, ничего не могла прибавить къ тому совершенству, съ какимъ онъ сотворенъ, и есть даже обстоятельства, въ которыхъ хорошо чело-вѣку не прикасаться къ женѣ (1. Кор. 7, 1. Мат. 18, 12.). Господь призналъ неудобною жизнь Адама въ одиночествѣ, по предвѣднью, что самъ Адамъ при обозрѣніи животныхъ, какъ увидимъ послѣ, почувствуетъ это неудобство и потребность въ сожитіи съ существомъ подобнымъ ему. И такъ какъ удовлетвореніе сей потребности совпадало съ намѣреніемъ Божіимъ распространить родъ чело-вѣческой, то Господь вознамѣрился сотворить для Адама *помощника по нему*, т. е. подобное ему существо, которое должно вспомоцствовать ему въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, а также и во всѣхъ нуждахъ.

Далѣе Моисей описываетъ нареченіе Адамомъ именъ животныхъ, какъ случай къ созданію ему помощницы.

19. И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя, и вся птицы небесныя: и приведе я ко Адаму, видѣти, что наречеть я, и всяко еже еще нарече (наречеть) Адамъ душу живу, сіе имя ему.

И созда Богъ еще отъ земли. Извѣстно изъ 1-й главы Бытія, что звѣри и птицы созданы прежде чело-вѣка. Здѣсь же Моисей только мимоходомъ упоминаетъ о ихъ созданіи, имѣя главною цѣлю изобразить отно-шеніе къ нимъ Адама. Всѣ они, конечно, относились къ нему съ покорностію, какъ къ своему владыкѣ, и ни одно изъ животныхъ не возбуждало въ немъ страха; но онъ еще не довольно полно и отчетливо зналъ всѣ ро-ды и свойства ихъ, хотя сотворенъ былъ для владычест-ва надъ ними. И вотъ по мановенію Творца собирают-ся въ рай представители разныхъ, по крайней мѣрѣ ближайшихъ къ мѣстопребыванію Адама, породъ звѣ-рей и птицъ. Творцу угодно было видѣть, какъ Адамъ наречеть ихъ, т. е. Творецъ восхотѣлъ дать Адаму случай къ тому, чтобъ онъ чрезъ сличеніе собранныхъ предъ нимъ животныхъ могъ опредѣлить ихъ отличи-тельные свойства, и по этимъ свойствамъ дать имъ имена. Господь провидѣлъ, что имена, какія Адамъ дастъ животнымъ, будутъ точно выражать ихъ свойства, и потому предопрѣдѣлилъ утвердить сіи имена для посто-яннаго употребленія въ первоначальномъ языкѣ и для напоминанія потомкамъ Адама о великой его мудрости. Но главнымъ образомъ имена животныхъ, нареченныя Адамомъ были знаменіемъ его господства надъ ними. «И у людей, говоритъ Св. Златоустъ, есть обычай по-лагать знакъ своей власти въ томъ, что они, купивъ себѣ рабовъ, переимѣняютъ имъ имена; такъ и Богъ за-ставляетъ Адама, какъ владыку, дать имена всѣмъ без-словеснымъ» (на *Бытіе* бес. 14.). И на языкѣ Св. Пи-санія нарекать имя означаетъ объявлять себя властели-

номъ чего-либо (Иса. 40, 26. 4. Цар 23, 24; 24, 17.).— Нареченіе именъ предполагаетъ въ Адамѣ уже готовый даръ слова. Но съ кѣмъ же онъ могъ говорить, когда не было жены? Адамъ получилъ языкъ вмѣстѣ съ бытіемъ, какъ необходимую принадлежность разумной природы; и этотъ даръ могъ усовершенствовать бесѣдою Творца посредствомъ чувственныхъ звуковъ (Быт. 3, 8).

Свящ. В. Нецаевъ.

ДОБЛЕСТНАЯ ЖЕНА

ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ СОЛОМОНА. ПРИТ. 31, 10—32.

II. (*)

Первая обязанность, на которую Премудрый указывалъ женщинѣ, — это обязанность хозяйки. Онъ съ любовью, подробно описываетъ хозяйственную дѣятельность доблестной жены. Жена-хозяйка — это провидѣніе семьи, поддерживающее ее своею неусыпною дѣятельностью. «Свѣтильникъ ея не угасаетъ всю ночь, и она встаетъ еще до свѣта (*). Она раздаетъ пищу домашнимъ и работу слугамъ. Она слѣдитъ за всѣмъ, за полевыми работами, за торговыми оборотами, покупаетъ, продаетъ. Требуя усердной дѣятельности отъ домашнихъ, она и сама не терпитъ праздности. Она опытомъ узнала, какое счастье заключается въ дѣятельной жизни, и потому она всегда занята полезными трудами и разными рукодѣліями. Оттого она похожа на купеческій корабль, издалека собирающій богатства; и мужъ ея не безо-

(*) См. іюльскую книжку.

(а) Разумѣется, буквальное исполненіе этого правила возможно во весь круглый годъ только въ странахъ близкихъ къ экватору, гдѣ во весь годъ солнце восходитъ около 6-ти часовъ.

коится о домашнихъ, когда придется ему замедлить внѣ дома по дѣламъ общественнымъ: онъ знаетъ, что дома всѣ сыты, обуты и одѣты». Такова хозяйственная дѣятельность доблестной жены, по изображенію Соломона. Мы знаемъ, что многія и очень многія изъ нашихъ женщинъ, прочитавши это описаніе, сдѣлаютъ презрительную улыбку. Составивъ себѣ очень нелѣпое понятіе о достоинствѣ женщины, онѣ пренебрегаютъ хозяйствомъ. Оттого въ ихъ домашнихъ дѣлахъ царствуетъ полнѣйшій беспорядокъ, который нерѣдко имѣетъ самыя плачевныя послѣдствія. Въ надеждѣ уничтожить это нелѣпое предубѣжденіе противъ хозяйственной дѣятельности и возвратить многихъ изъ нашихъ женщинъ къ болѣе здоровымъ понятіямъ, мы просимъ ихъ войти вмѣстѣ съ нами въ нѣкоторыя подробности относительно этого предмета, по указанію Премудраго.

Доблестная жена возстаетъ изъ ночи, и свѣтильникъ ея не угасаетъ всю ночь.

Сонъ, говорятъ, есть подобіе смерти. Однако это подобіе внушаетъ совсѣмъ иныя чувства, чѣмъ его первообразъ. Рѣдкій челоуѣкъ желаетъ скорѣе умереть, каждому хочется пожить, какъ-бы ни долга и ни тяжка была жизнь инаго; напротивъ, сонъ всегда встрѣчаемъ былъ какъ желанный гость. И немудрено: жизнь челоуѣческая есть борьба, истощающая силы. Часто, по прошествіи дня, приходится челоуѣку съ горестью воскликнуть вмѣстѣ съ Іовомъ (3, 2): *почто данъ есть сущимъ въ горести свѣтъ и сущимъ въ болѣзняхъ душамъ животь?* И вотъ Провидѣніе каждый вечеръ погружаетъ насъ въ сонъ, какъ въ ванну, въ которой мы черпаемъ новыя силы. Послѣ сладкаго и глубокаго сна,

человѣкъ снова чувствуетъ въ себѣ силу и бодрость юности. Его тѣло полно жизни, душа-свѣжести, воздухъ кажется легче, и расширившаяся грудь свободно вдыхаетъ его. Сладкій сонъ помогаетъ успѣху врачебныхъ пособій, — безъ него все искусство врачей было бы совершенно бесполезно; онъ по крайней мѣрѣ на время возвращаетъ узнику свободу; во время сна мы не слышимъ болѣе криковъ и безпрестанныхъ требованій тюремщиковъ, называемыхъ чувствами, — мы живемъ тогда въ другомъ мірѣ. Правда, утро снова налагаетъ на насъ цѣпи; но послѣ добраго сна онѣ кажутся легче; много значить уже самый перерывъ, отнимающій у зла самый жестокий его характеръ, постоянство. Сонъ — богатство бѣдняка, также какъ и для богача, и для бѣдняка даже болѣе, чѣмъ для богача. Природа, всегда справедливая, за болѣе трудъ, за воздержаніе платитъ ему лучшимъ сномъ. Сонъ — это подарокъ всегда новый, никогда не возбуждающій пресыщенія, если только имъ пользуются умѣренно. Все, даже лучшія наслажденія, утомляютъ: обѣды, вечера, удовольствія, разговоры — все надоѣдаетъ при частомъ повтореніи; но мысль о постелѣ послѣ дневнаго труда мы каждый вечеръ встрѣчаемъ съ пріятностію. Святой Златоустъ для выраженія благотворнаго дѣйствія сна употребляетъ сравненіе, исполненное высокаго изящества. «Матери, говоритъ онъ, желая усыпить дѣтей, берутъ ихъ на руки и качаютъ, потомъ скрываютъ подъ занавѣсы и оставляютъ въ покоѣ. Точно также и Провидѣніе, какъ необъятную завѣсу, простираетъ надъ міромъ ночь и приглашаетъ людей къ покою послѣ трудовъ.» (О сокрушеніи сердечномъ. Кн. 2. т. 1. № 5).

Но если вы иногда не чувствуете расположенія ко сну,

то не всегда пугайтесь этого, — это можетъ-быть часть, въ которой Богъ хочетъ говорить вашей душѣ. Еще въ языческой древности было замѣчено, что гласъ мудрости слышнѣе среди безмолвія ночи. Во время дня душа занята внѣшними предметами, которые обольщаютъ ее подобно пѣнію баснословныхъ сиренъ: какъ среди этихъ обманчивыхъ звуковъ различить ей гласъ истинной мудрости? Но ночь успокоиваетъ чувства; ничѣмъ не смущаемая душа среди безмолвія и спокойствія ночи предается спокойному размышленію, и потому способнѣе къ здоровымъ сужденіямъ и правильнымъ выводамъ. Особенно способна душа внимать Богу въ безмолвіи ночи. Молитва есть такъ-сказать ночная лампа, которая должна быть постоянно около насъ, такъ чтобъ она говорила намъ о небѣ тотчасъ какъ мы пробудимся. Между ночью и молитвой есть таинственная связь. Молитва — это небесная роса, которая любитъ нисходить на душу въ тѣ же самые часы, въ которые и земная роса нисходитъ на растенія. Шумъ земной умолкъ, повсюду безмолвіе и спокойствіе, и душа легче видитъ Бога и можетъ бесѣдовать съ Нимъ въ этихъ таинственныхъ и задушевныхъ разговорахъ, напоминающихъ сладкія бесѣды двухъ друзей, удалившихся отъ толпы, чтобы поговорить на свободѣ. Все, что есть въ душѣ самаго нѣжнаго и глубокого, всегда любитъ таинственность, и въ то время, какъ все погружено въ глубокой сонъ, одна душа, бодрствующая во свѣтѣ Божиемъ, ведетъ съ Богомъ бесѣду полную невыразимой прелести, говорить съ Нимъ *лицемъ къ лицу, якоже аще бы кто возлагалъ къ своему другу* (Исх. 33, 10), открываетъ Ему свои завѣтныя тайны и внимаетъ Его святымъ

внушеніямъ. Оттого святые и избирали для молитвы преимущественно ночь, такъ что ночныя бесѣды съ Богомъ составляли лучшую и большую часть ихъ жизни. И Самъ Богъ преимущественно ночное время избиралъ для Своихъ откровеній. Оттого, какъ говоритъ книга Премудрости, *тихому молчанію содержащу вся и нощи во своемъ теченіи преполовляющейся, Всемоущее Слово Божіе съ небесъ отъ престоловъ царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныхъ земли сниде.* (Прем. 18, 14). Посему, когда печаль или болѣзнь возмущаютъ вашу душу и сонъ бѣжитъ отъ очей вашихъ, пользуйтесь этими минутами, чтобы вступитъ въ таинственную бесѣду съ Богомъ: неизрѣченная сладость, которую вкуситъ въ этой бесѣдѣ ваша душа, съ избыткомъ вознаградитъ васъ за безсонницу. Такія ночи стоятъ того, чтобъ иногда отнять даже у сна нѣскольکو минутъ, дабы насладиться таинственнымъ сіяніемъ благодатнаго наитія, подобно тому какъ мы нерѣдко отнимаемъ у сна даже цѣлыя часы, чтобы полюбоваться красотой лунной, звѣздной ночи.

Сонъ есть другъ и благодѣтель человѣка, но онъ можетъ превратиться во врага столь же вѣроломнаго, какъ вино, если мы будемъ предаваться сну безъ мѣры. Отъ злоупотребленія и излишества самыя лучшія вещи обращаются во вредъ. Само собою разумѣется, что закону умѣренности во снѣ не подлежатъ люди больные, страждущіе, или имѣющіе слишкомъ слабое сложеніе, если только болѣзнь и слабость не служатъ предлогомъ для прикрытія лѣности. Итакъ, все что мы скажемъ далѣе о вредѣ неумѣреннаго сна, относится къ людямъ здоровымъ и имѣющимъ обыкновенное сложеніе.

Медицина говоритъ, что для обыкновенныхъ тѣло-сложеній, послѣ того какъ организмъ вполне сформировался, достаточно 6—7 часовъ сна. Сонъ, слишкомъ превышающій эту мѣру, можетъ причинить огромный вредъ: онъ густитъ кровь, производитъ тяжесть въ организмъ; духъ въ свою очередь также становится тяжелъ, лѣнивъ, неспособенъ къ самоотверженію: слабый, изнѣженный, онъ подобно тѣлу теряетъ бодрость отъ праздности и двигается такъ же медленно, какъ разжирѣвшее тѣло. Вмѣстѣ съ членами тѣла цѣпенѣтъ мысль, тѣлесная и душевная дѣятельность притупляется и наконецъ дѣло доходитъ до того, что и послѣ пробуженія человѣкъ на половину еще спитъ. Оттого въ дѣлахъ нерѣдко происходятъ многія оупущенія, потому что у нихъ отнимается лучшая часть дня. Много ли успѣетъ сдѣлать человѣкъ, который половину жизни спитъ, а другую просыпается? Вотъ мнѣніе двухъ авторитетовъ, заслуживающее уваженія уже по одному тому, что это два авторитета совершенно различныя. «Чрезмѣрный сонъ не приноситъ пользы ни тѣлу, ни душѣ, говоритъ Платонъ (Закон. кн. 7.). Онъ не совмѣстенъ съ занятіями жизни. Во время сна человѣкъ бываетъ существомъ совершенно бесполезнымъ, ни болѣе ни менѣе, какъ еслибы онъ былъ совсѣмъ мертвый. Всякій, кто хочетъ имѣть здоровое тѣло и свободный духъ, остается въ бодрственномъ состояніи сколь можно долѣе, принимая сна столько, сколько нужно его для здоровья, а нужно его очень немного, если сумѣли пріучить себя къ умѣренности въ снѣ». «Если молодая дѣвица, говоритъ Фенелонъ, привыкаетъ спать цѣлою третью долѣе чѣмъ нужно для совершеннаго здоровья, то этотъ долгій сонъ

дѣлаетъ ее слабѣе, изнѣженнѣе, воспріимчивѣе къ болѣзнямъ; тогда какъ умѣренный сонъ, вмѣстѣ съ правильнымъ моціономъ, дѣлаетъ человѣка веселымъ, бодрымъ и сильнымъ, — что безъ сомнѣнія составляетъ истинное совершенство тѣла, не говоря уже о выгодахъ, которыя извлекаетъ изъ этого духъ». (О воспит. дѣвицъ. Гл. 2.)

Изъ всѣхъ сраженій, какія приходится выдерживать человѣку, самое страшное не всегда бываетъ тамъ, гдѣ проливается кровь: въ изголовьи нашей постели находится одинъ изъ нашихъ враговъ, и нерѣдко воинъ, безтрепетно стоявшій предъ пушками, терялъ всю свою храбрость на пуховикахъ. Поэтому принимайте противъ этого столь страшнаго врага мудрыя и энергическія мѣры, главное имѣйте на столько твердости характера, чтобы, пробудившись послѣ достаточнаго сна, не колебаться, а сбрасывать съ себя оковы сна вдругъ. При этомъ не забывайте двухъ слѣдующихъ предосторожностей:

Если вы съ вечера много поѣли, то пищевареніе сдѣлается трудно, и на утро, когда вы захотите встать, вы почувствуете, что ваше тѣло какъ будто приковано къ постелѣ; малѣйшее движеніе будетъ приводить васъ въ ужасъ,—и лѣность легко докажетъ вамъ, что вредно мучить свое тѣло. «Должно избѣгать пресыщенія, говорить Климентъ Александрійскій, изъ опасенія, чтобы тяжесть мяса не давила насъ во время сна, какъ тяжелая ноша, висящая на пловцѣ среди волнъ. Это воздержаніе доставитъ намъ легкое пробужденіе». (Педагог. кн. 2. Гл. 9).

Вторая предосторожность касается качества и формы постели. Не должно спать на слишкомъ мягкихъ по-

стеляхъ, должно избѣгать изобрѣтеній утонченнаго сластолюбія: всѣ эти изобрѣтенія не что иное, какъ цѣпи, удерживающія васъ въ постелѣ противъ вашей воли и имѣющія надъ вашими органами почти неодолимую власть; вы сами даете оружіе въ руки врага, — что же удивительнаго, если онъ постоянно и очень легко торжествуетъ надъ вами? Тѣло ко всему привыкаетъ, и привычка къ воздержанію дѣлается лучшимъ нашимъ врачомъ, самымъ искуснымъ и вмѣстѣ самымъ дешевымъ. Вредно для здоровья спать на пуховыхъ постеляхъ, говоритъ тотъ же Климентъ Александрійскій (тамъ же),— въ которыхъ влекомое своей тяжестью тѣло совершенно тонетъ и такъ сказать погребается. Жаръ, окружающій тѣло въ такихъ постеляхъ, останавливаетъ пищевареніе, повреждаетъ питательный матеріалъ. Гладкія и твердыя постели, составляющія, такъ сказать, натуральную гимнастику сна, облегчаютъ пищевареніе, дѣлаютъ его болѣе здоровымъ, и даютъ намъ силу, гибкость и подвижность, необходимыя намъ для утренней дѣятельности».

Къ этимъ гигиеническимъ предосторожностямъ мы прибавимъ еще два совѣта. Первый совѣтъ: если хотите имѣть крѣпкій, здоровый сонъ, избѣгайте праздности: тѣло и душа должны быть заняты сообразною съ ихъ природой дѣятельностью; этого закона нельзя нарушать безнаказанно. Трудитесь сообразно съ вашимъ призваніемъ, и за исключеніемъ случаевъ болѣзни, сонъ вашъ будетъ правиленъ, сладокъ, спокоенъ и глубокъ, потому что природа будетъ имѣть нужду въ возстановленіи утраченныхъ силъ. Таковъ законъ природы. *Сонъ сладокъ работающему*, говоритъ Екклесіастъ (5, 11);— *а насытившагося богатства не оставляетъ уснути.*

Такъ сонъ бѣжитъ отъ очей пресыщеннаго богача, который, не имѣя нужды работать, не знаетъ чѣмъ наполнить свою жизнь; сонъ бѣжитъ отъ празднолюбивой женщины, которой время проходить въ собираніи и повтореніи новостей, въ умѣньи говорить и дѣлать пустяки, въ постоянныхъ мечтахъ о туалетѣ и другихъ подобныхъ пошлыхъ вещахъ. Приходить вечеръ, и бѣдняжка чувствуетъ пресыщеніе, утомленіе, скуку, и съ этими чувствами ложится въ постель, и наконецъ засыпаетъ. Но этотъ сонъ не можетъ быть крѣпителемъ: онъ, такъ сказать, есть безсознательное продолженіе чувствъ душевнаго пресыщенія и скуки, и составляетъ часть наказанія за эту пустую и ничтожную жизнь, которую проводитъ жалкая женщина, не знающая никакихъ полезныхъ занятій.

Второй совѣтъ: имѣйте спокойную совѣсть,— и тогда, *аще поспиши, сладостно поспиши* (Прит. 3, 24). *Благочестіе на все полезно*, даже для сна. Когда страсти волнуютъ тѣло и душу, какъ буря-море, когда самолюбіе, тщеславіе, зависть, вражда, раздраженіе нарушаютъ равновѣсіе духа и тѣла, когда мелкія заботы, тревоги, неразлучныя съ душой слишкомъ пристрастной къ землѣ и равнодушной къ небу, возмущаютъ миръ душевный: тогда сладкій, крѣпительный сонъ невозможенъ; и ночью не спитъ сердце человѣка, у котораго «во всѣ дни скорби и досада, мученіе» (Еккл. 2, 25). *Испеченіе* человѣка, слишкомъ пристрастнаго къ земному, *отгонитъ сонъ* (Сир. 31, 1). Чтобы сонъ былъ еладокъ и крѣпителемъ, нужно, чтобы душа отрѣшалась отъ всѣхъ этихъ нечи-

стоть и извергала всё эти остатки ветхаго челоуѣка, оставаясь съ однимъ трезвымъ взглядомъ на вещи и чувствами чистыми. Тогда во всемъ существѣ челоуѣка водворяется прочный миръ, и сонъ безпрепятственно обнаруживаетъ свое благотворное дѣйствіе: органы легко успокоиваются, потому что ничто не нарушаетъ умиряющаго вліянія ночи, и сонъ сдѣлается *исцѣленіемъ твоего тѣла и уврачеваніемъ костей твоихъ*. (Прит. 3, 8).

Святые, которыхъ подвигамъ мы удивляемся, постигли не одну тайну жизни небесной; они знали также тайну долготія и здоровья жизни земной: эта тайна заключается въ чистой совѣсти, въ воздержаніи и трудолюбіи. При этихъ условіяхъ и на голой землѣ и на камнѣ они наслаждались такимъ сномъ, какого избѣженные люди не знаютъ на своихъ роскошныхъ постеляхъ.

Качество сна, кромѣ тѣхъ условій, о коихъ мы говорили выше, много зависитъ также отъ времени, какое избирается для сна. Самое лучшее для этого время— это отъ девяти часовъ вечера до шести утра; т. е. не то, чтобы нужно было спать все это время, а нужно выбирать время для сна именно между этими часами, если хотимъ, чтобы нашъ сонъ былъ самый сладкій, самый крѣпительный, самый благопріятный для здоровья. Чѣмъ раньше мы будемъ ложиться и чѣмъ раньше будемъ вставать, тѣмъ лучше. По общимъ наблюденіямъ фізіологовъ и врачей, тѣло лучше всего успокаивается и покой наиболѣе согласенъ съ законами природы именно въ этотъ періодъ времени. Кто спитъ въ это время, тотъ не ощущаетъ той тяжести, которая служитъ знакомъ неправильнаго состоянія организма. Тѣ, которые сдѣлали привычку слишкомъ поздно ложиться и слиш-

комъ поздно вставать, всегда ощущаютъ общую болѣзненную слабость; вся жизнь ихъ какъ будто вѣчное выздоровленіе; они никогда не наслаждаются драгоцѣннѣйшимъ даромъ природы, — ощущеніемъ полного здоровья и крѣпости силъ. Но посмотрите на сильныхъ поселянокъ: съ ранняго вечера онѣ ищутъ въ постелѣ отдыха своимъ утомленнымъ членамъ и утромъ встаютъ съ пѣніемъ пѣтуха. Зимой съ ранняго утра уже истоплена печь, стряпня покончена и завтракъ уже на столѣ, а на горизонтѣ еще не видно зари. Лѣтомъ также онѣ встаютъ еще до восхода солнца; ихъ грудь расширяется и укрѣпляется, вдыхая свѣжій и благоуханный воздухъ, который льется съ первымъ лучемъ солнца; она такъ сказать дышетъ жизнью и здоровьемъ. Еслибъ условія ихъ быта болѣе соотвѣтствовали этому естественному образу жизни, еслибы работа болѣе соотвѣтствовала ихъ силамъ, а довольство вознаграждало бы ихъ труды, тогда чаще бы мы встрѣчали между крестьянами бодрую старость и долголѣтіе. Но и теперь, часто при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ ихъ быта, они составляютъ самую здоровую часть народа. Что же касается до городскихъ женщинъ, особенно высшихъ классовъ, ихъ болѣзненность, худосочіе, нервность сдѣлались такими неизбежными недостатками весьма многихъ изъ нихъ, что обратились, такъ сказать, въ ихъ природу. Одна изъ главныхъ причинъ этого зла — беспорядочное употребленіе времени. Ночи нерѣдко поглощаются балами, значительная часть дня — сномъ; слѣдствіемъ такого искаженія естественнаго порядка бываетъ общее безсиліе организма, слабонервность, притупленіе органовъ, постоянная слабость силъ. Немногіе организмы въ состоя-

ніи противиться такому разрушительному образу жизни; рѣдкая изъ женщинъ ведущихъ такую жизнь въ состояніи сама кормить дѣтей. Еще нѣсколько поколѣній, и городское населеніе, если будетъ умножаться число такихъ хилыхъ существъ, можетъ выродиться совершенно, превратиться въ особую разновидность, въ слабосильное племя идіотовъ. Мы не сочиняемъ страховъ: исторія много представляетъ печальныхъ примѣровъ такихъ вырожденій не только отдѣльныхъ классовъ, но и цѣлыхъ племенъ; особенно часты бывають примѣры вырожденія аристократій, которыхъ образъ жизни большею частью уклоняется отъ законовъ природы. «Долгія ночныя бдѣнія, говоритъ одинъ ученый, неизбѣжно влекутъ за собой утомленіе, которое падаетъ на мозгъ и на процессы желудка и дыханія. Но утомленіе этого рода не только не благопріятствуетъ сну, но напротивъ дѣлаетъ его слабымъ и тяжелымъ. Отсюда большею частію та болѣзненность, которая такъ обыкновенна между городскими женщинами: вечера и балы очень рано разрушаютъ ихъ здоровье; безумная, гибельная разсѣянность свѣтской жизни кладетъ печальную роковую печать не рѣдко даже на молодыхъ женщинъ, а еще чаще на женщинъ среднихъ и старыхъ лѣтъ». (Чтенія о природѣ, новое изд. Desdovits, кн. 3, 188-е Наблюд. т. III, стр. 128)

Предвижу возраженіе: «такъ вы хотите осудить вечера?»—Прежде всего просимъ замѣтить, что если есть здѣсь осужденіе, то это осужденіе произносимъ не мы, а факты, природа, организація человѣческаго тѣла. Правда ли, что здоровье большинства свѣтскихъ женщинъ разстроено? Никто не посмѣетъ отрицать этого. Правда ли, что одна изъ главныхъ причинъ этого пе-

чальнаго явленія — неправильно установившіяся житейскія отношенія? Наука ежедневно подтверждаетъ эту истину. Вотъ это-то и осуждаетъ Церковь. Но то же осуждаетъ и природа, и разумъ; противъ этихъ обычаевъ вооружались умные люди всѣхъ временъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ языческой философіи, Сенека (Письмо 122), говоритъ объ обычаяхъ своего вѣка злоупотреблять временемъ: «Есть люди, извращающіе употребленіе дня и ночи. Нѣтъ ничего печальнѣе вида этихъ людей, которые такъ сказать приносятъ себя въ жертву ночи: блѣдные, усталые, они, такъ сказать, носятъ мертвую плоть на живомъ тѣлѣ. Но это еще не главное зло: самый умъ ихъ окруженъ тьмой, и оцѣпенѣлый живетъ въ облакахъ... Какъ не оплакивать этотъ противный природѣ обычай удаляться отъ дневнаго свѣта и проводить жизнь во мракѣ!» — Церковь конечно не можетъ не осуждать того, что осуждается природой и разумомъ. Но, вооружаясь противъ злоупотребленія временемъ, она весьма далека отъ того, чтобы преслѣдовать вообще вечера, которые оживляютъ духъ, освѣжаютъ тѣло, сближаютъ сердца и скрѣпляютъ узы родства и дружбы. Вообще она никогда не вооружалась противъ чистыхъ удовольствій, такъ же какъ и противъ искусствъ, которыя необходимы человѣку, какъ соль и масло въ пищѣ. Грѣхъ не въ искусствѣ и удовольствіяхъ, не въ музыкѣ, не въ изящной одеждѣ, а въ тщеславіи и развратѣ, коимъ они часто служатъ орудіемъ или пищею, и въ излишествѣ, въ пристрастіи, съ коимъ часто предаются имъ до забвенія высшихъ обязанностей и своего истиннаго достоинства. Если злоупотребленіе изъ всего, даже изъ религіи, можетъ сдѣлать орудіе грѣха, то съ другой

стороны, при правильномъ пользованіи, и удовольствіи и искусства могутъ служить къ нравственному улучшенію человѣка. Церковь не можетъ возставать и противъ вечернихъ собраній, если люди веселятся на нихъ не выходя изъ границъ благопристойности, — не можетъ, не противорѣча духу своего Главы, Который Своимъ присутствіемъ на бракъ въ Канѣ Галилейской и претвореніемъ воды въ вино благословилъ всѣ разумные обычаи общежитія. Она можетъ отвѣчать вмѣстѣ съ Златоустымъ всѣмъ тѣмъ, которые умышленно или неумышленно обвиняютъ ее въ излишней строгости и нетерпимости къ мірскимъ удовольствіямъ: «Пусть знаютъ язычники, что хрістіане умѣютъ веселиться, только съ благопристойностію» (На посл. къ Рим. бес. 24). Только подъ этимъ условіемъ можетъ она допустить вечернія собранія. Но развѣ такое требованіе можно принять за гоненіе на вечернія собранія и вообще на удовольствія? Развѣ вечернія собранія и другія удовольствія не могутъ быть устроены такъ, чтобъ они не оскорбляли добродѣтели, благопристойности, и не разрушали нравственности и здоровья? За исключеніемъ рѣдкихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, развѣ вечера не могутъ быть мевѣ продолжительны, и въ то же время столько же или даже еще болѣе пріятны, и во всякомъ случаѣ благотворны для духа и тѣла? При этомъ случаѣ нельзя не изумиться тому рабскому духу, тому недостатку уваженія къ себѣ, съ какимъ у насъ слѣдуютъ обычаямъ міра. Міръ требуетъ, чтобы люди убивали себя, и никто не жалуется, напротивъ всѣ довольны какъ нельзя болѣе. Но если Церковь потребуеть сѣтой доли тѣхъ жертвъ, которыя такъ охотно, съ такою преданностію, достойною луч-

шаго дѣла и лучшей награды, приносятся міру, какой вопль поднимается тогда противъ ея деспотизма! Когда, во дни своихъ великихъ торжествъ, она приглашаетъ отъдать для молитвы одинъ-два часа ночи — не больше — тѣхъ самыхъ, кои убиваютъ на карты или танцы по нѣскольку ночей сряду, — сколько жалобъ, сколько опасеній за свое здоровье! Да, весьма горько видѣть, какъ изъ угожденія міру люди презираютъ голосъ Церкви.

Правило ложиться вѣремя должно быть соблюдаемо между прочимъ для того, чтобы имѣть время для самоиспытанія. Обязанность самоиспытанія есть всегдашняя наша обязанность, всегда мы должны требовать отъ себя отчета въ своемъ поведеніи. Но время вечера, когда душа чувствуетъ себя спокойнѣе, особенно благопріятствуетъ самоиспытанію. Посему пусть каждый изъ насъ прежде чѣмъ отойти ко сну, постарается собраться въ себя, разобрать свой день — свои мысли, желанія, дѣйствія, и произнести надъ ними безпристрастный судъ, разсчитавъ, подобно хорошему негоціанту, свои убытки и барыши. Такое самоиспытаніе есть занятіе, вполне достойное ума здравомыслящаго, — разумъ и здравая философія одобряютъ его, такъ же какъ и всѣ вообще дѣйствія просвѣщеннаго благочестія. Вотъ что говоритъ одинъ древній философъ Пифагоръ (Золотые стихи. 40—44.): «Не позволяйте сну смыкать ваши глаза, прежде чѣмъ вы оцѣните каждое дѣйствіе вашего дня: въ чемъ я погрѣшилъ? что сдѣлалъ? какой долгъ забылъ исполнить? Начни съ перваго своего дѣйствія и пройди такимъ образомъ всю свою дневную дѣятельность; потомъ пожалѣй о дурныхъ своихъ поступкахъ

и порадуйся добрымъ». — «Что можетъ быть лучше, говорить другой философъ, Сенека (О гнѣвѣ кн. 3. гл. 36),—обыкновенія разбирать свое поведеніе въ истекшій день? Какой сонъ можетъ быть лучше того, который слѣдуетъ за подобнымъ испытаніемъ? Какъ онъ спокоенъ, глубокъ и свободенъ, когда душа получила свою долю похвалы и справедливаго порицанія, и когда, покорная своему собственному контролю, своему собственному суду, она тайно разбираетъ свое поведеніе! Что касается до меня, то я дѣлаюсь судьей самаго себя и каждый день отдаю себя на судъ своей совѣсти. Лишь только погаснетъ дневной свѣтъ, какъ я разбираю весь свой день, я снова взвѣшиваю свои поступки и слова; я не скрываю отъ себя ничего, не миную ничего». Подражайте этому мудрому примѣру; слѣдуя ему вы будете чувствовать себя весьма хорошо: сладостная ясность водворится въ вашей душѣ, и вы будете засыпать спокойнымъ и пріятнымъ сномъ. Посмотрите на сонъ дѣтей: какое спокойствіе! какое кроткое выраженіе! какая прелесть физиономіи! Какая поза живая и вмѣстѣ тихая! Таковъ будетъ и вашъ сонъ.

Но, само-собою разумѣется, что если нужно рано ложиться, то нужно рано и вставать утромъ. Мы не опредѣляемъ въ точности время: чувствуемъ, что требовать, чтобы вы вставали на примѣръ часа въ четыре утра, было бы дѣло слишкомъ безнадежное: вы назвали бы, пожалуй, такое требованіе нелѣпымъ, хотя отъ обыкновенія такъ рано вставать вы не были бы въ убыткѣ и ничего не потеряли бы въ своемъ достоинствѣ, за которое теперь можетъ-быть опасаетесь, считая такое обыкновеніе удѣломъ черни. Поэтому можемъ умѣрить наше тре-

бование: вставайте утромъ, часовъ въ пять, въ шесть напимѣрь; въ семь будетъ уже слишкомъ поздно, но пусть будетъ и такъ. Только разъ опредѣливши срокъ, держитесь его неуклонно, — только точность можетъ обезпечить успѣхъ. Эта несчастная постель утромъ словно магнитъ тянетъ васъ къ себѣ, вы чувствуете себя безсильными для борьбы съ пріятнымъ насиліемъ, которое приковываетъ васъ къ ней. Здѣсь вы лицомъ къ лицу съ самымъ вкрадчивымъ врагомъ, и этотъ врагъ подушка. Когда вы хотите ее оставить, она начинаетъ говорить съ вами языкомъ сирены и ласкаетъ васъ съ нѣжностью. «Къ чему, шепчетъ она, оставлять меня? развѣ здѣсь нехорошо? Какая пріятная температура! Какое сладостное состояніе! Неправда-ли, что слишкомъ еще рано? Не чувствуете ли вы, что ваши члены еще не вполне освободились отъ усталости. Пощупайте вашъ лобъ: не правда ли, что того и гляди сдѣлается головная боль? Еще какой-нибудь часокъ или полтора, и опасность пройдетъ. Завтра вы, пожалуй, можете встать раньше... А какое холодное утро! къ чему же оставлять теплую постель? День великъ, — все успѣете сдѣлать. Право, не будьте жестоки къ себѣ». Послѣ такихъ краснорѣчивыхъ убѣжденій, подушка простираетъ къ вамъ свои мягкія и теплыя объятія, и побѣда одержана. Правда, что она и не трудна: потому что въ этомъ случаѣ такъ пріятно быть побѣжденнымъ. И вотъ вы опять падаете въ подушку, и еще на нѣсколько часовъ предаетесь сладкой дремотѣ. И сколько ни уступайте врагу, онъ никогда не будетъ доволенъ: его оковы все будутъ также пріятны и также крѣпки. Одно средство восторжествовать надъ нимъ — это быстрый и рѣши-

тельный ударъ, нужно однимъ сильнымъ взмахомъ разбить оковы, т. е., говоря безъ притчи, надо просто выскочить изъ постели. Едва только вы успѣете это сдѣлать, какъ почувствуете бодрость и радость дѣйствительной жизни, вы ясно увидите, что всѣ доводы врага, казавшіеся вамъ такъ убѣдительными, чистый вздоръ, и вы удивитесь, какъ это они могли казаться вамъ такъ убѣдительными. Вы почувствуете въ себѣ такъ сказать весну: въ духѣ и тѣлѣ разливается бодрость, силы душевныя просятъ дѣятельности, всѣ мысли и чувства являются свѣжими какъ растенія орошенныя росой. И если эти прекрасныя минуты озарены солнцемъ молитвы, то всѣ сѣмена добра пробуждаются, развиваются и поднимаются, по мѣрѣ того, какъ усиливается молитвенный жаръ. Въ Свящ. Писаніи неоднократно упоминается утренняя молитва. *Заутра услыши гласъ мой, Господи, заутра предстану ти, и узриши мя* (Пс. 5, 4), восклицаетъ псалмопѣвецъ. *Утро молитва моя предваритъ тя* (Пс. 87, 14). Утро есть часъ, когда пріостановленная жизнь міра физическаго снова воспринимаетъ свое теченіе, когда все возраждается. Равно и часъ утренней молитвы есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и сладостнѣйшихъ часовъ жизни, когда душа, подобно только что пробудившемуся ребенку, ищетъ, свѣта, погружается въ лоно божественной любви и жадно глотаетъ небесное млеко. *Уста моя отверзоухъ и привлекоухъ духъ* (Пс. 118, 131). Душа освятившая себя молитвою въ ранніе часы утра, когда всѣ еще погружены въ сонъ, на цѣлый день запасаетъ для себя благословеніе Божіе, которое сообщаетъ большую твердость нашимъ мыслямъ и дѣйствіямъ и разливаетъ благоуханіе радости на всѣ наш идѣла. *Исполнихомся*

завтра милости Твоея Господи (Пс. 89, 14),
взываетъ псалмопѣвецъ. Отъ насъ зависитъ испытать на
себѣ истину его словъ. Когда Господь идетъ посѣтить
васъ утромъ съ благодатными своими дарами, спѣшите стрях-
нуть съ себя оковы сна: промедленіе послужитъ дока-
зательствомъ вашего равнодушія, и вы заставите Госпо-
да идти далѣе искать душъ, болѣе достойныхъ Его благо-
дѣяній. Кто не поспѣшилъ бы оставить постели, если
бы ему сказали: идите скорѣе, государь пришелъ къ
вамъ и ждетъ васъ? Но что составляетъ для многихъ не-
сбыточную мечту въ отношеніи къ царю земному, то
ежедневно мы можемъ принимать отъ царя Небеснаго.
И однако нельзя не признаться, что Господь большею
частію напрасно стучитъ ежедневно въ двери нашего сер-
дца; одебелѣвшія наши души, никогда не ощущавшія
этихъ божественныхъ посѣщеній, съ сомнѣніемъ смо-
трать на эти таинственныя божественныя посѣщенія; все,
что мы сказали о великомъ значеніи утренней молитвы,
многими будетъ принято за однѣ фразы. Противъ этой
болѣзни нѣтъ врачества, потому что таинственныя влі-
янія на насъ міра духовнаго для людей, неудостовѣрив-
шихся въ нихъ собственнымъ опытомъ, не имѣютъ для себя
осязательныхъ вещественныхъ доказательствъ, и усвоя-
ются одной вѣрой. Намъ остается, можетъ-быть, безъ
успѣха оставить область духовнаго міра и спуститься
въ область обыденной жизни и показать, какое значеніе
имѣетъ утро для этой жизни. Утро — самое благопріятное
время для дѣлъ, потому что душа, еще не утомленная
и не разстроенная вихремъ жизни, владѣетъ всею пол-
нотою свѣжихъ силъ и, окруженная спокойствіемъ уеди-
ненія, можетъ со всею силою неразвлеченнаго и не уто-

мленнаго вниманія сосредоточиться на данномъ предметѣ. Если вы будете вставать каждый день двумя часами ранѣе обыкновеннаго, то чрезъ сорокъ лѣтъ у васъ прибавится болѣе двадцати девяти тысячъ часовъ, т. е. болѣе 8 лѣтъ. На сорокъ лѣтъ восемь прибыли, и притомъ самаго лучшаго времени, — это громадное приобрѣтеніе. Сколько можно передѣлать дѣла въ теченіе такого періода времени! Столько-то времени мы отнимаемъ излишнимъ сномъ у себя, у жизни, у добра; и послѣ этого еще жалуемся на краткость человѣческой жизни. «Мы живемъ только половину своей жизни, говоритъ Плиніи старшій: (Кн. 7. гл. 51) другая половина проходитъ въ состояніи, подобномъ смерти, да и изъ первой-то нужно еще исключить дѣтство, которое еще не сознаетъ себя, и старость, которая живетъ для того, чтобы страдать.» Такимъ образомъ сонъ изъ краткаго періода настоящей годной для дѣятельности жизни, отнимаетъ у насъ значительную долю самаго лучшаго времени; ни одинъ воръ не можетъ причинить намъ такого страшнаго ущерба, какъ сонъ, отнимающій у насъ лучшее наше богатство. Объ этомъ стоитъ подумать. Конечно, мы не можемъ совершенно изгнать этого вора: но мы можемъ и должны давать ему какъ можно меньше. «Мы должны, скажемъ словами Климента Александрійскаго, (Педаг. Кн. 2. гл. 9) отнимать у сна какъ можно болѣе.» Если мы будемъ платить сну только самую малую дань, какую налагаетъ на насъ немощь нашей природы, то онъ вознаградитъ насъ за это, сберегая наши силы; но давая ему болѣе необходимаго, мы дѣлаемъ его дерзкимъ, ненасытнымъ врагомъ, тираномъ, который отнимаетъ у насъ все, который пожираетъ насъ.

Если жизнь не есть пустое, бессмысленное прозябаніе, если она дана не на то только, чтобы ѣсть, мы обязаны дорожить временемъ. Не всегда мы можемъ располагать своимъ днемъ; часто волей-неволей мы должны тратить свое время на неизбѣжныя мелочи. Если мы привыкли вставать поздно, то большая часть нашей жизни будетъ растрочена на эти мелочи. Эта печальная растрата особенно грозитъ женщинамъ, которой жизнь наполнена мириадами этихъ мелочей. Поэтому ей-то преимущественно и необходимо вставать раньше. Вставши рано утромъ, она на досугъ, когда еще не налетѣли эти мириады, можетъ посвятить лучшія, самыя свѣжія свои силы самымъ важнымъ и существеннымъ обязанностямъ своей жизни. — «Стыдно хозяйкѣ, — говоритъ Платонъ (Законы, кн. 7), когда не она первая, а служанки будятъ ее.» Это замѣчаніе древняго философа можетъ показаться слишкомъ строгимъ, однако согласитесь, что семейная жизнь не была бы въ убыткѣ, если бы хозяйки не считали его слишкомъ строгимъ. Женщина, какъ говоритъ Писаніе, есть солнце своего дома; а солнце именно будитъ всю природу. Оно является на горизонтѣ, и въ природѣ тотчасъ все пробуждается: и растенія, и животныя, и человѣкъ. Солнце не дожидается, когда разбудятъ его подданные, а само даетъ сигналъ. Такова должна быть и доблестная жена: «Что солнце всходящее на высотахъ Господнихъ, то красота жены въ маломъ мірѣ ея дома» (Сир. 26, 21).

(Продолженіе будетъ.)

Діаконъ Димитрій Державинъ.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО РАВНО-АПОСТОЛЬНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

*И овцы по немъ идутъ, яко въдятъ гласъ его.
По чуждемя же не идутъ, но бѣжатъ отъ него,
яко не знаютъ чуждаго гласа (Іоа. 10, 4. 5.).*

Это — слова притчи изъ евангельскаго чтенія въ настоящую литургію. Въ сей притчѣ Господь І. Христосъ называетъ Себя самаго пастыремъ овецъ, не такимъ, впрочемъ, какихъ здѣсь нанимаютъ для пасенія ихъ, а хозяиномъ овецъ, который самъ и пасетъ ихъ; послѣдователей же своихъ Онъ называетъ овцами этого хозяина-пастыря. Хозяинъ-пастырь, не наемникъ радѣеть о своихъ овцахъ; и Христосъ особенное имѣетъ попеченіе о своихъ послѣдователяхъ. Хозяинъ-пастырь, не наемникъ, старается доставлять своимъ овцамъ и лучшей кормъ, и лучшее питье, и охраненіе отъ волковъ, непримиримыхъ враговъ ихъ, и врачеваніе отъ болѣзней; и Христосъ даруетъ своимъ послѣдователямъ всѣ духовныя блага, врачуетъ ихъ отъ болѣзней какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ, и хотя-бъ они пошли посредствомъ сѣни смертныя (Ис. 22, 4.), спасаетъ ихъ отъ всего того, что могло бы погубить души ихъ. Хозя-

инъ-пастырь, не наемникъ, если имѣеть вѣрныхъ дѣтей, раздѣляетъ съ ними свой пастбищный трудъ, чтобъ отъ совокупнаго съ ними надзора за овцами пасеніе ихъ было благонадежнѣе; и Христосъ пастыреначальникъ нашель болѣе удобнымъ для блага своихъ овецъ раздѣлить свое пастырство между меньшими пастырями, и дать ихъ служенію такое же значеніе, какъ еслибъ Онъ Самъ лично, непосредственно обращался къ нимъ съ своимъ пастырскимъ гласомъ. *Слушай васъ*, сказалъ Онъ апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ пастырямъ Церкви, *Мене слушаетъ: и отменяйся васъ, Мене отменяется: отменяйся же Мене, отменяется пославшаго Мя* (Лук. 10, 16).

Возблагодаримъ, братія, Пастыреначальника Христа, чрезъ служебныхъ Ему пастырей огласившаго своимъ пастырскимъ гласомъ наше отечество и призвавшаго насъ въ свое стадо, въ святую православную церковь. Почти тысячу лѣтъ послѣ рождества Христова всѣ наши предки, за исключеніемъ немногихъ блуждали на землѣ безъ истиннаго пастыря, въ невѣдѣніи истиннаго Бога, во тмѣ идолопоклонства, доколѣ искра благодати Божіей не пала въ сердце Владиміра, великаго Князя Русской земли. Владиміръ позналъ тщету и нечестіе идолопоклонства, самъ принялъ святое крещеніе, просвѣтилъ имъ сначала своихъ дѣтей, а потомъ и прочихъ Русскихъ людей. Притомъ принесъ онъ христіанство въ пространную Русскую землю не съ Запада, не изъ Рима, гдѣ пастыри ужъ и тогда были заражены духомъ суемудрія и властолюбія, а съ Востока, изъ православной Греціи, гдѣ пастыри воздавали и Божія Богови и кесарева кесареви (Мат. 22, 21.). И подивитесь, православные, неисповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія!... Вотъ обѣтованіе какъ всякой благочестивой душѣ христіанской, такъ и истинной церкви Божіей, выраженное на языкѣ пророческомъ: *и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водахъ, еже плодъ свой дастъ во время*

свое, и листъ его не отпадетъ. (Пс. 1, 3.). То-есть, Господу угодно, чтобы церковь Его и плоды духовные приносила, да чтобы не была лишена и листвіевъ наружнаго благолѣпія. А въ какомъ положеніи была православная Греческая церковь тогда, когда Русскіе приняли православіе? Конечно, свято сохраняла православное благочестіе, но въ Азіи и въ Африкѣ православіе тогда ужь было угнетено нечестивыми послѣдователями лжепророка Магомета; въ Европѣ же имперія Греческая, главная хранительница православія, въ то время ужь доживала послѣдніе свои вѣка, приближалась къ дряхлости, къ разрушенію, а чрезъ то самое и въ ней православіе было угрожаемо то насиліемъ со стороны кичливаго Рима, то даже самымъ уничтоженіемъ имени христіанскаго со стороны тѣхъ же послѣдователей лжепророка. Въ какомъ и теперь православное христіанство презрѣніи, уничиженіи во всѣхъ земляхъ неподвластныхъ Россіи, несмотря на то, что сильная православная Россія, еще и доселѣ не перестаетъ поддерживать тамъ православныхъ своихъ единовѣрцевъ столько, сколько дозволяютъ ей то державы христіанскія инославныя? Чтожъ наконецъ было бы съ православіемъ, еслибы Владиміръ не привелъ Русскихъ въ православную вѣру?... Русь святая! Ты стала подобною спасительному всемірному ковчегу Ноеву. Какъ, по выходѣ изъ ковчега Ноя съ дѣтьми, сталъ распространяться вновь родъ человѣчскій по лицу всей земли; такъ, по принятіи Владиміромъ и его сыновьями православнаго христіанства, стало распространяться наконецъ православное христіанство и въ тебѣ, святая Русь, и отъ юга къ сѣверу — отъ моря до моря, и отъ запада къ востоку — отъ моря до моря, на пространствѣ почти шестой части суши всего земнаго шара, въ замѣнъ утратъ, понесенныхъ православною церковію отъ измѣнившаго ей Рима и отъ нахлынувшаго на вселенную изувѣрнаго магометанства! — Радуйтесь Русскіе не только о томъ, что Влади-

міръ самъ принялъ и между подданными распространилъ вѣру христіанскую, и притомъ православную, но еще и о томъ, что святой Руси назначено быть, *яко древу насажденному при исходящихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ!*

Въ притчѣ сказано: *и овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его. По чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа.* По силѣ сихъ словъ, истинными овцами стада Христова могутъ быть только тѣ, которые являются послушными гласу Христову не только тогда, когда впервые услышатъ гласъ сей, призывающій ихъ ко спасенію въ Его святой церкви, но и по вступленіи въ нее, которые, бывъ однажды призваны въ ограду овецъ Христовыхъ, во всѣ остальные дни жизни сохраняютъ неизмѣнную вѣрность Христу и Его святой церкви, и невнимаютъ льстивому гласу лживыхъ пастырей. И въ семъ отношеніи къ немалой радости располагаетъ насъ воспоминаніе о протекшихъ временахъ уже свѣтомъ Христовымъ просвѣщенной Россіи. Предки наши пребывали въ неизмѣнномъ послушаніи Христу и Его православной церкви, какъ вскорѣ по своемъ просвѣщеніи вѣрою во Христа, такъ послѣ, во времена долго тяготѣвшаго надъ ними ига нечестивыхъ Монголовъ. А какъ побѣдоносно доблестные наши предки отстояли свою вѣрность православію противъ римскаго властолюбія, которое для вѣры и духа благочестія ихъ было несравненно злѣе самого ига Монгольскаго! Сколько ни ухитрялся властолюбивый Римъ посѣять и распространить свое суетное въ Россіи, Русскіе не поддались его ухищреніямъ ни во дни могущества и славы Россіи, ни въ самыя тяжкія времена ея, когда она была возмущаема волнами самыхъ бурныхъ бѣдъ междоусобія, и нѣсколько времени оставалась даже безъ кормила царскаго. Такъ тверды были въ православіи Русскіе, и конечно потому, что пастыри ихъ въ безусловной своей покорности Бо-

жественному Пастыреначальнику были готовы даже полагать души свои за православіе! Сдались было на подчиненіе Риму нѣкоторые изъ пограничныхъ съ Западомъ Русскихъ послѣ хитростей, угрозъ, притѣсненій, насилій, всевозможныхъ униженій и поруганій, и различныхъ мученій со стороны Запада, когда во время неустройствъ, постигшихъ было Россію, они были подчинены чуждому владычеству; но, по присоединеніи своемъ опять къ Россіи въ гражданскомъ отношеніи, наконецъ въ царствованіе Николая Перваго, они свергли съ себя и чуждое имъ иго римское, и присоединились паки къ православію, за исключеніемъ немногихъ. Впрочемъ, духъ властолюбія римскаго ужь такъ безстыдно проявляется, что, если кто изъ православныхъ, собственно Русскихъ, въ настоящее время и слушаетъ иногда чуждаго голоса римскаго, такъ развѣ тотъ, кто принадлежитъ къ Русскимъ только по плотскому своему рожденію, между тѣмъ не наставленъ или и наставленъ, но недостаточно, въ православномъ ученіи, и, еще надо сказать, либо почти, либо даже вовсе не разумѣетъ языка ни того, на какомъ отправляется въ православной Россійской церкви богослуженіе, ни того самаго, какимъ и о дѣлахъ житейскихъ говорятъ собственно Русскіе; отъ того что воспитанъ наемниками не православными, и считаетъ за особенную нѣкоторую себѣ честь говорить на какомъ-либо другомъ европейскомъ языкѣ, только не на русскомъ. Бываютъ же такія уродливыя явленія!....

При всемъ томъ, нельзя и не поскорбѣть истинному сыну православной церкви, когда видитъ, что чадамъ православія грозитъ опасность съ другой стороны. Врагъ рода человѣческаго хитръ. Тамъ и оттуда не удается ему посѣять зло, онъ въ другомъ мѣстѣ бросаетъ сѣмена его и съ другой стороны.

Доколѣ Россія не была въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ другими неправославными народами, до того

времени православные сыны ея, дорожа спасеніемъ своихъ душъ, съ негодованіемъ и боязнію взирали не только на вѣроисповѣданія неправославныхъ, но и на нѣкоторые обычаи ихъ, не относящіеся къ вѣрѣ. Когда же для Россіи открылась нужда быть въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ другими землями неправославными, и еще заимствовать у нихъ многія полезныя для насъ и въ гражданскомъ и собственно житейскомъ отношеніи знанія и искусства, успѣхами въ которыхъ западные народы давно опередили насъ, по благопріятнымъ для ихъ мірскаго образованія обстоятельствамъ; тогда съ полезнымъ для земной жизни проникло къ намъ многое вредное для вѣры и церковной жизни. Началось, можно сказать, съ невинныхъ обычаевъ,— съ перемены одежды русской на не русскую, и ношенія волосъ на головѣ и лицѣ не порусски. Съ этою перемѣной въ образъ жизни Русскихъ стали вкрадываться уже и другія нѣкоторыя, и неблагословляемая церковью, вольности, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ склоняете къ переимчивости природа русскаго человѣка. Далѣе, изученіе языковъ, которыми говорятъ неправославные, весьма полезное для насъ и въ гражданскомъ и собственно въ житейскомъ отношеніи, на нѣкоторыхъ Русскихъ, не совсѣмъ внимательныхъ къ своему вѣчному спасенію, подѣйствовало также въ ущербъ православію ихъ; во многихъ изъ нихъ поколебалось благоговѣніе къ вѣрѣ отцевъ своихъ вслѣдствіе чтенія неправославныхъ иностранныхъ книгъ и вслѣдствіе бесѣдъ съ иновѣрцами, не скрывавшими своего неуваженія къ благочестивымъ обычаямъ русскихъ. Дошло до того, что иные Русскіе стали открыто нарушать нѣкоторыя установленія православной церкви, хотя въ то же время не переставали называться и православными,— и все изъ легкомысленнаго подражанія неправославнымъ иноземцамъ! Къ величайшему сожалѣнію, пренебреженіе къ установленіямъ православной церкви вошло въ обычай подъ тѣмъ предлогомъ, будто соблюденіе ихъ несов-

мѣстно съ достоинствомъ образованнаго и порядочнаго человѣка. Такой ложный взглядъ на образованность сначала господствовалъ въ высшемъ сословіи, но потомъ проникъ въ средній кругъ, принадлежащіе къ которому стали подражать лицамъ высшаго круга тоже въ ущербъ своему православію, изъ тщеславнаго желанія, при всемъ своемъ невѣжествѣ, не показаться людьми отсталыми. Легкомысленные не хотятъ понять, что учрежденія православной церкви, которыхъ они не жалуютъ, идутъ наперекоръ отнюдь не образованію истинному, а чувственности и самолюбію. И нѣтъ сомнѣнія, что въ пристрастіи къ чувственности, въ плотоугодіи и самолюбіи заключается главная причина неуважительнаго отношенія нѣкоторыхъ чадъ православной церкви къ ея требованіямъ, главная причина увлеченія ихъ къ обычаямъ неправославнымъ. Такъ, напримѣръ, въ православной церкви уставлены посты; для плотоугодниковъ они кажутся тяжкими. А у нѣкоторыхъ неправославныхъ вообще нѣтъ никакихъ постановленій о постахъ. Въ православной церкви общественное богослуженіе учреждено для разныхъ временъ каждаго дня и каждой ночи продолжительное, и каждому вмѣняется въ обязанность въ продолженіе богослуженія стоять со страхомъ и трепетомъ, какъ бы въ самомъ присутствіи Божіемъ, и совершать многократныя поклоненія иногда до земли; на всѣ эти требованія, хотя они и могутъ служить намъ къ возбужденію и утвержденію въ насъ духа истиннаго благочестія, не съ сочувствіемъ взираетъ плотоугодникъ, преданный мірскимъ суетамъ. А у большей части неправославныхъ богослуженіе совершается не каждый день, и въ день не нѣсколько разъ, а однажды, и непродолжительно, и какъ стоянія, такъ и многократныя до земли поклоненія отвергнуты. — По установленію православной церкви, когда мы приносимъ исповѣданіе въ своихъ грѣхахъ, сами, гордость всяку отложше (Евр. 12, 1.), должны изустно исповѣдать всѣ

свои грѣхи предъ Богомъ вслухъ, въ присутствіи духовнаго отца; это приноситъ оскорбленіе самолюбію иныхъ, не смотря на то, что духовникъ обязанъ молчать о грѣхахъ, исповѣданныхъ въ присутствіи его другими, какъ будто бы былъ совѣмъ безъ языка. А у нѣкоторыхъ неправославныхъ такой исповѣди вовсе не требуется. Не легко-ль, судите вы сами безпристрастно, не легко-ль отъ частаго сообщенія съ людьми, исповѣдающими неправославную вѣру, прельститься ихъ толками иному и православному, особенно если онъ мало наставленъ въ истинахъ благочестія христіанскаго, и самъ, подобно неправославнымъ, расположенъ умствовать болѣе надлежащаго тамъ, гдѣ нужна только сердечная покорность вѣры, и, притомъ, если всѣ мы болѣе или менѣе склонны по природѣ къ плотоугодію, къ суетности, къ самолюбію?... Отъ того-то, видите, какъ неохотно бываютъ соблюдаемы святыя посты, и даже вовсе никакъ не бываютъ соблюдаемы иными и православными, образованными по мірскому, или только воображающими, что они образованы, — какое охлажденіе къ церковному богослуженію не только въ будни, когда въ иныхъ святыхъ храмахъ во время богослуженія бываютъ иногда только одни священно-служители съ церковнослужителями, но даже и въ самые праздники, и малые и большіе, — какая вообще невнимательность къ собственнымъ поступкамъ, сообразны ли они съ закономъ Божиимъ, невнимательность къ нимъ даже и во время самой исповѣди, — какъ разрушаются всякія преграды ко грѣху, какому бы то ни было, лишь бы только явно не преслѣдовалъ его законъ гражданскіе. Почти ужъ нѣтъ ни почтенія къ цѣломудрію другихъ, ни благоговѣнія къ божественному, ни заботы о вѣчномъ спасеніи какъ другихъ, такъ и самихъ себя. Есть заботы, но только о земномъ, о тлѣнномъ, о временномъ, о томъ, отъ чего со временемъ наконецъ, когда земля и яже на ней дѣла сгорятъ (2 Пет. 3, 10.), не останется даже ни грязи, ни пыли...

Братіе православные! — Святыи равно-апостолъ Великій князь Владиміръ въ то самое время, какъ въ Кіевѣ въ его присутствіи и по его повелѣнію было совершено въ рѣкѣ крещеніе народа Русскаго-Кіевскаго, возрадовался духомъ, возвелъ очи свои, воздѣлъ руки свои на небо, и молилъ Бога, чтобъ утвердилъ русскій народъ въ православной вѣрѣ. А возрадовался ли бы онъ духомъ теперь, еслибъ явился сюда, и увидѣлъ, какъ начинаетъ слабѣть то, что много вѣковъ по его молитвѣ благодатію Божіею такъ крѣпло и утверждалось?... Православные! устыдитесь хоть просвѣтителя русской земли и благодѣтеля!....

Не подумайте, что это говорится въ угожденіе собственно какимъ-либо почитателямъ старины. Нѣтъ! Не всѣ почитатели старины имѣютъ ревность по разуму (Рим. 10, 2.). Не по разуму ревнуетъ о старинѣ, кто боится оскорбить Бога, напримѣръ, измѣненіемъ какого-либо покроя своей одежды, ношеніемъ волосъ на головѣ инаковымъ, нежели какъ онъ носить ихъ, образомъ, брадобритіемъ, стриженіемъ усовъ, — потому что не разсуждаетъ, что Господь не взираетъ на нашу наружность, какова бы она ни была, лишь бы внутри насъ были чисты умъ и сердце, — не разсуждаетъ, что Господь во время земной своей жизни въ царство Свое принималъ какъ изъ Іудеевъ и мытарей, и фарисеевъ, и рыболововъ, и князей, такъ и изъ язычниковъ всѣхъ, въ какихъ кто одеждахъ ни приходилъ къ Нему, и какъ бы кто ни обращался съ своими волосами, и даже обѣщалъ принять прямо съ креста въ самый рай, и принялъ не имѣвшаго на себѣ никакой одежды разбойника, — и апостоламъ, равно какъ и преемникамъ ихъ, заповѣдалъ принимать въ церковь вся языки (Мат. 28, 19), безъ всякаго постановленія касательно ихъ одѣянія и ношенія волосъ. Не по разуму ревнуетъ о старинѣ, кто молится исключительно только предъ старыми иконами, или написанными со старыхъ иконъ, потому что не разсуждаетъ, что мо-

литвы наши должны относиться не къ письму на иконѣ, а къ тому, кто изображенъ письмомъ, лишь бы изображенъ былъ сходно съ своею природой. Не по разуму ревнуетъ о старинѣ, кто думаетъ, что вѣчное спасеніе можно получить только по старымъ книгамъ, потому что не разсуждаетъ, что книги, почитаемыя имъ за старыя, ничуть не старѣе тѣхъ, которыя онъ считаетъ новыми, а скорѣе, надо сказать, онѣ даже новѣе отвергаемыхъ имъ, ибо не сходны съ тѣми древними, съ которыми сходны почитаемыя имъ за новыя. Но въ краткомъ словѣ не пересчитать всего стараго, о чемъ иные ревнуютъ не по разуму. Нѣтъ, не для угожденія такого рода почитателямъ старины настоящая рѣчь. Да и не къ тому она клонится, чтобъ ужъ вовсе зарпецалось намъ имѣть какія-либо связи съ неправославными. Мы должны избѣгать общенія съ ними въ вѣрѣ и богослуженіи, но не въ житейскихъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи всѣ разумные обитатели земли одинъ въ другомъ болѣе или менѣе имѣютъ различныя нужды, какъ въ частности поодиначкѣ, такъ и вообще одинъ народъ въ другомъ; и православные ни мало не грѣшатъ, если вступаютъ въ такого рода сношенія съ неправославными, иначе, по слову св. апостола, «надлежало бы намъ выйдти изъ міра сего» (1 Кор. 5, 10). Только православнымъ должно имѣть какъ благоразумную разборчивость въ заимствованіи для себя у другихъ народовъ истинно полезнаго для настоящей нашей жизни, такъ и тщательную осторожность, чтобы не заразиться образомъ жизни и духомъ ученія ихъ, противными духу православія.

Не говорите: какъ не замочиться близъ воды, и не ожечься близъ огня? А иначе и васъ спусосятъ: почему же неправославные, хотя также бываютъ въ разныхъ и гражданскихъ и обыкновенныхъ житейскихъ сношеніяхъ съ православными, однако такъ рѣдко покоряются духу православія, тогда какъ и глубокая древность православнаго ученія, отъ самыхъ апостольскихъ временъ

въ непрерывности и въ неизмѣняемости дошедшаго до настоящихъ временъ, и назидательное благолѣпіе обрядовъ его, — все должно бы дѣйствовать на неправославныхъ и способствовать присоединенію ихъ къ православію? Почему? Не потому ли, что какъ древле имя Божіе хулилось во языцѣхъ (Рим. 2, 24.) ради Іудеевъ, хвалившихся богоданнымъ закономъ, но не соблюдавшихъ его, такъ и православіе хулится у неправославныхъ, вступающихъ съ нами въ разныя сношенія, жизнь православныхъ не только несообразною съ православіемъ, но иногда вовсе похожею на жизнь даже не-христіанъ. Вотъ гдѣ вина, что неправославные такъ рѣдко покаются духу православія, — въ насъ самихъ, въ нашемъ нерадѣніи о собственномъ спасеніи и въ нашей жизни, иногда даже вовсе неприличной христіанамъ. Если же вы, православные, бываете ли, или не бываете въ гражданскихъ и житейскихъ сношеніяхъ съ неправославными, будете содѣвать со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе (Фил. 2, 12.), если не будете забывать еще, что всѣ установленія православной церкви имѣютъ цѣлю содѣйствовать облегченію нашего пути къ царству небесному, и потому свято будете сохранять ихъ: то и неправославные возчувствуютъ уваженіе къ православію ради вашей благоговѣйной жизни, — и тогда не только не пристанетъ къ вамъ зараза ихъ, но еще просвѣтится свѣтъ вашъ предъ ними, такъ что тѣ изъ нихъ, которые тщательно ищутъ спасенія вѣчнаго, видя добрыя ваши дѣла, и сами захотятъ въ общеніи съ нами прославить Отца нашего небеснаго, станутъ присоединяться къ православію.

Во время строенія въ Іерусалимѣ, по повелѣнію самаго Бога, храма Ему, въ царствованіе Соломона, Евреи вступали въ различныя сношенія съ идолопоклонниками, чтобы получить отъ нихъ вещество потребное для сооруженія храма; даже самые, въ числѣ трехъ тысячъ шести сотъ человѣкъ, надзиратели надъ работавшими

храмъ Евреями были изъ иноплеменниковъ-идолопоклонниковъ; а главнымъ художникомъ храма былъ нѣкто Хирамъ, хотя и Еврей по родителямъ своимъ, однако по мѣсту рожденія изъ земли идолопоклоннической. Между тѣмъ Евреи не заразились же тогда идолопоклонствомъ, и когда окончено было сооруженіе храма, какъ въ немъ, такъ и внѣ его, въ то время попрежнему поклонялись Богу истинному.

Займуйте и вы, православные, отъ неправославныхъ, но только то, въ чемъ имѣете нужду по дѣламъ собственно житейскимъ. Старайтесь дѣлать то же что и они дѣлаютъ, чтобы не сдѣлаться намъ народомъ отсталымъ, и потомъ слабымъ; даже, если въ чемъ можете, старайтесь и сами быть образцами для нихъ. Одѣвайтесь какъ вамъ угодно, лишь бы это было не изъ тщеславія вашего и не повело васъ къ нарушенію цѣломудрія какъ вашего, такъ и другихъ. Говорите какимъ хотите языкомъ, лишь бы это было также опять не изъ тщеславія вашего, и не повело васъ къ забвенію отечественнаго языка. Отправляйтесь въ какія бы то ни было земли, и къ какимъ бы то ни было народамъ, если только влечетъ васъ туда не праздное любопытство и не алчное желаніе удовольствій мірскихъ, а истинная нужда или польза собственно ваша, тѣмъ паче уже общественная. Сказать вкратцѣ: здѣсь ли вы живете постоянно, или въ странахъ неправославныхъ когда-либо придется вамъ быть, благоустройите храмъ души своей, который есть тѣло наше, изъ какихъ бы рукъ ни были получаемы и подъ чьимъ бы надзоромъ ни были приготавлиемы вещества для поддержанія его существованія, для возможнаго сбереженія его въ неповрежденномъ состояніи отъ переменъ воздушныхъ и отъ прочаго многого, и для перенесенія его съ одного мѣста на другое, лишь бы все было не подъ владычествомъ похотей мірскихъ. При всемъ томъ, блюдите, чтобы внутри храма тѣла вашего непремѣнно сохранялось православіе, чтобы душа-то,

пребывающая внутри этого храма, никогда не переставала вѣровать въ истиннаго Бога, и православно исповѣдывать Его, и соблюдать то, что мудрою благопочетельностію святой православной церкви установлено для нашего блага. Мы—чада православной церкви. Какъ чады своихъ она возродила насъ, освятила и освящаетъ, врачуетъ, питаетъ; однимъ словомъ, любвеобильная мудрость ея ведетъ насъ отъ самаго нашего младенчества и до гроба къ царству небесному; не перестаетъ она и не перестанетъ до времени всеобщаго воскресенія ходатайствовать предъ Богомъ объ упокоеніи вѣрныхъ своихъ чадъ и по кончинѣ настоящей ихъ жизни. Какъ же намъ преступать установленія святой православной церкви, и преступать, конечно, не для блага душъ нашихъ, а въ угожденіе *плотскимъ похотямъ, яже воюютъ на душу* (1. Пет. 2, 11.)?! .. *Тѣмже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистеся* (2 Сол. 2, 15.): крѣпко держитесь православія, заимствуя у другихъ народовъ только истинно нужное и полезное для настоящей нашей жизни.

Священникъ Александръ Гиляровъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА 33^И ПСАЛОМЪ.

Псалмопѣвецъ Давидъ, гонимый Сауломъ, искалъ спасенія у царя Геѡскаго; но когда и этотъ царь, по внушенію царедворцевъ, хотѣлъ погубить его, Давидъ притворнымъ безуміемъ спасся отъ угрожавшей опасности. Въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ къ Богу за спасеніе, онъ составилъ и воспѣлъ псаломъ, которымъ святая церковь въ заключеніе всякой литургіи и также въ заключеніе вечерни великопостной и за всенощнымъ бдѣніемъ оглашаетъ христіанъ, какъ такимъ чтеніемъ, которое приглашаетъ ихъ хвалить и благословлять Господа не только во время церковнаго богослуженія въ храмѣ, но и во всякое время, и внѣ храма.

Благословлю Господа на всякое время. Гдѣ бы и въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился, въ счастіи и несчастіи, всегда долженъ благодарить Бога, какъ учитъ и апостоль: *о всемъ благодарите.* Ибо Господь въ самыхъ бѣдахъ и скорбяхъ являетъ намъ Свою отеческую любовь, *наказуетъ сына, егоже пріемлетъ*; направляетъ наказанія къ нашему благу и очищаетъ ими сердце наше, утверждаетъ въ вѣрѣ, терпѣвіи и смиреніи, уготовляетъ за то свѣтлые вѣнцы въ вѣчности, а часто еще здѣсь сугубо, какъ Іова, вознаграждаетъ за претерпѣнныя бѣды и напасти.

Выну хвала Его во устѣхъ моихъ. Какъ мнѣ непреставно, денно и нощно, не хвалить Того, Кто хранитъ меня какъ зеницу ока во всякую минуту жизни моей? Да не умолкають уста мои въ хваленіяхъ Господу, когда бодрствую; да засыпаю съ святымъ Его именемъ во устахъ моихъ. И какъ бы я желалъ, чтобы во время самага сна не было другаго во мнѣ мечтанія, кромѣ святыхъ помысловъ и представленій о Тебѣ, мой Спаситель! Какъ бы желалъ, чтобы, когда *азъ сплю*, когда сонъ смежить очи мои, наложить молчаніе на уста, сердце *бдѣло* въ славословіи и благодареніи къ Тебѣ!

О Господь похвалится душа моя. Не себѣ, не своему уму и находчивости обязанъ я недавнимъ спасеніемъ отъ бѣды и напасти, но единственно Господу принадлежитъ слава моего избавленія. Еслибы не Онъ, не Его невидимое заступленіе, то ни къ чему не послужила бы придуманная мною хитрость, ничто не спасло бы меня. *Да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, ниже мудрый мудростію своею, ни крѣпкій крѣпостію своею.* Безъ Бога, безъ Божіей помощи, ничего не значить ни наше богатство, ни мудрость наша, ни крѣпость силъ нашихъ, ни на что земное и человѣческое нельзя полагаться; и потому ничѣмъ челоуѣку не должно хвалиться, развѣ только тѣмъ, что Богъ—его Творецъ, хранитель и заступникъ. О Господь, *подъ сѣнію Котораго живу, движусь и есмь*, о Его недремлющемъ Промыслѣ надо мною похвалится душа моя.

Да услышатъ кротцыи и да возвеселятся. Услышите *кротцыи*, переносящіе терпѣливо, безъ ропота на Бога и на людей, гоненія и униженіе отъ людской злобы, — услышите, какъ Богъ спасъ кроткаго Давида, окруженнаго врагами, какъ чудесно устроилъ его спасеніе безъ оружія, безъ брани, — *услышите и возвеселитесь*; Господь устроить и ваше спасеніе такъ, какъ вы и не думаете.

Возвеличите Господа со мною и вознесемъ имя

Его вкупь. Съ одной стороны представляется Псалмопѣвцу великость благодѣяній Божіихъ, съ другой — собственное безсиліе возвеличить ихъ по достоянію. Преисполненный благодарности къ Богу, онъ какъ бы не надѣется одинъ восхвалить Господа; желалъ бы отсюду собрать смиренныхъ сердцемъ, чтобъ они раздѣлили съ нимъ чувства благодаренія, помогли ему выразить ихъ, или лучше составили бы съ нимъ одинъ согласный хоръ. Приидите всѣ, *имже Господь Богъ ихъ*, отрясемъ всякое постороннее помышленіе, утишимъ сердце отъ всякаго мірскаго тревоженія, и превознесемъ вкупѣ имя Бога спасающаго, — въ благодарныхъ пѣсняхъ.

Взыскахъ Господа, и услыша мя. Вотъ я со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ врагами, искавшими души моей; не представлялось никакой надежды на спасеніе; но я не отчаялся, а взыскалъ Господа, на Него возвергъ всю надежду, Его заступленія искалъ, къ Нему обращался всею крѣпостію упованія, Его помощи ждалъ всѣмъ постоянствомъ терпѣнія, — и Господь услышалъ меня.

И отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Вѣрую, что ни одна скорбь не постигала меня безъ благодѣтельнаго намѣренія Божія, — такъ тою же благодѣющею десницею Вышняго, когда кончилось время моего испытанія, всѣ мои скорби отняты отъ меня. Господь не попускаетъ никого *искуситися паче еже можетъ*; лишь только замѣтитъ, что вѣрующій начинаетъ изнемогать подъ бременемъ золь, едва чаша ихъ станетъ переполняться, тотчасъ *отъемлетъ слезу отъ очю его.*

Приступите къ Нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся. Скорбь тяжкая мрачнымъ облакомъ покрываетъ душу вашу; вы не видите свѣтлыхъ дней для себя, но приступите къ Нему съ упованіемъ на Его благодать, взыщите у Него утѣшенія. *Онъ есть Отецъ свѣтовъ и Богъ всякія утѣхи.* Съ высоты святая своя Онъ взглянетъ и на васъ окомъ своего благоутробія и свѣтомъ своей благодати разгонитъ мракъ

скорбей, облегающій душу вашу, и наполнить ее неизреченною радостію, которая отразится на самой наружности вашей: торжество непостыднаго упованія будетъ сіять на лицахъ вашихъ, сдѣлаетъ ихъ свѣтлыми и веселыми.

Сей нищій воззва, и Господь услыта и. Подъ симъ нищимъ Давидъ разумѣетъ себя самого и на свой примѣръ указываетъ въ доказательство того, какъ непостыдно упованіе на Бога. Подобно нищему онъ былъ безъ крова, безъ пріюта, терпѣлъ всякую нужду, былъ вдали отъ родины, отъ родныхъ и друзей, но воззвалъ сей нищій къ Богу о помощи и защитѣ, и Господь, богатящій убогихъ, хранящій пришельцевъ, алчущихъ исполняющій благами, явилъ ему свою помощь и спасеніе. Какъ это утѣшительно для всѣхъ, подобно Давиду испытывающихъ всякую нужду и беспомощность! Какъ отраднo для нихъ думать, что и ихъ Господь не оставитъ безъ Своей помощи, какъ Онъ не оставилъ Давида!

Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся его. Ко всякому изъ насъ приставленъ невидимый покровитель и наставникъ Ангелъ Хранитель, которому заповѣдано хранить насъ на всѣхъ путяхъ жизни. Но какъ дымъ прогоняетъ пчелъ, и какъ отъ смрадныхъ мѣстъ отвращается обоняніе; такъ многоплачевный и злосмрадный грѣхъ отвращаетъ и удаляетъ отъ насъ Ангеловъ Хранителей. *Кое общеніе свѣту ко тьмѣ, духу чистому съ нечистымъ грѣшникомъ?* Но благо боящимся Господа и страхомъ присутствія Божія старающимся удерживать себя отъ грѣховъ. Вокругъ нихъ ополчается Ангелъ Господень и на подобіе твердой стѣны ограждаетъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, не допускаетъ преткнуться о камень соблазна ногамъ ихъ; начинаютъ падать, — онъ на невещественныхъ крилахъ своихъ подьмлетъ и удерживаетъ ихъ отъ паденія. Видимые или невидимые враги обступятъ ихъ со всѣхъ сторонъ, — но ополчается Ангелъ Господень окрестъ, и *падетъ отъ*

страны ихъ тысяща и тьма одесную ихъ, и никакая стрѣла вражія не коснется ихъ, или, какъ о твердую скалу сокрушится о непоколебимое сердце, ободряемое Ангелами.

Вкусите и увидите, яко блажь Господь. Псалмопѣвецъ привлекъ на себя благодать Господа, спасающаго его отъ великихъ золь, молитвою надежды на Его всесильную помощь. Испытавъ на себѣ дѣйствительность этого средства спасенія, онъ и ближнихъ своихъ, находящихся въ бѣдствіяхъ, или угрожаемыхъ ими, убѣждаетъ прибѣгнуть къ тому же средству спасенія, чтобъ они на собственномъ опытѣ могли видѣть, какъ блажь Господь къ надѣющимся на Него и съ надеждою прибѣгающимъ къ Нему. *Вкусите*, говоритъ онъ, т. е. вмѣсто того чтобы приходиться въ уныніе и почитать свое положеніе безвыходнымъ, или придумывать разныя человѣческія средства къ спасенію отъ золь, поступите такъ, какъ я поступилъ: обратитесь къ Богу съ молитвою о помощи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы собственнымъ опытомъ убѣдитесь въ дѣйствительности этого средства ко спасенію и не будете нуждаться, чтобы кто изъ людей постороннихъ увѣрялъ васъ въ благодати Божіей: вы сами увидите, какъ блажь Господь.

Бойтесь Господа вси святіи Его: яко нѣсть лишенія боящимся Его. Подъ святыми, къ которымъ обращается Псалмопѣвецъ, разумѣются здѣсь всѣ читатели истиннаго Бога, всѣ члены избраннаго народа, освященнаго на служеніе истинному Богу (Исх. 19, 6). Бойтесь Господа, говоритъ имъ Псалмопѣвецъ. Страхъ Божій есть лучшая оборона противъ страстей. *Привозди страху Твоему плоти моя*, молитъ Господа вѣрующій. Какъ пригвожденные члены тѣла остаются безъ движенія, перестаютъ дѣйствовать и мало-по-малу мертвѣютъ, такъ страхъ Божій, мысль, что Богъ все видитъ и все слышитъ, и за всякое преступленіе строго накажетъ, — отнимаетъ дѣйствіе у плоти, погашаетъ огонь страстей,

умерщвляетъ ихъ, удерживаетъ человѣка отъ грѣховныхъ поползновеній и соблазновъ, и мало-по-малу дѣлаетъ какъ бы мертвымъ грѣху, несворотимымъ съ пути истины. И такъ, бойтесь Господа вси святіи Его, со страхомъ и трепетомъ служите Ему, и будьте вѣрны въ семь служеній. *Яко пѣсть лишенія, боящимся Его*, т. е. Господь не допуститъ васъ, вѣрныхъ слугъ своихъ, терпѣть лишенія въ необходимыхъ для васъ благахъ,— за вашу вѣрность Ему Онъ наградитъ васъ довольствомъ и миромъ.

Богатіи обнищаша и взакаша: взыскающіи же Господа не лишатся всякого блага. Богатые противопоставляются здѣсь взыскающимъ Господа, слѣдственно разумѣются здѣсь не вообще богатые, а тѣ изъ нихъ, которые все счастье свое поставляютъ въ обладаніи богатствомъ, и гордясь богатствомъ, забываютъ Бога, не чувствуютъ нужды въ Его милосердіи. Но такіе нечестивые богачи не остаются безнаказанными. Опытъ представляетъ не мало примѣровъ обнищанія ихъ, которое бываетъ для нихъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ пристрастнѣе они къ богатству. Но не завидна участь и тѣхъ изъ нихъ, которые до конца жизни не знаютъ что такое бѣдность. вмѣстѣ съ богатствомъ растетъ ихъ жадность къ большому обогащенію, недовольство тѣмъ, что имѣютъ, которое дѣлается для нихъ источникомъ непрестанной душевной муки и безсонницы, такъ что они жалче всякаго нищаго. А по смерти ихъ ожидаетъ еще большая мука. Но совсѣмъ противоположна участь взыскающихъ Господа, т. е. тѣхъ, которые счастье свое полагаютъ въ единомъ Богѣ, Его единаго почитаютъ верховнымъ благомъ и источникомъ всѣхъ благъ, и къ Нему единому прилѣпляютъ свое сердце. Они не ищутъ богатства, но скудости не терпятъ, и здѣсь на землѣ бываютъ счастливы, по крайней мѣрѣ внутренно спокойны, а за гробомъ не лишатся всякаго блага..

Придите чуда, послушайте мене: страху Гос-

подню научу васъ. Пророкъ желаетъ преподавать намъ, какъ отецъ дѣтямъ, наставленіе самое полезное и необходимое, научить страху Божію. Урокъ, повидимому, очень легокъ и простъ: чему тутъ учить и чему учиться? Но если премудрый изъ царей считаетъ *страхъ Божій началомъ*, или какъ бы мѣриломъ *премудрости*, такъ что истинно мудръ только тотъ, кто научился бояться Бога; то страхъ Божій заслуживаетъ всего нашего вниманія, глубокаго изученія. Послушаемъ же, чада, какъ пророкъ будетъ насъ поучать страху Божію, или тому, какія обязанности возлагаетъ на насъ страхъ Божій.

Кто есть отъ васъ человекъ хотяй жить, любяй дни видѣти благи? Подъ животомъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ св. писанія, разумѣется не вообще жизнь, но жизнь блаженная, т. е. то же, что и дни благіе. Понятія въ обоихъ членахъ стиха, очевидно, соотвѣтствуютъ одво другому, равнозначащи. Псалмопѣвецъ вопрошаетъ: кто изъ насъ желаетъ быть благополучнымъ и блаженнымъ не только въ настоящей, но и будущей жизни? Въ отвѣтъ не можетъ быть сомнѣнія: всякій пожелаетъ себѣ добра, никто себѣ не врагъ. Но не всякій знаетъ путь къ истинному счастью. Псалмопѣвецъ берется указать сей путь, — это исполненіе обязанностей, предписываемыхъ страхомъ Божіимъ. Вотъ онъ:

Удержи языкъ твой отъ зла и устни твои, еже не маголати лъсти.

Языкъ данъ на славословіе Творца, на то, чтобы говорить правду, возвыщать истину, изрекать миръ и благословеніе на люди. Удержи же его отъ злословія и клеветы, злохуленія и срамословія, и органъ на славословіе Господу не обращай въ орудіе сатанинскихъ козней, орудіе благословеній не сдѣлай мечемъ обоюдоострымъ, гибельнымъ для тебя самаго и для ближнихъ. Съ тѣхъ поръ какъ духъ злобы чрезъ слово человѣческое оболстилъ перваго человѣка, языкъ человѣческій сдѣлался какъ бы главнымъ орудіемъ распространенія

зла между людьми. Чрезъ что болѣе, какъ не чрезъ слово устное, или заключенное въ письмени, соблазнъ грѣха и заблужденій передается отъ одного къ другому, переходитъ изъ рода въ родъ, распространяется по племенамъ и народамъ? Въ какихъ грѣхахъ не участвуетъ языкъ? и какихъ неустройствъ и безпорядковъ не бываетъ причиною? *Неудержимо зло — языкъ*, если не обуздывать его страхомъ Божиимъ, дать ему полную свободу. *Отъ избытка сердца уста глаголютъ*. По природѣ мы болѣе склонны ко злу: носему и уста наши, если не полагать имъ храненія, отверзаются болѣе на празднословіе, злорѣчіе, не въ назиданіе, а въ соблазнъ ближнимъ, во вредъ и пагубу себѣ и другимъ. Итакъ, *удержи языкъ твой отъ зла и устни твои, еже не глаголати лъсти*. Лесть дѣлаетъ презрѣннымъ льстеца и унижаетъ того, кого обманываетъ, рассчитывая на его умственную близорукость, вводитъ его въ заблужденіе, развращаетъ его сердце. *Адъ аспидовъ во устахъ лъстивыхъ*. Лесть есть свойство злаго сердца, которое не только равнодушно къ ошибкамъ и несчастіямъ ближняго, но какъбы находить въ нихъ удовольствіе, внутренно надъ ними глумится: свойство совершенно нечеловѣческое! Лестецъ есть живой образъ змія искушителя!

Уклонися отъ зла, удержиcя отъ грѣха, и ближняго не наводи на грѣхъ, на соблазнъ, и самъ уклоняйся случаевъ опасныхъ для сердца, остерегайся соблазна, *будь мудръ яко змія*.

Уклонися отъ зла и сотвори благо. Не только не дѣлай другому зла, но когда предвидишь отъ него зло, постарайся уклониться, ближняго отведешь отъ грѣха, и самъ спасешься отъ зла и будешь покоенъ. Если же зло уже тебѣ сдѣлано, не отвѣчай зломъ за зло, чѣмъ раздражишь только врага и увеличишь зло, а сотвори благо, которое укрощаетъ или обезоруживаетъ вражду: *побѣждай благимъ злое*.

Взыщи мира и пожени и. Взыщи и съ настойчи-

востью домогайся (*пожени*) мира съ Богомъ ревностнымъ исполненіемъ Его заповѣдей, прилѣпленіемъ къ Нему отъ всего сердца; не нарушай мира съ ближними самолюбіемъ, раздражительностію и неправдами, привлекая ихъ сердца къ себѣ кротостію, свисходительностію, состраданіемъ и доброжелательствомъ; не только самъ не нарушай мира, но и водворяй миръ между ссорящимися. Взыщи мира съ собственною совѣстію, не вооружай ея противъ себя безчестными и постыдными дѣлами, веди себя такъ, чтобы ничто не возмущало твоего внутренняго мира.

Таковы, по указанію псалмопѣвца, условія, потребныя къ достиженію истиннаго счастья. Ибо кто исполняетъ ихъ, тотъ пользуется благорасположеніемъ ближнихъ, и внутреннимъ довольствомъ, и паче всего благоволеніемъ Божиимъ, тому хорошо и здѣсь на землѣ, и преимущественно по переселеніи въ страну вѣчности.

Очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ. Богъ есть Духъ. Посему очи и уши Господни должно понимать въ духовномъ смыслѣ. *Очи Господни на праведныя*,— это значить, что Господь благоволительно взираетъ на праведныхъ, потому что они сами дорожатъ Его благоволеніемъ и стараются заслужить оное покорностію Его святой волѣ, и искреннею любовью къ Нему. *Уши Его въ молитву ихъ*, это значить, что Господь слушаетъ молитвы ихъ и всегда готовъ сдѣлать для нихъ все, что можетъ служить къ истинному благу ихъ.

Но горе грѣшникамъ. *Лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ.* Въ ихъ дѣлахъ и жизни нѣтъ ничего такого, на чемъ бы взоръ Божій могъ остановиться съ благоволеніемъ, и потому обращено на нихъ грозное лице Божіе, дышащее гнѣвомъ и карою на нихъ. Лице Божіе т. е. присутствіе Божіе, ни для кого невидимо чувственно, но доступно для духовныхъ очей вѣрующаго праведника.

Предзрѣхъ Господа предо мною выну, говоритъ онъ, и потому поступаетъ такъ, какъ бы видимо представлялось ему лице Господне; грѣшникъ, напротивъ, забываетъ о присутствіи Божіемъ, и не ограждая себя страхомъ предъ Вездѣсущимъ и Всевидающимъ, живетъ такъ, какъ бы не было Бога, или какъ бы Богъ не замѣчалъ его. Но Господь, праведный судія, никогда не теряетъ его изъ виду. Онъ не всегда караетъ нераскаянныхъ грѣшниковъ въ настоящей жизни, долготерпя къ нимъ, такъ что они и не знаютъ, что на нихъ устремлено грозное лице Божіе; но настанетъ время, когда явится *лице Господне* торжественно, и грѣшникъ лицомъ къ лицу предстанетъ предъ всемірнымъ Судіею, имѣющимъ явиться во всей славѣ; тогда онъ не можетъ не видѣть Его; желалъ бы скрыться подъ горами и холмами, но *отъ лица Твоего, Господи, камо убѣжитъ?* Несчастный въ трепетѣ долженъ выслушать приговоръ на вѣчное мученіе и на вѣки отдѣлиться отъ общества блаженныхъ праведниковъ; *лице Господне* обратится на *творящія злая* для того только, чтобы, *самую память ихъ потребить* отъ блаженной земли живыхъ. Въ царствіе небесное не только не *ввидетъ ничтоже скверно*, тамъ не только не будетъ грѣшника, но самое имя грѣха не помянется во вѣки вѣковъ.

Воззваша праведнѣи и Господь услыша ихъ. Воззвалъ праведный Давидъ, — и Господь спасъ его отъ преслѣдованій Саула; воззвалъ Даніиль, — и избавилъ отъ устъ львовыхъ; воззвали три отрока въ печи, и Господь услышалъ ихъ. *Воззваша праведнѣи.* Взываютъ не воплемъ малодушія, или роптанія въ несчастіяхъ, но спокойнымъ гласомъ покорности волѣ провидѣнія; просятъ избавиться отъ бѣдъ, но всегда съ условіемъ: Господи помози, Господи спаси, если Тебѣ угодно; если жь не угодно, если Ты по Своему усмотрѣнію находишь для меня болѣе полезными скорби: да будетъ воля Твоя. Продли мои скорби, наказуй меня во вре-

мени, только избавь отъ вѣчныхъ муки. *Воззваша праведнїи.* Въ ихъ молитвенныхъ званїяхъ слышны и вопли, но не вопли о земномъ, о потерѣ какого-нибудь временнаго предмета, но болѣе слезы, *печаль яже по Бозь*, тоска о небесной отчизнѣ. *Увы мнѣ, яко пришельствїе мое продолжися* доселѣ, вопіють они, скучая продолжительностію земнаго своего странствованїя. Съ святою жаждою и какъ-бы нетерпѣніемъ зываютъ: *когда прииду, явлюся лицу Твоему и насыщуся вьегда явитимися славь Твоей!* Съ плачемъ обращаются къ Богу о своихъ душевныхъ немощахъ, о безсилїи противъ врага спасенїя, о малоуспѣшности въ борьбѣ съ нимъ, о недостаткѣ своихъ добрыхъ дѣлъ, воздыхаютъ о множествѣ и трудности препятствїй на пути спасенїя и зываютъ къ Нему, чтобы Онъ помогъ преодолѣть всѣ сіи препятствїя и ввелъ въ вождельнное отечество неба. *Воззваша праведнїи и Господь услыша ихъ.*

Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ. Гдѣ же Его нѣтъ? Гдѣ нѣтъ Вездѣсущаго? Такъ, Онъ вездѣ, но не ко всѣмъ близокъ Своею благодатїю. И благодатїю Онъ приближается ко всякому, толцетъ двери сердца каждаго; но мы сами удаляемъ Его непокорностію, коснѣніемъ во грѣхахъ. Ничто такъ не привлекаетъ Его къ намъ, какъ сокрушенїе о грѣхахъ, сознанїе своего недостойнства и ничтожества. Грѣхи удалили блуднаго сына отъ отца, а смиренное сознанїе въ своей безпорядочной жизни, приблизило его къ отцу и заключило въ отчїя объятїя.

И смиренныя духомъ спасетъ. Самъ Господь говоритъ о нихъ: *На кого возрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ Моихъ?* И мїръ не терпитъ гордыхъ, а къ смиреннымъ чувствуетъ невольное влеченїе: не любезно ли смиренїе Богу? Тогда какъ *гордымъ Богъ противится*, отвращаетъ отъ нихъ взоры, *смиреннымъ*, напротивъ, *даетъ благодать*. такъ бываетъ близокъ къ нимъ, что отверзаетъ имъ всѣ со-

кровищницы Своего благоволенія. Чѣмъ привлекла необыкновенную благодать Пресвятая Дѣва, какъ не своимъ смиреніемъ? *Смиренныя духомъ спасетъ*, т. е. смиренныя искренно, а не лицемерно. Притворное смиреніе противнѣе гордости, оно внушаетъ къ себѣ презрѣніе въ людяхъ, которые не вполне могутъ быть убѣждены въ его лицемеріи: какъ не отвращаться отъ него Господу, Которому извѣстно все сокровенное сердца нашего?

Мнози скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. Многи скорби праведнымъ отъ міра, который ихъ ненавидитъ и часто гонитъ; отъ діавола, который употребляетъ противъ нихъ особенныя усилія; отъ плоти и страстей—отъ этихъ постоянныхъ и домашнихъ враговъ. Многія скорби—неизбѣжный и вмѣстѣ спасительный для нихъ удѣлъ въ жизни: одна лишь борьба съ скорбями и доставляетъ имъ опытность и мужество здѣсь и побѣдные вѣнцы въ царствіи небесномъ. Для того и обременяетъ ихъ Господь скорбями во времени, чтобы приготовить большее утѣшеніе въ вѣчности. Въ чаяніи сего утѣшенія они, *во всемъ скорбяще, не стужаютъ.* Хотя со всѣхъ сторонъ окружены скорбями, но не упадаютъ духомъ, не приходятъ въ отчаяніе, помнятъ что сказалъ имъ Самъ подвигоположникъ: *въ міръ скорбни будете: но держайте, яко азъ побѣдихъ міръ; держайте, я побѣдилъ всѣ враждебныя силы; вамъ остается имѣть дѣло уже съ побѣжденнымъ врагами.*

Хранитъ Господь вся кости ихъ и ни едина отъ нихъ сокрушится. Хранитъ Господь самыя кости получившихъ праведниковъ, даруя имъ нетлѣніе и силу исцѣленій; самыя кости избранныхъ Божіихъ цвѣтутъ и благоухаютъ. Но не объ этой собственно несокрушимости костей праведниковъ говоритъ псалмопѣвецъ. Ибо извѣстно, что кости мучениковъ сокрушены были желѣзными орудіями, зубами звѣрей, сожжены огнемъ и проч; извѣстно, что не всѣ кости праведныхъ уцѣлѣли отъ тлѣнія. *Но грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ*

гласъ Сына Божія, — когда кости сухія, истлѣвшія, услышавъ слово Господне, возсозиждутся, возстанутъ изъ праха, войдутъ въ составы, облекутся плотію, соединятся съ душами, и ни единой кости праведныхъ не коснется огонь геенскій. Съ другой стороны, если въ Свящ. писаніи духовныя силы называются иногда именемъ тѣлесныхъ членовъ, напр. умъ—окомъ, сердце—слухомъ, то въ духовномъ смыслѣ можно разумѣть и сказанное о несокрушимыхъ костяхъ праведниковъ. Въ тѣлесномъ составѣ кости служатъ основою и связію различныхъ частей: такъ въ душѣ праведныхъ есть внутреннія расположенія и побужденія, кои служатъ опорой для дѣятельности всѣхъ душевныхъ силъ, кои, на подобіе костей въ тѣлѣ, связуютъ нравственныя силы между собою, направляють къ согласному дѣйствованію, не даютъ напр. волѣ выходить изъ послушанія разуму и совѣсти, самый разумъ плѣняютъ или покоряють въ послушаніе вѣры. Хранить Господь всѣ сіи прекрасныя свойства, достославныя расположенія праведныхъ, не даетъ ни одному изъ нихъ помрачиться или повредиться отъ тлетворнаго вліянія міра, и вмѣстѣ съ симъ ни одно изъ нихъ не изгладится изъ книги жизни. Хранить память о нихъ и на землѣ, передавая изъ рода въ родъ. Умирають праведники, — не умирають ихъ добродѣтели.

Смерть грѣшниковъ люта. Люта смерть грѣшника, потому что онъ никогда о ней не думалъ, никогда къ ней не готовился; ужасна, потому что постигаетъ среди грѣховныхъ занятій и удовольствій, къ коимъ онъ привыкъ, разлучаетъ его со всѣмъ, чѣмъ дорожилъ и къ чему пристрастился; страшна, потому что покрывало съ его внутреннихъ очей спадаетъ, спавшая совѣсть просыпается, призраки плотскаго обаянія исчезаютъ, и онъ съ одной стороны видитъ одно свое растлѣніе, съ другой грознаго и неумолимаго Судію; страшна, потому что грѣшникъ не пріучалъ себя къ вѣрѣ и упованію, — къ сему единственному утѣшенію въ часъ смерти; безъ

этихъ опоръ прошедшее терзаетъ безотраднѣмъ сожалѣніемъ, будущее приводитъ въ ужасъ и отчаяніе.

И ненавидящій праведнаго прегрѣшатъ. За что, какъ жется, ненавидѣтъ праведнаго? По молитвѣ праведныхъ и міръ стоитъ! За то самое ненавидятъ, что онъ праведенъ, а ненавистники грѣшны; за то, что жизнь праведника служитъ обличеніемъ неправеднаго міра. *Ходяй во тьмѣ ненавидитъ свѣта, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть.* Грѣшники, преслѣдующіе праведника своею ненавистію, напрасно однако думаютъ, что имъ удастся погубить его, — они прегрѣшаютъ, т. е. обмануты въ своихъ нечестивыхъ замыслахъ противъ праведника. Не предастъ его въ ихъ руки заступникъ его Господь.

Избавитъ Господь души рабъ своихъ. Какъ-бы ни ненавидѣли, какъ-бы ни гнали вѣрныхъ слугъ Божіихъ, существеннаго вреда имъ не сдѣлаютъ; если не угодно Господу спасти ихъ отъ внѣшнихъ скорбей, то спасетъ отъ сѣтей окружающаго соблазна, *да не злоба измѣнитъ ихъ разумъ.* Если не избавитъ тѣль отъ временныхъ мученій и смерти, то избавитъ души рабъ своихъ отъ грѣха и вѣчной погибели: *праведныхъ души въ руцѣ Божіей и не коснется ихъ искушеніе и мука.*

И не прегрѣшатъ вси уповающіи на Него. Такъ упованіе на Бога не посрамитъ уповающихъ, — они не прегрѣшатъ, не будутъ обмануты въ своей надеждѣ на Него, не будутъ имѣть причинъ раскаяваться въ томъ, что на Него одинаго возложили свое упованіе, въ Немъ единомъ искали себѣ утѣшенія. И въ сей жизни Онъ не оставляетъ ихъ безъ благодатныхъ утѣшеній, а по отшествіи ихъ изъ міра, за временныя кратковременныя скорби имъ уготовляется вѣчная радость въ общеніи съ Нимъ, которой *никтоже возметъ отъ нихъ.*

Прот. А. Н.

РѢЧЬ

БОГОЯВЛЕНСКАГО АРХИМАНДРИТА ИГНАТЯ (РЕКТОРА МОСКОВСКОЙ СЕМИНАРИИ) ПО НАРЕЧЕНИИ ЕГО (а) ВЪ ЕПИСКОПА МОЖАЙСКАГО ВЪ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ — АВГУСТА 5 ДНЯ 1866 ГОДА.

Милостивѣйшіе Архипастыри и Отцы!

Услышавъ пришедшее на меня званіе Божіе, что реку и что возглаголю?

Если Св. апостоль заповѣдуетъ каждому вѣрующему *со страхомъ содѣвать свое спасеніе*, то какимъ страхомъ долженъ быть объять тотъ, кто поставляется служить спасенію другихъ, и еще поставлять и руководить служащихъ спасенію другихъ?

Если съ благоговѣніемъ долженъ приступать къ спасительнымъ Таинствамъ каждый вѣрующій, колико большее благоговѣніе требуется отъ того, кто поставляется совершать Таинства, и не только совершать, но и преподавать таинодѣйственную благодать другимъ, руководить ихъ словомъ и примѣромъ жизни?

Обращая вниманіе на все сіе, а съ другой стороны представляя крайнюю свою скудость и недостойнство, не

(а) Нареченіе происходило въ трапезной церкви Троицкой Сергіевой Лавры При нареченіи присутствовали члены Святейшаго Синода, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій, и Высокопреосвященный Архіепископъ Евгеній, настоятель Донскаго монастыря, и Леонидъ, епископъ Дмитровскій.

долженъ ли я уклониться отъ принятія подобнаго жребія, какъ уклонялись даже великіе и сильныя, каковы были Св. Григорій Богословъ и Св. Іоаннъ Златоустъ? Но они въ то же время предавали свою волю волѣ Господней, благой и совершенной, и явили себя потомъ вѣрными строителями Тайнъ Божіихъ.

Предавая себя въ волю Господню, ищу успокоенія и подкрѣпленія *въ совершенномъ*, по Апостолу, *упованіи на приносимую благодать* (1. Пет. 1, 13).— *Сладць похваляю паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и вѣрую, что при предстательствѣ почивающаго здѣсь во благоуханіи святыни преблаженнаго Сергія Чудотворца, при многоцѣлебныхъ мощахъ котораго я недостойный возведенъ былъ на визшія степени священства, и нынѣ соборнымъ тайно-дѣйствіемъ священноначалія низведется на мою немощь благодатная сила Христова.

Къ твоей отеческой помощи прибѣгаю, милостивѣйшій Архипастырь! Съ благодареніемъ къ Господу не могу нынѣ умолчать, что родившись отъ іерея, тобою рукоположеннаго, отъ тебя принялъ я приговорительныя рукоположенія; отъ начала моего служенія донынѣ благодарительно взысканъ былъ непрерывнымъ многообразнымъ отеческимъ попеченіемъ твоимъ. Благоволи и въ настоящемъ многотрудномъ поприщѣ подкрѣплять мои немощныя силы, исправлять мои недоумѣнія и ошибки, руководить мою неопытность своею многолѣтнею опытностью и дѣйственнымъ благословеніемъ, чтобъ я могъ *воззрѣвать*, по заповѣди Апостола, *даръ Божій*, который преподанъ мнѣ будетъ *возложеніемъ рукъ* (2 Тим. 1, 6) святительскихъ.

ОТВѢТЪ

ЧЛЕНА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО
ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, НА РѢЧЬ АРХИ-
МАНДРИТА ИГНАТІЯ, ПО НАРЕЧЕНІИ ЕГО ВЪ ЕПИСКОПА МО-
ЖАЙСКАГО.

Правы, новоизбранный участникъ священноначальнической благодати, твои помышленія, что служеніе, въ которое ты призываешься, страшно и не легко носимо и для крѣпкихъ духомъ; но что и немощные, Провидѣніемъ Божиимъ, чрезъ священную и державную власть, призываемые къ оному, должны покоряться призванію, по долгу послушанія, съ упованіемъ на вседѣйствующую благодать Божию.

А что ты упомянулъ о человѣческой помощи, то могу оставить безъ прекословія только въ томъ отношеніи, что въ семъ есть смиренная мысль и должное ненадѣяніе на себя. Но ты имѣлъ бы не твердую опору, если бы много положился на человѣческую помощь; и я превысилъ бы свою мѣру, еслибъ обѣщалъ тебѣ довольно помощи. И ты, и я, да воззовемъ, и да взываемъ съ Псалмопѣвцемъ: *помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю* (Пс. 120, 2.). *Открый ко Господу путь твой и Той сотворитъ* (Псал. 36, 5) благое и спасительное тебѣ, и чрезъ тебя.

РЪЧЬ

БЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИГНАТИЮ, НОВОРУКОПОЛОЖЕННОМУ
ЕПИСКОПУ МОЖАЙСКОМУ (а), ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ДАВРСКОМЪ
УСПЕНСКОМЪ СОБОРЪ ЧЛЕНОМЪ СВЯТЪЙШАГО СИНОДА, ВЫ-
СОКОПРЕОСВЯЩЕННЪЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ
МОСКОВСКИМЪ.

Преосвященный епископъ Игнатій!

Великое дѣло совершилось нынѣ надъ Тобою, хотя и не сильными орудіями.

Святый апостоль Павелъ въ чудесномъ откровеніи видѣлъ Господа Іисуса Христа, и отъ Него непосредственно принялъ призваніе къ вѣрѣ Христовой и къ служенію апостольскому; но когда пришло время дѣйствительно приступить ему къ устроенію церквей и въ нихъ священства, тогда онъ съ Варнавою принялъ для сего рукоположеніе отъ Симеона, Лукія и Манаила. *Тогда* (говоритъ книга Дѣяній Апостольскихъ) *постигшеся, и помолвишеся, и возложше руки на нихъ, отпустиша ихъ* (Дѣян. 13, 3). Такъ необходимо, и такъ важно священнотайственное рукоположеніе!

Потомъ, когда онъ рукоположенныхъ имъ поучаль

(а) Рукоположеніе совершали высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій, высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Евгений, и преосвященные епископы: Савва Полоцкій и Леонидъ Дмитровскій.

обязанностямъ ихъ служенія, тогда говорилъ имъ: *васъ Духъ Святый постави Епископы* (Дѣян. 20, 29). Такъ высоко начало священнотаинственнаго рукоположенія!

Итакъ, сохраняй и ты несомнѣнное вѣрованіе, что и тебя Духъ Святый поставилъ епископа. Въ семъ вѣрованіи должна быть для тебя сила и охраненіе.

Если мысль твоя изнеможетъ предъ сильными требованіями твоего служенія, то помысли, что Духъ крѣпости (Исаи 11, 2.) поставилъ тебя, и что онъ не лишитъ тебя укрѣпленія, если только произвольно не отпадеши отъ Его силы маловѣриемъ или малодушіемъ.

Если затруднитъ тебя недостатокъ вѣдѣнія, тебѣ потребнаго, воззови съ вѣрою къ поставившему тебя Духу истины (Іоанн. 14, 17.). Онъ не презритъ Своего дѣла, испослетъ тебѣ свѣтъ, и не допуститъ тебя впасть чрезъ невѣдѣніе въ заблужденіе.

Если встрѣтится тебѣ искушеніе челоѣкоугодія, или страха челоѣческаго, или иное страстное побужденіе, уклоняющее отъ пути истины и правды, то скажи себѣ: стократъ лучше мнѣ оставить страстныхъ челоѣковъ неудовлетворенными, и самому перенести отъ нихъ скорби, нежели опечалить и огорчить поставившаго меня Духа истины и правды.

Такъ крѣпись и охраняй себя въ подвигъ священноначальственнаго служенія, и жезлъ твоего начальствованія да не умедлитъ, подобно какъ жезлъ Аароновъ, украситься цвѣтомъ душеполезнаго слова и плодомъ полезнаго церкви дѣйствованія.

7-го августа 1866 г.

ПО ПОВОДУ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЙ ПРОТИВЪ ХОЛЕРЫ

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ПРАЗДНИКЪ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Святая церковь въ настоящій праздникъ благословляетъ къ употребленію яблоки, которыя во многихъ мѣстахъ нашего отечества къ сему времени поспѣваютъ. Но грѣшно злоупотреблять благословеніемъ церковнымъ, грѣшно безъ разбору ѣсть яблоки. Церковь благословляетъ къ употребленію только спѣлые плоды, да и спѣлые плоды она благословляетъ для умѣреннаго употребленія: неумѣренности, невоздержанія она никогда не благословитъ. Посему, вопреки волѣ Божіей, вопреки намѣренію провозвѣстницы ея святой церкви поступилъ бы тотъ, кто подъ предлогомъ церковнаго благословенія сталъ бы съ сего дня ѣсть безъ разбору зрѣлыя и незрѣлыя яблоки, или хоть и съ разборомъ, но безъ соблюденія умѣренности. Эту разборчивость, эту воздержность должно всегда соблюдать для сбереженія здоровья и для избѣжанія болѣзней, происходящихъ отъ невоздержанія, но особенно въ настоящее, не безопасное для здоровья время. Въ настоящее время, когда съ разнымъ сторонъ доходятъ до насъ извѣстія о губительной язвѣ, мы должны соблюдать осторожность не только въ употребленіи яблокъ, но и вообще въ употребленіи пици, и въ

образъ жизни, согласно обнародованнымъ касательно сего правиламъ. Что въ другое время допускаемо было нами безъ вредныхъ послѣдствій для здоровья, то теперь, пожалуй, не пройдетъ для насъ безнаказанно.

Но могутъ сказать: «Къ чему такія предостереженія? Въдъ холеры, слава Богу, пока нѣтъ въ Москвѣ. Зачѣмъ стращать ея преждевременно? Вотъ ужь чуть ли не съ годъ все толкуютъ о холерѣ, рассуждаютъ о мѣрахъ къ ея предупреденію и ослабленію, и для приведенія ихъ въ исполненіе городскія власти то и дѣло предъявляютъ требованія, убыточныя для обывателей и стѣснительныя для многихъ торговцевъ и для содержателей фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. И добро бы рѣчь объ этихъ мѣрахъ шла въ одномъ житейскомъ кругу, — нѣтъ, вотъ и въ церкви пришлось услышать все о томъ же; хоть бы здѣсь, въ этомъ святомъ мѣстѣ, не безпокои́ли напоминаніями, которыя всѣмъ давно надо́бли за предѣлами храма Божія».

Что сказать на такія рассужденія? Благоразумны ли они? Едва ли. Правда, холеры среди насъ пока нѣтъ, и дай Богъ чтобы не было; но она недалеко отъ насъ, она угрожаетъ намъ, и уже появились нѣкоторые признаки присутствія ея среди насъ; не думать о ней невозможно, не принимать предосторожностей противъ нея неблагоприятно. Она много опустошеній произвела среди насъ въ 1830 и 1848 годахъ; стоитъ позаботиться о недопущеніи или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи ея въ настоящее время. Холера — страшное бѣдствіе, но нельзя назвать его неизбѣжнымъ, и если опытъ доказалъ, что противъ нея съ пользою могутъ быть приняты предохранительныя мѣры, то безопасно уклоняться отъ принятія ихъ не-

извинительно. Утверждать, что прибѣгать къ нимъ еще преждевременно, и успоковать себя тѣмъ, что бѣда еще не пришла, а когда придетъ, тогда видно будетъ что надо дѣлать, — такъ же неблагоприятно, какъ неблагоприятно безопасно сидѣть на рельсахъ желѣзной дороги, когда приближается паровозъ, и въ оправданіе своей безопасности говорить: вѣдь онъ еще не подошелъ, авось не раздавитъ. Вы не хотите, чтобы васъ страшали толками о грозящей бѣдѣ? Но что худаго въ этомъ? Бѣда, которую со страхомъ ожидали и встрѣтить приготовились, если и придетъ, не такъ страшна, какъ бѣда неожиданная, для отвращенія которой ничего не сдѣлано заблаговременно. Ужь если нужно испытать непріятность страха, лучше теперь подвергнуться этой непріятности, — теперь вреда въ этомъ ровно никакого нѣтъ, а страхъ отъ бѣды несжданно пришедшей, и особенно отъ такой какъ холера, всегда вреденъ. «Зачѣмъ страшать холерою? Зачѣмъ пугать напоминаніями о смерти?» — Да это не только не вредно, а еще полезно. Сказано: *помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши*. Мысль о *послѣднихъ*, т. е. о смерти есть лучшая преграда грѣху. Самъ Господь, чтобъ удержать нашихъ прародителей отъ грѣха, грозилъ имъ смертію. И еслибъ они не перестали бояться этой угрозы, не поколебались вѣрить ей, — они не согрѣшили бы: страхъ смерти оградилъ бы ихъ отъ нарушенія данной имъ заповѣди и отъ самой смерти. Посему и мы не только не должны гнать отъ себя страхъ смерти, а еще сами должны страшать себя ею. Смерти, конечно, во всякомъ случаѣ намъ не избѣжать, но страхъ ея былъ бы для насъ спасительнымъ. Вѣдь мы оттого, между прочимъ, такъ безопасно грѣ-

шимъ, что не помышляемъ о смерти и объ отвѣтственности за наши грѣхи по смерти. Такъ на примѣръ страсть къ грѣховнымъ наслажденіямъ, страсть къ неправеднымъ стяжаніямъ, страсть честолюбія, — всѣ эти страсти не съ такою силою овладѣвали бы людьми, еслибѣ люди не забывали ту простую истину, что и земныя утѣхи, и богатства, и почести, за чѣмъ они безъ устали гоняются въ этой жизни, оставляютъ ихъ со смертію, слѣдственно не стоятъ тѣхъ тяжкихъ жертвъ, на которыя большею частію покупаются, — и еслибы притомъ твердо помнили, что за временную грѣховную сладость они могутъ поплатиться горечью вѣчныхъ мученій. Если, братія, страхъ смерти можетъ быть для насъ столь спасителемъ, то, повторяю, его должно возбуждать въ себѣ не только теперь, когда губительная болѣзнь уже произвела не мало опустошеній въ нашемъ отечествѣ, но и во всякое другое время, и тѣхъ, которые напоминаютъ намъ о смертной опасности, должно благодарить, а не досадовать на нихъ за неблаговременность будто бы такихъ напоминаній.

По свойственной каждому изъ насъ любви къ жизни, никому, конечно, не хочется умереть преждевременно. Но напоминанія о смерти для того въ настоящее время и дѣлаются, чтобы побудить насъ къ принятію предосторожностей, потребныхъ къ сохраненію жизни. Однѣ изъ этихъ предосторожностей — духовныя, другія — житейскія. Къ первымъ относятся молитва и покаяніе. Какъ могутъ способствовать къ удаленію грядущей опасности молитва и покаяніе, видно изъ примѣра Ниневитянъ. Господь чрезъ пророка Іону возвѣстилъ имъ и городу ихъ конечную погибель. Определено было и время на-

казанія, — черезъ сорокъ дней. Но молитвою и сердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ, соединеннымъ съ постомъ, Ниневитяне отвели отъ себя праведный гнѣвъ Господа: городъ и жители его спасены отъ гибели. Будемъ и мы подражать примѣру Ниневитянъ, если не желаемъ преждевременно разстаться съ жизнію. Молитва потому съ семь случаѣмъ потребна и благотворна, что жизнь и смерть находятся во власти Господа. Безъ Его опредѣленія или поущенія ничто не бываетъ на свѣтѣ, слѣдственно и болѣзни. Физическія силы, производящія ту или другую болѣзнь, не слѣпо дѣйствуютъ, а направляются въ дѣйствованіи незримою рукою Промысла. — Съ молитвою объ отвращеніи гнѣва Божія должно быть соединяемо раскаяніе во грѣхахъ и исправленіе жизни, какъ необходимое условіе успѣха сей молитвы. Вѣдь гнѣвъ Божій мы привлекаемъ грѣхами нашими; посему и умилостивить Бога мы не иначе можемъ, какъ искреннимъ отвращеніемъ отъ нихъ и рѣшительными усиліями отстать отъ нихъ и начать жизнь богоугодную. Молитва и покаяніе, — это, какъ мы сказали, духовныя средства къ отвращенію угрожающей намъ губительной язвы, но при нихъ не должно пренебрегать естественными, указуемыми врачбною наукою предосторожностями. Въ чемъ онѣ состоятъ, извѣстно изъ неоднократно обнародованныхъ совѣтовъ и предписаній. Къ сожалѣнію, эти полезныя совѣты и предписанія принимаются многими только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію. Одни такъ относятся къ нимъ по неизвинительной безпечности и по легкомысленной надеждѣ, авось не будетъ бѣды, другіе — подъ предлогомъ покорности волѣ Божіей. «Отъ воли Божіей, говорятъ они, не уйдешь.

Кому Господь судилъ умереть отъ губительной болѣзни, какъ ни берегись, не убережешься отъ смерти. А кому не суждено это, тотъ цѣль останется, хотя бы и вовсе не берегъ себя. Значить всѣ предосторожности бесполезны». Христіанское ли такое разсужденіе? Судьба наша зависитъ отъ воли Божіей, что съ нами должно случиться, это во власти Божіей: *Господь мертвитъ и живитъ*. Посему смиренно должно предавать себя и свою судьбу волѣ Божіей. Но эта преданность волѣ Божіей не освобождаетъ насъ отъ обязанности заботиться о своемъ здоровьѣ, о сохраненіи его естественными средствами, ибо эта обязанность лежитъ на насъ тоже по волѣ Божіей: воля Божія не только властвуетъ надъ нашею судьбою часто вопреки нашимъ соображеніямъ и ожиданіямъ, но и предписываетъ законы для нашей свободной дѣятельности. Что обязанность беречь свое здоровье узаконена волею Божіею, это ясно изъ тѣхъ обязанностей, исполненіе которыхъ невозможно безъ сохраненія здоровья, каковы на примѣръ обязанности труда, благотворительности, участія въ общественномъ богослуженіи и т. д. Притомъ сказано: *никтоже когда кто свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. 5, 29). Это сказано въ доказательство того, что мужья обязаны любить своихъ женъ, какъ свои тѣла (ст. 28). Безъ сомнѣнія, такое доказательство не имѣло бы силы, еслибъ апостоль не признавалъ, что свойственная каждому изъ насъ заботливость о самосохраненіи, о поддержаніи тѣлеснаго благосостоянія, согласна съ волею Божіею, и есть святая наша обязанность. Притомъ ап. Павель писалъ ученику своему, епископу Тимоѳею, чловѣку, какъ видно, болѣзненному: «впредь пей не одну

воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (1 Тим. 5, 23). И Павелъ и Тимофей были святые люди, оба — угодники Божіи, и ужъ вѣрно не меньше насъ были преданы волѣ Божіей, и однакожь не говоритъ Павелъ ученику своему: «о здоровьѣ своемъ не заботься, положишь на волю Божія. — захочетъ Богъ, будешь здоровъ, не захочетъ—ничего не подѣлаешь». Ничего такого не говоритъ Павелъ Тимофею, а совѣтуетъ ему принять естественныя, предписываемыя простымъ благоразуміемъ средства къ сбереженію его здоровья, и ученикъ, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ благому совѣту учителя, не находя несогласнымъ съ волею Божіею исполненіе сего совѣта. Теперь, если святые не пренебрегали естественными средствами къ сбереженію здоровья, какъ же намъ-го пренебрегать ими, и притомъ еще подъ предлогомъ преданости волѣ Божіей, какъ будто обязанность хранить свое здоровье противна волѣ Божіей! Нѣтъ, кто твердитъ: воля Божія, воля Божія, а самъ ничего не дѣлаетъ для своей безопасности, тотъ пусть не думаетъ, что онъ повинуется волѣ Божіей: онъ идетъ наперекоръ ей.

Итакъ, братія, въ виду угрожающей язвы не будемъ предаваться увнью и малодушію, но вмѣстѣ не будемъ и безпечны, будемъ усердно молить Господа, да отведетъ отъ насъ праведный гнѣвъ Свой, а для успѣха сей молитвы будемъ стараться объ исправленіи нашей жизни, не уклоняясь при этомъ отъ принятія естественныхъ предохранительныхъ противъ грядущей опасности мѣръ.

Свящ. В. Нечевъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЗАПИСКИ УRSУЛЬСКАГО МИССІОНЕРА ІЕРОМОНАХА СМАРАГДА, ЗА 1865 ГОДЪ.

Января 1-го дня, въ Урсульскомъ станѣ миссіи, предъ литургіею, крещена мною Чуйская двоеданческая вдова *Тайта* Мурснаева, во святомъ крещеніи нареченная Маріею, и во время литургіи причащена святыхъ Таинъ. По выходѣ изъ церкви, у меня въ квартирѣ новопросвѣщенная объявила, что у нея есть двое малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся, послѣ смерти ея мужа, у роднаго брата его, живущаго въ верховьѣ рѣки Чуи, близъ китайской границы. Марія просила меня послать за ея дѣтьми и присоединить ихъ къ православной церкви. По ея желанію я написалъ къ Чуйскому двоеданческому Зайсану. Зайсанъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ, что онъ въ настоящее время, по неудобству дороги и по чрезвычайной стужѣ, не можетъ прислать къ намъ дѣтей. Мы рѣшились ждать до весны.

Мая 13-го дня я былъ на рѣкѣ Чуѣ для закладки церкви. Въ это время прибыла туда и новокрещенная Марія; вмѣстѣ съ нею я просилъ Зайсана возвратить матери дѣтей ея; но онъ сказалъ намъ, что уже не разъ посылалъ за ними; но дядя ихъ удерживаетъ у себя, и что теперь они, вмѣстѣ съ дядей, скочевали за предѣлы Россіи, въ китайское владѣніе, гдѣ имѣютъ

свое кочевье, подъ покровительствомъ начальника пикета, который ихъ какъ подданныхъ китайской имперіи не выпускаетъ въ Русскую землю; «тебѣ же, Тайта, прибавилъ Зайсанъ, за подданство Россіи и за принятіе русской вѣры Юрганъ Суокскаго караула грозить смертною казнію, по китайскимъ законамъ». Огорченная мать, видя невозвратную потерю своихъ дѣтей, долго плакала; но потомъ, возложивъ печаль свою на Бога, утѣшилась надеждою, что Онъ милосердый попечется о ней и о дѣтяхъ ея.

Января 8-го дня крещенъ мною 5-й Алтайской дючины калмыцкій сынъ *Билекъ*, 23-хъ лѣтъ, во святомъ крещеніи нареченный *Георгіемъ*. 9-го января, за литургіей, онъ приобщенъ святыхъ Таинъ. Потомъ для обученія правиламъ христіанской жизни и домохозяйству отданъ осѣдлому инородцу Кокшенской инородческой управы *М. И. Козлову*.

Въ одномъ изъ новокрещенныхъ семействъ жила у своихъ родственниковъ некрещенная дѣвица сирота *Палашъ*. При посѣщеніи новокрещеннаго семейства, я нѣсколько разъ убѣждалъ больную Палашъ принять святое крещеніе; но она всегда отвѣчала миѣ обычнымъ Алтайцамъ, въ такомъ случаѣ, отвѣтомъ: «не буду креститься». 10-го января, вечеромъ, больная *Палашъ* сама прислала за мной. Я поспѣшилъ къ ней; больная лежала въ постелѣ и не могла встать. Увидѣвши меня, она сказала: «батюшка, крестите меня, я желаю быть крещенной». На вопросъ мой: почему же ты прежде была такъ упорна и на гласъ, призывавшій тебя къ вѣрѣ въ истиннаго Бога и къ святому крещенію, всегда отвѣчала отрицательно, а теперь сама просишь, чтобы тебя крестили? сказала: «я не въ силахъ теперь отвѣчать вамъ: моя болѣзнь тѣснитъ мою

грудь и давить сердце; мнѣ тяжело говорить много съ вами; прошу васъ, крестите меня: я теперь вѣрую въ истиннаго Бога Иисуса Христа, желаю жить по Его заповѣдямъ и умереть христіанкою; не отлагайте моего крещенія, — мнѣ что-то стало очень тяжело». Боясь отпустить ее въ вѣчность некрещенною, я тотчасъ занялся приготовленіемъ ея ко крещенію, и въ тотъ же вечеръ больная Палашъ, съ христіанскимъ именемъ Татьяна, вышла изъ св. купели. При совершеніи таинства муропомазанія больная почувствовала себя легче и видимо сдѣлалась веселѣе. 11-го утромъ новокрещенная Татьяна приведена была къ литургіи для причащенія св. Таинъ. Въ церкви больную хотѣли посадить на стуль, но она отказалась, сказавши, что ей теперь легко и весело, и что она чувствуетъ себя какъбы переродившеюся. Татьяна въ продолженіе Богослуженія стояла, и усердно молилась. Св. Тайны она приняла съ величайшимъ благоговѣніемъ, и по окончаніи литургіи со слезами благодарности къ Богу повторяла за мной благодарственную молитву: «Слава тебѣ Боже» и проч. Черезъ три дня послѣ крещенія и причащенія св. Таинъ новопросвѣщенная Татьяна скончалась смертію истинной христіанки; чистая душа ея отлетѣла къ Богу въ небесныя селенія, а тѣло ея мы предали землѣ по обряду православной Церкви.

Первую седмицу великаго поста я ежедневно совершалъ богослуженіе; говѣвшихъ инородцевъ обоюга пола было пятьдесятъ человѣкъ; всѣ они къ богослуженію ходили усердно, исповѣдывали грѣхи свои чисто-сердечно, и къ Таинству святаго причащенія приступали благоговѣнно.

Февраля 21-го дня я отправился по служебнымъ нуждамъ въ Улалу. На пути, въ Чемальскомъ станѣ,

22-го февраля, крещена мною 1-й Алтайской дючины калмыцкая дочь, дѣвица *Чамчишъ*, 15-ти лѣтъ, во святомъ крещеніи нареченная Евдокіею. Новокрещенная Евдокія, какъ безпріютная сирота, оставлена на жительство и для утвержденія въ вѣрѣ у С. М. Анастасіи С. Лызловой, при Чемальскомъ станѣ.

Весь мѣсяцъ мартъ и половину апрѣля я оставался при своемъ станѣ, занимаясь совершеніемъ богослуженія и исполненіемъ требъ для новокрещенныхъ и попеченіемъ о больныхъ. Апрѣля 9-го дня, до восхода солнца, пришла къ намъ въ станъ съ новокрещенной женщиной некрещенная дѣвица *Азакай*, дочь калмыка 6-й Алтайской дючины *Найманака* Намѣтова, и изъявила желаніе принять св. крещеніе. На вопросъ мой: «давно ли ты имѣешь желаніе креститься»? она отвѣчала: «я еще въ дѣтствѣ просила своихъ, чтобы крестили меня, но они не захотѣли исполнить моего желанія; теперь же, пришедши въ возрастъ, я часто вижу во снѣ умершихъ своихъ крещенныхъ родственниковъ, которые меня посылаютъ креститься». Едва *Азакай* успѣла сказать это, какъ вдругъ послышался крикъ возлѣ нашего дома; смотримъ: къ намъ въ домъ входитъ отецъ пришедшей креститься, калмыкъ *Найманакъ* съ женою и сыномъ и спрашиваютъ: «здѣсь дочь наша *Азакай*?» Она вышла къ нимъ и на вопросъ: «зачѣмъ ты сюда пришла»? отвѣчала: «вы знаете, что еще въ дѣтствѣ я желала креститься, но вы мнѣ препятствовали; теперь пришло время, я хочу выполнить свое давнее желаніе». Отецъ, мать и братъ бросились было на нее и хотѣли бить, но бывшіе съ нами остановили ихъ. Тогда она сказала имъ: «послѣ вы дѣлайте со мною, что хотите, а теперь я отсюда не выйду некрещенной». Отецъ и братъ дѣвицы хотѣли насильно

увести ее, но побоявшись новокрещеннаго общества, за которымъ мы хотѣли было послать, они остановились. Наконецъ отецъ ея, не много помолчавши, сказалъ: «*Азакай* унесла у меня сто руб. сер.» На вопросъ мой: «правда ли это?» она отвѣчала, что о деньгахъ она ничего не знаетъ, и они говорятъ это для того, чтобы мнѣ воспрепятствовать креститься. Тогда я обратился съ вопросомъ къ *Наймонаку*: «гдѣ онъ взялъ столько денегъ»? Онъ назвалъ одного изъ жителей селенія, у котораго онъ будто бы взялъ эти деньги взаймы; но это была совершенная ложь, въ которой уличилъ его тотъ самый инородецъ, на котораго онъ указывалъ. Тогда *Наймонакъ*, уличенный во лжи, сказалъ: «*Азакай!* крестись, я тебѣ не препятствую; а о деньгахъ я сказалъ напрасно; прощай, дочь моя!» — Я сталъ было говорить, чтобы и онъ послѣдовалъ примѣру своей дочери, но онъ не сталъ и слушать; сѣлъ на коня и отправился въ свой аилъ; за нимъ послѣдовали и всѣ родственники *Азакай*. По достаточномъ приготовленіи, 11-го апрѣля, *Азакай* съ христіанскимъ именемъ Агаѳи была крещена; въ настоящее время она живетъ въ Чемалѣ у крестной своей матери, обучается русской грамотѣ и хозяйству.

25-го Апрѣля, призвавъ на помощь Бога, я съ причетникомъ и толмачемъ, отправился верстъ за 400 отъ Урсула къ китайской границѣ, для закладки тамъ миссіонерской церкви, близъ лавокъ русскихъ купцовъ, на мѣстѣ называемомъ *Кожогоашъ*. Дорога отъ самаго Урсула верховая и чрезвычайно трудная. 26-го утромъ мы переезжали гору *Чичке-Таманъ*; спустившись внизъ, мы къ вечеру прибыли на катунскій перевозъ *Карыкочу*; разсѣдлавши коней, пустили ихъ вплавь, а сами на маленькой калмыцкой лодкѣ переплыли на другую сто-

рону рѣки. Переночевавши на берегу, утромъ 27-го отправились вверхъ по Катуні; отѣхавши по берегу Катуні неболѣе 10 верстъ, мы поворотили влѣво по рѣчкѣ Сальяръ. Въ верховьѣ Сальяра мы остановились; проживъ здѣсь до 2-го мая, я окрестилъ четырехъ человекъ. Крестившіеся пожелали переѣхать къ намъ на Урсулъ, а мы, 2-го мая, отправились далѣе. Съ вершины Сальярской горы мы видѣли всѣ вѣчно-снѣговыя Алтайскія горы; спустившись съ горы на рѣчку *Карасу*, здѣсь ночевали. 3-го утромъ, перемѣнивъ подводы, поѣхали внизъ по рѣчкѣ, спустились снова къ Катуні и проходили первый бомъ *Бичикъ-Туяя*. Этотъ бомъ невысокъ, опасности нѣтъ сорваться съ него внизъ; отсюда дорога повела насъ влѣво, къ рѣчкѣ Чуѣ. Передъ вечеромъ мы проходили Чуйскій бомъ *Кызлымъ туру*; онъ очень опасенъ, виситъ надъ самой рѣчкой Чуей; его проходятъ пѣшкомъ, а лошадей проводятъ по одной на поводу. Часа за четыре предъ нашимъ пріѣздомъ къ этому бому, какой-то отважный калмыкъ рѣшился ѣхать чрезъ бомъ на конѣ; товарищи сколько ни уговаривали его слѣзть съ коня, онъ не послушался, поѣхалъ; подѣхавъ къ самому опасному мѣсту, конь задрожалъ и остановился; смѣлый наѣздникъ стегнулъ его нагайкой, конь кинулся, но, не могши перескочить на противоположный камень, оборвался и вмѣстѣ съ сѣдокомъ улетѣлъ въ бурную Чую, гдѣ оба погибли невозвратно. Перешедши бомъ, мы остановились ночевать, по случаю ненастной погоды, въ которую по бомамъ ѣхать весьма опасно. Здѣсь мы прожили до 7-го мая. Въ это время мы имѣли случай бесѣдовать съ чуйскими двоеданцами о христіанской вѣрѣ и приглашали ихъ ко святому крещенію. Чуйцы обща-

лись принять оное тогда, когда поступать въ подданство Россіи. 7-го утромъ мы отправились вверхъ по рѣкѣ Чуѣ, и въ этотъ день прошли семь страшныхъ чуйскихъ бомовъ. О послѣднемъ боиѣ страшно и вспоминать; онъ виситъ надъ рѣкой Чуей такъ, что со страхомъ чрезъ него проходишь и пѣшкомъ; у нашего ямщика съ этаго бома сорвалась лошадь и разбилась до смерти. Прошедши всѣ чуйскіе бомы, мы остановились почевать. 8-го утромъ мы отправились; при поворотѣ съ рѣки Чуи въ рѣчку Мень лошадь моя чего-то испугалась, начала биться подо мной, и на всемъ скаку споткнулась; я чрезъ ея голову слетѣлъ и ударился о землю; слава Богу, ничего не повредилъ, только не много зашибъ правую руку. При закатѣ солнца мы у ручья остановились почевать. Мая 9-го, къ вечеру, прибыли въ Кожогашъ, къ лавкамъ русскихъ купцовъ. 10-го утромъ собрались ко миѣ новокрещенные двоеданцы; мы отслужили молебенъ съ акаѣистомъ Сладчайшему Иисусу; по окончаніи молебна, поучивъ новокрещенныхъ молитвамъ, напоивъ ихъ чаемъ и одѣливъ сухарями, я отпустилъ ихъ домой.

Мая 13-го дня, въ день Вознесенія Господня, послѣ литургіи, я по чину церковному сдѣлалъ закладку Чуйской-Кожогашской церкви. 15-го Мая выѣхавъ изъ *Кожогаша*, 20-го въ полдень я прибылъ въ Урсульскій станъ. Изъ суммы 787 р. 15¹/₂ к., собранной въ Петербургѣ г. Дубовицкою для бѣдныхъ новокрещенныхъ, мною получено отъ начальника миссіи 22-го мая, за № 117-мъ, сто шестнадцать рублей, которые употреблены по назначенію. Облагодѣтельствоваанные бѣдные новокрещенные Урсульцы съ чувствомъ дѣтской простоты просятъ Господа Бога излить Свою милость на благотворителей.

24-го крещена мною 5-й алтайской дючины калмычка *Остомашъ*, во святомъ крещеніи нареченная Еленою. Мая 25-го дня прибылъ къ намъ въ Урскульскій станъ миссіи Бійскій почетный блюститель городского училища купецъ Василій А. Г. Гилевъ, который устроилъ и содержитъ на свой счетъ въ Урскульскомъ селеніи новокрещенныхъ училище и учителя. Г. Гилевъ, посѣтивъ наше училище, экзаменовалъ мальчиковъ, которые бойко читали ему псалтырь и краткую священную исторію по русскимъ книгамъ. Въ этотъ пріѣздъ къ намъ г. Гилевъ завелъ для учениковъ десять халатовъ, десять паръ рубашекъ и десять паръ сапоговъ; двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ принялъ на свое полное содержаніе.

Мая 30-го оглашено мною семейство калмыка 2-й алтайской дючины *Манпака* Кендрекова, состоящее изъ 5 человекъ. 5-го іюля всѣ они приняли святое крещеніе. *Манпакъ* въ крещеніи нареченъ Сергіемъ, жена его *Тээень* — Еленою, старшій сынъ ихъ *Мамашъ* — Махаиломъ. второй сынъ ихъ *Албанчи*—Гавріиломъ, дочь ихъ *Марію*; все семейство послѣ крещенія осталось жить при Урскульскомъ станѣ. Сентября 8-го дня присоединился къ нимъ и отецъ ихъ старикъ, крещенный въ Мыютинскомъ станѣ миссіи преосвященнѣйшимъ Виталиемъ епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ.

15-го сентября я выѣхалъ на рѣчку Ближній Ялманъ, отстоящую отъ Урскульскаго стана верстъ на пятьдесятъ; здѣсь кочующимъ калмыкамъ возвѣщалъ слово Божіе и призывалъ ко крещенію; слушающихъ было много, но увѣровалъ только одинъ двоюродный братъ *Чумъ Ольевъ*; жена его отказалась отъ крещенія и бро-

сила своего мужа. Чумъ послѣдовалъ за нами на Урсуль, а она осталась въ Яламанѣ; 10-ть дней мы приготавливали ко крещенію Чума, учили его краткимъ молитвамъ на калмыцкомъ языкѣ. По достаточномъ приготовленіи Чумъ съ христіанскимъ именемъ Сергія, 1-го октября, присоединился къ Христовой церкви.

10-го октября, въ бытность мою на рѣкѣ Шешехманѣ, въ юртѣ калмыка 4-й алтайской дючины Содона, между многими слушавшими Слово Божіе, дочь калмыка Содона увѣровала въ истиннаго Бога и изъявила желаніе креститься. Отецъ и мать ея хотя сами не соглашались послѣдовать примѣру своей дочери, но не препятствовали ея крещенію. 15-го октября самъ отецъ привезъ ее къ намъ на Урсуль, и просилъ меня въ присутствіи его крестить дочь; но какъ она еще не была приготовлена ко крещенію, то я предложилъ Содону, чтобы онъ погостилъ въ нашемъ селеніи, пока мы научимъ ее молитвамъ и истинамъ христіанской вѣры; онъ согласился. *Тибекъ* (такъ звали дочь Содона), была понятлива, скоро выучила молитвы и правильно изображала на себѣ крестное знаменіе. 22-го октября, предъ литургіею, въ Урсульской церкви, въ присутствіи ея отца, *Тибекъ*, съ христіанскимъ именемъ Пелагій, приняла святое крещеніе. За литургіею приобщена Св. Таинъ, потомъ передана на жительство воспріемной своей матери Маріи Васильевой г. Мухачевой.

Всего въ продолженіи года крещено мною изъ идоолоклонниковъ 17-ть челевѣкъ.

Декабрь мѣсяцъ самый неудобный для верховыхъ разъѣздовъ по Алтаю; потому мы это время исключительно посвящаемъ на занятіе съ новокрещенными, на составленіе служебныхъ отчетовъ и исправленіе своихъ нуждъ по домохозяйству.

ПРЕДВКУШЕНІЕ СИЛЫ ГРЯДУЩАГО ВѢКА.

(РАЗСКАЗЪ).

Необыкновенное происшествіе, описаніе котораго предлагается вниманію читателей, есть одно изъ тѣхъ, которыми разрѣшаются нѣкоторыя недоумѣнія наши въ наукѣ о душѣ и проясняются нѣкоторыя тайны ея состоянія за гробомъ.

Княгиня А. Ѳ. Г—на, урожденная Боб—на, просто-сердечная христіанка, добрая жена и мать дѣтей, жила въ супружествѣ одиннадцать съ небольшимъ лѣтъ. Она была сложенія слабо-нервнаго, нрава тихаго, спокойнаго и всегда почти ровнаго. Твердая въ Православной вѣрѣ, она не засоряла своей головы чтеніемъ книгъ располагающихъ къ мечтательности. Она находила великое удовольствіе въ исполненіи семейныхъ обязанностей, нѣжно была привязана къ мужу и дѣтямъ своимъ и домашній кругъ предпочитала развлеченіямъ въ свѣтскихъ шумныхъ собраніяхъ, составляющихъ для другихъ женщинъ необходимую стихію. Любимыя мѣста ея прогулки бывали по большей части или уединенныя загородныя дачи, или кладбища, или святые обители, гдѣ съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривала надгробные памятники. Въ домашнихъ разговорахъ ни о чемъ съ бѣльшею охотою не разсуждала какъ о будущей жизни, о приготовленіи къ смерти, или о состояніи умершихъ за гробомъ. Неоднократно посѣщаемая была знаменательными сновидѣніями (а), которыя рассказывала однимъ только

(а) Достоинно особеннаго замѣчанія изъ ея сновидѣній слѣдующее: Нѣкогда она, нося въ душѣ своей глубокую скорбь

домашнимъ, съ младенческою простотою. Кромѣ ежегоднаго пощенія, она имѣла обычай говѣть и приступать къ св. Тайнамъ также во время чревоношеній не задолго до родовъ.

1834 года мая 7 дня, послѣ самаго труднаго и болѣзненнаго чревоношенія, она разрѣшилась близнецами мужескаго пола. Еще до родовъ она сподобилась зрѣть въ сновидѣніи Спасителя въ томъ видѣ, какъ Онъ изображается на живописныхъ иконахъ, во весь ростъ, въ хитонѣ розоваго цвѣта, съ голубою верхнею ризою, съ раздвоенною бородою, съ прекраснымъ челомъ и небеснато цвѣта глазами, съ благословляющею ея рукою (какъ она сама рассказывала о томъ съ восхищеніемъ), и на неотступную просьбу ея, чтобъ Онъ преобразился передъ ней, какъ передъ учениками Своими, Онъ ей сказалъ: «для чего ты сего желаешь? ты Меня увидишь во второе Мое на землю пришествіе во всей Моей славѣ». На сіе она отвѣчала: «я тогда очень устращусь какъ и прочіе люди; я желаю теперь сего потому, что очень Тебя люблю». Онъ отвѣчалъ: «жди же Святой недѣли», и на вопросъ ея: въ который день сіе будетъ? Спаситель дня не назначилъ, а обѣщаль только явиться.

На разсвѣтѣ 22-го мая она вдругъ почувствовала себя такъ дурно (хотя очевидно оправлялась послѣ родовъ), что, опасаясь за продолженіе жизни своей,

о томъ, что несчастно разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ, и неутѣшно сокрушаясь и о себѣ самой, и о его участи, видѣла во снѣ явившагося ей св. Іоанна Крестителя, который въ утѣшеніе ей сказалъ: «Не скорби о твоёмъ мертворожденномъ, я покровитель такихъ младенцевъ». Послѣ сего видѣнія она принесла благодареніе Богу и его св. угоднику, и совершенно успокоилась.

тотчасъ потребовала духовника, и уже при крайнемъ истощеніи силъ, тупѣющимъ языкомъ, но въ чистой памяти принесла исповѣданіе въ своихъ грѣхахъ и потомъ сподобилась принять св. Тайны. Замѣчено было всѣми, что вскорѣ послѣ причащенія тускнѣющіе глаза ея снова прояснились и какая-то неизъяснимая живость отразилась на ясномъ и спокойномъ лицѣ ея. Это, безъ сомнѣнія, было дѣйствіе благодати освящающей! Потомъ, прощаясь съ огорченнымъ супругомъ съ довольною твердостью духа, благословивъ дѣтей и испросивъ себѣ прощеніе у всѣхъ домочадцевъ, она сказала: «Молитесь о мнѣ Богу, а я сама о васъ также буду молиться, если буду достойна». Вслѣдъ за тѣмъ, чрезъ мужа своего съ заботливостію просила духовнаго отца подарить ее немногими минутами присутствія при смертномъ одрѣ ея, для принятія отъ него послѣднихъ наставленій къ вѣчной жизни и пожелала освятиться елеемъ, сказавши: «не долго проживу съ вами».

Когда начато было послѣдованіе св. елея, она, мановеніемъ руки подозвавъ къ себѣ мужа, сказала: «Слышишь ли ты это пѣніе? Какъ оно тебѣ нравится?» и на отвѣтъ его, что оно есть самое утѣшительное для христіанина, присовокупила: «да, это пѣніе полезно и важно для земныхъ; приучай къ нему себя и дѣтей и домашнихъ, а я скоро тамъ услышу другое, лучшее, ангельское пѣніе! Мнѣ здѣсь хорошо было, и тамъ хорошо будетъ,—только ты не плачь о мнѣ». По окончаніи елеосвященія, которое приняла въ чистой памяти, она, какъ утомленная, закрыла вскорѣ глаза, и погрузилась въ глубокое безчувствіе, продолжавшееся болѣе часу. Дыханіе ея постепенно ослабѣвало, и для всѣхъ замѣтно было тихое разлученіе

души отъ тѣла, такъ что отправлено было духовникомъ и послѣдованіе на исходъ души.

Вскорѣ прибылъ докторъ Кильдюшевскій, пользовавшій больную; по освидѣтельствованіи у ней пульса, онъ не обинуясь объявилъ, что вся жизненность въ тѣлѣ угасла. На лицѣ ея выступилъ уже самый крупный, холодный, смертный потъ, и замѣтно было вмѣстѣ съ симъ какъбы послѣднее судорожное движеніе въ чертахъ лица. Но вотъ поразительная минута! Г. Кильдюшевскій, который не переставалъ внимательно наблюдать ея положеніе и замѣтилъ, что уже и пульсъ подъ его рукою остановился,—лишь только произнесъ къ предстоящимъ: *скончалась!* какъ сверхъ всякаго ожиданія она открываетъ глаза, ясные и свѣжіе, и довольно твердымъ и выразительнымъ голосомъ, какъ бы низпадшая отъ свѣта въ тьму, начинаетъ говорить: «Гдѣ я? Гдѣ я?»

Надобно было видѣть положеніе изумленныхъ врачей (ибо и г. Рихтеръ въ слѣдъ за симъ прибылъ), надобно было видѣть положеніе обрадованнаго, или лучше сказать, потерявшагося отъ радости мужа, нѣмое удивленіе всѣхъ предстоящихъ, чтобы имѣть понятіе о семъ событіи! Пораженный этимъ неожиданнымъ оживленіемъ, которое трудно было подвести подъ общіе законы природы, одинъ изъ врачей (Кильдюшевскій) воскликнулъ: «Великъ Богъ! куда теперь годятся всѣ наши познанія тамъ, гдѣ очевидно дѣйствуетъ персть Божій, гдѣ сила Его въ немощи совершается». Пусть другіе разсуждаютъ о семъ какъ хотятъ, пусть назовутъ это нерѣдкимъ, а обыкновеннымъ явленіемъ, какъ-то: оцѣпененіемъ или обморомъ; но весьма необыкновенно было то, что ожившая, какъ бы совершенно чуждая всего плотскаго,

съ трудомъ узнавала окружавшихъ, ничего земнаго и человѣческаго почти не понимала, какъ новорожденная, а о всемъ божественномъ, духовномъ и о священномъ говорила съ восхищеніемъ небожителя, съ отчетливостію высшаго самосознанія, съ услажденіемъ души уже вкусившей силу грядущаго вѣка. Не болѣе девяти часовъ она находилась въ состояніи подобномъ тому, въ которомъ былъ св. апостоль Павелъ, сказавшій о немъ: *Аще въ тѣль, или кромѣ тѣла не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Кор. 12, 3.).

Предлагаемъ на разсужденіе любознательныхъ слѣдующія подробности, замѣченныя и подтвержденныя очевидцами свидѣтелями, описанныя нарочито съ собственныхъ словъ ожившей.

— Гдѣ я? стала говорить она послѣ пробужденія, — скажи мнѣ кто-нибудь, неужели я опять въ этомъ темномъ, скверномъ, душномъ и скучномъ мірѣ? Ахъ, зачѣмъ я разлучилась съ тѣмъ свѣтомъ, гдѣ видѣла Спасителя! Тамъ все такія прекрасныя лица, а здѣсь какіе все уроды, безобразные, грубые, гадкіе!

— Неужели вы не узнали насъ, княгиня? Это вашъ мужъ князь Н. Н.—чъ, а это ваши дѣти: называя всѣхъ по имени, сказала одна благородная особа.

— Мужъ, дѣти! нѣтъ никого не знаю, да и самыхъ словъ вашихъ не понимаю. Я замужемъ не была и дѣтей у меня нѣтъ. Правда, я видѣла тамъ прекрасныхъ дѣтей, а эти какіе дурные! (*послѣ нѣкотораго молчанія*) Да! не хотѣла бы я выдти оттуда; такъ все тамъ хорошо, свѣтло, весело! Какъ мнѣ тамъ было легко!—я была тамъ совсѣмъ здорова, а здѣсь—какъ мнѣ трудно, тяжело, скучно!—Но Спаситель мнѣ сказалъ: поди живи еще тамъ, гдѣ была, а когда не будешь тамъ болѣе нужна, Я опять совсѣмъ уже возьму

тебя. Что же дѣлать? (При семъ изъ груди ея излетѣлъ глубокій вздохъ).—Вотъ опять пришла сюда, продолжала она,—на мытарство, на страданіе; но нельзя было не повиноваться Спасителю; Онъ нашъ Богъ, Онъ искупилъ насъ. Однако скоро опять за мною пришлетъ! (молчаніе) Какъ мнѣ хочется еще видѣть Спасителя! Дайте мнѣ Его образъ!

Подаютъ ей образъ Успенія Богоматери, и образъ съ мощами св. Василя Парійскаго.—«Нѣтъ, это не тотъ образъ, тутъ много ликовъ святыхъ; святыхъ должно почитать и предъ Матерью Божіею благоговѣть: она родила намъ Бога Спасителя. Только поставьте эти образа на свое мѣсто, а мнѣ подайте образъ Спасителя, я Его одного люблю и къ Нему одному стремлюсь»....

Мужъ подалъ ей открытый молитвенникъ и сказалъ: «вотъ образъ Спасителя».

— Нѣтъ, отвѣчала она, я не хочу картинки цѣловать; подайте мнѣ самый тотъ образъ Спасителя, предъ которымъ молятся.

Какъ скоро подали ей нерукотворенный образъ Спасителя довольно изрядной живописи, она воскликнула: «Вотъ онъ, вотъ онъ Спаситель мой, Котораго я видѣла,—и крѣпко взявъ руками образъ, осыпала его пламенными лобзаніями, говоря: «люблю Тебя, Спаситель мой,—одного Тебя люблю, возьми меня опять къ Себѣ!»! потомъ обратясь къ предстоящимъ, говорить: «а вы, вы любите ли Спасителя? Если любите, то цѣлуйте Его всѣ, всѣ... Онъ нашъ Богъ, нашъ Искупитель, нельзя не любить Его!»—и когда всѣ предстоящіе приложились къ образу, велѣла поставить его передъ собою, и взираала на него съ услажденіемъ.

Обрадованный мужъ, приблизившись къ постелѣ,

сѣлъ ненарочно къ образу спиною, наклонясь къ женѣ. Она быстро всматриваясь въ него, сказала: «мнѣ говорили, что это мой мужъ; что же онъ за мужъ, который такъ не почтителенъ къ Спасителю? — Обернись и поклонись Ему, Онъ нашъ Богъ, нашъ Искупитель». Приказаніе ея тотъ часъ было исполнено.

Послѣ сего, увидѣвъ на рукѣ мужа обручальное кольцо, спрашиваетъ: «Что это у тебя на рукѣ?»—«Это обручальное кольцо, мой другъ».—«Не понимаю что за слово кольцо».—«Да то самое кольцо, которымъ меня съ тобою обручилъ священникъ, когда мы вѣнчались». «Почему же у меня на рукѣ нѣтъ такого же кольца?» «По болѣзни твоей, мой другъ, оно снято съ твоей руки для легкости». . . . «За чѣмъ же? нѣтъ, подайте мнѣ мое кольцо,—сказано: «Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ; только Богъ воленъ разлучить». Когда подали и надѣли ей кольцо, она сказала: «теперь знаю, что, когда священникъ насъ обручилъ, ты въ самомъ дѣлѣ мой мужъ».

На вопросъ, сдѣланный мужемъ, «знаетъ ли она Павла Николаевича Кильдюшевскаго?»—Княгиня отвѣчала: «да, онъ много обо мнѣ хлопочетъ».—Подходитъ докторъ и говоритъ: «не говорите, княгиня, много; вы слабы, примите лѣкарство или святой воды, — усните, закройте глаза».

— Что это за слова: слабы, лѣкарство, сонъ?—Какой мудреный, непонятный у васъ здѣсь языкъ! у насъ тамъ ничего такого нѣтъ, никто такъ не говоритъ. Да и какое право ты имѣешь мнѣ приказывать? Вотъ если мужъ прикажетъ мнѣ закрыть глаза, такъ я его послушаюсь, потому что самъ Богъ велѣлъ женѣ повиноваться мужу своему.

— Что у васъ болитъ, княгиня? спросилъ докторъ.

— Я закрываю глаза не отъ того, что спать хочу, но мнѣ противно смотрѣть на васъ всѣхъ уродовъ.

— Ты, мой другъ, приняла недавно лучшее лекарство: св. Тѣло и Кровь Христову, сказалъ мужъ.

— Да, я это очень помню; какъ мнѣ послѣ этого стало легко и пріятно! я не больна, а здорова; я видѣла Спасителя и Онъ послалъ опять меня къ вамъ уродамъ.

— Не приказывалъ ли чрезъ тебя Спаситель намъ чего-нибудь? спросилъ мужъ.

— Да, велѣлъ усерднѣе молиться и лучше жить.

— Скажи мнѣ, мой другъ, удостоюсь ли я быть тамъ, гдѣ ты была теперь? спросилъ еще мужъ.

Да, будешь, только молись Богу.

— Кстати, милая, спросила тетка, видѣла ли ты тамъ Володиньку (это новорожденный младенецъ, который вскорѣ послѣ крещенія умеръ)? видѣла ли и прочихъ дѣтей?

— Видѣла, или нѣтъ, вамъ объ этомъ знать не нужно, а хотя и видѣла, то вамъ не скажу, да и не могу; ибо вы недостойны, да и не поймете.—Какіе вы злые, все любопытствуете, а вѣрить не хотите. Потомъ, помолчавъ, продолжала:—да кто ты такая, меня спрашивающая?

— Я твоя тетка, Марья Дмитриевна (Б—на), кума, которая твоихъ дѣтей принимала отъ купѣли.

— А меня какъ звали здѣсь?

— Тебя зовутъ Анной, милая.

— У васъ здѣсь еще какъ-то величаютъ другъ друга. Какъ меня здѣсь величали?

— Ваше сіятельство, княгиня А. Ѳ—на.

— Какой у васъ здѣсь вздоръ! Тамъ ничего такого нѣтъ. Ахъ, какъ мнѣ скучно быть съ вами!

Между тѣмъ пришелъ духовникъ ея, приходскій священникъ (церкви св. Николы явленнаго, на Арбатѣ), посѣтитъ болящую. Ею она тотчасъ узнала, и улыбкою изъявивъ свое удовольствіе, сказала: «какъ я вамъ рада, батюшка; благодарю васъ, что меня приобщили св. Таинъ и особоровали; я видѣла Спасителя, и васъ мнѣ такъ пріятно видѣть! вѣдь вы носите на себѣ Его образъ. Отойдите всѣ прочь!»

Когда предстоящіе отошли всѣ въ сторону, она тихо, но уже тупо, сказала ему: «Именемъ Господнимъ, благослови меня, отче, въ путь». Священникъ благословилъ ее, и возложивъ руки на нее, прочелъ во услышаніе всѣхъ слѣдующую молитву:

«Господь Богъ премилостивый да ущедритъ тя; Господь Иисусъ Христосъ всякая прошенія благая да подастъ ти; Господь Всемогий да избавитъ тя отъ всякія напасти; Господь да научитъ тя; Господь да разумитъ тя; Господь да поможетъ ти; Господь да спасетъ тя; Господь да защититъ тя; Господь да сохранитъ тя; Господь да очиститъ тя; Господь радости духовныя да исполнитъ тя; Господь души и тѣлу твоему да будетъ заступникъ; Господь, яко милосердъ и благой челоуѣколюбецъ, прошеніе грѣховъ да подастъ тебѣ. Господь Богъ Иисусъ Христосъ въ день судный да помиуетъ тя и да благословитъ тя во всѣ дни живота твоего. Аминь». (Изъ Требника).

Послѣ сего, поцѣловавъ руку священника, она сказала: «какъ мнѣ теперь легко и пріятно! благодарю васъ батюшка».

По отбытіи священника, она часто вспоминала о немъ предстоящимъ, какъбы желая еще его видѣть. Потомъ потребовавъ образъ Спасителя и крестъ со св. мощами, въ послѣдній разъ приложилась къ нему

и велѣла отнести его на мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ изнемогающимъ голосомъ, заставляя предстоящихъ вѣстѣ съ нею молиться, рекла: «говорите за мною: Во имя Отца и Сына...» сіе послѣднее слово *Сына*, повторяемое нѣсколько разъ ею, замерло въ устахъ ея, и она тихо скончалась (24 лѣтъ отъ рожденія) (б).

ВОСПОМИНАНІЯ ЮНОСТИ.

Какъ въ вещественной природѣ случаются повѣтрія, или атмосферическія перемѣны, отъ которыхъ происходятъ жестокіе, эпидемическіе недуги, такъ и въ духовно-нравственной жизни человѣчества развиваются по временамъ особыя болѣзненные явленія. Таково въ наше время стремленіе къ отрицанію всего добраго, всего драгоцѣннаго для души человѣческой,—ложное ученіе, которое самое имя свое заимствовало отъ ничтожества (*nihil*).

Зараженные этимъ тяжкимъ недугомъ, бѣдные юноши чуждаются всего, что могло бы уврачевать ихъ. Они относятся холодно, безучастно, иногда даже неуважительно къ достоинствамъ лицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу и Церкви Его. Конечно, легче видѣть слабости, неизбѣжныя въ жизни каждаго человѣка, нежели замѣчать подвиги добродѣтели: слабости сами бросаются въ глаза, а истинная добродѣтель скромна и не любитъ выставять себя, истинное служеніе Богу совершается для Бога, а не для людей.

Какъ грустно смотрѣть на жалкія жертвы заразы, отвергающія близкое къ нимъ лекарство! И какъ должны благодарить Бога тѣ, которые въ ранней молодости имѣли счастье

(б) Описаніе событія составлено приходскимъ священникомъ и духовникомъ покойной, Михаиломъ Лаврентьевичемъ Воронцовымъ впослѣдствіи архимандритомъ Митрофаномъ; въ редакцію доставлено священникомъ Спиридоновской церкви Н. Д. Лавровымъ.

видѣть вокругъ себя живые примѣры добра, слышать добрыхъ наставленія, возрастать въ добрыхъ правилахъ христіанскаго ученія.

И мнѣ судилъ Промыслъ Божій быть въ числѣ такихъ счастливицевъ. Въ душѣ моей еще живы картины свѣтлыхъ дней моего отрочества и юности. Постараюсь положить на бумагу мои воспоминанія.

Въ Ростовѣ, на пути въ Костромскую губернію, случилось мнѣ видѣть отца Амфилохія. Мнѣ было только семь лѣтъ отъ роду, а блаженный старецъ стоялъ уже на порогѣ вѣчности. Еще нѣкоторые помнятъ отца Амфилохія; другіе знаютъ и уважаютъ его по слуху.

Онъ родился въ 1740 году, въ Ростовѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, а дѣдъ, священникъ с. Порѣчья, принялъ рукоположеніе отъ св. митрополита и чудотворца Димитрія: благословеніе Святителя дѣду обильно излилось и на внука его. Бывъ сначала причетникомъ, а послѣ діакономъ, онъ отличался кроткимъ нравомъ, благочестіемъ и строгостію жизни. Виѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искуснымъ иконописцемъ и находился въ числѣ художниковъ, собранныхъ въ 1770 году, по волѣ Екатерины II, для возобновленія стѣннаго письма въ Московскихъ соборахъ. Вскорѣ потомъ, лишившись супруги, онъ поступилъ въ Яковлевскій монастырь и въ 1779 году постригся. Съ 1780 года началось сороколѣтнее служеніе его въ должности гробоваго старца при ракъ святителя Димитрія. Слава, слѣдующая за смиреніемъ подобно тѣни, вскорѣ сдѣлала его извѣстнымъ не только жителямъ Ростова и окружныхъ мѣстъ, но и богомольцамъ изъ всѣхъ краевъ Россіи, и многія знатныя особы считали себѣ за счастье быть духовными дѣтьми его. Самъ

Императоръ Александръ обратилъ вниманіе на смиреннаго старца, украсивъ грудь его драгоценнымъ наперстнымъ крестомъ и удостоивъ своимъ посѣщеніемъ его келью.

Подведя меня къ старцу стоявшему у раки св. Дмитрія, мать моя просила его дать мнѣ наставленіе; старецъ позвалъ всю нашу семью къ себѣ въ келью. Здѣсь онъ довольно долго говорилъ съ моими родителями, но я не вполне понялъ слова его и позабылъ ихъ; замѣтилъ только, что мать моя плакала, слушая о. Амфилохія. Потомъ онъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «умѣешь ли читать, знаешь ли заповѣди?» Читать я умѣлъ, но заповѣди зналъ не твердо. «Помни пока хотя первую и пятую заповѣди: молись Богу усердно и почитай родителей. Читай чаще житія святыхъ; много добраго узнаешь. А чего не поймешь, проси чтобы тебѣ объяснили». Эти слова неученаго, но богоугоднаго и прозорливаго старца глубоко врѣзались въ моей памяти. Съ того времени я сталъ охотно читать сначала небольшіе рассказы изъ книги Мансвѣтова: «Учище благочестія», а потомъ и самую Четь-Минею, Любовь къ чтенію житій святыхъ, особенно русскихъ, осталась во мнѣ навсегда. Этому много содѣйствовалъ бывший при мнѣ дядька, страстный охотникъ до чтенія церковныхъ книгъ; каждый вечеръ онъ читалъ мнѣ то изъ Пролога, то изъ Четь-Миней, страданія мучениковъ и подвиги преподобныхъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, Богъ послалъ мнѣ счастье узнать другую свѣтлую личность, имѣвшую благотворное вліяніе на всю мою жизнь. Мы жили тогда въ деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Сергіевскаго посада. Однажды покойный отецъ мой, возвратясь изъ Посада, привезъ съ собою незнакомаго намъ гостя, съ которымъ

случайно познакомился. Какъ будто теперь вижу передъ собою этого гостя: человекъ съ высокимъ челою, съ небольшими, впалыми очами, близорукой, неловкій въ тѣлодвиженіяхъ, въ старомодномъ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, скромный, застѣнчивый, молчаливый... Это былъ молодой бакалавръ Московской духовной академіи, въ послѣдствіи знаменитый профессоръ Философіи, Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. И что казалось тогда страннымъ, я, ребенокъ, съ перваго взгляда полюбилъ чужаго человека, который даже и не приласкалъ меня. Говорятъ, что дѣтское предчувствіе не обманчиво; да, я не обманулся въ любви къ тебѣ, благодѣтельный наставникъ и второй отецъ мой! Память о тебѣ живетъ въ моемъ сердцѣ, и не умретъ, покуда оно бьется.

Знакомство съ Ѳ. А. прежде всего подѣйствовало на моего родителя: онъ отучился отъ кошуинства и полюбилъ чтеніе полезное для души. Нужно замѣтить, что покойный отецъ не былъ вольнодумцемъ, но, воспитанный французомъ-эмигрантомъ, былъ равнодушенъ къ православной вѣрѣ, и читалъ много сочиненій Вольтера, Дидерота, Гельвеція и другихъ писателей такъ-называемой школы энциклопедистовъ, которые умѣли пересыпать свой тлстворный ядъ блестками французскаго остроумія. Разговаривая съ Ѳ. А. о философіи и литературѣ, отецъ мой не удерживался отъ шутокъ, заимствованныхъ отъ корифеевъ безбожія, но не могъ не замѣтить искренняго ужаса и омерзѣнія на лицѣ гостя: Ѳ. А. не сказалъ ни слова, но однимъ укоромъ взгляда остановилъ кошуинство. При дальнѣйшемъ знакомствѣ, хозяицъ избѣгалъ остротъ, неспріятныхъ гостю, а гость, сдѣлавшись менѣе застѣнчивымъ, заговорилъ о красотахъ слога священныхъ писателей.

о божественной поэзіи псалмовъ Давида, и внушилъ хозяину желаніе приняться за чтеніе, дотолѣ ему незнакомое. Скоро увидѣли мы добрые плоды новаго знакомства: отецъ мой полюбилъ св. Писаніе, сталъ часто ходить въ церковь, и возненавидѣлъ тѣхъ французскихъ сочинителей, которыми прежде дорожилъ. Наконецъ онъ рѣшился съечь все произведенія Вольтера съ товарищами, и когда нѣкоторые старались отговорить его, совѣтуя лучше продать эти цѣнныя изданія, онъ съ отвращеніемъ сказалъ: «Не хочу продавать яда; самъ по себѣ знаю, какъ онъ вреденъ». И книги были сожжены на нашемъ дворѣ, въ прекрасный лѣтній день, къ удивленію прислуги и сосѣдей.

Наступило для меня время ученія систематическаго; но мы жили въ деревнѣ, и родителямъ моимъ трудно было найти хорошаго учителя. Въ этихъ заботахъ принималъ участіе и Ѳ. А.; онъ бывалъ у насъ довольно часто и по временамъ обращалъ вниманіе на меня, припоровляясь въ разговорѣ къ понятіямъ мальчика. Однажды я попросилъ его написать что-нибудь въ моемъ дѣтскомъ альбомѣ. Онъ написалъ:

«Что мнѣ желать, чтобы ты
 Меня помнилъ, любезный?
 Помни и крѣпко въ сердцѣ держи
 Отца человѣковъ,
 Помни и тѣхъ, кого, какъ ангеловъ,
 Добрыхъ,
 Мирныхъ хранителей юности,
 Окрестъ тебя Онъ поставилъ.
 Вышній въ славѣ Своей не сходитъ
 Предъ взоры младенца:
 Въ образѣ добрыхъ родителей Онъ
 Самъ себя открываетъ.
 Ихъ научившись любить, научишься
 Бога любить.»

Видя, что родители мои сильно озабочены затрудненіями въ пріисканіи учителя, *Θ. А.* предложилъ самъ заняться моимъ ученіемъ. Этому предложенію обрадовались, какъ истинному благодѣянію, наняли домъ въ Посадѣ и перевезли все нужное. Особенно радовался покойный отецъ мой, но ему не суждено было переселиться изъ деревни: послѣ краткой болѣзни, онъ скончался (19 февраля 1825 года), въ полной памяти, принявъ св. Тайны съ твердою вѣрою и горячею любовью къ Спасителю. Послѣднія слова его были: «Иисусе сладчайшій, спаси мя!» При погребеніи его, *Θ. А.* произнесъ въ нашей сельской церкви трогательное надгробное слово изъ текста: «Аще и пойду посреда сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси» (б).

На другой день послѣ похоронъ отца, мы переехали въ Посадѣ и здѣсь, на 13-мъ году жизни, началось для меня настоящее ученіе. Каждый день *Θ. А.* удѣлялъ мнѣ нѣсколько времени, иногда болѣе, иногда менѣе. Разнообразіе предметовъ, постоянная внимательность наставника, умѣнье его сдѣлать занимательнымъ то, что всегда кажется сухимъ и неяснымъ, все это вмѣстѣ могло пріохотить къ ученію даже лѣниваго ученика. Занятія *Θ. А.* со мною въ продолженіи пяти слишкомъ лѣтъ (до поступленія моего въ Московскій университетъ) были не столько уроками, сколько живыми бесѣдами отца съ любимымъ сыномъ. Здѣсь не было и тѣни схоластики, не было формальности и стѣсненій, не было взысканій и наказаній.

Если *Θ. А.* замѣчалъ, что я не приготовилъ задан-

(б) Это слово было доставлено мною, года три тому назадъ, въ редакцію журнала: «Странникъ» и тамъ напечатано.

наго урока или разсѣянно сижу въ классѣ, онъ закрывалъ книгу и говорилъ: «видно, ученіе горько: сегодня мы не будемъ заниматься». Это самое тяжкое для меня наказаніе случилось два раза въ пять лѣтъ!

Приходя въ возрастъ, я могъ лучше цѣнить высокія, рѣдкія достоинства ума и сердца незабвеннаго моего наставника. Онъ былъ истинно христіанскій философъ, не только по развитію мышленія, но и по правиламъ жизни. Всегда упражнясь въ самопознаніи, онъ былъ строгъ къ себѣ, сознавалъ въ себѣ малѣйшіе недостатки, даже упрекалъ себя въ томъ, за что другіе хвалили его, напр. когда случалось ему жертвовать для посѣтителей временемъ, которое могъ бы съ пользою употребить для науки. Но строгій къ себѣ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ: дверь его была открыта для каждаго, во всякое время; всякій могъ найти у него разрѣшеніе недоумѣнія, наставленіе въ наукѣ, утвержденіе въ вѣрѣ, доброе правило для жизни, лекарство отъ душевной болѣзни, заступленіе и защиту отъ несправедливаго гоненія, посильную помощь въ бѣдности. Студенты академіи приходили къ нему какъ къ родному отцу, сослуживцы дорожили его миѣніемъ и совѣтомъ, ученые наслаждались его бесѣдою; посѣтители всякаго званія, отъ вельможи до убогой странницы, пріѣзжавшіе и приходившіе въ Лавру, иногда вовсе незнакомые, стремились къ Ѳ. А. И онъ ко всѣмъ равно радушный, всѣхъ принималъ съ любовію, всякому умѣлъ передать то назиданіе, въ которомъ кто нуждался, — словомъ, былъ все для всѣхъ. Часто приходилось ему просиживать ночи надъ работою, потому что день и вечеръ были отняты посѣтителеми, а между тѣмъ онъ не считалъ себя въ правѣ сокращать ученые труды свои, какъ по добросо-

вѣстности въ исполненіи обязанностей, такъ и по смиренному убѣжденію въ томъ, что получасное имъ жалованье (хотя весьма скудное) требуетъ отъ него усиленной работы.

Глубокое знаніе человѣческаго сердца подавало Ѳ. А. возможность дѣлать духовное добро. Такъ ему удалось обратить одного ученаго Еврея, знатока Ветхозавѣтныхъ книгъ, къ искренней вѣрѣ въ Мессію, Котораго проповѣдовали Моисей и Пророки. Такъ онъ умѣлъ поддержать твердою рукю любви одного изъ учениковъ своихъ, уже окончившаго курсъ и занявшаго мѣсто преподавателя въ В. семинаріи: молодой человѣкъ, съ веселымъ и общительнымъ нравомъ, не умѣлъ удерживать себя въ границахъ строгой трезвости. Уже начальство думало удалить его какъ ненадежнаго, когда Ѳ. А. пришелъ къ нему на помощь какъ отецъ къ сыну, и умѣлъ, дружескими убѣжденіями, отвратить его отъ соблазна и привести на путь доброй жизни.

Еще недавно самъ сохращенный отъ нравственной гибели, теперь уже убѣленный сѣдинами, уважаемый священникъ, напомнилъ мнѣ объ этомъ случаѣ, съ искреннимъ чувствомъ благодарности къ почившему наставнику. И много было такихъ случаевъ, когда Ѳ. А. живымъ и дѣйственнымъ словомъ спасалъ заблуждающихъ и уклонившихся на скользкія распутія соблазна! Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ мнѣ извѣстны, но, по разнымъ причинамъ, я не могу рассказать о нихъ.

Лучшимъ перломъ незабвеннаго Ѳ. А., лучшимъ качествомъ чистой души его, было глубокое смиреніе. Не только на первыхъ порахъ ученой дѣятельности, но и тогда, когда имя Голубинскаго произносилось съ уваженіемъ въ Россіи и за границую, когда писалъ

о немъ Гакстгаузенъ и другіе путешественники, когда предлагали ему кафедру философіи въ Московскомъ университетѣ (б), когда Шеллингъ встрѣчалъ каждаго русскаго вопросомъ: знаетъ ли онъ философа Голубинскаго, и удивлялся, если слышалъ отрицательный отвѣтъ: нашъ знаменитый наставникъ всегда былъ проникнутъ искреннимъ смиреніемъ. Онъ не имѣлъ високаго мнѣнія о самомъ себѣ, внимательно выслушивалъ каждаго, кто съ нимъ бесѣдовалъ, и отъ каждаго желалъ научиться чему-нибудь доброму и полезному.

Въ началѣ нашего пребыванія въ Посадѣ *Θ.* А. еще не былъ женатъ, но вскорѣ женился, принявъ рукоположеніе священства и оставался профессоромъ академіи до конца жизни. Ему суждено было испытать тяжкое горе: онъ лишился жены и схоронилъ двухъ сыновей; особенно поразила его неожиданная смерть младшаго сына, весьма даровитаго мальчика (в). Съ того времени заслуженный труженникъ сталъ видимо ослабѣвать въ тѣлесныхъ силахъ и думалъ оставить службу при академіи. Въ вакацію 1854 года онъ пожелалъ съѣздить на родину, въ Кострому, чтобы повидаться въ послѣдній разъ съ родными (г). Изъ этой

(б) *Θ.* А. не принявъ этой кафедры, не желая разстаться съ академіей, которой посвятилъ дѣятельность цѣлой своей жизни.

(в) На могилѣ отрока Петра Голубинскаго, огорченный отецъ поставилъ памятникъ съ надписью:

«Небесный цвѣтокъ, не разцвѣтшій въ юдоли земной,
Тамъ разцвѣтай, орошаемъ Господней росой!»

(г) Передъ поѣздкою, какъ бы предчувствуя близкую кончину, *Θ.* А. писалъ:

«Я пересталъ другихъ учить
И въ школу по звонку ходить,

поѣздки онъ уже не возвратился: холера прекратила жизнь его въ Костромѣ, 22 августа 1854 года. Тѣло его погребено подлѣ могилъ отца и матери, близъ Богословской церкви въ Ипатьевской слободѣ. На могилѣ его стоитъ скромный чугунный памятникъ съ самою приличною надписью: «Словомъ училъ любомудрію, примѣромъ жизни—смиренію.»

Миръ праху твоему, вѣрный труженникъ истины и добра! Вѣрую, что чистая душа твоя въ обителяхъ небесныхъ наслаждается лицезрѣніемъ невечерняго Свѣта, по слову Господню:

«Блажени чистиі сердцемъ, яко тиі Бога узрять!»
А здѣсь на землѣ, вѣчная тебѣ память въ сердцахъ учениковъ благодарныхъ!

Возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. Во время моего ученія у Ѳ. А. ректоромъ Московской духовной академіи былъ (съ 1824 года) архимандритъ Поликарпъ, докторъ богословія и настоятель Новоспасскаго монастыря, человѣкъ прямодушный и весьма добрый. Отъ природы общительный и ласковый, онъ мало стѣснялся наружными формальностями, никогда не носилъ личины и всегда казался тѣмъ, чѣмъ дѣйстви-

Пора и самому учиться
Какъ съ грѣшнымъ міромъ распротиться!
Полвѣка я наукамъ посвятилъ
На жизненномъ пиру довольно погостилъ
.
Пусть тою же, какъ я, тропой,
Въ цвѣтникъ наукъ, во слѣдъ за мной,
Походить сынъ любезный мой,
А я—поставилъ посохъ свой!»

Сынъ, о которомъ упоминаетъ Ѳ. А. въ этихъ стихахъ, Дмитрій Феодоровичъ Голубинскій, теперь профессоромъ Физико Математическихъ наукъ въ Московской духовной академіи.

тельно былъ. Въ этомъ почтенномъ человѣкѣ соединились два драгоцѣнныхъ качества: онъ никого не осуждалъ никогда и каждому старался дѣлать добро, какое только могъ, не заботясь о накопленіи денегъ, но щедро раздавая ихъ всѣмъ, кто попроситъ. Случалось, что добродушіе его употреблялось во зло, и пользовались щедрымъ пособіемъ тѣ, которые вовсе не заслуживали помощи. Въ такихъ случаяхъ отецъ Поликарпъ говаривалъ: «наше дѣло не судить, а помогать.»

Въ 1836 году онъ былъ уволенъ отъ должности ректора и переселился въ Москву, въ свой монастырь... О прощаніи его съ академіей выписываю изъ письма Ѳ. А. Г. «Послѣдніе дни, проведенные здѣсь отъ ректоромъ Поликарпомъ, оставили для насъ нѣсколько назидательныхъ уроковъ и трогательныхъ воспоминаній о немъ. Мы не ожидали, что такъ скоро онъ взять былъ отъ насъ; думали, что онъ останется здѣсь по крайней мѣрѣ до окончанія курса. Мы сидѣли у него 28 января, какъ инспекторъ академіи Ф. (назначенный его преемникомъ), по окончаніи чтенія прочихъ дѣлъ, подалъ ему предписаніе о его увольненіи. Медленно, но безъ измѣненія въ лицѣ, читалъ о. Поликарпъ эту бумагу, потомъ, возвращая ее отцу Ф., сказалъ твердымъ голосомъ: «*Tibi gratulor, mihi gaudeo* (тебя поздравляю, а за себя радуюсь). Точно, я радъ, что такъ устроилось. Промыслъ все ведетъ къ лучшему. Иногда я самъ тяготился этою должностію; но подавать просьбу объ увольненіи не считалъ за нужное, потому что монахъ, когда возложена на него какая должность, долженъ нести ее, доколѣ не скорчится, а я еще не скорчился». Въ слѣдовавшіе за симъ дни отецъ Поликарпъ постоянно показывался одинаковымъ, безъ малодушія, безъ досады, съ обык-

новеннымъ своимъ обращеніемъ. Въ одинъ день нечаянно открылись ему слова Исаака Сурина: «не жди за добрыя дѣла награды. Награда дается смиренію» Это послужило къ подкрѣпленію его духа. Я сказалъ ему: «Вы дали намъ урокъ, принявши это предписаніе такъ благодушно, какъ отъ руки Божіей». Онъ отвѣчалъ: да какъ же иначе? вѣдь я ужь не ребенокъ; пора знать, что все съ нами случающееся приходитъ отъ руки Божіей».... Я примѣчаю, что Промыслъ ко благу моему суживаетъ путь мой, пока не дойду до той узкой стези, которой никому не миновать. Предъ отъѣздомъ о. намѣстникъ соборно пѣлъ для него молебенъ Прес. Троицѣ и Пр. Сергію, и самъ читалъ акаѳистъ. Тутъ были всѣ студенты, много монаховъ и всѣ мы (т. е. наставники академіи). О. Поликарпъ много поклоновъ земныхъ положилъ предъ мощами, потомъ, приложившись, говорилъ среди церкви прерывающимся голосомъ: «Вотъ, отцы и братія, со мною случилось нѣчто такое... много я учился, но въ разумъ истины не пришелъ. Для того и прибѣгнулъ теперь къ Пр. Сергію, чтобъ онъ вразумилъ меня. .. Онъ живъ, но онъ еще прежде смерти тѣлесной умеръ грѣху и міру. У него и мы должны учиться этой смерти, т. е. чтобъ умереть своей волѣ... Простите меня, и не забывайте въ своихъ молитвахъ». «Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, и всѣ слышавшіе также плакали.»

О. Поликарпъ не прожилъ и года въ Новоспасскомъ монастырѣ. Онъ мирно скончался отъ чахотки 19 января 1837 года, принявъ наканунѣ елеосвященіе, сидя въ креслахъ; послѣ соборованія тихо сказалъ намѣстнику: «говори братіи что я тебѣ буду говорить. Я видѣлъ сонъ. Пришелъ ко мнѣ мужъ, долженъ быть

святой, имени не знаю,—и сказалъ. Спасительъ послалъ тебѣ возвѣстити, что Онъ прощаетъ грѣхи твои, и даруетъ тебѣ жизнь, не за добродѣтели твои, а потому что многіе о тебѣ молятъ и просятъ». Послѣ того онъ просилъ молитвъ у братіи и замолчалъ (д). Такъ Господь услышалъ молитвы тѣхъ, которымъ дѣлалъ добро о. Поликарпъ, и исполнилъ надъ нимъ Свое обѣтованіе: «не судите, да не судими будете!» (Матѳ. 3, 1).

(До слѣдующей книжки).

Графъ М. Толстой.

С Л О В О

Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, предъ совершеніемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія о сохраненіи жизни Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича отъ злодѣйскаго покушенія убійцы. 6 апрѣля 1866 года (а).

Не придетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему: яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранить тя во всякъ путьехъ твоихъ. Псал. 90, 10. 11.

Такую безопасность отъ всякаго зла, такую неуязвимость и отъ стрѣлы, летящія во дни, и отъ вещи во тмѣ переходящія, обѣщаетъ слово Господне тому, кто, возложивъ все упованіе свое на Господа, предавъ Его отеческому промышленію всю душу и сердце, всю жизнь и судьбу свою, живетъ въ помощи Вышняго, водворяясь въ кровь Бога Небеснаго, — кто,

(д) «Монастырскія письма, Изд. 2-е 1864 стр. 22».

(а) Изъ 8 № Херсонск. Епарх. Вѣдомостей.

отъ полноты любящаго Бога и преданнаго Ему сердца, молится всегда ко Господу: *заступникъ мой еси и приближище мое, Богъ мой и уповаю на Него.*

Это божественное обѣтованіе, во всей полнотѣ и силѣ своей, сбылось, братіе мои, нынѣ надъ Боговѣнчанною главою Помазанника Божія, Благочестивѣйшаго Царя нашего. Страшное, неслыханное въ отечествѣ нашемъ злодѣйство совершилось, и угрожало Россіи ужаснымъ бѣдствіемъ, котораго послѣдствій мы и вообразить теперь не умѣемъ. Преступная рука злодѣя дерзнула посягнуть на августѣйшую жизнь, въ которой сосредоточены все счастье, всѣ радости, всѣ упованія и надежды отечества нашего съ которою соединены живымъ союзомъ многіе—многіе миліоны жизней. Господь, одинъ Господь, сохранилъ драгоценную жизнь сію отъ смертоносной стрѣлы, направленной въ нее злодѣйствомъ. Да будетъ отъ насъ слава, честь и поклоненіе столь дивно благодѣющему намъ Господу; да вознесется изъ глубины сердецъ нашихъ живая пѣснь хвалы и благодаренія Отцу Небесному, хранящему Помазанника Своего, яко зѣницу ока!

Мы не знаемъ еще всѣхъ подробностей совершившагося злодѣйства; не можемъ, посему, судить, какъ велика язва, обнаружившаяся такимъ зловѣщимъ признакомъ, глубоко ли пустила она свои корни, далеко ли распространила свою заразу. Но и то одно, братіе мои, что такое злое сѣмя могло появиться и вырасти на почвѣ той страны, которая отличалась всегда отъ всѣхъ странъ въ мірѣ своею горячею любовью, своею безпредѣльною преданностію, своимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ монархамъ своимъ, — въ средѣ того народа, который, бывъ воспитанъ православною Церковію въ страхѣ Божіемъ, наученъ изна-

чала благоговѣть предъ помазанниками Божиими, служить и повиноваться имъ, какъ самому Господу, жертвовать для нихъ и за нихъ всѣмъ — до послѣдней капли крови; одно это, говорю, должно поразить невыразимую скорбію всякое сердце, искренно любящее свое отечество, искренно желающее ему мира, благоденствія и добраго во всемъ преспѣянія, не равнодушное къ его чести и славѣ, къ настоящей и будущей судьбѣ его. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, безъ тяжкой, сокрушающей сердце скорби, помыслить, что это, быть-можетъ, не изступленный порывъ безумія, а сознательное проявленіе уже окрѣпшаго въ силахъ своихъ злодѣйства? Можно ли безъ содроганія подумать, что это, можетъ-быть, только незрѣлый плодъ уже укореняющагося древа, которое, если не будетъ вырвано съ корнемъ, принесетъ со временемъ самыя горькіе плоды бѣдствій всему отечеству?

По свойству плода не трудно понять, какое это дерево, и изъ какого сѣмени вырастаетъ оно. Это то же дерево, *еже разумѣти доброе и лукавое*, изъ котораго произошли всѣ бѣдствія человѣческаго рода, которое и нынѣ увлекаетъ къ своеволію и преступленіямъ живымъ общаніемъ: *будете яко божи*. Злое сѣмя, изъ котораго вырастаетъ сіе дерево, суть тѣ плевелы, которые сѣетъ діаволъ среди пшеницы, — тѣ лжеученія и лжеучители, отъ которыхъ такъ заботливо предохраняютъ насъ св. апостолы. Вотъ какъ изображаетъ св. апостоль Петръ этихъ сѣятелей зла: *будутъ и въ васъ лживи учителя, иже внесутъ ереси погибели, и искупльшиаго ихъ Владыки отъметнующеса, и въ умноженіи лъстивыхъ словесъ васъ уловятъ; наипаче же во слѣдъ плотскія похоти ходящія, и о господствѣ нерадщія, прoderзателе, себѣ угодницы, славы не трепе-*

щуть хуляще, яко скоти животни, въ нихже не разумють, хуляще, сласть мяще вседневное насыщеніе, сквернители и порочницы, питающаея лестьми своими, прегордая суеты въщающе, прельщаютъ души неутверждены, свободу имъ обѣщавающе, сами раби суще тльнія (2 Петр. 2, 1. 3. 10. 12. 13. 18. 19). Если всмотрѣться въ эту картину, начертанную пророческою кистію богодухновеннаго апостола за осьмнадцать вѣковъ предъ симъ, если приложить ее къ современнымъ проявленіямъ жизни такъ называемыхъ образованныхъ обществъ; то не трудно понять, братія мои, откуда происходятъ тѣ мрачныя явленія, которыя выдаются, по временамъ, такими страшными, зловѣщими чертами, каково нынѣшнее покушеніе на жизнь Помазанника Божія. Осматриваясь вокругъ себя, мы встрѣтимъ: и то святотатственное кощунство, которое, не изучивъ и не познавъ высокихъ, достопоклоняемыхъ истинъ вѣры Христовой, нечестиво отвергаетъ ихъ, отвергаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, и Самого искупившаго насъ Владыки и Господа,—не испытавъ собственнымъ опытомъ плодоносной силы христіанской жизни, бессмысленно глумится надъ смиренными рабами Господа, надъ покорными сынами св. Церкви, ходящими во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно;—и ту гордую, самодовольную недоученость, которая, не стяжавъ продолжительнымъ и неусыпнымъ трудомъ, основательныхъ, полезныхъ и благотворныхъ знаній, обольщаетъ слухъ неопытныхъ надутымъ пустословіемъ, выдавая за требованія разума преступныя влеченія развращеннаго сердца, за несомнѣнные плоды науки — мечты разстроеннаго воображенія и искаженіе здраваго смысла;—и то ложное понятіе о свободѣ, которое унижаетъ сей высочайшій даръ Божій до скот-

скаго произвола, до необузданнаго своеволія, до попранія законовъ Божіихъ, до ниспроверженія всѣхъ основъ благоустройства общественнаго;—и то безстыдное презорство, которое не стыдится лица старца, злословитъ всякую власть и начальства, не уважаетъ ни трудовъ ни заслуги смиренныхъ тружениковъ служенія общественнаго, не чтитъ даже виновниковъ бытія своего — отца и матери; — и то скотоподобное погрязновеніе въ чувственность, которое, презирая законы нравственности, посмѣваясь надъ скромностію, умѣренностію, воздержаніемъ и цѣломудріемъ, не сознаетъ даже существованія въ себѣ богоподобной и бессмертной души, которое успокоиваетъ себя тою отчаянною надеждою, *яко самослучайно рождени есмы, и потомъ будемъ якоже не бывше*, — у котораго вся цѣль жизни, всѣ стремленія и надежды выражаются словами древнихъ безумцевъ: *прїидите и насладимся настоящихъ блазихъ* (Прем. Сол. 2, 2. 6);—и то завистливое недовольство, которое злословя и оуждая все, не дѣлаетъ, однако-же, ничего что могло-бы свидѣтельствовать о его способности дѣлать лучше другихъ, которое, напротивъ, не трудясь въ потѣ лица своего, хотѣло б : наслаждаться плодами чужихъ трудовъ. Отъ такого репїя, волчцевъ и терній можно ли ожидать добрыхъ плодовъ мира и благоденствїя общественнаго?

Все это, брат. мои,—болѣзненные струпы, которые показываютъ, что наносимая вѣтромъ лжеученїй язва впивается въ общественное тѣло наше и заражаетъ его соки; все это—зловредные плевелы, которые сѣются между нами діаволь, намъ *спящимъ*, и которые, при нашемъ легкомысленномъ невниманїи и бездѣйствїи, могутъ разростаться и усиливаться. Мы твердо вѣруемъ, что Господь Іисусъ Христосъ сохранитъ свя-

тую Церковь Свою, и врата ада не одолѣютъ ей. Мы съ благоговѣйнымъ упованіемъ надѣемся, что богопріятныя молитвы толикаго множества прославленныхъ Богомъ праведниковъ, которыхъ возрастила и принесла въ небесную житницу благословенная Господомъ земля Русская, охранять отечество наше отъ бѣдъ и напастей, отъ потрясеній и бурь. Съ глубокимъ убѣжденіемъ сердца вѣруемъ, что Господь хранить и сохранитъ Помазанника Своего, яко зѣницу ока; ибо Самъ Онъ глаголаше въ видѣніи сыновомъ Своимъ о помазанникѣ Своемъ: *рука Моя заступитъ его, и мышца Моя укрѣпитъ его; ничтоже успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его* (Псал. 88, 22. 23); *яко на Мя упова, и избавлю его; покрюю его, яко позна имя Мое; воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его,— съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прослаблю его,— до концы дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое* (Псал. 90, 14—16). Но тѣмъ не менѣе и намъ нельзя оставаться равнодушными при видѣ зла, которое такъ дерзко проникаетъ въ среду общества, составляющаго Церковь святую о Господѣ;—и намъ должно въ кругу дѣятельности каждаго стараться исторгать плевелы, растущіе и множащіеся посреди насъ. Не должно обольщать себя мыслию, что пороки и беззаконія вредятъ только самимъ порочнымъ и беззаконнымъ; итъ, они, какъ болѣзненные соки, проникаютъ весь составъ общества, заражаютъ и здоровые его члены. *Трезвитесь и бодрствуйте.*—заповѣдуютъ намъ св. апостолы.

Бодрствуйте, прежде всего, на стражѣ собственной души своей, да не угаснетъ въ ней свѣтильникъ вѣры Христовой, да не оскудѣетъ елея любви къ Господу и ревности о благочестіи. Лучшее средство къ исправленію и исцѣленію общества есть исправленіе самого

себя каждымъ членомъ общества. Когда всѣ члены здоровы, будетъ здорово и все тѣло; въ такомъ случаѣ неисцѣльно зараженные члены отпадутъ сами собою. *Слѣмя свято—стояніе* всякаго общества, опора его благоденствія, источникъ его силы и крѣпости. Чѣмъ болѣе сего святаго сѣмени въ народѣ, тѣмъ крѣпче, сильнѣе, безопаснѣе и долгоденственнѣе царство; напротивъ, *за умноженіе беззаконія изсякнетъ любви многихъ* (Матѳ. 24, 12),—изсякнетъ та жизненная сила, которая скрѣпляетъ союзъ общества, оживляетъ и вдохновляетъ его на все истинно великое и славное, на всѣ подвиги самоотверженія, на всѣ труды и жертвы на пользу общественную. *Родъ правыхъ благословится*, говоритъ слово Господне. И чѣмъ болѣе правыхъ и непорочныхъ предъ Богомъ и человѣками въ какомъ-либо родѣ, тѣмъ обильнѣе изливаются на него благословенія Отца Небеснаго; напротивъ, чѣмъ болѣе порочныхъ и нечестивыхъ, тѣмъ скорѣе *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ* (Рим. 1, 18).

Бодрствуйте надъ воспитаніемъ чадъ своихъ. *Блудите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; да не злоба измѣнитъ разума ихъ*, и не заразитъ его язвою невѣрія, которое, надмевая, извращая, ослѣпляя молодые умы, дѣлаетъ ихъ неспособными ни къ чему доброму, полезному и благотворному, напротивъ, — скорыми и дерзновенными на все злое и вредоносное; — да не проникнетъ въ сердце ихъ зараза пороковъ и разврата, которая сдѣлаетъ и ихъ самихъ истинною язвою общества, посрамленіемъ и отребіемъ человѣчества. Ихъ порочная жизнь будетъ укоромъ вамъ предъ лицемъ общества, будетъ мучить васъ до самаго гроба, преслѣдовать муками и за гробомъ, вопіять на васъ предъ судомъ Божиимъ.

Бодрствуйте надъ своею жизнію и дѣятельностію общественною, не подавая другъ другу претыканія и соблазна, но *разумѣяюще другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ*. Да не посмѣетъ, среди общества нашего, возвысить свой голосъ нечестивое кощунство, дерзкое злорѣчіе, наглая насмѣшка; да изгонится изъ него все, чѣмъ погашается святая любовь христіанская,—всѣ раздоры и несогласія, всякое недоброжелательство и лицемеріе, всякая злоба и лукавство: но да царствуетъ въ немъ миръ и единоподушіе, взаимная любовь и доброжелательство. Да упразднится и изгонится изъ среды общества христіанскаго и тѣ соблазнительныя, большею частію безвременныя увеселенія, которыя поражаются праздностію и усиливають праздность, а съ нею и всякое зло. Совѣстливое исполненіе обязанностей семейныхъ и общественныхъ неужели не можетъ такъ наполнить времени, чтобы оно не оставалось празднымъ? Дѣла христіанской любви и милосердія неужели не могутъ принести истиннаго, высокаго и животворнаго утѣшенія сердцу? Богомысліе и молитва неужели не могутъ ободрить и освѣжить душу и сдѣлать ее способною и готовою на всякое доброе дѣло? Достойно-ли чувственное веселіе того, чтобы имъ ознаменовывать дни радости общественной? Нѣтъ, братіе мои, теперь особенно мы желали-бы, чтобы настоящій, истинно священный для насъ день,—день чудснаго сохраненія Промысломъ Божиимъ жизни возлюбленнаго Царя нашего, день избавленія всего отечества отъ угрожавшей ему страшной опасности, — ознаменованъ былъ, послѣ благодарной молитвы Богу-Спасителю, какииъ-либо истинно-христіанскимъ, благотворнымъ и общепользымымъ дѣломъ общественнымъ, которое продлило-бы благодарную память о немъ въ роды родовъ.

Бодрствуйте и трезвитесь, *всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ. О Бозь, единомъ Бозѣ — спасеніе и слава наша: къ Нему единому и должны обращаться и умъ и сердце наше, въ Немъ полагать всѣ желанія, чаянія и надежды свои, у Него просить всякаго даянія благаго и всякаго дара совершеннаго, Ему возсылать хвалу и благодареніе за всякое, ниспосылаемое свыше благодѣяніе. Да воспесетсѣ же нынѣ изъ глубины сердець нашихъ горячая благодарная молитва къ Отцу Небесному о сохраненіи августѣйшей жизни монарха нашего, — той драгоценной жизни, которая ознаменовала себя — въ немногіе годы благословеннаго царствованія Его — столь многими, истинно великими и безсмертными дѣлами царственной мудрости и безпредѣльной любви къ Своему народу, съ которою сопряжены всѣ лучшія надежды свѣтлой будущности Россіи, отъ которой отечество наше, съ благою надеждою, ожидаетъ всего, что можетъ создать его благоденствіе, могущество и славу. Да не престанетъ и никогда возноситься отъ сердець нашихъ сія святая молитва о возлюбленномъ Царѣ нашемъ; да сохранитъ Его Всевышній подѣ кровомъ Своимъ отъ всякаго зла, долготою дней исполнитъ Его и явитъ Ему спасеніе Свое; да дастъ Ему желаніе сердца Его, предваритъ Его благословеніемъ благостыннымъ, и положитъ въ вѣкъ вѣка сѣмя Его и престолъ Его яко дніе неба! Господи, спаси Царя, и услыши ны, въ онъ же аще день призовемъ Тя! Аминь.*

ВЪ ПАМЯТЬ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНАЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Двѣнадцатаго числа апрѣля мѣсяца, въ день годовичнаго поминаенія въ Бозѣ почившаго Благовѣрнаго Государя, Цеса-

ревича и Великаго Князя Николая Александровича, воспитанники Московскаго Коммерческаго училища и служащіе при немъ, желая почтить память почившаго Цесаревича, собрались въ училищной церкви для принесенія Господу Богу молитвы о упокоеніи души Его.

Послѣ панихиды законоучителемъ училища произнесено слѣдующее слово:

«Вотъ уже годъ, какъ не стало первенца у нашего общаго Отца-Государя, не стало дорогой надежды царства Русскаго, Благовѣрнаго Государя, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича. Припоминаю тотъ роковой день, который принесъ намъ страшную вѣсть объ этой потерѣ. Припоминаю, какъ эта потеря потрясла сердце всей земли Русской и какъ скорбь Августѣйшихъ Родителей болѣзненно отозвалась въ сердцахъ вѣрноподанныхъ. Они наперерывъ спѣшили заявить искреннее сочувствіе Своему Царю и, въ одно и то же время, то повергали къ престолу Его свои скорбныя чувства, то возносили къ престолу Царя царей теплыя молитвы о упокоеніи души новопреставленнаго Цесаревича.

Но, чтобы память о юномъ Цесаревичѣ жила вѣчно, чтобы любовь къ Нему не была только словомъ, но самымъ дѣломъ и истиною, въ то же время въ нашей древней столицѣ, какъ бы въ сердцѣ земли Русской, составилось братство во имя святителя Николая, ангела почившаго Цесаревича; и цѣль этого братства—заботиться о нуждахъ бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго званія, обучающихся въ духовныхъ училищахъ.

Имѣя счастье принадлежать къ братству св. Николая, я, возл. бр., рѣшаюсь пригласить къ благотворительнымъ на сей предметъ пожертвованіямъ всѣхъ, въ комъ будетъ усердіе къ этому святому дѣлу.

Теперь всего благовременноѣ подумать и позаботиться о воспитаніи и образованіи дѣтей духовнаго сословія. Потому что въ настоящее время, какъ время всякаго рода преобразованій и улучшеній въ быту гражданскомъ и общественномъ, чувствуется особенная нужда въ помощи святой вѣры. Безъ ея руководства могутъ быть погрѣшительными даже благонамѣренныя сужденія о нуждахъ человѣческихъ и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Безъ благословенія Божія, которое святая вѣра призываетъ на всякое благое начинаніе,

не могутъ быть успѣшны даже мудрыя человѣческія соображенія объ устройствѣ общаго блага. Но на кого самимъ Промысломъ возложена обязанность хранить Святую вѣру въ ея чистотѣ и неповрежденности и противостоятъ господствующему недружелюбному ей духу времени? Чья прямая обязанность поддерживать и возвышать значеніе религіи въ народѣ, усиливать ея вліяніе на сердца людей, прояснять ея ученіе, прививать ее къ общей жизни и дѣятельности? Это прямая обязанность пастырей и учителей Церкви. Какъ же послѣ этого не позаботиться не только о нихъ самихъ, о средствахъ къ нимъ внѣшнему обезпеченію для облегченія ихъ въ трудномъ служеніи, но и о дѣтяхъ ихъ, приготовляемыхъ на служеніе Церкви? Общество упрекаетъ духовныхъ воспитанниковъ въ отсталости и жалуется на ихъ неразвитость. Но потрудилося ли оно вникнуть въ причины этой отсталости, подумало ли когда-нибудь—чего стоило большей части духовныхъ воспитанниковъ и то образованіе, какое они имѣютъ? Кто незнакомъ съ бытомъ духовенства, преимущественно сельскаго, тотъ, конечно, не можетъ вообразить тѣхъ трудностей, съ какими приходится бороться бѣднымъ священно-церковнослужителямъ при воспитаніи дѣтей, не можетъ вообразить, какую горькую нужду испытываютъ дѣти ихъ, еще въ первоначальномъ образованіи.

Нерѣдко иной отецъ обремененный многочисленнымъ семействомъ, отдавъ дѣтей своихъ въ училище, не имѣетъ никакихъ средствъ обезпечить ихъ содержаніемъ, книгами, и всемъ нужнымъ для ученія и нерѣдко дѣти такихъ бѣдныхъ родителей, по недостатку необходимыхъ средствъ къ своему образованію, или вовсе теряютъ возможность продолжать и оканчивать курсъ своего ученія, или если и оканчиваютъ его, то далеко не такъ, какъ бы могли, или какъ бы хотѣли. Виноваты ли эти несчастныя дѣти, что родились отъ бѣдныхъ отцовъ, и что путь къ образованію или совсѣмъ закрывается, или крайне затрудняется для нихъ горькою нуждою? Какъ нерѣдко та же бѣдность заставляеть родителей помѣщать дѣтей своихъ, обучающихся въ училищахъ, въ такихъ домахъ, и въ такой средѣ, гдѣ они, не говоря уже о всѣхъ внѣшнихъ неудобствахъ. ближайшими сосѣдями, и иногда, противъ воли, неизбѣжными собесѣдниками имѣютъ лю-

дей погруженныхъ въ крайнее невѣжество и даже порочныхъ! Если подъ такимъ душнымъ и мрачнымъ кровомъ приходится расти и воспитываться юнымъ отраслямъ бѣднаго духовенства, будущимъ служителямъ Церкви,—можно ли не опасаться за послѣдствія подобнаго воспитанія? Что изъ такой обстановки вынесетъ ребенокъ, отдаленный отъ роднаго крова, лишенный всякаго руководства и надзора, предоставленный самому себѣ? Какъ легко онъ можетъ заразиться худымъ примѣромъ и въ свою очередь сдѣлаться заразою для своихъ товарищей! Гдѣ совокупно дѣйствуютъ и нужда и худые примѣры, тамъ почти неизбѣжны столь пагубныя послѣдствія.

Но, возл. бр., *нѣсть воля предѣ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ силъ* (Матѹ. 18, 14). Они имѣютъ непререкаемыя права на общее сочувствіе и помощь. Права эти—ихъ беспомощная бѣдность, то высокое служеніе, къ которому они приготовляются, и ихъ дѣтство, къ которому трогательное вниманіе показалъ и Самъ Спаситель. Онъ нѣкогда Самъ принималъ дѣтей на лоно Свое, ласкалъ и обнималъ ихъ съ нѣжнѣйшею любовію, и благословлялъ ихъ какъ лучшихъ сыновъ своего царства; а тѣхъ, которые возьмутъ на себя попеченіе о дѣтяхъ, благоволилъ почитать такою высокою честію: *иже, сказалъ Онъ, аще прииметъ отроча во имя Мое, Мене прииметъ* (Матѹ. XVIII, 5).

И какъ легко, какъ удобно, какъ благонадежно въ настоящее время совершать дѣла милосердія въ пользу бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго званія, когда для сего именно рода благодѣянія въ память въ Божѣ почившаго Цесаревича соединились многія христіанскія и преданныя благу отечественной Церкви души, при соучастіи Благочестивѣйшія Государыни Царицы и Членовъ царственнаго семейства и нашего милостивѣйшаго Архипастыря, благоволившаго не только утвердить и благословить дѣло Братства, но и принять въ немъ собственное дѣятельное участіе!

Надѣюсь, что никто и изъ васъ, возлюбленные, не откажется принять участіе въ этомъ дѣлѣ, никто не откажется принести посильную лепту дѣйствительно нуждающимся. Раздается же у насъ милостыня, и нерѣдко щедрою рукою, всякому просящему во имя Христово, хотя не рѣдко въ толпѣ меньшей братіи Христовой встрѣчаются люди, которые честнымъ тру-

домъ могли бы доставать себѣ пропитаніе, люди здоровые и крѣпкіе силами, а не рѣдко даже люди и сомнительнаго поведенія. Они не стыдятся похищать милостыню, которая должна бы принадлежать дѣйствительно бѣднымъ. Достоинно сожалѣнія, что нерѣдко подъ покровомъ правды, злоупотребляетъ именемъ Христовымъ. Конечно, поданное Христа ради и принимается Христомъ; и благотворитель во имя Христово не погубитъ мзды своея; но истинная любовь къ ближнему требуетъ также, чтобы мы внимательны были къ истинно-нуждающимся въ нашей помощи, и если мы сами затрудняемся найти таковыхъ, то не лучше ли съ нашею милостынею обратиться къ посредству людей, которые правильнѣе насъ могутъ распорядиться ею; не лучше ли передать ее въ руки, которыя употребятъ ее въ дѣло, на пользу истинно-нуждающихся. И пусть эта милостыня будетъ самая малая, и, повидимому, незначительная, но если она подана будетъ отъ чистаго сердца и во имя Христово, смѣемъ надѣяться, что та же Всемогущая десница, которая благословила и приумножила пять хлѣбовъ, такъ что ими напитались пять тысячъ человѣкъ, благословитъ и приумножитъ и ваши пожертвованія.

Приглашая васъ, возл. бр., къ благотворенію въ пользу бѣднѣйшихъ дѣтей служителей Церкви, скажу въ заключеніе, что ни чѣмъ лучше, какъ этимъ благотвореніемъ не можетъ быть почтена память первенца искренно любимаго нами Государя, увѣковѣченная въ благотворительномъ братствѣ, отъ него воспріявшемъ свое начало».

Сердца слушавшихъ откликнулись на это приглашеніе къ добродѣлю самымъ искреннимъ сочувствіемъ, и тотчасъ же рѣшили въ память почившаго Цесаревича открыть въ училищѣ подписку для сбора посильныхъ пожертвованій въ пользу бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго званія, и собранныя деньги передать на распоряженіе братства св. Николая.

Свящ. Іоаннъ Скородумовъ.

ОТКРЫТІЕ МУЖСКАГО ЕДИНОВѢРЧЕСКАГО МОНАСТЫРЯ НА ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ КЛАДБИЩѢ, ВЪ МОСКВѢ.

Торжество сего открытія произошло 16 мая. Въ сей день прибылъ на Преображенское кладбище преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій и въ дѣтней единовѣрческой церкви Кладбища совершилъ литургію по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ послѣдовалъ молебень, по окончаніи коего преосвященный окропилъ святою водою храмъ, присутствовавшихъ въ немъ и монастырскія кельи. Братство вновь открытаго монастыря пока не многочисленно; его составляютъ присоединившіеся въ прошломъ году къ единовѣрью бывшіе члены австрійской іерархіи: иноки Онуфрій, Пафутій, Сергій, Іоасафъ, Филаретъ и другіе. До открытія монастыря, они имѣли помѣщеніе въ Чудовской обители. Для настоятельства и для устройства дѣлъ въ новомъ монастырѣ приглашенъ изъ Керженскаго Благовѣщенскаго единовѣрческаго скита, Нижегород. губерніи, старецъ архимандритъ Тарасій. Онъ торжественно введенъ былъ въ монастырь наканунѣ открытія его, т. е. въ Троицинъ день, и тогда же совершилъ здѣсь первую литургію.

Въ день открытія монастыря, предъ окончаніемъ литургіи, преосвященный Леонидъ произнесъ назидательное слово, въ заключеніи котораго обратился къ инокамъ монастыря съ слѣдующими словами: *«Ты малое стадо (Лук XII, 32—37) новой обители, не бойся ни видимыхъ, ни невидимыхъ враговъ; только огради себя вѣрою, надеждою и любовію. У тебя нѣтъ земныхъ стяжаній, которыя тати подкапываютъ и крадутъ; тѣмъ легче для тебя сотворить себѣ власяница неветшающая, сокровище неоскудѣемо на небесяхъ. Храни свое сердце отъ воспоминаній жизни среди мірскихъ соблазновъ и предостерегай его отъ впечатлѣній внезапныхъ, отъ которыхъ не предохраняють ни высокія стѣны, ни тяжелые запоры: идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. Не приобщайтесь дѣломъ неплоднымъ тьмы, а паче же и обличайте (Еф. 5, 14). Да будутъ чресла ваша преполнены на трудъ, свойственный общежитію монашескому: всякому вредная праздность—для монаха вѣрная гибель; да будутъ свѣтильницы ваши горящи любовію къ Богу, ревностію къ православнои вѣрѣ. И тогда зрящій васъ человекъни Божіи съ умиленіемъ скажутъ о васъ: они подобныи человекамъ, чающимъ Господа своего! Блаженни рабы тѣи, да скажутъ о васъ и ангели Божіи, ибо пришедъ Господь обрящетъ ихъ бдящими.»*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ ЮНОСТИ (а).

Когда мнѣ минуло 16 лѣтъ, я, пользуясь снисходительностью отца ректора Поликарпа, былъ допущенъ къ слушанію академическихъ лекцій по тѣмъ предметамъ, которые считалъ для меня нужными мой незабвенный наставникъ.

Теодоръ Алексѣевичъ Платоновъ читалъ тогда въ академіи исторію среднихъ вѣковъ и трудолюбиво работывалъ каждую лекцію. Гораздо позднѣе случилось мнѣ слушать въ университетѣ публичный курсъ средней всеобщей исторіи, читанный однимъ знаменитымъ профессоромъ. Здѣсь было больше блеска, больше новыхъ взглядовъ и занимательныхъ эпизодовъ, но (могу сказать по совѣсти) я вынесъ изъ академической аудиторіи болѣе ясное и полное понятіе о рыцарствѣ, крестовыхъ походахъ, развитіи новыхъ государствъ изъ осколковъ Римской Имперіи, и особенно объ утвержденіи христіанства на развалинахъ язычества.

Преподаватель Эстетики и Краснорѣчія, Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, отличался необыкновенною остротою ума и силою критики. Разборы сочиненій въ прозѣ и стихахъ, которые онъ дѣлалъ на лекціяхъ,

(а) Окончаніе. См. майскую книжку.

признавались образцовыми. Въ послѣдствіи нигдѣ не удалось мнѣ слышать ничего подобнаго. Лекціи его по Эстетикѣ были богаты мыслями, но изложеніе казалось мнѣ труднымъ, такъ что я чувствовалъ нужду въ постороннихъ объясненіяхъ (б).

Греческому языку (какъ и всѣмъ прочимъ предметамъ, необходимымъ для поступленія въ университетъ) я учился у Ѳ. А. Голубинскаго, но съ 1828 года сталъ посѣщать лекціи молодаго бакалавра Сергіевскаго. Съ Александромъ Иродіоновичемъ Сергіевскимъ я познакомился, когда онъ былъ еще студентомъ. Когда онъ окончилъ курсъ и сдѣлался бакалавромъ академіи, я ходилъ къ нему почти каждый день, въ тотъ длинный и узкій корпусъ, въ которомъ жили тогда неженатые наставники академіи. Благоправіе, скромность, ласковость, пріятность въ обращеніи, всегдашняя ровность характера, были отличительными качествами прекрасной души Ал. Ир.—Кромѣ пособія въ изученіи греческаго языка, я много обязанъ ему за доброе, дружеское расположеніе (несмотря на неравенство лѣтъ) и за добрые примѣры жизни. Къ сожалѣнію, онъ не долго прожилъ и умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ, священникомъ церкви св. Адріана и Наталіи. Послѣ него осталось два сына: старшій изъ нихъ теперь профессоромъ богословія въ той самой

(б) Почтенные профессора Доброхотовъ и Платоновъ давно уже скончались, не оставляя преподаванія въ академіи до самой смерти. Первый изъ нихъ перешелъ на академической службѣ изъ духовнаго званія въ свѣтское и получалъ чины. Я могъ бы упомянуть здѣсь о товарищѣ ихъ по ученію, профессорѣ академіи П. С. Делицынѣ; но я не ходилъ къ нему на лекціи и въ то время мало зналъ его. Знакомство съ этимъ достойнымъ старцемъ относится къ позднѣйшей эпохѣ моихъ воспоминаній.

академіи, гдѣ учился и училъ отецъ его, а младшій управляетъ канцеляріей оберъ-прокурора св. Синода.

Въ мое время вытребованы изъ 5-го курса Моск. дух. академіи, по мысли Сперанскаго, въ собственную канцелярію Государя, для приготовленія въ профессора юридическихъ факультетовъ, три лучшіе студента: въ числѣ ихъ были двое искреннихъ друзей моихъ: В. П. Знаменскій и К. А. Неволинъ. Первый изъ нихъ умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ за-границы; послѣдній былъ знаменитымъ профессоромъ. Отъ нихъ обоихъ, особенно отъ Знаменскаго, сохранилось у меня не мало писемъ изъ Петербурга и изъ Берлина. Въ 7-мъ курсѣ повторилось то же требованіе, и въ Петербургъ поѣхали также три лучшіе студента, добрые мои знакомые И. В. Платоновъ, Я. и С. И. Баршевы. Первый изъ нихъ былъ послѣ профессоромъ въ Харьковѣ, второй въ Петербургѣ, а третій теперь ректоромъ Москов. университета.

Много было у меня друзей и знакомыхъ въ 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ курсахъ академіи. Не могу пересчитать здѣсь имена ихъ, особенно не могу говорить о живыхъ, потому что всякое доброе слово о живомъ человѣкѣ можетъ казаться лестью. Но припоминая теперь тихое утро моей жизни, могу засвидѣтельствовать по чистой совѣсти, что ни отъ одного изъ студентовъ академіи я не видалъ соблазна, не слышалъ гнилаго слова, а напротивъ каждый изъ этихъ молодыхъ людей — благомыслящихъ и благонравныхъ, могъ подать мнѣ собою добрый примѣръ, а отъ всѣхъ ихъ я непримѣтно перенималъ трудолюбіе и любовь къ наукѣ. Каждый изъ нихъ былъ старѣе меня лѣтами. Теперь, на западѣ жизни, благодарю Промыслъ Божій за то, что въ началѣ молодости не имѣлъ сообществова съ

мальчиками одного со мною возраста и тѣмъ избавился отъ многихъ соблазновъ до вступленія въ университетъ.

Такъ невозвратно протекла золотая заря моей юности! Гдѣ дорогіе свидѣтели этого дорогаго для меня времени? Многіе изъ нихъ сошли уже въ могилу, другіе устарѣли на путяхъ жизни, на службѣ Церкви и отечеству; объ иныхъ, живущихъ далеко, давно уже нѣтъ слуху. Когда случается мнѣ бывать въ Лаврѣ, я захожу въ академическій садикъ, насажденный студентами 7-го курса, при чемъ и я работалъ вмѣстѣ съ ними. Здѣсь, подъ тѣнистыми аллеями и высокими тополями, возстаютъ передъ мною, во всей юношеской красѣ своей, свѣтлые образы друзей и знакомыхъ—и сожалѣніе о минувшемъ глубоко западаетъ въ душу!

Конечно, и по возрасту и по занятіямъ, я имѣлъ болѣе сообщества съ студентами академіи, нежели съ монахами Лавры. Но и между лаврскими старцами случилось мнѣ узнать нѣсколько благочестивыхъ подвижниковъ, достойныхъ всякаго уваженія. Расскажу о нихъ, сколько могу припомнить.

Намѣстникомъ Лавры преп. Сергія и настоятелемъ Виѳанскаго монастыря былъ (съ 1819 года, если не ошибаюсь) о. архимандритъ Аѳанасій. Предмѣстники его обыкновенно соединяли должность намѣстника съ званіемъ префекта прежней лаврской семинаріи; но преос. архіепископъ Августинъ замѣтилъ, что ученныя занятія несовмѣстны съ управленіемъ обширной и многолюдной обители, и рѣшилъ выбрать намѣстника изъ лаврской братіи. Выборъ его палъ на о. Аѳанасія, послушливаго и смиреннаго іеромонаха, искуснаго иконописца. Управляя Лаврою, онъ подавалъ своею жизнію добрый примѣръ братіи, былъ строгъ къ

себѣ, но весьма снисходителенъ къ другимъ, стараясь исправлять согрѣшающихъ не мѣрами взысканій, но духомъ кротости. Нашлись люди, которые упрекали о. Аѳанасія въ излишней снисходительности; онъ говорилъ: «куда мнѣ исправлять другихъ! самъ я окаянный грѣшникъ.» Я засталъ о. Аѳанасія уже старцемъ, и пользовался его добрымъ расположеніемъ. Онъ часто вспоминалъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и любовью о митрополитѣ Платонѣ, при которомъ онъ завѣдывалъ иконописною школой (в). Смиранный старецъ мирно почилъ 23 февраля 1831 года, предъунавъ день смерти своей. Когда о. ректоръ Поликарпъ, праздновавшій въ этотъ день свои именины, зашелъ послѣ литургіи навѣстить умирающаго и жалѣлъ, что о. Аѳанасій не будетъ у него на обѣдѣ, старецъ отвѣчалъ: «я званъ сегодня въ другое мѣсто и оттуда уже не приду назадъ». Дѣйствительно, во время обѣда у о. ректора академіи, раздался звонъ царь-колокола, возвѣщающій кончину намѣстника Лавры. Могила его за алтаремъ Сошестввенской церкви.

Другая замѣчательная личность того же времени — духовникъ Лаврской братіи соборный іеромонахъ Іона.

(в) Помню разсказъ о. Аѳанасія о томъ, какъ онъ былъ поставленъ въ затрудненіе приказаніемъ пресвящ. Платона сдѣлать рисунокъ такой митры, «чтобы на ней былъ весь рай» Черезъ нѣсколько времени митрополитъ объяснилъ живописцу, какъ исполнить заказъ: на верху митры помѣстить изображеніе пресв. Троицы, напередѣ деисисъ, т. е. образа Спасителя, Богородицы и Предтечи; затѣмъ, въ нѣсколько рядовъ, лики ангеловъ, праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и другихъ угодниковъ Божіихъ. Лавра обязана о. Аѳанасію поддержаніемъ живописной школы, которая существовала тамъ издавна, но въ послѣдніе годы жизни митрополита Платона стала приходить въ упадокъ.

Будучи протоіереемъ и настоятелемъ Моск. университетской церкви и овдовѣвъ, онъ постригся въ Лаврѣ и былъ гробовымъ при мощахъ преп. Сергія. Преосв. Августинъ зналъ его съ хорошей стороны и, какъ увѣряли тогда многіе, имѣлъ намѣреніе назначить его намѣстникомъ Лавры. Но вскорѣ на эту должность возведенъ былъ от. Аванасій, а от. Іона, къ удивленію братіи и богомольцевъ, наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Причина, побудившая его къ такому подвигу осталась неизвѣстною; но если даже предположить (какъ тогда думали), что старецъ сковалъ языкъ свой, чтобы обуздать въ себѣ искушеніе честолюбія, то и тогда подвигъ от. Іоны доказываетъ крѣпкую силу воли и заслуживаетъ полного уваженія. Какъ бы то ни было, онъ исполнилъ свой обѣтъ, промолчалъ шесть лѣтъ, объясняясь знаками и позволяя себѣ говорить только съ духовникомъ на исповѣди. Послѣ шестилѣтняго срока, старецъ снова сталъ говорить, совершалъ въ свой чередъ богослуженіе, служилъ молебны у раки чудотворца, и наконецъ былъ избранъ братією Лавры въ почетное званіе духовника. Старецъ имѣлъ много духовныхъ дѣтей и между мірянами; въ кельѣ его, особенно въ лѣтнее время, почти всегда можно было встрѣтить посѣтителей, привлекаемыхъ добротою и радушіемъ о. Іоны. Онъ любилъ читать книги и писать духовные стихи (канты), хотя довольно неудачные, клалъ эти канты на ноты и распѣвалъ ихъ иногда своимъ звучнымъ и пріятнымъ теноромъ. Добрый старецъ скончался въ глубокой старости и погребенъ въ Лаврѣ, недалеко отъ могилы от. архимандрита Аванасія.

Въ одно время съ Іоною спасался въ Лаврѣ сверстникъ его, монахъ Игнатій, изъ монастырскихъ штат-

ныхъ служителей, строгій постникъ и подвижникъ. Онъ проходилъ много разныхъ послушаній, усердно и безропотно, и наконецъ, достигнувъ преклонной старости, доживалъ дни свои въ монастырской больницѣ. Здѣсь отъ Игнатій занимался чтеніемъ Добротолюбія и другихъ отеческихъ книгъ и выписывалъ изъ нихъ мысли, какія особенно ему нравились. Такъ составлялись у него длинныя хартіи съ заголовками, напр. о смиреніи, о покореніи воли, о лукавыхъ помыслахъ и т. п. Работу свою онъ охотно дарилъ тѣмъ, кого любилъ, особенно наставнику моему Ѳ. А., и христіанскій философъ дорожилъ выписками малограмотнаго старца.

О монахѣ Леонтіи, святогорцѣ, котораго я засталъ еще въ живыхъ, случилось мнѣ слышать любопытный рассказъ покойнаго преосвящ. Самуила, епископа Костромскаго, бывшаго намѣстникомъ лавры при митрополитѣ Платонѣ. «Весною 1812 года (такъ говорилъ при мнѣ Ѳедору Александровичу преосв. Самуиль) я поѣхалъ въ Виѳанію къ владыкѣ съ докладомъ—кого прикажетъ онъ поставить въ часовню Божіей Матери (г) на мѣсто умершаго монаха? Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ ненонятными рѣчами о какомъ то монахѣ, который идетъ къ намъ съ Аѳонской горы. Черезъ нѣсколько времени я опять доложилъ владыкѣ о томъ же, и получилъ тотъ же отвѣтъ. Признаюсь, я подумалъ, что владыка нашъ отъ старости забывается и не помнитъ что говорить, тѣмъ болѣе, что тогда была у насъ война съ Турками и всѣ пути сообщеній были прерваны.

(г) Часовня подлѣ Троицкаго собора, гдѣ находится икона явленія Богоматери чудотворцу Сергію и почиваютъ подъ спудомъ мощи святитиелей Іоасафа и Серапіона и преп. Діонисія.

Но что же вышло? Вдругъ является ко мнѣ монахъ Болгаринъ, по имени Леонтіѣ, съ паспортомъ генерала Кутузова (въ послѣдствіи фельдмаршала и свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго). Оказалось, что этотъ монахъ отправился изъ Аѳонской лавры въ нашу, по особому откровенію во снѣ, и сверхъ всякаго чаянія благополучно прошелъ мимо Турецкой арміи въ нашу главную квартиру къ главнокомандующему. Когда я доложилъ о томъ владыкѣ, онъ сказалъ: «помнишь, я говорилъ тебѣ объ Аѳонскомъ монахѣ?» Тогда только я понялъ, что слова нашего великаго архипастыря были не безсознательны, а пророчественны, и поставилъ Леонтія въ часовню». — Такъ рассказывалъ при мнѣ преосв. Самуиль, въ своемъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ Іюль 1825 года. Отъ Леонтіѣ прослужилъ въ часовнѣ до глубокой старости. Иногда видали его по ночамъ молящимся подъ окномъ запертой часовни снаружи, при свѣтѣ лампы, которая неугасимо теплится предъ чудотворною иконою. По глубокому смиренію, онъ жилъ и умеръ простымъ монахомъ.

Преемникомъ его въ часовнѣ былъ монахъ Харлампій, который по усердію своему умѣлъ достать способы для великолѣпнаго украшенія чудотворной иконы. Въ старости онъ принялъ схиму съ именемъ Харитона. Другой схимникъ лаврскій, Матѣѣй, постриженный гораздо ранѣе, назывался въ монашествѣ Михаиломъ. Оба они были старцы благоговѣйные и строгіе постники; но, при жизни, окружающіе не замѣчали въ нихъ особенныхъ даровъ благодатныхъ. Послѣ кончины обоихъ старцевъ случилось слѣдующее событіе: «Изъ города Александрова (Владимірской губерніи, въ 45 верст. отъ Лавры) пришелъ въ лаврскій скитъ мѣ-

щанинъ и просилъ, чтобы отслужили панихиду по двумъ схимникамъ Харитонъ и Матѳеи, погребеннымъ въ скитѣ. На вопросъ, какъ онъ ихъ зналъ, отвѣтилъ: «я не зналъ ихъ; но вотъ какое благодѣяніе они оказали въ моемъ семействѣ: Съ годъ, какъ пожелала дочь моя въ монастырь въ Суздаль. Нѣсколько разъ просила мать игуменью принять, но та не принимала ее безъ взноса. Дочь двѣ недѣли назадъ опять пошла; кланяясь въ ноги, просила мать игуменью, а она рѣшительно отказала. Дочь въ горѣ пошла къ одной монахинѣ въ келью, много плакавши уснула, и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней предъ образомъ Богоматери, именно просятъ, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменіи принять эту дѣвицу на служеніе въ обители. Чрезъ икону Матерь Божія говоритъ, что исполняетъ прошеніе ихъ, и уже повелѣла принять эту дѣвицу въ монастырь. Икона скрылась, а схимники обращаются къ дѣвицѣ и говорятъ: завтра, послѣ утрени, поди къ игуменіи, и будешь принята. Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ и говоритъ: батюшки, да какъ же мнѣ васъ назвать, и откуда вы? Старцы отвѣчаютъ: мы изъ скита Геѳсиманіи, схимонахи Харитонъ и Матѳей. Дѣвица просыпается и спѣшитъ на благовѣсть къ утрени; послѣ утрени падаетъ опять къ ногамъ игуменіи; игуменія поднимаетъ, говоря: приходи, приходи, приму, и ничего не надо; видишь за тебя встаютъ схимонахи Геѳсиманскаго скита. Такъ дѣвица осталась въ монастырѣ, а отцу поручила совершить панихиду, въ видѣ благодарности, по Харитонъ и Матѳеѣ» (д).

(д) Монастырскія письма. Изд. 2-е, стр. 39—41.

Тогда всѣ помнившіе ихъ убѣдились, что блаженно-очившіе старцы смиреннымъ послушаніемъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей угодили Богу.

Не могу не вспомнить еще одной замѣчательной личности того же времени—нашего добраго сельскаго священника. Отецъ Алексѣй Ивановичъ Минервинъ перешелъ въ село наше Каменки (Владимірской губерніи Александровскаго уѣзда) изъ другаго села, гдѣ лишился жены и вытерпѣлъ много непріятностей безвинно. У насъ онъ вскорѣ приобрѣлъ всеобщее уваженіе двумя драгоцѣнными качествами — нестяжательностію и трезвостію. При совершеніи требъ, особенно браковъ, онъ всегда былъ доволенъ всякимъ вознагражденіемъ, а съ бобылей и вдовъ не бралъ ничего. Къ больнымъ былъ весьма сострадателенъ, навѣщалъ ихъ, помогалъ, сколько умѣлъ, травами и другими простыми средствами, дѣлилъ съ ними свою небогатую пищу. И при томъ, къ удивленію всѣхъ, о. Алексѣй не бѣднѣлъ, а напротивъ пользовался въ своемъ бѣдномъ приходѣ нѣкоторымъ довольствомъ, сравнительно съ своими предшественниками и преемниками. Это должно приписать съ одной стороны неутомимому трудолюбію его въ обработкѣ земли, а съ другой—трезвости: о. Алексѣй во всю жизнь не пилъ ни вина, ни пива, за то очень часто и въ большомъ количествѣ употреблялъ чай. Первымъ дѣломъ его на новомъ мѣстѣ было возобновленіе нашего древняго деревяннаго храма (е),

(е) Деревянный храмъ въ селѣ Каменномъ (Каменки тожь), построенный при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, по благословенію Патріарха Іоакима, былъ посвященъ Казанской иконѣ Богородицы, которая почитается чудотворною, какъ по древнему преданію, переходящему изъ рода въ родъ, такъ и по недавнимъ проявленіямъ благодатной помощи во время свирѣпство-

вторымъ—исправленіе своего собственнаго жилища и разведеніе небольшого плодovitаго сада. Но вскорѣ постигло его тяжкое горе: 29 Августа 1829 года загорѣлась, по неосторожности, изба одной старухи: при сильномъ вѣтрѣ, огонь распространился быстро и все село, съ церковью, сдѣлалось добычею пламени. Въ это время о. Алексѣй совершалъ литургію; по указаніямъ его выносили изъ церкви все, что было можно; наконецъ онъ самъ, задушаемый дымомъ, вынесъ св. Дары съ антиминсомъ въ поле и тамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, довершилъ литургію. Церковная собственность спасена, за исключеніемъ не многихъ вещей (большаго паникадила и иконъ въ верхнихъ ярусахъ иконостаса), которыхъ нельзя было вынести, но домъ отца Алексѣя и все скудное его имущество уничтожены огнемъ: вѣрный служитель храма Божія заботился о немъ, а не о себѣ. Успокоившись послѣ первыхъ дней скорби, онъ сталъ заботиться о построеніи церкви. Казалось, нельзя было и думать о созданіи каменнаго храма: денегъ церковныхъ было очень мало, приходъ бѣденъ и малолюденъ, помѣщица (мать моя) сама много получила убытку отъ пожара, и не могла оказать большой помощи. Но о. Алексѣй принялся за дѣло съ твердою вѣрою, съ усердною, неусыпною молитвою, и Господь помогъ ему. Неожиданно, почти невидимо, являлись способы и, спустя три года послѣ пожара, воздвигнуть каменный храмъ въ честь чудотворной Казанской иконы Богородицы

ванія холеры въ окрестныхъ селеніяхъ. При о. Алексѣи приходило въ Каменки много богомольцевъ къ чудотворной иконѣ даже изъ дальнихъ краевъ, что доставляло нѣкоторый доходъ причту; послѣ него число богомольцевъ значительно уменьшилось.

съ придѣлами св. Николая чудотворца и Усѣкновенія главы Предтечи (послѣдній придѣлъ въ память пожара). Освященіе главнаго храма послѣдовало въ 1835 году, а между тѣмъ о. Алексѣй успѣлъ устроить и свое жилище. Отслуживъ приснопамятную службу храму Божію, добрый старецъ сдалъ приходъ свой зятю (ж) и постригся въ обители преп. Сергія съ именемъ Аверкія. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ іеромонаховъ Лавры, но прожилъ недолго. Могила его въ Лаврѣ, подлѣ Смоленской церкви.

Во время жизни моей въ Сергіевскомъ посадѣ ежегодно по два раза (на праздники преп. Сергія) приѣзжалъ въ лавру изъ Ростова архимандритъ Яковлевскаго монастыря о. Иннокентій. Онъ началъ свое служеніе Церкви священникомъ въ селѣ Порѣчьѣ (на берегу Ростовскаго озера, напротивъ Яковлевскаго монастыря), гдѣ дѣдъ и прадѣдъ его удостоились принять іерейское рукоположеніе отъ святителя Димитрія. Овдовѣвъ, послѣ 22-лѣтняго священства, онъ постригся, подвизаясь въ трудахъ духовной жизни, подъ руководствомъ опытнаго наставника, роднаго дяди своего отца Амфилохія, о которомъ сказано въ началѣ этихъ воспоминаній. Еще при жизни старца, вступилъ Иннокентій въ обязанности архимандрита обители и 29 лѣтъ несъ бремя настоятельства, назидая и братію и богомольцевъ всякаго званія—отъ вельможи до простолудина—не столько словами, сколько примѣромъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ особенности два драгоцѣнныя качества, какъ перлы, украшали ма-

(ж) Нынѣшній священникъ села Каменокъ отецъ Павелъ Николаевичъ Воскресенскій, женатый на родной внукѣ (по матери) отца Алексѣя, безкорыстіемъ, трезвостію и добротою души напоминаетъ намъ нашего добраго старца.

ститую его старость,—терпѣніе и любовь ко всѣмъ. Много лѣтъ сряду страдалъ старецъ тяжкими, неизлѣчимыми недугами: каменною болѣзнію и страшными ранами на ногахъ. При мнѣ случилось однажды, что послѣ обѣда у намѣстника лавры, о. Аванасія, отецъ Иннокентій освободился отъ большаго осколка камня, безъ сомнѣнія съ жестокимъ страданіемъ. Но не только стона или крика жгучей боли не слышали мы изъ устъ старца, но онъ даже не прерывалъ дружеской бесѣды. Только замѣтна была переменна въ лицѣ: оно то блѣднѣло, то краснѣло. Такъ приучилъ себя о. Иннокентій къ терпѣнію выше силъ человѣческихъ! О ранахъ своихъ онъ говорилъ: «Еслибы не раны, гдѣ бы найти мнѣ такихъ будильниковъ? лѣность влечетъ ко сну, а онѣ напоминаютъ о молитвѣ». Какъ стражъ у гроба святителя, онъ всѣхъ принималъ съ неистощимою любовью и радушіемъ, не разбирая званія и другихъ различій житейскихъ. Во всякое время дня, даже и тогда, когда онъ вкушалъ пищу, стекались къ нему богомольцы, и никто не отходилъ безъ благословенія, безъ живаго слова назиданія,—такого слова, которое многимъ послужило урокомъ для жизни. На вопросъ одного знатнаго гостя, который дивился такому неутомимому гостепріимству, старецъ отвѣчалъ: «Не смѣю не принять Христа, а въ чьемъ лицѣ придетъ Онъ, не вѣдаю». О. архим. Иннокентій скончался 27 февраля 1847 года, на 76 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на паперти соборной церкви Яковлевскаго монастыря, рядомъ съ могилою о. Амфилохія.

Вотъ какихъ старцевъ зналъ я во время моей молодости! Какъ много добраго могъ бы я заимствовать отъ нихъ, какъ правило для жизни, которая едва начиналась! Но въ 1830 году окончилось незабвенное,

золотое пятнадцатилѣтіе чистой моей юности; я переселился въ Москву и сдѣлался студентомъ университета. Въ шумномъ городѣ окружили меня соблазны, о которыхъ я не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія.... Слѣдующіе за тѣмъ годы моей жизни уже не могутъ занять мѣста на страницахъ «Душеполезнаго Чтенія».

Графъ М. Толстой.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КЕБЕЗЕНСКАГО МИССИОНЕРА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ ІЕРОМОНАХА ДОМЕТИАНА ЗА 1865 ГОДЪ.

Января 1, въ новый годъ, церковь наша радовалась и торжествовала ради новыхъ чадъ, которыя наканунѣ были просвѣщены св. крещеніемъ, въ числѣ 5 челоуѣкъ, и сегодня приобщены св. Таинъ Пречистаго тѣла и крови Христовой.

Февраля 10 пришелъ ко мнѣ инородецъ Василій Васильевъ и привелъ съ собою мальчика *Педота*, сироту; обгорѣлое и полунагое тѣло сироты обвѣшано было шубными лоскутками, ноги обернуты кое-какими тряпками, мальчикъ просилъ крещенія; я преподалъ ему краткое ученіе о томъ, для чего онъ долженъ креститься. Василій Васильевъ взялъ его въ домъ свой, обѣщавшись одѣть его и кормить. *26 февраля Педотъ* крещенъ и нареченъ Прокопиемъ. вмѣстѣ съ нимъ крещена увѣровавшая инородка *Пудугачъ* и наречена Евдокією. На другой день, *27 февраля*, оба они приобщены были тѣла и крови Христовой.

Марта 1 пришла инородка Татьяна, просила хлѣба и избу, я помѣстилъ ее съ дочерью вмѣстѣ съ инородцемъ Вареоломеемъ, и далъ имъ ячменя.

Марта 8—15 недавно крещеннымъ инородцамъ объяснялъ христіанскія таинства.

Марта 16, по пріѣздѣ моемъ, для совершенія богослуженія, въ селеніе *Сары-Копшу*, убогій инородецъ Алексѣй для себя и малютки сына своего просилъ рубашку; у меня не было ни одного аршина холста и денегъ ни копѣйки; Алексѣй неотступно просилъ; чтобы успокоить старца, я отдалъ ему свою рубашку.

Марта 17 новокрещенный инородецъ Андрей Андреевъ, бывшій *Текинлькъ*, сказывалъ мнѣ: «съ женою мы согласились принять христіанскую вѣру; но жена моя съ малымъ сыномъ крестилась прежде меня; Зайсанъ нашъ *Чебирекъ* Адликовъ неоднократно предлагалъ мнѣ бросить крещенную жену и дѣтей моихъ, жениться на другой и не думать о крещеніи. Однажды онъ позвалъ меня къ себѣ, напоилъ допьяна и предложилъ мнѣ невѣсту, дочь инородца *Ченчека* Чемагавва; я, омрачившись виномъ, согласился на предложеніе его. *Чебирекъ* поспѣшилъ сдѣлать свадебный обрядъ. Крещенная жена моя прибѣжала къ намъ, чтобы вывести меня изъ этой сѣти; Зайсанъ не допускалъ ее до меня, связалъ ей руки и ноги, и держалъ подъ карауломъ. Когда караульные уснули, она развязалась, пришла ко мнѣ и обличила меня въ моей супружеской невѣрности; тутъ только я одумался и немедленно отправился въ Кебезенскій станъ миссіи, принялъ христіанскую вѣру. Зайсанъ, желая отмстить мнѣ за принятіе христіанства, пріѣхалъ съ народомъ въ селеніе *Сары-Копшу*, гдѣ я остановился жить, наказалъ меня розгами и отобралъ у меня домашнюю рухлядь, коня и два улья пчель.

Марта 20 *Сары-Копшинцы* исповѣданы и причащены св. Таинъ, въ числѣ 40 человекъ; того же дня я

возвратился въ Кебезень, и въ слѣдующіе дни совершалъ службы для говѣвшихъ Кебезенцевъ.

Апрѣля 18 инородка Анастасія *Тоголончикъ* объявила мнѣ, что она жила въ услуженіи у разныхъ хозяевъ, а теперь она больна и никто ее не принимаетъ, такъ что она вынуждена была больная нѣсколько ночей пробить на открытомъ воздухѣ. Я помѣстилъ ее въ недавно купленную мною избушку, далъ ей хлѣба и общался во время болѣзни ея, по возможности, навѣщать ее или кого-либо посылать къ ней.

Юня 15 пришли инородецъ Экимъ и двѣ инородки: дѣвица *Паатъ* и *Кана*; послѣдняя богатаго инородца *Тагуса* дочь. Родственники ея старались отклонить ее отъ принятія христіанской вѣры; но Кана тверда была въ своемъ намѣреніи; посему родственники ея обратились къ обрусѣлымъ инородцамъ изъ Быстрянской управы. Они проживаютъ здѣсь по торговымъ дѣламъ съ богатыми не крещеными инородцами, здѣшними жителями, и за незначительный подарокъ готовы бывають измѣнить православной вѣрѣ. Эти обрусѣлые инородцы старались отклонить и Кану отъ принятія христіанства. Кана стояла твердо въ своемъ намѣреніи, не послушала этихъ волковъ, покрытыхъ овечьею кожей. Она перешла къ инородцу Григорію *Энукену*, живущему близъ нашего дома, для того чтобы удобнѣе было ей учиться истинамъ православной вѣры. Кана была уже оглашена и наречена Марѳою. Родственники ея прибѣгли къ послѣднему средству для ея возвращенія—къ насилію. *Юля 2* на *3*, ночью, подѣхали къ юртѣ, въ которой была Кана, схватили ее сонную и передали всаднику, который быстро помчалъ ее въ чашу лѣса; за ними на коняхъ ускакали и прочіе, и остановившись, связали ей руки. Новокрещенный хозя-

инѣ юрты услыхалъ объ этомъ и объявилъ намъ; мы выбѣжали, слышали вдали крикъ ея, но помочь ей было нельзя: насъ было три человѣка, а некрещенныхъ, похитившихъ Кану, было много мы побоялись идти на помощь къ ней, и что могли, мы сдѣлать съ этими дикарями? Итакъ, это дѣло оставлено на судъ Божій; Кану некрещенные содержали подъ строгимъ карауломъ. Въ настоящее время Кана, по распоряженію гражданскаго начальства, возвращена къ намъ и уже крещена.

Іюля 3 инородецъ *Экимъ* и инородка *Паатъ* крещены и наречены Кузьмой и Агрипиной.

Іюля 17 крещена сирота *Бюльдыръ* и наречена Евѳимією. Вотъ еще случай, подобный выше описанному: зажиточнаго инородца *Торбагоча-Тюймешева* жена давно имѣла желаніе креститься, но, боясь свекра и мужа своего, не сказывала имъ о своемъ желаніи; избравъ удобный случай, *Конь* пришла къ намъ въ станъ и объявила мнѣ свое намѣреніе быть христіанкою; я получилъ ее молиться и преподалъ ей ученіе объ истинномъ Богѣ; послѣ еще она приходила нѣсколько разъ, и научаема была истинамъ православной вѣры. Она просила меня никому не сказывать до времени о намѣреніи ея креститься, опасаясь, чтобы не узнали объ этомъ свекоръ и мужъ ея. Іюля 28 *Конь* пришла съ рѣшительнымъ намѣреніемъ принять св. крещеніе.— Узнавъ объ этомъ, мужъ ея прибѣжалъ съ братомъ своимъ; ласками и угрозами они старались отклонить *Конь* отъ намѣренія ея; но *Конь* не слушала ихъ ласкъ, не боялась и угрозъ; а насильно увезти ее имъ было невозможно; мужъ *Торбагочъ* обратился къ помощи инородца *Тузенова*, которому не разъ удавалось прежде чрезъ подарки возвратить бывшихъ уже

при дверяхъ православной церкви; но было уже поздно: *Конь* уже крещена и наречена Евдокією, мужъ ея *Торбагочъ* въ отищеніе за то, что она приняла христіанскую вѣру, избилъ ее палкой, расшибъ ей ногу такъ, что она не могла ходить.

Октября 20 замѣтилъ я, что трое мальчиковъ новокрещенныхъ крестятся двумя перстами; я спросилъ ихъ: кто васъ такъ учитъ? они отвѣчали: *Тузикова* бабушка и сынъ ея *Изосимъ*; они называютъ трехперстное сложеніе антихристовою печатью. Я строго запретилъ имъ слушать бабушку и *Изосима*. Съ 1 го октября у насъ наступила зима; по причинѣ глубокихъ снѣговъ развѣзды по аиламъ не крещенныхъ стали весьма затруднительны, на конѣ проѣхать хотя и можно, но съ трудомъ. Сообщеніе съ татарами возможно только на лыжахъ; но лыжи тѣмъ неудобны, что нельзя на продолжительное время брать съ собою запасъ; потому въ зимнее время я разсудилъ заняться съ недавно крещенными инородцами, преподавать имъ болѣе пространное изъясненіе христіанской вѣры.

ЧУДО МИЛОСТИ БОЖІЕЙ ВО ВРЕМЯ ЧТЕНІЯ ЕВАНГЕЛІЯ ЗА ЛИТУРГІЮ.

Дѣла Божія открывати славно, сказалъ ангель праведному Товиту (Тов. 12. 11). Поэтому я считаю долгомъ описать мое освобожденіе или, вѣрнѣе сказать, дивное исцѣленіе отъ двухлѣтней моей болѣзни, совершившееся милостію Божією 17-го мая 1864 года, въ первое воскресеніе послѣ преполовенія, во время чтенія Евангелія, въ московской церкви Трехъ святителей.

Предваряю читателей, что меня не лѣчили ни одинъ докторъ съ тѣхъ поръ, какъ я привезена была, больная, въ Москву, а это было въ началѣ апрѣля, на святой недѣлѣ въ 1863 году. Но расскажу все обстоятельно.

Съ 1837-го по 1863 годъ я жила постоянно въ Т. губерніи. Ли. и Ле. уѣздахъ, и въ самомъ городѣ Л..., занимаясь воспитаніемъ дѣтей. Это дѣло я старалась вести добросовѣстно, учила дѣтей благочестію, къ наказаніямъ никогда не прибѣгала, и Господь благословлялъ мои труды. Но отъ усиленныхъ и продолжительныхъ трудовъ мое здоровье очень разстроилось. Два раза было со мною воспаленіе, потомъ бѣлая горячка и многія другія болѣзни, но отъ нихъ меня вылѣчивали доктора тѣхъ уѣздовъ, въ коихъ я жила. Въ 1858 году, поступивши къ одной помѣщицѣ Г-жѣ К. въ уѣздномъ городѣ Л, я каталась на мясницѣ съ одной изъ ея дѣтей очень долго, не желая лишиться удовольствія семилѣтнюю эту малютку, ибо тогда катались почти всѣ городскіе жители. Возвратившись домой, я тотчасъ же почувствовала боль въ горлѣ, которая, время отъ времени усиливаясь, продолжалась у меня почти четыре года. Доктора города Л. хотя и вылѣчивали меня на время, но каждый разъ съ наступленіемъ дурной погоды, эта болѣзнь возвращалась ко мнѣ, и довела меня до того, что я, не могши говорить, принуждена была оставить свою обязанность. Лишившись возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей, я должна была придумать чѣмъ и гдѣ жить; да ромъ, знаю, никто не станетъ ни держать у себя, ни кормить: я рѣшилась купить домъ. Домъ, за который просили 2000 р. с., я купила не одна, но съ одною богатой и притомъ благороднѣйшей помѣщицей, на имя

которой была совершена купчая. По совершеніи купчей, мы обѣ переѣхали въ купленный нами домъ, въ маѣ 1862 года, и я была въ восторгѣ, что нашла себѣ пріютъ, въ которомъ полагала провести всю жизнь свою, наслаждаясь спокойствіемъ при моемъ разстроенномъ здоровьи; но Провидѣніе Божіе не здѣсь назначило мнѣ жилище.

Такъ какъ врачи города Л. не могли меня вылѣчить отъ горловой болѣзни, то я прибѣгла къ одному пріѣзжему врачу, только что кончившему курсъ въ Москвѣ, и онъ вылѣчилъ меня отъ моей долговременной болѣзни. Но послѣ сей болѣзни вскорѣ со мною сдѣлалось такое расслабленіе, что я не могла ни подняться съ постели, ни пошевелить рукой или ногой; тотъ же врачъ опять меня излѣчилъ. Сдѣлавшись повидимому здорова, я хотѣла опять приняться за воспитаніе дѣтей и брать ученицъ къ себѣ въ домъ; мнѣ уже одну и предложили было, но помѣщица, съ которой я купила домъ, жалѣя меня, отсовѣтывала мнѣ учить дѣтей для того, чтобы меня опять не постигла какая-нибудь болѣзнь. Я послѣдовала ея совѣту и отказалась отъ предлагаемой мнѣ ученицы. Опасеніе этой помѣщицы за мое здоровье оправдалось: со мною вскорѣ опять начались разные припадки, какъ-то: біеніе сердца, спячка и нѣкоторые другіе; но тотъ же самый докторъ, слѣдившій за мной, вскорѣ прекратилъ эти припадки. Онъ лѣчилъ меня даромъ и я ему премного обязана. Онъ же лѣчилъ и ту даму, съ которой я жила, и чрезъ нѣсколько времени вздумалъ на ней жениться и сдѣлалъ ей предложеніе; она на сіе согласилась. Въ ноябрѣ они уѣхали въ деревню, а я осталась одна въ домѣ. Одиночество, къ которому я не привыкла, осеняя темнота, которую я никогда не любила, пустота

комнатъ, все сіе приводило меня въ ужасъ; притомъ еще неумѣнье заниматься хозяйствомъ, нужда въ деньгахъ (ибо которыя я имѣла, роздала займы не для процентовъ, но изъ состраданія къ горькимъ нуждамъ ближняго), подѣйствовали на мой разсудокъ. Я старалась, сколько могла, развлечь себя, но всѣ усилія мои остались тщетны. Я до того растерялась, что забыла Бога, забыла все, чѣмъ я была обязана Всемилосердому, забыла даже и тѣ молитвы, кои знала съ дѣтства.

Сначала я искала развлечения между людьми, а потомъ, воображая, что я всѣмъ наскучила, стала удаляться ихъ, ни съ кѣмъ ничего не говорила. Когда меня кто приглашалъ къ себѣ, я всѣмъ отвѣчала, что мнѣ не во что одѣться, меня всю обокрали. Меня старались увѣрить, что у меня всего много и все цѣло, подводили къ моему гардеробу, показывали мнѣ мои платья, салопъ, и проч. и спрашивали меня, чье все это? я отвѣчала имъ, что мое; но лишь только запрутъ шкапъ, я тотчасъ же обо всемъ забывала, и твердила опять, что у меня нѣтъ ничего, все захватили разбойники.

Въ день новаго 1863-го года всѣ уже замѣтили, что я окончательно потеряла разсудокъ. Чтобы не видѣть людей, я все пряталась за ширмы, гдѣ болѣе стояла подлѣ своей постели, а не сидѣла и не лежала на ней; ибо мнѣ представлялось, будто бы у меня подъ кроватю были разбойники, которые, какъ я только лягу, оберутъ меня всю, и казалось, что у меня многихъ вещей не доставало. Воображая, что у меня отнимутъ остальное, я отдала одному помѣщику, который нанялъ квартиру въ купленномъ мною домѣ, четыре серіи и нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Сначала онъ

не хотѣлъ брать у меня эти деньги, но я упросила его, сказавши: пусть лучше онъ возьметъ ихъ, нежели разбойники, которые переѣдутъ на его мѣсто, когда онъ съ семействомъ своимъ оставитъ квартиру; помню, что я заставляла его писать мнѣ росписку на взятыхъ имъ у меня деньги, выписывать нумера со всѣхъ серій и кредитныхъ билетовъ; онъ, взявши клочекъ бумаги, повиновался мнѣ, писалъ все, что я ему диктовала; потомъ онъ взялъ росписку къ себѣ, а я думала, что все дѣлаю это по закону. Сумашествіе довело меня до того, что я неоднократно покушалась на свою жизнь, но Господь хранилъ меня, безъ Его помощи и охраненія меня грѣшной я давно была бы на томъ свѣтѣ; начала уже кидаться на людей и бить ихъ, хотя я отъ природы не склонна къ сему; прибли двухъ малютокъ, до которыхъ, если бы не была въ такомъ состояніи, не дотронулась бы и пальцемъ, ибо дѣти были всегда мнѣ любезны; въ одномъ домѣ прислуги связали мнѣ за мою драку руки очень крѣпко полотенцами, но бывшая моя ученица приказала развязать мнѣ ихъ, за что я поцѣловала у ней руку.

Меня преслѣдовали различныя видѣнія. Разъ вечеромъ я выхожу въ дѣвичью и вижу, что стоитъ воинъ вооруженный, съ огненными губами; я спрашиваю его: кто онъ? но мнѣ отвѣта не было, я почла его за палача, курившаго сигару. Въ полѣ и въ саду мнѣ представлялись войска. Въ день Богоявленія мнѣ показалось, что весь снѣгъ и деревья по крыты были кровью.

Въ болѣзни я совершенно забыла Господа, Творца моего, перестала молиться Ему, удалялась отъ церкви; если меня насильно и привозили въ нее, я стояла въ ней, ничего не понимая. Одинъ разъ, когда собор-

ный діаконъ города Л. провозгласилъ: благослови владыко! я вообразила, что служить архіерей, и что къ нему только одному можно обращаться съ такимъ возгласомъ; я совсѣмъ забыла церковную службу, хотя до болѣзни знала ее хорошо, потому что съ самаго дѣтства ходила въ церковь въ каждый праздникъ.

Я забыла моего Создателя, но Онъ не забылъ меня. вмѣсто того, чтобы мнѣ быть отправленной, по распоряженію Л... начальства, въ домъ ума-лишенныхъ, Промыслъ Божій внушилъ одному добродѣтельному семейству, а именно семейству городскаго головы города Л., принять во мнѣ участіе и увѣдомить о моемъ положеніи моихъ родныхъ, о которыхъ я тоже забыла совершенно; кто-то изъ знакомыхъ моихъ запомнилъ ихъ адресъ и написалъ къ нимъ письмо. Извѣстившись о моей болѣзни, сестра моя тотчасъ же отправилась за мной. Пріѣхавши въ городъ Л., она взяла меня и привезла въ Москву на квартиру, которая была недалеко отъ Спасскихъ казармъ. Родные мои не обращали вниманія на мою болѣзнь, заперли меня въ одну небольшую комнату. Я тамъ сидѣла молча, ничего не дѣлая, и выходила изъ нея только тогда, когда меня позовутъ. Выходила никому не кланяясь, даже родителю моему, котораго прежде горячо любила.

Теперь приступлю къ описанію исцѣленія моего. Семнадцатаго мая 1864 года, въ первое воскресенье послѣ Преполовенія, безсознательно, единственно изъ послушанія (меня мои родные посылали одну или брали съ собой) я пошла одна въ церковь къ поздней обѣдни, стала на свое обычное мѣсто, гдѣ я всегда становилась больная, т. е. въ лѣвомъ придѣлѣ у втораго окна, и стояла до чтенія Евангелія, совершенно ничего не понимая что происходило въ церкви и смо-

тря въ окно на проѣзжихъ. Въ то воскресенье о. діаконъ читаль Евангеліе о женѣ Самарянской, какъ Господь бесѣдовалъ съ нею у колодца. Хотя литургія совершалась въ правомъ придѣлѣ, однако, при всей моей разсѣянности, это чтеніе дошло до моего уха, и у меня, не знаю почему, навернулись, въ первый разъ въ продолженіе всей моей болѣзни, слезы; не понимая причины оныхъ, я старалась, какъ говорится, проглотить ихъ, и что читано было далѣе я не слыхала, предавшись опять разсѣянности; но когда діаконъ, отдавши священнику Евангеліе, началъ читать сугубую эктенію и пѣвчіе пѣли троекратно: Господи помилуй, я тутъ совершенно обратилась ко Господу, начала молиться усердно на колѣняхъ, проливая обильныя слезы; вспомнила всѣ молитвы, которыя я имѣла и имѣю обыкновеніе читать при разныхъ возгласахъ священника въ алтарѣ, и молилась понимая уже службу. Послѣ пѣнія *Достойно есть яко воистинну блажити тя Богородицу*, у меня прекратились слезы, и я начала молиться, какъ маливалась прежде и теперь молюсь. Пѣніе же пѣвчихъ мнѣ казалось не земнымъ, а небеснымъ. Господь, исцѣливши меня въ церкви, поселилъ меня не далеко отъ нея, и внушилъ мнѣ усердіе быть каждодневно при службахъ церковныхъ, что я, со дня моего исцѣленія, и исполняю постоянно, если позволяетъ здоровье. Со дня моего исцѣленія ко мнѣ возвратилась и способность говорить, тогда какъ въ продолженіи двухъ лѣтъ болѣзни я лишена была дара слова и объяснялась самыми короткими словами, а именно: да, нѣтъ, знаю, не знаю и проч. Вообще я пришла въ прежнее нормальное состояніе. Когда я стала чувствовать, что могу говорить по-прежнему, то не знаю—отъ радости, или отъ чего-

нибудь другаго, я долгое время говорила почти безъ умолку; я похожа была на ребенка, который долгое время не ходить, а когда пойдетъ, то уже ходить безпрестанно, не зная усталости.

Во вторникъ, 19-го мая, я пришла къ обѣднѣ въ церковь, въ которой получила исцѣленіе, совершенно здоровая, и по окончаніи литургіи сочла обязанностію передать священнику сего храма объ моемъ исцѣленіи, и при этомъ спросила его: тѣ ли пѣвчіе пѣли въ послѣднее воскресеніе, которые и всегда поютъ, и такъ же ли они пѣли, какъ поютъ обыкновенно? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что пѣвчіе тѣ же, и пѣли какъ всегда поютъ; а когда я рассказала ему, что пѣніе мнѣ казалось не земнымъ, а небеснымъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ: это отъ того, что вы привели съ собою своихъ пѣвчихъ.....

Послѣ моего исцѣленія Господь вселилъ въ меня желаніе посѣтить новый Іерусалимъ, въ которомъ я никогда не была; а упомянутый священникъ, когда я передала ему мое желаніе, посовѣтовалъ мнѣ и поговѣть тамъ, не дожидаясь Петровскаго поста, до котораго оставалось еще двѣ недѣли. «Вѣдь вамъ неизвѣстно, прибавилъ онъ,—доживете ли до того поста, и будете ли тогда здоровы; до поста еще далеко». Я съ радостію приняла его совѣтъ и исполнила его. Потомъ вмѣстѣ съ одною благородною дѣвицей, которая предъ тѣмъ познакомилась со мною, я ѣздила въ Троице-Сергіеву лавру, и здѣсь горячо благодарила, какъ и доселѣ благодарю, Всевышняго за мое исцѣленіе, за всѣ дары Его милосердія ко мнѣ недостойной грѣшницѣ.

Теперь одна моя молитва, чтобы Господь, пресвятая Богородица и вселенскіе святители, въ честь коихъ устроенъ храмъ, гдѣ я получила исцѣленіе, не отда-

ляли меня отъ него; я нигдѣ не могу такъ усердно молиться какъ въ немъ.

Е. В. Лагунова.

ОТЧЕТЪ ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНІЯ О БѢДНЫХЪ, ЖИВУЩИХЪ ВЪ ТРЕХ-СВЯТИТЕЛЬСКОМЪ, У КРАСНЫХЪ ВОРОТЪ, ПРИХОДЪ, ЗА 1865 ГОДЪ.

Вотъ уже три года прошло, какъ существуетъ наше попечительное учрежденіе о бѣдныхъ, и благословеніе Божіе, низведенное на него молитвеннымъ благословеніемъ нашего архипастыря, видимо почиваетъ на немъ: доселѣ средства для помощи нуждающимся не оскудѣваютъ. Уповаемъ, что оно долго-долго пребудетъ съ нами и постоянно будетъ возгрѣвать въ сердцахъ нашихъ христіанское человѣколюбіе и направлять общую дѣятельность какъ попечителей о бѣдныхъ, такъ и вообще всѣхъ прихожанъ-благодотворителей въ духѣ того горячаго усердія и любви къ бѣднымъ, образецъ котораго явленъ намъ въ дѣяніяхъ первенствующей апостольской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что все что ни совершаетъ наше попечительное учрежденіе въ отношеніи къ бѣднымъ, все совершать подъ явною невидимою помощію премудраго и всеблагаго Промысла Божія. Это очевидно было и при началѣ дѣятельности нашего попечительнаго учрежденія, тѣмъ болѣе въ продолженіе ея до сего времени. Какія у насъ были средства для помощи бѣднымъ?—Самыя скромныя. У насъ не было ни подписокъ, ни подобныхъ сему обязательствъ къ благотворенію. Чтобы наше приходское благотвореніе было не инымъ чѣмъ, какъ только чистымъ, непринужденнымъ влеченіемъ сердца, сочувствующаго и сострадающаго немощамъ и нуждамъ нашихъ бѣдныхъ, у насъ принято правиломъ имѣть единственнымъ источникомъ помощи для нихъ кружки,

нарочно для сего заведенныя въ церкви, въ которыя—кто кладеть лепты, когда и сколько, знаетъ только одинъ Всевѣдущій. Но можно ли было надѣяться, чтобы изъ этихъ кружекъ высыпалась сумма вполне достаточная для довольно значительнаго числа бѣдныхъ? Кто близко знакомъ съ выспкою изъ кружекъ, существующихъ въ каждой церкви съ другими благотворительными назначеніями, тотъ непременно скажетъ, что и по прошествіи трехъ мѣсяцевъ нельзя порадоваться на то, что изъ нихъ высыпается. Между тѣмъ кружки для нашихъ бѣдныхъ и въ семь году доставляли средства вспоможенія пятидесяти четыремъ бѣднымъ людямъ. Имъ на цѣлый годъ обезпечена была теплая квартира. Кромѣ сего изъ кружечнаго сбора выдаваемы были пособія двоимъ мальчикамъ, дѣтямъ двухъ бѣдныхъ вдовъ, для обученія въ училищѣ, и нѣкоторымъ изъ бѣдныхъ многосемейныхъ на пріобрѣтеніе насущнаго хлѣба. Удовлетвореніе прочихъ нуждъ легко пріобрѣтается трудомъ, какъ говорятъ бѣдные, лишь бы главныя-то потребности жизни были у нихъ обезпечены. Откуда же эти милости нашимъ бѣднымъ, эти хотя и скромныя, но достаточныя для вспоможенія имъ средства, находящіяся въ распоряженіи нашего попечительнаго учрежденія? Отъ человѣка ли? Отъ дѣятельности ли попечителей?—Нѣтъ. Слово человѣка, который убѣждаетъ своихъ ближнихъ къ благотворенію, можетъ быть плодоносно только при помощи благодати Божіей. Единъ Господь, по слову апостола Павла, *дѣйствуетъ въ насъ, еже хотѣти и дѣлати о благоволеніи*, значитъ Онъ Единъ въ дѣлѣ нашего человѣколюбія Своимъ небеснымъ благословеніемъ восполняетъ оскудѣвающая и ниже вѣдаетъ судьбами, хотя бы то и посредственно, чрезъ видимыхъ Имъ Однимъ благотворителей.

Въ нѣкоторые мѣсяцы истекшаго года, много разъ случалось высыпать изъ кружекъ вдвое менѣе, нежели сколько нужно было раздать въ ежемѣсячное пособіе бѣднымъ; оно же, нужно замѣтить, значительно увеличилось въ сравненіи съ прежними годами. Признаюсь,

скорбь налегала на сердце при мысли, что вотъ скоро скоро изсякнетъ остатокъ наличной суммы отъ прошедшихъ годовъ, и тогда должно будетъ попечительному учрежденію или сократить мѣру пособія бѣднымъ, или обратить въ расходъ ту небольшую сумму, которую хотѣлось бы оставить неприкосновеннымъ капиталомъ, приносящимъ только проценты для расхода. Между тѣмъ годъ проходитъ безъ всякаго сокращенія расхода, и однакожь не только не затрачено ничего изъ неприкосновенной суммы, но еще оказался остатокъ, котораго достаточно на выдачу опредѣленнаго пособія бѣднымъ, болѣе нежели на два мѣсяца впередъ. Чтожь и это опять, какъ не явное благословеніе милосердаго Господа, вѣдающаго, кого и когда расположить къ благотворенію?

Кромѣ того, въ прошедшемъ году попечительному учрежденію надлежало особенно позаботиться объ одномъ бѣдномъ семействѣ, значущемся по книгѣ о бѣдныхъ подь № 1-мъ. Отецъ этого семейства послѣ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, наконецъ умираетъ. Похоронить его по долгу христіанскому у оставшагося семейства средствъ не было, между тѣмъ оно хотѣло бы устроить это прилично,—въ былое время оно наслаждалось довольствомъ. Конечно не много нужно было труда, чтобы узнать, чего хотѣлось скорбящему семейству; его ограниченныя желанія и удовлетворить попечительному учрежденію было легко; стоило только отчислить потребную сумму въ расходъ, на сіе согласны были и попечители; но эта мѣра паче чаянія не понадобилась; ибо явилось все необходимое чрезъ добрыхъ людей, скрывшихъ свое имя. Чтожь и это опять какъ не очевидное свидѣтельство того, что на нашемъ попечительномъ о бѣдныхъ учрежденіи почіетъ благословеніе Господа, призывающаго къ благотворенію тѣхъ, ихъже Онъ вѣдаетъ?

Въ этомъ же самомъ семействѣ, потерявшемъ отца, была дочь невѣста. Нашелся челоуѣкъ добрый, рѣшившійся вступить съ нею въ законное супружество. Мать невѣсты и сама невѣста были такъ бѣдны,

что и въ храмъ Божій онѣ должны были ходить поочередно, ибо у обѣихъ одна только была верхняя одежда. Эту грустную бѣдность семейства знало наше попечительное учрежденіе о бѣдныхъ, и имѣя въ рукахъ только небольшія средства, доставляемыя кружечнымъ сборомъ, затруднилось назначеніемъ мѣры пособія. Хотѣлось, чтобы у невѣсты было все признаваемое крайне необходимымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, но и на это необходимое потребовалось бы столько денегъ, что отчислить отъ запасной небольшой суммы нельзя было безъ значительнаго ущерба для прочихъ бѣдныхъ. Тогда общимъ совѣтомъ попечителей рѣшено было огласить сіе обстоятельство по приходу, въ надеждѣ, что можетъ быть найдутся люди готовые помочь въ сей важной нуждѣ бѣдному семейству. Это было исполнено, и что же вскорѣ оказалось? Тому, то другому попечителю присылаются—отъ одного платье, отъ другаго холстъ для бѣлья; тамъ несутъ для семейства деньги, изъ инаго мѣста даютъ, по совѣту со вдовою матерью, другую какую либо вещь, необходимую невѣстѣ. Благодарители нашлись и внѣ нашего прихода безъ всякаго искательства со стороны попечительнаго учрежденія о бѣдныхъ. Такимъ образомъ одними попечителями получено отъ разныхъ благотворителей на устройство означенной невѣсты деньгами 161 р. и вещами на 100 р., исключая тѣ вещи и деньги, которыя непосредственно получены самимъ бѣднымъ семействомъ съ условіемъ молчанія и о вещи принесенной, и о лицѣ благотворителей. Сихъ пособій оказалось столь достаточно на устройство невѣсты, что небыло уже никакой нужды отчислять что-либо еще изъ кассы попечительнаго учрежденія. Что и это опять, какъ не милость Божія, благоизволившая избрать наше учрежденіе орудіемъ для возбужденія въ добротныхъ дателяхъ милосердія къ нуждающемуся семейству?

Видя и какъбы осязая благословеніе Господне, приносящее облегченіе и радость бѣдствующимъ, уповаемъ, что оно приноситъ духовный плодъ и благодаръ-

ющимъ. Если успѣхъ и во всякомъ предпринятомъ дѣлѣ радостенъ, то въ дѣлѣ милосердія очевидная помощь Божія еще большую приноситъ радость и возбуждаетъ въ насъ еще большее упованіе на промысленіе Божіе въ будущемъ. Кромѣ того увеличеніе средствъ попечительнаго учрежденія показываетъ, что любовь къ бѣдствующимъ еще болѣе расширяется въ сердцахъ благодѣющихъ. Инымъ изъ нихъ хотѣлось бы совсѣмъ отнять слезы у плачущихъ бѣдныхъ и удовлетворить всѣ ихъ нужды, чтобъ они только радовались о Господѣ, къ нимъ милостивомъ, и молились за своихъ благодѣтелей.

Вотъ краткій отчетъ какъ прихода и расхода суммъ по попечительному учрежденію, такъ и того, кому изъ бѣдныхъ и какая дѣйствительно оказана помощь въ продолженіе цѣлаго года:

Отъ прошедшаго 1864 къ 1865 году осталось наличной суммы 566 р. 14 к. и пятипроцентный билетъ государственнаго банка во 100 рублей. Всего 666 р. 14 к.,

Высыпано было изъ кружекъ: въ февралѣ мѣсяцъ — 23 р. 60 к., въ мартѣ 41 р. 50 к., въ апрѣлѣ 67 р. 43 к., въ маѣ 32 р. 12 к., въ томъ числѣ проценты съ 5% во 100 р. билета государственнаго банка 2 р. 50 к., въ іюнѣ 25 р. 15 к., въ іюлѣ 21 р. 90 к., въ августѣ 28 р. 66 к., въ сентябрѣ 26 р. 83 к., въ октябрѣ 27 р. 30 к., въ ноябрѣ 100 р. 98 к., въ томъ числѣ проценты съ пятипроцентнаго билета государственнаго банка 2 р. 50 к., въ декабрѣ 42 р. 50 к., и генварѣ 85 р. 90 к., въ томъ числѣ 15 рублей, которые поручено попечителямъ въ храмовой праздникъ Трехъ Святителей раздать бѣднымъ сверхъ опредѣленнаго для нихъ ежемѣсячнаго пособія. Еще получено отъ скрывшихъ свое имя благотворителей для устройства невѣсты деньгами 161 руб. и вещами на 100. 51 коп. Итого въ приходѣ 896 руб.

Всего же съ остаточными отъ прошедшаго года и билетомъ государственнаго банка 1451 р. 1 к.

Роздано бѣднымъ: въ февралѣ мѣсяцъ 33 р., въ мартѣ

43 р. 50 к., въ апрѣлѣ 43 р. 50 к., въ маѣ 43 р. 50 к., въ іюнѣ 43 р. 50 к., въ іюлѣ 41 р. 50 к., въ августѣ 39 р., въ сентябрѣ 41 р., въ октябрѣ 39 р. 50 к., въ ноябрѣ 42 р. 50 к., въ декабрѣ 42 р. 50 к., и генварѣ 63 р. 50 к., въ томъ числѣ 15 рублей присоединенныя къ ежемѣсячному пособію бѣднымъ. Кромѣ того, отданы вдовѣ матери невѣсты полученныя для нея отъ благотворителей деньгами 161 р. и вещами на 100 р. Всего въ расходѣ было 779 рублей. За тѣмъ осталось къ 1-му числу февраля мѣсяца сего 1866 года 572 р. 1 к. налич. деньгами и 5% билетъ государств. банка во 100 рублей.

Получившихъ пособіе ежемѣсячное было муж. пола 20. женскаго 34, обоюго 54 человекъ. Единовременное пособіе было выдано только одному семейству, значущемуся подъ № 1. Ему не прекращались и ежемѣсячная помощь.

Въ числѣ получившихъ пособіе было семействъ 10, одинокихъ 7, вдовъ чиновницъ 3, мѣщанъ 29, цѣховая 1, военнаго званія 8, крестьянъ 13.

Выбыло, за устройствомъ при помощи Божіей въ разныя богадѣльни, 3 человекъ.

При семъ не излишне упомянуть и о томъ, что одна бѣдная престарѣлая и слѣпая вдова, значившаяся по книгѣ о бѣдныхъ подъ № 25-мъ и въ 1864 году исключенная изъ числа приходскихъ бѣдныхъ за то, что отказалась отъ поступленія въ богадѣльню, въ концѣ сего года изъявила усердное желаніе оставить нищенскую жизнь, и умоляла помѣстить ее въ какое-либо богоугодное заведеніе. Общимъ совѣтомъ попечителей, по назначеніи ей ежемѣсячнаго пособія, положено было ходатайствовать объ опредѣленіи ея въ какую-либо богадѣльню, равно какъ и другихъ приходскихъ бѣдныхъ, по своей престарѣлости, слабости силъ и доброму поведенію достойныхъ подобнаго о нихъ попеченія.

Священникъ Николай Орловъ.

И С Ц Ъ Л Е Н І Е.

1865 года декабря 16 дня. Я нижеподписавшійся Владимірской губерніи, села Палехи крестьянинъ, Николай Иларіоновъ Корневъ, въ Свято-Троицкой Сергіевской лаврѣ объявилъ намѣстнику лавры отцу Архимандриту Антонію и нѣкоторымъ изъ іеромонаховъ о своемъ посѣщеніи и исцѣленіи угодникомъ Божиимъ преподобнымъ отцемъ Сергіемъ такимъ образомъ: бывши по художеству иконописному въ Вятской губерніи, въ городѣ Елабугѣ, я простудился отъ неосторожности, и страдалъ недѣли три горячкою, а наконецъ открылась водяная болѣзнь. Находясь въ безнадежномъ положеніи, прибѣгалъ я съ теплою молитвою ко Господу и угоднику Божию преподобному отцу Сергію Въ одну ночь (въ явѣ), явившись въ монашескомъ облаченіи, старецъ благословилъ меня и сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру къ мощамъ Преподобнаго отца Сергія, и тамъ получишь исцѣленіе. Безъ замедленія, по явленіи угодника Божія, я отправился въ болѣзненномъ положеніи въ Лавру; на пути въ городѣ Казани я почувствовалъ большое облегченіе; а приѣхавши въ Сергіеву Лавру, помолившись у святыхъ мощей преподобнаго отца Сергія, я уже чувствую себя окончательно здоровымъ, прославляя Господа подающаго дивныя чудеса святымъ Своимъ угодникомъ. О чемъ и объявляю собственноручно писменно Николай Иларіоновъ Корневъ.

Дополненіе. Видѣвшіе въ сіе время Корнева въ Лаврѣ свидѣтельствуютъ, что на лицѣ его, блѣдномъ и опаломъ послѣ опухоли, видны слѣды тяжелой болѣзни; но болѣзненности онъ нечувствуетъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

СИЛА МОЛИТВЫ КЪ АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ.

Надѣюсь, что нижеописанный случай выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и послужить для назиданія вѣрующихъ. Почему считаю нужнымъ огласить оный во славу Божию и для прославленія святыхъ ангеловъ-хранителей.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я состоялъ на службѣ при православной церкви въ одномъ небольшомъ городкѣ Лифляндіи; при этой церкви священникомъ былъ я одинъ; другой православной церкви тоже не было тамъ; въ Лифляндіи въ уѣздныхъ городахъ обыкновенно бываетъ одна церковь даже и лютеранская. Сверхъ должности приходскаго священника, на меня возложена была должность благочиннаго, требовавшая отъ меня иногда довольно продолжительныхъ отлучекъ, дней на пять и даже на шесть, для обзрѣнія церквей, отстоявшихъ отъ вѣренной мнѣ церкви на 90 верстъ въ одну сторону и на 50 въ другую. Предъ своимъ поѣздомъ я обыкновенно считалъ своимъ долгомъ посѣщать больницу, чтобы не оставить безъ напутствія св. Тайнами опасно больныхъ. 8 марта 18.. года я посѣтилъ съ этимъ намѣреніемъ городскую больницу. Въ числѣ больныхъ я нашелъ очень молодаго человѣка, котораго постель была постлана на полу, а не на кровати,

что обратило особенное мое вниманіе. Немного поговоря со мною, лежа на постелѣ, больной началъ сильно бить себя кулакомъ по лицу, которое было страшное; глаза его выкатились, и послѣ — пѣна клубомъ появилась около его рта. Его немедленно схватили за руки и не давали ему бить самого себя. Въ первый разъ увидя такого страдальца, я самъ сильно былъ тронутъ; какъ мнѣ послѣ рассказалъ самъ больной и другіе бывшіе въ больницѣ, такіе припадки случались съ нимъ разъ по шести въ день, а когда онъ еще былъ дома и не пользовался пособіемъ медицины, — по 15-ти разъ въ сутки. Стоялъ я предъ этимъ больнымъ, и болѣло у меня сердце. Недолго лежа, больной, къ утѣшенію моему, пришелъ въ себя, всталъ съ постели и уже подошелъ ко мнѣ. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ кантонистъ воронежскаго военного батальона и по болѣзни отпущенъ на родину, которая была верстахъ въ 30-ти отъ города, въ больницѣ котораго онъ находился. На дорогѣ изъ Воронежа на родину онъ былъ обобранъ, конечно во время его припадка; у него даже унесли билетъ его, и на свою родину онъ былъ доставленъ по этапу. На родинѣ, въ кругу своихъ родныхъ, все лютеранъ, онъ хотѣлъ было идти къ пастору на причастіе, но пасторъ потребовалъ отъ него изученія лютеранскаго катихизиса и ранѣе того не хотѣлъ принять его на причастіе. «Но гдѣ мнѣ такому больному учиться?» говорилъ мнѣ кантонистъ. Мало того что болѣзнь такъ жестоко мучила его во время частыхъ припадковъ, онъ еще страдалъ бессоницею, что для него было едва ли не тяжелѣе самыхъ припадковъ. Сверхъ того ему видѣлись видѣнія; какъ онъ рассказывалъ мнѣ, онъ обыкновенно видѣлъ у себя на лѣвомъ плечѣ черную кошку, а на правой сторонѣ человѣка

съ книгою въ рукахъ, всего въ бѣломъ платьѣ, какъ мертвеца. Замѣчательно, что во время припадка, по словамъ кантониста, когда глаза его обращались на черную кошку, онъ билъ себя немилосердо, а когда онъ смотрѣлъ на человѣка въ бѣломъ платьѣ съ книгою въ рукахъ, рука его не доходила до лица, какъ будто кто ее держалъ. Родная сестра больного обращалась съ просьбою о молитвѣ за больного къ одному славному въ Лифляндіи пастору В.; но этотъ будто отказалъ ей, сказавъ, что братъ ея можетъ-быть притворяется, и надобно думать, что пасторъ и посовѣтовалъ помѣстить больного въ больницу. «А старые люди говорятъ», продолжалъ больной, «что лютеранскіе пасторы ничего не помогутъ въ такой трудной болѣзни, что нужно обратиться къ русскому (православному) священнику. Вотъ еслибы вы оказали мнѣ такую милость — помолились за меня». Понятно, что я съ радостію принялъ просьбу больного. Увѣривъ его въ милосердіи Божіемъ, которое Господь часто оказываетъ по вѣрѣ и молитвѣ нашей, я объяснилъ больному ученіе православной церкви объ ангелахъ-хранителяхъ, которые даются намъ при св. крещеніи, и которые имѣютъ своимъ назначеніемъ хранить насъ и молятся за насъ Богу, чѣмъ особенно могутъ помогать намъ при несчастныхъ случаяхъ. Этого ангела-хранителя я указалъ больному въ бѣломъ человѣкѣ съ книгою въ рукахъ, котораго видѣлъ онъ на правой сторонѣ. Сверхъ молитвы за себя больной просилъ меня пріобщить его св. Таинъ; притомъ объяснилъ, что, какъ другіе ему рассказывали, во время болѣзни въ воронежской больницѣ, въ которой онъ находился, по его словамъ, въ безпамятствѣ около году, онъ былъ присоединенъ къ православію, но самъ онъ того не помнитъ. Такъ какъ я

не имѣлъ надлежащихъ свѣдѣній о присоединеніи къ св. церкви больного, то и не могъ его немедленно принять ко св. Причастію, а представилъ объ этомъ дѣлъ архипастырю.

На другой день послѣ посѣщенія мною городской больницы, утромъ, по своему обѣщанію больному, я прибылъ въ больницу уже не одинъ, а съ причтомъ и предъ св. крестомъ и Евангеліемъ отправилъ молебень св. Ангелу-Хранителю; при совершеніи сего молебна я прочиталъ канонъ небесному Хранителю нашему, а предъ концемъ молебна еще прочиталъ съ колѣнопреклоненіемъ молитвы изъ большаго Требника объ одержимыхъ нечистыми духами, и окропилъ больного и его постель св водою. Какъ самъ вышеупомянутый больной, такъ и другіе, находившіеся въ больницѣ, православные и лютеране, усердно молились во время отправляемаго мною богослуженія. Послѣ чего я долженъ былъ немедленно отправиться по дѣламъ службы изъ города на нѣсколько дней.

Воротаясь домой, я поспѣшилъ въ больницу, и больной началъ благодарить меня за оказанную ему милость; съ радостію объявилъ онъ мнѣ, что послѣ молебствія онъ всѣ ночи уже проводитъ спокойно; припадокъ болѣзни началъ случаться съ нимъ только черезъ день и два, а вотъ теперь уже четыре дня ничего подобнаго не было, говорилъ мнѣ больной. Я внушилъ больному, чтобъ онъ благодарилъ за облегченіе его отъ болѣзни не меня, а Господа Бога да св. ангела-хранителя, небесную помощь котораго вотъ онъ самъ на себѣ испыталъ; говорилъ я еще, чтобъ онъ былъ признателенъ и къ св. церкви православной, которая имѣетъ средства оказывать такую благодѣтельную помощь и утѣшеніе несчастнымъ. 5 апрѣля я снова

посѣтилъ больницу, и съ больнымъ припадки болѣзни уже не повторялись. Вскорѣ послѣ того больной совсѣмъ уволенъ былъ изъ больницы на попеченіе родственникововъ, лютеранъ.

По официальному сношенію съ канцелярією воронежскихъ батальоновъ военныхъ кантонистовъ оказалось, что вышеозначенный кантонистъ дѣйствительно присоединенъ былъ къ св. православію, когда находился въ воронежской гражданской больницѣ, и присоединенъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ былъ уволенъ на родину. Почему былъ включенъ въ число прихожанъ того прихода, въ которомъ онъ находился по мѣсту своего жительства и къ исповѣди и св. Причастію былъ принятъ мною 20 ноября того же года.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того случайно я увидѣлъ бывшаго больнаго на дорогѣ въ одной корчмѣ, гдѣ я долженъ былъ на нѣсколько времени остановиться. Сначала я не совсѣмъ могъ узнать его, но онъ подошелъ ко мнѣ и снова благодарилъ меня за помощь ему въ больницѣ. Здѣсь я узналъ отъ него, что теперь онъ здоровъ, какъ и замѣтно было, и припадки болѣзни бывають съ нимъ только по одному разу въ мѣсяць.

Б. П. I. П.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ

(РАЗСКАЗЪ).

Наумъ Гавриловъ былъ мужикъ лѣтъ подь пятьдесятъ, здоровый и крѣпкій собою, нраву подь часъ крутаго, но отходчивъ и сердиться долго не могъ; а когда простынетъ, такъ изъ него можно было сдѣлать что угодно. Въ семьѣ у него былъ сынъ Сидоръ, жена Сидорова Меланья, и трое внучатъ — дѣтей Сидоровыхъ. Самъ Наумъ года съ два назадъ овдовѣлъ.

Жизнь въ домѣ Наумовомъ шла обыкновеннымъ крестьянскимъ порядкомъ: Наумъ былъ большой и управлялъ всѣмъ; Меланья хлопотала около печки и домашнего хозяйства; Сидоръ помогаль отцу въ работахъ, и никогда не выходилъ изъ-подъ его воли; дѣти Сидоры были еще малы, и толкались у печки около матери. Если иногда Наумъ и вспылить за что на сына или на сноху, тѣ смолчатъ; и чрезъ пять минутъ онъ утихнетъ,—и все пойдетъ опять тихо да мирно.

Къ сожалѣнiю, вдовецъ Наумъ вздумалъ жениться. Выборъ его палъ тоже на вдову Федосью. Это была женщина лукавая, плутоватая и своенравная. Не долго она жила съ первымъ мужемъ своимъ, но и въ недолгое время умѣла подобрать его въ руки, и командовала имъ какъ хотѣла. Мужъ былъ человекъкъ нраву кроткаго и терпѣливаго; до шуму и брани не охотникъ; все сносилъ и терпѣлъ. Бывало родная мать его, свекровь Федосьина, видя, что Федосья слишкомъ помыкаетъ имъ, и скажетъ ему: «ты, глупый, зачѣмъ потворствуешь ей? Ты бы ее хорошенько поучилъ. Что она тобою мытарить? Бабѣ даль волю!» а мужъ Фе-

досынь махнетъ рукой, и уйдетъ изъ дому. «Дуру не переучишь, скажетъ онъ; пусть похрабрится!» Было отъ перваго мужа двое дѣтей у Ѳедосьи, но скоро умерли, затѣмъ и мужъ ея. Ѳедосья и шести недѣль не прожила въ домѣ свекора, и ушла къ своимъ роднымъ. Отъ роду ей было теперь лѣтъ тридцать не съ большимъ.

Науму Ѳедосья нравилась какъ женщина молодая и хорошая работница; на характеръ ея онъ мало обращалъ вниманія. «Слажу, думалъ онъ про себя: — меня не переучить». Наумъ вспоминалъ, что первая жена его, Настасья, мать Сидорова, никогда изъ воли его не выходила, была женщина нраву тихаго и кроткаго; слово его и взглядъ были для нея законъ.

Слухи о женитьбѣ Наумовой сдѣлались ужъ громкими; всѣ считали дѣло его рѣшеннымъ; но дома Наумъ ни слова не говорилъ объ этомъ. Разъ Сидоръ во время обѣда говоритъ отцу: «что-жь, батюшка, не скажешь намъ, что ты женишься?»

— А что-жь толковать-то? что языкъ-то по пусту колотить? женюсь, такъ женюсь; кому какое дѣло?

Науму видимо не нравился вопросъ сына.

— Да вѣдь мы не чужіе тебѣ, сказала въ свою очередь Меланья, — чай можно бы сказать. Посторонніе всѣ какъ въ набатъ бьютъ; а мы словно въ другой землѣ живемъ: ни слуху, ни духу.

Наумъ не отвѣчалъ. Прошло минутъ пять молчанія; всѣ втихомолку занимались ѣдою; только дѣти Сидоровы что-то кричали.

— Замолчите, крикнула на нихъ Меланья; — вотъ погодите, новая бабушка придетъ; она вамъ не дастъ спуску.

Меланья сказала, и сама испугалась словъ своихъ; — Наумъ бросилъ ложку, весь затрясся, хватилъ по столу кулакомъ такъ, что все на столѣ запрыгало, и обзвалъ Меланью такимъ словцомъ, что та не знала куда и дѣться.

Дѣти съ испугу пуще раскричались; Сидоръ вскочилъ изъ-за стола и началъ Богу молиться, чтобы по-

скорѣе убраться изъ избы; Меланья была ни жива, ни мертва.

— Я тебя проучу, кричалъ Наумъ, — и съ ребятами твоими. Я тебѣ задамъ, спички ставить мнѣ въ глаза. Учить меня что-ль хочешь? Тебя что-ль во всемъ спрашивать я долженъ?

Меланья встала и молча пошла къ печкѣ готовить кашу. Она нарочно дольше не накладывала каши, чтобы дать пройти пылу Наумову; потомъ пошла за масломъ въ подполицу. Наумъ проворчалъ еще словъ десятокъ и замолкъ; дѣти тоже примолкли. Меланья вышла изъ-подъ подполицы, положила масла въ кашу, поставила миску съ кашей на столъ, и опять сѣла молча на скамейку, не смѣя, впрочемъ, ложкой шевельнуть.

Дѣти запросили каши. Меланья молчала, искоса поглядывая на свекора. Наумъ молча подвинулъ миску съ кашей къ дѣтямъ. Это значило, что онъ утихъ. Меланья кашлянула раза два.

— Что не ѣшь? простынетъ, сказалъ Наумъ. — Поди зови Сидора-то.

Меланья тотчасъ поспѣшила за дверь, и кликнула мужа; тотъ вошелъ и какъ будто ни въ чемъ не бывало, сѣлъ за столъ.

Прошло мѣнутъ пять молчанія.

— Сегодня надо бы ленку посѣять, сказала Меланья, не относясь отдѣльно ни къ мужу ни къ свекору. Сидоръ молча взглянулъ на отца; Наумъ тоже молчалъ.

— Мама, а гороху-то хотѣли посѣять, сказалъ который-то изъ ребятъ. — Васинъ отецъ посѣялъ большой конецъ.

— И у васъ будетъ большой, сказалъ Наумъ. — Ёшь кашу-то.

Дѣло, значить, уладилось, буря прошла. Пообѣдали и всѣ пошли по своимъ работамъ.

Скоро Наумъ отправился къ священнику объявить, что онъ женится на Ѳедосѣ.

— Ладно-ль ты дѣлаешь, Наумъ? сказалъ священникъ. — Лѣта твои не молодые. Пора подумать о душѣ.

— Что дѣлать, батюшка, тоска взяла; все одинъ да одинъ.

— Молись, постись, трудись, вотъ и тоска пройдетъ. Вѣдь дѣла-то, чай, въ домѣ и около дома немало.

— Конечно, дѣло есть; да ужь очень скучно одному. Хозяйку надо.

— А сыну-то со снохой едва ли хочется, чтобы ты женился.

— Мнѣ-то что? Они мнѣ не указъ.

— Кого ты берешь-то?

— Ѳедосью, сноху Ильину. послѣ Степана-то.

— Знаю, знаю. Да вѣдь она молода, да кажется и съ норовомъ.

— За то работница хорошая. А нраву ея не боюсь. Самъ не трусь.

— Не ошибись на старости-то лѣтъ. Трудно найти жену, какъ была у тебя Настасья: покойница, знаешь, какая баба была — тихая, кроткая, покорная, водой не замутишь.

— Да ужь однимъ словомъ — баба золото была, договорилъ самъ Наумъ вздохнувши, — дай Богъ ей царство небесное! Онъ перекрестился, взглянувши на образа.

— То-то вотъ и дѣло; послѣ такой жены, да вдругъ попадетъ съ иными свойствами, начнетъ помыкать тобою, начнетъ вертѣть всѣмъ домомъ: и тебѣ-то худо, да и Сидору-то съ Меланьей не вкусно будетъ. Смотри!

Наумъ поставилъ на своемъ, не послушалъ предостереженій. Справили свадьбу Ѳедосья была раде-хонька, веселилась, сколько душѣ ея любо было; Наумъ тоже подгулявши, молодился и бодрился; только Сидоръ съ Меланьей голову повѣсили.

Вскорѣ Ѳедосья показала себя, какова она; началось съ Меланьи. Доселѣ, во все время послѣ смерти первой жены Наумовой, все хозяйство домашнее лежало на Меланьѣ. Наумъ никогда ни во что не вступался; Сидоръ тоже: какъ мужчинамъ, имъ и безъ того было много дѣла въ полѣ и около дома; у Меланьи же въ домѣ все было въ исправности, чистотѣ

и опрятности. Теперь Ѳедосья захотѣла быть хозяйкой. Меланья знала это и тотчасъ же послѣ свадьбы предложила ей взять на себя домашнее хозяйство и быть большою; такъ куда! Ѳедосья, повидимому, ни за что не хотѣла этого.

— И, Христось съ тобой, невѣстушка, говорила она Меланьѣ. — Да что мнѣ въ большинѣ? я человѣкъ новый въ домѣ; куда мнѣ?

Между тѣмъ стала наговаривать мужу своему, что Меланья-то не экономна, не бережетъ добра, что оно у ней идетъ Богъ знаетъ какъ, не въ прокъ; что иного можно бы не дѣлать, другаго не трогать, третье поберечь; что Меланья ребятишкамъ своимъ пересуетъ и не вѣсть сколько яицъ и лепешекъ украдкой и втихомолку. Наума такія рѣчи только раздражали.

А не хотѣла Ѳедосья дѣйствовать по-божьему, по правдѣ. Захотѣлось быть и пришлось быть большой въ домѣ, — ну и будь большой. Нѣтъ, принять прямо большинство отъ Меланьи ей казалось какъ-то слишкомъ ужъ просто; нужно было похитрить, полукавитъ; а хитрость да лукавство не къ добру повели. И Наумъ не хотѣлъ понять, что домъ стоитъ и процвѣтаетъ не столько отъ того, что въ немъ лишнее яйцо или горсть муки останется, сколько отъ единодушія, мира, любви и согласія живущихъ въ немъ. На Меланью онъ то и дѣло сталъ кричать: «мотовка, растащица! тебѣ ничего не жаль; домъ не твой—ты и рада все съ рукъ спускать!» Меланья сначала изумилась такимъ рѣчамъ; она два года вела хозяйство, и намѣренно ничего не промотала и не потратила; потомъ поняла, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Если я мотовка и растащица, сказала она скромно свекру, — такъ зачѣмъ мнѣ велите вести хозяйство? пусть другая приметъ на свои руки хозяйскія хлопоты, я объ этомъ не стану плакать. Зачѣмъ меня корить и попрекать? А если я когда и дамъ ребятишкамъ своимъ по яйцу или лепешкѣ, у насъ, слава Богу, есть изъ чего, и запрету до сихъ поръ никакого не было.

— Да ты у меня не говори много, сказалъ Наумъ,

и вышелъ изъ избы. Онъ понималъ, что Меланья говорила правду.

Наутро нужно было печку топить; Меланья принесла дровъ, воды, затопила печку, и ушла куда-то за дѣломъ, сказавши впрочемъ Ѳедосьѣ, чтобъ она шла хозяйничать. Ѳедосья не шла, какъ ни рада была этому. Солнышко ужъ высоко поднялось, а печка все топилась, и Ѳедосья не принималась за хозяйство. Наумъ и Сидоръ были въ полѣ на работѣ. Меланья вернулась въ избу, и видитъ, что дѣло плохо: быть опять брани.

— Матушка, сказала она Ѳедосьѣ, — коли ты хочешь быть хозяйкой, такъ что-жь ты около печки не убираешься, вѣдь скоро придутъ завтракать; нечего будетъ подать на столъ.

— Охъ, невѣстушка! Ужь куда мнѣ хозяйничать, молвила лукаво Ѳедосья: — ты вела два года большину, такъ ужъ ты и будь хозяйкой.

— Никакой я большины не вела; не было въ домѣ другой хозяйки, такъ поневолѣ я должна была хозяйничать. А теперъ я вижу, что батюшкѣ это непріятно, такъ мнѣ лучше отойти отъ грѣха. Онъ все ругаетъ.

— Да онъ такъ... мало-ль что бываетъ.

— Нѣтъ, не такъ, когда онъ попрекаетъ меня мотковкой да растащихой, значить я не хозяйка. Я и не стану хозяйничать, воля твоя. Вся стать тебѣ быть хозяйкой.

— Ужь гдѣ мнѣ? Я и не знаю, гдѣ что взять.

— Я все это скажу и покажу.

Ѳедосья какъ будто нехотя принялась за хозяйство. Пришли завтракать; сѣли за столъ; Ѳедосья пошла къ печкѣ, Меланья побѣжала за квасомъ.

— Ужь не взыщите на молодой хозяйкѣ, сказала Ѳедосья, съ ужимками: — можетъ и не такъ хорошо изготовлено.

Сидоръ, понялъ, въ чемъ дѣло; Наумъ только кашлянулъ. Меланья пришла и сѣла около своихъ ребятишекъ. Они что-то запросили у матери, но та на отрѣзъ сказала: «молчать! Не прежняя пора!» Этимъ только сорвала она свою досаду.

А досадовать, надо сказать правду, не на что было, да и не слѣдовало.

Прошло недѣли три въ мирѣ и тишинѣ. Меланья мало горевала о томъ, что не она хозяйка въ домѣ, и стала заниматься съ мужемъ работами и хлопотами полевыми. Наумъ былъ въ духѣ, Ѳедосья — тоже.

Но вскорѣ Меланья стала замѣчать, что ребятишки ея, остававшіеся утромъ дома, были заплаканы, и исхудали.

— Мама, а мама! намъ бабушка-то яичка не дала; мы стали просить утромъ, а она кулакомъ пригрозила: «Вотъ вамъ яичко», — сказала.

— А вы бы, глупые, хорошенько у ней попросили, сказала Меланья ребятамъ, а между тѣмъ приняла слова ихъ къ свѣдѣнію.

— Мы просили, Ваня даже заплакалъ, — не даетъ.

Въ слѣдующій скоромный день Меланья, отправляясь утромъ на полевую работу, принесла сама три яичка, и отдавая ихъ Ѳедосьѣ, сказала: — матушка, ужо свари ребятамъ-то по яичку; они вѣдь глупы, до завтрака имъ долго ждать.

— Ладно, ладно, Меланьюшка, сказала Ѳедосья.

Меланья ушла; но Ѳедосья не сварила яиць и не дала ребятамъ, да еще выбрала при нихъ мать за жалость къ нимъ.

Меланья вернулась къ завтраку и, узнавъ отъ дѣтей о поступкѣ Ѳедосьи, сначала вышла изъ себя: «Господи Боже мой, неужели мои дѣти не стоятъ и яйца куриного?» но она опять сдержала себя. Можетъ-быть Ѳедосья забыла просьбу ея.

На утро она опять принесла три яичка, и больше прежняго стала просить Ѳедосью, чтобъ она не забыла испечь ихъ для ребятъ, какъ станетъ топить печку.

— Вчерась я говорила, сказала она кротко Ѳедосьѣ, а яйца-то такъ и остались не вареными.

Ѳедосья только отвернулаеь.

— Неужели она и нынче не сварить? сказала Меланья мужу своему, передавая ему всю эту продѣлку Ѳедосьину.

— Охота тебѣ связываться! Велѣла бы ребятамъ хлѣба поѣсть; вѣдь не умрутъ до завтрака-то.

— Да вѣдь она, пожалуй, и хлѣба не дастъ.

Федосья сварила яйца, и дала ихъ ребятамъ; но вопервыхъ, давая яйца она ткнула каждого въ носъ, и обругала какъ можно хуже; а во вторыхъ, когда сѣли завтракать, она, подавая на столъ, примолвила:— вотъ бы яичницу надо вамъ сдѣлать; да у насъ какъ скопить яицъ? По сотнѣ въ недѣлю выходитъ; не успѣютъ куры накласть.

— Какъ по сотнѣ? спросилъ Наумъ:— куда такъ много идетъ?

— Да все вотъ невѣстушка таскаетъ.

Меланья поблѣднѣла какъ береста.

— Куда-жь это я таскаю? спросила она Федосью.

— Да ужъ нечего, нечего; не бережешь домика.

— Если я ребятамъ просила тебя испечь по яичку, это не значитъ, что я таскаю, а что по сотнѣ у насъ выходитъ въ недѣлю,—ребятъ только трое.

Федосья старалась замаять рѣчь Меланьину и слѣдила глазами своими за Наумомъ.

— Но, продолжала Меланья,—я не первый годъ живу въ домѣ; я два года правила хозяйствомъ, и благодаря Бога, ничего не растащила, не размытарила. Всего, слава Богу, есть; и дѣтей своихъ я не обижала; и нашъ всѣмъ было довольно. И теперь вонъ цѣлый коробъ стоитъ съ яйцами въ подполицѣ. Если тебѣ жаль дать моимъ дѣтямъ по яйцу-то, заплати тебѣ Царица небесная!—Слезы хлынули у ней изъ глазъ; она вышла изъ за стола.

Федосья ждала, что Наумъ вспытитъ на Меланью; но Наумъ только показалъ видъ неудовольствія; ему видимо не нравилась выходка Федосьина; Сидоръ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Федосья скоро смѣкнула, что она промахнулась.

— Ну, ну, не гнѣвайся на меня, сказала она Меланьѣ:—я такъ, пошутила.

Меланья плакала. — Мои дѣти объѣли васъ, говорила она сквозь слезы: — развѣ мы не работа-

емъ? Развѣ мы норовимъ что себѣ? Все въ вашъ же домъ.

— Да молчи ты, баба глупая, запылилъ Наумъ.

Федосья встрепенулась; она думала, что Наумъ подержитъ ее.

— Давно бы пора самому вступиться, сказала она, а то мнѣ сладу нѣтъ съ ними.

— Кто васъ коритъ, что вы не работаете? продолжалъ Наумъ обращаясь къ Меланьѣ.

Федосья опять притихла; она увидѣла, что Наумъ не въ ея сторону гнеть.

— Вотъ свои дѣти будутъ, — прдолжала Мелавья, тогда не жалко будетъ ничего.

Федосьѣ дѣйствительно хотѣлось имѣть своихъ дѣтей; чрезъ нихъ она не столько бы удовлетворяла материнскимъ чувствамъ своимъ, сколько упрочивала бы свою будущность въ домѣ Наума. Вѣдь если Наумъ умретъ, и она останется бездѣтной, то ей придется плохо отъ Сидора и Меланьи. А не могла понять неразумная женщина, что искренняя любовь, взаимная довѣрчивость, миръ и тишина въ домѣ столь же прочно, или еще больше обезпечили бы ея будущность и по смерти Наума, нежели сколько она надѣялась видѣть обезпеченія отъ родныхъ своихъ дѣтей.

— Ахъ, матушка, твоими бы устами, да медъ пить, сказала Федосья, не скрывая своей радости при напоминаніи о родныхъ дѣтяхъ. И на Наума слова Меланьины произвели благотворное впечатлѣніе. Его гнѣвъ, готовый разразиться бурей, затихъ: Науму тоже хотѣлось имѣть дѣтей отъ Федосьи.

— Ужъ на радости я бы по десятку яицъ далъ всѣмъ ребятамъ, да яичницу бы еще сдѣлалъ, сказалъ Наумъ, обращаясь къ дѣтямъ Сидоровымъ. — Слышите, глуше?

— Слышимъ, дѣдушка.

— Пошла, садись за столъ-то, сказалъ Сидоръ Меланьѣ, видя, что Наумъ повеселѣлъ. Нечего реветъ изъ-за пустяковъ-то.

Кончили завтракъ, и разошлись снова всѣ на работу.

Федосья выработала для себя одно соображеніе изъ этого случая, именно: она очень хорошо поняла, что и самому Науму, не только ей, очень хочется имѣть отъ нея дѣтей, и что тогда она вполнѣ барыней заживетъ въ домѣ. Она стала шептать съ кумушками и знахарками; она стала давать разные обѣты Богу: «то сдѣлаю, другое сдѣлаю; туда схожу къ Угодникамъ Святымъ, въ другое мѣсто схожу»; но дѣтей все не было. Господь не внималъ ея мольбамъ и обѣтамъ.

Прошло года три или четыре, Меланья стала свykаться съ своимъ незавиднымъ положеніемъ. «Не все же будетъ она командовать нами. Вѣдь самъ-то старъ дѣлается; и послѣ его смерти и Федосьѣ не царствовать надъ нами».

У Меланьи промелькнула въ душѣ недобрая мысль: «тогда и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. И мы надъ тобой поцарствуемъ».

Федосья между тѣмъ не плошала. Видя, что у ней нѣтъ дѣтей, она стала всячески дѣйствовать на Наума, чтобъ онъ отдѣлилъ сына со снохою и дѣтьми, и выгналъ изъ дома. Федосья повела дѣло рѣшительно и напрямки. «Тѣсно мнѣ съ ними; не хочу жить, да и только»; толковала она мужу.

Наумъ сначала запылить на Федосью. «Да я тебя самое со двора сгоню; у меня слетишь какъ разъ»; но Федосья ужъ вызнала характеръ его. Когда пылил Наумъ, она молчала, а потомъ нашептывала ему разныя мерзости про Сидора и про Меланью. Она толковала ему, что вѣдь все равно житье будетъ имъ худое, когда придетъ старость; что Меланья заѣстъ ихъ; что и Сидоръ, хоть онъ и смотритъ теперь смиренникомъ, не пойдетъ паперекоръ женѣ своей, и не промѣняетъ ее на отца иль на мачиху; а па внучать и полагаться нечего. Федосья дѣйствовала нешутя настойчиво. «Хочу, да и только, чтобъ ихъ не было».

Меланья съ Сидоромъ и непрочь бы отойти отъ отца, коли ужъ они ему стали не любы; да вопросъ: съ чѣмъ и какъ отойти? Вѣдь отецъ не братъ; дѣ-

литься съ нимъ не станешь; что дастъ, то и ладно; чѣмъ благословить, тѣмъ и будь доволенъ. Ну, а съ другой стороны—какъ и бросить старика одного? Лѣта подходятъ старья; кто будетъ работать за него? кто поить и кормить? На мачиху надѣяться нечего. Притомъ же другой избы не было; идти нужно къ чужимъ людямъ, въ чужую избу.

Лучше всего среди этого тягостнаго колебанія Меланья съ Сидоромъ сходили бы къ своему духовному отцу, и попросили его совѣта и посредства. Онъ могъ бы поговорить и Ѳедосьѣ и Науму, научить уму-разуму и самихъ Сидора и Меланью. Но они не догадались этого сдѣлать; они втихомолку толковали и шептали, думая, что авось какъ-нибудь дѣло уладится. Но дѣло не уладилось.

Разъ Ѳедосья очень много и очень долго напѣвала Науму на свой тонъ. Наума сильно разбирала злоба; на бѣду подвернись Меланья, — и дѣлу конецъ. Сидоръ съ Меланьей и съ своими малыми дѣтьми удалены были вонъ изъ дому ни съ чѣмъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Меланья купила у коробочника, которые обыкновенно ходятъ по деревнямъ съ разными мелочными товарами, два поясочка дѣтямъ и платокъ себѣ; и всего-то копѣекъ на двадцать или не много больше. За платокъ она отдала свои деньги, вырученныя ею за холсты свои, а за пояски — пять горстей льну, которыя взяла она безъ спросу Ѳедосьи и Наума. Изъ-за этихъ пяти горстей загорѣлся сыр-боръ.

— Расточительница ты эдакая, весь домъ раззорила! кричала Ѳедосья. Долголь это терпѣть-то? Въ конецъ раззорили!..

— Пятью-то горстями льну я раззорила тебя? Опомнись, отвѣтила Меланья.

Это было при Наумѣ и Сидорѣ.

— А вотъ я тебѣ опомнюсь, закричалъ Наумъ. Вонъ изъ дому, чтобъ вашего духу здѣсь не было!

— Давно бы такъ, сказала съ злобною радостью Ѳедосья, — давно пора!

— Вонъ, такъ вонъ, сказала Меланья, не думая, чтобы дѣло дошло до чего-нибудь серьезнаго; и пошла вонъ изъ избы.

— Нѣтъ, ты постой, голубушка; ты, не туда гнешь, говорилъ Наумъ, злобясь на сноху. — Полно вамъ здѣсь мутить; видишь ты: вотъ это Богъ, — Наумъ указалъ на иконникъ, — а это — порогъ, повернулъ онъ Меланью къ двери; «а это вотъ тебѣ на дорогу пирогъ». Онъ далъ подзатыльникъ Меланьѣ. Та чуть не ткнулась носомъ.

Сидоръ видѣлъ, что дѣло плохо.

— Что-жь, батюшка, коли мы тебѣ не любы, коли мы у тебя не заслужили пяти горстей льну, отпусти насъ по-Божески со двора.

— Вонъ, сказано тебѣ.

— Вѣдь мы чай жили да работали вамъ; чай и наша копѣйка есть въ домѣ?

— Что-о? Такъ ты считаешься со мной? Такъ ты дѣлаться? А! вотъ я тебя надѣлю, кричалъ Наумъ.

Онъ подбѣжалъ къ порогу, схватилъ голикъ, и обративши Сидора лицомъ къ двери, толкнулъ его въ шею, и бросилъ впередъ ему голикъ.

— Вотъ твоя доля, глупецъ! Все — мое!

Меланья видѣла и слышала все это; она подняла голикъ, и сказала: «и на этомъ спасибо».

Думали, что Наумъ утихнетъ и образумится; но Ѳедосья нашептывала ему ежеминутно, что теперь только она увидѣла рай пресвѣтлый; теперь только она чувствуетъ себя покойною и счастливою; что глупъ будетъ Наумъ, если дозволить опять Сидору съ Меланьей жить у нихъ.

Вечеромъ Сидоръ съ Меланьей взошли въ избу; по Ѳедосья зашипѣла на нихъ какъ змѣя, а Наумъ кинулся какъ тигръ.

— Вонъ, сказано, вонъ!

Сидоръ съ семьей перебрался въ чужой домъ; отецъ не далъ ему ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни телѣги, ни сохи, ни бороны, словомъ, — ни порошинки изъ дому. Сидоръ вышелъ на бѣлую землю, раззореннымъ сиротой, съ малыи дѣтьми своими.

Священникъ узналъ объ этой исторіи, и, увидѣвши Наума, сказалъ ему: что ты, Богъ съ тобой, натворилъ? Въ умѣ ли ты? Какъ это ты Сидора-то съ Меланьей согналъ со двора? Видно не смогъ ты ослушаться Ѳедосьи.

— Не въ Ѳедосьѣ дѣло; не груби, проворчалъ Наумъ, — не тащи изъ дома.

— Полно, грѣхъ тебѣ старику говорить это; слушаешься ты бабьихъ рѣчей. Сколько лѣтъ Сидоръ-то съ Меланьей работали тебѣ? а ты ихъ со двора долой!.. А чѣмъ благословилъ ты сына-то? Голикъ сунуль ему? А еще, старый человѣкъ. Не такъ христiane-то дѣлають. Ну, не любь сынъ и сноха, отпусти ихъ съ милостію Божіею и съ Божьимъ благословеніемъ. Вѣдь въ жилахъ-то Сидоровыхъ твоя кровь течеть, а ты какъ сдѣлалъ?..

Наума коробила эта рѣчь; но дѣло ужъ было сдѣлано.

Священникъ говорилъ и Сидору съ Меланьей: сходите, поклонитесь отцу, — авось простить.

— Да нашей вины нѣтъ.

— Нужды нѣтъ, что нѣтъ; вы дѣти, съ поклону голова не сломится. Онъ васъ отпуститъ изъ дому по Божьему, онъ васъ благословитъ и наградитъ.

— Богъ съ нимъ и съ его добромъ.

— А можетъ-быть и опять станете жить вмѣстѣ...

— Нѣтъ, ужъ полно, батюшка; Ѳедосьинъ-то хлѣбъ вотъ гдѣ сидитъ, сказала Меланья, указывая на горло свое.

— Смотрите, Бога вы гнѣвите.

Ѳедосья зажила сначала барыней; но не долго пришлось ей барствовать. Наумъ сталъ запивать, работы остановились; домъ началъ падать. Ѳедосья хотѣла остановить мужа отъ пьянства и не давала ему денегъ; онъ сталъ пропивать вещи: то стащитъ въ кабакъ обротъ, то шлею, то рукавицы, то мѣру овса. Ѳедосья злилась на него и ругала его; а онъ только больше пилъ. А находили и такіе часы на него, что онъ подъ пьяную руку изобьетъ жену до полусмерти, а самъ опять пойдетъ въ кабакъ.

И Сидоръ съ Меланьей и съ своею малолѣтнею семьей жили не очень сладко. Не было у нихъ сначала ни кола, ни двора, ни хлѣба ни скотинки; все нужно было вновь заводить; ко всему нужно было прилагать двойные, усиленные труды. Они оба и трудились, и трудились до упаду. Но эти труды, среди недостатковъ и нуждъ, добили жизнь Меланьи. Въ пищеть, горѣ и нуждѣ она окончалась тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, оставивъ Сидору четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Умирая, она просила мужа Христомъ Богомъ выбирать себѣ въ жену женщину добрую, которая была бы вмѣсто матери для сиротъ ея. «Дѣтушки мои милые! говорила она, прижимая ихъ къ истощенной груди своей, еслибы можно, всѣхъ взяла бы я васъ съ собой въ сырую землю! Тамъ теплѣе бы для васъ было, чѣмъ жить съ мачихой!...»

Протоіерей В. Владиславлевъ.

ВРАЗУМЛЕНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ ПЬЯНИЦЫ. (*)

Разсказъ объ этомъ событіи, совершившемся въ 1864 году, надѣюсь, не останется для кого-нибудь безъ назиданія.

Въ с. П., гдѣ, по милости Божіей, я прохожу поприще моего служенія, живетъ поселянинъ Х. П., порядочный по состоянію хозяинъ, человекъ толковитый, хотя и неграмотный. Пьянство едва не погубило его на-вѣки. Одною изъ причинъ, много способствовавшихъ къ развитію болѣзни, была занимаемая имъ должность сельскаго (домашняго) землемѣра. Должность эта, между прочимъ, давала право или хотя предлогъ посѣщать чаще и сельскую сборню. Бывая

(*) Изъ 11 № Херсонскихъ Епарх. Вѣдом. 1866 г.

такимъ образомъ очень часто въ сообществѣ членовъ сборни и виѣстѣ съ ними участвуя въ рѣшеніи спорныхъ по селенію дѣлъ, всегда оканчивающихся миромъ, но непременно съ могарычемъ (а), П. до того привыкъ посѣщать сборню, что нужно или не нужно его, а онъ всегда тамъ. Хожденіе въ сборню служило предлогомъ увернуться и отъ докучливой жены, женщины умной и доброй, но терпѣвшей въ жизни много горя отъ пьянаго мужа. Разумѣется, очень часто землемѣръ нашъ до сборни и не доходилъ: ему только нужно было добраться до первой лавочки, или, по просту, шинка, чтобъ удовлетворить своей страсти выпить; а тогда уже, если позволяли силы, онъ шелъ или въ сборню, или домой. Но не добро ожидало семейство по возвращеніи къ нему хозяина и отца; особенно тогда, когда онъ возвращался домой не совершенно, т. е. не до безпамятства пьянъ. «Иногда самъ, бывало, вижу, что и не за что прицѣпиться къ женѣ, рассказывалъ онъ послѣ съ раскаяніемъ, — вотъ я и начну дѣтей тормошить; жена, разумѣется, вступится за нихъ, начнетъ плакать и выговаривать мнѣ, желая меня конечно привести въ чувство, образумить, а я радъ бывалъ случаю, что есть за что и къ самой женѣ привязаться. Изливши свой гнѣвъ, насытившись воплями и стопами семейства, я уже не могъ оставаться въ домѣ, а потому и отправлялся искать или случая выпить у поселянъ, или же прямо въ шинокъ; тамъ уже мнѣ было весело и пріятно, — пью и ликую до тѣхъ поръ, пока жена не пріѣдетъ, да возьметъ меня, а не то въ безпамятствѣ засыпаю и тамъ, гдѣ упаду.... И такъ проходили дни и, къ несчастію, годы моей плачевной жизни. — Я ни жалости, ни состраданія не имѣлъ къ тѣмъ изъ моихъ собратій, которые имѣли несчастіе просить отъ меня чего бы то ни было, даже того что я обязанъ былъ исполнить по моей должности; началомъ и концомъ моихъ дѣйствій былъ могарычъ, все

(а) Особенно этотъ прискорбный судъ существовалъ въ нашей сборнѣ до перемѣны Головы, т. е. до 1863 г.

водка и водка, пить которую я бы никогда не переставалъ! Я былъ самолюбивъ и скупъ на что-либо доброе, за то ничего не жалѣлъ на водку, чрезъ пристрастіе къ которой я разорялъ свое хозяйство; но главное, я былъ несправедливъ къ своему семейству; ни жена ни дѣти никогда и ни въ чемъ не могли мнѣ угодить; я былъ свирѣпъ, капризенъ, издѣвался надъ ними безъ всякаго состраданія и жалости». — Была, какъ казалось ему, и причина, почему онъ такъ злился. «Меня, говорилъ онъ, особенно раздражали родители моей жены. Они, движимые конечно любовью и состраданіемъ къ моей участи, съ которою сопряжена была участь ихъ дочери и четырехъ внуковъ, моихъ дѣтей, старались всѣми силами о томъ, чтобы меня вырвать изъ этой бездны — пьянства; ихъ-то слезы, просьбы и увѣщанія ко мнѣ, которыми они думали смягчить меня, и раздражали меня еще больше. У меня явилось даже желаніе, какъ бы освободиться отъ ихъ слезъ и докучливыхъ увѣщаній; а мысль, что я ничего не могу сдѣлать имъ, раздражала и сердила меня еще больше; но сдѣлать зло и выдумать его — было мнѣ не трудно; самое легкое и вѣрное средство освободиться отъ ихъ опеки — это, думалъ я, сжечь ихъ хату; будутъ дальше отъ меня жить, меньше будутъ и докучать (дворы ихъ были смежные.) Жена же тогда будетъ еще больше меня бояться, и, какъ одна останется, по-неволѣ замолчитъ...» Но пока я собирался привести въ исполненіе мое желаніе о поджогѣ тестева дома, явилась другая мысль: хорошо, думалъ я: если я и успѣю спалить домъ, достигнули своего? А если притомъ какъ-нибудь узнаютъ, что пожаръ произошелъ отъ моего поджога, тогда и люди будутъ надо мной смѣяться, а отецъ, мать, да жена еще больше станутъ упрекать. Что же дѣлать? При этомъ вопросѣ, невыразимая тоска сдавила мое сердце; день ото дня становилось мнѣ тяжелѣе, я началъ пить все больше и больше, да скоро и порѣшилъ: все равно, мнѣ назадъ уже не возвращаться, оставить пить водку не могу, семейству я опротивѣлъ, для чего же мнѣ и

жить? лучше самъ себя убью. При этой мысли мнѣ сдѣлалось веселѣе, я хотѣлъ умереть, я жаждалъ смерти и искалъ ее...»

Съ этой поры начинается рядъ страданій такъ-называемой бѣлой горячки, въ продолженіи которой нашъ землемѣръ не разъ подвергался смертной опасности. Несчастный, все-таки не переставая пить, продолжалъ обдумывать ужасную думу самоубійства...

«Нѣсколько разъ приходилось мнѣ, говорилъ онъ, и раздумывать какъ бы перестать пить водку, чтобъ и семью успокоить, и хозяйство поддержать; но лишь только залетитъ въ душу такая благодатная мысль, какъ мнѣ и начнетъ будто кто твердить: «какъ же ты можешь поддержать хозяйство и успокоить семью? Если ты перестанешь пить водку, то будешь тогда совершенно ни къ чему неспособенъ; одинъ часъ на тощакъ, другъ мой, не выпьешь, такъ и то все валится изъ рукъ, а какъ совсѣмъ перестанешь пить, тогда чтò съ тобою будетъ? А жена тогда и скажетъ: видишь, проишь здоровье, а теперь тебя корми хлѣбомъ...» Благодатная мысль оставляла меня, и я видѣлъ только одну безнадежность сдѣлаться такимъ, какимъ былъ прежде, а потому и порѣшилъ удавить себя, чтò казалось мнѣ легче всѣхъ родовъ самоубійства,—скоро и немудрено...»

Каждый часъ, не то день жизни былъ для несчастнаго П. безконечно мучителенъ. Онъ давно искалъ случая, чтобъ уже покончить съ собою, но все какъ-то не удавалось ему. Ночью напр. идетъ изъ комнаты, и жена за нимъ, онъ ее бранитъ, а она ему отвѣчаетъ: «Какъ убьешь меня, тогда я перестану ходить за тобою». А потому и рѣшился я привести въ исполненіе свой планъ днемъ. Возвращаясь однажды домой, П. зашелъ къ одному поселянину по какому-то дѣлу. Хозяинъ пригласилъ гостя покурить трубки, и гость П., несмотря на то что давно курить, по просьбѣ жены, пересталъ, началъ курить. Въ это же время является сюда и жена, уже цѣлый день его искавшая. На предложеніе жены идти домой П. согласился, давъ ей нѣсколько

неприличныхъ замѣчаній за то, что она не даетъ ему въ жизни покоя. Чѣмъ ближе приближались къ дому, тѣмъ П. дѣлался суровѣе: «никогда еще, говорила бѣдная жена, я его такъ не боялась, какъ тогда». Когда пришли домой, П., уже рѣшившись умертвить себя, всячески удерживался отъ гиѣва и брани, чтобъ успокоить, какъ думалъ онъ, подозрѣніе жены, сдѣлавшееся и ему замѣтнымъ. Вышедши изъ комнаты и походивши по разнымъ мѣстамъ своего двора, ища удобнаго мѣста, П. вошелъ тихоюшко въ сѣни, взялъ веревку и съ нею отправился въ скотскій загонъ, гдѣ, по удаленіи жены, и поспѣшилъ надѣть на себя петлю. «Едва я успѣлъ надѣть петлю, рассказываетъ П., какъ въ ту же минуту будто какая невидимая сила положила мнѣ что то тяжелое на мой затылокъ; я сознательно чувствовалъ, что меня что-то давило къ землѣ, но... пріятель не медлил (подлинныя слова его) и я лишился чувствъ...»

Интересенъ разсказъ жены, почему она она оставила своего мужа въ то время, когда нужно было быть при немъ неотступно, что и сама ясно видѣла.

«Не успѣла я, рассказываетъ она, приблизиться къ дверямъ загона, чтобы посмотреть что дѣлаетъ мой мужъ, какъ уже вынуждена была бѣжать оттуда. Я тамъ увидѣла не мужа моего, а какое-то чудовище, показавшееся мнѣ необыкновенно страшнымъ; по тѣлу моему пробѣжала такая дрожь, что какъ будто кто обложилъ меня льдомъ; и я, среди бѣлаго дня, побѣжала сколько силъ въ хату. Спасая свою жизнь, когда не было никакой опасности, я не думала тогда, что нужно было спастись мужа, находившагося на краю гибели» (б).

(б) Замѣчательное еще явленіе! П., вошедши въ загонъ, принялъ какой-то ужасный видъ; такъ что рогатый скотъ тамъ находившійся (пара воловъ и корова) заревѣлъ и потомъ, подходя къ нему, обнюхивалъ его. П. прогонялъ отъ себя скотъ; одного вола и корову онъ ударилъ кудакомъ по носу такъ сильно, что у тѣхъ мѣзъ моздрей полилась кровь. Это видѣла и жена его, что и испугало ее еще больше. А то, что скотъ обратилъ на своего хозяина такое вниманіе, замѣтилъ, какъ послѣ разсказалъ, и самъ П.

Не успѣла несчастная удалиться, какъ мужъ ея уже успѣлъ совершить надъ собою ужасное злодѣяніе, совершиться которому вполне не допустилъ Господь, услышавшій молитву и слезы родителей, жены и дѣтей и, ради ихъ, излившій Свою милость на несчастнаго грѣшника. . .

Едва успѣлъ повиснуть П., какъ старшій его сынъ, ничего не зная, хотѣлъ войти въ загонъ съ кормомъ для скота. Увидя своего отца въ такомъ положеніи, онъ, бросивши кормъ, съ крикомъ побѣжалъ къ матери, мать къ своимъ родителямъ; сбѣжавшись перерѣзали веревку, и давленникъ упалъ на землю еще теплый тѣломъ, но совершенно безъ дыханія. Всѣ пали на колѣни тамъ же, слезно прося челоуѣколюбиваго Бога и его Матерь о помилованіи несчастнаго. Святою Иорданскою водою взбрызнули лице бездыханнаго, и несчастный, отчаянный грѣшникъ, ожилъ! Томно окинулъ взоромъ всѣхъ ожившій мертвецъ, и, вмѣсто словъ и слезъ благодаренія, полилась у него изъ устъ брань. . . .

«Пришедши въ себя, рассказываетъ онъ, я еще больше возненавидѣлъ жизнь и семейство; мнѣ хотѣлось умереть во что бы то ни стало; слезы и просьбы семейства моего, стоявшаго предо мною на колѣнахъ, не въ силахъ были умягчить меня». . . Съ крикомъ онъ убѣжалъ въ сборню, гдѣ потребовалъ, чтобъ его отравили въ волость, что и было исполнено сборнею до разсвѣта другаго дня. Отправивши мужа съ надежнымъ карауломъ, по его требованію, въ волость, бѣдная жена поспѣшила ко мнѣ. Соутѣшившись вмѣстѣ съ нею и прочими счастливымъ исходомъ дѣла, и напутствовавъ ее молитвеннымъ благословеніемъ, я совѣтовалъ ей немедленно отправиться вслѣдъ за своимъ мужемъ въ волость и тамъ обратиться къ священнику, и вручилъ ей записку къ доброму о. Д. П., прося его употребить все стараніе и все оружіе слова Божіа, чтобы, если можно, пробудить въ несчастномъ сознаніе пагубности задуманнаго имъ дѣла и убѣдить его, что еще и предъ нимъ снова раскроются двери

милосердія Божія, если онъ покается во грѣхахъ своихъ....

Добрый о. Д. П. принялся со всеѣмъ жаромъ любви за представившуюся ему миссію, и хотя съ трудомъ, но успѣлъ при помощи Божіей снять повязку съ глазъ отчаяннаго грѣшника. «Какъ глубоко засѣлъ въ его сердцѣ диаволь, говорилъ мнѣ о. Д.! На мои все доводы и убѣжденія я слышалъ отъ него однѣ грубости. «Какое вамъ дѣло до меня, кричалъ изступленный грѣшникъ, чего вамъ надобно отъ меня? я васъ не трогаю, отвяжитесь отъ меня!» Поговоривъ, повидимому безуспѣшно, часа три, и заставивъ его перекреститься съ полнымъ вниманіемъ три раза, о. Д. оставилъ его, совѣтуя его роднымъ и особенно женѣ съ дѣтьми быть неотступнѣе при немъ и обращать свой мысленный взоръ къ Богу, дабы Онъ милостивый, возвративши ему жизнь, коснулся Своею Божескою благодатію и его сердца....

Озлобленный и все больше и больше жаждавшій, какъ выражается онъ, смерти, какъ самага большаго блага, П. настоятельно требовалъ отправить его въ уѣздный острогъ, думая, не воспользуется ли какимъ удобнымъ случаемъ въ дорогѣ, чтобъ умертвить себя. А родные его между тѣмъ изыскивали средства, какъ бы спасти его ...

По общему согласію, они рѣшили уговорить его отправиться съ ними въ церковь, чтобы тамъ выслушать молебенъ съ водоосвященіемъ, въ чемъ, послѣ довольно продолжительнаго времени, и успѣли. Церковь была уже растворена и священникъ съ причтомъ ожидалъ. «Вы думаете, что вамъ что-либо поможетъ?» адски улыбаясь, говорилъ П., входя во св. храмъ....

— Какъ же ты себя чувствовалъ,—спрашивалъ его я, — когда ввели тебя въ церковь? — «Не было, отвѣчалъ онъ, у меня никакого чувства; я былъ тогда нечувствителецъ, какъ дерево; молиться не могъ и не хотѣлъ, а въ такомъ состояніи что могъ я чувствовать?»

Священникъ не оставилъ его здѣсь особенно безъ отеческой своей заботливости; кротко и съ нѣжностію

онъ поучалъ его о необходимости для него молитвы, живыми примѣрами, взятыми изъ жизни святыхъ Божиихъ; онъ говорилъ ему, чтобъ онъ не отчаявался, а вполне предалъ себя въ руки милосердія Божія, прося у Него смиренно пощады и помилованія. Но П. былъ, повидимому, глухъ ко всему; на лицѣ его можно было видѣть упорство и казалось, что мѣсто сердца у него замѣнено кускомъ льда... А между тѣмъ, это сердце холодное, незамѣтно сначала для чувственныхъ очей, уже начинало согрѣваться; благодать Божія, восполняющая вся оскудѣвающая, уже готова была оживить его...

Во время водоосвященія онъ приглашенъ былъ преклонить колѣна возлѣ столика, на которомъ стояла чаша съ освящаемою водою. «Преклонивъ колѣна, передавалъ П., я мысленно произнесъ слова: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!» и съ этими словами палъ на землю; вдругъ на меня напалъ такой страхъ, что я вскочилъ и готовъ уже былъ кричать или бѣжать изъ церкви; но голосъ батюшки, кротко произнесшій: «молись, друже», заставилъ меня снова пасть на землю съ молитвою: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!»... Отъ этого ли ужаснаго страха или другаго чего у меня пошла по тѣлу необыкновенная дрожь, и я весь затрясся!... Будемъ всѣ молиться, сказалъ священникъ, обратившись къ народу, наполнившему церковь; молись и ты, друже, сказалъ онъ ко мнѣ. И я снова, трепещущій, палъ на землю и закричалъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Съ этими словами я горько заплакалъ... А когда батюшка, погрузивши крестъ, поднялъ его и осѣнилъ имъ голову мою троекратно, крестообразно омоченную водою, истекшею изъ этого креста, я увидѣлъ, что надо мною сталъ столбомъ дымъ (и всѣ это видѣли). Послѣдующее пѣніе на меня сильнѣе начало дѣйствовать; слезы лились изъ моихъ глазъ больше и больше; я почувствовалъ по моему тѣлу благодатную, послѣ такого холода, теплоту, потомъ—жарь; тутъ болѣзненно сжалось мое сердце: я почувствовалъ въ себѣ крайнее изнеможеніе, мнѣ сдѣла-

лось стыдно предъ Богомъ и людьми, и я палъ на землю весь, и какъ дитя зарыдалъ»...

— Была, передавалъ мнѣ о. Д., минута радости и торжества, — и было чему радоваться, ибо на небѣ и на землѣ радовались о грѣшникѣ кающемся; и, вѣроятно, также и на небѣ, какъ на землѣ, воспѣли и поклонились челоуѣколюбію Божію, непобѣждаемому грѣхами людей... Среди безмолвной тишины, болѣзненный стоиъ и плачь кающагося грѣшника всѣхъ поражалъ до глубины души; всѣ плакали и молились!...

Весь въ изнеможеніи былъ поднять П и почти на рукахъ вынесенъ изъ церкви, — тотъ самый П., который входилъ въ церковь такъ бодро и смѣло, безъ всякаго признака болѣзни. По выходѣ изъ церкви, онъ уже не захотѣлъ ѣхать въ острогъ, чего такъ настоятельно требовалъ и просилъ у волости; вмѣсто этого онъ смиренно преклонился предъ родителями, женою, родственниками и людьми, прося у нихъ прощенья, милости—не поминать ему этого безумнаго дѣла и молиться о немъ... «Такъ дороги и такъ милы, рассказывалъ онъ, сдѣлались для меня мои дѣти, которыхъ я до того, особенно въ это печальное время, просто ненавидѣлъ; такъ мило показалось мнѣ оставленное хозяйство, что я, еслибы могъ, полетѣлъ бы къ нему».

Того же дня, возвратившись къ мѣсту жительства, т. е. въ с. П., П. пожелалъ прямо ко мнѣ явиться. Радостно было встрѣтить эту заблудившую было овцу, взысканную Небеснымъ Пастыремъ—Иисусомъ Христомъ. Столько радостно, сколько прежде грустно, было подумать, что если Господь взыщетъ кровь его отъ руки моея? По общему согласію рѣшено было поститься и говѣть. Приготовившись постомъ и молитвою при богослуженіяхъ, П. исповѣданъ и удостоенъ св. Таинъ.

Съ того времени онъ далъ обѣтъ Богу никогда не пить водки и заботиться умиловать милосердіе Божіе добродѣтельною жизнью и между прочимъ неопустительнымъ хожденіемъ въ храмъ Божій и на богослуженія. Прошло уже два года и, слава Богу, обѣтъ трезвости исполняется имъ въ точности, и во всемъ его

поведеніи дѣйствительно замѣчается исполненіе его желанія, выраженное имъ такъ: «для Бога я ничего теперь не жалѣю!...»

Слава Тебѣ, Боже благодѣтелю нашъ, во вѣки! Слава и благодареніе Твоему къ намъ милосердію и попеченію! Ты, вѣчная правда и любовь, не воздаешь намъ по грѣхамъ и беззаконіямъ нашимъ!... Исповѣдуемъ Твою милость, проповѣдуемъ благодать, не таимъ благодѣяній!...

Свящ. Антоній Манжелей.

ЗАМѢТКИ О СВЯТЦАХЪ Г. СОЛНЦЕВА.

Итакъ, наконецъ давно желанные, давно обѣщанные, давно ожидаемые иконописные святцы г. академика Солнцева явились на свѣтъ! Мы читали объявленія, мы приглашаемся подписаться, мы наконецъ видимъ святцы въ своихъ рукахъ. Нѣсколько листовъ-недѣль получено подписчиками...

Послѣ того что объяснено такъ обстоятельно въ объявленіи, нѣтъ нужды распространяться о значеніи и важности этого предпріятія по отношенію къ церковной практикѣ и церковной живописи: это будетъ излишне, потому что будетъ повтореніемъ, и потому что теперь, когда святцы вышли на судъ православной публики, каждый можетъ видѣть своими глазами и судить не съ чужаго голоса...

Изданіе, говоря вообще, великолѣпно. Трудно выдумать что-нибудь отчетливѣе, чище, прекраснѣе этихъ рисунковъ съ мелкими, но правильными, отчетливыми фигурами, тонкими чертами лицъ, удивительною пунктировкой въ набивкѣ одеждъ, съ узорами толщиною въ волосокъ на эпитрахляхъ и пр. Какой живописецъ возьмется исполнить отъ руки такъ тонко и отчетливо какъ сдѣлано? О цѣнѣ не говоримъ...

Конечно, есть недосмотры, и мы намѣрены указать

ихъ въ надеждѣ, что редакція святцевъ найдетъ возможность при второмъ изданіи исправить нѣчто. Вонервыхъ, въ рисунокѣ каймы непріятно бросается въ глаза диссонансъ голубыхъ и зеленыхъ узоровъ, пущенныхъ рядомъ. Извѣстно, что эти цвѣта не любятъ быть вмѣстѣ, оскорбляютъ глазъ. будучи поставлены рядомъ. Вовторыхъ, на иконѣ обновленія храма Воскресенія (13 с.) Евангеліе въ рукахъ святителя поставлено неправильно. Когда смотрѣтъ съ лѣваго клироса, какъ послѣ прочтенія Евангелія, діаконовъ подастъ его священнику, это будетъ вѣрно; но сомнительно, бываетъ ли оно когда въ рукахъ предстоятеля лицевою стороною на востокъ, а застежками налѣво. Оно приходится къ лѣвой рукѣ всегда корешкомъ. Втретьихъ, на иконѣ Воздвиженія цвѣтъ древа крестнаго правда походитъ на тотъ, какой ему даютъ обыкновенные иконописцы на иконѣ Распятія, но едва ли дерево, пролежавшее около трехъ сотъ лѣтъ въ землѣ, имѣетъ такой кирпичный цвѣтъ. Вчетвертыхъ, на иконѣ Зачатія Предтечи священнику Захаріи дано въ руки обыкновенное кадило нынѣшней формы, которое въ то время едва ли существовало. Выраженіе Евангелія *покадити* точнѣе значитъ — положить еиміама на алтарь кадильный (См. Духов. Бесѣда 1860 № 26). Разумѣется, все это не больше какъ недосмотры.

Въ статьѣ моей, которую редакція метахромотипическихъ святцевъ перепечатала при своихъ объявленіяхъ, сказано, что это изданіе выпишетъ вся Россія. Теперь я думаю оговориться и поправить такъ: *выпишетъ десятая часть Россіи*. Мы видимъ, что рисунки превосходны, исполненіе образцовое, матеріалы прочные, пересылка аккуратная, и цѣна самая умѣренная, какую только могло назначить заведеніе метахромотипіи, но увы! — эта цѣна многимъ церквамъ не по доходу, и онѣ съ сожалѣніемъ полюбуются на иконы у сосѣдей, но не выпишутъ... На десять церквей одна достаточная, на сто десять въ состояніи выписать, да и то какой-нибудь бѣзграмотный и темный староста, на предложеніе настоятеля о выпискѣ, скажетъ вотъ

что: больно дорого, батюшка! въ три года 60 цѣлковыхъ лишняго расходу, легко сказать! А вѣдь у насъ святцы хоть *кое-какіе* да есть. Вѣдь вотъ того-то нѣтъ, того-то надо... Тутъ начинается долгій перечеть текущихъ нуждъ церкви, и дѣло откладывается въ долгій ящикъ. Я бы желалъ, чтобы распорядители этого предпріятія обратили вниманіе на слѣдующія смиренныя соображенія. Нельзя ли, одновременно съ этимъ изданіемъ, пустить *дешевое изданіе* святцевъ той же мѣры и по тѣмъ же рисункамъ, по исполненнымъ на деревѣ или камнѣ и отпечатанныхъ на обыкновенной бумагѣ, употребляемой для литографій. Объявите напр. такъ: 16 иконъ—годовое изданіе, положимъ литографическое, тщательно иллюминированное, 5 р. с (по 30 к. с. листъ), пересылка въ два раза 1 р. с. За три года 18 р. с. Неиллюминированное за годъ 4 р. с. (по 25 к.) съ пересылкою 5 р., за три года 15 р. с. Я, конечно, не знаю стоимости этихъ работъ, но, судя по изумительной дешевизнѣ литографическихъ иллюминированныхъ эстамповъ на нашихъ базарахъ, думаю, что при большемъ числѣ подписчиковъ выгода будетъ, и увѣренъ, что такое доступное по цѣнѣ изданіе выпишетъ всякая, самая небогатая церковь. Конечно, то ли дѣло на полотнѣ, да красками, — да что же дѣлать, когда денегъ нѣтъ? Авѣдь главныя черты, характеръ, стиль—сохранятся и на бумагѣ. На это возражать: если объявить единовременно подписку на оба изданія, то дешевое убьетъ, задавитъ: всѣ выпишутъ сго. — Ну, — погодите годокъ; а главное — гдѣ есть средства, тамъ, навѣрное, не бросятся за дешевизной, а выпишутъ что поизящнѣе и попрочнѣе. Тогда-то вся Россія имѣла бы святцы Солнцева, и каждая церковь по своимъ силамъ и достатку: досточная церковь имѣла бы иконы съ золотомъ; другая—простыя метахромотипическія; третья—литографическія иллюминированныя; четвертая—простыя черныя, но все-таки повенькія, исправныя, благообразныя... Я увѣренъ, что мое мнѣніе поддержать и подтверждать всѣ мои братія, сельскіе священники, которымъ хорошо извѣстно состояніе сельскихъ церквей.

Пересылка каждаго листа отдѣльно едва ли полезна. Почтовые расходы значительно увеличиваютъ цѣну изданія. Не лучше ли высылать по цѣлому мѣсяцу вдругъ, т. е. по четыре иконы въ одинъ разъ? Это будетъ дешевле. Конечно, для празднаго любопытства, для художческаго, нетерпѣнія, неприятно долго ждать; но денежный расчетъ долженъ быть на первомъ планѣ: вѣдь мы платимъ деньги не свои, а церковныя, и святцы не газета, которая теряетъ всякій интересъ отъ того, что запоздала на почтѣ.

Еще одно послѣднее сказаніе. Полное изданіе—48 иконъ. Не сдѣлать ли уже 50-ть? У насъ обыкновенно ставятъ два палоя: на одноиъ святцы, на другомъ такъ-называемое Воскресенье, т. е. образъ 12 праздниковъ съ Воскресеньемъ по срединѣ. Теперь сообразите какая симметрія выдетъ: налѣво святцы г. Солицева, а направо икона самой безобразной суздальской фабрикаціи. А вѣдь живописецъ не возьмется писать икону съ такимъ множествомъ мелкихъ фигуръ, а если возьмется, то возьметъ очень дорого. Заведеніе, печатающае ихъ тысячи, будетъ продавать конечно гораздо дешевле. Другая икона должна быть изготовлена для недѣли Страстн: й: моленіе о чашѣ, вечеря, бичеваніе, несеніе креста, распятіе, снятіе со креста, положеніе во гробъ, — что-нибудь одно, или всѣ эти иконы вмѣстѣ, въ одной общей рамѣ, какъ на Воскресеньи или Святцахъ... На эти иконы можно открыть особую подписку, и ихъ выписать всякая церковь. Дорого огромное изданіе святцевъ (конечно по отношенію къ бѣднымъ церквамъ, а не по отношенію къ стоимости многосложныхъ работъ: въ этомъ случаѣ оно дешево), и выписутъ его вѣроятно немногія церкви, а пару иконъ — другое дѣло. Онѣ стоятъ какихъ-нибудь три р. с. А глядя на нихъ можетъ-быть придетъ охота и явятся средства выписать полное изданіе. Тяжело приняться, начать, а тамъ Богъ не оставитъ своею помощію на доброе дѣло.

Свящ. Василій Владимірскій

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По благословенію высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кievскаго и галицкаго, и предполагаю въ непродолжительномъ времени издать отдѣльно свой переводъ съ еврейскаго языка 9 книгъ св. Писанія ветхаго завета (4 Царствъ, 2 Паралипоменонъ, или Лѣтописей, Ездры, Нееміи и Эсѣирь), съ 1861 по 1865 годъ печатавшійся въ «Трудахъ кievской духовной академіи». Незнакомымъ съ журналомъ, въ которомъ въ первый разъ появился мой переводъ, не бесполезно объяснить, что мой переводъ снабженъ множествомъ примѣчаній археологическихъ, географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч. При новомъ изданіи какъ переводъ, такъ и примѣчанія будутъ пересмотрѣны и гдѣ нужно исправлены. Сверхъ того каждой книгѣ будетъ предпослано краткое предисловіе, объясняющее ея происхожденіе и всѣ обстоятельства, способствующія къ яснѣйшему разумѣнію; въ заключеніе же будетъ приложенъ алфавитный указатель мѣстностей, упоминаемыхъ въ сихъ книгахъ съ объясненіемъ ихъ положенія и историческими о нихъ замѣчаніями: равно — указатель собственныхъ именъ лицъ, съ объясненіемъ значенія этихъ именъ на евр. языкѣ и историческими о нихъ замѣчаніями.

Цѣнность печатанія, объемъ книги (около 50 листовъ), не позволяютъ, не смотря на все желаніе, сдѣлать изданіе слишкомъ дешевымъ. Самый строгій расчетъ показываетъ, что книга такого объема не можетъ быть пущена въ продажу дешевле 1 руб. 50 коп. безъ пересылки. Но, имѣя въ виду сколько возможно облегчить желающимъ пріобрѣтеніе сей книги, а съ тѣмъ вмѣстѣ хотя приблизительно судить о количествѣ, въ какомъ, на первый разъ, потребно печатать предполагаемое изданіе, я предлагаю слѣдующую уступку: подписавшіеся на полученіе книги, съ высылкою денегъ, до 1 августа сего года, получаютъ ее за 1 р. 50 к. съ пересылкою. Само собою разумѣется, что соразмѣрная уступка будетъ сдѣлана выписывающимъ въ значительнономъ количествѣ (не менѣе 10 экземпляровъ) и для духовно-учебныхъ заведеній. Подписывающіеся послѣ 1 августа или выписывающіе книгу въ послѣдствіи, платятъ 2 руб. съ пересылкою.

Желающіе выписывать, благоволятъ адресоваться въ Кіевъ, къ профессору кievской духовной академіи Михаилу Спиридоновичу Гуляеву.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

Весною прошлаго года мнѣ случилось дня на два заѣхать къ одному помѣщику, знакомому мнѣ, чело-вѣку ужь пожилыхъ лѣтъ, очень доброму и уминому, и очень благочестивому. Домъ его, красивый и уютный, стоялъ на довольно высокомъ мѣстѣ: съ балкона видъ на окрестность былъ восхитительный; вблизи разстилались бархатомъ поля и луга; за ними не подалеку протекала небольшая, но разливистая рѣчка; вдали виднѣлись рощицы и лѣсъ. По моей просьбѣ вечерній чай приготовленъ былъ на балконѣ, съ котораго мы вмѣстѣ съ хозяиномъ любовались весеннею природою; вечеръ былъ великолѣпный.

— Что за мѣстность дивная! сказала я хозяину. — И какіе прекрасные хлѣба идутъ!

— Да, батюшка, это имѣніе одно изъ лучшихъ въ нашемъ уѣздѣ: и мѣстность прекрасная, и поля плодородныя, и народъ трудолюбивъ и не избалованъ.

И смотрѣлъ съ наслажденіемъ на окрестность.

— А замѣчаете ли вы, батюшка, вонъ на право-то черную полосу, идущую какимъ-то неправильнымъ клиномъ?

— Вижу; а что же?..

Хозяинъ призадумался.

— Эта полоса, началъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, — представляетъ какую-то неразгаданную странность. Сядемъ-те, я вамъ расскажу. Мы изъ-за

нея часто споримъ съ однимъ сосѣдомъ, который не вѣруетъ въ Промыслъ Божій, и вѣритъ только въ силы и законы природы. Жаль, я посылаю за нимъ, да его нѣтъ дома, уѣхалъ въ городъ дня на три. Вотъ лѣтъ семь или восемь на моихъ глазахъ эта полоса. Разъ шесть съ нея снимали рѣзныя посѣвы: рожь, овесъ, жито, ленъ и пр., и всякій разъ съ нею что-нибудь особенное случится.

— Что же такое особенное?

— Хозяинъ этой полосы мужикъ зажиточный, — отецъ его былъ когда-то старостой у моего предшественника, здѣшняго помѣщика; обрабатываетъ свои полосы исправно, пашетъ и боронитъ прекрасно, если нужно тронуть, сѣетъ въ пропорцію — ни очень часто, ни очень рѣдко, — ну, словомъ, другому такъ не обрабатывать, какъ онъ обрабатываетъ. А конецъ всегда плохой.

— Отчего же такъ?

— Судите, какъ хотите. У насъ простой народъ прямо толкуетъ, что на этой полосѣ тяготѣетъ гнѣвъ Божій. Всходы всегда превосходные; рожь ли, овесъ ли, жито ли посѣяно, сначала они лѣзутъ горой изъ земли; ужь начнутъ зрѣть; колосъ, — ну, повѣрите ли, батюшка, больше четверти въ длину и преполный; зерно — какъ отборный жемчугъ. Не нарадуешься вчужѣ на такую полосу. Въ сравненіи съ другими полосами она — король да и только. А опять повторю: конецъ всегда плохой.

— Да вѣдь есть же какія-нибудь причины?

— Физическихъ никакихъ. Грунтъ земли одинъ и тотъ же, мѣстность совершенно одинаковая съ другими полосами. Посмотрите: вонъ рядомъ такія же полосы, и далеко еще хуже, а результаты иные. Мы всякій разъ споримъ съ нашимъ сосѣдомъ. Я говорю, что правда Божія и гнѣвъ Божій выражаются тутъ. А онъ куда? «Вы меня извините, Михайла Семеновичъ. говорить онъ мнѣ, — вѣдь я не могу же повѣрить, что Богъ мѣшается въ наши житейскія дѣла и дразни; я убѣжденъ, что Онъ далъ законы природѣ однажды навсегда; вотъ эти вѣчные и неизмѣнные ни для кого

и ни для чего законы и дѣйствуютъ въ природѣ; и природа производитъ хлѣбъ или траву не разбирая того, кто на ней пашеть или сѣять, добрый ли человекъ, или дурной.

— Да у васъ есть чуть-чуть не новомодные философы. Ну, да это мы оставимъ до времени, вы мнѣ продолжите рѣчь объ этой несчастной полосѣ.

— Надобно вамъ, батюшка, сказать, что я приобрѣлъ это имѣніе отъ предшественника моего, Петра Петровича Г., человека нетрезваго и безпорядочнаго. Онъ былъ одинокій, зналъ только выпить да выпить; а выпьетъ, — или спитъ или ходитъ въ халатѣ да посвистываетъ. «На мой вѣкъ хватитъ, говаривалъ онъ обыкновенно, — а для моихъ наслѣдниковъ что мнѣ за радость хлопотать? Я не работникъ на нихъ». Управляющаго не держалъ, а вѣдался съ крестьянами чрезъ старосту изъ тѣхъ же крестьянъ, который обиралъ его сколько могъ и какъ умѣлъ, и который для крестьянъ былъ тяжелѣе всякаго барина или управляющаго. «Ужь пусть ѣстъ своя собака, говаривалъ бывало Петръ Петровичъ; — не впущу какого-нибудь голоднаго Нѣмца или Француза въ мое имѣніе». Разумѣется, отъ этого не легче было крестьянамъ.

Старосту звали Иванъ Ануфріевъ; баринъ величалъ его Анухой, а народъ втихомолку далъ ему прозвище «кнутъ съ оплеухой»; потому что Иванъ дѣйствительно безъ кнута, похожаго на нагайку, никуда не являлся, и частехонько кормилъ крестьянъ оплеухами. Иванъ Ануфріевъ понималъ свое положеніе; онъ видѣлъ, что пока онъ въ силѣ у барина, — все въ его рукахъ, и ему теперь отличный случай набить свой карманъ. Доходы, безъ сомнѣнія, не всѣ доходили до барина, а оставались въ карманахъ у Ивана; хлѣбъ всякаго рода и сорта невидимо переходилъ изъ закромовъ барскихъ въ анбары Ивановы. Иванъ разбогатѣлъ, но тайлъ свое богатство особенно отъ барина, и какъ мужикъ ловкій, не хотѣлъ отстать отъ быта крестьянскаго и отъ работъ крестьянскихъ, хотъ баринъ и предлагалъ ему ругу. Вмѣстѣ съ другими му-

жиками Иванъ и пахаль, и сѣяль, и косиль; успѣваль и на барщинѣ все оглядѣть, и дома все сдѣлать. Водки въ ротъ не бралъ; и сколько баринъ ни приневоливалъ его изъ барской чарки выпить, — ни за что.

Рядомъ съ Иваномъ жилъ мужичекъ очень кроткій и добрый, Прокофій Андреевъ, съ семьей мелкою и многолюдною, — человекъ никакъ пять было дѣтей. Полоса Прокофьева шла въ полѣ рядомъ съ полосою Ивановою, и не была особенно привлекательна, такъ себѣ, потому что хотя Прокофій и очень усердно трудился надъ нею, но не имѣлъ возможности такъ удобрить ее, какъ удобрялъ свои полосы Иванъ. Но пришла же мысль Ивану присвоить себѣ полосу Прокофьеву, чтобы расширить свою полосу. Прокофій больше другихъ дрожалъ предъ Иваномъ, и нерѣдко сталкиваясь съ нимъ въ мелкихъ домашнихъ хлопотахъ, всегда старался отходить отъ него. «Съ сильнымъ не тянись, съ богатымъ не вяжись», говорилъ онъ женѣ своей Θεклѣ, когда та, выведенная изъ терпѣнья ребятами Ивановыми, жаловалась на нихъ мужу своему. «Что подѣлаешь? терпи; гдѣ ты найдешь на него судъ и расправу? Барину скажетъ, и больше достанется».

— Да вѣдь терпи, терпи, да и молвишь, скажетъ Θεкла;—когда будетъ конецъ обидамъ-то?

— А вотъ, когда Господь Богъ за насъ заступится.

Когда Ивану захотѣлось завладѣть полосою Прокофьевой, онъ кликнулъ къ себѣ Прокофья.

— Послушай-ка ты, голова разумная: ты очень далеко вѣхалъ въ мою полосу.

— Что ты, Богъ съ тобой, Иванъ Ануфричъ. Гдѣжь я вѣхалъ? Твои же пахари каждый годъ на поларшина припахиваютъ къ себѣ изъ моей полосы, да я молчу.

Прокофій говорилъ правду.

— Какъ «припахиваютъ»? Кто тебѣ сказалъ это?

— Да я самъ вижу, и всякій видитъ

— Кто видѣлъ? Гдѣ видѣлъ? Ахъ ты, негодный! Ты забылъ съ кѣмъ говоришь?

— Да, Иванъ Ануфричъ, я сухую правду говорю.

— Вотъ я тебѣ задамъ «правду»! А хочешь, я твою полосу всю себѣ возьму; а ты на иномъ мѣстѣ поднимай себѣ новь.

— Да побойся Бога, Иванъ Ануфричъ, куда тебѣ? Хлѣба что-ль у тебя мало? иль добра какого?

Иванъ принялъ эти слова за намекъ, что онъ много отъ барина себѣ присвоилъ; его взорвало.

— Это не твое дѣло, сказалъ онъ, скрывая свою злобу.

— Твое-то твое, да вѣдь надо и Бога-то знать.

— Сказано хочу, закричалъ Иванъ. — Вонъ! чтобы духу твоего здѣсь не пахло. Завтра мои будутъ пахать на твоей полосѣ...

Прокофій не смѣлъ больше ничего говорить; онъ бросился въ ноги къ Ивану и сталъ молить его оставить его полосу при немъ.

— Знать не хочу; моя да и только.

— Иванъ Ануфричъ, гдѣ же мнѣ съ моими малыши дѣтьми новь поднимать! Подвинься хоть въ ту сторону; справа-то у сосѣда три сына въ силѣ; имъ и новь поднять ни почему; а я что стану дѣлать?..

— Слышать не хочу. Сказано: моя!

Иванъ повернулся спиною къ Прокофью и ушелъ въ другую горницу, захлопнувъ за собою дверь. Прокофій постоялъ, постоялъ, и поплелся домой, и дома все разсказалъ женѣ. Какъ ни говорлива была Ѳекла, какъ ни храбрилась она подь часъ, а тутъ какъ будто языкъ прилипъ къ гортани. Прокофій молча размахивалъ руками, перебирая что-то въ умѣ. Но видно всѣ соображенія и предположенія его были слишкомъ неутѣшительны для него, потому что онъ то и дѣло повторялъ: что ты будешь дѣлать? что ты будешь дѣлать?..

— Да можетъ онъ такъ, пошутилъ? сказала Ѳекла, не находя никакихъ причинъ, за что бы слѣдовало выгнать ихъ на новь. Куда ему полоса наша?

— Да, «пошутилъ»; его шутки-то знаешь; на отрѣзъ сказалъ: его полоса.

Θекла опять призадумалась.

— Да ты бы попросилъ его, поклонялся ему.

— И просилъ, и кланялся, да толку-то на волосъ нѣтъ.

Между тѣмъ дѣти Прокофьевы вертѣлись около матери; старшая дочь помогала матери; два мальчика только лишь прибѣжали съ улицы, запачканные и грязненные и просили чего-нибудь поѣсть; меньшія двѣ дѣвочки играли въ какія-то тряпки.

— Ну что ты съ этими ребятами подѣлаешь? сказала съ грустью Прокофій — Гдѣ тутъ поднимать новь?

Думали, думали Прокофій съ Θеклой. наконецъ придумали: помолившись Богу сходить обоимъ къ Ивану Ануфричу и поклониться ему въ ноги, попросить у него милости. «Ну это не поможетъ, тогда — и дѣлать не знаю чтò», сказала Прокофій. Помолились Богу; особенно усердно молился самъ Прокофій. «Батюшка, Царь Небесный, говорилъ онъ въ умиленіи своего растроганнаго горемъ сердца, — не покинь, не оставь Ты насъ Своею милостію; будь намъ и дѣтямъ нашимъ отецъ и покровитель; смягчи Ты его сердце. Погибли мы совѣмъ по грѣхамъ нашимъ». Прокофій молился на колѣнахъ; слезы градомъ текли изъ глазъ его. Θекла тоже усердно молилась Богу; она и дѣтей своихъ всѣхъ заставила молиться.

Отправились къ Ивану. Съ замираньемъ сердца шелъ Прокофій; онъ не ожидалъ большаго успѣха отъ этой просьбы; Иванъ былъ упрямъ и избалованъ въ своихъ желаніяхъ или прихотяхъ; чтò захотѣлъ, то чтобы было. Θекла больше надѣялась. Пришли къ Ивану.

— Вы зачѣмъ? спросилъ онъ ихъ сурово.

— Да вотъ къ твоей милости, все за тѣмъ же.

— Сказано, чтобы поднималъ новь.

— Да будь ты христіанинъ, Иванъ Ануфричъ; гдѣ жъ намъ поднимать новь, молвила Θекла: ребята у насъ малъ-мала-меньше. Пожалѣй ты насъ, хоть ради ихъ младенческихъ душенекъ.

Θекла повалилась въ ноги Ивану, Прокофій тоже.

Иванъ и не смотрѣлъ на нихъ; онъ выкладывалъ что-то на счетахъ.

— Лошаденка плохая, гдѣ на ней поднимешь новъ, продолжалъ съ робостію Прокофій.

— Пожалѣй ты насъ; вѣдь мы чай сосѣди, прибавила Ѳекла.

— Что-о?! Обернулся грозно Иванъ, уколотый тѣмъ, что Ѳекла назвала его сосѣдомъ своимъ и сравняла съ собою. Попавши въ старосты изъ среды тѣхъ же крестьянъ, которыми онъ теперь такъ своевольно и безнаказанно помыкалъ, Иванъ терпѣть не могъ, если кто изъ крестьянъ когда-нибудь напоминалъ ему о томъ, что онъ, какъ и прочіе люди, и крестьянинъ, и семьянинъ, женатый на такой же деревенской бабѣ какъ и Ѳекла, хотя жена его теперь и наряжалась по праздникамъ какъ купчиха. — Я тебѣ задамъ «сосѣди!» Свинья орлу не товарищъ

— Что дѣлать, Иванъ Ануфричь! тебя Господь поискалъ милостію, такъ ты и дѣлай по закону, побожески. Что мы тебѣ сдѣлали?

— А вотъ тебѣ и законъ: я хочу — и дѣло съ концемъ! Убирайтесь вонъ!

Ѳекла и Прокофій стояли съ поникшими головами.

— Ради малыхъ дѣтушекъ, взмилуйся Иванъ Ануфричь, поклонилась еще разъ въ ноги Ѳекла. Вѣдь намъ просто разоренье да и только

Иванъ и не слушалъ, и сидѣлъ къ нимъ спиною.

— Ну куда намъ дѣться? Здѣсь надо оброкъ платить, надо самимъ прокормиться, надо дѣтей растить, — ну совсѣмъ разоренье.

Отвѣту не было

— Хоть не гони ты насъ на новъ-то; хоть другую полосу, да обработанную дай, сказалъ Прокофій робко сквозь слезы.

— А гдѣ бы я взялъ для тебя? молвилъ Иванъ, не оборачиваясь къ Прокофію, и прибавилъ рѣшительно: подите вонъ, нечего ждать, — дѣло рѣшенное.

Прокофій повалился еще разъ въ ноги Ивану.

— Будь отецъ родной, говорилъ онъ старостѣ, — по-

терпи хоть годокъ другой. дай дѣтямъ опериться. Отъ твоей власти я ни куда дѣнусь.

— Вонъ — сказано! .

И Прокофій и Ѳекла видѣли, что нѣтъ возможности измѣнить намѣренія Ивановы.

— Заплати тебѣ и твоему роду Царица Небесная! Выгори ты, полоса наша, огнемъ-полымею, зарости ты травой дикою, потони ты въ горячихъ слезахъ нашихъ, — такъ сказала Ѳекла взглянувши на святыя иконы и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Иванъ выхватилъ нагайку и ударилъ ею Прокофія, потому что Ѳекла успѣла увернуться за дверь.

— Богъ тебѣ судья, Иванъ Ануфричъ, молвилъ Прокофій, пожимая плечами; ударъ пришелся очень ловко.

Я остановилъ на нѣсколько минутъ моего собесѣдника.

— Какое же неизмѣримо-великое благодѣяніе сдѣлалъ благочестивѣйшій Государь нашъ, сказалъ я, — освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости! Сколько такихъ Ивановъ Ануфриевыхъ, по милости дурнаго управленія помѣщиковъ, надѣляли ударами кнотовъ и оплеухами несчастныхъ мужиковъ! Сколько пили кровь ихъ самоуправно и безнаказанно!

— Но не забудьте, батюшка, того, что какой же это былъ помѣщикъ; и потомъ, вѣдь самъ помѣщикъ пальцемъ не касался Прокофія.

— А развѣ мало было такихъ Петровъ Петровичей! Или развѣ легче и слаще былъ ударъ для Прокофія отъ того, что его бьетъ свой же братъ мужикъ.... Впрочемъ объ этомъ толковать нечего; мнѣ хотѣлось бы дослушать вашу исторію.

Хозяинъ мой продолжалъ: Исторія очень простая. Прокофій и Ѳекла пришли домой, страшно убитые горемъ; имъ грозило явное раззоренье.

— Ну что ты станешь дѣлать, что ты станешь дѣлать — толковалъ въ сердечной тоскѣ Прокофій, размахивая руками. — И что ему въ моей полосѣ? Чѣмъ особенно она ему приглянулась? — просто одна обида да и только. И не придумаю, что мнѣ дѣлать.

Θекла упорно молчала раздѣваясь.

— Да вы, бабы, между собой не перессорились ли изъ-за чего? спросилъ Прокофій жену свою.

— Кажись, ничего. Намедни толькоя курицу ихъ прогнала изъ огорода; на грядкахъ рылась. «О, чтобъ тебѣ сгибнуть», сказала я, и съ хозяиномъ твоимъ»; а въ это время Варвара, дочь Иванова, ходила по огороду, словно пава.

— Ужь развѣ не отъ того-ль: не дошло-ль это до самого-то, говорилъ Прокофій.

— Да вѣдь не велика бѣда; вѣдь я курицу...

— Глупая, видишь — его сила. Что ты съ нимъ станешь дѣлать? Вотъ теперъ иди на бѣлую землю, подымай новь. Вѣдь пропадешь отъ горя и работы.

Прошло нѣсколько дней. Прокофій усердно молилъ Господа Бога, чтобъ Онъ смягчилъ сердце Иваново; Θекла — также. Она не разъ ночью встанетъ къ которому-нибудь ребенку, да уложивши его, и начнетъ со слезами молиться Царицѣ небесной. Но Иванъ былъ непреклоненъ. У него ужъ было рѣшено — прогнать Прокофья на другую новую полосу въ полѣ, и взять его полосу себѣ.

Прознали про горе Прокофьево деревенскіе крестьяне, и всѣ жалѣли его, но въ тоже время всѣ боялись слово сказать противъ Ивана.

— Да ужъ ты, Прокофій, послушался бы Ивана-то Ануфрича, говорили нѣкоторые ему: — вѣдь ты знаешь, что онъ у насъ сила, гдѣ тебѣ съ нимъ тягаться?

— Да други вы мои милые! вы возьмите себѣ въ толкъ-то: развѣ я тягаюсь? развѣ я началъ? Иль я оскорбилъ чѣмъ его? Иль я пьяница какой и мотъ? Оброкъ плачу, какъ и всякій изъ васъ. Вонъ у меня семья-то какая, дѣти малъ-мала-меньше, а развѣ есть на мнѣ хоть копѣйка недоимки? Иль я не работаю на барина? Иль я какой воръ и мошенникъ? Ну посудите вы побожески, за что на меня такая напасть! Вѣдь вы сами знаете, чтó значитъ новь поднять. Ну гдѣ мнѣ съ моей семьей новь подымать, чѣмъ мнѣ взяться на новой полосѣ? Вѣдь ее надо порасчистить, под-

нять, удобрить, унавозить, обработать; а гдѣ у меня силы-то?

Крестьяне понимали правду словъ Прокофьевыхъ, да не знали и боялись какъ помочь ему.

— Терпи братъ, говорили нѣкоторые изъ нихъ.

— Да что «терпи», развѣ отъ этаго легче? Отъ вашего терпи, ему силы не прибудеть, сказалъ одинъ разбитой паренъ и посовѣтовалъ Прокофью обратиться къ барину.

Мысль идти къ самому барину запала въ душу Прокофья. Онъ передалъ эту мысль Ѳеклѣ и не встрѣтилъ съ ея стороны большихъ возраженій. Рѣшено было искать защиты у барина.

«Неужели онъ позволить Ивану, разсуждали Прокофій съ Ѳеклой, такъ мытарить надъ нами? Неужели ему не жаль будетъ раззорить своего же мужика? Да какъ довести то дѣло до барина — вотъ вопросъ. Самому Прокофью до барина добраться трудно; пожалуй самъ же Иванъ не велитъ допускать; а другаго средства не было выпутаться изъ бѣды. Думали, думали, какъ пособить горю, и наконецъ придумали обратиться къ посредничеству священника, не вступится ли онъ за нихъ передъ барининомъ.

Священникъ былъ человѣкъ молодой, года два лишь опредѣленный къ приходу. Онъ и жена его приняли искреннее участіе въ горѣ Прокофья и Ѳеклы. Только сначала священникъ затруднялся исполнить ихъ просьбу о ходатайствѣ передъ барининомъ «Какъ угадаешь, говорилъ онъ, — когда въ пору придти къ барину-то; вѣчно выпивши. Развѣ вотъ пойду съ постною молитвой, такъ поговорю».

Вскорѣ дѣйствительно священникъ пришелъ къ барину съ постною молитвой; баринъ по обычаю былъ не много выпивши.

— А! Иже херувимы... Отецъ святой! Милости просимъ на нашу хату.

Священникъ помолился Богу и поклонился барину.

— Вѣрно съ крестомъ и съ водой? Да нынче, кажется, нѣтъ праздника.

— Я пришелъ молитву прочитатъ при началіи поста.

— Какую молитву? Какого поста? Я, братъ, постовъ не знаю. Постъ у меня въ душѣ; вотъ человекъ не съѣшь, — вотъ это постъ; а то что тамъ «мяса не ѣшь»?

Священникъ не зналъ что дѣлать. и стоялъ въ недоумѣніи.

— Да велика молитва-то? Долго будешь читать?

— Минутъ пять.

— Ну читай; мнѣ все равно.

Священникъ началъ читать; баринъ ушелъ въ другую комнату. Священникъ давно кончилъ, и въ душѣ скорбѣлъ, что напрасно онъ и пришелъ въ этотъ домъ.

— Ну, кончилъ что-ль? спросилъ баринъ, входя въ комнату. Садись-же; давай выпьемъ. Эй, водки!

Священникъ сѣлъ.

— А я вамъ хотѣлъ передать одно дѣльце, сказалъ робко священникъ. — Прокофій жалуется на вашего старосту Ивана Ануфриева, что онъ его обижаетъ, отнимаетъ у него полосу, и гонитъ его на новь.

— Ну...

— Такъ онъ проситъ васъ защититъ его.

— Кого?

— Защититъ Прокофья.

— Ну...

— Прокофью съ малыми дѣтьми невозможно поднимать новь; онъ совершенно раззорится.

— Ну-съ...

Баринъ чѣмъ далѣе, тѣмъ громче и сильнѣе нукалъ. Священникъ видѣлъ, что дѣло не пойдетъ на ладъ.

— Я бы васъ просилъ съ своей стороны пожалѣть Прокофья.

— Ну-съ.. Ну что же дальше?

Священникъ молчалъ. Подали между тѣмъ водку и закуску. Баринъ отсунулъ ее рукою.

— Ну что-жь дальше-то, я спрашиваю.

— Что же я скажу вамъ дальше? Дальше ваше дѣло распорядиться какъ вамъ угодно.

— Мое дѣло! А! точно мое дѣло, и другой, значить, не суйся. Я вотъ что скажу тебѣ, батька: вотъ тебѣ хлѣбъ-соль, коли ты пришелъ ко мнѣ; пей и ѣшь. А коли ты сталъ соваться не въ свои дѣла, такъ вотъ тебѣ Богъ, — баринъ указалъ священнику на передній уголъ, — а вотъ это порогъ

Священникъ всталъ, и хотѣлъ идти изъ дому; ему невыразимо тяжело было; онъ страдалъ и за себя и за санъ свой.

— Послушайте, Петръ Петровичъ, еслибъ я дѣйствовалъ какъ-нибудь самоуправно, или требовалъ отъ васъ чего-нибудь несправедливаго, вы могли бы мнѣ сказать что угодно. Но я вамъ высказалъ чистую правду; я вамъ отдалъ на вашъ же судъ обиду и притѣсненіе. Вамъ не угодно разобрать — ваше дѣло. Извините меня.

Священникъ пошелъ вонъ изъ дому.

— Постой, постой, ты куда?

— Да что же мнѣ дѣлать здѣсь?

— Ты вотъ что выслушай: ну твое ли дѣло мѣшаться въ наши дразги? Тебѣ дана церковь данъ алтарь, ну и пой тамъ «иже херувимы»

— А я думалъ, что духовный отецъ вашъ можетъ и долженъ вамъ подъ часъ сказать правду и дома или отвести васъ отъ грѣха. Я думалъ, что служеніе мое въ церкви Божіей тогда только и будетъ благоплодно и спасительно для васъ, когда вы приложите слово Господа Іисуса къ вашей жизни, къ вашимъ дѣламъ житейскимъ; — что я, какъ служитель Бога мира, любви и правды, найду въ васъ христіанина.

— Да что-жь я татаринъ что-ль? а?

Священникъ смотрѣлъ съ сердечною грустію на него.

— Татаринъ что-ль? говори... Я, братъ шутить не люблю. Я братъ не татаринъ; я крестъ ношу, я... я..

Баринъ не зналъ, на что бы указать еще въ доказательство того, что онъ не татаринъ. Священникъ и не требовалъ этихъ доказательствъ; дѣло говорило само за себя. Настала минута молчанія. Баринъ подвинулъ опять водку съ закуской къ себѣ.

— Ну, да что много толковать про то, что я не татаринъ; видишь я водку пью, какъ православный христіанинъ. Выпьемъ-ка.

Баринъ залпомъ выпилъ рюмку. Священнику въ горло не шла водка; онъ едва коснулся рюмки губами, и поставилъ ее на поднось.

— Ну, братъ, шалишь, отецъ святой. У меня пей, коли пью.

— Я не очень здоровъ.

Дѣйствительно у священника тѣснило грудь.

— Неправда, братъ; все равно вылью на тебя.

Священникъ выпилъ.

— Ты миѣ, батька, вотъ что... и не толкуй и не поминай о подобныхъ пустякахъ, сказалъ баринъ про дѣло Прокофьево; — не люблю. Ну посуди ты самъ: мѣшаюсь ли я въ твои церковныя дѣла? суюсь ли я къ тебѣ въ домъ съ указкой: ты то-то дѣлай, того-то не дѣлай. Ну...

Священникъ молчалъ, потупивъ глаза; онъ хотѣлъ сказать барину что-то, но раздумалъ. Онъ видѣлъ, что отъ рѣчей его толку мало будетъ.

— А то вотъ съ чѣмъ пришелъ! «Прокофья обижаютъ»; — велика важность — Прокофій! Вотъ я до него еще доберусь; какъ онъ смѣлъ сказать тебѣ, что его обижаютъ! Я ему задамъ другу милому.

— Ужь хоть его то еще не трогайте; ему и безъ того тяжело.

— Не смѣй онъ рта разѣвать, не смѣй жаловаться!

Черезъ нѣсколько минутъ священникъ ушелъ отъ барина. У него невыразимо тяжело было на душѣ, когда онъ припоминалъ себѣ все что ему пришлось выслушать въ домѣ барина; ему чрезвычайно жалко было Прокофья; онъ хорошо понималъ, что онъ не только не помогъ Прокофью, но скорѣе повредилъ ему.

Дѣйствительно, новая бѣда скоро разразилась надъ Прокофьемъ. Разъ приходитъ къ барину староста Иванъ Ануфріевъ и откашлянувшись началъ ему докладывать, что слышалъ онъ отъ сосѣдняго управляющаго, что скоро будутъ брать съ народа ратниковъ,

съ тысячи по двѣнадцати человекъ, и что вѣдь и имъ придется поставить двоихъ.

Баринъ махнулъ рукой.

— Ну ратниковъ, такъ ратниковъ; поставимъ. Вѣдь еще указу нѣтъ.

— Нѣтъ-то, нѣтъ, а будетъ.

— Ну когда будетъ, тогда и дѣло. Что прежде времени горевать.

— Да оно заранѣе все не мѣшало бы намѣтить. кого сдать.

— Успѣемъ, сдадимъ.

Барину видимо не хотѣлось толковать объ этомъ предметѣ; а Ивану напротивъ страхъ какъ хотѣлось повывѣдать мысли барина

— Конечно, двоихъ не большое дѣло; не двадцать человекъ; найдемъ, кого поставить. Вотъ хоть бы примѣрно Прокофья, — говорилъ онъ какъ бы про себя; да другаго развѣ Данилку Ѳедулова.

Данила, это тотъ парень, который когда-то далъ совѣтъ Прокофью идти къ барину съ жалобой на старосту.

Староста впился глазами въ барина.

— Да, кстати, — сказалъ баринъ, какъ бы вспоминая что: ладно, что ты напомнилъ про Прокофья-то; у меня на дняхъ былъ попъ; выдумалъ, видишь ты, ходатайствовать за Прокофья. Я его такъ пугнулъ, что онъ у меня своихъ не узнаеть; да и Прокофья-то надо-бы хорошенько проучить, чтобъ онъ не толковалъ лишняго, да къ попу не совался.

— Слушаю-съ, сказалъ Иванъ съ злобною радостью. Прикажете распорядигься?..

Баринъ молчалъ.

— Иль ужъ вмѣстѣ за одно сдать его въ ратники? Иванъ, сказавши это, притаилъ дыханіе

— А вотъ я подумаю. Да сперва проучить надо розгами. Эй, водки!

Подали водки; баринъ выпилъ.

— А у тебя что за дѣло съ Прокофьемъ-то? спросилъ онъ неожиданно старосту.

Иванъ на минуту замѣлся, но скоро оправился.

— У меня никакого нѣтъ дѣла.

— Какъ нѣтъ? За что же жалуется онъ попу?

Баринъ подошелъ грозно къ Ивану.

— Да онъ у меня перепахалъ полосу; я и сказала ему, чтобъ онъ взялъ себѣ новъ; это ничего; ему тамъ просторнѣе будетъ.

— То-то «ничего»! Я, братъ, смотри, — потачки никому не дамъ.

Этимъ баринъ хотѣлъ показать свое безпристрастіе; но онъ дѣйствительно не понималъ, что за особенное горе для Прокофья, если ему достанется поднимать новъ. Баринъ выпилъ еще Иванъ завелъ между тѣмъ рѣчь про другія дѣла. Вскорѣ дѣйствительно получено распоряженіе о поставкѣ ратниковъ; и на долю Петра Петровича Г. досталось поставить двоихъ. Староста Иванъ Ануфриевъ повелъ дѣло именно такъ, что баринъ назначилъ въ ратники Прокофья и Данилу. Къ нимъ на подставу выбраны были люди старые и хворые, такъ что неминуемо нужно было идти на службу Прокофью и Данилѣ. Какъ громомъ поразила эта вѣсть и Прокофья, и особенно Ѳеклу; они понимали, чья рука направила на нихъ ударъ, — видѣли виѣсть и то, что помочь ихъ горю никто не можетъ. «Богъ ему судья, злодѣю нашему; заплати ему Господь и въ этотъ вѣкъ и въ будущій; захотѣлось ему попить нашей крови, пусть пьетъ»; такъ толковалъ Прокофій. Ѳекла еще больше горевала. Она обниметъ дѣтей своихъ, прижметъ ихъ къ своей груди и зарыдаетъ съ разными причетами. «Сироты вы мои горькіе, головушки горемычныя! Народила я васъ на бѣды, на горе, невидать вамъ отца роднаго; съѣлъ злодѣй васъ нежалѣючи... Или упадетъ предъ образомъ Божіей Матери и, обливаясь горькими слезами, молитъ Ее — владычицу міра, чтобъ Она показала врагу ихъ свою правду неподкупную, чтобъ отомстила за сиротъ беззащитныхъ. «Не къ кому намъ идти за помощью; не у кого искать суда и правды; не у кого просить защиты и покровительства: Матерь Божія! Будь Ты

судьею праведнымъ, помоги Ты намъ несчастнымъ; защити и заступи отъ злодѣя лютаго».

Священникъ увидѣлъ Ѳеклу въ церкви на молитвѣ въ слезахъ предъ образомъ Божіей Матери, и когда она кончила свою молитву, подошелъ къ ней и сказалъ: «Прости меня, Ѳекла; и я прибавилъ вамъ горя своею рѣчью съ бариномъ; безъ меня быть-можетъ ваше горе и не такъ было бы велико».

— Нѣтъ, батюшка; вѣрно ужъ такая доля наша; вѣрно Господь намъ ужъ такой крестъ назначилъ.

— Видитъ Богъ, я вамъ добра желалъ, но что-жъ дѣлать? Молись Господу, чтобъ Онъ далъ тебѣ силы перенести это горе, да и за Прокофья-то молись.

— И день и ночь, батюшка, молюсь; да знать Царица небесная отвратила очи свои отъ насъ грѣшныхъ.

— Молись, молись усердиѣ. Она мать наша и заступница.

Скоро Прокофья съ Данилой повезли въ городъ и слали въ ратники. Иванъ Ануфриемъ торжествовалъ. Послѣ Прокофья остались дѣти малыя; полосу свою не въ силахъ были они обработывать; Иванъ взялъ ее себѣ. Прокофья съ Данилой скоро угнали куда-то въ Прибалтійскія губерніи, и дѣлу конецъ по расчетамъ людскимъ. Но не совсѣмъ вышелъ конецъ по премудрымъ и святымъ законамъ Божиимъ. Прежде всего судъ Божій разразился надъ Иваномъ. Баринъ поймалъ его въ утайкѣ доходовъ и въ воровствѣ хлѣба; въ амбарахъ Ивановыхъ оказался такой хлѣбъ, котораго самъ Иванъ не сѣялъ, и который былъ посѣянъ только у барина. Баринъ сослалъ его въ Сибирь на поселенье; хотѣлъ и семью всю сослать, но дѣти какъ-то умолили. Они точно не были виноваты. Самъ баринъ тоже не долго пожилъ; его стукнулъ ударъ. Полоса Прокофьева досталась Ивану, а потомъ семьѣ его. Сынъ Ивановъ старается удобрить ее всячески; а хлѣбъ на ней, какъ я говорилъ вначалѣ, идетъ съ весны прекрасный, но какъ дѣло подойдетъ къ уборкѣ, тутъ непремѣнно что-нибудь да постигнетъ необычно-

венное, — что-нибудь такое, что вотъ такъ и видишь перстъ Божій. Въ прошлое лѣто поднялась туча вонъ изъ-за того лѣса, — разразилась градомъ и проливнымъ дождемъ; прошла по всѣмъ полосамъ этого поля; всѣ другія полосы ничего, а эта полоса такъ грязью и сдѣлалась, точно какъ весь градъ и вся туча на нее обрушились. Не только всѣ колосья были сбиты, самая солома переломана и смѣшана съ землею—ну, навозъ, да и только. Третьяго года былъ паръ Четвертаго года былъ посѣянъ овесъ; взошелъ превосходный, росъ превосходный, — высокій, нѣжный, выше другихъ на четверть; сталъ ужъ и бурѣть мѣстами; вотъ еще недѣльки двѣ и жать бы надо; хватилъ морозъ, да такой, что земля-то вся была бѣлая. На другихъ полосахъ овесъ гораздо хуже былъ, а вынесъ, ничего; а на этой полосѣ высокій, нѣжный, сразу такъ и почернѣлъ, словно его варомъ сварило. А то былъ такой годъ: посѣяна была рожь, шла прекрасная, лучше всѣхъ; недѣли за двѣ до жнива пошелъ дождь, колосья намокъ, пригнулися къ землѣ, и какъ былъ очень полонъ, тотчасъ сталъ проростать. У другихъ рожь поднялась, выправилась, обсохла, а на этой полосѣ такъ и полегла. Когда стали жать, такъ ходили по полосѣ-то словно по покосу въ зелени кругомъ. Нынѣшній годъ вонъ черное-то мѣсто видите; льдину насунуло на эту полосу изъ рѣки. — чего никогда и не было; льдина взбороздила землю вонъ на сколько; и лежала никакъ дольше Николина дня. Видите полоса вся черная.

— Да, вѣрно праведный судъ Божій и здѣсь еще по временамъ открывается на обидчиковъ и притѣснителей.

— Очевидное дѣло.

— Ну, а что съ Ѳеклой случилось?

— Ѳекла жива еще, но ходить по міру какъ помѣшанная. Часто она приходитъ по ночамъ къ этой полосѣ, и молится на ней Богу. Ужъ о чемъ она молится, Господь ее вѣдаетъ, точно она проситъ нака-

занія на эту полосу иль на ея хозяина. Дѣти ея перемерли всѣ Сынъ Инановъ, теперешній хозяинъ полосы, зоветъ ее жить къ себѣ, обѣщается беречь ее и покоить, — она ни за что; взвизгнетъ и убѣжитъ отъ него.

Протоіерей В. Владиславлевъ.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ ПО СЛУЧАЮ ХОРОШАГО ХЛѢБНАГО УРОЖАЯ.

Во время бесѣды отца П. съ прихожанами рѣчь зашла о хлѣбномъ урожаѣ нынѣшняго года.

— Да, батюшка, уродилъ намъ нынче Господь хлѣбушка довольно, слава Создателю! Богъ поможетъ убрать его благополучно, такъ нынѣшній годъ, кажется, безъ нужды проживешь. Мы радуемся-ненарядуемъ этому, вѣдь хлѣбъ — это первое дѣло въ крестьянствѣ, — замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Да, урожай нынѣшняго года изъ рѣдкихъ, отвѣчалъ на это о. П., — и за это особенно надо благодарить Бога. Вѣдь хлѣбный урожай въ крестьянскомъ быту самое первое благо. Есть у крестьянина достаточно хлѣба, онъ, можно сказать, если не богатъ, то все имѣеть, все необходимое: онъ тогда можетъ свободно заняться какою угодно работой, зная, что насущныя нужды его семейства обезпечены; онъ можетъ тогда лучше кормить и свой скотъ, а поэтому и больше пользы отъ него получить; наконецъ избытокъ хлѣба можетъ продать и деньги употребить на свои нужды... Худо, если у крестьянина нѣтъ въ запасѣ хлѣба, тяжело ему тогда; нужда въ хлѣбѣ, въ насущномъ пропитаніи — это самая тяжелая нужда для человѣка. Поэтому вотъ всѣмъ вамъ надобно отъ всего сердца благодарить Господа, если Онъ даетъ хорошій урожай, — слава Богу за Его милость!

«Но при этомъ не мѣшаетъ вотъ что замѣтить: Богъ-то намъ часто и много благодѣтельствуетъ, только мы-то не всегда умѣемъ принимать надлежащимъ образомъ Его благодѣянія и пользоваться ими. Богъ пошлетъ намъ милость, а мы злоупотребляемъ ею, не обходится безъ этого дѣло вотъ и при хлѣбномъ урожаѣ. Хлѣбному урожаю, конечно, радъ всякій крестьянинъ, но радость-то эта происходитъ отъ разныхъ причинъ. Кто радуется урожаю потому, что онъ общаетъ крестьянину довольство и благополучіе, а есть и такіе — грѣха таить нечего, — которые радуются ему потому, что заранѣе видятъ возможность для себя побольше погулять да попить. «Уродитъ Господь хлѣба, тогда поправимся, заплатимъ оброки, исправимъ свои нужды и дай-то Господи!» такъ встрѣчаютъ добрые крестьяне урожай. «Нынче, кажется, урожай будетъ добрый, все будетъ послободнѣе, значить, заведутся и деньжонки и погулять можно будетъ, а то надоѣло все въ нуждѣ жить», разсуждаютъ иные, ну и сдерживаютъ, разумѣется, свое общаніе. Есть даже общій у всѣхъ васъ обычай — поздравляться съ урожаемъ, или *вспрыскивать хлѣбъ*, какъ вы выражаетесь. Убравши хлѣбъ (а охотники погулять часто и раньше), устраиваете вы праздникъ, а съ нимъ неразлучно является и обыкновенное почти всегда въ этихъ случаяхъ пьянство (а). Такимъ образомъ милость-то Божія и ознаменовывается у васъ, вмѣсто благодарности Богу и угодныхъ Ему дѣлъ, пьянствомъ и общимъ безобразіемъ, грѣшнымъ предъ Богомъ да и для васъ быточнымъ....

— Какъ же, батюшка, при такой-то радости и не поздравиться и не выпить; вѣдь круглый годъ дожидаемся хлѣбушка-то, трудомъ тяжкимъ, потому да кровью добываемъ его; а Господь уродитъ, всѣмъ трудамъ конецъ, — видишь, что не даромъ трудился; какъ же

(а) У крестьянъ дѣйствительно есть такой обычай, покрайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ около моей родины ни одинъ урожай, даже и самой плохой не проходитъ безъ значительнаго общаго пьянства между крестьянами.

тутъ не радоваться-то и не выпить на радости-то послѣ трудовъ? Вѣдь это самый большой праздникъ у крестьянина, — возразилъ одинъ крестьянинъ.

— Все это совершенная правда, но вѣдь я не объ этомъ и говорю, по обычаю ласково отвѣтилъ о. П. — Безъ сомнѣнія пріятно и весело бываетъ человѣку, когда онъ видитъ, что цѣли, къ которой онъ стремился, для достиженія которой не жалѣлъ ни трудовъ, ни усилий, наконецъ, достигаетъ. Весело и легко на душѣ должно быть и у крестьянина, когда онъ собираетъ со своей полосы хлѣбъ, когда онъ складываетъ его въ свою житницу, — вѣдь онъ дожидался его цѣлый годъ, онъ трудился надъ своей полосой, поливалъ и выросилъ хлѣбъ своимъ потомъ да кровью. Радость, большая радость это для крестьянина! Можно конечно при этомъ и сосѣда угостить и самому выпить, — дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ, — лишь бы это было въ мѣру, благопристойно. Но такъ ли это на самомъ-то дѣлѣ бываетъ, вотъ что вы скажите мнѣ! Про русскаго человѣка говорятъ вообще, что онъ «пьетъ и съ горя и съ радости», — и вѣдь это дѣйствительно часто подтверждается самымъ дѣломъ. Вотъ хотьбы взять настоящій случай, — какъ по большей части выражается ваша радость при урожаѣ? За-частую самымъ безобразнымъ пьянствомъ, — конечно, о всѣхъ грѣхъ сказать это, а за многими водится это. Ужели такъ дѣлу и должно быть? — Пусть человѣкъ радуется, пусть у него на душѣ весело, — и ужели же по этому и надобно напиться, ужели ужъ и нѣтъ другаго способа выразить свою радость? Ужели такая радость достойна человѣка, ужели отъ безобразнаго пьянства можетъ получиться какое-либо удовольствіе?

— Какая тутъ, батюшка, радость да удовольствіе въ пьянствѣ! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — Привычка ужъ такая только у насъ, а кромѣ безобразія да убытку ничего тутъ не бываетъ....

— Оно такъ и должно быть. Какая можетъ быть радость, когда человѣкъ упивается до того, что вовсе теряетъ способность думать и понимать что-нибудь,

имѣть какое-нибудь чувство, когда онъ болѣе бываетъ похожъ на скота, чѣмъ на человѣка? — Вѣдь просто странно даже слышать, когда человѣкъ, напившись до безобразія, послѣ оправдывается тѣмъ, что онъ напился съ радости; такъ радоваться значить убивать въ себѣ чувство радости; человѣку можно и нужно радоваться инымъ, болѣе разумнымъ и благопристойнымъ образомъ...

«Дальше,—такая неразумная радость при урожаѣ, такое не благоразумное употребленіе своего добра, показываетъ ваше неуваженіе къ своему труду. Не странно ли, какъ это человѣкъ свой насущны, хлѣбъ, который стоилъ тяжелыхъ годовыхъ трудовъ, приобрѣтенъ, какъ вы сами же говорите, потомъ да кровью, — котораго онъ ждалъ цѣлый годъ, отъ котораго прежде всего зависитъ его благосостояніе,—мѣняетъ на какую-нибудь водку, на удовольствіе напиться до-пьяна, до безобразія? Значить онъ не дорожитъ своимъ добромъ, когда тратитъ его на пустяки? И добро бы это дѣлалось при богатствѣ, при избыткѣ, — ну тогда еще это было бы понятно, хотя все же не извинительно, — а то вѣдь урѣзывается по большей части самое необходимое, пропивается послѣдній кусокъ хлѣба, приготовленный для себя и семейства — и это вовсе нерѣдкость. Это ужъ крайняя распущенность нравственная, это значить обворовывать себя и свое семейство.

«Если же человѣкъ не дорожитъ и безъ пути и зря тратитъ самое дорогое, самое нужное и самое трудовое свое добро, если онъ притомъ не разъ и не два, а постоянно такъ привыкъ распорядиться имъ, то ужъ само собою разумѣется, что остальнымъ своимъ добромъ и хозяйствомъ будетъ распорядиться еще хуже и небрежнѣе. Отъ такого хозяина ждать добра нечего, — хозяйство его пойдетъ худо и криво — а это суцная гибель для крестьянина. У крестьянина, — да не у одного крестьянина, все богатство, все состояніе въ хозяйствѣ, — растроилось хозяйство — и онъ сталъ нищій. Особенно въ нынѣшнее время надобно заботиться крестья-

нину о своемъ хозяйствѣ. Теперь ужь кончились для него тѣ препятствія и неудобства въ трудѣ, которыя были при крѣпостномъ правѣ. Теперь всякій уже долженъ трудиться и работать на себя и для себя, — всякій призванъ къ труду вольному, свободному, — значить кто что самъ приготовилъ для себя, тѣмъ и будетъ пользоваться. Теперь пора уже отвыкать отъ работы и труда изъ-подъ палки и по-неволѣ, — пора начать работать по доброй волѣ, по сознанию, что безъ дѣла человѣку сидѣть стыдно и грѣшно, что не для того Богъ далъ ему разумъ и силу, чтобы сидѣть сложа руки, а чтобы трудиться для блага своего и общаго. Стыдно и грѣшно и передъ Царемъ-батюшкой, который освободилъ васъ отъ рабства и призвалъ къ жизни свободной, къ труду вольному для того, чтобы вы сами себѣ наживали счастье да устраивали свою жизнь по своему разуму и желанію, — а вы вмѣсто того обратитесь къ пьянству непотребному, да станете легкомысленно тратить свое добро и жить въ томъ же горѣ да нуждѣ, какъ и прежде. Это будетъ худая благодарность Царю-освободителю, это будетъ уже не воля, а своеволие, не вольный трудъ, а совершенное бездѣлье... Опять же вотъ вы теперь на равнѣ совѣми другими сословіями въ земствѣ призваны заботиться о своемъ житьѣ-бытьѣ, и объ общихъ земскихъ нуждахъ; вамъ теперь самимъ предоставлено подумать да поразсудить, какъ жизнь свою лучше устроить, какіе лучше порядки завести, — значить васъ считаютъ уже способными жить да раскидывать своимъ умомъ, ходить на своихъ ногахъ, дѣйствовать по своей волѣ. Покажите же себя достойными этого довѣрія, покажите на самомъ дѣлѣ, что вы способны понимать свои крестьянскія и обще-земскія нужды, и дѣйствовать для общей пользы. А показать это прежде всего можно и надобно вниманіемъ и раченіемъ къ своему собственному хозяйству, добрымъ порядкомъ въ своемъ домѣ: кто свой домъ не умѣетъ править какъ должно, тотъ конечно ужь тѣмъ больше не сумѣетъ управить общій *мірскій* домъ, кто запустилъ свое собственное небо-

гатое хозяйство, того конечно незачѣмъ звать, чтобъ онъ помогъ уставить распорядокъ въ общемъ хозяйствѣ. — Теперь значитъ пора перестать жить да перебиваться коѣ-какъ, спустя рукава, — нѣтъ, теперь хозяйство свое надобно вести съ расчетомъ да обдуманно, зря ничего не дѣлать, на обумъ ничего не тратить во всемъ соблюдать строгую экономію, а ужъ тѣмъ больше не тратить ничего на пьянство и непотребства разныя. — И съ бережливостію да съ расчетомъ не стаеть на всѣ нужды, а съ мотовствомъ и подавно...

«Отъ вашего безпутнаго расходованія хлѣба и другихъ хозяйственныхъ прибытковъ происходитъ для васъ много и прямого вреда. Пропьеть да на вѣтеръ бросить крестьянинъ послѣдній грошъ, а потомъ нужда горькая — самому ѣсть нечего, семейство голодать станетъ; отъ дурнаго содержанія и пищи появятся разныя болѣзни, отъ которыхъ гибнуть люди, которыя отнимаютъ у людей всякую возможность трудиться, еще больше разоряютъ ихъ; добрые да расчетливые хозяева, обезпеченные хлѣбомъ, пойдутъ на работу добыть копѣйку и скопятъ запасъ на будущее время, а худые должны будутъ еще сперва о хлѣбѣ позаботиться, изъ-за хлѣба работать, — готовы будутъ совсѣмъ закабалиться, лишь бы хлѣбъ себѣ добыть. Извѣстно вѣдь, что неурожай и голодъ до-нельзя понижаютъ заработную плату.

«А какъ грѣшна передъ Богомъ безумная расточительность при урожаѣ! Припомните какъ Господь осудилъ нерадиваго раба, зарывшаго свой талантъ въ землю и не приумножившаго его; а что теперь сказать о томъ рабѣ, который не только не сберегъ даннаго ему таланта, но и весь растратилъ его на худыя да богопротивныя дѣла? — Достоинъ такой *неключимый рабъ тьмы кромьшней* (Матѣ. 25, 14-30) Господь все намъ даетъ на пользу да на добро, и внимательный къ себѣ да добрый человекъ все данное ему и употребить на пользу. Но стоитъ ли Его милости тотъ человекъ, который даръ Божій, самымъ главнымъ образомъ служащій для поддержанія жизни человека, употребляетъ

на пьянство да непотребство, который чрезъ свое непотребство заставляетъ терпѣть нужду да горе и все свое семейство, вовсе ни въ чемъ невиноватое?

«Притомъ расточительный крестьянинъ—вредный членъ общества. Ему нечемъ заплатить подати, а подати вѣдь идутъ на нужды общественныя, на общее добро; кромѣ того недочетъ въ податяхъ ложится на все ваше общество, которое въэтомъ случаѣ служитъ круговую порукой — значить нерадивый хозяинъ становится виноватъ и передъ другими, передъ всемъ своимъ обществомъ.

«Вотъ видите теперь, сколько зла да грѣха происходитъ изъ неразумнаго распоряженія своимъ добромъ, отъ пропиванья своего трудового хлѣба. Пусть же каждый изъ васъ приметъ эти слова къ сердцу, и внимательно подумаетъ объ этомъ...

«Добрый и разумный крестьянинъ не такъ долженъ распоряжаться своимъ добромъ, если Господь благословить его трудъ.

«Всякое добро подаетъ намъ Богъ, — *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше отъ Бога исходитъ*; (Іак. 1, 17), поэтому за всякое добро и благодарить Его надобно. Вотъ нынче далъ вамъ Господь обильный урожай, надобно принести Ему искреннюю благодарность, сердечную молитву за это великое Его благо, — просить Его, чтобы онъ и впредь *далъ намъ времена плодоносны, исполнилъ пищу и веселіемъ сердца наши* (Дѣян. 14, 17). Благое дѣло при этомъ выразить свою благодарность Богу, кромѣ благодарной молитвы, и вещественнымъ образомъ. Издревле, еще изъ временъ ветхозавѣтныхъ (Исх. 23, 19. Числ. 18, 12), ведется добрый обычай, который впрочемъ не всѣми и не вездѣ соблюдается теперь, приносить начатки плодовъ въ храмъ на благословеніе (а). Этотъ обычай въ высшей степени похвальный, потому что имъ прямо челоуѣкъ свидѣтельствуешь, что всякое добро исходитъ отъ Бога, прямо признаешь

(а) О приношеніи въ храмъ для благословенія начатковъ отъ плодовъ см. Душеполезное Чтеніе 1861 г. Ч. 2., стр. 430.

Его своимъ отцемъ и благодѣтелемъ, и потому первый плодъ приносить предъ лице Его, какъ перваго Виновника всякаго блага. Хорошо было бы, еслибы и всѣ вы приняли этотъ обычай и послѣдовали ему, — еслибы при урожаѣ хлѣба приносили въ храмъ Божій начатки хлѣба въ видѣ зеренъ или печенья. Вѣдь это ни для кого бы не было тяжело, никого бы не обременило, — въ кабакъ вѣдь вотъ многіе находятъ же возможность жертвовать несравненно больше. Между тѣмъ этимъ вы бы, кромѣ того что выразили свою благодарность Благодѣтелю-Богу, и для храма-то Божія и для причта сдѣлали бы большую пользу.

«Другое дѣло: когда Господь послалъ вамъ свою милость, подѣлитесь ею съ неимущимъ ближнимъ. Въ ветхомъ завѣтѣ на этотъ разъ указывается также примѣръ, достойный подражанія. Тамъ неимущіе во время жатвы обыкновенно выходили на поле и подбирали тѣ колосья, которые оставались за жнецами. Добрые хозяева не только не препятствовали этому, но, по предписанію закона, еще приказывали жнецамъ оставлять за собою побольше колосьевъ (Руѡ гл. 2). Не оставляйте и вы неимущихъ своихъ собратій во время довольства своего. Уродилъ Господь тебѣ хлѣба, накорми того, у кого его нѣтъ. Въ лицѣ нищаго твое подаваніе приѣмаетъ самъ Богъ: *аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братіи моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (Матѡ. 25, 40), — говоритъ Господь. Подавая ближнему неимущему, мы даемъ взаймы Богу, а Богъ такой должникъ, за которымъ ничего нашего не пропадетъ, и по мѣрѣ нашего даванія воздастъ намъ. *Милуяй нища, взаимъ даетъ Богови, подаванію же его воздастся ему* (Прит. 19, 17) Кто пожалѣетъ для ближняго, когда самъ имѣетъ, когда самъ только что получилъ отъ Бога, тотъ покажетъ, что онъ жестокъ, жаденъ, своекорыстенъ, неспособенъ любить своего ближняго, и потому онъ самъ недостоинъ милости и любви Божіей. *Иже имать богатство міра сего и видитъ брата своего требующа и затворитъ утробу свою отъ него: како любви Божія*

пробываетъ въ немъ (1 Иоан. 3, 17)? говоритъ апостоль. При этомъ не бойтесь оскудѣнія, — милостыня нераззоритъ человѣка. Заповѣдуя творить добро и благодѣлствовать, Господь прямо обѣщаетъ *благословить* такого человѣка *во всѣхъ дѣлахъ и во всемъ, на неже возложитъ руку свою* (Втор. 15, 10). *Тою мѣрою, еюже мѣрите, возмѣрится вамъ* (Лук. 6, 38), говоритъ Господь, — исполните же заповѣдь Божию съ радостію, а невоздыхающе, и Господь подастъ вамъ благодать во всемъ...

«Наконецъ, возблагодаривши Бога за Его благодѣянія, воспользуйтесь даннымъ вамъ урожаемъ и добромъ и для своего благополучія, для благоустроенія домашняго, воспользуйтесь благоразумно и разчетливо. Употребите все на надобность, на пользу свою, а не на пустяки, а тѣмъ паче не на пьянство, или что-нибудь подобное. Обезпечьте пропитаніе себѣ и домашнимъ своимъ — это прежде всего, съ одной стороны потому, что объ нихъ прежде всего надобно позаботится — *кто о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горшій есть* (Тим. 5, 8); а съ другой потому, что безъ хлѣба крестьянинъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. При этомъ опять повторю, что хлѣбъ главное богатство, первое основаніе всего благосостоянія земледѣльца-крестьянина; пусть каждый помнить это, и дорожить своимъ добромъ.

«Если такъ будете обращаться съ своимъ добромъ, то будете разумными и добрыми хозяевами, вѣрными приставниками даннаго вамъ добра, *а кто о малѣ вѣренъ, тотъ будетъ поставленъ надъ многими* (Матѣ. 25, 21).

Н. — о вѣ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О СЛУЧИВШЕМСЯ ВЪ 1848 ГОДУ.

Въ 1847 году холера, которая до 1830 года была вовсе неизвѣстна въ нашемъ отечествѣ, во второй разъ начавшись въ Астрахани, тѣмъ же почти путемъ, какъ и въ 1830 году, дошла до внутреннихъ губерній нашихъ, и въ 1848 году распространилась почти по всей Россіи; потомъ повторилась въ третій разъ около 1853 года и, Богъ знаетъ, сколько еще разъ можетъ повториться снова. Не наше дѣло доискиваться, были ли какія-либо естественныя причины какъ появленія, такъ и распространенія губительной болѣзни въ нашей странѣ, или какія естественныя мѣры могли бы быть приняты для того, чтобы по крайней мѣрѣ, ослабить ея губительное дѣйствіе, особенно на простой народъ. Мы желаемъ разсказать одинъ изъ тѣхъ случаевъ, изъ которыхъ ясно можно научиться, отъ кого прежде всего нужно искать помощи и спасенія.

Какъ въ судьбахъ цѣлыхъ обществъ, такъ точно и въ жизни каждаго человѣка все дѣлается по волѣ Божіей, или, по крайней мѣрѣ, къ попущенію Божію. Такъ, безъ сомнѣнія, и та страшная болѣзнь, которая на нашихъ глазахъ повторялась уже три раза, которая похитила можетъ-быть сотни тысячъ людей, была не иначе какъ попущеніемъ Божиимъ въ наказаніе за грѣхи наши и за наше нерадѣніе о себѣ. Потому, въ виду опасности, не прежде ли всего подлежить обращаться къ Богу съ молитвою, чтобы Господь умилосердился надъ нами и пощадилъ насъ? Не достойно ли сожалѣнія, что не всѣ прибѣгаютъ къ молитвѣ въ этомъ случаѣ: одни во время эпидеміи, не зная, что дѣлать, въ уныніи проводятъ день за днемъ и какъ будто обреченные на смерть, съ боязнію ждутъ своей послѣдней судьбы; другіе надѣются избавиться отъ заразы, и затѣмъ отъ смерти, помощію однихъ медицинскихъ средствъ.

Въ одномъ изъ уѣздовъ В—кой губерніи есть деревня К—во, расположенная въ лощинѣ, близъ лѣса и близъ рѣки. Въ 1848 году въ этой деревнѣ открылась опустошительная холера. Въ окрестныхъ селахъ не было ни одного больного, а въ К—вѣ болѣзнь развилась быстро; вымирали цѣлыя семейства, въ короткое время перехоронили болѣе половины деревни. Жители К—ва упали духомъ, бродили какъ тѣни, не зная что дѣлать. Да едва ли и возможно было сохранить присутствіе духа, потому что только и слышно было: «такой-то заболѣлъ, такой-то умираетъ, такой-то умеръ». Врачъ, — хотя и былъ при домѣ помѣщика, но въ К—во пріѣзжалъ только однажды для того, чтобы сдѣлать какія-то распоряженія; впрочемъ, что могъ бы сдѣлать и врачъ противъ усилившейся эпидеміи? Домашнихъ средствъ противъ холеры первоначально въ деревняхъ не знали никакихъ; впрочемъ мудро было бы домашними средствами излѣчивать болѣзнь, которая съ трудомъ уступаетъ даже искусному и научному леченію. Пора была рабочая, что было дѣлать — работать ли, или ухаживать за больными? Въ деревню никто изъ постороннихъ не ходилъ, да и сами жители К—ва боялись выходить изъ деревни. Какъ не сказать, что это былъ гнѣвъ Божій! Въ К—вѣ думали уже, что не останется въ живыхъ ни одной души!

Нашъ простой народъ имѣетъ обычай при всякомъ, сколько-нибудь затруднительномъ случаѣ обращаться съ молитвою къ Богу. И на этотъ разъ, когда постигла бѣда, у К—вскихъ крестьянъ, хотя можетъ быть нѣсколько поздно, явилась мысль совершить открытое, среди деревни, молебствіе Господу Богу объ избавленіи отъ напасти. Кажется, что тотъ крестьянинъ, который первый подалъ мысль о семъ, еще доселѣ живъ. Встрѣтившись съ двоими или троими изъ своихъ сосѣдей, онъ высказалъ свое желаніе; тѣ обрадовались доброй мысли и поспѣшили созвать всѣхъ старшихъ изъ жителей деревни для совѣщанія. Добрый Ѳ. Я., которому первому Богъ вложилъ доброе намѣреніе, первый началъ говорить: «что это, братцы? когда у

насъ падала скотина, помните, что мы сдѣлали,—и Богъ насъ помиловаль; и нынѣ половина людей въ нашей деревнѣ перемерли, и мы не хотимъ помолиться Богу!»

Случай, на который онъ указываль, былъ слѣдующій: за нѣсколько лѣтъ до 1848 года, въ К—вѣ былъ скотскій падежъ. Средствъ противъ этой чумы крестьяне не знали; да кто и знаетъ ихъ? оставалось одно: просить Бога, чтобы Богъ избавилъ ихъ отъ бѣды и раззоренія. Положено было, съ общаго согласія, пригласить священниковъ того села, въ приходѣ котораго состоитъ К—во, взять изъ приходской церкви св. иконы, отслужить среди деревни молебенъ, окропить святою водою стадо скота, пройти со св. водою по всѣмъ дворамъ и, если возможно будетъ, обойдти со св. иконами вокругъ всей деревни. Если Богъ помилуетъ, положено было навсегда въ тотъ день, въ который будетъ совершено молебствіе, ежегодно брать изъ церкви св. иконы, совершать, среди деревни, благодарственный молебенъ Спасителю и праздновать этотъ день, какъ день посвященный Богу. Такъ было сдѣлано, — и слава Богу! Съ того дня, въ который былъ совершенъ молебенъ, ни одна изъ скотинъ, которыя ходили вмѣстѣ съ зачумленными, вновь не заболѣла, хотя изъ тѣхъ, которыя были ужъ зачумлены—употребимъ обыкновенное въ семъ случаѣ выраженіе—отходились только немногія. Молебствіе было совершено въ день памяти Св. Священномученика Тимоѳея, Епископа Прусскаго и этотъ день (10 Юня), сколько намъ извѣстно, доселѣ празднуется въ К—вѣ какъ праздникъ.

Крестьяне обрадовались доброй мысли, какъ нельзя болѣе, — только сомнѣвались, можно ли будетъ взять св. иконы изъ церкви, пойдутъ ли священники къ нимъ въ деревню служить молебенъ, потому что приказано было, въ видахъ предосторожности, помѣщикомъ (К—во было во владѣніи К. Г.) не ходить никому въ К—во, не пускать никого изъ К—хъ въ село, умершихъ велѣно было привозить прямо на кладбище, которое находится въ довольно далекомъ разстояніи отъ села, зарывать въ землю безъ священника и потомъ уже приглашать

священника (а); но надѣясь на Бога, крестьяне положили на слѣдующее утро идти въ село, звать священниковъ къ себѣ въ деревню служить молебенъ, взять изъ церкви св. иконы, единодушно помолиться Богу всею деревней, по окончаніи молебна окропить всѣ дома св. водой, по крайней мѣрѣ снаружи и, если Богъ избавитъ отъ бѣды, навсегда праздновать день своего избавленія.

Пришедши на слѣдующій день въ село, Ѳ. Я. священника, въ части котораго онъ числился, засталъ за сельскою работою. Что, Ѳ. Я? спросилъ его священникъ. «Батюшка, мы пришли просить». «О чемъ?» «Сами знаете, какое несчастіе у насъ! намъ желательно, чтобы вы у насъ среди деревни отслужили молебенъ». Не зная въ первую минуту, что отвѣчать на это, самъ священникъ, но отказаться идти служить молебенъ было нельзя, какъ собственно по обязанности священника, такъ между прочимъ и потому, что еще въ свѣжей памяти было у всѣхъ то что случилось за нѣсколько лѣтъ до 1848 г. въ ихъ селѣ. Случай этотъ довольно поучителенъ. Въ томъ селѣ, о которомъ идетъ рѣчь, существовалъ издавна обычай, вѣроятно начавшійся по какому-либо особенному случаю: въ одинъ изъ воскресныхъ дней вскорѣ послѣ пасхи обходить съ св. иконами вокругъ всего поля, служить на извѣстныхъ мѣстахъ молебны и кропить поля святою водой. Весною въ тотъ годъ предъ тѣмъ временемъ, когда надлежало, по обычаю, быть крестному ходу вокругъ полей, одинъ изъ крестьянъ на сельской сходкѣ, разсуждая о томъ и о другомъ, между прочимъ спросилъ: будетъ ли нынѣ ходъ вокругъ поля? и потомъ замѣтилъ: зачѣмъ платить причту деньги за крестный ходъ? скотина причта пасется на нашихъ поляхъ, потому причту слѣдовало бы ходить вокругъ полей да-

(а) Для того, чтобы заболѣвающіе не умирали безъ исповѣди и приобщенія св. Таинъ, приказано было строго-на-строго, какъ только появились первые признаки холеры, всѣмъ безъ исключенія взрослымъ ходить въ церковь, говѣть, исповѣдаться и приобщаться св. таинъ. Последнее было исполнено жителями К—ва, въ свое время, съ полною готовностію и усердіемъ.

ромъ. Крестьяне дѣйствительно, когда пришло урочное время для хода, объявили причту, что они за хожденіе вокругъ полей съ святыми иконами платить ничего ненамѣрены. Неизлишнимъ считаемъ замѣтить, что обоимъ причтамъ платилось изъ сборныхъ денегъ со всего села двадцать рублей ассигнаціями, а крестный ходъ продолжался почти цѣлый день, потому что село довольно большое и поля довольно обширны. Священно-церковно-служители на это не согласились, и крестнаго хода въ тотъ годъ вокругъ полей не было. Что же? въ тоже лѣто начался падежъ скота и именно начался у того крестьянина, который первый поднялъ вопросъ: нужно ли тратить деньги для крестнаго хода? Не были пощажены и священно-церковно-служители, и у нихъ почти вся скотина пала. — Теперь обратимся къ прерванному разсказу.

«Хорошо! сказалъ священникъ, — но я не одинъ, спросите другаго священника и причетниковъ, пойдутъ ли они?» — Оказалось, что другой священникъ былъ боленъ; дьяконъ не пошелъ, потому что считалъ себя состоящимъ въ штатѣ того священника, который оставался дома, вслѣдъ за дьякономъ подъ тѣмъ же предлогомъ отказались идти и двое изъ причетниковъ. Но причетники, которые были, какъ говорятъ тамъ, въ части того священника, къ которому обратился съ самаго начала Ѳ. Я., какъ только услышали, что священникъ изъявилъ свое согласіе, поспѣшили приготовить все нужное. Когда Ѳ. Я., пришелъ къ священнику сказать, что все уже готово, у священника какъ будто ненарочно сорвалось съ языка: «Какъ же быть-то? Вѣдь у меня сушится сѣно, а у васъ пробудешь цѣлый день?» — Батюшка! только поди, завтра всей деревней придемъ къ тебѣ работать! — Домашніе священника не стали ему ни отговаривать, ни совѣтовать, а только тайно помолились Богу, чтобы Богъ избавилъ его отъ бѣды въ награду за его добрую рѣшимость и только изъ постороннихъ ли, или изъ членовъ причта оставшихся дома, кто-то замѣтилъ: изъ-за чего идутъ на смерть? Помѣщикъ и помѣщица, какъ только имъ доложили,

что священникъ, съ причтомъ, отправился въ К—во, послали вслѣдъ за ними нѣсколько стклянокъ съ разными предохранительными средствами, и гдѣ-то въ сараѣ священника опрыскали и натерли разными спиртами и кислотами, даже, кажется и дегтемъ; впрочемъ и помѣщикъ и помѣщица, хотя и боялись за жизнь священника, но рады были, что онъ рѣшился идти въ К—во.

Когда въ К—вѣ узнали, что у нихъ будетъ молебенъ, всѣ, кто только могъ, вышли за деревню встрѣчать св. иконы, — и, когда внесли иконы въ деревню, всякій старался, по крайней мѣрѣ, прикоснуться къ которой-либо изъ иконъ. Можно представить себѣ, какъ усердна могла быть молитва жителей К—ва! Никто не былъ при молебнѣ, какъ часто случается, только постороннимъ зрителемъ, но каждый понималъ, зачѣмъ пришелъ; никто не видалъ какъ молится стоявшій близъ его, — каждый занятъ былъ молитвою. Священникъ, совершавшій молебенъ, проникнутый общимъ горемъ, молился со слезами; онъ забылъ о своей опасности, мысль о которой, по слабости природы человѣческой, безпокоила его во всю дорогу, желалъ только, чтобы Господь умилился надъ страждущими. Всѣ, и старый и малый, кто стоя, кто на колѣнахъ, кто съ воплемъ, кто въ безмолвіи молились въ ожиданіи милости отъ Бога, молились отъ всей души, молились, какъ можно молиться только въ виду смерти.

По окончаніи молебна священникъ окропилъ св. водою всѣхъ бывшихъ при молебнѣ, прошелъ со св. иконами по всей деревнѣ; при этомъ подходилъ къ каждому дому и, хотя не входилъ въ дома, но кропилъ св. водою въ окна и ворота, которыя были открыты и растворены и подъ конецъ обошелъ съ св. иконами, по задворкамъ, вокругъ всей деревни.

Разсуждайте, кому какъ угодно; — но, какъ только было совершено все, чего желали жители К—ва, они какъ будто ожили, повеселѣли и укрѣпились. «Теперь мы сдѣлали, говорили они, что хотѣлось намъ; пусть будетъ, что Богу угодно.»

Чѣмъ же одоброваль Господь жителей К—ва? Едва

ли не самое большое число умиравшихъ было наканунѣ молебна. За нѣсколько часовъ до молебна умеръ одинъ изъ крестьянъ, который отличался отъ всѣхъ и ростомъ и здоровьемъ. Во время молебна двое больныхъ томились въ предсмертныхъ мукахъ: они умерли въ тотъ же день. Но со времени молебна никто вновь въ деревнѣ не заболѣлъ, болѣзнь прекратилась и болѣе въ 1848 году не возобновлялась. День, въ который совершенъ былъ молебенъ въ К—вѣ, празднуется доселѣ, какъ общались К—цы, съ особенною благодарностію Богу. Въ этотъ день приносятъ въ К—во св. иконы, служатъ среди деревни молебенъ съ водоосвященіемъ и потомъ проходятъ съ св. инонами по деревнѣ.

Когда священникъ возвратился домой, помѣщица-княгиня пріѣзжала благодарить его; а на утро цѣлая толпа крестьянъ пришла къ священнику помогать ему работать. Пусть, кому нужно, пойметъ, какъ можетъ священникъ располагать своихъ прихожанъ къ услужливости. Всѣ сельскіе жители съ боязнію посматривали на пришельцевъ, дивились, какъ священникъ и его домашніе работаютъ съ ними и опасались даже подходить къ нимъ. Но Богъ пощадилъ и священника (онъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ тому) и его домашнихъ, пощадилъ на нѣсколько времени и жителей села; ибо хотя въ селѣ томъ, такъ же какъ и во всѣхъ почти окрестныхъ селахъ, холера была, но много позже и дѣйствовала не такъ сильно, какъ въ К—вѣ. Впрочемъ примѣръ К—хъ крестьянъ не остался безъ добрыхъ послѣдствій. Жители того села, къ которому принадлежало К—во, глядя на страданія своихъ сосѣдей, почти всѣ, тогда какъ въ селѣ еще не было никакихъ признаковъ холеры, говѣли, исповѣдались и приобщались св. Таинъ; потомъ чрезъ шесть недѣль, когда появилась въ селѣ холера, снова повторили то же, то-есть, говѣли, исповѣдались и приобщались св. Таинъ.

Думаемъ, что много было подобныхъ случаевъ въ нашемъ отечествѣ. Почему бы, кажется, во славу Бо-

жю не приводить ихъ въ извѣстность? Ибо чѣмъ поддерживается вѣра, если не примѣрами вѣры живой, — вѣры дѣйствительно спасающей? Неужели можно было бы сказать, что здѣсь только случайно, но удачно минута прекращенія эпидеміи совпала, какъ говорятъ, со временемъ общественной молитвы? Но спросите жителей К—ва, что сказали бы они, еслибы кто-нибудь сталъ доказывать имъ, что они ошибаются, принявши случайность за дѣйствіе милости Божіей! Для cadaго изъ нихъ и для насъ очевидцевъ, какъ нельзя болѣе, ясно было, что такое скорое и совершенное прекращеніе холеры въ К—вѣ было единственно дѣйствіемъ милости Божіей. Господь, какъ будто, ожидалъ, чтобы страждущіе сами обратились къ Нему съ молитвою для того, чтобы прекратить гнѣвъ свой и даровать жителямъ К—ва радость избавленія отъ смерти. Что такъ сильно могла дѣйствовать молитва, можно сказать, краткая, — это нисколько не удивительно: ибо сія молитва была молитвою скорби исполненной упованія.

Желаемъ, чтобы память о благодѣяніи Божіемъ навсегда сохранилась между жителями К—ва.

П. П.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ БОГОМОЛЬЦА ВЪ ТРОИЦКОЙ ЛАВРѢ И СКИТѢ.

Мнѣ пришлось быть въ Троицкой лаврѣ въ воскресенье. Народу было многое-множество У всѣхъ бы, повидимому, должна быть одна цѣль, — всѣ пришли и пріѣхали помолиться Богу и поклониться Его угоднику преподобному Сергію; но странное дѣло, съ перваго же взгляда можно было замѣтить большое различіе между богомольцами: многіе вели себя вовсе не такъ, какъ бы было прилично дѣйствительнымъ богомольцамъ. Многіе изъ нихъ и преимущественно люди богатые и, такъ-называемые *благородные и образованные*

очевидно пріѣхали въ Лавру не за тѣмъ, чтобы помолиться, не съ единственнымъ желаніемъ излить свою душу предъ Богомъ на мѣстѣ, прославленномъ подвигами великаго угодника Божія, нетлѣнно почивающаго въ Лаврѣ. Покрайней мѣрѣ съ такимъ намѣреніемъ вовсе не согласовалось внѣшнее поведеніе ихъ: обыкновенная суетливость и разсѣянность, веселые разговоры, звонкій смѣхъ, пестрота и изысканность нарядовъ и т. п. вовсе не свидѣтельствовали о религіозномъ настроеніи души, тихомъ и благоговѣйномъ молитвенномъ чувствѣ. Какъ совершенная противоположность этимъ богомольцамъ, особенно ярко бросались въ глаза богомольцы по большей части изъ *простонародія*, которые въ простыхъ дыривыхъ сермягахъ, съ котомками на плечахъ, съ палками въ рукахъ, пѣшкомъ подъ палящимъ зноемъ солнца, за сотни верстъ пришли поклониться святыиѣ. Нечестно и слишкомъ оскорбительно для ихъ религіознаго чувства было бы заподозрить искренность побужденій, которыми руководились эти безхитростные, простые вѣрующіе люди, пускаясь въ такую дальнюю и трудную дорогу. Внѣшній видъ и все поведеніе этихъ богомольцевъ ясно и рѣшительно обнаруживали внутреннее настроеніе сердца этихъ вѣрующихъ поклонниковъ. Сосредоточенное и серьезное выраженіе лица, горячая молитва, усердные земные поклоны и колѣнопреклоненія на жесткіе камни, молитвенныя восклицанія: «Господи помилуй», «Господи прости насъ грѣшныхъ» и часто слезы — все это ясно и очевидно свидѣтельствовало о полнотѣ и чистотѣ религіозныхъ чувствъ, наполнявшихъ душу этихъ богомольцевъ. Не развлеченіе, не удобства пути, не праздность и желаніе разнообразныхъ впечатлѣній привлекли ихъ сюда и побудили понести всѣ труды пути и молитвеннаго подвига, а искренняя, живая сердечная вѣра и желаніе потрудиться для спасенія своей души, — за то и горяча ихъ молитва, и безъ сомнѣнія эта чистая жертва пріятна Богу, эта молитва будетъ услышана Имъ... Вотъ гдѣ пужно бы поучиться вѣровать и молиться людямъ *мнѣющимся* быть

мудрыми и образованными, — здѣсь для нихъ живой примѣръ истинной вѣры и молитвы и живые опыты благоговорности этой вѣры и молитвы. Застигнутый горемъ и напастями житейскими, нашъ крестьянинъ обращается за утѣшеніями почти исключительно къ св. своей вѣрѣ, удѣляетъ часть своего трудового и дорогаго времени и предпринимаетъ дальнія странствованія къ св. мѣстамъ, — тамъ онъ раскрываетъ свою душу предъ Богомъ, горячая молитва несется къ небесамъ, и онъ уходитъ отсюда утѣшенный, миръ и спокойствіе сходитъ въ его истерзанную и опечаленную душу.

«Какъ бы не горе-то мое, батюшка ты мой, — говорила мнѣ одна старушка-богомолка, когда я полюбывалъ узнать, что ее побудило отправиться на богомолье, — такъ я бы пожалуй и не пустилась на богомолье Дѣло-то мое старое, силы худыя, куда ужъ въ мои годы пускаться въ такую дальнюю дорогу, а пришлось вотъ. Есть у меня, видишь ты, сынъ, всего и дѣтей-то только онъ одинъ, — года два, какъ я и женила его. Только, батюшка, такой онъ у меня безпутный уродился, что не приведи Господи, — не то, чтобы почтеніе и уваженіе къ матери имѣть, просто хуже чужаго мнѣ. И дѣла-то я никакого не дѣлаю, около дому-то я ничего не помогаю, и хлѣбъ-то я у него только даромъ ѣмъ, и чѣмъ-чѣмъ только не попрекалъ меня. Женился, еще хуже сталъ. На бѣду мою, какъ нарочно и невѣстка-то попалась такая же злая да строптивая, — поѣдомъ ѣстъ меня. Не въ мочь мнѣ стала жизнь дома, а куда дѣваться въ мои-то годы? Родныхъ другихъ нѣтъ, въ работу наняться стара, силы нѣтъ, какая работница! Вотъ думала, думала да и надумала по св. мѣстамъ походить, для Господа Бога потрудиться, сколько силъ хватить, и собралась. И до здѣшней обители Господь привелъ меня помаленьку дотащиться, да святому угоднику помолиться. И вѣдь, какъ ты думаешь, батюшка? молитва-то помогла мнѣ лучше всего, утѣшила да успокоила меня отъ всѣхъ моихъ напастей... Пошла я

изъ дому въ такой-то тоскѣ да досадѣ на сына, не хотѣла и проститься съ нимъ порядкомъ, а теперь вотъ, какъ отъ всего сердца выплакала свое горе передъ Богомъ да передъ Его св. угодникомъ, какъ попросила Его милости и заступленія, такъ, ты не повѣришь, все мое горе точно рукой сняло, вся злоба и досада пропала, теперь со всѣми охота помириться и проститься. И вотъ теперь отсюда прямо поплетусь домой, забуду все старое и отъ чистаго сердца помирюсь съ домашними, а тамъ буди во всемъ воля Божія. Вотъ она, бабушка, молитва-то усердная, какъ помогаетъ намъ. — надобно молиться!» добавила добрая старушка. И это только одинъ изъ тысячи, быть можетъ, примѣровъ. Благо этимъ въ простотѣ сердца вѣрующимъ людямъ, — они умѣютъ въ молитвѣ находить самое высокое и дѣйствительное утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и нуждахъ, которыя ихъ постигаютъ, — они умѣютъ молиться. И со стороны смотрѣть на нихъ утѣшительно и въ высшей степени назидательно. Какъ-то обновляешься нравственно, примиряешься съ жизнью и людьми при видѣ той искренно-сильной и вседѣйствующей вѣры и молитвы, къ которымъ способна простая, непосредственная и неиспорченная растлѣвающимися вліяніями душа нашего простолюдина, какая-то невидимая сила и утѣшеніе льются въ сумнящуюся душу, когда видишь благодатные плоды вѣры и молитвы, — и самъ учишься вѣрить, любить, терпѣть и молиться... Да, спасительные и полезные уроки часто преподаетъ простой вѣрующій человекъ равнодушному и маловѣрующему образованію и мудрости, и къ нимъ полезно прислушаться, — полезно въ этомъ случаѣ оставить самоиѣніе и смиренно послушать вѣрующей простоты.

Въ Воскресенье, когда въ Лаврѣ было много народа *почище*, для большей части бѣдныхъ богомольцевъ не нашлось даже мѣста въ соборѣ, и они принуждены были стоять внѣ собора, но горяча была и тутъ ихъ молитва, усердные земные поклоны кланьсь и на каменной мостовой... «Ужь какъ бы, бабушка, хотѣлось пройти въ самую-то церковь, поближе къ угоднику

Божію, жаловалась мнѣ одна старушка, да народу-то много скопилось сегодня, — не продерешься никакъ. Благородныхъ-то больно много ужь понаѣхало сегодня, намъ-то куда съ ними тягаться... Не попросторнѣе ли вотъ къ вечеру будетъ, а то ужь до завтра видно придется подождать, — дѣлать нечего», — не безъ горечи заключила она. И добро бы люди, которые другимъ мѣшаютъ молиться, сами усердно молились, — а то нѣтъ этого, у нихъ недостаетъ даже охоты и терпѣнія простоять всю службу до конца, для нихъ этотъ трудъ не по силамъ. имъ скоро становится въ церкви *скучно*... И вотъ начинаются постоянные входы и выходы изъ церкви, усиленное продиранье сквозь густую и плотную массу богомольцевъ, — при этомъ толкотня, давка и часто довольно громкое выраженіе неудовольствія — все это очень неприличныя во время богослуженія дѣйствія, которыя нарушаютъ благоговѣйную тишину въ храмѣ Божіемъ и очень непріятно дѣйствуютъ на богомольцевъ, которые пришли въ храмъ за тѣмъ, чтобы молиться, а не изъ одного празднаго любопытства. И эти же самые богомольцы, которые такъ неблагоговѣйно ведутъ себя, съ неудовольствіемъ и свысока посматриваютъ на *сырый* народъ, который стоитъ кучками на улицѣ и *мѣшаетъ* имъ свободно переходить безъ всякой нужды изъ одного мѣста въ другое; мнѣ не разъ случалось даже слышать колкія замѣчанія объ убогомъ нарядѣ и т. п. странниковъ-богомольцевъ, которыя дѣлали рязренные и веселые щеголи и щеголихи, пріѣхавшіе въ лавру едва ли за тѣмъ, чтобы молиться...

Послѣ обѣдни въ лаврѣ, подкрѣпивши свои силы, у кого чѣмъ нашлось — много богомольцевъ отправилось въ скитъ. (а)

Мѣстоположеніе скита очень красивое и живописное. Кругомъ лѣсъ, съ одной стороны большой прудъ; постройкі въ немъ небольшія, но все сдѣлано просто, уютно и красиво. Нѣтъ здѣсь шума, суеты и толкот-

(а) Геосиманскій скитъ Троицкой лавры отстоитъ отъ лавры версты на двѣ съ небольшимъ.

ни, и хорошо, свѣтло здѣсь на душѣ, тихія и благоговѣйныя чувства овладѣвають человѣкомъ. Здѣсь чувствуешь себя какъ будто совсѣмъ вдали отъ міра, съ его суетою, съ его вѣчными заботами, — такъ и хочется погрузиться въ свою собственную душу, перебрать свою собственную жизнь, подумать да поразмыслить о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, навѣянныхъ на меня уединеннымъ скитомъ Геосиманскимъ, мнѣ невольно вспомнились замѣчанія, которыя часто приходится слышать: «зачѣмъ это строить еще уединенные скиты?— Вѣдь есть монастыри, ну, и довольно; такъ надобно еще при монастыряхъ скиты строить; только одна излишняя трата да безплодное размноженіе монастырей.» Нѣтъ, — не пустая прихоть, а существенная религіозная потребность благочестивой души строить скиты. Для того, кто въ монастырѣ ищетъ болѣе совершеннаго служенія Господу, кто, вступая въ монашество, дѣйствительно отрѣшается отъ всего мірскаго и всецѣло посвящаетъ себя подвигамъ благочестія, — для того дорого уединеніе гдѣбы можно было, ничѣмъ ни развлекаясь, совершенно предаться дѣлу Божію. Для людей ищущихъ духовнаго совершенства часто неудобно жить въ большомъ обществѣ, гдѣ по необходимости больше скопляется народа, больше бываетъ развлеченій и суеты; для такихъ людей уединенный скитъ, гдѣ уже никто и ничто ихъ не тревожитъ, — истинное сокровище. Тамъ съ полною свободою они могутъ предаться своимъ благочестивымъ занятіямъ и упражненіямъ. Въ тишинѣ уединенныхъ пустынь по большей части и воспитывались и воспитываются истинные подвижники вѣры и благочестія, и всюду разливаютъ свои духовные дары...

Удовлетворяя потребностямъ души, ищущей высшаго духовнаго совершенства, эти уединенныя убѣжища благотворно дѣйствуютъ и на своихъ временныхъ посѣтителей. Это — тихія убѣжища отъ шума мірскаго суеты: здѣсь не видно и признаковъ той толкотни, тѣхъ заботъ, которыя всюду встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ обыкновенная жизнь человѣческая съ

ея вѣчными погонями за счастьемъ, за удовольствіями, и гдѣ постоянно встрѣчаются однѣ только неудачи, неудовлетворенность, тоскливое исканіе и надежда чего-то лучшаго, постояннаго... Съ другой стороны, здѣсь живутъ люди совсѣмъ отказавшіеся отъ участія въ тревожной жизни этого міра ради другой высшей жизни и дѣятельности, съ твердою надеждою на лучшую жизнь за предѣлами этого міра, съ непоколебимымъ упованіемъ на достиженіе вѣчнаго блаженства, во имя котораго они подъяли всѣ свои труды и подвиги, отказались отъ преходящихъ радостей и утѣхъ земной жизни. И вотъ поэтому-то полезно людямъ, всю свою жизнь посвятившимъ лихорадочнымъ заботамъ о жизни земной, занятымъ ея мелкими интересами и нравственно измельчавшимъ и упустившимъ изъ виду главную цѣль и заботу своей настоящей жизни,—такимъ людямъ полезно хотя время отъ времени заглядывать въ мирныя убѣжища отшельниковъ отъ міра. Тотъ духъ постоянства и сосредоточенности, тишины и мира, вѣры и надежды, который господствуетъ здѣсь и даетъ себя видѣть во всемъ, умиротворяющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу,—тихія и отрадная чувства возбуждаетъ онъ въ сердцѣ человѣка. Забываются на время житейская пошлость и мелочи, житейскія невзгоды и бури, душа, обращается къ высшимъ, не земнымъ предметамъ, обновляется и освѣжается усталый духъ и его силы. И дай Богъ, чтобъ эти состоянія чаще повторялись...

«Какъ тихо-то здѣсь, никакой-то суеты нѣтъ, ни шуму нѣтъ; вотъ гдѣ молиться да служить Богу хорошо!» говорила про себя, но довольно громко, одна старенькая богомолка, проталкиваясь сквозь толпу, тѣснившуюся у скитскихъ воротъ, чтобы поближе посмотреть на скитъ (б).

(б) Женщинамъ дозволяютъ входить въ самый скитъ только одинъ разъ въ годъ, 17-го дня августа. Во все же остальное время года онѣ только въ ворота могутъ видѣть внутренность скита. Другая часть скита, *пещерная*, открыта всегда для всѣхъ.

— Что, бабушка, нравится тебѣ скитъ-то? спросилъ я старушку.

— Да какъ же, батюшка, не нравится-то? Вѣдь это рай земной! Никто тутъ тебѣ не мѣшаетъ, никакой тутъ суеты мірской, молись только Богу, чтобъ Онъ простилъ тебѣ тяжкія согрѣшенія и помиловалъ... и старуха, несмотря на тѣсноту, со слезами повалилась на землю, творя молитву... Вотъ какъ дѣйствуетъ уединенное скитское мѣсто на простую, искреннюю и вѣрующую душу! То же самое впечатлѣніе въ большей или меньшей мѣрѣ испытываетъ отъ него и всякій, сколько-нибудь внимательный къ себѣ человѣкъ...

Да, много-много добрыхъ впечатлѣній и полезныхъ уроковъ изъ своихъ путешествій можетъ вынести богомольецъ, внимательный къ себѣ и всему окружающему его. Здѣсь онъ научится тому, чего не найдетъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. За то какъ легкомысленны и безпечны богомольцы, на которыхъ не производятъ никакого особеннаго впечатлѣнія и эти святые мѣста, для которыхъ и они составляютъ мѣсто обыкновенной прогулки и развлечения!...

НѢЧТО О ТЕПЕРЕШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ИКОНОПИСАНІЯ.

Въ нашей духовной литературѣ очень мало встрѣчается сочиненій по части изящныхъ искусствъ. Видишь много прекрасныхъ сочиненій по части богословія, литургики, исторіи Церкви, археологіи; а по части искусствъ: архитектуры, живописи, музыки церковной — чувствуется значительный пробѣлъ. А между тѣмъ искусства принесли на алтарь религіи значительную лепту, за которую не мѣшало бы духовной литературѣ помянуть иныхъ дѣятелей искусства добрымъ сло-

вомъ. Анѳемій Траллескій и Исидоръ Милетскій, зодче Софійскаго храма въ Константинополѣ, Микель-Анжело, строитель базилики св Петра въ Римѣ, Христофоръ Вренъ, создатель храма св. Павла въ Лондонѣ, Монферранъ, творецъ Исакиевскаго собора, развѣ не послужили Господу всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію. — Св. Пророкъ Моисей сохранилъ намъ имена строителей Скинїи Свидѣнія: отчего же не помянуть, чѣмъ и какъ послужили Церкви: Панселинъ, фра-Анжелико, Рафаэль Санціо, Ивановъ, Бортнянскій? Иныя изъ этихъ именъ почти вовсе неизвѣстны читателямъ духовныхъ журналовъ, или извѣстны, но изъ свѣтскихъ источниковъ, которые, очевидно, занимались преимущественно мірскою стороною ихъ жизни и дѣятельности.

Такое положеніе дѣлъ имѣетъ свою вредную сторону. Сельскій пастырь, положимъ изрядный богословъ, оказывается невѣждою въ обществѣ, гдѣ идетъ рѣчь о *Страшномъ Судѣ* Микель-Анжело. Свѣтскій челоѣкъ иногда критикуетъ ошибки противъ исторїи и географїи на иконѣ, а священникъ не въ состоянїи ни опровергнуть его, ни подкрѣпить свое мнѣніе. потому что незнакомъ ни съ первыми началами искусства, ни съ его исторїей и археологіей. Живописецъ, расписывающій церковь, обращается къ священнику за сюжетами для картинъ, за совѣтомъ по части исторїи, археологїи, литургикѣ, напримѣръ о священныхъ одеждахъ извѣстнаго вѣка, — а иной священникъ не можетъ дать ему необходимыхъ указаній и по этой части, хотя учился въ семинаріи исторїи, археологїи и пр.

Между тѣмъ никто не станетъ отрицать, что благолѣпіе храмовъ Господнихъ очень много содѣйствуетъ благочестивому настроенію и служителей, и слушателей. Очень можетъ быть, что иной съ благоговѣніемъ помолится въ тѣсной подземной церкви кїевскихъ пещеръ или римскихъ катакомбъ, но для большинства вѣрующихъ святая Церковь должна являться въ подобающемъ ей благолѣпїи, какъ домъ Божїй, подобіе небесъ. Извѣстно, какое впечатлѣніе произведено на пословъ Владиміровыхъ, пришедшихъ въ Царьградъ

для испытанія вѣры, великолѣпіемъ софійскаго храма и красотою видѣнныхъ ими здѣсь обрядовъ богослуженія: они думали, что стоятъ на небѣ, а не на землѣ. Подобнымъ благотворнымъ образомъ доселѣ дѣйствуетъ на душу каждого, особенно на душу простолюдина, незнакомаго съ художественными выставками и музеями,— благолѣпіе храма Божія. Въ глухомъ селѣ, среди низкихъ, темныхъ, грязныхъ лачугъ, это высокое, свѣтлое, чистое зданіе съ колоннами, куполомъ, сводами, это золото, рѣзба, арабески, яркіе колера въ искусномъ сочетаніи, живопись, свѣтъ, благоуханіе, изящная утварь, великолѣпныя облаченія,— все это отторгаетъ простолюдина хоть на минуту отъ той невзрачной среды, въ коей онъ прозябаетъ, и возноситъ душу въ иной, неземной міръ. — Оттого-то иные простолюдины такъ любятъ благолѣпіе дома Господня. Простая душа чувствуетъ инстинктивно по красотѣ, по изяществу, что это *домъ Божій и сія врата небесная*. Отчего? «Да такъ, говорить, — здѣсь больно хорошо»

Если это правда, то надобно пожалѣть, что мало у насъ средствъ къ развитію и образованію вкуса. Случается видѣть церкви, въ которыхъ замѣтно, что за деньгами, за усердіемъ, дѣло не стояло, но увы! — много золота, мало вкуса! Пишущему эти строки особенно ярко бросалось въ глаза незавидное состояніе нашей иконописи. Часто иконостасъ залитъ золотомъ, а иконы самой фабричной работы; часто жертвуютъ тысячи, чтобы слить нозыи большой колоколь, а стѣны поручаютъ расписать первому встрѣчному маляру. Да и то сказать: было бы гдѣ найти хорошаго! Земля наша велика и обильна, а хорошихъ иконописцевъ мало.

Въ самомъ дѣлѣ, иконописаніе у насъ, говоря вообще, въ незавидномъ положеніи. Хорошіе иконописцы у насъ такъ рѣдки, что ма сотню несноснѣйшихъ маляровъ приходится не больше десятка порядочныхъ иконописцевъ и развѣ одинъ хорошій. Кто не вѣритъ, того просимъ взглянуть со вниманіемъ на иконы нашихъ

сельскихъ, а иногда и уѣздно-городскихъ церквей... не говоря уже о тѣхъ иконахъ, которыя украшаютъ передній уголъ въ домахъ нашихъ поселянъ и мѣщанъ. Рѣдко-рѣдко промелькнетъ гдѣ хорошенькій иконо-стась, одна-двѣ иконы замѣчательной работы—и только! Все прочее ниже посредственности: ремесленная фактура, малярство, лубочная композиція, рутина, суздальское художество. О художественности замысла и исполненія, о мысли, о композиціи, ансамблѣ, колоритѣ ужъ и говорить нечего; но неправильность, скажемъ даже больше, чудовищная уродливость рисунка, очевиднѣйшіе промахи въ перспективѣ, дикое незнаніе азбуки искусства, рѣшительный недостатокъ выраженія, часто совершенное отсутствіе всякой мысли, вопіющіе анахронизмы въ аксессуарахъ—вотъ что будетъ поражать васъ постоянно и почти повсемѣстно, всегда и вездѣ. Коротко сказать: въ большей части иконописныхъ произведеній нѣтъ ничего: ни знанія живописи, ни знанія исторіи, ни изящества, ни назиданія. Говорятъ, Корреджіо, разсматривая одну знаменитую картину, вдругъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ живописи и съ жаромъ воскликнулъ: и я живописецъ! Разсматривая наши иконы, всякій можетъ сказать повѣся голову: если это живопись, такъ и я живописецъ.

Знанія событій, мѣстности, страны, времени, когда случилось изображаемое событіе, тогдашнихъ одеждъ, оружія, зданій, и пр. т. п., т. е. исторіи, географіи, хронологіи, этнографіи съ нашихъ иконописцевъ не спрашиваютъ. Они ошибаются чуть не на каждомъ шагу. Возьмемъ напримѣръ икону Успенія Божіей Матери. Похоронное шествіе изображается среди улицы, обстроенной многоэтажными домами съ красными и зелеными крутыми крышами изъ железа: первая ошибка. Св. Ап. Іаковъ провожаетъ гробъ Богоматери, держитъ въ рукахъ книгу: лучше бы написать свитокъ—это было бы вѣроятнѣе. Св. Ап. Петръ идетъ съ кадиломъ нынѣшней формы: едва ли вѣрно, сомнительно; гораздо лучше написать курильницу. Случается видѣть, что передъ гробомъ,

среди улицы, изображается золотой подсвѣчникъ съ восковою свѣчкой. Если гробъ несутъ, то зачѣмъ подсвѣчникъ стоитъ? Золотаго подсвѣчника вѣроятно не было у бѣдныхъ апостоловъ. Восковыхъ свѣчь тогда не употребляли, да и нынче кажется мало ихъ на востокѣ.

Возьмите техническую сторону, — и тутъ не легче. Искусство многихъ иконописцевъ, въ захолустьяхъ, стоитъ чуть ли не наравнѣ съ китайскимъ или египетскимъ. Рисунки подземныхъ египетскихъ храмовъ и усыпальницъ (гипогеевъ), по описаніямъ путешественниковъ, писаны по этимъ самымъ правиламъ, которыхъ держатся наши доморожденные рафаэли. У Китайцевъ и Египтянъ нѣтъ свѣтотѣни, фигуры просто обводятся чертами и раскрашиваются яркими сплошными колерами: у насъ это сплошь да рядомъ. У Египтянъ главная фигура большая, а прочія маленькія: у насъ это встрѣчается нерѣдко. У Китайцевъ и Египтянъ нѣтъ правильности въ рисунокѣ, — и мы ею не можемъ похвалиться; египетскія фигуры вѣчно связаны, угловаты, — у насъ по несчастію то же. Ни у Китайцевъ, ни у Египтянъ нѣтъ перспективы: всѣ фигуры стоятъ въ одной плоскости, на одномъ планѣ, — у большей части нашихъ иконописцевъ то же самое.

И все это у многихъ называется греческимъ письмомъ. Все же прочее называется италіанскимъ письмомъ и всегда съ какимъ-то оттѣнкомъ пренебреженія, неодобренія, будь это образцовое произведеніе въ самомъ строгомъ церковномъ стилѣ, будь плохая работа безграмотнаго уѣзднаго маляра. Такое предубѣжденіе прогивъ всѣхъ иконъ, писанныхъ сколько нибудь художественно, происходитъ главнымъ образомъ отъ простертаго до суевѣрія пристрастія къ принятымъ стариннымъ образцамъ иконописанія. Попробуй художникъ сочинить рисунокъ самъ, или сдѣлай копію съ картины какого-нибудь художника, — иному цѣнителю прежде всего бросается въ глаза, что написано *не такъ*, т. е. не по-старому, не по извѣстнымъ ему и общепринятымъ формамъ, и онъ начинаетъ уже смот-

рѣть подозрительно, видить тутъ что-то похожее на отступленіе отъ старой вѣры, *новшество*, латынство. По этимъ же возрѣніямъ многимъ не нравятся живо написанныя иконы: когда цвѣтъ лица имѣеть естественную бѣлизну, а глаза смотрять,— это уже не нравится. Они привыкли по-раскольничьи думать, что лица должны быть темныя, землянистыя, глаза безъ взгляда, тусклыя, безъ выраженія. Чтѣ прикажете дѣлать съ такими взглядами, такими знаками? Какъ послѣ этого и иконописцу стараться о художественной правдѣ, о сходствѣ съ дѣйствительностію? Копируй безъ малѣйшихъ измѣненій и безъ разбору есѣ старыя образа — вотъ требованіе многихъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ усовершенствованіе, развитіе искусства? Очевидно нѣтъ. Рѣка не можетъ течь къ своему началу, а искусство, которое одно прошедшее принимаетъ за свой идеаль и норму, — мертвое искусство. Темный цвѣтъ лицъ на древнихъ иконахъ произошелъ большею частію отъ времени: съ какой же стати художникъ станетъ подражать ему? Прямолинейныя складки одеждъ, сухія ноги и руки (даже у младенцевъ Іисуса, Кирика), глаза и лица безъ всякаго выраженія, произошли, конечно, отъ неумѣнья рисовать, — зачѣмъ же подражать этой мертвенности, статуиности, деревянности старыхъ образцовъ?

Но, съ другой стороны, нельзя одобрить также излишней во многихъ случаяхъ свободы живописцевъ въ изображеніи священныхъ предметовъ. Живопись часто совершенная отвлеченно, какъ искусство для искусства, *въ примѣненіи къ церкви*, къ ея условіямъ и приличіямъ, оказывается частенько неудовлетворяющею этимъ условіямъ и приличіямъ. Напримѣръ, никто не станетъ спорить, что одежду живописцы вообще пишутъ гораздо лучше чѣмъ иконописцы: нѣтъ этихъ складокъ прямыхъ какъ палка, ломающихся какъ углы бастиона; нѣтъ золотыхъ бликовъ и отдѣлокъ на подолахъ одеждъ у бѣдныхъ апостоловъ и ветхозавѣтныхъ праведниковъ; за то драпировка такъ иногда эффектно на-

брошена, что вся фигура какъ будто спрашиваетъ: «что какво? не правда ли, бросается въ глаза?» И что еще горьче, такъ это то, что самые плохіе писаки особенно и щеголяютъ подобными выходками. «Чтобы дескать всякъ видѣлъ, что я не суздалецъ, а артистъ, художникъ!» И вотъ нашъ художникъ румянитъ всѣхъ святыхъ, гдѣ къ дѣлу, гдѣ не къ дѣлу, пишетъ Магдалину въ современномъ платьѣ, Богородицу съ открытыми волосами, мученицъ въ одеждахъ нимфъ, полюбнаженныя, улыбающіяся фигуры, изящныя, но театральныя положенія тѣла и пр. и пр., за что по справедливости большинство не любитъ живописныя иконы. Рисунокъ у живописца вообще вѣрнѣе природѣ: нѣтъ промаховъ противъ азбуки, фигуръ несоразмѣрныхъ, сгорбленныхъ, стоящихъ на цыпочкахъ, съ угловатыми локтями и колѣнами; за то нерѣдко видно желаніе придумать, создать нѣчто новое, оригинальное. Желаніе это само по себѣ похвально, но исполненіе его трудно, и въ исполненіи часто вмѣсто оригинальности является оригинальничанье, изысканность. Видѣлъ я напримѣръ работы одного изъ нашихъ художниковъ мѣстную икону Богородицы во весь ростъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мысль (объ исполненіи не говорю—оно дивно) новая, пожалуй хорошая, оригинальная, но къ сожалѣнію не церковная, не евангельская. Молодая женщина съ радостью, съ горделивымъ наслажденіемъ матери, показываетъ вамъ своего первенца и какъ будто говорить: «посмотрите какой у меня милый малютка!» Надпиши надъ этой фигурой всякое другое имя—картина будетъ чудная, но Богородицѣ такая мысль, такое чувство, такое выраженіе не пристало (Лук 1. 38 2, 51.). Въ другой церкви видѣлъ изображеніе какого-то святителя превосходной работы. Представьте себѣ: ветхій, сѣдой, почтенный старецъ, стоя у наоя, читаетъ книгу. Такъ превосходно уловлено это движеніе, когда пожилой человѣкъ, читающій безъ очковъ, относитъ книгу дальше отъ глазъ и немного отодвигаетъ голову назадъ, чтобы лучше разсмотрѣть мелкую печать, что

я подивился и новости этой мысли, и ея удачному исполненію, но... не ловко молиться предъ этимъ изображеніемъ: жалко беспокоить и отвлечь старца отъ книги, которую онъ разсматриваетъ съ такимъ прилежаніемъ.

Можно бы указать нѣсколько подобныхъ примѣровъ, но и этихъ довольно для поясненія мысли. Коротко сказать: если бы живопись, сохранивъ свое совершенство техники, въ то же время подчинила свободу изобрѣтенія условіямъ церковности, то она была бы вполнѣ совершенна: тогда само собою исчезло бы предубѣжденіе противъ живописи. Иконопись грѣшитъ противъ искусства, подъ предлогомъ вѣрности церковному характеру; живопись грѣшитъ нерѣдко противъ церковности, будучи вѣрна по отношенію къ искусству. Въ добавокъ и Византія, и Италія часто грѣшатъ противъ правды исторической и географической, противъ этнографіи и хронологіи.

Належащему развитію и успѣху иконописанія могли бы способствовать училища, посвященные этой отрасли искусства. Къ сожалѣнію, у насъ они весьма немногочисленны (а). Академія художествъ, московское училище живописи и ваянія, бывшая, теперь закрытая, Ступинская школа въ Арзамасѣ... Есть ли училища живописи кромѣ этихъ гдѣ-нибудь? (б) Есть у насъ цѣлыя селенія, которыя изъ рода въ родъ занимаются иконописнымъ *мастерствомъ*, ремесломъ (в). Но какихъ успѣховъ можно ожидать отъ крестьянскаго мальчика, который учится иконописанію отъ отца-самоучки, учится не по любви къ искусству, а потому,

(а) Авторъ ничего не говоритъ о заслугахъ для иконописанія общества древне-русскаго искусства при Московскомъ публичномъ музеѣ. Примѣтно онъ не подозреваетъ существованія этого общества и незнакомъ съ прекраснымъ сборникомъ его, изданнымъ въ началѣ сего года. *Ред.*

(б) Въ селѣ Алексинѣ Ковровскаго уѣзда, иждивеніемъ купца Чалнова основаны классы живописи для распространенія ея между крестьянами Алексинской волости, изстари занимающимися иконописью. Сѣв. Пчела 1860 г. № 153.

(в) Палехъ, Холуй, Вязники, Мстера Владимірской губерніи.

что этимъ ремесломъ жили отцы и дѣды; потому что этимъ мастерствомъ легче заработать копѣйку чѣмъ сохой или топоромъ? Гдѣ эти воспитанники самородной русской школы видятъ образцовыя произведенія искусства, гдѣ слышать художественную критику, оцѣнку? Смиренно бредутъ они горною тропой дѣдовской рутинѣ, не думая и не помышляя, что можно и нужно писать иначе, чѣмъ писали ихъ отцы и дѣды и пишутъ они сами. А родись въ другой мѣстности мальчикъ съ хорошими дарованіями къ иконописанію, гдѣ ему учиться? Петербургъ, Москва далеко; ближе училищъ вовсе нѣтъ: радъ бы поучился — негдѣ, не у кого! Въ Италиі что городъ, то картинная галерея, — да и по улицамъ статуй наставлено чуть не на всѣхъ углахъ и перекресткахъ, — тамъ самоучкой можно успѣть довольно. А у насъ нѣтъ ни картинъ, ни статуй, ни дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій. Наши литографіи вмѣсто того, чтобы портить и развращать вкусъ и нравственность народа печатаніемъ разныхъ соблазнительныхъ сюжетовъ и сценъ, гораздо бы лучше сдѣлали, еслибы стали печатать снимки съ серьезныхъ картинъ великихъ мастеровъ, особенно религіознаго содержанія. Матеріалу имъ хватило бы на многіе годы: залы Академіи Художествъ и Эрмитажа, Московскаго публичнаго музея, иконы Исакіевскаго, Казанскаго храмовъ представляютъ богатія сокровищницы искусства. За покупателями тоже дѣло навѣрное не остановилось бы: народъ нашъ любитъ религіозныя сюжеты и предпочитаетъ картины въ этомъ родѣ всякимъ другимъ (а). *Madonna della sedia* Рафаэля у насъ сдѣлалась народною подъ именемъ «Трехъ радостей», снимки Рафаэлева Преображеніе и Штейбеновъ Христосъ на Голгофѣ попадаютъ (конечно въ пло-

(а) Не худо бы при этомъ обозначать внизу картины, что это снимокъ съ картины или иконы такого-то извѣстнаго художника, и гдѣ оригиналъ находится. Какъ бы то ни было, авторитетъ извѣстнаго имени имѣетъ вѣсь. Съ большимъ удовольствіемъ изучаешь, съ большимъ удовольствіемъ копируешь извѣстную композицію, чѣмъ безыменную фантазію.

хихъ отпечаткахъ) во многихъ крестьянскихъ домахъ. А эти снимки принесли бы большую пользу эстетическому развитію особенно провинціальныхъ иконописцевъ. Всякій иконописецъ имѣлъ бы возможность составить себѣ хорошую коллекцію, родъ маленькой галереи. Это отчасти замѣнило бы недостатокъ училищъ. —

Здѣсь къ слову изложу смиренный и нехитрый проектъ: не худо бы ввести при духовныхъ семинаріяхъ классы иконописанія для желающихъ заниматься этимъ искусствомъ. Правда уже и безъ того жалуются, что семинаріи завалены рвзнородными предметами, такъ что почти нѣтъ человѣческой возможности изучить основательно всю груду предметовъ, которымъ тамъ обучаютъ; но я прошу выслушать меня повнимательнѣе, а потомъ уже принимать мой проектъ или отвергать. Предметовъ много, правда; но иные изъ нихъ въ той средѣ, къ которой мы себя приготавливаемъ, если не бесполезны, покрайней мѣрѣ гораздо менѣе полезны чѣмъ иконописаніе; потому не лучше ли выбросить, напримѣръ Еврейскій языкъ, нужный только будущимъ ученикамъ академій (который тамъ и можно изучить) и вставить на его мѣсто классы иконописи? Отъ этихъ класовъ можно ожидать слѣдующей пользы:

1. Между учениками семинарій немало такихъ, которые имѣютъ природную склонность къ рисованію и дарованіе къ живописи. Въ каждомъ классѣ вы непременно найдете двоихъ-троихъ учениковъ, которые порисовываютъ немножко самоучкой, и во время лекцій математики или греческаго языка прилежно расписываютъ карриатурами тетрадки лекцій свои собственныя или своихъ сосѣдей. Теперъ эти дарованія пропадаютъ совершенно безъ пользы для ихъ обладателей, для церкви и общества, потому что не видятъ поддержки, — истощаются въ бесплодныхъ усиліяхъ постигнуть вдохновеніемъ, самоучкой то что дается ученьемъ, навыкомъ. Такой рисовальщикъ много-много успѣетъ, если самъ собою будетъ сносно рисовать акварелью (водяными красками), подражая иллюминированнымъ ли-

тографическимъ эстампамъ, не дерзая даже и думать объ иконописаніи, хоть ему недостаетъ нѣсколько мелочей только, техники. чтобы превзойти многихъ мастеровъ, которые зашибаютъ хорошія деньги, обезображивая сельскія церкви своимъ рисованіемъ, при помощи прорисей и проколотой бумаги. — Если бы въ семинаріяхъ были рисовальные классы, всѣ эти таланты не пропадали бы втуне и доставили бы немало хорошихъ иконописцевъ. Многіе по разнымъ причинамъ не успѣваютъ кончить курсъ, и проучившись лѣтъ восемь или девять, выходятъ въ дьячки. Трудно представить положеніе этихъ людей! Восемь, девять лѣтъ они терли скамьи семинаріи, раззоряли небогатыхъ родителей, и теперь, — иногда съ довольно развитыми понятіями и потребностями и должны цѣлый вѣкъ жить ничтожнымъ дьяческимъ доходомъ! Если бы ихъ въ семинаріи учили хоть немного писать иконы, — какое сердечное спасибо сказали бы они семинаріи, поступивши на мѣсто! Это занятіе, полезное въ дѣлѣ умственнаго развитія, въ то же время давало бы причетнику кусокъ хлѣба, подспорье скуднымъ доходамъ, и средство съ пользою употребить свободное время, остающееся отъ занятій по церкви и домашнему хозяйству. Если онъ изготовитъ въ мѣсяцъ только одну икону, то и скудная плата за нее пригодилась бы ему на разныя нужды. А теперь онъ радъ бы выработать что-нибудь, да не гдѣ; радъ бы работѣ, да нѣтъ ея! Конечно онъ могъ бы учиться сапожному или столярному ремеслу и послѣ поступленія на мѣсто, но тутъ возникаютъ кое-какія неудобства: а) время и охота учиться потеряны; б) мастера, у котораго бы обучился, въ своемъ селѣ нѣтъ, а въ другое село должность не отпустить на недѣлю, не то что на мѣсяцъ или на годъ; в) мастеръ не находитъ полезнымъ учить, потому что видитъ въ ученикѣ будущаго соперника, который стаетъ отбивать у него работу; д) на первоначальное обзаведеніе инструментами столярнаго, стекольнаго и т. п. ремеслъ требуются деньги, а гдѣ ихъ взять? Но десятокъ кистей стоитъ очень не-

дорого, немножко красокъ и золота тоже не раззорять, и послѣ первѣхъ же работъ весь затраченный капиталъ возвратится съ лихвою.

II. Иконописаніе при этомъ выиграло бы. Теперь сплошь да рядомъ случается, что отдають писать икону извѣстному иконописцу потому только, что онъ единственный. Хорошъ онъ или дурень — не взыщите, — каковъ есть, лучше взять не гдѣ. Почтенный мастеръ, понимая, что онъ единственный мастеръ въ уѣздѣ, важничаетъ, говоритъ что вздумается, беретъ сколько хочется за свою плохую работу, и не находитъ нужнымъ учиться, стараться, совершенствоваться. Монополія вредна и въ иконописаніи. Еслибы семинарія изготовляла каждый курсъ хоть по одному иконописцу, дѣло пошло бы лучше. Тогда представилась бы возможность выбирать, сравнивать, прицѣняться. Конкуренція понизила бы цѣны работъ и возвысила достоинство произведеній. Притомъ иконописцы были бы люди все хоть сколько-нибудь да развитые. Представимъ, что въ извѣстномъ селѣ надобно изготовить нѣсколько иконъ для иконостаса, или расписать церковь. Теперь надобно отдать эту работу одному подрядчику. Онъ разсчитываетъ сколько ему обходятся рабочіе, а главное знаетъ, что отдать еще некому, беретъ страшную цѣну, а самъ уходитъ работать въ другую церковь за сто верстъ, не боясь, что ему откажутъ за неисполненіе контракта и проволочку времени. А тогда можно бы, если въ своемъ селѣ нѣтъ иконописца, порядить въ ближайшемъ Работая въ своемъ домѣ, не платя за квартиру и боясь соперничества, мастеръ возьметъ дешевле подрядчика. Соперничество мастеровъ заставило бы работать какъ можно лучше, совершенствовать свое искусство. Теперь иконописецъ зная, что онъ одинъ или почти одинъ, что его собрать не лучше его, что заказчикъ ничего не смыслить въ дѣлѣ иконописанія, беретъ дорого, пишетъ плохо, некрасиво, не прочно, улучшаться не думаетъ. Не зачѣмъ!

Если обратимся съ исторіи искусства, то увидимъ, что изобиліе художниковъ, соперничество школъ — вотъ

что произвело такъ называемый золотой вѣкъ искусства. Кто перечтетъ всѣ имена прославившихся на поприщѣ искусствъ въ XIV и XV вѣкахъ? Это имена знаменитыхъ; сколько же было второстепенныхъ мастеровъ, послужившихъ съ пользою своему искусству въ свое время и потомъ забытыхъ?

III. Введеніе классовъ иконописанія было бы полезно и въ томъ отношеніи, что иконописцы были бы люди не только свѣдущіе въ художествѣ, но и порядочно развитые умственно. Тогда вѣроятно меньше бы встрѣчалось на иконахъ тѣхъ вольностей, которыми оскорбляютъ плохіе живописцы вкусъ простонародья, и тѣхъ ошибокъ, которыми оскорбляютъ вкусъ образованнаго человѣка простые иконописцы. Пишущему эти строки удалось видѣть въ одной церкви на старинной иконѣ *крещеніе Св. пророка Иліи*: маститый іерей, въ фелони и діаконъ въ стихарѣ погружаютъ въ купель младенца, а надъ ихъ головами изгибается дуга купола и виднѣтся крестъ на позлащенной главѣ. Въ другой церкви есть живописное изображеніе (впрочемъ на панели клироса) бѣгства во Египетъ: святое семейство отдыхаетъ на лугу, а изъза кустовъ разбойникъ наводитъ ружье на невиннаго младенца Иисуса! Человѣкъ, немножко поучившійся св. исторіи и катихизису, не сдѣлалъ бы первой ошибки, а прошедшій всеобщую исторію не сдѣлалъ бы второй. Конечно и образованный человѣкъ можетъ не знать иныхъ вещей, но онъ ужъ не станетъ рисовать на-обумъ, что попало и, разумѣется, спросить другихъ. Ученикъ семинаріи изучаетъ археологію, церковную и общую исторію, географію, которыя, если хорошо имъ учился, спасутъ его отъ множества ошибокъ, неизбѣжныхъ для неученаго хотя бы и талантливаго художника.

IV. Наконецъ, едва ли найдется для духовнаго лица занятіе болѣе приличное его сану и болѣе удобное по его общественному положенію. Доходы ограничены и скудны; торговлею заниматься запрещаютъ каноны церковные; земледѣліе, особенно для священника,

по многимъ причинамъ неудобно; объ неудобствахъ другихъ ремесль было уже говорено:— что можетъ быть лучше этого тихаго, прекраснаго и богоугоднаго занятія? Кто другой можетъ такъ заботиться объ украшеніи, и такъ прилично украсить храмъ Господень, какъ служитель алтаря? По самому роду своихъ занятій духовное лицо, особенно священникъ, долженъ имѣть это тонкое чувство церковности, приличія, храмоваго этикета, если можно такъ выразиться, — чувство, которое дается только постоянному размышленію о священныхъ предметахъ. Человѣкъ, который постоянно слышитъ или читаетъ евангеліе, поетъ или читаетъ церковныя пѣснопѣнія и молитвы, самъ того не замѣчая, невольно проникается церковностію, духомъ церкви, ея взглядами и преданіями, и если онъ возьмется за кисть, его произведенія, безъ его даже вѣдома, будутъ отзываться церковнымъ стилемъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ желательно, чтобы иконописаніе введено было въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ во всѣхъ семинаріяхъ. Одинъ или два класса въ недѣлю, въ тѣ часы, когда ученики свободны отъ занятій, совершенно достаточны. Предложить ходить на эти классы только имѣющимъ способность и охоту къ занятіямъ живописью. Записокъ, лекцій не давать, исключая развѣ самыхъ легкихъ замѣтокъ на память: когда, кѣмъ изобрѣтено письмо на маслѣ, что такое альфреско, энкавстика, акварель, гуашь, пастель, мозаика; имена свѣтилъ и корифеевъ искусства и т. п. Чѣмъ больше практики и меньше тетрадокъ, тѣмъ лучше. Пусть ученики записываютъ сами каждый чтó найдетъ нужнымъ и интереснымъ въ лекціяхъ и книгахъ. Пусть рекомендаціей наставника и учениковъ на экзаменѣ будетъ не твердое знаніе лекцій, а хорошія иконы. Эти иконы, показываемыя посѣтителемъ экзаменовъ, могутъ привлечь заказчиковъ, покупателей ученическихъ работъ, выгодно рекомендовать училище.

Такимъ образомъ мы незамѣтно дошли до послѣдняго вопроса, о томъ, изъ какихъ суммъ производить издержки на жалованье наставнику и на рисоваль-

ные матеріалы для учениковъ? Впервыхъ, ученическія работы, будучи пущены въ продажу, могутъ доставить какой-нибудь доходъ, хоть на карандаши — и то довольно! Можно полагать, что за лучшія ученическія произведенія, одобренныя начальствомъ и знатоками, дадутъ хорошія деньги. Вовторыхъ, можно назначать умѣренную плату съ учениковъ, напр. хоть по 5 р. въ годъ, съ тѣмъ. чтобы они уплачивали эти деньги по поступленіи на мѣсто. Кромѣ этихъ источниковъ вѣроятно найдутся покровители искусства особенно изъ купечества и духовенства, которые не оставятъ училище пособіями и заказами. Наконецъ и правительство найдетъ средства восполнить недостающее жалованьемъ, наградами и поощреніями.

Для тѣхъ, которые должны были выйти еще изъ училища, можно бы устроить иконописныя школы при монастыряхъ на средства этихъ монастырей. Такіе исключенные обыкновенно и безъ того поступаютъ въ послушники, чтобы на практикѣ изучить чтеніе, пѣніе и уставъ церковный. Время, остающееся у нихъ отъ службы, прекрасно было бы употребить на обученіе иконописанію и, пожалуй, малярному ремеслу. Иконописцемъ можетъ быть не всякій, а малярномъ всякій. Это все-таки ремесло доходное и такое, которое нужно при церкви: окраска половъ, крышъ, рамъ, дверей, кіотовъ, иконостасовъ, раскрашиванье стѣнъ архитектурными орнаментами, колоннами, карнизами, касетонами, — все это отдается первому встрѣчному и тѣмъ за высшую цѣну, чѣмъ больше онъ умѣетъ расхвалить себя и свое искусство. Какой-нибудь знающій инокъ бесплатно былъ бы преподавателемъ, а продажа иконъ вознаграждала бы издержки на школу. Въ средніе вѣка монастыри были хранилищами и разсадниками наукъ и просвѣщенія а нынче они могли бы быть школами и разсадниками православнаго иконописанія. Отрадное впечатлѣніе въ этомъ отношеніи производятъ школы иконописи для сестеръ, съ значительнымъ количествомъ копій съ высокыхъ оригиналовъ, въ Серафимо-Дивѣевскомъ (Тамб. Еп.) и Серафимо-

Понетаевскомъ (Ниж. г.) монастыряхъ. Десятки благочестивыхъ сестеръ и юныхъ ученицъ, по завѣщанію достоуважаемаго старца Саровскаго Серафима, съ неутомимою любовью занимаются этимъ богоугоднымъ искусствомъ, начиная и кончая работы общею молитвою препод Алипію, покровителю русскихъ иконописцевъ. Маленькія крестьянскія дѣвочки въ невѣроятномъ короткое время дѣлаютъ поразительные успѣхи въ рисованіи. Не въ святой ли любви къ Богу и искусству тайна этихъ изумительныхъ успѣховъ? Много можетъ въра любовію споспѣшествуемая! Въ Понетаевской обители есть даже мозаическое заведеніе, явленіе не виданное и не слыханное въ провинціи! Вотъ примѣры достойные подражанія!

Коротко сказать: если чѣмъ-нибудь можно улучшить незавидное состояніе иконописанія, то это заведеніемъ школъ иконописи, въ какомъ бы то родѣ и видѣ ни было: классы при семинаріяхъ, школы при монастыряхъ; спеціальныя училища живописи, ежедневныя или воскресныя, съ платою или безъ платы, — во всякомъ случаѣ онѣ увеличатъ число хорошихъ иконописцевъ и возвысятъ иконописаніе.

Другимъ пособіемъ возвышенію иконописанія можно почестъ изданіе образцовыхъ рисунковъ для иконописцевъ, снимковъ съ древнихъ, а также и съ новѣйшихъ замѣчательныхъ произведеній въ этомъ родѣ живописи. Если основать особый журналъ для иконописцевъ съ статьями, исключительно посвященными искусству, съ фотографическими снимками древнихъ иконъ, съ хромолитографическими или ужъ хоть просто литографическими копіями образцовыхъ произведеній иконописи, — смѣло можно сказать, что онъ не окупится. Онъ будетъ обходиться дорого, а подписчиковъ найдется мало, потому что иконописцевъ мало, а читающихъ между ними еще меньше. Хорошо бы было если бы духовные журналы прилагали повременамъ снимки съ замѣчательныхъ иконъ Исакіевскаго, Казанскаго, Московскаго Успѣнскаго, Кіевософійскаго храмовъ и вообще съ произведеній религіозной живописи. Первое яв-

леніе Христа народу, Христось и Магдалина—Иванова, Христось и грѣшница — Синьоля и Тиціана, паденіе Іерусалима, Василій Великій—Шебуева, Богородица съ Предвѣчнымъ младенцемъ—Бруни, Моленіе о чашѣ—его же, Вознесеніе Божіей Матери—Брюлова, Христось на Голгофѣ—Штейбена, Паденіе Іерусалима—Каульбаха, Семь Ангеловъ и четыре всадника (изъ Апокалипсиса)—Корнеліуса, Столпотвореніе Вавилонское — Каульбаха и т. п. картины въ снимкахъ даютъ хоть неполное, но значительное понятіе о томъ, что такое живопись въ своихъ высшихъ проявленіяхъ. Это цѣлыя эпопеи, драмы на полотнѣ. Онѣ можетъ-быть негодятся для буквального копированія на стѣны церквей, но онѣ возбуждаютъ дремлющій талантъ къ подражанію; онѣ возбуждаютъ святую скорбь по идеаламъ искусства, онѣ руководятъ желающихъ учиться. Имѣющій очи видѣть долго проглядитъ на нихъ и унесетъ для себя немалыя назиданія и замѣтки. Это замѣтна школы, картинной галереи. Всякій, кто любитъ живопись и занимается рисованіемъ, конечно поминаетъ добрымъ словомъ «Живописное Обзорѣніе.» Оно познакомило многихъ съ міромъ искусства и именами Рафаеля и Тиціана; оно возбудило во многихъ любовь къ искусству, обогатило ихъ полезными свѣдѣніями, образовало нѣсколько вкуса.—Наконецъ нѣкоторымъ пособіемъ къ развитію и улучшенію иконописанія послужило бы помѣщеніе въ духовныхъ журналахъ статей по части искусствъ. Эти статьи: а) знакомили бы духовенство съ искусствомъ, которое для большей части читателей духовныхъ журналовъ теперь еще terra incognita, потому что въ духовныхъ журналахъ почти ничего по этой части не встрѣчается, а свѣтскіе не всякому изъ духовныхъ сподручны, да свѣтская журналистика по этой части замѣчательно бѣдна. в) Эти статьи развивали бы вкусъ духовенства и пробуждали любовь къ предметамъ, которые воишь ея стоятъ. Изящное, міръ искусства, — лучшее противоядіе скукѣ, обуяющей въ деревнѣ, тѣмъ мѣлочамъ и дразгамъ, кои раздражаютъ, опутываютъ и пачкаютъ, кои притупляютъ вся-

кое доброе стремленіе и повергаютъ въ апатію. Чтеніемъ, созерцаніемъ великихъ произведеній искусства освѣщается душа и съ новою бодростію стремится къ истинному и прекрасному. с) Это отразилось бы и на иконописаніи. Священникъ, знакомый съ художествами, не станетъ смотрѣть безучастно на иконы, которыя пишутся для его церкви, а иконописецъ, слыша его замѣчанія, постарается ихъ запомнить, да и писать станетъ не *какъ-нибудь*, видя, что его работой интересуются. Статьи духовныхъ журналовъ въ чтеніи, или изустной передачѣ, принесли бы пользу искусству и церкви, образуя иконописцевъ.

Свящ. В. Владимірскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНИЯ 1866 ГОДА.

I.

Май, июнь, июль, и августъ.

Стран.

1. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви.	3—51,	177—223
2. Храмъ Божій—стражъ Божій.		52—76
3. Радость христіанна.		77—84
4. Нѣкоторыя древне-русскія поученія объ иноческой жизни.	85—97,	244—255
5. Житіе святыхъ благовѣрныхъ княгини Ольги.		98—117
6. О распутствѣ.		118—132
7. Разказъ бывшаго старообрядца объ его жизни въ расколѣ и обращеніи въ православіе.		133—176
8. Доблестная жена.	226—243,	273—293
9. Пареміи		256—272
10. Слово въ день святаго равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра.		294—306
11. Размышленіе на 33-й псаломъ.		307—320
12. Рѣчь архимандрита Игнатія, ректора Московской семинаріи, по нареченіи его во епископа Можайскаго. .		321—322
13. Отвѣтъ на нее члена святѣйшаго Синода, высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго.		323
14. Его же рѣчь къ преосвященному Игнатію, новорукположенному епископу можайскому.		324—325
15. По поводу предостереженій противъ холеры. Поученіе въ праздникъ Преображенія Господня		326—332

II.

(ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ).

Май, іюнь, іюль, и августъ.

Стран.

1. Записки Урсулскаго миссіонера, іеромонаха Смарагда, за 1865 годъ.	1—9
2. Предвкусеніе силы грядущаго вѣка. (Разсказъ).	10—19
3. Воспомяніа юности.	19—31, 45—58
4. Слово Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго предъ совершеніемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія о сохраненіи жизни благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича отъ злодѣйскаго покушенія убійцы 6 апрѣля 1866 года.	31—39
5. Въ память въ Бозѣ почившаго Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича.	39—43
6. Открытіе мужскаго единовѣрческаго монастыря на преобразженскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ.	44
7. Изъ записокъ Кебезенскаго миссіонера алтайской духовной миссіи іеромонаха Дометіана за 1863 годъ. ...	58—62
8. Чудо милости Божіей во время чтенія Евангелія за литургіей.	62—70
9. Отчетъ попечительнаго учрежденія о бѣдныхъ, живущихъ въ трехъ-святительскомъ приходѣ	70—75
10. Изцѣленіе.	76
11. Сила молитвы къ ангелу хранителю.	77—81
12. Изъ быта крестьянъ. (Разсказъ).	82—93
13. Вразумленіе и исправленіе пьяницы.	93—104
14. Забѣтки о святцахъ г. Солнцева.	104—107
15. Изъ быта крестьянъ.	109—126
16. Домашняа бесѣда священника съ прихожанами по случаю хорошаго урожая.	126—134
17. Разсказъ очевидца о случившемся въ 1848 году.	135—142
18. Впечатлѣнія богомольца въ Троицкой лаврѣ и Скитѣ. .	
19. Нѣчто о теперешнемъ состояніи иконописанія.	